

ИРАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1978—1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИРАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1978—1979

Причины
и уроки

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1989

Авторы: Л. Е. АВДЕЕВА, доктор исторических наук С. М. АЛИЕВ, доктор экономических наук А. З. АРАБАДЖЯН, кандидат экономических наук З. А. АРАБАДЖЯН, кандидат исторических наук А. М. БИНИНАШВИЛИ, кандидат исторических наук Е. А. ДОРОШЕНКО, кандидат исторических наук О. И. ЖИГАЛИНА, В. К. ЗОТОВ, кандидат филологических наук В. Б. КЛЯШТОРИНА, кандидат исторических наук М. И. КРУТИХИН, кандидат исторических наук Л. М. КУЛАГИНА, кандидат исторических наук А. К. ЛУКОЯНОВ, кандидат экономических наук Н. М. МАМЕДОВА, кандидат исторических наук В. Н. ПЛАСТУН, кандидат экономических наук Д. С. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, кандидат исторических наук Л. Е. СКЛЯРОВ (ответственный секретарь), кандидат исторических наук А. П. ШЕСТАКОВ, кандидат исторических наук В. И. ЮРТАЕВ.

Ответственный редактор

А. З. АРАБАДЖЯН

Рецензенты

Н. А. КУЗНЕЦОВА, Е. А. ОРЛОВ,
В. Г. ХОРОС

Утверждено к печати

Институтом востоковедения АН СССР

И $\frac{0803000000-042}{013(02)-89}$ 149-88

ББК. 63.3(0)6 (5Ирн)

ISBN 5-02-016676-6

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

Революция 1978—1979 гг., ликвидировавшая в Иране монархию, стала заметным явлением послевоенного периода даже на фоне такого важного процесса, как распад колониальной системы империализма. И это естественно, так как произошла она в стране, которая, ведомая монархическим режимом, сумела за предшествовавшие два десятилетия сделать крупные шаги на пути преодоления экономической отсталости, в несколько раз нарастить экономический потенциал, провести целую совокупность насущных социально-экономических реформ и занять одно из ведущих мест среди тех развивающихся стран, перед которыми открывалась возможность перехода в разряд стран развитого капитализма.

Огромный интерес мировой общественности к иранской революции понятен. Не меньший интерес, чем сама революция, вызвала политика созданной после крушения монархии Исламской Республики Иран, власть в которой оказалась в руках шиитских богословов. Этот интерес объясняется прежде всего возрастающим с каждым годом глубоким противоречием между деятельностью исламского режима и теми лозунгами, под которыми совершалась революция.

Задача настоящей монографии состоит в том, чтобы дать анализ обоих явлений.

Как сама революция, так и последовавшие за ней события вызвали к жизни огромную литературу. Это прежде всего книги и иные публикации иранских авторов. Важные уже по содержащимся в них материалам фактографического характера, они представляют большой интерес и потому, что дают исследователю возможность ощутить, сколь многогранны оказались по своим социально-политическим характеристикам борьба с монархией и жизнь послереволюционного Ирана.

Весьма обильна и западная буржуазная историография. Особое место в ней заняла историография американская, что не вызывает удивления: по позициям американского империализма в Иране революция нанесла ошеломляющий удар. В американской научной литературе по рассматриваемому вопросу успели сложиться разные направления (если не школы). В целом есть достаточно оснований сказать, что американские авторы в ряде случаев дают объективную оценку событиям в Иране, и, если их рассматривать как представителей американского общества, оценку, не лишенную самокритичности.

Немалый интерес представляет успевшая народиться мему-

арная литература, вышедшая из-под пера лиц, составлявших в годы революции верхушку американского истеблишмента.

Естественно, феномен иранской революции, а также историю послемонархического периода изучают и советские иранисты, как и иранисты некоторых других стран социалистического содружества. В опубликованных ими книгах и статьях рассматриваются как отдельные эпизоды этой революции, так и революционный процесс в целом. Немало внимания уделено анализу деятельности установившегося после падения монархии исламского режима. В связи с этим к данной монографии приложен историографический обзор советской литературы по рассматриваемым в ней проблемам (см. Прил. 8).

Авторский коллектив попытался дать комплексное исследование феномена иранской революции 1978—1979 гг. — ее предпосылок, причин, истории штурма института монархии и уроков революции, извлечь которые дает возможность история Исламской Республики Иран.

При самом общем объяснении мы можем сказать, что причины революции заключались в нежелании широких масс мириться дальше с авторитарным характером монархической власти, который она приобрела с начала 60-х годов. Конкретизируя это объяснение, отметим, что революция имела социально-экономические, политические и идеологические причины, при этом каждая из них представляет собой совокупность ряда предпосылок, которые именно в сочетании слагаются в причину. В свою очередь, каждая из названных групп причин сама по себе не могла бы породить революцию; лишь сложившись вместе во времени в силу конкретно-исторической действительности Ирана 60—70-х годов, они подвели страну к антимонархической, антиимпериалистической народной революции.

Хотя по перечисленным выше внешним признакам революция 1978—1979 гг. напоминает первую иранскую революцию (1905—1911), которая произошла в пору, когда процесс формирования перехода иранского общества от феодализма к капитализму лишь начинался, в числе ее предпосылок сложились такие принципиально важные, которых в период первой революции не было и в помине. В канун революции 1978—1979 гг. капиталистический уклад стал системообразующим (т. е. преобладающим в своих интересах докапиталистические уклады) и господствующим (основная масса общественного продукта стала производиться в рамках этого уклада). Эти качества капиталистического уклада, взаимосвязанные и отмеченные большим динамизмом, составили глубинную социально-экономическую предпосылку революции.

Революция имела и чисто экономическую предпосылку. Ею стал экономический кризис, вызванный резким обострением народнохозяйственных диспропорций (как в сфере производства и распределения, так и в сфере обмена и потребления — и производственного и личного). Явилось это обострение результа-

том использования резко возросшего притока нефтедолларов без учета абсорбирующих возможностей народного хозяйства и недооценки потребностей низших форм общественной организации производительных сил.

Среди совокупности политических предпосылок главной стал доведенный до деспотизма режим личной власти в условиях попранных конституционных свобод и военно-политического союза с империализмом (прежде всего американским).

Многопричинность иранской революции 1978—1979 гг.— еще одно подтверждение того, что революции закономерны, но каждая конкретная революция не является фатально неизбежной. В основе закономерности лежит неразрывная связь между историческими условиями и общественной практикой людей, которая становится революционной только в том случае, если человеческая деятельность и изменение объективных условий совпадают по своей исторической направленности.

* * *

Коллектив авторов выражает признательность кандидату экономических наук В. П. Цуканову за активное участие в разработке концепции данной монографии.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Сдвиги в социально-классовой структуре иранского общества в канун революции

Ко времени революции 1978—1979 гг. капиталистический уклад успел стать не только ведущим, но и господствующим в экономике страны. Однако традиционные уклады все еще занимали значительные позиции в народном хозяйстве, прежде всего по доле занятых в них. Это определяло социально-экономическое положение немалой части самодельного (экономически активного) населения, а тем самым и населения страны в целом¹. Процесс же форсированного капиталистического развития Ирана в 60—70-е годы, неизбежно воздействовавший на традиционные уклады (как угнетая, так и преобразуя их), приводил к тому, что межукладные пропорции как количественные характеристики неадекватно отражали социальную обстановку в обществе, прежде всего по линии социально-политической борьбы, в той мере, в какой она определялась многоукладностью. Масштабность же капиталистического уклада и уровень его развития оказывались достаточными, чтобы в стране протекал процесс обострения специфически капиталистических противоречий.

Верхнюю ступень социально-классовой структуры иранского общества занимала накануне революции шахская семья. Годы быстрого экономического развития страны привели к эволюции царствовавшего дома, который превращался из феодално-го землевладельца в капиталистического предпринимателя. Сестра шаха Ашраф и другие его многочисленные родственники стали в значительных масштабах вкладывать свои средства в промышленность, финансы и другие отрасли экономики, входили в директораты многих крупных промышленных групп и банков. Активное проникновение шахского дома во все сферы экономической жизни привело к созданию так называемой дворцовой монополии².

В стране шел процесс формирования монополистических групп и государственно-монополистических объединений.

По признаку отношения к средствам производства социально-классовая структура иранского общества имела следующие характеристики. В 1976 г. при общей численности населения

33,7 млн.) человек в стране насчитывалось 8,8 млн. занятых, 182 тыс. работодателей противостояли 4,7 млн. работавших по найму (из них 3 млн. в частном секторе и 1,7 млн. в государственном)³. Деятельность 56% самодеятельного населения так или иначе была связана с куплей-продажей рабочей силы, хотя отнюдь не весь наем был капиталистическим. Об условности отнесения всей наемной рабочей силы к категории капиталистической по-своему свидетельствует наличие такого своеобразного привеска к этому социально-экономическому явлению, как 1 млн. семейных работников, не получавших заработной платы. Они составляли 11% общего числа занятых.

Другой принципиально важной чертой социально-классовой структуры иранского общества в канун революции были так называемые самостоятельные работники, т. е. лица, в значительной степени связанные с традиционными укладами и низшими формами капиталистического предпринимательства. Их численность превышала 2,8 млн., что составляло около 32% общего числа занятых.

Если обратиться к отдельным народнохозяйственным отраслям⁴, то окажется, что в сельском хозяйстве (общее число занятых — 2991 тыс.) доля работавших по найму составляла 22%, семейных работников — 20, самостоятельных работников — 57%. Из этих данных следует, что отношения найма, тем более капиталистического, в этой отрасли не были господствующими. Однако, хотя преобладал труд самостоятельных работников, 22% работавших по найму с точки зрения развития капиталистических отношений не были фактом малозначущим.

В обрабатывающей промышленности (общее число занятых — 1672 тыс.) доля работавших по найму составляла 54%, семейных работников — 25 и самостоятельных работников — 18%. Здесь картина была принципиально иной: доминировал наемный труд. Однако для целей данного исследования простая констатация этого факта недостаточна. Дело в том, что к рассматриваемому времени в Иране сложился мощный по функциональному назначению и численности (по масштабам страны) отряд фабрично-заводского пролетариата. В 1975/76 г. численность его превосходила 170 тыс. человек, и занят он был примерно на 400 современных по оснащению самых крупных заводах и фабриках в 20 отраслях обрабатывающей промышленности⁵. Средняя численность занятых на одном таком предприятии достигала 425. Каковы были социально-политические потенции фабрично-заводского пролетариата, составлявшего лишь около 10% всех работавших в обрабатывающей промышленности, показала революция 1978—1979 гг.

От 800 тыс. до 900 тыс. человек из числа занятых в обрабатывающей промышленности (или от 48 до 54%) составлял так называемый нефабричный пролетариат⁶. Около 18% приходилось на семейных работников и примерно 25% — на самостоятельных работников.

Большой отряд лиц, работавших по найму, был занят в строительстве (общее число занятых в отрасли 1,2 млн.). Их доля составляла 90%. Определить, какова была доля некапиталистического найма, практически невозможно. Однако, если учесть характер объектов, возводившихся в Иране 60—70-х годов, станет очевидным, что в основном контингент строительных рабочих использовался на капиталистической основе. На долю самостоятельных работников приходилось примерно 8%.

Работавшие по найму на транспорте (общее число занятых в отрасли — 431 тыс.) составляли 63%, а самостоятельные работники — около 35%. Знание иранской действительности 60—70-х годов позволяет считать эти цифры достоверными.

Скромное место по числу занятых (90 тыс.) занимала добывающая промышленность. При этом 88 тыс. человек, или 98%, работали по найму. Эти 88 тыс. человек составляли всего лишь 1% общего числа занятых в стране. Из них 44 тыс. приходилось на нефтедобывающую и газовую промышленность (0,5% общего числа занятых в стране), где наем практически полностью был капиталистическим. В остальных добывающих отраслях промышленности доля найма составляла около 99%. Если учесть, что в 60—70-е годы в стране была создана черная металлургия полного цикла производства, развернута добыча и переработка меди в масштабах, имеющих мировое значение, опять-таки будет основание считать, что капиталистический наем безраздельно господствовал в добывающей промышленности в целом. Анализ социально-классовой структуры занятого населения Ирана, в частности в нефтедобывающей и газовой промышленности, в канун революции еще раз показывает, сколь относительно значение абсолютных величин и сколь остра необходимость брать их в контексте всего хозяйства и всей жизни общества, чтобы верно оценить социально-политические потенции, заложенные в отдельных ее элементах. В данном случае достаточно вспомнить о роли, которую сыграли в революции забастовки нефтяников — более чем скромного по масштабам отряда лиц наемного труда.

Развитие капитализма в Иране 60—70-х годов привело к быстрому расширению финансовой и банковской сферы¹. Общее число занятых в финансах и страховании составляло 100 тыс. Из них по найму работали 84% (учитывая современный характер этой отрасли, их можно отнести к работающим по капиталистическому найму). Около 13% составляли самостоятельные работники. Они вполне вписываются в иранскую действительность, если учесть, что ростовщичество и торговля валютой, осуществлявшиеся частными лицами (менялами), все еще были характерны для Ирана рассматриваемой поры.

Разбор социально-экономической структуры Ирана не был бы достаточно полон без данных о торговле и сфере услуг, особенно чутко реагирующих на развитие производительных сил в области материального производства.

Численность занятых в торговле превышала 668 тыс. Из них по найму работали 26%. Доля семейных работников составляла 1,7%. Самостоятельные работники занимали доминирующее место — 64,6%. Таким образом, по охвату капиталистическими отношениями торговля шла даже за сельским хозяйством (там этот показатель, напомним, составлял 57%). Но в то же время с точки зрения специфически капиталистической роли, которую торговля играла в процессе расширенного воспроизводства общественного продукта (реализация прибавочной стоимости), ведущим был сектор, где она базировалась на использовании наемного труда.

Численность занятых в сфере услуг составляла 1,5 млн. Из них 92% приходилось на лиц, работавших по найму. Даже при значительном уменьшении этой величины за счет отнесения части занятых к работавшим по некапиталистическому найму можно сказать, что и в этой сфере преобладал капиталистический наем. Это увязывается с высокими темпами развития современных производительных сил в рассматриваемой области. Число самостоятельных работников составляло 99 тыс., или 6,5% общего числа занятых в отрасли. Из рассмотренных отраслей сфера услуг по данному показателю стоит на предпоследнем месте, перед добывающей (1%).

Приведенные выше цифры позволяют несколько конкретизировать политэкономическое содержание указанного в начале изложения факта — 4745 тыс. человек (или 54% самодеятельного населения) были связаны так или иначе с наймом. Теперь мы можем сказать, что из них примерно 3350 тыс. (или более 70%) было занято на базе капиталистического найма⁸. Уже одно это позволяет считать, что капиталистический уклад был доминирующим; если же учесть его практически полное господство в добывающей промышленности, энергетике, финансах, ведущие позиции в обрабатывающей промышленности и торговле, а также абсолютное господство в государственном секторе, который был превращен в «королевский домен», экономическую базу режима личной власти (безотносительно к отрасли), есть основание утверждать, что он был и господствующим.

Рассмотрим теперь основные черты социальной структуры города накануне революции, совершенной практически городским населением.

Общее число занятых в городах составляло 4113 тыс. При этом 142 тыс. работодателям (буржуазии), или 3,5% всех занятых, противостояли 3 млн. работавших по найму (72%) и 85 тыс. семейных работников (2%). Из этого следует, что политэкономической доминантой социальной структуры города являлся наемный труд. Но значительна была и доля традиционного производства, представленного почти миллионной армией самостоятельных работников (22,2%).

Основными отраслями, в которых была сосредоточена город-

ская буржуазия), являлись торговля — 45 тыс. человек (31%), обрабатывающая промышленность — 43 тыс. (30%), строительство — 17 тыс. (12%), сфера услуг — 15 тыс. (10%), транспорт — 8 тыс. человек (5%). На фоне других отраслей заметной была доля предпринимателей, подвизавшихся в так называемом городском сельском хозяйстве, — 9 тыс. человек (6%)⁹.

Быстрый процесс развития капитализма в ходе индустриализации страны привел к росту бюрократической буржуазии и высшего аппарата государственных и частных предприятий (около 3,5 тыс. человек).

Многочисленной прослойкой в социальной структуре городского общества Ирана стали в канун революции научно-техническая и творческая интеллигенция (470 тыс. человек), конторские и прочие служащие (около 400 тыс. человек)¹⁰.

Особое место по своим социально-психологическим и (как стало очевидно в связи с революцией) политическим потенциям занимало в городском обществе мусульманское духовенство как корпоративное сословие (насчитывавшее несколько десятков тысяч человек).

Поскольку (в данном случае в связи с социальной структурой общества) количественная характеристика сама по себе не раскрывает экономической (равно как и политической) значимости того или иного класса, или социального слоя, или социальной прослойки, необходимо отметить следующее обстоятельство, важное для оценки социально-классовой структуры предреволюционного Ирана. Хотя городская предпринимательская буржуазия (исключая мелкую) составляла около 140 тыс. человек, основные рычаги экономической власти находились в руках примерно 300 семей представителей крупной монополизировавшейся буржуазии. Среди них можно назвать, в частности, семьи Ладжеварди, Хосровшахи, Гасемие, Резаи, Фарманфармаянов, Бархордаров, Ирвани.

60—70-е годы характеризовались не только образованием и ростом монополий, но и ярко выраженной тенденцией к слиянию промышленного и банковского капитала, тесного переплетения интересов представителей этого капитала. Так, в 1973 г. промышленная группа «Шахриар», принадлежавшая в основном семейству Резаи, создала банк «Шахриар» с оплаченным капиталом 4 млрд. риалов. Промышленной группе «Шахриар» принадлежало 45% акций (1,8 млрд. риалов) этого банка, 40% акций приобрели такие крупные предприниматели, как Мохаммед Таги Бархордар — член директората Банка развития промышленности и рудников, участник группы «Парс Тосиба», Рахим Ирвани из промышленной группы «Мелли», Хосейн Гасемие из группы «Парс». Этот же период характеризовался созданием предпринимательских союзов буржуазии — торгово-промышленных палат, отраслевых ассоциаций и пр.¹¹.

Из 2750 тыс. человек, представлявших в городском обществе Ирана наемный труд (что дает основание рассматривать их

как пролетариат в широком смысле слова), буржуазии противостоял прежде всего фабрично-заводской пролетариат, представленный 240-тысячным отрядом рабочих, занятых на крупных предприятиях (с числом занятых от 50 и более)¹², сердцевину которого составляли упоминавшиеся выше 170 тыс. рабочих, трудившиеся на предприятиях со средним числом занятых 425; отрядом из примерно 190 тыс. человек, работавших на предприятиях с числом занятых от 10 до 50; 100-тысячным отрядом занятых на предприятиях с числом работников до 10¹³. В добывающей промышленности было занято более 50 тыс. рабочих, в строительстве — 470 тыс., в энергетике и водоснабжении — 50 тыс., на транспорте — более 200 тыс., в торговле — более 150 тыс., в сфере услуг — более 1,2 млн., в пригородном сельском хозяйстве и финансах — по 80 тыс. человек. Таким образом, взятый в широком смысле слова, пролетариат Ирана составлял самый многочисленный класс городского общества.

Однако, как и в других развивающихся странах, пролетариат был очень сложным и многослойным по политэкономической структуре. С полным основанием можно говорить о наличии в нем кроме фабрично-заводского пролетариата также дофабричного пролетариата и предпролетариата. К последней категории с некоторой долей условности можно отнести работавших на мелких предприятиях (безотносительно к отрасли) с числом занятых до 10¹⁴. По нашей оценке, из лиц наемного труда в городском обществе Ирана к пролетариату фабрично-заводского типа (т. е. безотносительно к отрасли, с чисто политэкономической точки зрения) можно отнести 1,7 млн. человек¹⁵.

В мелкой буржуазии иранских городов преобладали традиционные слои, не использующие регулярно наемный труд. В их состав входило около 1 млн. человек, в том числе в пригородном сельском хозяйстве — 122 тыс., обрабатывающей промышленности — 177 тыс., строительстве — 74 тыс., торговле — 335 тыс., на транспорте — 111 тыс., в сфере услуг — 81 тыс., финансах 12 тыс. человек (вероятно, ростовщики, менялы и пр.). Мелкая буржуазия, использовавшая систематически наемный труд, составляла лишь 85 тыс. человек; из них в сфере услуг было занято 5 тыс., в сельском хозяйстве — 9 тыс., обрабатывающей промышленности — 32 тыс., розничной торговле — 33 тыс., ресторанном и гостиничном деле — 6 тыс. человек. Отдельных представителей этого отряда мелкой буржуазии можно было бы отнести к клану буржуазии, однако достоверно провести подобное расчленение не представляется возможным.

Около 350 тыс. человек из занятого населения были военнослужащими.

В городах было зарегистрировано более 190 тыс. безработных, ищущих работу, и более 32 тыс. сезонно безработных, или 5,4% всего занятого городского населения. Безработные были лишь частью городских низов (по преимуществу люмпенов и

пауперов), куда входили также мельчайшие торговцы, ремесленники, лица, занятые в сфере услуг, и пр. По мнению иранских профсоюзов, в 1977/78 г. только в тегеранских трущобах обитало 500 тыс. Их положение было очень тяжелым. Так, семьи из пяти-девяти человек вынуждены были ютиться в девятиметровых комнатах¹⁶.

По данным голландского исследователя Воутера ван Гинникена, в 1975/76 г. в иранских городах было 489 тыс. бедных семей (15% общего числа городских семей). При этом за критерий бедности он взял доход в размере 7550 риалов в месяц на семью из пяти человек¹⁷. Иначе говоря, в бедных семьях насчитывалось около 2,5 млн. человек. Однако представляется (на основе экспертной оценки), что к городским низам следует относить не более 1,5 млн. человек.

Как уже указывалось, деревенское общество Ирана по набору отраслей не отличалось от городского. Но весьма существенные различия имелись, и это естественно, в удельном весе занятых в одних и тех же отраслях.

При общей численности занятых в деревенском обществе 4687 тыс.¹⁸ 40 тыс. работодателей противостояли 1800 тыс. работавших по найму.

Если говорить о деревне как сфере земледельческого производства и животноводства, противостоящей промышленному труду, то приведенные данные уже позволяют говорить о том, что далеко зашедшему распространению отношений найма сопутствовал все еще сильный традиционный сектор. Сельское хозяйство в целом (и в этом смысле «деревня») вступило в этап мелкобуржуазности, поскольку, в частности, самостоятельные работники использовали в той или иной степени наем рабочей силы, а произведенная ими продукция сбывалась на рынке, уже ставшем в принципе сферой обмена товаров в условиях господства капиталистических отношений.

Приведенная выше характеристика основывается и на учете того, что, по уже упоминавшейся экспертной оценке, в полный капиталистический наем было втянуто около 300 тыс. человек. Учтено также то обстоятельство, что помещичий класс страны в результате аграрных реформ 60—70-х годов был в существенной степени втянут в капиталистическое производство.

Что касается количественной характеристики помещичьего класса — вопроса весьма не простого, — то представление о нем могут дать расчеты советского ираниста-аграрника А. И. Демина. Они показывают, что в 1974/75 г. число хозяйств с обрабатываемой площадью от 50 до 100 га составляло 16,3 тыс., а более 100 га — 9,6 тыс. Таким образом, крупных хозяйств было около 26 тыс.¹⁹. Правда, едва ли можно все эти хозяйства называть помещичьими в традиционном понимании. Изменение социально-экономических условий бытия общества не могло не затронуть поместный класс, и поэтому многие его предста-

вители в известной степени трансформировались из полуфео-
дальных помещиков в помещиков капиталистических. Тем са-
мым политэкономическое различие между землевладельцем,
род которого владеет землей сотни лет, но сам он ведет хо-
зяйство по капиталистическому образцу, и таким же земле-
владельцем, купившим свою землю 5—10 лет назад, оказалось
стерто.

В остальных отраслях примерно 13 тыс. работодателям про-
тивостояло около 1220 тыс. лиц наемного труда. Самостоятель-
ные работники, их было более 300 тыс., представляли собой как
бы цесельскохозяйственную деревенскую мелкую буржуазию.
Эта группа, взятая вместе с самостоятельными работниками,
занятыми в сельском хозяйстве (в сумме — около 1900 тыс. че-
ловек), составляла наиболее многочисленный слой иранской
деревни, если учесть, что общая численность лиц наемного тру-
да в деревенском обществе (пролетариат в широком смысле)
равнялась, как уже было отмечено, 1800 тыс. человек. В фор-
мировании столь высокой численности лиц наемного труда в
деревне ведущую роль играло сельское хозяйство (32% общего
числа лиц наемного труда в деревенском обществе). На долю
обрабатывающей промышленности приходилось более 290 тыс.
человек (16%). Своеобразную аномалию (скорее всего стати-
стического характера) представляла строительная отрасль, за
которой числились 580 тыс. лиц наемного труда (33%). До-
вольно высокая доля услуг (11%) представляется понятной,
если учесть быстрый рост этой сферы в экономике в целом.

Проведенный выше анализ свидетельствует о том, что про-
цесс классообразования в стране еще не был завершен. Име-
лись существенные количественные и качественные различия в
социально-классовой структуре города и деревни. В городе ка-
питализм охватил гораздо большее число самостоятельного на-
селения, чем традиционное производство. В деревне же соотно-
шение сохранялось в пользу последнего. Вместе с тем такой
существенно важный критерий степени капиталистического раз-
вития, как число наемных рабочих в расчете на одного хозяина,
имел значительные различия в городе и деревне, при этом не
в пользу первого ²⁰.

Отрасль	Страна в целом	Город	Деревня
Сельское хозяйство, охота, рыболов- ство	17,4	8,0	20,6
Горнодобывающая промышленность	59,1	26,5	180,7
Обрабатывающая промышленность	15,2	11,5	38,8
Строительство	56,0	27,2	357,6
Электроэнергетика, газо- и водоснаб- жение	57,4	51,6	93,2
Оптовая торговля	2,3	2,2	5,2
Розничная торговля	3,1	3,0	8,5
Транспорт, хранение и связь	18,0	14,9	38,9
Финансовые услуги и страхование	13,4	13,1	23,9
Услуги	13,8	11,7	52,3
Всего . . .	16,8	10,9	38,2

Как следует из приведенных данных, во всех отраслях народного хозяйства в деревне в среднем на одного хозяина приходилось в 3,5 раза больше наемных работников, чем в городе. Ни в одной из отраслей народного хозяйства по данному показателю город не опережал деревню.

Капитализм в городе в большей степени рос вширь, в то время как деревенский больше развивался вглубь и был более «чистым». Картина городского капитализма смазывалась сильным потоком мигрантов из деревень, которые представляли собой подходящую рабочую силу для роста мелких предприятий с числом занятых до десяти.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что социально-классовая структура Ирана в 60—70-х годах более или менее адекватно отражала сильные и слабые стороны развития капитализма в стране.

Все изложенное выше дает основание сказать, что социально-классовая структура иранского общества накануне революции была отмечена нечеткостью и расплывчатостью границ, особенно в городе. Однако это лишь статическая картина. Поэтому важно воспользоваться возможностью показать динамику формирования этой структуры в 1966/67—1976/77 г.

Сопоставление данных переписей населения за 1966/67 и 1976/77 гг. в немалой степени позволяет сделать это на материале, относящемся к очень важному десятилетию в истории предреволюционного Ирана. Данное десятилетие, хотя и не охватывает всего периода индустриализации Ирана в послевоенное время, с полным основанием может быть названо его сердцевинным отрезком. Другим обстоятельством, о котором уместно напомнить здесь, является никем не оспариваемое положение: процесс индустриализации протекал на капиталистической основе и в условиях совокупности социально-экономических реформ, работавших на развитие капитализма. Сдвиги, происходившие в указанное десятилетие в социально-экономической структуре страны, прежде всего и по преимуществу имели капиталистическое содержание.

Наиболее общим показателем, характеризовавшим «расширение» иранского общества в 1966/67—1976/77 гг., был сдвиг в численности населения страны. Оно возросло с 25,8 млн. до 33,7 млн. человек. Другим показателем, тоже общего характера, был сдвиг в численности занятого населения, которое возросло с 6,9 млн. до 8,8 млн. человек.

Рост числа занятых (за двумя исключениями, о которых будет сказано особо) был следствием прежде всего роста численности наемных работников как в городе, так и в деревне при ведущей роли города (Прил. 1, табл. 1). Так, по стране в целом численность лиц, работающих по найму, увеличилась почти на 44%, в городе рост ее составил 63%, в деревне — лишь 20%. При среднегодовом темпе прироста занятых по стране в целом, равном 2,5%, в городе он составил 4,6%, а в деревне — 1%.

Доля работающих по найму среди самодельного населения по стране в целом возросла с 48,1 до 53,9%, в городе — с 69,3 до 71,8, в деревне — с 35 до 38,3%. Не будет преувеличением назвать это важнейшим сдвигом в социально-классовой структуре иранского общества предреволюционного периода. На селе указанный сдвиг был значительнее, чем в городе. В связи с этим привлекает внимание снижение в деревне числа работодателей (с 55 тыс. до 40 тыс.) при росте числа наемных работников (с 1,5 млн. до 1,8 млн.). За этим, вероятнее всего, стояло укрупнение хозяйств, основанных на наемном труде. Примечательным сдвигом было и уменьшение числа самостоятельных работников в деревне. Не исключено, что оно произошло в результате перехода части их на работу по найму в деревне, а части — в городе.

И в стране в целом, и в городе, и в деревне возросло число семейных работников. Увеличилась и их доля в самодельном населении. Не означало ли это социально-экономической несуразницы? С одной стороны, социальная структура эволюционирует в сторону капитализма, а с другой — растет численность и доля семейных работников — социальной группы, свойственной обществу традиционного типа. Нет, противоречия здесь нет, ибо 60—70-е годы характеризовались быстрым ростом стоимости рабочей силы, и поэтому мелкие предприниматели вынуждены были для уменьшения издержек производства заменять (или дополнять) наемный труд трудом неоплачиваемых семейных работников²¹.

Как уже отмечалось, развитие отношений найма не означало того, что традиционный сектор оказался вытесненным. Он сохранял свои позиции. Своеобразный способ сохранения их был приведен только что. Но были и прямые проявления сохранения позиций этого сектора. Так, если в городе отношения купли-продажи рабочей силы имели подавляющее превосходство над традиционными отношениями, то на селе с последними было связано большее число работников, хотя удельный вес самостоятельных работников в аграрном секторе и снизился (см. Прил. 1, табл. 1).

Завершая анализ социально-классовой структуры Ирана в канун революции, сравним его в этом плане со странами среднеразвитого капитализма (Прил. 1, табл. 2). Как ни странно, в конце 70-х годов Иран опережал Грецию и несколько отставал от Испании и Португалии. Конечно, было бы неправильно на основании сходства лишь цифровых показателей сближать Иран со странами среднеразвитого капитализма, и все же по социально-экономической структуре общества Иран был гораздо ближе к Греции, Испании и Португалии, чем к большинству развивающихся стран Азии.

В совокупности с анализом, проведенным выше, рассмотрение социально-экономической структуры подводит к выводам, принципиально важным для понимания экономической истории

Иран в пору победы в этой стране капиталистического способа производства, в пору, предшествовавшую революции 1978—1979 гг. Капиталистический уклад в канун революции оказался безусловно господствующим в городе, системообразующим в деревне и господствующим в обществе в целом; главной социально-экономической предпосылкой революции стало обострение специфически капиталистических противоречий и противоречий между современным и традиционным производством.

Приведенный в этом параграфе статистический материал помогает понять, почему удар по монархии, нанесенный действиями пролетариата, занятого в современном секторе, и государственных служащих, оказался решающим.

Усиление неравномерности в распределении доходов в городе

Для целей данного исследования существенно важно выяснить, происходило ли в 60—70-е годы массовое ухудшение материального положения лиц наемного труда и мелких собственников в городе. Ответ на этот вопрос поможет избежать упрощенного объяснения причин революции. Получить нужный нам ответ сложно не только ввиду крайней многофакторности формирования материального положения, но и в связи с ограниченностью статистического материала. Помочь нам сможет параллельное рассмотрение динамики доходов указанных слоев городского общества и цен на розничные товары.

Вопрос можно поставить и в более широком плане: происходило ли в предреволюционный период усиление неравномерности в распределении доходов в городе?

Хотя 60-е и 70-е годы вошли в историю Ирана как единый этап, в целом ряде экономических и иных проявлений указанные десятилетия очень разные. Это проявилось в таком синтезированном показателе, как движение розничных цен на потребительские товары и услуги.

Если с 1960/61 по 1970/71 г. индекс розничных цен увеличился на 19 пунктов (см. здесь и ниже Прил. 1, табл. 3), то с 1970/71 г. по революционный 1978/79 год он возрос на 166 пунктов. Отличие разительное, дающее основание сказать, что в 60-е годы страна практически не знала инфляции. В 70-е же она оказалась в ее цепких когтях. Но и сами эти 70-е годы внутри себя не были одинаковыми. С 1970/71 по 1973/74 г. рассматриваемый показатель возрос на 31 пункт. Тогда главной причиной была инфляция в рамках мирового капиталистического хозяйства. С 1973/74 же по 1978/79 г. рост его составил 135 пунктов. Опять-таки различие разительное. Но этот отрезок времени относится к периоду резкого увеличения доходов от нефти в результате четырехкратного роста цен на нее,

что в сочетании с необоснованно большим инвестиционным спросом в период выполнения пятилетнего плана развития послужило в конечном счете причиной столь крутого подъема инфляции.

Экономистам и историкам, изучающим жизнь иранского общества 70-х годов, хорошо известно, как сильно рост цен в первое трехлетие встревожил монархию, которая стала прилагать всяческие усилия, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию инфляции (об этом подробно в главе II). Одним из средств смягчения ее последствий и стало, весьма вероятно, создание условий для повышения доходов трудящихся. Хотя, как будет показано ниже, доходы и стали расти, драматизм ситуации сохранялся. То же самое можно сказать и о последующем этапе, с той только разницей, что здесь драматизм перешел в трагизм, несмотря на то что рост цен не обгонял роста доходов.

Впрочем, надо помнить, что трудящимся Ирана в течение всего рассматриваемого периода жилось несладко. Достаточно отметить, что, например, в 1968/69 г., т. е. в пору, когда в стране не было инфляционного роста цен, средний уровень заработной платы и жалования в отраслях обрабатывающей промышленности не достигал и 3,5 тыс. риалов в месяц. В текстильной же промышленности (в которой было занято до трети промышленных рабочих) заработная плата и жалование составляли около 2,7 тыс. риалов в месяц²². В лучшем случае это могло позволить семье из трех-четырех человек еле-еле сводить концы с концами, не говоря уже о семье из пяти человек (средняя величина семьи в стране по переписи 1966 г.).

Коснемся теперь доходов лиц, занятых в мелкой промышленности (Прил. 1, табл. 4). Данные таблицы свидетельствуют о том, что заработная плата наемных работников с 1964/65 по 1968/69 г. выросла на 15,7%. В это же время общий индекс цен на потребительские товары и услуги увеличился на 3,4%. Тем самым реальные доходы наемных работников в городской мелкой обрабатывающей промышленности с 1964/65 по 1968/69 г. возросли на 12,3%. Несмотря на рост реальных доходов лиц данной социальной группы, их положение было весьма тяжелым. На заработную плату в 23—27 тыс. риалов в год сколько-нибудь сносно содержать семью из пяти человек было практически невозможно.

С 1968/69 по 1976/77 г. номинальная заработная плата увеличилась в 6 раз, а реальная — примерно в 3 раза.

Отметим, что доходы хозяев предприятий в 60-е годы были подвержены некоторым колебаниям, однако с конца 60-х годов по 1976—77 г. росли быстрее цен.

Естествен интерес к тому, каков был доход рабочих и служащих на крупных предприятиях (с числом занятых более 50). Обращение к соответствующим данным (Прил. 1, табл. 5) показывает, что с 1967/68 по 1978/79 г. заработная плата рабочих

увеличилась в 5,7 раза, а жалование служащих — в 6 раз, в то время как цены возросли всего в 2,5 раза.

К сожалению, статистические данные о заработной плате рабочих на средних предприятиях обрабатывающей промышленности (с числом занятых от 10 до 50) имеются только за 1967/68 и 1968/69 гг. В 1967/68 г. этот показатель составлял 42,5 тыс. риалов в год, а в 1968/69 г. — 51 тыс. риалов²³, т. е. заработная плата возросла примерно на 20%. Цены же за этот период поднялись лишь на 1,8%. Таким образом, данная группа рабочих зарабатывала гораздо больше, чем наемные работники на мелких предприятиях обрабатывающей промышленности (в 1,7 раза), и существенно меньше (в 1,3 раза), чем рабочие крупных предприятий.

Рассмотрим динамику заработной платы рабочих в зависимости от их квалификации (Прил. 1, табл. 6). Как показывают данные таблицы, заработная плата всех групп рабочих увеличивалась, сильно опережая рост цен, причем если у рабочих она возросла в 5—7 раз, то у техников — лишь в 3—4 раза.

По мере повышения квалификации вилка заработной платы уменьшалась. Кроме того, в табл. 6 смешаны рабочие крупных, средних и мелких предприятий. Условно можно определить величину дневного заработка (по положению на 1977/78 г.) на средних, наименее высвеченных статистикой предприятиях в 7—8 долл. для неквалифицированных рабочих и 10 долл. для полуквалифицированных. В пересчете на риалы в месяц (исходя из 24 рабочих дней) получаем 12 тыс. и 17,5 тыс. риалов соответственно.

В горнорудной промышленности рост заработной платы также был очень значителен. Так, в 1961/62 г. дневной заработок неквалифицированного рабочего составлял 40—65 риалов, квалифицированного рабочего и техника — 120—170 риалов²⁴, т. е. 1000—3500 риалов в месяц; у большинства месячная заработная плата составляла около 2 тыс. риалов, т. е. 24 тыс. риалов в год. В 1976/77 г. среднегодовая заработная плата на горнорудных предприятиях была равна 137,4 тыс. риалов²⁵. Таким образом, заработная плата выросла более чем в 6 раз, а цены — лишь в 2,2 раза.

Примечательна своим динамизмом также заработная плата неквалифицированных строительных рабочих. По сравнению с 1959/60 г. она увеличилась на 40% в 1968/69 г., на 67% в 1969/70 г. и на 74% в 1970/71 г.²⁶ В 70-е годы рост ее стал более стремительным. В 1977/78 г. она составила 273% от уровня 1974/75 г., а в 1978/79 г. — 322%²⁷. [Иначе говоря, за четыре года их заработная плата увеличилась в 3,2 раза.] Между тем за это же время цены возросли в 1,7 раза. [Таким образом, в 60—70-х годах рост заработной платы постоянно опережал рост цен, и к концу этого периода заработки неквалифицированных строительных рабочих достигли внушительных размеров. Например, в 1977/78 г. заработная плата подобных рабо-

чих в Хузестане составляла около 12 тыс. риалов в месяц. Правда, в других районах страны она была несколько ниже.

При той роли, которую сыграли в период революции лица, занятые в городской торговле, особенно интересно посмотреть, как обстояли их дела в области доходов (Прил. 1, табл. 7). Напомним, что с 1968/69 по 1972/73 г. общий индекс цен вырос на 17%. Доходы хозяев в розничной торговле за этот же период увеличились лишь на 1%, т. е. их реальные доходы сократились. Однако следует отметить, что 1968/69 год для розничных торговцев с точки зрения величины доходов не является представительным, ибо в следующем году произошло резкое снижение доходов с последовавшим затем стабильным ростом.

Доходы наемных работников в розничной торговле за 1968/69—1972/73 гг. возросли на 70%, а цены, как уже говорилось, — на 17%. Доходы наемных работников в оптовой торговле шли в ногу с ценами, но при этом были значительно выше доходов в розничной торговле и находились примерно на уровне заработной платы рабочих на предприятиях ценовой (10% занятых и более) обрабатывающей промышленности.

Данных о доходах интеллигенции и служащих, к сожалению, немного, однако известно, что средний по стране размер месячной заработной платы конторских служащих был чуть более 10 тыс., а специалистов и лиц свободных профессий — 12 тыс. риалов²⁸, что превышало заработную плату фабрично-заводских рабочих.

Жалованье учителей в Тегеране варьировало от 3—4 тыс. риалов в месяц (в 1971/72 г.) у начинающего учителя до 12,5 тыс. риалов у учителя со стажем более 20 лет²⁹. Кроме того, оно зависело от уровня образования³⁰.

Доходы некоторых групп служащих росли весьма быстро (Прил. 1, табл. 8). Хотя быстрее всего с 1970/71 по 1977/78 г. увеличивался заработок работников лабораторий (в 4 раза), даже в 1977/78 г. он не достигал уровня доходов среднего руководящего персонала (возросли примерно в 2 раза) и тем более начальников отделов (примерно в 2,5 раза). При этом с 1970/71 по 1977/78 г. общий индекс цен увеличился примерно в 2,1 раза. Следовательно, рост доходов работников лабораторий и начальников отделов опережал рост цен, а среднего руководящего персонала — чуть отставал от него. Сам по себе доход последних — 500—800 долл. в месяц — был доходом даже скорее богатого человека, нежели служащего среднего достатка.

Надо полагать, что основной социальной группой, чей доход отставал от роста цен, были плохо вписанные в структуру общественного воспроизводства люмпенско-пауперские слои. К сожалению, достоверными данными об их доходах мы не располагаем. Однако это обстоятельство в немалой степени компенсируется следующим хорошо известным фактом: рабочий

класс и чиновничество подключились к революционной борьбе лишь осенью 1978 г. До этого же основная масса демонстрантов как в столице, так и в провинциальных городах была представлена мелкой буржуазией, студенчеством, люмпенами — во многих случаях вчерашними крестьянами, подавшимися в город в поисках лучшей доли.

Итак, материальное положение основной массы жителей городов Ирана не ухудшилось, а улучшилось, порой весьма существенно. Поэтому представляется неверным выводить участие широких масс трудящихся в революции из снижения жизненного уровня. Однако констатировать данный факт и поставить на этом точку было бы неверно, ибо в Иране с конца 50-х по середину 70-х годов быстро увеличивалась неравномерность в распределении доходов среди различных групп населения. Об этом можно судить по различиям в расходах семей (Прил. 1, табл. 9) ³¹.

Приведенные в табл. 9 данные красноречиво свидетельствуют о возраставшей неравномерности в распределении расходов. Так, доля расходов низших 10% домашних хозяйств сократилась с 1,77 до 1,37%, а высших 10% возросла с 35,37 до 37,99%. Это означает, что если расходы семей высшей категории в 1959/60 г. превышали расходы низшей группы в 20 раз, то в 1973/74 г. превышение было 29-кратным. Всего же доля расходов низших 60% населения сократилась с 27,44 до 23,89%.

Можно было бы привести еще немало свидетельств усиления неравномерности в распределении доходов в городе. Однако ограничимся лишь двумя примерами, существенно отличающимися друг от друга по своей масштабности (один иллюстрирует вопрос на микроуровне, на частном примере, другой — на макроуровне).

Первый пример связан с дивидендами, которые выплачивал один из крупнейших банков Ирана с ирано-иностранным капиталом (Банк развития промышленности и рудников, БРПР) своим иранским акционерам ³²:

Год	Число акционеров БРПР	Дивиденды на каждого акционера, риялы
1970/71	2330	40 869
1971/72	3100	48 709
1973/74	4000	80 250
1975/76	6380	115 336

Поскольку акционерами банка были лишь представители эксплуататорских слоев города, возраставшие высокими темпами дивиденды к эксплуатируемым слоям города никакого отношения не имели. К тому же можно быть уверенным, что эти дивиденды были лишь побочным доходом их получателей, так сказать, приработком. Эксплуатируемые слои ничего подобного не имели ни по объемам, ни по темпам.

На макроэкономическом уровне заслуживает внимания показатель, почему-то не используемый в исследованиях. Имеется в виду соотношение минимально необходимого дохода на семью, в данном случае из пяти человек (так называемая черта бедности), и национального дохода на душу населения. В 1971/72 г. первый показатель составлял 162 долл. а второй — 400 долл. В итоге искомое соотношение составляло 40,5%. В 1975/76 г. эти же показатели выражались в величинах 268 и 1600 долл. соответственно³³. В итоге это соотношение снизилось до 16,75%. Казалось бы, «черта бедности» в 1975/76 г. поднялась по сравнению с 1971/72 г. Но в 1971/72 г. она была в 2,5 раза ниже уровня национального дохода на душу населения, а в 1975/76 — в 6 раз.

При всей относительной верности предложенного подхода и сделанных подсчетов (уже потому, что национальный доход на душу населения рассчитан с учетом сельского населения) масштабы снижения рассмотренного показателя дают основание говорить об углублении неравномерности в распределении доходов в городах Ирана.

Усиление неравномерности в распределении доходов — обязательное, но не единственное условие усиления социальной поляризации общества. Для последнего необходим рост различий в потреблении. Увеличению разрыва в потреблении в Иране 70-х годов способствовало, с одной стороны, распространение правящими кругами идеи потребительского общества, с другой — резкий рост притока средств, вызванный повышением цен на нефть.

Роскошная жизнь шахского окружения, бюрократов, финансовых воротил, спекулянтов и других представителей эксплуататорских слоев, в карманах которых оседала львиная доля обвалившегося на страну золотого дождя, усиливала у трудящихся чувство ущербности, обездоленности, порождала стремление к социальному протесту.

Изложенное выше дает основание сказать, что было бы ошибочным выводить поведение широких народных масс непосредственно из их материального положения. Представляется, что гораздо большую роль сыграло осознание ими своего относительного обнищания. Хотя сам этот факт не относится к явлениям базисного характера, он стал объективной основой, определившей и психологический настрой, и политическое поведение миллионных масс, одной из предпосылок революции. Само же относительное обнищание есть все основания квалифицировать и как результат экономического развития страны, и как одну из составляющих непосредственной предпосылки революции — экономического кризиса (хотя и своеобразного), постигшего иранское общество в канун революции.

Особенности экономического развития Ирана в 60—70-е годы³⁴

По сравнению с предшествовавшими десятилетиями экономической истории Ирана 60—70-е годы оказались наделены рядом особенностей. Именно в эти два десятилетия в стране стала осуществляться широкомасштабная индустриализация, нацеленная на преодоление экономической отсталости в исторически короткие сроки.

В Иране шел процесс интенсивного комплексного развития производительных сил. Осуществляясь в капиталистической форме, он предопределял параллельный с ним рост практически всех противоречий, присущих капиталистическому способу производства. А это уже само по себе предопределяло формирование глубинных предпосылок революции, хотя ни в коей мере не детерминировало ее.

Волею господствующих классов Ирана в этой стране индустриализация проходила в условиях глубокой вписанности ее экономики в мировое капиталистическое хозяйство. Вписанность эта носила двоякий характер. По линии экспорта она определялась тем, что нефть составляла его основную статью и являлась крупнейшим источником инвалютных поступлений, по линии импорта — необходимостью материально-технического и технологического обеспечения индустриализации.

Начавшись как импортозамещающая (с простейшей стадии указанного процесса, т. е. с создания современных по оснащенности, но лишь сборочных по характеру фабрично-заводских предприятий) и постепенно усложняясь, индустриализация порождала все большую зависимость от импорта не только деталей и узлов, необходимых сборочным предприятиям, но и от, по существу, целых предприятий, выпускающих промежуточную продукцию: экономические планы государства предусматривали создание производств, призванных постепенно обеспечивать изготовление на месте все более значительной части узлов и деталей для сборочных предприятий. Все еще острой оставалась потребность в импорте продукции промежуточного потребления.

Проводя импортозамещение, монархия предусматривала и экспортную ориентированность развивавшихся производств. Поэтому обеспечение всемерного роста ненефтяного экспорта также рассматривалось как одна из важных стратегических задач.

Стратегия экономического развития предусматривала сохранение экономики открытого типа, притом, однако, что она должна была быть дополнена созданием такой отраслевой структуры экономики, которая была бы в состоянии обеспечить воспроизводство общественного продукта по преимуществу на национальной основе. Одновременно это означало, что асимметричная зависимость от мирового капиталистического хозяйства должна была быть заменена в перспективе зависимостью сим-

метричной. В рассматриваемый же отрезок времени проводилась политика всемерного использования экспорта нефти как источника валюты и даже повышения зависимости от него ради сокращения этой зависимости в перспективе.

Заметную роль в процессе индустриализации Ирана в 60—70-е годы сыграл Советский Союз, несмотря на относительную незначительность масштабов его участия в этом процессе. СССР внес поистине решающий вклад в то, чтобы Иран сумел сломить отмечавшееся в предшествовавшие десятилетия противодействие империализма его индустриализации.

При всей значимости этого фактора он, естественно, не мог изменить того обстоятельства, что Иран оставался открытым для всех бурь, которые разыгрывались на просторах мирового капиталистического хозяйства.

К тому же следует учесть, что монархия решала экономические проблемы, находясь в военно-политическом союзе с империализмом, прежде всего американским. И этот союз имел также военно-экономический аспект, усугублявший вписанность экономики Ирана в мировое капиталистическое хозяйство (или, иначе, вписанность внешнего блока экономических факторов в экономику Ирана) (см. Прил. 2).

Если говорить о степени зрелости иранского капитализма в канун революции 1978—1979 гг., то здесь достаточно отметить, что к указанному времени в этой многоукладной стране капиталистический уклад являлся, как уже отмечалось, и системообразующим, и господствующим. В рамках этого уклада производилась подавляюще большая часть общественного продукта, в его же рамках было занято большинство экономически активного населения. Капиталистический уклад был представлен чрезвычайно широко — от мелкокапиталистических производств до крупных современных предприятий и даже промышленных групп и объединений, способных осуществлять монопольный диктат на внутреннем рынке, и крупного банковского капитала, срастающегося с капиталом промышленным. Эту иерархию венчал мощный государственно-капиталистический сектор, недвусмысленно покровительствовавший крупному частному национальному капиталу, усиленно приглашавший иностранных инвесторов к созданию производств со смешанным капиталом. Своеобразным феноменом, так сказать, достопримечательностью местного капитализма была шахская монополия в виде Фонда Пехлеви — «королевского домена», сложного, подобного концерну, по своей вертикальной и горизонтальной структуре. Сколь велика была капиталистическая сущность этого «домена», можно судить по тому, что крупная промышленная и банковская буржуазия в канун революции почти не скрывала того, что тяготится шахской монополией, хотя и помнила, что сама она возвращена и взлелеяна Мохаммедом Резой Пехлеви.

Поскольку при всей своей неуправляемости капиталистическая экономика испытывает потребность в регулировании, есть

основание отметить, что государство в Иране в лице монархии выступало как регулирующее начало, что особенно отчетливо проявилось в период составления и реализации всех пяти планов экономического и социального развития, через которые прошла страна за 1948/49—1977/78 гг. Таким образом, и государственный капитализм присутствовал в предреволюционном Иране. Более того, государство определяло направления и масштабы деятельности местного капитала за пределами страны, причем иранский капитал отнюдь не ограничивался скупкой акций зарубежных компаний, а участвовал и в создании промышленных (в основном нефтеперерабатывающих) предприятий.

Решая проблему преодоления экономической отсталости, монархия в процессе ломки колониальной структуры экономики не могла не учитывать все три аспекта этой проблемы: отраслевой, территориальный и социально-экономический. Как показала история, для Ирана наиболее сложным оказалось изменение его социально-экономической структуры. В самом общем виде можно сказать так: ломая отраслевую структуру, монархия не успевала решать задачи социально-экономического характера и удовлетворять социальные потребности, которые возникали в ходе этой ломки. Достаточно упомянуть как о следствиях прежде всего индустриализации о таких проблемах, как миграция крестьян в города (в результате реформ «белой революции»), урбанизация, нехватка рабочих мест, бедственное положение с жильем, недостатки в подготовке кадров. К этому добавилось столкновение между современным сектором и докапиталистическим сектором города, существенно отягощенным возраставшей массой люмпенов и пауперов — вчерашних крестьян.

Обстоятельством, усугублявшим положение, являлся и быстрый в период резкого увеличения доходов от нефти экономический рост, сопряженный с быстрым увеличением как производительных, так и непроизводительных расходов государства, умножением инвестиций частного сектора, быстрым обогащением господствующих классов и ростом их спроса — производственного и личного. Отсюда такой феномен: совершив за 60-е — начало 70-х годов большой скачок в создании вполне современной и диверсифицированной инфраструктуры, уже к середине 70-х годов монархия оказалась не в состоянии расширять «узкие» места, возникшие в гирлянде инфраструктурных отраслей. Это вызвало у экономики одышку, которая быстро перешла в асфиксию. Лишь частично удовлетворяемый спрос становился повседневностью.

Охарактеризованные выше особенности развития экономики Ирана 60—70-х годов с неизбежностью вели к инфляции. И действительно, уже с начала 70-х годов Иран стало лихорадить от инфляции. Но первые ее шквалы (нужно сказать, сразу же не на шутку встревожившие монархию) были «внешнего» характе-

ра, что объяснялось воздействием мирового экономического кризиса начала 70-х годов. Здесь экономика страны в полную меру вкусила плоды своего открытого характера. Нельзя отказать монархии в усилиях, направленных на смягчение последствий этой «внешней» инфляции. Однако непоследовательность в действиях, волюнтаризм, гигантомания, охватившая монархию в период пятого плана (в связи с ростом доходов от нефти ассигнования на пятый план развития — 1972/73—1977/78 гг. — были пересмотрены в мае 1975 г. и увеличены более чем вдвое — с 32,5 млрд. до 69,5 млрд. долл.), привели к тому, что в результате углубления противоречий капиталистического способа производства и противоречий межукладных страна стала рождать «собственную» инфляцию с ее неперенными спутниками — спекуляцией, коррупцией, казнокрадством.

Попытка монархии остановить инфляцию с помощью механизма государственных финансов, государственных карательных органов, специальных отрядов по борьбе со спекуляцией, бороться с созданием товарных запасов в целях спекуляции и с завышением цен посредством формирования отрядов, укомплектованных студентами, школьниками, домохозяйками, на крутой нрав которых монарх вполне серьезно возлагал большие надежды (жены острее, чем мужья, реагируют на то, как с каждым днем становится легче сумка с продуктами), не увенчалась успехом. Среди предпосылок революции инфляция занимала не последнее место. Для Ирана 70-х годов инфляция может быть названа синтезированным проявлением и выражением дисбалансов, диспропорций, противоречий капиталистического производства, равно как и противоречий межукладного характера.

Отставание экономического развития от экономического роста в условиях высокого уровня доходов от нефти (проявившееся в резком отставании совокупного производства от совокупного спроса) явилось еще одной экономической предпосылкой революции 1978—1979 гг. Сочетаясь, взаимодействуя, синтезируясь, все эти предпосылки вели к вызреванию непосредственных причин революции 1978—1979 гг.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Монархия, конституция и конституционные свободы

Переходя к социально-политическому положению в Иране в канун революции, мы можем сказать следующее: в предреволюционном Иране было нарушено соответствие базиса и надстройки. Быстро развивавшемуся капиталистическому базису нужна была надстройка иного характера, чем та, которую предложил Мохаммед Реза Пехлеви, установив режим личной власти и поправ тем самым конституционные свободы¹. С этой точки зрения иранская надстройка второй половины XX в. была как бы отброшена назад, к концу XIX — началу XX в.

Установление режима личной власти, фактически личной диктатуры, осуществлялось двумя методами: внесением нужных монарху изменений в текст конституции и несоблюдением предусмотренных конституцией положений, которое обеспечивалось использованием аппарата насилия и принуждения. Этот процесс, растянувшийся на десятилетия и определивший политическую атмосферу иранского общества, привел к формированию одной из социально-политических предпосылок революции 1978—1979 гг., которая в сочетании с другими предпосылками в процессе вызревания революционной ситуации превратилась в одну из грозных причин революции.

Еще в мае 1949 г. Учредительное собрание приняло новую редакцию ст. 48 Основного закона Ирана, по которой шаху было предоставлено право роспуска парламента без ограничений, устанавливавшихся этой статьей в старой редакции². (Прежний текст обуславливал право шаха на роспуск меджлиса «согласием квалифицированного большинства сената и одобрением правительства»³.) С предоставлением монарху такого права роль парламента потеряла свое значение и он оказался под постоянной угрозой роспуска⁴. Фактически утратили силу ст. 15 и 38 Основного закона, охранявшие депутатов от возможных угроз и нажима со стороны правительства при обсуждении вопросов в меджлисе и принятии решений. «Но поскольку монарху предоставили право роспуска палат, он получил тем самым законное средство давления на парламент»⁵.

Тогда же впервые был учрежден предусмотренный еще конституцией 1906 г.* сенат. Эта акция имела целью установление дополнительного контроля над «законодательной деятельностью меджлиса с целью ограничения его полномочий»⁶.

В сентябре 1967 г. конституционные поправки «наделили шаха исключительной прерогативой назначать себе преемника, на которого возлагается регентство до достижения наследным принцем двадцатилетнего возраста. По действовавшему до того положению в случае смерти шаха регент назначался в течение 10 дней парламентом» (ст. 38 и 41 Дополнения к Основному закону)⁷. Небезынтересно, что еще в марте 1967 г. премьер-министр Ховейда, обосновывая в меджлисе необходимость внесения в конституцию поправки по вопросу о порядке престолонаследия, заявил, что они «направлены на увековечение жизненно важной задачи монарха в нынешнем беспокойном мире»⁸.

Четкую картину узурпации к началу 70-х годов Мохаммед Резой Пехлеви законодательной и исполнительной власти, решения вопросов внутренней и внешней политики, а также всех дел государственного управления, узурпации, возведенной в норму, дал уже цитировавшийся М. Д. Миланян. «Как известно,—отмечал он,—в настоящее время Мохаммед Реза-шах играет решающую роль во всех основных государственных делах. Официально он рассматривается как единственное лицо, уполномоченное вырабатывать линию внешней и внутренней политики Ирана. Он не только назначает и смещает кабинет министров, но диктует ему политическую линию, отклоняет вырабатываемые им законопроекты еще до их представления на рассмотрение в парламент. Нередко шах руководит совещаниями кабинета министров. Мохаммед Реза-шах неоднократно заявлял, что вся государственная власть сконцентрирована в его руках и он лично как глава государства руководит всеми государственными делами. 8 апреля 1959 г. газета „Эттелаат“ опубликовала интервью шаха корреспонденту газеты „Фигаро“ Груссару. На вопрос, нужно ли предоставлять монарху столь важные полномочия, Мохаммед Реза-шах ответил: „Не думайте, что я лично являюсь сторонником абсолютизма. Однако... в настоящее время стране необходима моя власть“»⁹.

Поправки конституционных свобод шах «обеспечил» без внесения изменений в конституцию. Для этого он счел достаточным использование мощного и разветвленного аппарата созданной им в 1957 г. тайной полиции — САВАК.

---

* Иранская конституция, принятая в период иранской революции 1905—1911 гг., состоит из двух частей — Основного закона и Дополнения к нему, составляющего важнейшую часть конституции. Основной закон был принят меджлисом I созыва 29 декабря 1906 г. и утвержден 30 декабря Мозаффар эд-Дин-шахом. Дополнение к нему было принято 7 октября 1907 г., уже при преемнике Мозаффар эд-Дин-шаха — его сыне Мохаммеде Али-шахе. В данной монографии для краткости обе части этой конституции именуются конституцией 1906 г., если по ходу изложения не возникает необходимость говорить раздельно об Основном законе и о Дополнении к нему.

Требование соблюдения гражданских свобод, предусмотренных конституцией, в течение практически всего послевоенного периода оставалось главным лозунгом демократической общественности и не снималось с повестки дня политической жизни иранского общества. Игнорирование монархией этого лозунга, проявлявшееся в массовых репрессиях в отношении инакомыслящих, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, стало еще одним фактором, работавшим на формирование предпосылок революции.

Складывавшаяся революционная ситуация имела ряд предвестников. Одним из них явились открытые письма, с которыми осенью 1977 г. некоторые творческие работники, военные и представители других слоев стали обращаться к шаху и шахине, а также к руководящим деятелям страны (см., в частности, Прил. 3, 4, 5). В них описывалась невыносимая общественная обстановка, к которой привела политика монархии.

Сколь бесцеремонным было поправление монархией конституционных свобод, показано в датированном 28 ноября 1977 г. письме иранского публициста Али Асгара Хадж Сейеда Джавади, отрывки из которого мы привели в Прил. 3. Оно написано под впечатлением дикой расправы, учиненной над студентами за несколько дней до этого¹⁰. Автор письма выдвигает тезис о незаконности действий карательных органов и обосновывает его ссылками на конкретные статьи конституции, поправленные режимом.

Обратимся к этим статьям в той последовательности, в какой автор письма отсылает читателя к ним.

По ст. 57¹¹ прерогативами и полномочиями шаха являются только те, которые определены в самой конституции. Поскольку исторически важнейшей целью конституции наряду с обеспечением гражданских свобод были ограничение деятельности шаха царствованием и лишение его права управления, важно выявить, как было юридически обеспечено решение этой задачи. Вынудив в 1949 г. Учредительное собрание предоставить ему право роспуска меджлиса и сената как в отдельности, так и одновременно, шах обеспечил себе де-юре возможность не только царствовать, но и править. После этого ему оставалось лишь тем или иным способом реализовать эту возможность в своей повседневной деятельности.

Так какие же положения конституции определяли полномочия шаха? Из 23 статей, составлявших раздел «Права монархической власти Ирана» Дополнения к Основному закону, лишь в четырех говорится о тех или иных ограничениях действий шаха. Это ст. 42, говорящая, что шах не имеет права без согласия меджлиса и сената принять на себя «правление каким-либо королевством»; ст. 45, гласящая, что все фирманы и указы шаха, относящиеся к государственным делам, подлежат исполнению только в том случае, если они скреплены подписью соответствующего министра, который является ответственным

за подлинное содержание этих фирманов и указов; ст. 49, в которой говорится, что шах издает фирманы и постановления в целях исполнения законов, однако ни в коем случае не может отменять или отсрочивать исполнение этих законов. Впрочем, данный раздел включает и ст. 44, гласящую, что особа шаха свободна от ответственности. За все дела (читай — совершаемые шахом) перед обеими палатами ответственны министры (и на это обстоятельство указывает Сейед Джавади).

Вряд ли есть необходимость говорить о том, что если государственный деятель сумел обрести реальную власть, т. е. способность навязывать свою волю другим, то юридические ограничения его власти превращаются в мертвую букву. Иначе говоря, происходит то, что произошло в шахском Иране 60—70-х годов.

На нарушение каких иных статей конституции и тем самым конституционных прав граждан указывает Сейед Джавади?

Это следующие статьи Дополнения к Основному закону: 33-я, согласно которой каждая из обеих палат (или, как пишет Джавади, любой депутат меджлиса) имеет право расследовать и проверять любые государственные дела; 26-я, в которой говорится о том, что вся государственная власть исходит от нации; порядок осуществления этой власти определяют основные законы. Нет нужды доказывать, что в условиях режима личной власти, тем более когда партия «Растахиз» (о ней подробно ниже) в своей программе (1975 г.) провозгласила главу государства «фармандехом» (командующим) и «рахбаром» (руководителем, вождем) нации, эта статья нарушалась; 27-я и 28-я — о разделении властей — законодательной, исполнительной и судебной — и об их автономности; 64-я — о том, что министры не могут снять с себя ответственность, ссылаясь на письменные или устные приказы шаха; 66-я, указывающая на то, что ответственность министров и наказания, которым они могут быть подвергнуты, определяются законом; 71-я, гласящая, что Высший гражданский трибунал (Диван) и гражданские суды являются официальными инстанциями для разбора жалоб; 8-я, провозглашающая равные права граждан Ирана перед законом; 9-я, говорящая о том, что жизнь, имущество, жилище и честь всех граждан обеспечиваются и защищаются от всякого рода посягательств, и никто не может подвергаться преследованию иначе, как в тех случаях и в том порядке, которые установлены законами страны; 10-я, согласно которой, за исключением случаев захвата на месте совершения преступления или тяжкого правонарушения, никто не может быть арестован иначе, как по письменному приказу председателя суда и в согласии с законом (но и в таких случаях обвиняемому немедленно или не позднее 24 часов должна быть указана вина, которая ему вменяется); 12-я, по которой никакое наказание не может налагаться и приводиться в исполнение иначе, как в соответствии с законом; 13-я, устанавливающая защиту и не-

прикосновенность жилища всякого лица и запрещающая входить в жилище не иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом; 14-я, запрещающая высylать кого-либо из иранцев из страны или не допускать к проживанию в какой-либо части ее или принуждать к проживанию в определенной ее части за исключением точно определенных законом случаев; 20-я, согласно которой все печатные издания, за исключением тех, которые могут направить «на дурной путь и противны чистой вере», свободны от цензуры; 21-я, гласящая, что те общества и собрания, которые «не вносят смуту в религиозную и государственную жизнь и не нарушают общественного порядка, свободны на всей территории страны».

Как, должно быть, заметил читатель, предоставление гражданам ряда конституционных прав оговорено рамками соответствующих законов. Само по себе это понятно. Но, как показала общественно-политическая жизнь предреволюционного Ирана, монархия, принимая законы, конкретизирующие порядок использования конституционных прав, предусматривала столь суровые наказания, ставила граждан в такие условия, что практически лишала их возможности использовать свои права.

Иллюстрацией к сказанному может служить пример, приведенный Сейедом Джавади. «Пункт 2 измененного процессуального и уголовного кодекса,— писал он,— является жесточайшим орудием деспотического режима против всякого протеста и критики ужасающего образа действий полиции. Пункт 2 гласит, что всякий, кто будет с помощью печатных, либо рукописных, либо устных, либо любых других средств подстрекать народ к беспорядкам, направленным против внутренней или внешней безопасности страны, и его действия приведут к беспорядкам, будет приговорен к пожизненному заключению, а в случае, если эти беспорядки приведут к человеческим жертвам, он будет приговорен к смертной казни. Если же подстрекательства не приведут к беспорядкам, то подстрекателю будет определено наказание на срок от 2 до 10 лет. Наказание же для лиц, участвовавших в этих беспорядках,— от 2 до 4 лет, если их действия не приведут к уголовному преступлению; в этом случае виновные получают более строгое наказание»¹².

Приведенные данные показывают, каковы были конституционные свободы на деле. Сейед Джавади дает их действительной значимости следующую характеристику: «В настоящее время иранский народ не имеет абсолютно никаких законных возможностей для использования прав, предусмотренных в конституции. Поэтому власть, которая уничтожает эти законные и очевидные права иранского народа посредством использования силы, запугивания, пыток и деспотизма... сама... не пользуется доверием и не обладает законным правом управлять иранским народом».

В своем письме Сейед Джавади, приведя факты кровавых расправ полиции и агентов САВАК со студентами, вновь воз-

вращается к тезису о поправлении режимом конституционных прав иранского народа ¹³.

Вероятно, читатель обратил внимание на то, что ряд статей, гарантировавших гражданам конституционные права, имели оговорки, предоставлявшие властям возможность в рамках, определяемых специальными законами, преступать через конституционные гарантии. Это — явление обычное. Но при чрезвычайной подвижности критерия дозволенности и недозволенности, абсолютной субъективности его определения реальное значение конституционных прав могло быть выхолащено и выхолащивалось режимом.

Между тем страна жаждала демократии, и это обстоятельство, способное объединить самые различные социальные слои под лозунгом соблюдения свобод, предусмотренных конституцией, делало очевидным, что будущей революции предстоит решать, в частности, задачи революции буржуазно-демократической ¹⁴.

Монархия и ее политические партии

Среди факторов, действие которых привело к формированию социально-политических предпосылок революции, весьма значительное место занимала диктаторская позиция шаха в отношении политических партий, политических группировок и объединений, вообще партийной жизни в иранском обществе ¹⁵. Гонения на партии, периодическое запрещение тех или иных партий, а в отдельные периоды и всех их было нормой жизни в послевоенном Иране. Наиболее полно эта диктаторская политика проявилась в такой акции монархии, как объявление вне закона в 1949 г. Народной партии Ирана (Туде) и физическое истребление ее членов наряду с выкорчевыванием ее организаций и ячеек в последующие годы, особенно после переворота 1953 г.

Шах счел нужным учредить в стране двухпартийную систему с соответствующими парламентскими фракциями. Первая такая попытка была сделана в 1957 г. Выразилась она в создании партии «Меллиюн» («Националисты») во главе с тогдашним премьером М. Эгбалем и «оппозиционной» партии «Мардом» («Народ») во главе с царедворцем и аристократом А. Алямом. Оба они были близки к шаху.

Характеризуя эти партии, А. И. Демин писал, что они включают «примерно один круг лиц — бюрократии, либеральных помещиков, предпринимателей и высших слоев интеллигенции. Во многом схожи были их программы, построенные на принципах лояльности трону и основных положениях „позитивного национализма“». Отличие «оппозиционной» партии «Мардом» было в том, что она «выдвигала требования ограничения крупного землевладения, участия рабочих в прибылях предприятий, обес-

течения свобод в соответствии с принципами ислама и конституции»¹⁶.

Первый опыт использования двухпартийной системы не выдержал испытания временем. Проявилось это в связи с неудачами, которые потерпел монарх при решении двух чрезвычайно важных для него задач. Первая — принятие закона об аграрной реформе. Несмотря на наличие в меджлисе фракций обеих партий, из-за преобладания в нем крупных полуфеодалальных помещиков, ханов племен и высшего духовенства принятый им закон об аграрной реформе от 25 мая 1960 г. оказался столь консервативным, что «помещикам фактически удалось задержать раздел частных имений»¹⁷. Шах был вынужден утвердить этот закон, что фактически означало его поражение в деле, чрезвычайно важном для экономического и социального развития страны. Вторая неудача состояла в том, что, стремясь обеспечить своим партиям большинство мест в меджлисе XX созыва во время выборов в августе 1960 г., организаторы их допустили такие злоупотребления, что результаты голосования пришлось аннулировать.

Бессилие двухпартийной системы проявилось и в следующем. Для того чтобы издать новый закон об аграрной реформе, пришедшее к власти в начале мая 1961 г. правительство Али Амини было вынуждено распустить меджлис и провозгласить этот закон в период межпарламентского состояния. Юридическую силу он обрел после утверждения его шахом 14 января 1962 г. Вынесенный вместе с рядом других законов на референдум 26 января 1963 г., он был одобрен подавляющим большинством участвовавших в голосовании.

Таким образом, самые решительные меры, расчищавшие дорогу для ускоренного развития капитализма, монархия приняла, не имея ни меджлиса, ни своих партий — ни правящей, ни «партии — оппозиции его величества»: после скандала на выборах в меджлис XX созыва они, по существу, распались, хотя, как будет показано ниже, спустя некоторое время партии «Мардом» вновь довелось играть прежнюю роль.

В начале 60-х годов группа интеллектуалов сформировала «Прогрессивный центр». Он был создан «как мыслительный трест, а не партия, что указывало на неуверенность в возможностях партийной системы в Иране»¹⁸.

«Прогрессивный центр», насчитывавший около 300 членов, получил 150 мест из 196 в меджлисе XXI созыва. После этого, 15 декабря 1963 г., на конференции центра было объявлено о создании партии «Иране новин» («Новый Иран»). 7 марта 1964 г. лидер партии Хасан Али Мансур сформировал кабинет, в котором все посты, за исключением постов министра обороны, иностранных дел и сельского хозяйства, заняли члены этой партии¹⁹.

Приход к власти партии «Иране новин», ратовавшей за индустриализацию страны и выведшей на арену экономической

и политической деятельности представителей нового поколения буржуазии, был важной вехой в истории Ирана. Власть перешла в руки бюрократической и крупной буржуазии²⁰.

Значительная часть членов бывшей партии «Меллиюн», а также находившейся в состоянии политического анабиоза партии «Мардом» перешла, а точнее, перекочевала в «Иране новин», которая к тому же открыла доступ в свои ряды всем, выражавшим верность монархии и осуществлявшейся ею программе преобразований. По существу, с этого времени обеспечение возможно большей массовости партии, представляющей фасад монархии, становится для Мохаммеда Резы Пехлеви делом почти первостепенной важности; массовость «Иране новин» начинает восприниматься им как лучшее свидетельство процветания монархии.

В 1963 г. возобновила свою деятельность партия «Мардом». Своей целью она объявила участие в осуществлении социально-экономических реформ монархии. Ей как еще одной партии крупной буржуазии была отведена роль лояльной оппозиции как в меджлисе, так и вне его.

В мае 1971 г., обращаясь к 5 тыс. делегатов съезда партии «Мардом», шах отметил, что одна партия (т. е. «Иране новин») взяла на себя всю ответственность за действия исполнительной власти, а другая («Мардом») стала сторожевым псом, который должен следить за тем, выполняет ли правительство свои обязательства так, как того требуют высшие интересы нации. Оппозиционная партия обязана выявлять неудачи правящей партии и критиковать ее за эти неудачи по мере их выявления, правящая же партия должна приводить доводы в свою защиту, а если у нее не будет основательных доводов, она обязана вступить в сотрудничество с оппозиционной партией для того, чтобы преодолеть эти неудачи, заявил он²¹.

О соотношении сил этих двух партий можно судить, в частности, по следующим данным. В меджлисе XXIII созыва (1971 г.) «Иране новин» имела 229 мест из общего числа 268, а в сенате — 27 из 30 избираемых мест. «Мардом» же имела 37 депутатов в меджлисе и 2 сенаторов.

В это же время имелись еще две небольшие дозволенные монархией «оппозиционные» партии — мелкобуржуазная националистическая партия «Ираниян», образованная в январе 1971 г. (один депутат в меджлисе), и «Паниранисты». Программы всех «оппозиционных» партий покоились на безусловном признании «белой революции»²².

Свидетельством масштабов деятельности и ведущей роли «партии его величества» — «Иране новин» могут служить следующие данные. Руководство провинциями и генерал-губернаторствами осуществляли, как правило, члены этой партии. Она в 1972 г. имела большинство в 307 из 329 энджуменов городов и шахрестанов. В 1973 г. общее число членов партии оценивалось в 300 тыс. «Учитывая же примыкавшие или входившие в

партию в качестве коллективных членов общественные организации (90% членов рабочих синдикатов, значительную часть членов „корпусов революции“, женских, молодежных и других организаций), можно с известными оговорками сказать, что „Иране новин“ объединяла в 1973 г. деятельность почти 1 млн. человек, включавших представителей самых различных слоев населения»²³.

Превращение «Иране новин» в столь массовую организацию объяснялось стремлением Мохаммеда Резы Пехлеви овладеть сознанием как можно большего числа подданных, сделать их своими единомышленниками и тем самым добровольными исполнителями его предначертаний. Понятно, что, располагая практически неограниченными возможностями, шах широко использовал их для достижения поставленной цели.

Монархия Мохаммеда Резы Пехлеви ставила перед партией «Иране новин» жизненно важные для себя задачи. Их можно сформулировать следующим образом: вовлечение в сферу деятельности и влияния партии профсоюзов, создаваемых по указке и под надзором монархии, молодежных, женских, культурных и других общественных организаций; насаждение реформизма в рядах рабочего класса, воспитание его через профсоюзные организации в духе реформизма и преданности монархии; создание морально-политического единства иранского общества.

В феврале 1974 г. в газете «Кейхан Интернэшнл Уикли» была помещена статья Фариборза Мохтари, в которой излагались взгляды лидеров четырех партий²⁴.

Генеральный секретарь «Иране новин» Манучехр Халали: «Белая революция воплотила в жизнь цели иранских патриотов и свободолюбцев; она предоставила свободу действий подавляющему большинству иранцев, которые стали надежными приверженцами ее устремлений». Он считал свою партию способной устранить большую часть препятствий, если не все, на пути развития Ирана без кровопролития. По его мнению, партия создала инфраструктуру для экономического, социального и политического развития страны и ее индустриализации. Халали подчеркнул, что существует тесное сотрудничество партии и правительства. «К счастью,— сказал он,— наше партийное правительство и наша политическая партия не отделены друг от друга». Вместе с тем он заявил, что верит в многопартийную систему: «Мы относимся с уважением ко всем законным политическим партиям и приветствуем их здоровую, конструктивную деятельность».

Генеральный секретарь партии «Мардом» Насер Амери видел отличие своей партии от правящей «Иране новин» в открытой приверженности социальной справедливости, участию народа в политической жизни и укреплении партийной жизни. Амери считал, что партия «Мардом» может действовать успешнее, чем «Иране новин», особенно в осуществлении тех целей и задач, которые являются основными для «революции шаха».

и народа». Он отметил, что одним из результатов революции стало облегчение участия граждан в общественной жизни и политической деятельности. Своим существованием партия «Иране новин» обязана этому факту. «Но печально, что „Иране новин“, — сказал Амери, — оказалась не в состоянии со всей отчетливостью постичь устремления его величества в этом вопросе».

Генеральный секретарь партии «Ираниан» Фазлолла Садр целью своей партии в случае ее прихода к власти назвал привлечение молодого поколения к участию в ее деятельности. «Мы придаем воспитанию учащихся большое значение, — сказал он, — так как они постоянно подвергаются бомбардировке колониалистской пропагандой. Они должны быть ознакомлены с национальными устремлениями и идеями, чтобы быть защищенными от антииранского обстрела, нацеленного на них». Его партия восприняла «революцию 6 бахмана» (26 января 1963 г., т. е. день референдума по поводу реформ «белой революции») не только с экономической точки зрения. По мнению его партии, она «более важна для политической независимости Ирана».

Генеральный секретарь партии «Паниранисты» Мохсен Пезешкпур был убежден, что обеспечение социальной и управленческой дисциплины является наиболее важным долгом политических партий. Ликвидация «земельного феодализма» в Иране — источник гордости и победа нации. Но одного этого недостаточно. Должны быть проведены фундаментальные изменения в политической и управленческой областях²⁵.

Незадолго до публикации этой статьи, в самом конце декабря 1973 г., Мохаммед Реза Пехлеви в интервью газете «Мардом», органу партии «Мардом», сказал: обстоятельства в Иране складываются таким образом, что Иран будет придерживаться двухпартийной системы, хотя поначалу политических партий может быть и больше. В этом же интервью он заявил, что парламентарный режим без политических партий вызовет анархию, а однопартийное правление приведет или к коммунизму, или к фашизму. Двухпартийный режим будет составлять основу правления в Иране, так как в рамках «революции шаха и народа существуют две основные линии политической активности: каждая партия стремится показать свою способность наилучшим образом интерпретировать и воплощать в жизнь принципы „революции“; на основе народных выборов к власти приходит наиболее достойный»²⁶.

Свидетельством того, что изложенная концепция оставалась на вооружении монархии, явились очередной, IV съезд оппозиционной «Мардом», состоявшийся в конце ноября — начале декабря 1974 г., и IV съезд правящей «Иране новин», прошедший в январе 1975 г.

Вместо Манучехра Халали съезд «Иране новин» избрал генеральным секретарем партии Амира Аббаса Ховеиду — премьер-министра.

А. Ховейда призвал партию к широкому диалогу с иранским народом. Судя по его словам, он был намерен превратить партию «Иране новин» в своего рода национальный форум и дать гораздо большему числу иранцев возможность испытывать чувство принадлежности к ней, пусть даже без партийного билета.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что монархия испытывала потребность в состоящей из «дозволенных партий» системе, считала, что иранское общество уже стало обществом национального согласия и что это согласие может носить устойчивый характер в будущем при динамичном движении вперед и быть обществом социально-экономического и социально-политического равновесия.

Вскоре после IV съезда «Иране новин», 5 марта 1975 г., Мохаммед Реза Пехлеви дал указание о создании единой партии — «Партии возрождения иранской нации»²⁷ — в персидском звучании «Хезбе растахизе меллате Иран», коротко «Растахиз», которая должна была вобрать в себя существующие четыре партии. Обращаясь к издателям и редакторам газет, к лидерам этих четырех партий, шах назвал три кардинальных принципа, признание которых открывало возможность членства в «перестроенной политической системе». Это — поддержка конституции страны, лояльность монархическому режиму и приятие «революции 6 бахмана». Поддержка «независимой внешней политики» страны была названа само собой разумеющейся. Генеральным секретарем «Растахиз» был назначен генеральный секретарь правившей в тот момент партии «Иране новин» А. Ховейда, сроком на два года.

Шах заявил, что все иранцы должны быть политически активны. Не должно быть «одиночек», т. е. лиц, стоящих в стороне от политической жизни общества. Но не должно быть и «политически воинствующих», т. е. идущих против принципов и предначертаний монарха.

Корреспондент «Кейхан Интернэшнл Уикли» Казем Зарнегар, рассказывая читателям об этом выступлении шаха, сообщал: «Монарх заклеил тех воинствующих, которые отказываются присоединиться к триединым принципам, как „лишенных права на-существование“ и сказал, что место таким лицам или в тюрьме, или за рубежом. Те из воинствующих, кто предпочитает покинуть страну, будут обеспечены всем необходимым для этого, добавил он»²⁸. Шах призвал всех иранцев сплотиться «вокруг одного знамени, одной философии, одной высокоорганизованной государственной машины и защищать интересы Ирана сегодня и завтра».

Сразу же после обнародования распоряжения шаха лидеры всех четырех партий заявили о своей приверженности партии «Растахиз». Печатные органы этих партий были закрыты. Все крупные администраторы, вплоть до тех министров, которые до создания «Растахиз» не входили в существовавшие партии,

обязаны были выразить свою верность новой партии, даже в том случае, если они не становились ее членами.

Выборы в меджлис должны были проходить уже под эгидой новой партии. При «свободной и правильной», как выразился шах, избирательной системе претенденты, которые ранее не могли добиться депутатского мандата из-за политического превосходства партии большинства, получают больше возможностей бороться за место в парламенте. Это позволит оценивать партийную деятельность каждого действительно по его достоинствам, заявил шах.

Так человек, только в декабре 1973 г. обосновавший неприемлемость (во всяком случае, для своей страны) однопартийной системы, с легкостью стал утверждать прямо противоположное.

Разумеется, это требует пояснения. Нам представляется, что решение шаха о переходе к однопартийной системе объяснялось его неукротимым желанием видеть иранское общество середины 70-х годов не таким, каким оно было, а таким, каким, по его мнению, оно должно было быть. Шах считал, что в Иране (как в городе, так и в деревне) уже ликвидирована эксплуатация человека человеком, достигнуто единство интересов труда и капитала, страна близка к всеобщему благоденствию (обо всем этом подробно в главе III). Если и есть кое-какие «недоделки», то их можно устранить в ходе дальнейшего движения вперед. Иначе говоря, он убедил себя в том, что «белая революция», или, что звучало милее его сердцу, «революция шаха и народа», сумела создать морально-политическое единство иранского общества и что это единство может служить основой для перехода к однопартийной системе. Естественным, он понимал, что у существовавшего в его воображении единства есть и идейные противники. Но это не помеха, ибо для борьбы с ними создан прекрасно организованный аппарат насилия, практически всемогущий (как оказалось, тоже лишь в его воображении).

8 марта 1975 г. в «Кейхан Интернэшнл Уикли» было напечатано заявление генерального секретаря новой партии — премьер-министра А. Ховеиды, переданное ранее по радио. В нем генеральный секретарь призвал все политические партии сомкнуть свои ряды для построения новой политической системы, провозглашенной шахом. По его мнению, предложение шаха должно было вызвать к жизни новое общенациональное движение. Ситуация, при которой человек должен принадлежать к какой-то политической партии, чтобы получить хорошее место, канула в прошлое. «Под руководством шахиншаха политическое развитие Ирана будет таким же быстрым, каким является его экономическое развитие в последнее десятилетие», — сказал А. Ховейда. Он выразил уверенность в том, что новая политическая структура докажет свою высокую жизнеспособность, ибо «все иранцы питают веру в Монархию, Конституцию,

Революцию — три кардинальных принципа движения, которым охвачено иранское общество».

Днем официального появления на свет партии «Растахиз» стало 1 мая 1975 г., когда создание ее было одобрено учредительным съездом, в котором участвовало 5 тыс. человек²⁹. Учреждение новой партии было обставлено с большой помпезностью. На следующий день на стадионе «Ариамехр» состоялся стотысячный митинг, посвященный этому событию.

Шах и его окружение придавали большое значение тому, чтобы представить «Растахиз» как плоть от плоти, кровь от крови народа. Своеобразным выражением этого были слова А. Ховеиды: «Генеральный секретарь не хочет быть всемогущим гигантом. Если вы не поможете ему, — сказал он, обращаясь к стотысячной аудитории, — он не будет в состоянии выполнить свое предназначение»³⁰.

Выше мы попытались рассказать, как и для чего создавалась партия «Растахиз». Ограниченные объемом, в последующем изложении постараемся показать лишь то, почему и как умирала эта партия в предгрозовой обстановке надвигавшейся революции и как она распалась в пору революционной бури.

Но прежде — небольшой штрих, свидетельствующий о том, что чувство реальности утратил не только монарх, но и его ближайшие помощники. Выступая на упомянутом выше стотысячном митинге, Ховеида сказал: «А теперь я обращаюсь к Вашему Величеству с просьбой позволить представителям провинций от имени всей нации преподнести шахиншаху в знак благодарности специально сделанную золотую пластину». На пластине имелась следующая надпись: «Ваше Величество, Ваши идеи открыли дорогу к победе; Ваше руководство является надежной охраной этой вечной нации; идеалом партии „Растахиз“ является величие Отечества»³¹.

Нельзя не признать, что партии «Растахиз» пришлось действовать в очень трудное, как было показано в начале данного исследования, время, особенно сложное в экономическом отношении, когда волюнтаризм монарха привел народное хозяйство в состояние крайнего напряжения. И тем не менее ее крах не может быть отнесен на счет этих трудностей. В конечном счете он был определен тем, что монарх стремился сотворить «чудо»: превратить волюнтаризм, деспотизм, политическую демагогию в животворные источники исторического прогресса.

Вскоре после создания партии в ней началось формирование двух фракций, так называемых крыльев: Конструктивного крыла (во главе с министром экономики и финансов Хушангом Ансари) и Прогрессивного крыла (его возглавил министр внутренних дел Джамшид Амузегар).

Политический обозреватель «Кейхан Интернэшнл Уикли» Шауль Бахаш писал о «крыльях»: «Какие сложатся отношения между этими... силами, можно будет узнать лишь спустя какое-то время. Но с некоторой степенью уверенности можно сказать,

что решение остановить выбор на создании крыльев, имеющих формальный характер, свидетельствует о наличии в партии „Растахиз“ тенденции к разнообразию и неподдельным дебатам»³².

Шах возлагал на оба крыла большие надежды как на «генераторы идей»³³. Как показала действительность, они не оправдали этих надежд шаха хотя бы потому, что своей инициативностью и активностью он подавлял оба крыла, а то, что предлагалось теми или иными высокопоставленными членами партии, не выходило за рамки стандартов и установок, определенных им самим. Когда же они выражали тревогу в связи со все усложнявшимся внутренним положением, шах не внимал их голосам. Затем наступило время, когда он сам понял, что монархия катится в бездну, но было поздно.

Уже в 1977 г. слышен ропот членов партии на местах — в ячейках и первичных организациях. 1 января 1977 г. в «Кейхан Интернэшнл Уикли» можно было прочитать следующие слова заместителя генерального секретаря «Растахиз» Дариуша Хомаюна: «Одной из наиболее частых причин выражаемого на местах недовольства является слабое реагирование на их просьбы... Главный упор партийные организации должны делать в настоящее время на то, чтобы откликаться на требования и предложения членов партии». Казалось бы, мелочь: ропот членов партии, недовольных тем, что к ним не прислушиваются. Между тем, как показали последующие события, эта «мелочь» была началом большой беды монарха.

Тем временем бесхозяйственное использование средств, коррупция, хищения принимали все более широкий размах, продолжался разгул инфляции и, естественно, нарастало недовольство тех, кто больше всего страдал от этого. Партия не могла оставаться безучастной. И она откликалась по-своему. Так, генеральный секретарь «Растахиз» в середине марта 1977 г. заявил, что «ликвидация коррупции является задачей номер один как для партии, так и для правительства»³⁴. В начале апреля в качестве важной задачи «Растахиз» он назвал борьбу с расточительством³⁵.

Не было благополучия у «Растахиз» и на идеологическом фронте, судя по тому, что сказал Дариуш Хомаюн во время своего визита в Ахваз: «Тот факт, что спустя более чем два года (после создания партии. — *Ред.*) мы все еще говорим о философии, свидетельствует о том, что мы не делаем своего дела должным образом»³⁶. Иначе говоря, в интеллигентной форме был сделан намек на то, что партия занимается по преимуществу риторикой.

Через неделю тот же Дариуш Хомаюн как об очень важной задаче партии заявил о необходимости «открыть возможности для участия в политической жизни гораздо большему числу представителей различных социальных слоев, чем это происходит в настоящее время». Заместитель генерального секре-

таря партии, само создание которой должно было свидетельствовать о морально-политическом единстве иранского общества, спустя всего лишь два года после ее учреждения вынужден был волею обстоятельств сказать, что «дюжины сотен партийных ячеек регулярно проводят в городах собрания... члены этих организаций бомбардируют мэров письмами», в которых выражается недовольство по многим вопросам³⁷.

Возраставшая как в стране в целом, так и в рядах партии «Растахиз» напряженность находила отражение и на страницах ее органа — газеты «Растахиз». Об этом свидетельствуют даже одни лишь заголовки статей и заметок. Вот, например, заголовки статей, помещенных в номере от 8 июня 1977 г.: «Партийная комиссия по изучению трудностей с лекарствами вынесла решение по их устранению»; «На ежемесячном заседании Конструктивного крыла Хушанг Ансари сказал: „Конструктивное крыло изучает причины трудностей с жильем и социальным страхованием“». В номере от 12 июня 1977 г. сообщалось, что на основе указа шаха Шахиншахская инспекция уполномочена проводить внезапные и регулярные ревизии учреждений страны. Указанная инспекция, в свою очередь, извещала, что жалобы населения на государственные учреждения регулярно будут доводиться до сведения шаха.

Во второй половине 1977 г. стремление людей — как членов партии «Растахиз», так и беспартийных — бить тревогу по поводу неблагоприятного положения дел в обществе, их потребность говорить правду и слышать правду, видеть проявление внимания к своим нуждам со стороны партии «Растахиз» и государства еще более усиливаются³⁸.

24 сентября 1977 г. Конструктивное крыло партии «Растахиз» выступило в печати с заявлением «Политическая атмосфера Ирана»³⁹. С анализом этого документа вскоре на страницах «Кейхан Интернэшнл Уикли» выступил Шауль Бахаш. Он писал: «В нем (заявлении.— *Ред.*) сделана попытка четко и ясно изложить политическое кредо самого Конструктивного крыла. Судя по нему, страна снова стоит на политическом распутье, что требует пересмотра фундаментальных политических положений. Это — обращенное к иранцам приглашение к „широкому и всеохватывающему“ обсуждению состояния „политической среды“, в условиях которой проходит политическая жизнь иранцев. При этом оно опубликовано в пору, когда видны признаки оживления деятельности партии и ее обеих фракций... Документ отстаивает безусловное право на политические свободы, право на информированность, требует, чтобы административный аппарат государства чутко откликался на общественное мнение, а правительство осуществляло свою деятельность, опираясь на закон...

В документе отмечается, что страна в своем развитии достигла такого момента, когда „направления мысли, которые для Ирана поры стагнации и застоя в предреволюционный период

(т. е. до начала „белой революции“.—*Ред.*) никогда не воспринимались как социальные императивы, сегодня находятся в числе самых важных условий, необходимых нашему быстро развивающемуся обществу“.

Еще раз подчеркнув, что наступил новый кризис в политической эволюции Ирана, документ выдвигает доводы, говорящие о том, что расширение политических свобод является „логическим развитием“ возрастающей политической зрелости иранского общества.

При сложившемся положении дел, когда политическая система страны готова к новому этапу своей эволюции, Конструктивное крыло утверждает, что существенно важно, чтобы люди сами решали, сами определяли, каковы их чувства и желания»⁴⁰.

Как нам представляется, уже одни лишь приведенные характеристики этого документа и его процитированные положения дают достаточно оснований для того, чтобы сказать: партия «Растахиз» с момента ее создания была образованием искусственным, нежизнеспособным, плодом самого беззастенчивого волюнтаризма. Поэтому в сложных экономических и социальных условиях Ирана 1975—1978 гг. понадобилось немного времени, чтобы выявилась недееспособность этой партии как руководящей и направляющей силы иранского общества, какой ее мнил шах. И весьма симптоматично, что осенью 1978 г., когда почва фактически уходила у шаха из-под ног, он счел нужным довести до сведения общественности, что готовится в свет его третья книга — «К великой цивилизации»⁴¹ (о том, какова ей цена,— в следующей главе).

После всего изложенного выше читателю будет понятна та цепь событий в жизни партии «Растахиз», которую мы предлагаем его вниманию:

в начале июня 1978 г. подает в отставку глава Конструктивного крыла Хушанг Ансари. Причина — чрезмерная занятость министерскими обязанностями⁴²;

тогда же подает в отставку лидер Прогрессивного крыла Абдол Маджид Маджиди. Обоснование: перегруженность обязанностями в качестве президента Фонда шахини Фарах⁴³;

в начале сентября подает в отставку генеральный секретарь партии Джамшид Амузегар, одновременно покинувший пост премьер-министра. Вместе с ним подает в отставку заместитель генерального секретаря Махмуд Джафариан⁴⁴;

в конце сентября политбюро партии «Растахиз» принимает отставку Джамшида Амузегара и избирает вместо него Джавада Саеда. Тогда же политбюро «отвергает претенциозные прогнозы о нависшей над партией угрозе роспуска». Джавад Саед заявляет: «Устав партии ни мне, ни политбюро, никакому другому органу партии не дает права распускать партию. Мы даже не будем рассматривать вопрос о роспуске партии»⁴⁵;

2 октября объявляется о роспуске партии «Растахиз»⁴⁶;

в начале октября 1978 г. в тронной речи шах «со страстной мольбой призывает к объединению и сплоченности»⁴⁷.

Таким образом, партия, созданная по воле и в соответствии со взглядами шаха, ушла в небытие, опередив падение ее создателя.

Искусственный и насильственный характер расчистки монархией «жизненного пространства» для «своих» партий, а затем и «своей» единственной партии, начатый еще с конца 40-х годов, исчезновение легальной оппозиции, периодическая «прополка» политической арены⁴⁸ не прошли для нее без последствий.

Политические организации антишахских сил

Буржуазно-либеральная оппозиция шахскому режиму была представлена двумя организациями: Движением за свободу Ирана (ДСИ) и Национальным фронтом (НФ) *.

Движение за свободу Ирана было создано в 1963 г. аятоллой Махмудом Талегани и Мехди Базарганом, бывшим до этого одним из лидеров НФ. После событий начала 60-х годов и неудач НФ в борьбе против шахской диктатуры М. Базарган пришел к мысли о необходимости заключения союза с духовенством, результатом чего и явилось образование ДСИ, преследовавшее цель объединить усилия светской и религиозной оппозиции. А поскольку часть высшего духовенства была тесно связана экономическими и социально-политическими узами с базаром, где господствовал торгово-ростовщический капитал, то, по существу, ДСИ в 70-е годы стало отражать интересы блока этой части духовенства (занимавшего умеренные позиции) и торгово-ростовщической буржуазии.

Главное программное требование этой организации заключалось в восстановлении принципов конституции 1906 г., предусматривавшей создание режима конституционной монархии, соблюдение гражданских прав и свобод, сформирование не подотчетного шаху правительства, ответственного перед парламентом, и верховный надзор духовенства над законодательной деятельностью парламента. Это означало, что умеренная часть духовенства не стремилась к ликвидации института монархии и переходу всей полноты государственной власти в руки духовенства, ограничиваясь лишь требованием соблюдения конституции, предусматривавшей косвенное участие духовенства в структуре государственной власти. Так, в программном документе ДСИ его позиция формулировалась следующим образом: «На основе политических, этических и общественных догм исла-

---

* Национальный фронт создали осенью 1949 г. 20 буржуазных и мелко-буржуазных деятелей во главе с Мосаддыком, в том числе руководители партий «Иран» и «Партии трудящихся Ирана».

ма бороться за ликвидацию несправедливости, особенно против всех видов опоры на иностранцев, за возрождение основных конституционных прав иранского народа путем установления власти закона»⁴⁹.

Таким образом, лидеры ДСИ занимали реалистичную позицию, ибо понимали, что другого пути нет и что в условиях капитализма следует добиваться лишь компромисса путем ликвидации наиболее одиозных проявлений его иранской модели. Тем самым ликвидация единоличной власти шаха, служащего проводником империалистического влияния и олицетворяющего господство узкой группы монополистической буржуазии, низведение шаха на роль конституционного монарха представлялось умеренной части духовенства достаточным условием компромисса между капитализмом и традиционализмом.

Радикальная часть духовенства не создала собственной политической оформленной организации и разделяла взгляды Хомейни, добивавшегося ликвидации монархии и замены ее теократической диктатурой богословов, восстановления норм и принципов ислама во всех областях жизни иранского общества — политической, экономической, социальной, культурной. Во внешнеполитической сфере она выступала под лозунгом борьбы против империализма, подразумевая под ним борьбу как против империалистического влияния, так и против проникновения в страну идей социализма и коммунизма, рассматривая США и СССР в качестве двух «империалистических сверхдержав». Внутри страны эта часть духовенства боролась как против монархии, так и против левых и демократических сил. Иными словами, она лелеяла утопическую надежду вернуть Иран к раннеисламскому обществу с доминированием традиционных мелкоотварных отношений и безраздельным господством исламской идеологии. Естественно, ничего революционного в позиции этой части духовенства не было.

Политическое лицо другой буржуазно-либеральной организации — Национального фронта — было менее четко выражено. НФ был воссоздан лишь в 1977 г. как коалиция трех организаций. Правое его крыло составляла Партия иранской нации под руководством Дариюша Форухара, центр — партия «Иран» во главе с Шапуром Бахтияром, левое крыло — Общество социалистов национального движения, возглавлявшееся Каримом Санджаби. Таким образом, состав НФ был довольно пестрым. К тому же организации, из которых слагался НФ, представляли собой относительно небольшие группы буржуазных либералов, являвшихся, образно говоря, генералами без армий.

В своей деятельности НФ руководствовался уставом, принятым еще в конце 1963 г.⁵⁰.

Свои цели и задачи НФ излагал следующим образом: «Положение первое — восстановление личных и общественных прав и свобод иранского народа в соответствии с основными законами Ирана и Всеобщей декларацией прав человека; борьба с

любыми посягательствами на личные и общественные права и свободы. Положение второе — установление законной власти путем всеобщих и свободных выборов; защита принципов конституции 1906 г. и борьба с любыми посягательствами на эти принципы. Положение третье — проведение Ираном независимой внешней политики на основе защиты интересов страны с учетом основных целей Устава Организации Объединенных Наций; дружба со всеми странами мира; поддержка народов Азии и Африки; борьба с любыми проявлениями политики колониализма; защита стран, борющихся за свободу и независимость»⁵¹. НФ считал, что для достижения этих целей необходимо создать «независимую, сильную, справедливую и благочестивую судебную систему», распустить САВАК, изъять из-под власти шаха армию и передать контроль над ней независимому от шаха правительству, ликвидировать причины злоупотребления властью и навести порядок в госаппарате⁵².

Из этого следует, что НФ не требовал ликвидации монархии, соглашаясь на монархию конституционную с независимыми от шаха парламентом, правительством и армией. В отличие от программных требований ДСИ программа НФ носила чисто светский характер. Единственной уступкой духовенству было туманное упоминание о «благочестивой» судебной системе без разъяснения, что сие означает.

Положение НФ было весьма двусмысленным: хотя он считал себя выразителем интересов средней буржуазии (главным образом промышленной), его программа предусматривала сохранение всех командных высот в экономике в руках крупной, монополистической буржуазии как наиболее экономически мощной силы. Вместе с тем, выступая против диктата монархии и непосредственно связанной с ней группы буржуазии, НФ оказывался в союзе с базарно-исламской группировкой, которая намного превосходила его по силе и организованности и, естественно, преследовала собственные цели. Таким образом, НФ был неспособен реально защищать интересы средней промышленной буржуазии.

Положение, существовавшее в левом движении Ирана, было куда более сложным. Народная партия Ирана (НПИ) подвергалась жестоким репрессиям, ее основные кадры были разгромлены, руководство находилось в эмиграции.

Внутри Ирана действовали несколько мелких левых групп и две крупные подпольные вооруженные организации, в создании которых большую роль сыграло студенчество. Одна из них — Организация партизан-федаев⁵³ иранского народа (ОПФИН), возникшая в 1965 г. на базе отколовшейся от НПИ группы, — провозгласила своей идеологической основой марксизм. Другая — Организация моджахедов⁵⁴ иранского народа (ОМИН), — возникшая также в 1965 г. после раскола Движения за свободу Ирана, сочетала в своей идеологической платформе отрывочные положения научного социализма и приспо-

собранные к современным условиям принципы ислама*. В мае 1975 г. часть руководства ОМИН высказалась за отказ от идеологии ислама и переход на марксистско-ленинские позиции, опубликовав «Манифест идеологических позиций Организации моджахедов иранского народа»⁵⁵. В результате обострившихся разногласий между сторонниками марксизма и приверженцами ислама ОМИН раскололась. Из нее выделилась организация «Пейкар» («Борьба»), занявшая непоследовательно марксистские позиции. Основная организация моджахедов сохранила леворадикальный характер, но исламские тенденции в ней усилились.

В целом левые организации и группы были раздроблены, обвиняли друг друга в оппортунизме и левом экстремизме, в некоторых мелких группах было сильно влияние маоизма, троцкизма, другие находились под воздействием идей Че Гевары, Франца Фанона, Режи Дебре и т. п.

Мелкие левые группы особой роли в Иране не играли, и главными в левом движении можно считать три организации — НПИ, ОПФИН и ОМИН. Несмотря на серьезные идеологические и тактические разногласия, они добивались сходных стратегических целей: свержения шахского режима путем осуществления национально-демократической революции и перехода на путь социалистической ориентации (с исламским уклоном у ОМИН). Залогом успеха в этой борьбе они считали создание единого национально-демократического антимонархического и антиимпериалистического фронта. НПИ полагала, что в этот фронт могут войти часть крупной буржуазии, не связанная с иностранным капиталом и настроенная патриотически, вся национальная средняя буржуазия, рабочие, крестьяне, городская мелкая буржуазия (ремесленники и торговцы) и прогрессивная интеллигенция⁵⁶. ОПФИН считала, что в Иране вся буржуазия так или иначе связана с иностранным капиталом и слита с компрадорской буржуазией, на этом основании она исключала ее из состава национально-демократических сил⁵⁷. В программных документах ОМИН эти вопросы не были проработаны.

В тактических вопросах НПИ занимала позицию, отличную от других левых организаций. Самое существенное отличие было отражено в ее программе, принятой в 1975 г.; в ней, в частности, говорилось, что «национально-демократическая революция может быть осуществлена только путем борьбы народных масс, а не являться результатом героизма того или иного человека, той или иной политической партии»⁵⁸. Тем самым было высказано отрицательное отношение к вооруженной борьбе, которую начиная с 1971 г. вели организации федаев и моджахедов.

ОПФИН и ОМИН в своей тактике делали упор на развер-

* О роли студенчества в деятельности ОПФИН и ОМИН рассказывается в следующем параграфе.

тыгание вооруженной борьбы против шахского режима. ОПФИН считала, что вооруженные действия революционного авангарда убедят запуганный репрессиями народ в возможности успешной борьбы против шахского режима, послужат стимулом к развертыванию народной борьбы, на определенном этапе массы присоединятся к авангарду, и революция свершится⁵⁹.

При существовавшей расстановке классовых сил наиболее сильные позиции в антишахской коалиции занимали торгово-ростовщическая буржуазия и духовенство, в подчинении у которых была традиционная мелкая буржуазия. Торгово-ростовщическая буржуазия стремилась не к осуществлению национально-демократической революции, а лишь к тому, чтобы монархия соблюдала конституционные свободы. Союзником ее в этом была монополистическая промышленная буржуазия. Умеренная часть духовенства поддерживала буржуазию; его крайнее крыло стремилось к установлению теократической диктатуры при опоре на традиционную мелкую буржуазию.

При такой расстановке классовых сил призыв левых к созданию единого национально-демократического фронта практически означал готовность к подчинению политически плохо организованного и идейно слабо воспитанного пролетариата интересам торгово-ростовщической буржуазии и духовенства.

Участие студенчества в общественном движении в 60—70-е годы

В социальной структуре иранского общества 60—70-х годов студенчество было одной из наиболее динамичных «современных» групп, связывавшей свое будущее с национальным возрождением страны. Часть студенчества, воспринявшая лучшие традиции антишахских выступлений конца 50-х — начала 60-х годов, активно искала новые пути борьбы. Именно в этой среде родились и оформились две левые, очень похожие и в то же время отличающиеся друг от друга силы, ОПФИН и ОМИН, сыгравшие огромную роль в период углубления революционной ситуации и штурм монархии.

В 70-х годах по числу студентов на тысячу жителей Иран вышел на уровень показателей 60-х годов таких стран Западной Европы, как ФРГ, Италия, Австрия. Если в 1960 г. в Иране обучалось около 24 тыс. студентов⁶⁰, то в 1977 г. — около 190 тыс. Соответственно возросло число высших учебных заведений — с 16 в 1960 г. до 180 в 1977 г.⁶¹.

Развитие высшего образования в целом было функцией государства, но с 1963 г. и особенно в последние годы шахского режима стали открываться частные вузы. Так, в 1973 г. из 60 университетов, институтов, высших училищ и других высших учебных заведений страны 43 были государственными и 17 — частными⁶². В середине 70-х годов более 40% всех студентов

были сосредоточены в восьми крупнейших университетах; учебный процесс в них обеспечивали 67% преподавателей страны⁶³. Наместились некоторые сдвиги в развитии женского образования, где серьезным тормозом оставались традиционные религиозные запреты и предписания. Тем не менее в 1964 г. высшие учебные заведения Ирана окончили 1200 студенток, а в 1974 г. — 4500. Уже с 60-х годов в вузах появились преподаватели-женщины. В 1976/77 учебном году в высших учебных заведениях училось 46 тыс. иранок⁶⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в середине 70-х годов в Иране сложилась достаточно развитая система современного высшего образования⁶⁵. Помимо этого существовала система конфессиональной школы, которая находилась под контролем мусульманского духовенства и не играла ведущей роли. В 1975 г. в Куме обучалось 6500 человек (толлабов), в Мешхеде — 1800, в Исфахане — 100, в Тебризе — 500, в Ширазе — 250, в Йезде — 300⁶⁶. Крупнейшим центром религиозного обучения был «Кумский научный центр». Возраст половины толлабов был от 17 до 19 лет, вообще же в медресе обучались лица в возрасте от 15 лет до 31 года. Толлабы получали стипендии от тех религиозных деятелей, которые являлись главными наставниками в медресе. Среди них были аятоллы Хомейни, Хои, Хонсари, Гольпаегани, Амоли, Шариатмадари⁶⁷.

Самыми крупными и престижными среди иранских вузов были университеты. Как правило, в тех городах, где находились университеты (Тегеран, Тебриз, Исфахан, Шираз, Мешхед, Керманшах, Ахваз и др.), наблюдалась и высокая концентрация студенчества. В Тегеране, крупнейшем учебно-научном центре Ирана, имелось около 60 высших учебных заведений, в том числе: Тегеранский государственный университет, Педагогический институт, Институт телекоммуникаций, Высшее техническое училище, Индустриальный университет Ариамехр, Политехнический институт⁶⁸.

Ведущее учебное заведение страны, Тегеранский университет, в 1974 г. объединяло 17 факультетов, 35 институтов и 12 медицинских клиник; в нем обучалось 17,4 тыс. студентов и работало около 1400 профессоров и преподавателей. Университет имел атомный реактор; геофизический центр университета осуществлял научное руководство сейсмической службой Ирана⁶⁹. Работой Тегеранского университета руководил Совет университета (в составе деканов факультетов и двух профессоров от каждого факультета), председателем которого был ректор⁷⁰. Ректор представлял университет перед меджлисом, составлял университетский бюджет, решал вопросы административных назначений. Ректор Тегеранского университета имел значительный политический вес, и этот пост мог явиться ступенькой к занятию самых высоких государственных должностей, даже поста премьер-министра⁷¹.

Росло число студентов, обучавшихся за границей. Так, если

в 1963 г. их было 16 тыс.⁷², то в 1975/76 учебном году в зарубежных вузах обучалось уже 38 тыс. иранцев⁷³, т. е. 22% всех студентов страны. Около половины иранских граждан, выехавших за границу по студенческим паспортам, проходило обучение в США⁷⁴. Многие студенты оставались за пределами Ирана и после окончания срока действия студенческих паспортов. Только в США в период революции в Иране проживало около 100 тыс. студентов, не имевших продленной визы и паспорта. По мнению исследователя Р. Арасте, причина роста численности уезжавших за рубеж состояла в том, что вузы Ирана могли принять едва ли десятую часть всех желавших учиться, а также в том, что молодые люди стремились увидеть Запад и сменить обстановку, поскольку социально-политические реалии жизни дома не совпадали с их идеалами⁷⁵.

Отмеченный выше рост численности студенчества сопровождался и известным расширением его социальной базы. Исторически сложившаяся элитарность высшего образования постепенно преодолевалась. Эта тенденция проявилась в том, что более широкий доступ к высшему образованию получили представители национальной буржуазии, традиционных средних слоев города и деревни, отчасти — рабочие. Этому способствовало принятие в 1974 г. новых правил обучения в высших учебных заведениях. В последующие годы эти правила были дополнены рядом новых положений, и в итоге право на бесплатное обучение было закреплено за теми студентами, которые обязались проработать на государственных или частных предприятиях в Иране по одному году за каждый год обучения.

Уже в 1976 г. 93% студентов обучались на льготных условиях⁷⁶. Из 100 тыс. студентов университетов в 1978 г. 60% были выходцами из семей, в которых родители были неграмотными⁷⁷. Выходцы из богатых семейств предпочитали получать высшее образование за рубежом⁷⁸.

Заметное расширение социального состава студенчества после 1974 г., в первую очередь за счет притока в вузы представителей средних и мелкобуржуазных слоев города и деревни, отразилось на его социально-политической ориентации. В иранском студенчестве аккумулировались различные типы политического сознания — от шовинистически-националистического и буржуазно-либерального до леворадикального и социалистического. Вместе с тем продолжался процесс усиления учебно-территориальной концентрации студенчества: иранские университеты и институты стали насчитывать несколько тысяч, а порой и десятки тысяч учащихся в каждом. В результате во второй половине 70-х годов заметно изменились основные характеристики иранского студенчества, что нашло проявление в росте его политической активности и в радикализации студенческих выступлений, принявших в конце 1977 г. характер открытой антишахской борьбы под демократическими и антиимпериалистическими лозунгами⁷⁹.

Этому предшествовал этап подпольной борьбы в условиях жесточайшей полицейской диктатуры, воцарившейся в стране после подавления выступлений светской оппозиции и духовенства в 1963 г. Шахский режим для обеспечения своих амбициозных планов экономического развития остро нуждался в национальных кадрах специалистов. Поэтому власти стремились интегрировать студенческую молодежь в существующую политическую систему. Студенты и преподаватели в обязательном порядке должны были входить в правительственные партии «Мардом» и «Меллиун», а после их роспуска в 1975 г. — во вновь созданную партию «Растахиз». Участие в деятельности проправительственных партий должно было способствовать внедрению в сознание студенческой молодежи идеи объединения всех иранцев под триединым символом монархического строя «бог, шах, родина»⁸⁰. Всякое проявление политического инакомыслия незамедлительно пресекалось. Однако ни террор правительства, ни известная деморализация общества не могли сдерживать вовлечения студенчества в борьбу с режимом.

Уже в конце 60-х годов студенчество выступило с критикой шахской политики. Отметим, что это происходило именно в то время, когда шахская пропаганда трубила об успехах построения «великой цивилизации» в Иране. Начинаясь, как правило, с критики системы высшего образования и проявляясь через академические формы борьбы (бойкот занятий, преподавателей и др.), студенческое движение все заметнее политизировалось, и выступления за «академические свободы» постепенно перерастали в борьбу за свободу политическую. Однако до лозунгов свержения шахского режима было еще далеко, да и студенчество, продолжая формироваться преимущественно из привилегированных слоев, которые критиковали вузовскую систему не столько с антишахских, сколько с прозападных позиций, во многом продолжало оставаться под впечатлением провозглашенных шахом программ социально-экономического развития Ирана, которые к 70-м годам еще не были полностью развернуты.

На почве борьбы за «академические свободы» создавались необходимые условия для развития солидарности между студентами высших учебных заведений. В авангарде студенческих выступлений шли студенты Тегеранского университета⁸¹.

Иранское студенчество имело свои организации, большая часть которых была вынуждена действовать за рубежом. Активную работу среди студентов, обучавшихся в других странах, вели организации Национального фронта. В 1960 г. в Европе возникла Всемирная конфедерация иранских студентов и учащихся (ВКИСУ); в нее вошли члены НФ, Народной партии Ирана, социалисты и др. ВКИСУ издавала газеты «Шанздахе азар», «Намәйе Парси» и др. Она стала членом Международного союза студентов.

В Исполкоме Всемирной федерации демократической моло-

дежи (ВФДМ) иранская молодежь была представлена Организацией тудеистской молодежи Ирана (ОТМИ) — молодежной организацией Народной партии Ирана⁸².

В 1975 г. при НПИ возникла Организация демократической молодежи и студентов Ирана (ОДМСИ). Ее печатными органами были еженедельная газета «Аянде» («Будущее») и журнал «Арман» («Мечта»). Организация добивалась сплочения прогрессивно настроенных студентов, находившихся за пределами Ирана. В программе ОДМСИ были сформулированы следующие цели: борьба против экономического, политического и военного господства империализма, в первую очередь империализма США; борьба против антинационального и антидемократического режима шаха; объединение всех антиимпериалистических и антидиктаторских сил, поддержка антиимпериалистических и демократических движений во всем мире⁸³. ОДМСИ ставила своей задачей создание широкого фронта борьбы за искоренение позиций империализма в Иране. X Ассамблея ВФДМ утвердила принятие ОДМСИ в члены федерации⁸⁴.

Деятельность этих организаций, как и деятельность ВКИСУ, способствовала укреплению связей иранской молодежи с прогрессивной молодежью мира, разоблачению антинародной сущности шахского режима. В свою очередь, поддержка международных демократических организаций имела большое значение для борьбы иранских патриотов. ВФДМ, например, не раз поднимала свой голос против шахского террора в знак солидарности с демократической молодежью и студенчеством Ирана. В 1976 г. в документах ВФДМ отмечалось, что одной из особенностей тогдашнего положения в Иране было усиление борьбы молодежи, студентов за демократические свободы и гражданские права, в том числе за права молодежи. ВФДМ призвала молодежь мира «добиваться скорейшего освобождения всех демократов, патриотов и политических заключенных в Индонезии и Иране, поддерживать их борьбу за установление демократии в этих двух странах»⁸⁵.

Через МСС и ВФДМ иранская молодежь доносила вести из революционного Ирана до сведения мировой общественности. Так, на Ассамблее ВФДМ, состоявшейся 22 февраля — 1 марта 1978 г., представитель ОТМИ сделал доклад о положении в Иране, о борьбе иранской молодежи и студентов против репрессивного шахского режима, о жертвах, понесенных в этой борьбе, и призвал молодежь мира ширить движение солидарности с борьбой иранской молодежи и народа.

В городах Западной Европы и США, где концентрировались иранские студенты, в 60—70-х годах постоянно проходили митинги, демонстрации и манифестации, участники которых протестовали против внутренней политики диктаторского режима Пехлеви.

Значительным размахом, например, отличались демонстра-

ции протеста против празднования 2500-летия иранской монархии. Демонстрация во Франкфурте-на-Майне, в которой приняло участие около 2 тыс. человек, преимущественно иранских студентов (14 октября 1971 г.), закончилась митингом в центре города, где состоялся символический суд над руководителями иранского государства и было повешено несколько чучел⁸⁶.

Иранские студенты выступали против участия Ирана в военных приготовлениях Пентагона, указывали на опасность превращения Ирана в жандарма США в районе Персидского залива. Студенты сообщали всему миру о нарушении прав человека в Иране, о терроре и пытках, применяемых к политическим противникам режима. Под лозунгами «Иран — государство террора и пыток», «САВАК пытается демократов Ирана», «Освободите политических заключенных!», «Иранская реакция, руки прочь от партизан Дофара!» в Вене перед зданием гостиницы «Империяль», где в это время пребывал шах Ирана, 14 января 1975 г. прошла совместная демонстрация иранских и австрийских студентов. 15 января перед Венским университетом на митинге солидарности с борьбой иранского народа ораторы выступали против антидемократической и не соответствовавшей национальным интересам Ирана политики его правящих кругов. Митинг прошел под теми же лозунгами, что и демонстрация⁸⁷. Когда в феврале 1977 г. шахиня Фарах прибыла в столицу Великобритании на фестиваль искусств, иранские студенты встретили ее в лондонском аэропорту лозунгом: «Фарах — душительница иранского искусства!»⁸⁸. Антишахские студенческие выступления, беспрецедентные по размаху, были организованы в США и других странах по призыву ВКНСУ 17 ноября 1977 г., когда шах находился с официальным визитом в США. При разгоне демонстрации в Вашингтоне получили ранения 92 демонстранта и 27 полицейских.

Политизация иранского студенчества в странах Западной Европы, США и Канаде способствовала усилению антишахской, антиимпериалистической направленности выступлений студенчества в Иране. Основные проявления студенческой активности за рубежом до победы февральского вооруженного восстания 1979 г. не имели исламской окраски.

В Иране оппозиционное студенческое движение развивалось в нелегальных условиях. В середине 60-х годов в стране возник ряд молодежных организаций (имевших как исламскую, так и светскую направленность), стремившихся к свержению шахского режима вооруженным путем. Охранке удалось уничтожить ряд организаций («Хезбе мелляте эслами» — «Партия исламской нации», «Джабхее азадибахше меллие Иран» — «Национальный освободительный фронт Ирана» и др.) в самом начале их становления⁸⁹. Хорошо налаженная конспирация дала возможность успешно преодолеть начальный этап и приступить к проведению вооруженных акций против режима таким крупным (впоследствии) молодежным организациям, как

ОМИН и ОПФИН. Существовали и более мелкие группы, действовавшие в некоторых крупных городах (в частности, в Мешхеде, Исфахане, Хамадане и Захедане).

Наиболее сильной из антишахских организаций, действовавших в студенческой среде, была ОМИН. Она представляла левое течение в исламском движении в Иране. В своей деятельности моджахеды опирались на выработанную их руководителями на основе некоторых положений марксизма и исламских лозунгов концепцию революционной вооруженной борьбы против диктатуры шаха и засилья империалистов в Иране, за создание общества без эксплуатации человека человеком.

ОПФИН развивалась как левая светская политическая организация, обращавшаяся к марксизму. В отличие от ОМИН она в своих программных документах не делала упора на вопросах религиозного характера и принимала в свои ряды лиц независимо от их религиозной принадлежности.

ОМИН пользовалась влиянием преимущественно среди студентов и выпускников естественных факультетов, а ОПФИН — в основном среди студентов, учившихся на гуманитарных факультетах.

ОМИН и ОПФИН признавали большие потенциальные возможности студенчества в революционной борьбе. В условиях полицейской диктатуры и значительной деполитизации массового сознания студенческая среда оказалась практически единственным источником кадров для этих организаций. Не отождествляя себя со студенческим движением и претендуя на самостоятельную роль в революционной борьбе, ОМИН и ОПФИН вместе с тем стремились к политическому лидерству в студенческой среде. Они формулировали текущие задачи студенческого движения, определяли лозунги дня и предлагали рекомендации относительно дальнейшей борьбы. Деятельность ОМИН и ОПФИН явилась важным фактором политизации студенческого движения в Иране.

В 70-х годах студенчество сыграло роль застрельщика массового движения. Особое значение имели выступления студентов Тегеранского университета, наиболее сильные в 1970, 1975, 1977 и 1978 гг.

В 1970 г. Тегеранский университет и ряд других вузов вновь, как и в начале 60-х годов, стали центрами волнений. Студенты требовали демократизации системы образования, выступали против участия Ирана в интервенции в Дофаре и т. д. Формой этих выступлений были митинги, бест (сидячая забастовка), прекращение занятий и др. В феврале 1970 г. студенты Тегеранского университета по призыву Союза иранских студентов объявили всеобщую забастовку. Полиция и силы безопасности ворвались на территорию университета и учинили расправу, после чего ректор Фархад в знак протеста подал в отставку⁹⁰.

В июне 1975 г., в связи с годовщиной событий 5—8 июня 1963 г., в Тегеранском университете, в Индустриальном универ-

ситете Ариамехр, в богословских училищах в Куме и в некоторых других учебных заведениях прошли антиправительственные студенческие забастовки, митинги и демонстрации. Многие студенты за участие в них были арестованы и преданы суду. Демонстрация толлабов в Куме была жестоко подавлена полицией. 250 толлабов были арестованы, а затем призваны в армию⁹¹.

Несмотря на размах отдельных студенческих выступлений в 70-е годы, вряд ли можно их представить как постоянный дестабилизирующий фактор политической жизни страны. Вместе с тем следует отметить преемственность основных лозунгов и требований, выдвигавшихся студентами в ходе борьбы начиная с 40-х годов. Студенческое движение решительно и последовательно выдвигало антиимпериалистические лозунги, добивалось демократизации иранского общества, проведения демократической реформы системы высшего образования⁹², протестовало против милитаризации страны.

Наиболее крупные студенческие выступления в предреволюционный период в Иране также не имели исламской окраски. В частности, требование проведения демократической реформы высшего образования включало перестройку существующей системы в соответствии с новыми тенденциями развития науки и техники при сохранении прежней структуры организации вузов, светской в своей основе.

Началом нового этапа активных антиправительственных выступлений студенчества можно считать события, относящиеся к сентябрю 1977 г., когда одновременно было закрыто большинство крупнейших университетов и произошли массовые студенческие демонстрации, причем при отсутствии других форм массовой борьбы в ту пору.

15 ноября 1977 г. начались волнения с «антинациональными лозунгами» (согласно официальной характеристике правящих кругов) студентов университета Ариамехр. Они были поддержаны студентами Тегеранского университета. Для разгона демонстрантов и восстановления порядка в университетах власти использовали полицию, в столкновении с которой несколько студентов получили ранения⁹³.

В ответ на студенческие демонстрации и забастовки власти в конце 1977 г. более чем на неделю закрыли многие учебные заведения, в том числе университеты в Тегеране, Тебризе, Исфахане, Ахвазе. Газеты сообщали, что 22 студента в Резае и ряд студентов в Кермане были исключены за «нарушение учебной дисциплины»⁹⁴. Официальная пресса пыталась создать таким образом впечатление, будто студенческие выступления не выходили за рамки нарушения правил учебного распорядка. Шахиня Фарах в интервью датскому журналу весной 1978 г. свела все проблемы к тому, что в иранских университетах «все еще царит бюрократизм»⁹⁵. В действительности же речь шла не только об устранении бюрократизма. Протесты и требования

носили глубокий, политический характер, так как студенты явно ощущали пагубность проводимой США политики в отношении Ирана, усиление «американизации» иранского общества и несоответствие экономического, социального и культурного развития шахского Ирана идеям независимости и социальной справедливости, демагогически провозглашенным шахом.

Представители интеллигенции, в том числе студенты, стали самыми активными выразителями протеста в связи с дозволенной шахом кампанией «по борьбе с нарушениями прав человека», приуроченной к визиту президента США в Иран в канун 1978 г. Известны написанные накануне революции ведущими профессорами иранских вузов письма, в которых содержалась резкая критика политики шахских властей во всех сферах жизни, протест против режима репрессий и удушения гражданских свобод, увольнения профессоров и преподавателей и пребывания в стенах университетов полиции и войск.

Широкий размах студенческих выступлений осенью 1975 г. и их значительный политический резонанс явились одной из причин созыва 4 января 1978 г. чрезвычайного съезда партии «Растахиз»⁹⁶. В принятой на съезде резолюции правительству предлагалось лишать права на обучение молодых людей, если те не признают принципы партии «Растахиз» и «изменяют» идеалам «шахиншахской системы»⁹⁷.

С января 1978 г. студенческие волнения усилились. В начале января еще были случаи, когда на территории Тегеранского университета лица, выступавшие с антиправительственными речами, надевали маски⁹⁸. Однако бурное развитие событий привело к открытым политическим выступлениям, поддержку которым стал оказывать и профессорско-преподавательский состав.

В марте—мае 1978 г. студенческие выступления под антишахскими лозунгами охватили Тегеран, Тебриз, Шираз, Исфахан, Ахваз, Мешхед и другие центры провинций⁹⁹. Об их размахе можно судить по методам подавления, к которым были вынуждены прибегнуть шахские власти. Не в силах контролировать ситуацию в Тегеранском университете, грозившую привести к антишахским выступлениям во всем городе, 15 мая 1978 г. режим ввел танки на улицы столицы, а на территорию университета с вертолетов были сброшены парашютисты. Сотни студентов были убиты, ранены или арестованы¹⁰⁰. Расправа над студентами вызвала в стране взрыв негодования, и десятки тысяч иранцев вышли на улицы, протестуя против этой кровавой акции.

Студенческое движение осенью 1978 г. все теснее сливалось с массовыми антишахскими выступлениями, способствуя еще большей активизации народа.

Власти увидели в студенческом движении серьезную опасность. Одной из мер, направленных на то, чтобы притушить

накал студенческих выступлений, должен был стать представленный на рассмотрение шаха проект закона о независимости университета. Проект предусматривал автономию вузов в финансовых вопросах и вопросах внутреннего планирования и ограничивал функции министерства высшего образования задачей разработки общей политики развития высшей школы и координацией деятельности университетов. Система управления вузами приводилась к единообразию по образцу Тегеранского университета. Все вопросы университетской жизни отдавались в ведение Попечительского совета, в который должны были входить выборные члены из состава Ученого совета и представителей вузовской администрации. Решение вопросов обучения и научно-исследовательской работы в вузе закреплялось за Советом вуза. Подобно практике Тегеранского университета унифицировался порядок назначения ректора: Попечительский совет выдвигал двух кандидатов из состава Ученого совета, окончательное же решение оставалось за шахом. Ректор университета назначал деканов факультетов, кандидатуры которых предлагались советами факультетов из числа профессоров и преподавателей данного факультета. Шах одобрил проект закона, которому предстояло пройти утверждение в меджлисе.

Проект закона был серьезной уступкой шахского режима, ибо он фактически удовлетворял основное требование студентов периода «академических» выступлений. Однако эта мера явно запоздала. Студенчество уже прочно связывало борьбу за проведение демократической реформы вузов с участием в общеполитическом движении народа за свержение шахского режима.

Студенчество продолжало оставаться в авангарде общенародной борьбы. Требования, зафиксированные в итоговой резолюции «всеиранской недели солидарности», проведенной по инициативе студентов Тегеранского университета, от 3 ноября 1978 г., практически представляли собой общую программу антишахской борьбы¹⁰¹. Тегеранский университет все больше превращался в глазах широких народных масс в форпост революционной борьбы, а студенчество — в передовой отряд революционных сил. Расправы режима над студентами воспринимались населением как общенародное бедствие. 4 ноября 1978 г., после одной из самых жестоких расправ над студентами Тегеранского университета, когда было убито 65 и ранено несколько сот человек, возмущенные работники иранского телевидения добились показа фильма об этом злодеянии всей стране. Впервые за годы шахского правления средства массовой информации оказались в руках народа. На следующий день только в Тегеране на улицы вышло 120 тыс. человек, причем местом сбора их оказался Тегеранский университет¹⁰². В последующие месяцы положение университетов как центров сплочения массовых оппозиционных сил упрочилось. В Тегеране в конце января — феврале 1979 г. главным боевым лагерем вооруженного восстания стал Тегеранский университет¹⁰³.

Основным в движении иранского студенчества оставалось демократическое течение, однако в ходе революции 1978—1979 гг. усилилась исламская окраска в студенческих выступлениях. Часть студентов перешла на прохомейнистские позиции, что во многом было связано с их вовлеченностью в общий поток борьбы, лидером которой являлся аятолла Хомейни. Следует отметить, что Хомейни признали политические партии, за которыми шло большинство студентов: НФ, НПИ, ОТМИ, ОДМСИ и др.— за рубежом, ОМИН и др.— в самом Иране¹⁰⁴.

В целом развитие студенческого движения протекало в русле общего национально-освободительного, демократического движения, завершившегося революционным взрывом, причем студенчество шло в авангарде борьбы как одна из движущих сил революции. Самостоятельность и организованность выступлений студентов превратили университеты Ирана в центры революционной борьбы и сосредоточения революционно-демократических сил.

Обострение национальных противоречий

К числу факторов, действие которых вело к формированию предпосылок революции 1978—1979 гг., относился и национальный вопрос.

В этнически неоднородном государстве, каким является Иран, национальные противоречия проявлялись с той или иной силой в течение всего периода пребывания у власти династии Пехлеви. В период правления Реза-шаха они выражались прежде всего в противодействии племен политике перевода их на оседлость и частичного расселения, которая в конечном счете должна была привести их к полной покорности и беспрекословному подчинению центральной власти. При Мохаммеде Резе Пехлеви проблематика национального вопроса приняла более усложненное содержание. Перевод племен на оседлость в принципе уже был осуществлен. Проведение же в жизнь социально-экономических реформ 60—70-х годов затронуло и районы расселения национальных меньшинств, содействуя их развитию. В этих условиях на первый план в национальном вопросе вышло требование предоставления культурно-национальной автономии.

В принципе районы расселения национальных меньшинств рассматривались династией Пехлеви в качестве объектов экономической эксплуатации, своеобразной колониальной окраины. Идеологическим камуфляжем такой политики служила выдвинутая этой династией концепция «единой иранской нации». На ее базе проводился курс на насильственную ассимиляцию и «персизацию» национальных меньшинств.

В 60—70-е годы не только противодействие самих меньшинств такой политике, но и совокупность реформ, политика

индустриализации и связанное с нею новое отношение к территориальному размещению создававшихся промышленных объектов, как и объектов инфраструктуры, а также взятый монархией курс на преодоление экономической отсталости страны улучшили и положение национальных меньшинств, так или иначе тягивая их в упомянутые процессы.

Если изменения положительного характера в социально-экономическом бытии национальных меньшинств, связанные с указанными выше обстоятельствами, оказывались невольным результатом социально-экономических преобразований, происходивших в стране, и в этом смысле не зависели от воли монарха, то в вопросе, целиком и полностью зависевшем от шаха, — предоставлении культурно-национальной автономии, Мохаммед Реза Пехлеви не шел ни на какие уступки. Это во многом определило позицию национальных меньшинств в период революции 1978—1979 гг.

В ряде случаев нерешенность национального вопроса использовалась противниками проводившихся в стране социально-экономических реформ, прежде всего аграрной. Например, ряд антишахских выступлений племен, происходивших вплоть до середины 60-х годов, был спровоцирован феодальной знатью, стремившейся сорвать аграрную реформу. Таковы были, в частности, мятежи кашкайцев и боев-ахмеди в первой половине 1963 г., беспощадно подавленные правительственными войсками. Скрытое противодействие проведению аграрной реформы в зонах этих и других племен продолжалось до крушения шахского режима¹⁰⁵.

Причиной брожения среди национальных меньшинств было не только ущемление интересов феодально-племенной верхушки. На национальных окраинах существовало недовольство тем, что региональная хозяйственная политика правительства мало принимала в расчет их нужды, препятствовала развитию общественно-политической и хозяйственной инициативы на местах.

Во второй половине 60-х годов растущее воздействие на национальные процессы стали оказывать политика децентрализации промышленного развития и продвижение индустриального строительства в экономически перспективные районы. Эти сдвиги сопровождались осуществлением ряда культурных и социальных мероприятий, внесших оживление в общественно-политическую жизнь провинций, которую власти старались направить в русло иранского национализма. Хотя Тегеран опережал периферию по темпам экономического и культурного развития, в эти годы наблюдались признаки уменьшения его значения как метрополии, притягивающей «мозг и капитал» в ущерб провинциям. Весьма показательно в связи с этим снижение темпов прироста населения Тегерана, которые в 1956—1966 гг. составляли в среднем 6% в год, а в 1972 г. снизились до 4,3%¹⁰⁶. Ряд провинциальных городов по темпам прироста населения стал обгонять столицу; в их числе были Ахваз (5,4%),

Исфахан (5,2%), Резайе (5,0%), Шираз (4,7%), быстро превращавшиеся в крупные индустриальные центры¹⁰⁷. Особенно высокие темпы индустриализации и урбанизации наблюдались в Хузестане, Исфахане, Фарсе, Восточном Азербайджане, Горгане, в отдельных городах Прикаспия и побережья Персидского залива. Отмечалось усиление процесса миграции населения в города, в результате чего этнический состав жителей столицы и других индустриальных центров становился чрезвычайно смешанным.

В индустриальных зонах развитию межотраслевых и внутриотраслевых связей сопутствовало классовое сплочение как пролетарских элементов, так и различных слоев городской буржуазии. Однако национально-религиозная и племенная рознь, местный партикуляризм сдерживали социальное приспособление выходцев из племен и деревень в среде рабочего класса. Этот процесс тормозился и вследствие возникновения «землячеств», сохранения связей с оставшимися на местах сородичами и односельчанами. Становление классового самосознания в условиях совместного существования выходцев из различных этнических групп не заслоняло от них чувства принадлежности к своей национальности.

На национальную борьбу арабского и курдского меньшинств значительное влияние оказывали положение в сопредельных странах и идущие оттуда идеологические влияния, внушавшие Тегерану серьезные опасения. Для подавления этих движений власти наряду с репрессиями применяли и методы социального воздействия и политического маневрирования, идя на некоторые уступки по второстепенным вопросам.

Отход от традиционной для правящих кругов Ирана доктрины, отрицавшей наличие в стране национальных меньшинств, проявлялся, в частности, в том, что этническая общность подменялась общностью конфессиональной и в лучшем случае выделялась лишь тюркоязычная и арабоязычная группы. Но и здесь наблюдалась непоследовательность. За суннитами, в подавляющем большинстве своем представленными неперсами — курдами, арабами, туркменами, белуджами, право конфессионального меньшинства не признавалось в отличие от христиан (армян и ассирийцев), иудеев, зороастрийцев.

Вместе с тем, стремясь не допустить усиления центробежных тенденций на окраинах страны, шахский режим в ходе проведения национальной политики проявлял определенную гибкость. На пропагандистский эффект были рассчитаны некоторые послабления в области культурной политики в районах, населенных меньшинствами. Так, в июле 1974 г. печать широко освещала «неделю Курдистана»¹⁰⁸, а в начале 1975 г. — «неделю Белуджистана»¹⁰⁹. Однако это не мешало сохранению общей великодержавной тенденции в национальной политике правящих кругов Ирана.

Широко практиковалась культурная дискриминация. Так,

была запрещена публикация литературы на языках национальных меньшинств. В связи с этим многие писатели были вынуждены издавать свои произведения за рубежом. «Персидское превосходство в культуре, — отмечал англичанин Холлидей, — играло заметную роль и служило подтверждением системы национального угнетения, на которой строилось государство Пехлеви»¹¹⁰. В Иранском Азербайджане, Белуджистане, Курдистане, Туркменской степи население выражало недовольство деятельностью «корпуса просвещения», занимавшегося распространением грамотности исключительно на персидском языке. Национальных школ для народов, принадлежащих к упомянутым выше мусульманским религиозным меньшинствам, в которых бы преподавали на родном языке, практически не было. Вместо них открывали государственные школы с преподаванием на персидском языке, где дети воспитывались как «истинные персы», в духе пренебрежительного отношения к интересам своего народа.

Пробуждение национального самосознания меньшинств вслед за культурой закономерно распространилось на политическую сферу, выразившись, в частности, в растущем противодействии ассимиляторским мероприятиям властей. Однако ко времени назревания революционного взрыва стихийный протест меньшинств еще не приобрел форму организованного политического движения.

Становление национального самосознания меньшинств не вытесняло у них сознания причастности (в той или иной степени) к общеиранской психологической общности, обусловленной единством исторических судеб, единой государственностью, мусульманской религией, традициями и, наконец, всем комплексом «иранской культуры», в развитие которой внесли вклад все народы Ирана. Однако наличие определенных элементов национальной общности не должно было затушевывать черты этнической самобытности меньшинств Ирана, имеющих и собственную историю, и собственные культурные традиции. Поэтому лишены были всякого основания попытки паниранистов подменить понятие «иранский народ» (или «народ Ирана»), имеющее прежде всего смысл государственной общности, понятием «иранская нация»¹¹¹.

Выдержанная в националистическом духе, программа «белой революции», затрагивавшая все стороны общественной жизни Ирана, даже не упоминала (как, впрочем, и принятая еще в 1906 г. конституция) о национальных меньшинствах. Однако все пункты ее так или иначе отражались на национальной ситуации, внося новые черты в условия существования, хозяйственную деятельность и общественные отношения национальных окраин.

Общественные преобразования на национальных окраинах (исключая отдельные, богатые природными ресурсами, экономически перспективные районы) происходили в замедленном

темпе и в меньшем объеме, чем в Центральном районе с преимущественно персидским населением. Благодаря усилению своей административно-политической роли, которая обеспечивала ряд преимуществ, вытекавших из национальной политики центральной власти, а также благодаря относительному развитию отраслей производства и социальной инфраструктуры Центральный район постепенно сосредоточил в своих пределах большую часть промышленной и торговой деятельности Ирана. В результате росла диспропорциональность между уровнем развития Центрального района и остальной территории страны¹¹². Проводившиеся преобразования зачастую не уменьшали, а даже увеличивали диспропорциональность в уровнях и темпах общественного развития центра и окраин, в чем и заключался один из важных источников национальных противоречий в 60—70-х годах.

Осуществление социально-экономических преобразований в рамках «белой революции» способствовало усилению процесса национальной консолидации основных, наиболее крупных этносов, в первую очередь персов и азербайджанцев, а отчасти и курдов. При этом основные консолидационные функции выполняла идеология иранского национализма и его крайнего проявления — паниранизма. Важную роль играла и религиозная общность, которая в широком понимании включала понятие мусульманской шиитской государственности, олицетворявшей в монархии шаха и противопоставлявшей как суннитскому халифату, так и «христианскому» колониализму.

Шахский режим использовал реформы «белой революции» для «умиротворения» национальных меньшинств в связи с обострением социально-экономических противоречий в деревне. Поэтому, очевидно, не случайно проведение аграрной реформы началось с национальных окраин, где аграрные противоречия чаще всего были причинами национальных выступлений. Ее претворение начали с района Мараге (Восточный Азербайджан), населенного преимущественно азербайджанцами и курдами. Здесь реформа, в частности, была призвана вычеркнуть из народной памяти демократические преобразования в период существования в 1945—1946 гг. в Азербайджане и Курдистане автономных республик, посеявшие глубокие антифеодальные и антишахские настроения среди азербайджанцев и курдов, действовавшие росту их национального самосознания.

Мероприятия государства, направленные на радикальное переустройство социально-экономического положения перспективных в хозяйственном отношении национальных районов, способствовали усилению контроля правительства в провинциях с преимущественно неперсидским населением, а также были призваны отвлечь его от участия в антиправительственных выступлениях.

В ходе преобразований удалось добиться высокой степени интеграции с центром отдельных национальных районов (на-

пример, Азербайджан), что определило особенности позиции азербайджанского меньшинства в национальном вопросе в послереволюционный период.

В годы, предшествовавшие революции, жесткий контроль правительства на национальных окраинах сдерживал возрастание социального протеста неперсидских народов. Когда же началась революция, население национальных окраин, в первую очередь городские жители, выступило в едином русле антишахской и антиимпериалистической борьбы иранского народа, не выдвигая своих особых требований. То, что национальные движения в Иране развернулись не в ходе, а в основном после революции, объясняется просто: национальные меньшинства верили, что после свержения монархии они обретут национальную автономию.

Национальные меньшинства связывали надежды на свое национальное и социальное освобождение с борьбой всего иранского народа против монархии. Вот почему большинство их активно участвовало в революции 1978—1979 гг. Однако развитие событий в послереволюционный период опрокинуло эти надежды. Национальным меньшинствам пришлось включиться в тяжелый политический и военный конфликт с исламским режимом.

МОНАРХИЯ МОХАММЕДА РЕЗЫ ПЕХЛЕВИ В ЕГО СОБСТВЕННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ. ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РАЗЛИЧНЫМИ КЛАССАМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ ИРАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Шах и общество. Продолжая наш анализ, мы сочли целесообразным обратиться к книге Мохаммеда Резы Пехлеви «К великой цивилизации»¹. Она позволяет показать читателю, какой представлялась иранская монархия самому монарху и каким шах видел иранское общество, руководить которым он считал призванным именно себя. Иными словами, книга представляет собой своеобразный автопортрет монарха. При этом он складывается не только из того, что пишет автор о своих экономических, социальных, философско-идеологических концепциях. Не меньшую роль в формировании автопортрета играет и то, какие классы, социальные слои, прослойки вынесены в книге на первый план и что о них сказано, о чем монарх пишет вскользь и о чем умалчивает. Наконец, штрихом, придающим автопортрету завершенность, становится отношение автора к исламу как религиозной идеологии на фоне, по существу, демонстративного игнорирования служителей этого культа.

Монархия. История насмеялась над многим. Однако вряд ли найдется много случаев, когда насмешка оказывалась бы столь жестокой, как в случае с этой книгой. Не прошло и года с момента ее выхода в свет, как ее генеральная идея — имманентная и исторически неодолимая приверженность иранского народа монархии, точнее, монархической идее — оказалась погребенной под обломками монархии.

Взгляды Мохаммеда Резы Пехлеви, взятые в совокупности, не могут быть оценены однозначно, поскольку в них социальная демагогия и вытекающий из нее утопизм (движение к «великой цивилизации»), доведенный до химеричности, сочетаются с широким и вполне приемлемым с точки зрения науки взглядом на прошлое страны, на причины отсталости ее, как и развивающегося мира в целом, а также с признанием неизбежности взаимовлияния и взаимодействия различных цивилизаций, с глубоко светским, т. е. не выводимым из религии, подходом к восприятию проблем и их решению.

Утопизм воззрений Мохаммеда Резы Пехлеви требует при-

стального внимания, ибо он имел «выход в практику»: во многих случаях, веря в свои утопические идеи и выдавая желаемое за действительное, шах руководствовался ими (возможно, это была одна из причин, по которым он ушел из жизни, так до конца и не поняв, почему широкие народные массы отвернулись от него).

По глубокому убеждению шаха, иранское общество середины 70-х годов находилось у начала пути, ведущего «к великой цивилизации», так как совокупность социально-экономических реформ, которые он назвал «революцией шаха и народа», якобы привели к ликвидации «эксплуатации человека человеком»². Основанием для такого суждения он считал для деревни аграрную реформу, а для города — введение в действие закона об участии рабочих в прибылях предприятий и о продаже им акций предприятий, прежде всего тех, на которых они работали.

Отношение к буржуазии, рабочим и крестьянству. «Двумя группами», которые, как шах считал, в первую очередь пользовались и должны пользоваться привилегиями, предоставление которых оказалось возможным в результате «революции и установления социальной справедливости», являются классы, рассматривавшиеся им как «социальная и экономическая основа Ирана: это рабочие и крестьяне»³.

Мохаммед Реза Пехлеви вводит в понятийный аппарат своих рассуждений, как он выражается, «философию демократической экономики и экономической демократии», которая базируется на двух принципах: первый — обеспечение материального благополучия возможно большему числу людей; второй — обеспечение «прав человека всем без исключения гражданам страны, участвующим в строительстве будущего Ирана»⁴. Но когда он конкретизирует эти предельно абстрактные принципы, становится очевидным, что за ними стоит общество с частнокапиталистическим производством, регулируемым государством. О «двух принципах» он писал как об уже проведенных в жизнь в Иране: «Экономическая демократия и демократическая экономика требовали, чтобы государство как представитель и защитник общества играло основную роль в обеспечении согласованности действий и руководстве национальным производством. Новый порядок иранского общества отвергал чистый, беспримесный капитализм, и в то же время государство не только сохраняло, но и делало объектом своего покровительства и поощрения созидательную деятельность частного сектора в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и прочих производительных отраслях, ибо смысл экономической демократии в сегодняшнем идущем вперед Иране заключается в том, чтобы в рамках соблюдения установленных законов, регламентирующих труд и экономику, дать как можно большему числу независимых предпринимателей право управления производственными и торговыми предприятиями»⁵.

Мохаммед Реза Пехлеви здесь имел в виду прежде всего

крупную и среднюю буржуазию, способную с помощью государства обеспечивать создание и функционирование современных фабрично-заводских предприятий. Полагаясь именно на эти слои буржуазии, он писал: «Сегодня мы можем привлечь новейшую технологию и науку нынешнего века. Наша страна в настоящее время, оставив позади легкую промышленность, вступает в удивительный мир тяжелой промышленности»⁶.

Правда, не остались вне поля его зрения мелкая буржуазия и лица, занятые в простом товарном производстве. Перечислив множество действующих предприятий крупной фабрично-заводской промышленности и видов товаров, производимых ими, он отметил далее: «Рядом с этим производством происходит развитие традиционных и ручных промыслов как в количественном, так и в качественном отношении, и, если у них возникнут какие-либо трудности, необходимо будет постараться устранить их»⁷.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что в приведенных выше цитатах речь идет о частнокапиталистической экономике, регулируемой государством. Они позволяют сделать вывод о том, что монархия не только заявляла о своей лояльности буржуазии, но и почитала первейшим долгом защиту ее интересов и всяческое содействие ей при сохранении своей руководящей и регулирующей роли. Еще одним свидетельством этого является признание автором книги того, что образцом, по которому он хотел бы сформировать иранское общество, являются «развитые общества Запада». Монарх заявляет, что хочет видеть их здоровыми и сильными и не хочет их падения, «ибо,— пишет он,— мы всегда руководствуемся следующей логикой: необходимо, взяв друг друга за руки, прилагать усилия к тому, чтобы спасти свой собственный мир, а не приумножать раздоры. Мы постоянно заявляли, что ни в какой мере не хотим падения промышленно развитого мира, так как мы сами с каждым днем все больше принадлежим к этому миру»⁸.

Хотя бывший глава иранского государства считал неприемлемым для Ирана ни «капиталистический путь развития», ни «путь марксистский», в политических вопросах он находился на стороне «промышленно развитых стран Запада».

Приведенные выше высказывания позволяют увидеть официальное отношение монархии к рабочему классу, крестьянству и буржуазии. Однако шах стремился не обойти своим вниманием никого, никого не оставить вне своих наставлений. Он счел целесообразным сделать это в общей форме, но с четко сформулированной целевой направленностью. Шах писал: «...нужно, чтобы не только промышленные рабочие, но и все люди Ирана так или иначе внесли свое в промышленное развитие страны и были заинтересованы в этом развитии, дабы таким путем промышленное будущее страны было гарантировано. Основой этого будущего мы сделали систему „участия“, которая не является ни капиталистическим способом, ни способом коммуни-

стическим, а представляет собой путь, который обеспечивает интересы и работодателя, и рабочего и одновременно вместо классовой борьбы, забастовок, паралича производственной деятельности или ее замедления создает условия для здорового и результативного производства в обстановке взаимопонимания и сотрудничества. Понятно, что, как и для всякого производства, для этого нужен капитал, и здесь безразлично, вкладывают ли этот капитал отдельные лица, или его вкладывает государство, ибо в конечном счете и капитал, и продукт труда достается этим же лицам»⁹.

Эти суждения дают основание сказать, что монарх очень тонко чувствовал, чего ему следовало бояться (классовая борьба, забастовки, паралич производственной деятельности).

Отношение к средним слоям. Мы уже видели, что огромная масса людей, составляющая так называемые средние слои города, «задействована» как объект анализа лишь косвенно — через приведенный выше призыв «не только промышленным рабочим» вносить свой вклад в промышленное развитие страны.

Отношение к интеллигенции. Интеллигенция тоже попала в число тех социальных слоев, которых ее автор касается вскользь. Мохаммед Реза Пехлеви лишь один раз употребил понятие «интеллигент» («роушанфекр»), хотя отвел много страниц изложению таких вопросов, как обучение, образование, просвещение, культура, цивилизация. Он ограничился лишь упоминанием молодых людей, составлявших личный состав «корпуса просвещения», «корпуса здравоохранения» и «корпуса развития». Творческая интеллигенция вообще не присутствует в его рассуждениях. Как будет показано в ходе последующего изложения, в творческой интеллигенции (не считая казенных восхвалителей) он видел силу, враждебную монархии и опасную для нее, что отнюдь не было лишено основания.

Отношение к духовенству. В начале данной главы уже было сказано об игнорировании шахом в его книге служителей культа. Действительно, в ней нет даже обобщающего понятия «духовенство» («руханийон»).

А как обстоит дело с категорией «ислам»? Не считая двух страниц, на которых автор излагает свое мнение о роли, которую должен сыграть ислам в период движения иранского общества к «великой цивилизации»¹⁰, понятие «ислам» встречается на шести страницах, при этом почти всякий раз в культурологическом плане, в связи с экскурсами в историю мировой цивилизации¹¹.

Впрочем, Мохаммед Реза Пехлеви упоминает о школах, в которых изучается богословие: «Необходимо отметить, что параллельно с расширением общеобразовательных центров особое внимание уделено расширению религиозных школ. Этой задаче и впредь будет уделяться большое внимание, ибо укрепление и упрочение религиозных основ и возможно большая всеобщая

осведомленность в этой области относятся к числу тех потребностей общества, от которых зависят его устойчивость и упрочение»¹².

Известно, что в период реформ наряду с «корпусом здравоохранения», «корпусом просвещения» и «корпусом развития» был создан и «корпус религии». Но об этом в книге даже не упоминается¹³.

Важно сказать и о том, как Мохаммед Реза Пехлеви подводит читателя к восприятию своего понимания роли ислама в решении задачи создания «великой цивилизации»¹⁴. Очень не примитивно, на высоком философском уровне он выдвигает ряд логических категорий в следующей последовательности: интеллектуальность, культура, духовная жизнь, религиозная вера, религиозные убеждения, составляющие дух и квинтэссенцию интеллектуальной жизни каждого общества, безотносительно к тому, какую религию исповедуют члены этого общества. И, лишь высказав ряд суждений, в которых используются эти понятия, имеющие, по его мнению, общечеловеческую ценность, он пишет: «Нашему народу выпало великое счастье находиться под знаменем самых прогрессивных, самых высоких принципов веры, то есть священных принципов ислама»¹⁵. Имея в виду духовенство страны, но избегая упоминать о нем прямо, он заявляет: «Очевидно, что подлинный смысл ислама не имеет ничего общего со злоупотреблением его принципами в корыстных, демагогических или реакционных целях и все такого рода домогательства (к сожалению, наше общество как в прошлом, так и в наш век оказывалось жертвой таких злоупотреблений) в корне противоположны подлинному духу и смыслу ислама»¹⁶. Эти суждения завершаются заявлением о необходимости веротерпимости.

По существу, Мохаммед Реза Пехлеви ведет речь об исламе без его служителей, и его подход к решению поставленной им задачи — достижению «великой цивилизации» — является чисто светским. Таким образом, позиция его по отношению к мусульманским богословам создавала предпосылки, достаточные для того, чтобы возникла конфронтация между монархом и частью элиты богословов (поскольку, как известно, другая их часть была в услужении у монарха), имевшей огромную власть над десятками тысяч рядовых членов мусульманской религиозной корпорации.

На предыдущих страницах была сделана попытка выявить, каково было отношение Мохаммеда Резы Пехлеви к различным классам и социальным слоям иранского общества накануне революции. Ниже попытаемся показать отношение этих социальных сил к монархии, их отклик на проводившуюся монархией политику.

Рабочий класс. Как было показано выше, в канун революции рабочий класс Ирана занимал видное место в социальной структуре страны, особенно города. Ядро его было представле-

но промышленным пролетариатом, сформировавшимся главным образом в 60—70-е годы в ходе индустриализации и создания целой совокупности крупных, оснащенных современной техникой предприятий. Внутри этого ядра успела сформироваться и своя рабочая аристократия.

Возглавив процесс индустриализации, монархия одновременно сумела (в условиях жестокого преследования и истребления левых сил) взять в свои руки решение задачи идейного воспитания рабочего класса. В итоге его идейной базой стал реформизм¹⁷. Монарх играл ведущую роль в выдвижении идей, реализация которых могла сделать рабочий класс послушным и умиротворенным. Правда, идеи не столько генерировались, сколько заимствовались у Запада, но это уже не столь важно.

Еще в период первого тура «белой революции», 7 января 1963 г., был принят закон, предусматривавший участие рабочих в прибылях предприятий¹⁸; 26 января того же года он был одобрен на референдуме в качестве одного из пунктов программы реформ. Оценивая этот закон, А. И. Демин писал: «Основные положения закона свидетельствуют о стремлении государства добиться интенсификации труда рабочих и сокращения издержек производства, о попытках правительства, направленных на превращение квалифицированных кадров иранского пролетариата в своего рода рабочую аристократию. В то же время основные положения закона в принципе отражают вызванные воздействием на Иран научно-технической революции объективные потребности в квалифицированной рабочей силе, в которой хозяйство страны испытывает острый недостаток и которая нуждается для воспроизводства в сравнительно высоком уровне материальных и культурных благ»¹⁹.

В начале августа 1975 г. был принят и включен в качестве 13-го пункта в программу реформ закон о «расширении основы промышленной собственности». Он предписывал крупным предпринимателям выделять для продажи среди рабочих, работающих на их предприятиях, 55% акций; государственные же предприятия должны были выделять с такой же целью 99% акций²⁰. Описанные выше два пункта «белой революции» послужили для монарха основанием, как уже отмечалось, утверждать, что эксплуатация человека человеком в городе ликвидирована.

О масштабах, которую приобрела продажа акций рабочим и, как выясняется из сообщения газеты «Кейхан», крестьянам, можно судить по следующим данным, относящимся к декабрю 1977 г. На указанную дату 159 крупных производственных единиц с капиталом 90 млрд. риалов предоставили в распоряжение Финансовой организации для продажи акции на 25 млрд. риалов. 222 тыс. рабочим и крестьянам передано акций на 14 млрд. риалов. Из этой суммы на 6 млрд. риалов приобрели акции 53 тыс. рабочих частных предприятий, на такую же сумму — 125 тыс. крестьян и на 2 млрд. риалов — 24 тыс. рабочих государственных фабрик и заводов. Покупателям акций

Финансовая организация предоставила кредит из 4% годовых. Каждый рабочий получил кредит в размере 100 тыс. риалов, а крестьянин — 50 тыс. риалов. Кроме того, 4051 рабочий приобрел акции различных фабрично-заводских предприятий на 810 млн. риалов с использованием личных сбережений. В связи с одобрением, которое встретила такая продажа акций, зимой 1977 г. указом шаха было предписано поднять сумму кредита для рабочих до 200 тыс. риалов, а для крестьян — до 150 тыс. риалов.

Предполагалось, что к осени 1978 г. 300 производственных единиц предложат свои акции рабочим, крестьянам и прочим желающим на общую сумму 120 млрд. риалов и в итоге на этом этапе в число держателей акций указанных предприятий войдет еще полмиллиона человек²¹.

Крестьянство. Когда в конце 50-х — начале 60-х годов монархия Мохаммеда Резы Пехлеви во избежание социального взрыва²² встала на путь проведения экономических и социальных реформ²³, первым и главным объектом преобразования стала деревня.

Еще до этого шах проявил инициативу, начав распродажу коронных земель и земель государственных (халесе) крестьянам, арендовавшим их. Ее целью было побудить помещиков последовать его примеру. Инициативу эту он в книге «К великой цивилизации» называет «предварительным этапом», предшествовавшим трем основным этапам реформы, провозглашенной 26 января 1963 г.²⁴ во время так называемого межпарламентского состояния (парламент был распущен главою государства для нейтрализации депутатов — противников реформы).

Радикальная аграрная реформа привела к тому, что из полufeодальной иранская деревня превратилась в мелкобуржуазную. При этом государство непосредственно занималось созданием условий для ее капиталистического развития²⁵. В результате в канун революции 1978—1979 гг. часть бывших арендаторов-издольщиков была превращена в земельных собственников, часть — в арендаторов, выплачивавших фиксированную денежную ренту. Еще часть крестьян превратилась в наемных рабочих в капиталистически организованных помещичьих хозяйствах. Все эти отряды крестьянства оказались по отношению к монархии в период антишахских волнений, переросших в революцию, по меньшей мере политически нейтральными. Крестьяне же, так или иначе обойденные реформой или не сумевшие приспособиться к новым условиям, самими этими условиями вытеснялись в города, содействуя тем самым росту взрывоопасного потенциала в них.

Здесь уместно отметить, что аграрная политика монархии оказалась, пожалуй, наиболее продуманной по сравнению с ее политикой в других областях народного хозяйства. Не исключено, что в этом какую-то роль сыграл негативный опыт монархии Реза-шаха, об аграрной политике которой Мохаммед Реза

Пехлеви отзывался отрицательно²⁶. На аграрную же политику Мохаммеда Резы Пехлеви нет оснований распространить оценку, данную в свое время в иранистической литературе аграрной политике его отца²⁷.

Мелкая буржуазия в рассматриваемый период прошла через многие испытания, бывшие следствием как объективных процессов, происходивших в стране, так и политики монархии.

Объективными процессами, усложнявшими экономическое и социальное бытие этого огромного социального слоя (имеющего право считаться и частью буржуазии в целом, и самостоятельным классом²⁸), явились индустриализация и сопутствовавшие ей изменения в отраслевой структуре экономики, особенно в обрабатывающей промышленности. Происходившая в стране ломка колониальной структуры экономики во всех ее проявлениях, в частности в социальном и технологическом, болезненно отражалась на судьбах этого класса. Особенно наглядно проявляла себя ломка отраслевой структуры: возникавшие в стране крупные современные фабрично-заводские предприятия, создававшие аналогичные с мелким производством потребительные стоимости, становились опасными конкурентами мелких предприятий. Диверсификация же отраслевой структуры, приводя к появлению потребительских товаров-заменителей, создавала еще один фактор, угнетающе действовавший на мелкое производство и мелкое предпринимательство²⁹.

Политика монархии в отношении мелкой буржуазии — субъективный фактор — в середине 70-х годов в условиях резкого роста цен привела к сильному ущемлению ее интересов. Объединенная по профессиональному признаку в синфы (гильдии)³⁰, возглавляемые представителями крупного капитала, мелкая буржуазия приняла на себя основной удар, нанесенный инфляцией по экономике страны. Возможно, определено было это тем, что при попустительстве монархии крупный капитал перекладывал бремя инфляции на своих подопечных³¹.

Инфляционный рост цен и принявшая широкий размах спекуляция вынудили власти с начала 70-х годов вступить в борьбу с этими явлениями. Помимо мер, принимавшихся прежде, 6 августа 1975 г. шах объявил о включении 14-го пункта в совокупность реформ «белой революции». Пункт этот предписывал введение фиксированных цен, усовершенствование системы распределения и борьбу со спекуляцией. Пресса сообщала, что правительство, невзирая на лица, без колебаний готово принять должные меры, если в том возникнет необходимость³².

Хотя аресту подвергали, «невзирая на лица», основную массу репрессированных составляли мелкие торговцы и ремесленники, и тяготы роста цен и инфляции, как было отмечено выше, легли на плечи этой категории лиц. Журнал «Донья» писал, что «нажим, оказываемый за эти несколько месяцев на ремесленников, является беспрецедентным», добавляя при этом, что за один только месяц, еще до включения 14-го пункта, в стране

подверглись наказаниям и уплатили штраф в 30 млн. туманов около 16 тыс. человек. Через три месяца после начала кампании было наказано более 50 тыс. ремесленников и мелких торговцев и уплачено штрафов более чем на 160 млн. туманов³³. Атака на ремесленников, начавшаяся в Тегеране, вскоре распространилась на всю страну.

Об этом же говорила и статья, опубликованная в газете «Эт-телаат», под весьма красноречивым названием «До свидания, мелкие лавки». В ней, в частности, отмечалось, что супермаркет занимает место торговца тканями, бакалейщика, мясника. Эта же газета писала: «Сегодня нет надежды на продление жизни мелких хозяйственных единиц, где один человек является директором, служащим, счетоводом, продавцом и владельцем одновременно»³⁴.

Тяжелое положение мелких торговцев и ремесленников отнюдь не было лишь результатом разгула рыночной стихии. Самое непосредственное отношение к их судьбам имел шах. Вмешиваясь в дела этой многомиллионной массы людей, шах ломал организационную структуру объединений мелких торговцев и ремесленников. «Два года назад в целях установления своего контроля над ремесленниками и мелкими торговцами,— писал журнал „Донья“,— шах распустил Высший совет цехов и вместо него на основе закона о классификации цехов создал Палату ремесленников (цехов), во главе которой поставил людей, которым доверял. Это были лица из ремесленников, но обладатели крупных капиталов. Как заявил шах, Палата цехов должна стать, с одной стороны, органом, защищающим интересы цехов, а с другой — источником притока новых сил для партии „Иране новин“ (в пору, когда она еще существовала.— *Ред.*), чтобы из цехов избирались люди для участия в выборах в поддержку режима, для организации прошахских демонстраций и т. д. В то же время они использовались для контроля над настроениями ремесленников и мелких лавочников... Когда шах понял, что рост дороговизны принимает угрожающие размеры, он принял решение принести в жертву свое детище — Палату ремесленников. Одна за другой палаты ремесленников в Тегеране и останах стали закрываться»³⁵.

Поступив таким образом, шах полностью игнорировал ремесленников. В результате у мелких торговцев и ремесленников не осталось организации, обратившись к которой они могли бы «требовать защиты своей деятельности, опираясь на закон, а не ставить свою судьбу в зависимость от вымогателей из САВАК и членов партии „Растахиз“»³⁶. Журнал добавляет, что режим шаха «никогда не относился благожелательно к синфам и особенно к лицам, не имевшим значительных капиталов, и никогда не считал их своей опорой»³⁷. Представляется, что это суждение полностью подтвердилось в период революции.

Как отмечает Н. М. Мамедова, в объявленной правительством борьбе с ростом цен острее было направлено против низ-

ших форм капитала. Однако, несмотря «на аресты, штрафы и ссылки владельцев магазинов, промышленных и торговых компаний, а больше всего владельцев мелких лавок и ремесленников, рост цен продолжался. Практически кампания по борьбе с ростом цен, от которой больше всех пострадали мелкие и средние производители, привела лишь к дезорганизации внутреннего рынка, росту „черного рынка“, обострила противоречия между крупным капиталом и мелкими производителями и торговцами»³⁸.

В канун революции 1978—1979 гг. мелкая буржуазия независимо от сферы и масштабов деятельности представляла собой самую ущемленную в своих экономических интересах монархией озлобленную многомиллионную массу. Она оказалась весьма благодатным материалом в руках религиозных деятелей, наиболее подготовленным психологически для восприятия их антишахской и антиимпериалистической пропаганды. Религиозность этих масс, находившихся под постоянным воздействием служителей культа, делала их в описанных условиях особенно восприимчивыми к эгалитарным лозунгам раннего ислама, которыми весьма искусно оперировали эти деятели.

Представители мелкой буржуазии составили основную массу тех, кто свое неприятие шахского режима, возмущение его тесными связями с американским империализмом выражал антишахскими демонстрациями, погромами кинотеатров, кабаре, других увеселительных заведений, банков, универсальных магазинов. Такой настрой мелкой буржуазии сложился главным образом в период экономического кризиса середины 70-х годов, определившего непосредственные экономические причины революции.

Если врага номер один в лице значительного слоя мусульманских религиозных деятелей монархия получила за многие десятилетия до революции 1978—1979 гг., то врага номер два — мелкую буржуазию, мелких товаропроизводителей — она создала на свою погибель за три-четыре предреволюционных года³⁹. Пожалуй, то же можно сказать о городских низах.

Средняя буржуазия, умножившая в 60—70-е годы свои ряды и существенно увеличившая свой экономический потенциал, была недовольна монархией, поскольку последняя не уделяла ей должного внимания ни в области экономики, ни в сфере политических прав. Считая себя наследницей мосаддыковских традиций и идеалов, она стремилась сохранить свое политическое лицо. Проявлялось это в том, что Национальный фронт — совокупность политических групп средней буржуазии — занимал в период антишахской борьбы собственную позицию. От монархии он не отрекался, в иные моменты при поисках двором компромисса с религиозными деятелями предлагал ему свои услуги (см. главу V). На фоне отмеченной ниже пассивности крупной буржуазии такого рода действия объективно лили воду на мельницу той же крупной буржуазии.

Крупная буржуазия, взращенная во многом самой монархией, видела в ней свой оплот. Результатом экономической зависимости от монархии было отсутствие у нее собственного политического лица. Политическая жизнь крупной буржуазии, по существу, определялась волей монарха. Внешне это нашло выражение в ее послушном участии в качестве объекта действия в политических метаниях шаха в процессе создания и роспуска партий «Меллиун» и «Мардом», «Иране новин» и «Мардом» и, наконец, «Растахиз».

Удовлетворенность своим экономическим бытием сочеталась у нее с определенным недовольством тем, что шахский двор, как было отмечено ранее, трансформировался в экономическую монополию особого типа — дворцовую монополию, которая, обладая исключительными возможностями, своей деятельностью ущемляла ее интересы.

Политическая безликость крупной буржуазии проявилась в 1978—1979 гг. в том, что монархия не обрела в ней защитника.

Бюрократическая буржуазия, представленная высшим и средним слоем служащих государственного сектора и, безусловно, поддерживавшая монархию в «лучшие» годы ее существования как кормилицу и защитницу, в ходе антишахской борьбы широких народных масс показала себя не с лучшей для монархии стороны. Во время всеобщей забастовки рабочих, когда значительная часть служащих государственного аппарата присоединилась к бастующим, она не приложила видимых усилий, чтобы воспрепятствовать действиям чиновников. Эта своеобразная солидарность означала, что и она к этому времени утвердилась в мысли, что иметь дело стоит лишь с сильной и дееспособной монархической властью, способной держать народ в узде и не допускать разгула стихии (в данном случае — бушевавшей уже многие месяцы и не реагировавшей ни на социально-политические уступки, ни на репрессии).

Шиитское духовенство. В канун революции это корпоративное сословие было расколото на два лагеря по признаку отношения к монархии. Часть его служила монархии, придававшей большое значение использованию ислама как важного средства идеологического воздействия на массы. Другая часть находилась в открытой оппозиции к монархии, считая незаконным сосредоточение государственной власти в руках светского лица. С особой отчетливостью эта конфронтация стала проявляться в 60-х годах, когда монархия начала проводить в жизнь совокупность социально-экономических реформ, ядро которых составила аграрная реформа. Тем самым монархия, в конце 20-х годов лишившая религиозных деятелей судебной власти, ныне посягнула на основу основ их благоденствия⁴⁰.

«Конфискация»⁴¹ и урезывание крупных земельных угодий по всему Ирану, — писала Е. А. Дорошенко, — подрывали экономическую основу иранского духовенства. К „правоверным шиитам“ обращались высшие религиозные авторитеты, их призывы раз-

носили по всей стране многотысячные отряды мулл, влияющие на сельских жителей, мелких торговцев, ремесленников все еще продолжало оставаться значительным»⁴².

Всенародное одобрение, которое получила вынесенная шахом на референдум программа реформ в январе 1963 г., вызвало ярость у части высших религиозных деятелей. Именно в это время на политической арене появился аятолла Хомейни — будущий ниспровергатель монархии. «3—5 июня 1963 г., — писала Е. А. Дорошенко, — из Кума по радио передавались проповеди аятоллы Хомейни, направленные против правительственных реформ и шаха... Аятолла Хомейни, хотя и в завуалированной форме, сравнил существующий режим с режимом ненавидимого шиитами омейядского халифа Йазида, считавшегося, по преданию, убийцей имама Хусейна... В проповеди Хомейни прозвучал призыв выступить в защиту веры. Распространялись листовки с портретами Хомейни и его воззваниями. Толпы участников траурных процессий в связи с днями „Ашура“ в Тегеране, Куме, Исфахане, Ширазе, Тебризе, подстрекаемые муллами, начали громить государственные учреждения, магазины, переворачивали автобусы, избивали женщин без чадры и школьниц. Они старались захватить здания некоторых министерств и радиостанцию. Только воинские части, вызванные в Тегеран и другие города, через двое суток смогли восстановить в стране порядок»⁴³.

Приведем еще один отрывок из книги Е. А. Дорошенко: «Шах, изгнав Хомейни из Ирана, сделал его в глазах верующих иранцев „героем и мучеником“. Сегодня Хомейни из Неджефа руководит духовной оппозицией, представляет самый обостренный иранский национализм, носящий теперь яркий отпечаток политических и экономических идей Мосаддыка („негативное равновесие“). Он возглавил общество „Движение антиимпериалистически настроенных духовных лиц“»⁴⁴.

Е. А. Дорошенко завершает анализ положения духовенства Ирана в 60-х — начале 70-х годов следующей фразой: «Именно с этим духовенством солидаризируются прогрессивная интеллигенция и студенчество, особенно те, кто проживают или обучаются на Западе»⁴⁵. Как показали последующие события, эта фраза отразила трагическую слабость прогрессивных сил иранского общества, побудившего их преклонить колена перед муллой.

Из социальных слоев иранского общества для монархии наиболее сложным объектом политики было шиитское духовенство. Объяснялось это тем, что в стране, взявшей курс на преодоление экономической и социальной отсталости, неизбежно ущемлялись экономические и социальные интересы духовенства, располагающего огромной властью над сознанием миллионов мусульман. Монархия пошла на это, и в течение 60-х — первой половины 70-х годов ей удавалось без особых усилий держать в узде духовенство: пока экономика развивалась сбалансиро-

ванно, рост цен был умеренным, монархия не начала экономическое наступление на мелкобуржуазные массы в борьбе с инфляцией и не прибегала пока к массовым репрессиям, одной религиозности населения было недостаточно, чтобы оно последовало призывам враждебно настроенной к монархии части духовенства. Когда же экономическое положение некоторых слоев стало меняться в худшую сторону, стал действовать и религиозный фактор. В итоге массы откликнулись на призыв духовенства и вышли на улицы.

Хотя усилиями монархии в течение 60—70-х годов часть видных религиозных деятелей была привлечена на службу государству, создан был «корпус религии», занимавшийся от имени государства пропагандой ислама, регулярно через средства массовой информации велись передачи на религиозные темы, читались проповеди, шахская семья подчеркнуто демонстрировала свою религиозность, приверженность исламу, монархия тем не менее не сумела в трудное для себя время сохранить контроль над поведением религиозных масс.

Студенчество. При социальной неоднородности студенчества политическое лицо этого слоя иранского общества десятилетиями определяли те его отряды, которые стояли на демократических позициях, находились в оппозиции к шахскому режиму или категорически отрицали монархию. Промонархически настроенные группы студентов, по существу, были столь безлики, что их присутствие на политической арене оставалось незамеченным. Именно из среды демократически, антишахски настроенных студентов выходили создатели левых организаций. Как уже было показано в предыдущей главе, в 60—70-х годах основателями ОПФИН и ОМИН были студенты. Многие студенты становились членами Народной Партии Ирана.

Отношение монархии к студенчеству можно характеризовать следующим образом: если бы не необходимость иметь кадры специалистов высокой квалификации, она бы предпочла вовсе не иметь в стране студенчества.

Армия. Выпестованную им армию — одну из крупнейших по численности и лучше всех вооруженных на Ближнем и Среднем Востоке — шах считал беспредельно преданной ему. Очевидно, такое мнение основывалось на том, что после переворота 19 августа 1953 г. он выкорчевал из офицерских рядов все ячейки партии Туде, а затем внимательно следил за тем, чтобы членам партии Туде был полностью перекрыт путь в армию.

Веря в преданность армии трону, Мохаммед Реза Пехлеви вместе с тем был очень осмотрительным в отношении генералитета, пристально следил за тем, чтобы не происходило чрезмерного усиления позиций и авторитета высших военачальников; поэтому он постоянно занимался перемещением высших чинов с должности на должность, с поста на пост. Подозрительность и осмотрительность были неизменными спутниками верховного главнокомандующего.

Такой метод «воспитания» генералитета, сочетавшийся с внедрением во все рода войск американских советников, которые выступали в качестве менторов, имел результатом безликость и безынициативность армейской верхушки. Трагические последствия описанного образа действий проявились после того, как обстоятельства вынудили шаха покинуть страну (16 января 1979 г.). Судьба монархии (в той мере, в какой она зависела от действий военных) стала определяться нерешительностью одних и «прагматизмом» других, пошедших на смышку с лидерами шиитских богословов во исполнение указаний американских высокопоставленных военных чинов — имплантата внешнего фактора в организме иранской армии, — действовавших по инструкциям Вашингтона, успевшего провести зондаж относительно модус вивенди с шиитскими богословами еще задолго (если счет вести на недели) до того, как шах покинул Иран.

Творческая интеллигенция. Все расширявшиеся в 60—70-е годы экономические и социально-политические связи Ирана с развитыми капиталистическими странами стимулировали капиталистическую эволюцию базиса. Одновременно они оказывали огромное воздействие на надстройку, что порождало новые противоречия и ставило общество перед необходимостью определить свое отношение к тем или иным аспектам этого воздействия.

Пожалуй, сложнее всего для иранского общества было оценить воздействие западной культуры или, вернее, определить свое отношение к буквально вторгшейся в страну западной цивилизации, охватывавшей не только духовную жизнь, но и быт в самом широком смысле этого понятия. Иными словами, жизнь поставила перед иранским обществом вопрос: «Как отнестись к процессу вестернизации страны?»

Мохаммед Реза Пехлеви отвечал на этот вопрос следующим образом: «Сегодня нам предстоит проделать долгий путь, чтобы догнать (Запад.— *Ред.*), причем недостаточно лишь „догнать“. Условия в моей стране существенным образом отличаются от условий, бытующих на Западе, поэтому перед нами стоит также необходимость адаптации. Мы должны одновременно приспособить технологию (Запада.— *Ред.*) к нашей культуре и нашу культуру к технологии. Именно в этом ключ к тому, чтобы проложить новый путь к решению задачи. При наших великих традициях учености и тысячах юношей и девушек с университетским образованием я предвижу, что моя страна может стать во всемирном масштабе лидером поисков свежего подхода к синтезу Запада и Востока, старого и нового»⁴⁶.

Вокруг вопроса об отношении к вестернизации в 60—70-х годах среди интеллигенции развернулась идеологическая борьба, ставшая одним из факторов формирования в стране революционной ситуации. Она велась с различных философских позиций, отличавшихся большой пестротой: по подходу к явлениям — от

идеализма до материализма, от религиозности до атеизма; по методу изучения явлений — от метафизики до диалектики; по уровню конкретности — от философской абстракции до литературы (прозы и поэзии), театра, кино и живописи. Ведущее место в ней занимали представители творческой интеллигенции, оппозиционные монархии. Уже с середины 60-х годов условия, в которых она велась, усложнялись тем, что, развивая свою «революцию шаха и народа», Мохаммед Реза Пехлеви поручил придворным философам и идеологам начать разработку философских основ этой «революции». В таких условиях оппоненты формировавшейся официальной идеологии автоматически воспринимались монархией как ее политические противники и становились объектом репрессий — от домашних арестов до казни.

Формирование идеологических предпосылок революции началось раньше экономических (еще в 50-е годы), и в этом смысле они были «взрослее» их. При этом, облакаясь на арене общественной мысли в идеи и концепции, они вступали в непосредственную конфронтацию с монархией.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ИРАНА 60—70-х годов КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК И ПРИЧИН РЕВОЛЮЦИИ

Условия формирования общественной мысли в 60—70-х годах

Из проведенного выше анализа взглядов Мохаммеда Резы Пехлеви явствует, что, придавая огромное значение формированию общественного сознания как одному из факторов, действие которых должно было обеспечить движение Ирана к «великой цивилизации», шах в то же время, по существу, уклонялся от прямого выражения своего отношения к шиитскому духовенству и интеллигенции. Он предпочел говорить об исламе, словно не замечая служителей этого культа, а в отношении интеллигенции ограничился беглым упоминанием. По-видимому, он положился на силу воображения читателя: последний должен был понять, что если автор под занавес пропел дифирамб исламу, то, стало быть, в стране есть его служители, а если автор говорит о просвещении, науке, об их развитии, о борьбе с неграмотностью, то, значит, в стране есть интеллигенция, с участием и усилиями которой должны решаться эти задачи. Это было явное уклонение от открытого разговора с широкой общественностью.

Между тем бурный процесс развития производительных сил, ломка старых производственных отношений как в городе, так и в деревне, курс монархии на экономическую интеграцию с империалистическим Западом и ее концепция вестернизации Ирана не могли не найти и нашли глубокий и отнюдь не однозначный отклик в общественной мысли Ирана 60—70-х годов. Но в условиях Ирана этих двух десятилетий, когда в процессе укрепления диктатуры монарха возможность открытой политической деятельности постепенно сошла на нет, сферой, в пределах которой могла проявлять себя общественная мысль, стала область культуры, внутри же ее в ходе вынужденного перевоплощения различные политические взгляды, суждения, устремления отлились в поиски решения масштабной проблемы — проблемы культурного наследия, как наиболее «невинной» и политически безопасной для монархии. Эти поиски привели к столкновению мнений, представленных как марксистской, так

и буржуазной мыслью, концепциями как религиозными, так и светскими, как социально выхолащенными, так и социально насыщенными, как имеющими историческую перспективу, так и лишенными таковой. Видное место занимали варианты концепций исламских.

Характер восприятия и оценки культуры Запада в дореволюционном Иране явился своеобразной формой демонстрации антибуржуазных, антиимпериалистических настроений у одних идеологов и паниранистских — у других. Но борьба мнений происходила не на равноправной основе: авторы и носители неприемлемых для монархии идей становились жертвами гонений и жестоких репрессий, а это наэлектризовывало общественную атмосферу и формировало далеко не последний по значимости фактор порождения предпосылок будущей революции.

Джелал Але Ахмад

Начнем с исламской концепции антизападничества, разработанной Джелалом Але Ахмадом¹ и изложенной им в книге «Гарбзадеги» («Западничество»), нелегально изданной в Тегеране в 1962 г. Идеи, высказанные в этой книге, несли в себе характерные противоречия и изъяны воинствующего консервативного исламского национализма, которые раскрылись позже, в конце 70-х — начале 80-х годов. Автор, как и его единомышленники, обращал свой взор к религии и видел единственный выход для страны в возрождении политической роли раннего шиизма и морального авторитета ислама, в восстановлении исламской системы воспитания и образования.

Анализируя причины экономической, политической и культурной зависимости Ирана от империалистического Запада, Але Ахмад трактует «западничество» как своего рода социальное заболевание, эпидемию, поразившую все области жизни страны и умы нации.

Катастрофическая отсталость и деградация Ирана, по мнению Але Ахмада, объясняются прежде всего размерами и глубиной «западничества». Шахский режим для него — в первую очередь проводник западного, растленного влияния, а Запад — воплощение «дьявольской механизации, убившей собственную цивилизацию». Концепция Але Ахмада весьма проста и узнаваема: Запад гниет, его губит засилье техники, выхолащивающей в человеке духовное начало и цельное восприятие внешнего мира. Преимущество Востока — в религиозном чувстве, нерасчлененности сознания, гарантирующих спасение личности от унификации и превращения в придаток машины. Автор призывает «закрыться от Запада», а технические и научные навыки получать из таких стран, как Япония и Индия.

Трагедия развивающихся стран, считает Але Ахмад, заклю-

чается не просто в их отсталости, но и в существовании у них иллюзии, будто отставание может быть ликвидировано посредством слепого копирования моделей Запада. «Мы только внешне подражаем Западу... Мы уподобились тому ослу, который напялил на себя шкуру льва. Между тем несомненно одно: до тех пор, пока мы являемся только потребителями машин, а не их производителями, мы будем зависеть от Запада»². Подчинение Западу, ориентация на данный тип развития обуславливают не только экономическую зависимость, но и политическое бессилие и духовно-культурную недееспособность. «Чаще всего мы являемся покорными, тихими и готовыми монтажниками или ремонтниками того, что поступает с Запада. А ведь именно это влечет за собой превращение нас, нашего правительства, нашей культуры и образа жизни в подобие машины... Если коротко резюмировать — мы не смогли сохранить наши основные культурные принципы перед натиском машины, мы исчезли, уничтожились»³. Але Ахмад ратует за историческое творчество на базе чисто национальных социокультурных корней. Он резко критикует интеллигенцию за ее повальное «западничество», говорит даже о «предательстве интеллигенции». Не только в Иране, но и в других странах Азии и Африки «западничество» повинно в том, что человечество разделено на два мира — развитый и отсталый, богатый и бедный; «по одну сторону, в мире прогресса, — ритм совершенствования, по другую сторону, в мире умирания, — пульс депрессии»⁴.

Свою позитивную программу Але Ахмад выводит из слабой еще затронутости иранского общества влиянием «механистической» буржуазной цивилизации. Мы, пишет он, слава богу, еще по-настоящему не знакомы ни с демократией, ни с машиной. Мы не испытали на себе принудительного, регламентирующего воздействия машины. Но коль скоро основы национальной психологии и культуры еще не успели «испортиться» от соприкосновения с пороками Запада, выход для иранцев как раз и заключается в том, чтобы вернуться к «истокам», к корням, к исламской религиозной мудрости, к шиизму как фундаменту иранского национализма. Причину того, что Иран еще в XVIII в. вынужден был уступать иностранному давлению, Але Ахмад видит в том, что шиитское духовенство упустило политический и идеологический контроль над народом и государством, подчинилось несправедливым правителям и стало орудием угнетения народа. «...С тех пор как идеи шиизма стали использоваться для пропаганды и укрепления династии Сефевидов, — пишет он, — именно с этих пор мы... превратились в немощных хранителей могил, в нищих, собирающих подаяние, оплакивающих страдания погибших шахидов (мучеников за веру. — *Ред.*). С того дня как мы упустили для себя возможность героизма и ограничились воспеванием великих шахидов, мы оказались привратниками кладбищ...»⁵. Анализируя историю Ирана начала XX в., Але Ахмад подчеркивает ошибку духовенства, за-

нявшего оборонительную, соглашательскую позицию по отношению к властям. Тот факт, что религия после «машруте» — революции 1905—1911 гг. — отступила, Але Ахмад считает серьезнейшим стратегическим просчетом, облегчившим проникновение в Иран западного империализма и его воздействие на страну⁶. По его словам, в сложившейся ситуации «только мечети являются последним барьером на пути западничества...»⁷.

И вот теперь, на исходе 50-х — в начале 60-х годов, настало время исправить это положение и спасти страну и нацию от потери самой себя, считает автор.

Основное внимание в книге уделено критике шахского режима и воздействия империализма на Иран. Впрочем, автор столь же беспощаден и к средней буржуазии, лишенной, по его мнению, смелости, инициативы и жизнеспособности. Социальный пессимизм Але Ахмада заставляет его смотреть только назад и искать решений о будущем страны в прошлом.

Испытывая горечь от сознания неизмеримой отсталости своего отечества, Але Ахмад начисто отвергал и всю иранскую культурную традицию, считая ее бесполезным, мертвым грузом. Он не создал никакой конструктивной модели развития. От реальных противоречий он укрывался за идеализированными представлениями о миссии ислама и шиитского духовенства в решении будущих судеб страны.

Книга «Западничество» с ее антимонархическим, антиимпериалистическим пафосом вызвала ненависть шахских властей; все нелегальные издания подвергались конфискации.

В донесениях агентов САВАК, преданных гласности после 1979 г., содержатся подробные «рецензии» на все социально-политические и литературно-художественные произведения Але Ахмада. Книга «Западничество» отнесена в этих отчетах к категории «особо опасных для существующего режима», а ее автор охарактеризован следующим образом: «...этот человек на протяжении всей своей жизни действовал против государственного порядка. Его прозвище в политических кругах — „старый партизан“. Але Ахмад был активистом расформированной партии „Туде“, бывшей партии трудящихся, состоял в партии „Нируйе севвом“ („Третья сила“) и так называемом „Национальном фронте“. В своих произведениях он как только мог поносил и критиковал режим, подстрекал народ к действиям против нынешних властей. Очень мало найдется у него произведений, в которых бы наблюдалась терпимость по отношению к существующему режиму и политике... Самая известная книга Але Ахмада — это „Западничество“; она была издана без разрешения и впоследствии неоднократно переиздавалась и тайно распространялась. В этой книге очень сильно критикуется западное влияние в иранском обществе, а также осуждается ввоз в страну иностранного оружия...»⁸.

Таким же образом «прорецензированы» все остальные произведения Але Ахмада, в том числе художественные. Сотруд-

ник САВАК старательно выписывал реплики персонажей рассказов и повестей, если эти персонажи — жандармы, военные или представители властей. Столь же старательно сообщал он в своих докладах и о причинах недовольства в адрес властей. Вот пример:

«В книге „Проклятая земля“ описывается жизнь учителя, полная неурядиц. Неблагополучное положение крестьян учитель объясняет бездеятельностью и безответственностью правительства...»⁹. За этим следует цитата из книги «Проклятая земля» («Нефрин замин»).

В завершение этого очень краткого очерка о Джелале Але Ахмаде мы сочли целесообразным привести еще ряд его суждений из книги «Западничество». Они помогут понять, почему после полутора десятилетий (60-е — середина 70-х годов), в течение которых бурное развитие капитализма в стране как бы приглушило звучание голоса Але Ахмада, его идей, навеянных в значительной степени действительностью дореформенного Ирана, идеи эти, в своей совокупности очень противоречивые, путанные и эклектичные, не имеющие исторической перспективы и уже поэтому утопичные, в ходе и после революции 1978—1979 гг. стали как бы программой пришедших к власти шиитских богословов.

Напомним, что в своей книге Але Ахмад рисует эмоционально насыщенную картину своеобразно понимаемого кризиса власти, подводя читателя к выводу о неизбежности и необходимости революционного переворота, который должен вернуть шиитскому духовенству контроль над народом и государством и тем самым освободить иранское общество от невзгод, описываемых им. Он показывает, что шахский режим уповал на связи с западным капиталом и опирался на помощь империалистических блоков, а для управления страной, для проведения налоговой, финансовой и аграрной политики использовал аппарат насилия — полицию и армию. Ту же цель — воспитание покорных граждан — преследовали официальная культура и система образования, сознательно ориентировавшие личность на заемные, чуждые народу ценности.

В политических обстоятельствах Ирана 50—60-х годов Але Ахмад уповал на ислам как на единственную реальную силу, способную противостоять правящему режиму. По его мнению, оживление религии и религиозных представлений стимулировалось тем, что «90% населения строят свою жизнь под влиянием религиозных представлений и навыков, а это означает, что они могут переносить тяготы жизни, только опираясь на свои религиозные убеждения. И они по крайней мере счастливы оттого, что верят»¹⁰.

Выход из кризиса Але Ахмад видел в создании единства религиозной и политической власти. Он выступал как консерватор-националист. Его идеалом был период правления Сефевидов, когда, по его словам, правительство и религия надели одну

хирку (власяницу)¹¹. Он критиковал шиитское духовенство за его пассивность, за то, что оно устранилось от борьбы за власть.

Критический запал Але Ахмада, как мы убедились, был очень силен. Однако выводы, которые он сделал в отношении будущего национальной культуры и социальных проблем страны, вели в тупик, ибо ориентировали общественное сознание на реставрацию исламских принципов организации социальной и культурной жизни, гальванизированных внедрением современной технологии.

К неприятию и критике иранской экономической, социально-политической и культурной действительности Али Ахмад пришел на основе изучения и осмысления жизни иранского общества дореформенных времен. Между тем сдвиги, происшедшие в 60—70-х годах в экономике, явно свидетельствовали о том, что Иран быстро шел по капиталистическому пути развития, и критика Але Ахмадом процессов, происходивших в стране в то время, оказалась антиисторичной, так как вся ее «конструктивность» заключалась в призывах возвратиться к прошлому.

Мехди Базарган

Але Ахмад, увязывавший будущее страны с исламом и рассматривавший ее судьбы с исламских позиций, был не одинок в своих исканиях. Светскими исламистами были также Мехди Базарган и Али Шариати. Вообще надо отметить, что оппозиционная монархии буржуазная общественная мысль оказалась замешанной на исламе. Указанное обстоятельство сыграло немаловажную роль в том, что, когда в стране стала складываться революционная ситуация и шиитское духовенство начало прилагать усилия к тому, чтобы овладеть революционизирующимся сознанием масс, почва для этого оказалась взрыхленной.

Мехди Базарган оказался единственным из светских исламистов, которому судьба дала возможность не только побывать фрондером по отношению к монархии Мохаммеда Резы Пехлеви, но и попытать силы в претворении своих взглядов в действительность¹².

Писать книги на исламскую тематику, защищая, в частности, идею политизации ислама и духовенства, М. Базарган начал в 40-х годах. В 50-х годах он поддерживал тесные связи с Исламским обществом студентов, учителей, инженеров и физиков, Обществом исламских студентов, Исламским центром и другими организациями, выступавшими с критикой монархического режима.

Свои взгляды на ислам, его место и роль в общественной жизни М. Базарган с достаточной полнотой изложил в трудах, вышедших в свет в начале 60-х годов: «Граница между религией и политикой», «Что ожидает народ от религиозных авторитетов», «Труд и ислам»¹³.

Идеологической основой, на которой покоится светский исламизм М. Базаргана, является посылка, гласящая, что религия может быть прогрессивной и что на деле она именно такова. Уже поэтому он порицал левых за то, что они еще в прошлом веке «начали воспитывать в людях враждебность по отношению к религии, праву, закону»¹⁴. Ислам он рассматривает как религию, которой не должна быть чужда политика; однако он считает, что религия эта не должна носить откровенно политического характера.

Интерпретируя ислам как религиозную идеологию, направление мысли, «мактаб», М. Базарган противопоставляет его капитализму и социализму, которые для него в первую очередь — система взглядов, образ мышления. Ислам же шиитского толка он провозглашает самым прогрессивным «мактабом», вселяющим в человека надежду на лучшее будущее¹⁵.

Ответственным за правильную интерпретацию и защиту мусульманской веры он считает «мулл и теологов — духовные и религиозные гильдии»¹⁶. В то же время он и сам выступает как интерпретатор ислама, стремящийся «открыть» народу «истинный смысл» якобы забытого Корана.

Одна из важнейших функций ислама в обществе, по мнению М. Базаргана, — мобилизация энергии всех членов общества на созидательный труд; по его словам, Коран не только призывает «к труду, деловой активности», но в нем сказано, что «один лишь труд открывает двери к спасению»¹⁷. Только добросовестное, дисциплинированное участие всех слоев населения в трудовой деятельности способно обеспечить успешное и независимое существование иранского общества. «Коммунистическая Россия» и «капиталистическая Америка» служат для него образцами для подражания в том отношении, что «обе нации работают, как хорошо смазанный механизм»¹⁸. Однако в целом он отрицательно относится к обеим системам, считая их аморальными. Так, современный капитализм доводит народы до нищеты, порождает социальные конфликты («классовую войну»), бесхозяйственно эксплуатирует природные богатства, провозглашает основной целью деньги, накопительство и ведет к деградации личности. Социалистическая система антипатична ему по той причине, что она «атеистична и несправедливо считает религию реакционной», а также потому, что «коммунистическая идеология отвергает принцип частной собственности»¹⁹.

Считая религию необходимой для общества, так как только она может гарантировать сохранение здорового морального духа человека и всего общества, М. Базарган заявлял, что «религия выше политики», что «религия — это все»²⁰. Задачу воспитания «благочестивого мусульманина» М. Базарган возлагал на духовенство, причем считал, что решаться эта задача должна не только на уровне отдельно взятой личности, но и в масштабах массы, так сказать, коллективного индивида. И воспитываться масса должна в духе трудолюбия, а также, что не

менее важно, в духе социального партнерства. В итоге общество должно получать благочестивых, набожных мусульман, людей, глубоко верующих в бога и в необходимость экономического развития страны, людей, активно участвующих в социально-экономической жизни Ирана.

Здесь следует отметить, что само понимание веры у М. Базаргана было весьма гибким, многовариантным, способным овладеть сознанием и простолюдинов, и людей высокообразованных. Видимо, для последних и была предназначена такая дефиниция: «Вера в бога — это определение... цели и последующее движение в направлении желаемой цели»²¹. Понятие «благочестивый мусульманин» для М. Базаргана имеет значительную гражданственную наполненность. Это, кроме трудолюбия, дисциплинированности, веры в бога, и приверженность национальной культуре, критическое отношение к Западу, инициативность, способность контролировать эмоции и «все вредные желания и наклонности», «волевой характер и высокая нравственность». «Благочестивыми деяниями» М. Базарган называет деятельность, которая необходима для достижения «прогресса», т. е. материального и духовного развития²².

Иранцы, по мнению М. Базаргана, были именно такими, однако влияние Запада отрицательно сказалось на их моральных качествах, и они «не только утратили инициативность и чувство ответственности, но и научились... искать самооправдание... за индифферентность и бездеятельность»²³. Вместо того чтобы быть активными, мыслящими личностями, стремящимися получить специальность, иранцы, особенно молодежь, стали подражать Западу, отказавшись «искать свой путь». Они превратились в нацию, подражающую иностранцам, не желающую думать и действовать самостоятельно. Таких людей М. Базарган сравнивает с «мухами, питающимися отбросами и экскрементами»²⁴.

Идейно-политическая платформа М. Базаргана была способной привлечь внимание широких кругов иранского общества: она сочетала в себе полное признание частной собственности, она была набожной, своим призывом трудиться прилежно во имя исполнения долга перед Аллахом она не могла не импонировать любому владельцу средств производства, прибегающему к эксплуатации чужого труда в любой его форме (т. е. капиталистической или докапиталистической). Что не менее важно, эта платформа предусматривала весьма почтительное отношение к духовенству и возлагала на него почетную миссию — воспитание членов уммы (общины) «благочестивыми мусульманами».

Защита М. Базарганом ислама, его подчеркнуто почтительное отношение к духовенству во многом объяснялись его стремлением опереться на религиозный институт, который он хотел видеть, как отмечала английская исследовательница Энн Ламбтон, «прибежищем от несправедливости»²⁵. Духовенство, следо-

вательно, было для М. Базаргана скорее всего символом сопротивления, знаменем, под которым оппозиция могла бы выступать против монархического режима. Однако под этим вовсе не имелось в виду ниспровержение монархии.

Последнее обстоятельство объяснялось подходом М. Базаргана к тому, что можно назвать отношением ислама к революции. Нормы ислама, по М. Базаргану, — это законы природы, законы естественного развития, разрушение которых всегда порождает катастрофы, в том числе революции. Таким образом, революция для него — не закономерное явление в ходе развития общества, а результат человеческого заблуждения, конкретнее — заблуждения, царящего среди правящих и имущих слоев населения, которые повинны в возникновении социальных конфликтов²⁶. Вот почему М. Базарган, трактуя ислам как систему взглядов («мактаб»), считал его идеологией ненасилия, пассивного протеста, в основе которого лежит признание эволюции высшей и единственно законной формой развития.

Все изложенное свидетельствует о том, что М. Базарган пытался осуществить буржуазную реформу ислама, пытался поставить религию на службу интересам капитализма, но капитализма «благородного», «благочестивого», лишенного пороков, свойственных современному буржуазному обществу.

С этой точки зрения характерно, что, вознося хвалу труду, М. Базарган в то же время акцентировал внимание на обязанностях иранцев, а не на их политических правах, поскольку участие масс в политической деятельности, по его мнению, должно было ограничиваться участием в парламентских выборах. К наиболее трудолюбивым, деятельным и умным людям, способным и обязанным решать стоящие перед страной проблемы (в первую очередь наладить экономику), М. Базарган относил «так называемых ученых мужей и философов»²⁷, т. е. технократов и ученых²⁸. Политическая активность простого народа пугала М. Базаргана²⁹.

Несмотря на буржуазность воззрений М. Базаргана (хотя и задрапированных в исламские одеяния), он как фигура общественная был для монархии опасным врагом. Его деятельность содействовала формированию того направления общественной мысли, которое стало одним из факторов вызревания предпосылок революции 1978—1979 гг. Особую популярность М. Базарган завоевал у мелкой буржуазии, средних слоев, считавших себя ущемленными, обойденными в середине 70-х годов, в период притока огромных средств от нефти и экономического бума.

Али Шариати *

Пожалуй, самой яркой фигурой среди светских исламистов Ирана в 60—70-е годы был Али Шариати. Бурная общественно-

* Биографическую справку об Али Шариати см. в Прил. 7.

просветительская деятельность А. Шариати, начавшаяся в середине 60-х годов и продолжавшаяся почти до самого кануна революции 1978—1979 гг., по тому отклику, который она вызвала среди светской и духовной молодежи, среди духовенства, а также среди светской буржуазной интеллигенции и отдельных слоев буржуазии, дает полное основание назвать его имя в ряду имен тех представителей буржуазной общественной мысли, которые духовно подготовили массы к выступлениям против деспотизма монархии и засилья, духовного и экономического, империализма.

Многие взгляды А. Шариати были использованы Организацией моджахедов иранского народа (ОМИН) при разработке своей идеологической программы. Это — важное свидетельство причастности А. Шариати к формированию идеологических предпосылок революции.

Воззрения А. Шариати, как и взгляды других светских исламистов, эклектичные и не имевшие строгой научной основы, нашли широкий отклик среди молодежи (учащихся как светских, так и духовных учебных заведений) и студенчества, отвергнувших официальную идеологию монархизма. Идеи А. Шариати благородством целей увлекли за собой молодежь, хотя и не только ее. Как часто бывало, ненаучность идеологии не помешала ее воздействию на сознание людей.

Воззрения А. Шариати во многом формировались под влиянием взглядов таких разных мусульманских деятелей, как М. Базарган, М. Талегани, Р. Хомейни. А. Шариати, получивший европейское образование, был также хорошо знаком с современными западными философскими течениями — экзистенциализмом, маркузианством.

Английский востоковед М. Фишер писал, что А. Шариати был «героем молодежи Ирана 70-х годов и воспринимался как один из святых заступников (наряду с Р. Хомейни и М. Талегани.— *Ред.*) в период революции 1977—1979 гг.»³⁰.

Западноевропейские и американские ученые в целом рассматривали А. Шариати как религиозного идеолога леворадикального типа, терпимо относившегося к идеологии научного социализма и интерпретировавшего ислам шиитского толка как революционную идеологию борьбы за интересы трудящихся масс и создание «динамичного» бесклассового общества. Как отмечал Э. Абрахамиан, А. Шариати стремился создать эклектичную систему на основе «западной социологии», «частично марксистской социологии» и «мусульманской теологии», а также на базе идей Франца Фанона³¹. По его словам, А. Шариати пропагандировал идею «возврата к истинному исламу» и считал, что добиться этого сумеют «не улама, а прогрессивная интеллигенция» как единственная сила, способная правильно интерпретировать ислам³².

Английский исследователь Дж. Янсен отмечал, что революционный ислам, каким его представлял А. Шариати, является

исламом «персидским», хорошо воспринимаемым молодым поколением образованных иранцев, которые раньше относились критически к этой религии, считая ее «арабской». Притягательность идей А. Шариати для «молодого поколения образованного класса» Дж. Янсена объяснял тем, что «вестернизированный интеллеktуал», пытавшийся реформировать ислам шиитского толка при помощи «экзистенциализма, марксизма и феноменологии», считал шиизм единственным учением, способным решить все стоящие перед современным человеком проблемы, т. е. революционной националистической идеологией, привлекательной для молодежи³³. Именно революционность идей А. Шариати, по мнению Янсена, привлекала к ним радикальную молодежь и способствовала переходу определенной ее части в ряды ОМИН³⁴.

А. Шариати, определяя ислам как религию Бога и народа, утверждал, что Бог справедлив и защищает интересы трудящихся масс. В качестве аргумента он приводил данные о социальном происхождении пророков, подчеркивая, что все они были выходцами из народа (из пастухов). Пророки всегда боролись за интересы народа, против власть имущих, которые, спекулируя на якобы естественном религиозном чувстве людей, извратили ислам. Близость Бога и народа настолько велика, что слово «Бог» является синонимом слова «народ»³⁵.

В извращении народной сути ислама А. Шариати обвинял, в частности, духовенство, ставшее на службу власть имущим и богатым, а также европейцев, стремившихся к закабалению мусульман путем насаждения своей культуры, морали, идеологии³⁶. Ислам, защищающий интересы власть имущих и богатых, А. Шариати называл «ширком»³⁷, трактуя это понятие как антинародную религиозную веру, а ислам, отстаивающий интересы народа, именовал «тоухидным исламом» или «тоухидом» (единобожие, монотеизм)³⁸.

Одной из своих важнейших задач А. Шариати считал «возврат» к исламской идеологии. «Я мечтаю возродить ислам как идеологию,— заявлял он.— Пока же ислам — это культура»³⁹. Первое условие, предъявлявшееся им к исламу как к идеологической системе,— его соответствие интересам народных масс и способность быть доступной их восприятию. Поэтому А. Шариати призывал своих последователей учиться говорить с народом на его языке, на языке религии, поскольку многогранность, абстрактный характер религиозной символики понятен каждому иранцу независимо от его социальной принадлежности. Каждый мусульманин по-своему понимает религиозную символику, вкладывая в нее собственный смысл, желания и настроения. «Этот (религиозный.— *Ред.*) язык вечен, и он имеет большую ценность, чем светский, в котором понятия лишены таинственности»,— говорил А. Шариати, подчеркивая, что современная пропаганда общественных идей на светском языке обречена на неудачу⁴⁰. В связи с этим А. Шариати отмечал, что интеллиген-

ция оторвалась от народа, который не понимает ее светского языка, глух к нему. «Прежде чем следовать какому-либо мактабу,— говорил А. Шариати,— мы должны изучить язык общения с народом. Пока мы немые. Мы забыли его язык... и это отчуждение — могила всех наших надежд и причина тщетности всех наших усилий»⁴¹. Религиозная идеология, по мнению А. Шариати, должна быть революционна по своему характеру, призывать к изменению несправедливых порядков во имя свободы и справедливости⁴².

К идеологии научного социализма и к буржуазной идеологии А. Шариати относился отрицательно. Ислам же, по его определению, является «серединным мактабом между материализмом и идеализмом, между капитализмом и коммунизмом»⁴³. Обе системы рассматривались А. Шариати как враждебные мусульманскому миру, проводящие в отношении стран «третьего мира» одну и ту же политику⁴⁴.

Важное место в системе взглядов А. Шариати занимала проблема революционного преобразования мира. В целом он придерживался концепции, сочетавшей требование радикального преобразования общества с защитой принципа ненасилия по отношению ко всем социальным слоям (за исключением преступников). Революционная, в том числе вооруженная, борьба для А. Шариати — способ добиться прогрессивного изменения общественного устройства во имя утверждения «высших ценностей», воплощенных в идеях религиозного социализма, который провозглашается «конечным идеалом», а не переходным этапом к коммунизму⁴⁵. При этом А. Шариати оперировал понятием «социализм» как категорией, обозначающей тип общественного устройства, основанного на принципах религиозной морали и созданного религиозными людьми. «Интеллигентный верующий тоже строит социализм, но на основе своего, особого, духовного мировоззрения», согласно которому природа жива, разумна, логична, каждое явление закономерно и естественно.

Революционное, насильственное изменение общества, выводящее его из кризисного состояния, в которое, как считал А. Шариати, со временем погружается любая общественная система, он признавал правомерным (хотя и не отрицал возможность «исправления» общества мирными средствами, т. е. путем осуществления реформ). Вместе с тем он отрицал классовую борьбу и принижал революционную роль рабочего класса. Шариати заявлял, что в современных условиях более важную роль в революционном движении играет не классовая борьба, а национализм, что национализм является самой революционной силой современности. При этом он необоснованно обвинял марксистов в непонимании сути националистических движений как реакции на угнетение извне⁴⁶.

А. Шариати выделял четыре этапа революции, совпадавшие с этапами, выделяемыми хомейнистами: личностный, национальный, общемусульманский и мировой. Первый этап — моральное

совершенствование индивида, воспитывающего себя как борца против несправедливости. (Недаром в качестве своего жизненного кредо А. Шариати избрал девиз А. Камю: «Я протестую — значит, существую»⁴⁷.) На втором этапе предполагается борьба за национальное освобождение, за создание независимого национального государства. Третий этап означает экспорт революции за рамки одного государства, в регион мусульманской веры, «простирающийся от Северной Африки до Азии и Персидского залива»⁴⁸. Четвертый этап — борьба за создание мирового государства всеобщей справедливости.

Рассмотренные в данной главе взгляды трех наиболее крупных светских исламистов позволяют увидеть, какого рода духовной пищей, оппозиционной официальной идеологии, питалось иранское общество предреволюционных лет. Они также свидетельствуют о том, что в лице светских исламистов мусульманское духовенство имело весьма активных и эффективно действующих пропагандистов и агитаторов ислама шиитского толка.

Некоторые черты эволюции общественной мысли в 70-е годы (культурологический аспект)

70-е годы ознаменовались дальнейшей консолидацией национального самосознания, поиском и разработкой концепции историко-культурной самобытности Ирана, его взаимоотношений с западным и восточным миром. Культурная проблематика публицистики 60—70-х годов стала основой острых идеологических дискуссий. Пробудился небывалый интерес к национальной истории, культуре и культурному наследию.

Основными темами культурологических дискуссий были: национальная идентификация облика культуры в будущем: какой ей быть, что в ней развивать и поддерживать — элементы общеиранского древнего наследия или только исламские традиции;

отношения между Западом и Востоком;

потребительские ценностные ориентации в жизни элиты и бюрократии, в культурном и научном плане, в стиле жизни и облике интеллигенции;

проблемы образования и воспитания личности, условия адаптации человека к условиям быстро меняющегося мира.

К началу 70-х годов видные буржуазные деятели культуры и политические деятели, писатели, ученые, представители технической интеллигенции стали серьезно задумываться о последствиях развития Ирана по капиталистическому пути и его интегрирования в мировую капиталистическую систему. Кризис, переживаемый системой развитого капитализма, вызывал у мыслящих иранцев стремление избежать подобного у себя на

родине. Именно поэтому (наряду с оживленными дискуссиями вокруг собственных традиций и культурного наследия) отношение к проблеме восприятия и оценки культуры Запада явилось у одних идеологов своеобразной формой проявления антибуржуазных, антизападных настроений, а у других — средством утверждения националистических, консервативных идей.

Напомним, что размаху культурологических дискуссий 70-х годов в Иране в немалой степени способствовал тот факт, что они давали возможность идеологам выразить и сформулировать свое отношение ко многим острым политическим и социальным проблемам своего времени. Однако если до сих пор негативная трактовка Запада как чужеродного мира звучала преимущественно из уст светских исламистов (Але Ахмад, Мехди Базарган, Али Шариати), то теперь аналогичная критика зазвучала в выступлениях рационально мыслящих журналистов, ученых, литераторов и деятелей культуры. Эта тенденция особенно усилилась к середине 70-х годов (когда ясно прорисовались результаты воздействия западного империализма на все стороны национальной жизни).

Как было показано выше, монархия отнюдь не считала возможным оставаться в стороне от разворачивающихся в стране культурологических дискуссий. К тому же она сознавала, что эти дискуссии имеют недвусмысленную политическую окраску. Не случайно еще в книге «Мое служение Родине», вышедшей в один год с «Западничеством» Але Ахмада, шах изложил, как уже отмечалось, свое понимание того, что должна представлять для Ирана «вестернизация» — «вожделенная мука Ирана». В самом начале 70-х годов лейтмотивом серии культурных мероприятий в ходе празднования «2500-летия иранской монархии» был тезис о «непрерывности» иранской традиции («эстем-рар»), ставший неотъемлемой частью официальной культурной доктрины. Он в дальнейшем повлиял на формирование понятий «культура» и «культурное наследие», «культурные контакты с Западом», понятий, которые начали приобретать новый, социально-политический смысл.

Наиболее отчетливо эта культурная переориентация прослеживалась в выступлениях известных ученых, общественных деятелей и литераторов — Сеида Хосейна Насра, Мохаммеда Али Эслами Нодушана, Абдолхосейна Зарринкуба, Эхсана Нераги и других авторов.

В культурологической полемике 70-х годов заметное место заняла работа Сеида Хосейна Насра «Идейная основа столкновения культуры Ирана и Запада»⁴⁹.

Сравнивая творчество буржуазных идеологов Ирана 70-х годов со взглядами Але Ахмада, мы можем констатировать скачок, пережитый культурологической мыслью. Иранская общественная мысль существенно раздвинула горизонты освоения различных культур. Исчезли страх перед будущим и комплекс неполноценности, взамен которых пришло понимание значи-

мости собственной культуры в развитии мировой цивилизации, усилилось чувство национального самосознания.

Все упомянутые моменты можно обнаружить в воззрениях С. Х. Насра, антизападничество которого носит в сравнении со взглядами Але Ахмада качественно иной характер: оно — плод культурного национализма 70-х годов, культурологических концепций периода бурного «нефтедолларового» развития страны, когда доктрина культурного величия Ирана стала государственной и должна была способствовать консолидации всего общества вокруг «великой шахиншахской империи», насчитывающей «два с половиной тысячелетия существования». Именно на службу этой идее шахский аппарат старался поставить пробудившуюся в умах тягу к познанию своего прошлого, национальную гордость и сопротивление культурной экспансии империализма. На службу этой же идее он стремился поставить и культурологическую мысль.

Идеям С. Х. Насра и Э. Нераги, представлявшим разновидность официальной националистической идеологии с присущим ей антизападничеством, противостояли концепции более гибко и радикально мыслящих общественных деятелей буржуазного плана. Происходившие в 70-е годы культурологические дискуссии выделили таких крупных ученых, как М. А. Эслами Нодушан и А. Зарринкуб, которые сформулировали новую точку зрения и на иранскую культуру в целом, и на ее взаимоотношения с Западом⁵⁰.

Для концепции обоих авторов в целом характерно признание открытости культурных процессов в прошлом и настоящем, необходимости и естественности обменов культурными ценностями. В противоположность статичной трактовке культуры выдвигается тезис открытой культуры, развитие которой сопоставляется с процессом роста живого организма и мира природы. «Культура живет только движением и дыханием... она связывает воедино прошлое и настоящее... Культура должна быть открытой навстречу движению, обмену воздухом. Взаимообмен необходим культуре, подобно тому как цветам необходимо впитывать дуновение ветра, переносящего пыльцу и оплодотворяющего их»⁵¹.

Следует также выделить присущую обоим идеологам мысль об усилении социальной роли культуры в антагонистическом обществе, где она является формой выражения протеста и оппозиционных настроений. Они подчеркивают социальную обусловленность культуры, ее тесную связь с общественными процессами, ее способность выражать противоборствующие взгляды и политические интересы самых различных групп общества⁵².

По-новому исследуются и взаимоотношения с западной культурой. В отличие от националистического курса С. Х. Насра и Э. Нераги тема «Восток—Запад» рассматривается в трудах М. А. Эслами Нодушана и А. Зарринкуба вне присущего офи-

циальным культурологам антизападнического настроения. М. А. Эслами Нодушан, сопоставляя сложившиеся в западном и восточном историко-культурном ареале характеры мышления, пишет: «Не следует думать, будто вслед за машиной и техникой сам собой возникнет и сопутствующий им образ мышления... духовная традиция Ирана опирается больше на интуицию и на внутреннее озарение, чем на логику и научное познание... Данный способ мысли распространился через поэзию, фольклор, а также через религиозные труды. Внезапно этот образ мысли столкнулся с западным, картезианским, и мыслящее иранское общество проявило склонность заменить свое традиционное мышление западным. Удалось ли это? Нет. И не стоит сожалеть об этом. Достойно сожаления лишь то, что истинные источники мысли растворились, а вместо них ничего не возникло. Поскольку все, что нам требовалось из внешних проявлений жизни, было доступно и ввозилось с Запада, ищущий, познавательный стимул в нас оставался без ответа. И поскольку подражание западному было признано тогда нужным и современным, простое пребывание в Европе считалось достаточным, чтобы признать человека „ученым“ и доверить ему важный государственный пост»⁵³.

По существу, здесь рассматривается уже знакомая нам по высказываниям Але Ахмада проблема западничества, т. е. проблема зависимости иранской духовной жизни от иностранного технического и культурного воздействия. Однако в отличие от Але Ахмада М. А. Эслами Нодушан слабости культурного и научно-технического характера не связывает с ослаблением религиозного духа, не уповает он и на универсальность ислама как панацею против культурной агрессии Запада. Противостоять зависимости и развивать собственную культуру, считает М. А. Эслами Нодушан, можно, только если неуклонно следовать научному прогрессу и собственной культурной традиции, а не ограничиваться использованием западной науки и техники. Опыт зависимого, потребительского отношения к достижениям развитых капиталистических стран, продемонстрированный Ираном в 60—70-х годах, оценивается автором как бесплодный и тупиковый для отечественной культуры и духовной жизни. «Для наших ученых не стали примером ни Газали, ни Оппенгеймер. Иранцы не стали традиционными учеными с присущими этой категории людей искренностью и простотой, не стали они и западными учеными с их усердием, преданностью науке. В каждом из наших деятелей науки наступил закат и Запада и Востока. [Западная логическая мысль не смогла одержать в них решающей победы, а традиционное мышление оказалось безвозвратно утерянным]»⁵⁴.

Оценивая взгляды М. А. Эслами Нодушана, отметим присущий всем его работам некоторый эклектизм, смешение самых различных идей — от мистицизма и панисламизма до левозэкстремистских лозунгов и перепевов теорий западных фило-

софов и социологов. Не свободна от противоречий и книга «Культура и псевдокультура» («Фарханг ва шабахфарханг»). Но она показательна тем, что автор ее определяет культуру как явление, обусловленное развитием экономических, политических и правовых основ общества. Он решительно не приемлет шовинистические и религиозные настроения, нередко подогреваемые под прикрытием идей защиты национальной культуры от внешних воздействий. Он трактует национальную культуру как вклад в сокровищницу мировой культуры. Отсюда и те надежды, которые он возлагает на меры общемирового порядка в рамках ООН по упорядочению глобальных процессов демографии, экологии и культуры. «Мир нуждается в новой организации,— пишет он в Заключении к книге „Культура и псевдокультура“,— но какой она должна быть? Ответить трудно. Можно только сказать, что любой путь в этом направлении должен по масштабам быть общемировым и осуществляться через Организацию Объединенных Наций... В области культуры следует всемерно содействовать образованию, развивающему в человеке дух взаимопонимания, возрождающему гуманистическую этику и создающему подлинную гуманистическую культуру в противовес всяким изоляционистским и националистическим теориям»⁵⁵.

Большой вклад в культурологическую полемику 70-х годов внесла остроактуальная работа «Ни восточная, ни западная, а общечеловеческая», написанная известным ученым, исследователем истории литературы и культуры Ирана Абдолхосейном Зарринкубом⁵⁶. Само название работы красноречиво говорит о позиции ее автора в споре о месте и роли иранской культуры в современном мире и о путях ее развития. В противовес консервативно-националистической точке зрения А. Зарринкуб дает свою социально ориентированную и свободную от шовинистических передержек трактовку проблемы «Восток—Запад»: «По существу, то, что называют столкновением Запада с Востоком, является столкновением восточного мира с культурой буржуазии, класса, породившего машину и эксплуатацию и изменившего на протяжении последних веков весь кругозор человека»⁵⁷.

Автор решительно выступил и против изоляции культурной жизни страны от внешнего мира, и против абсолютизации традиций, вступив тем самым в открытую полемику с Але Ахмадом и С. Х. Насром. Он дал свое понимание термина «западничество», ввел новые важные акценты в трактовку этого термина, характерные для культурной ситуации второй половины 70-х годов. «Иранская культура не может оставаться в рамках старых традиций... она должна развиваться и воспринимать все новое, полезное, прогрессивное,— писал А. Зарринкуб.— Бояться воздействия на иранскую культуру Запада и Востока не следует. Все зависит от степени устойчивости национальной культуры. Если она крепка и сильна, то ей нечего опасаться

модернизации... Трудность заключается не в использовании западного („гарбгири“.— *Ред.*) — это историческая необходимость, ибо вместе с капиталистической экономикой в жизнь народа входят новые культурные ценности. Иное дело — преклонение перед Западом, «западничество» („гарбзадеги“.— *Ред.*), т. е. навязывание нам ненужных обычаев, привносимых в нашу культурную жизнь по прихоти некоторых классов Запада. Внедрение их и наносит вред нашему национальному достоинству»⁵⁸.

В дополнение к термину «западничество» («гарбзадеги»), вошедшему в культурный обиход страны еще в 60-х годах, А. Зарринкуб вводит понятие «использование западного» («гарбгири»), демонстрируя грань между двумя понятиями, нередко смешиваемыми в ходе полемики. Он отвергает введенное С. Х. Насром понятие «столкновение с Западом» («бархорд ба гарб»), считая, что «столкновение с Западом, с буржуазной культурой, модернизацией или тем, что вкладывается в этот термин, не является серьезной проблемой иранской культуры и лишь отвлекает ее от созидательной деятельности... Наши мудрецы, поэты, творческие личности всегда знали, в чем их призвание на культурном поприще. Надо делать то, что и делалось в нашей культуре в прошлом в аналогичных ситуациях и что превратило ее в независимую, животворную и близкую всем культуру — ни азиатскую, ни европейскую, но общечеловеческую»⁵⁹.

А. Зарринкуб выделяет те черты иранской культуры и истории, которые представляют ценность для всего человечества. Лучшее в традиционном наследии он считает общим достоянием мирового сообщества и не настаивает на подчеркивании в этом наследии чисто иранских, чисто азиатских элементов.

Наряду с культурологическими дискуссиями ученых в массовом сознании нарастали настроения протеста против широкого вторжения иностранной культуры, принимая формы антизападного культурного движения.

Накапливавшееся социальное напряжение проявляло себя и в движении, направленном против западного культурного импорта. Этот своеобразный «культурологический» облик Ирана конца 70-х годов был отмечен в первых западных работах, посвященных революционным событиям в этой стране. Так, французские журналисты Пьер Бланше и Клер Бриер писали в своей книге «Революция во имя бога»: «Мы полностью отдавали себе отчет в том, почему иранский народ отверг Запад. Ведь то, что шах предоставлял народу, было карикатурой на культуру Запада... Иранское революционное движение было культурным по характеру проявления, и ныне (после революции.— *Ред.*) оно не может ограничиться только экономическими лозунгами. Нельзя забывать, что иранский народ многие годы жил в угнетенном состоянии и сегодня особенно остро нуждается в свободе выражения мнений. Революция в Иране была настолько же экономической, насколько культурной, и многие

ее противники, а также американские наблюдатели недооценили именно это обстоятельство — культурный облик движения»⁶⁰.

С конца 1977 г. в стране во все возрастающем масштабе развернулись выступления против распространения западного коммерческого искусства и развлекательной индустрии, а в литературе все громче зазвучали идеи социального протеста.

Внедрение в иранскую жизнь (главным образом в городах) западной индустрии развлечений — кино, телепрограмм, рекламы моды, баров, ночных клубов и т. д. — сопровождалось возникновением в обществе новых потребностей и интересов: культ вещей, потребительских устремлений, западных норм поведения и вкуса, новых видов проведения досуга. Постепенно, по мере нарастания этих тенденций, в средних и низших социальных слоях накапливалось недовольство.

Среди художников и интеллектуалов все более отчетливо стало проявляться критическое отношение к современной культуре Запада, а также к истории западных цивилизаций, прежде всего периода колониальных завоеваний. Творческая интеллигенция выражала растущее беспокойство за судьбу отечественного кино, театра, системы образования и воспитания, обращаясь с многочисленными статьями и требованиями к общественности и органам власти.

Характерным примером подобной реакции была статья кинопродюсера Али Аббаси «Почему мы подвергаемся атаке западных ценностей?»⁶¹. Автор с сарказмом и болью обрисовывал положение, сложившееся в иранской культуре, и характеризовал его как катастрофу, грозившую исчезновением иранской традиции под ударами коммерческой массовой культуры Запада. «В последнее время, — писал он, — когда по радио и телевидению много говорят о западничестве, я вновь подумал о тех ни в чем не повинных иранцах-западниках, на которых помимо их воли со всех сторон обрушивают всякого рода западные подделки, а потом еще и обвиняют их в пристрастии к Западу». Остроумно обрисовав парадоксальную ситуацию, сложившуюся в иранской культурной жизни 70-х годов (распространение буржуазной массовой культуры и одновременно с этим рост критических выступлений в адрес западных норм, «западничества»), — автор справедливо усматривает корни сложившейся кризисной ситуации в культурной политике, сделавшей из Ирана удобный рынок сбыта продукции империалистических держав. «Когда 90% кино- и телепрограмм составляют иностранные фильмы, когда важнейшее место в культурной жизни городов занимают конкурсы моды, выставки собак и кошек, проводимые в самых шикарных салонах и отелях-люкс с помощью зарубежных модельеров, конферансье и дикторов, это не может не отразиться на формировании вкусов, — писал А. Аббаси. — И тогда, — продолжал он, — в облике и жестах наших певцов иноземная манера петь начинает занимать ведущее место... дети

говорят ныне не о сказках Собхи⁶² (как было в мое время), а о шутках Тедда Антони, диктора международной программы радио».

С горечью констатировал автор и более плачевные результаты такой культурной политики: потерю связей с национальными традициями, с поколением отцов, возникновение пренебрежительного отношения к собственному языку, литературе, культуре. Выход Али Аббаси видел в развитии национального искусства, прежде всего кино как наиболее действенного и массового средства воспитания: «Я не ретроград, чтобы выступать против импорта обладающих высокими достоинствами иностранных фильмов,— писал он.— Но, к сожалению, ввозимый и оплачиваемый нами товар — это низкопробные фильмы о миллионерах или полные жестокости и секса приключения, которые ничуть не лучше наших отечественных пошлых и слабых фильмов и еще более разлагают нашу кинематографию... Мы должны помнить, что хороший иранский фильм является передатчиком традиций, обычаев и культуры Ирана, иранский фильм должен способствовать формированию народного характера. Кино — это действенное оружие нашей пропаганды и воспитания. Нам не следует отбрасывать это оружие и заменять его импортным губительным ядом».

Об опасности новой духовной болезни, «телевизионной магии», писал известный поэт Носрат Рахмани: «Современный человек рождается, живет и умирает возле телевизора. Молодые превращаются в стариков. Телевизор, призванный давать людям духовную пищу, формировать их духовный мир, попросту оболванивает их»⁶³. Корни этой опустошенности автор видел в самом направлении телепрограмм: «Демонстрация западных фильмов и сериалов, продолжающаяся годами на наших телеэкранах, вырабатывает западные взгляды и является основой западнической идеологии в нашей стране. Запад господствует на Востоке, и он ставит свою марку на всем, что берет от нас,— начиная от философии и кончая товарами»⁶⁴.

Подобная реакция была типичной для умонастроений иранской интеллигенции 70-х годов. Для развенчания потребительских идеалов буржуазного Запада, внедряемых на иранской почве, погони за мнимыми ценностями все чаще стало употребляться выражение «погоня за тенью» («шекаре сайе»).

Религиозные круги, отражая настроения крестьянских масс и средних городских слоев, поддержали и возглавили борьбу интеллигенции против западного влияния в сфере культуры.

«Западничество» Але Ахмада не только не утеряло с годами своей злободневности, но, напротив, к середине 70-х годов вновь обрело популярность. Мысли Але Ахмада получили широкое хождение на самых разных уровнях — от популярных изданий до научной периодики и исследований.

В условиях перерастания культурологических диспутов 70-х годов в политические официальная пропаганда поставила своей

задачей несколько пригасить влияние идей Але Ахмада. Однако сделать это ей не удалось, потому что идеи, сформулированные Але Ахмадом, так прочно вошли в плоть культурной жизни, что отторгнуть их, даже под нажимом, оказалось невозможным.

Таким образом, массовое сознание на всех уровнях продемонстрировало отказ от западного культурного влияния. Этот отказ символизировал антиимпериалистические устремления народа, с такой сокрушительной силой проявившиеся в ходе революции 1978—1979 гг.

Заключая эту часть исследования, отметим, что иранские идеологи-марксисты, находившиеся в вынужденной эмиграции, осмысливали историю мировой культуры в конкретном, историко-социальном срезе. Они считали, что будущая демократическая культура Ирана впитает все лучшее из сокровищницы национальных традиций и интернациональных идей⁶⁵.

ВЫЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ И ПЕРЕРАСТАНИЕ ЕЕ В РЕВОЛЮЦИЮ

Возникновение антишахского движения и его эволюция

Первыми открытые выступления против монархии начали левые организации¹ — Организация партизан-федаев иранского народа (ОПФИН) и Организация моджахедов иранского народа (ОМИН). Начиная с 1971 г. они осуществили ряд политических убийств видных деятелей режима и американских советников, нападений на полицейские участки и ограблений банков с целью экспроприации средств на ведение революционной деятельности. Однако после тяжелых поражений и понесенных жертв² руководители обеих организаций во второй половине 70-х годов пришли к мысли о малой эффективности одной только вооруженной борьбы.

В принципе они исходили из верной посылки о том, что без развертывания вооруженной борьбы невозможно победить монархию, опирающуюся на мощную армию. Однако упор на проведение террористических акций при отсутствии революционной ситуации (она начала складываться лишь во второй половине 70-х годов) низводил эту правильную стратегическую линию до уровня ультралевацкой тактики, а преждевременные выступления (вместо накапливания сил и организации масс) приводили лишь к неоправданным потерям. Начавшийся во второй половине 70-х годов поворот этих организаций в сторону усиления агитационно-пропагандистской работы в массах свидетельствовал о постепенном изживании левацких настроений.

С середины 1977 г. буржуазная интеллигенция, как это было показано в главе II, развернула кампанию за строгое соблюдение и расширение конституционных прав и свобод, требуя ограничения единоличной власти шаха. По существу, эта кампания была на руку буржуазии, заинтересованной в большем участии в государственной власти и в ослаблении жесткого контроля над частным капиталом со стороны монархического государства. В это же время усилились выступления студентов внутри страны и за рубежом, уже известные читателю.

В начале 1978 г. к антидиктаторскому движению подключились новые слои. В ответ на опубликование в газете «Этте-лаат» статьи с грубыми нападка на аятоллу Хомейни духо-

венство организовало 8 января в Куме, религиозном центре Ирана, демонстрацию учащихся медресе и других исламских учебных заведений. Во время разгона демонстрации погиб один из ее участников. Это дало духовенству повод устроить на следующий день еще более мощную демонстрацию под лозунгом восстановления конституции 1906 г. (точнее — восстановления тех ее положений, которые были изъяты по воле Мохаммеда Резы Пехлеви, и изъятия внесенных в нее по его же воле изменений). Разгоняя демонстрацию, отряды полиции и армейские подразделения убили несколько десятков и ранили сотни человек³. Начиная с этого дня духовенство через каждые 40 дней⁴ организовывало новую волну демонстраций.

Первой крупной акцией такого рода явилась демонстрация в Тебризе 22 февраля 1978 г., устроенная в знак траура по погибшим в Куме. Попытка властей разогнать демонстрантов привела к ответным насильственным действиям, принявшим погромный характер. Разъяренная толпа, состоявшая в основном из деклассированных элементов, разгромила 73 отделения банков, причем 4 из них были подожжены. Кроме того, были повреждены 22 магазина, 4 гостиницы, Технологический институт, 2 правительственных здания, 28 автомобилей, 9 кинотеатров, множество телефонных кабин и парковочных счетчиков. Погромщики пытались поджечь 12-этажное здание гостиницы «Шах Исмаил», в которой размещались в основном иностранные специалисты, работавшие на Тебризском машиностроительном заводе, однако полиции удалось их разогнать. Беспорядки продолжались примерно до часу дня, после чего наступило относительное спокойствие. Но в четыре часа они возобновились и длились до девяти часов вечера. В ходе беспорядков 125 человек были серьезно ранены, в том числе 9 рядовых полицейских и 2 офицера⁵.

С каждой новой демонстрацией увеличивалось число жертв и соответственно росло возмущение репрессиями; расстрел предыдущей демонстрации делал более многолюдной последующую. Таким образом, сознательно подставляя безоружных людей под пули и множа число жертв, духовенство добивалось расширения антишахского движения ради удовлетворения своих требований.

Духовенство организовывало и другие акции протеста: проповедями в мечетях, содержащими резкую критику сотрудничества шаха с империалистическими государствами, особенно с США, оно целенаправленно распаляло фанатизм верующих, и те после этого нередко начинали громить фешенебельные магазины, поджигать роскошные автомобили. (Такие «стихийно» вспыхнувшие беспорядки обычно кончались человеческими жертвами, так как власти бросали против погромщиков полицию и даже воинские подразделения.) Кроме того, группы фанатиков поджигали или взрывали кинотеатры, казино и другие увеселительные заведения, рестораны, магазины, торгующие

спиртными напитками и записями западной эстрадной музыки, отделения банков и другие учреждения, которые в проповедях духовенства именовались рассадниками империалистического влияния в Иране.

Широко пользовалось духовенство и такой традиционной формой борьбы, как заккрытие базаров. Базары закрывались во время массовых демонстраций, в знак протеста против репрессий властей, арестов исламских деятелей, по случаю религиозных дат, например в день рождения или смерти одного из чтимых шиитами имамов. В прошлом, когда базар был средоточием всей экономической жизни, эта форма была очень действенной: нередко волнения базара приводили к смещению с поста государственного деятеля, вызвавшего недовольство торговоростовщической буржуазии, а то и к смене правительства. Однако в современных условиях закрытие базаров мало что давало: промышленные предприятия продолжали нормально функционировать, крупные магазины не прерывали торговлю. Таким образом, закрытие базаров не слишком нарушало жизнь города, хотя и создавало некоторые неудобства.

Промышленные предприятия и учреждения во время демонстраций работали нормально, следовательно, ни рабочие, ни служащие в них участия не принимали. Лавки и ремесленные мастерские были закрыты, большинство их владельцев либо стояли на тротуаре возле лавок, либо сидели в них, охраняя свое добро. Подавляющую массу демонстрантов составляли деклассированные элементы, темные, легковозбудимые и больше других подверженные исламскому влиянию.

В июне—июле представители оппозиционной буржуазии, выступая на митингах и в печати, развернули борьбу против однопартийной системы, требуя свободы деятельности политических партий. Члены парламента М. Пезешкпур и Ахмад Бани Ахмад заявили о выходе из партии «Растахиз» и о намерении создать собственные политические организации⁶. Это вызвало бурные дебаты как в парламенте, так и в политических кругах вне его. Духовенство, действовавшее в сотрудничестве с оппозиционной буржуазией и поддерживавшее ее требования, организовало нападения деклассированных элементов на отделения партии «Растахиз» в Тегеране и других городах.

Содержание событий, происходивших в период с середины 1977 по август 1978 г., можно определить следующим образом: буржуазия и духовенство боролись за то, чтобы монархия соблюдала гражданские свободы, предусмотренные конституцией, и в этом смысле выступали за восстановление конституционной монархии, за свободу партийной деятельности. Выполнение их требований позволило бы им завоевать большинство в парламенте и создать правительство, не зависящее от шаха.

Поскольку в тот период главным был лозунг восстановления конституционной монархии, предусмотренной конституцией 1906 г. (которую шах фактически поправил), можно сделать вы-

вод, что в организации широких действий мелкобуржуазных масс базара и деклассированных элементов главную роль играло умеренное духовенство (напомним, что именно эта часть религиозных лидеров в отличие от сторонников Хомейни высказывалась за соблюдение конституции 1906 г. и именно их позицию отражали программные документы Движения за свободу Ирана). Демонстрации, закрытие базаров, взрывы и поджоги — все это организовывалось духовенством, чтобы оказать нажим на шаха и заставить его пойти на уступки.

Таким образом, выступления мелкобуржуазных масс и городских низов, хотя и были внушительными и драматическими, самостоятельного значения не имели и были подчинены интересам оппозиционной буржуазии и умеренной части духовенства. Группировка Хомейни, т. е. радикальная часть духовенства, заметного влияния на характер антидиктаторского движения не оказывала. В ходе демонстраций не выдвигались лозунги свержения монархии и замены ее исламской республикой, не видно было над колоннами демонстрантов и портретов Хомейни, не упоминалось его имя и в иранской прессе. Сам Хомейни с 1964 г. находился в изгнании в небольшом иракском городе Эн-Неджефе и непосредственного влияния на ход событий в стране почти не оказывал, хотя нельзя отрицать его идейного воздействия на умы верующих, осуществлявшегося путем распространения в Иране его теоретических работ, воззваний, кассет с записями его речей и проповедей, тайно доставлявшихся в страну его приверженцами.

Студенческие выступления концентрировались на территории университетов и в основном были направлены на удовлетворение интересов студенчества: расширение автономии университетов, улучшение жилищных условий (предоставление мест в студенческих общежитиях) и материального положения студентов, изменение некоторых учебных программ и т. п. С началом летних каникул студенческие выступления пошли на убыль.

Продолжали свою деятельность и левые организации — ОПФИН и ОМИН. Наряду с эпизодическими нападениями на полицейские участки и отделения САВАК они уделяли большое внимание агитационно-пропагандистской работе с целью привлечения новых членов и расширения своих рядов. По некоторым данным, в 1978 г. число членов каждой из этих организаций достигло примерно 5 тыс.

В конце июля накал выступлений начал ослабевать. Пришедшийся на это время очередной 40-й день траура не отмечался массовыми демонстрациями. Волнения наблюдались лишь в Мешхеде, где произошли столкновения полиции с толпой, выходившей из мечети после траурной церемонии по погибшему в автомобильной катастрофе видному религиозному деятелю шейху Ахмеду Кафи. В ходе столкновений было убито 40 и ранено около 200 человек⁷.

Это объяснялось тем, что несколькими днями ранее шах объявил о своем намерении предпринять шаги по демократизации политической жизни, намекнув, что может пойти на уступки оппозиции, если ее лидеры перестанут провоцировать «уличные беспорядки». Желая продемонстрировать, что они полностью контролируют действия народа и готовы рассмотреть условия предлагаемого компромисса, религиозные деятели и ограничили выступления масс.

Такая «восточная дипломатия» возымела действие: в начале августа 1978 г. шах заявил, что очередные выборы в парламент будут проведены в условиях демократии, что народу будет предоставлена свобода слова и собраний. Комментируя заявление шаха, спикер парламента Абдолла Риизи отметил: «Обещание шахиншаха провести свободные выборы означает, что партия „Растахиз“ не будет единственной, имеющей право выставлять кандидатов на выборах»⁸. Шах также обещал разрешить демонстрации, если они не будут сопровождаться насилием. После выступления шаха был подготовлен законопроект о свободе собраний и демонстраций.

27 августа шах уволил в отставку правительство Д. Амузегара и назначил премьером Дж. Шариф-Имами. Программа нового кабинета предусматривала возобновление свободы партийной деятельности, отмену цензуры печати, введение свободы слова, митингов и собраний, борьбу с коррупцией в государственном аппарате, закрытие казино и других увеселительных заведений, противоречащих нормам ислама, возврат к мусульманскому календарю (вместо которого по указанию шаха с 21 марта 1976 г. был введен календарь, в котором летосчисление начиналось со времени основания Ахеменидской державы — еще одно проявление имперского самовозвеличивания. В итоге 1355 год солнечной хиджры стал 2535 шахиншахским годом).

После заявления Шариф-Имами о том, что «в соответствии с конституцией все партии пользуются свободой и могут свободно продолжать свою деятельность»⁹, начали возобновлять свою деятельность старые партии и организации и возникать новые. В первые же недели было официально объявлено о создании или возобновлении легальной деятельности десятков партий, организаций, союзов, обществ, ассоциаций, движений, политических клубов и т. п. Наиболее заметными из них были Национальный фронт, Движение за свободу Ирана, партия «Паниранисты» во главе с ее бывшим лидером М. Пезешкпуром, Социал-демократическая партия Ахмада Бани Ахмада, которую он вскоре переименовал в Союз за свободу Ирана, Радикальное движение Ирана, основанное Р. Мокаддамом. Выдвинутые различными буржуазными партиями и организациями программные требования различались лишь в деталях. Главными из них были роспуск парламента и проведение новых выборов, ликвидация САВАК, создание независимой судебной системы и роспуск специальных судов и трибуналов, освобождение поли-

тических заключенных, возвращение в страну политических эмигрантов, предоставление свободы слова, печати, собраний, отмена цензуры, наказание всех, замешанных в коррупции и виновных в массовых расстрелах¹⁰.

Свободу партийной деятельности оппозиционная буржуазия рассматривала как необходимое и достаточное условие завоевания в ходе парламентских выборов большинства в парламенте, создания независимого от шаха правительства и расширения таким образом своего участия в государственной власти. Дальше этого она идти была не намерена.

Монархия сделала серьезную уступку оппозиционной буржуазии, легализовав ее партии и организации и дав им право участвовать в борьбе за парламентское большинство. В случае их успеха в стране были бы де-факто восстановлены принципы конституционной монархии, чего и добивались лидеры буржуазной оппозиции.

Умеренное же духовенство существенных политических уступок не получило. Более того, требования духовенства (напомним, оно желало не просто независимого от шаха парламента, но зафиксированного в конституции 1906 г. права верховного контроля над деятельностью этого парламента) не нашли отражения в программах буржуазных партий и организаций. Дело в том, что оппозиционная буржуазия, добившись своего, больше не нуждалась в массовых выступлениях как средстве давления на шаха, а следовательно, потеряла интерес и к своим бывшим союзникам — религиозным деятелям, чьими руками и организовывались эти выступления. Умеренное духовенство имело все основания считать себя обманутым и шахом, и оппозиционной буржуазией.

Наметившийся в августе 1978 г. компромисс оппозиционной буржуазии с монархией обеспокоил радикальную часть духовенства, поскольку осложнял ее борьбу за власть. Чтобы сорвать достижение компромисса, она организовала ряд выступлений, сопровождавшихся насильственными действиями. Особенно ожесточенный характер выступления приняли в Исфахане, где 1 августа был арестован видный религиозный деятель Джалааледдин Тахери. По городу прокатилась волна взрывов и поджогов. В американское консульство была брошена бомба, организован поджог гостиницы «Шах Аббас», в которой останавливался шах во время приездов в Исфахан. Новая вспышка насилия произошла в Исфахане 11 августа, когда власти попытались арестовать 80-летнего религиозного деятеля Хусейна Хадеми, сторонника радикальной группировки Хомейни. Толпа в несколько сот человек двинулась из окраинных районов к центру, круша и сжигая все на своем пути. Неизвестные лица звонили городским властям и угрожали сжечь весь город. По приказу военного губернатора Исфахана генералы Резы Наджи против бесчинствующей толпы были брошены воинские подразделения, в городе введено военное положение и установлен ко-

мендантский час с 8 часов вечера до 6 часов утра. На главных площадях и перекрестках были размещены танки, самоходные орудия и грузовики с солдатами. 12 августа военное положение было введено еще в трех городах Исфаханской провинции, где состоялись выступления¹¹.

Вслед за тем волнения и столкновения с полицией и войсками произошли в Тегеране, Ахвазе, Куме, Тебризе, Ардебиле, Керманшахе и других городах. 19 августа в Абадане неизвестными лицами был подожжен кинотеатр «Рекс»: в результате в нем заживо сгорело около 400 человек. Этот пожар вызвал в стране шок своей бессмысленной жестокостью, тем более что прежде поджоги и взрывы кинотеатров, ресторанов, отделений банков и других объектов осуществлялись тогда, когда в них никого не было. Правительство обвинило в поджоге духовенство. Религиозные же деятели утверждали, что поджог организован властями, чтобы иметь повод расправиться с оппозицией.

Крах политики умеренного духовенства, не добившегося для себя уступок от шаха и брошенного на произвол судьбы оппозиционной буржуазией, значительно поднял авторитет сторонников Хомейни, требовавших свержения шахского режима, создания исламской республики и установления теократии. К тому же городские низы и мелкобуржуазные массы, возбужденные умеренным духовенством, не намерены были успокаиваться. А поскольку умеренное духовенство начало сворачивать выступления, они стали искать новых руководителей. Определенную роль сыграла и отмена цензуры: в газетах впервые появились портреты Хомейни, стали публиковаться его заявления и обращения.

Еще больше укреплению позиций этой группировки способствовала и высылка Хомейни из Ирака, осуществленная в октябре 1978 г. Саддамом Хусейном по просьбе шахского правительства. Саддам Хусейн тем охотнее откликнулся на эту просьбу, что сам опасался влияния Хомейни на шиитов Ирака. Шах же, видимо, рассчитывал, что высылка Хомейни из Эн-Неджефа ликвидирует налаженные связи Хомейни с Ираном. Однако эта акция дала обратный эффект. Высланный из Ирака Хомейни обосновался в парижском пригороде Нофль-ле-Шато, где вокруг него собралась группа его приверженцев из религиозных кругов, а также дотеле мало известные светские политические деятели, такие, как А. Банисадр, И. Язди, С. Готбаде. Так образовался своеобразный «мозговой трест», использовавший западные средства массовой информации для создания своему лидеру широкой рекламы. Кроме того, отныне сам Хомейни получил возможность напрямую связываться со своими приверженцами в Иране. Если раньше, например, кассеты с магнитфонными записями его выступлений приходилось доставлять сложным путем из Эн-Неджефа в Иран, то теперь записанные на магнитную ленту выступления Хомейни могли прямо передаваться по телефону в Иран, где их записывали, а затем раз-

множили в сотнях и тысячах экземпляров. Пока Хомейни находился в Эн-Неджефе, он был известен лишь небольшой группе своих последователей, широкие массы рядовых мусульман о нем мало что знали. Когда же он появился в Париже, о нем заговорил весь мир. Таким образом, с конца августа 1978 г. инициатива в развертывавшемся антишахском движении перешла к возглавлявшейся Хомейни радикальной части духовенства, выдвинувшей простой и ясный лозунг: «Смерть шаху!».

В это же самое время и умеренное духовенство стало приходить к мысли о необходимости бороться за собственные сословно-корпоративные интересы, не надеясь на оппозиционную буржуазию. И здесь идея Хомейни о создании исламской республики и установлении теократии пришлась как нельзя более кстати, объединив духовенство общей целью.

Восемь месяцев репрессий и расстрелов безоружных демонстрантов создали благоприятную почву для того, чтобы лозунг «Смерть шаху!» был подхвачен и мелкобуржуазными массами, и городскими низами, которые, составляя подавляющее большинство участников демонстраций, как раз и оказывались главными жертвами расстрелов. Однако переход от борьбы за буржуазную конституционную монархию к борьбе за мелкобуржуазную по сути, теократическую по форме исламскую республику, означавшей стремление духовенства к установлению своей диктатуры, представлял собой шаг назад, а не вперед.

7 сентября 1978 г., воспользовавшись наступившим (4 сентября) очередным исламским праздником — окончанием мусульманского поста (Эйде фетр), духовенство организовало грандиозную демонстрацию, впервые проходившую под лозунгом «Смерть шаху!». Стремясь не допустить дальнейшего развертывания антимонархического движения, власти объявили о введении в Тегеране и 11 крупных городах военного положения и запретили проведение митингов и демонстраций. Духовенство, однако, решило игнорировать эти меры властей и призвало на следующий день продолжить демонстрации, хотя и предвидело возможность кровопролития. 8 сентября на улицы Тегерана вышло около миллиона человек. Военный губернатор Тегерана генерал Овейси отдал войскам приказ подавить демонстрацию по законам военного положения. Во время расправы над демонстрантами было убито около 4 тыс. человек. «Черная пятница» (такое название получил день 8 сентября 1978 г.) временно положила конец массовым выступлениям мелкой буржуазии и городских низов под руководством радикальной части духовенства.

Вступление в борьбу рабочего класса и перерастание революционной ситуации в революцию

После введения военного положения духовенство не осмеливалось организовывать массовые выступления, и демонстрации прекратились.

Однако в начале октября 1978 г. положение в стране вновь обострилось, и антишахское движение вступило в новую фазу. 1 октября объявили забастовку служащие учреждений связи, требуя повышения заработной платы, улучшения условий труда, медицинского обслуживания и жилищных условий. 2 октября забастовали служащие всех 1800 отделений Национального банка. Забастовка была вызвана тем, что незадолго до того служащим Центрального банка заработная плата была повышена на 50% ¹². Чтобы быстро погасить забастовку, правительство повысило связистам и банковским служащим заработную плату на 100% ¹³. Но тогда забастовали служащие частных банков, также потребовав повышения заработной платы. Объявили забастовку работники транспортного цеха Исфаханского металлургического завода, поскольку из-за забастовки работников отделения банка, обслуживавшего завод, им не выдали вовремя заработную плату. Забастовка транспортного цеха вызвала остановку всего завода. К транспортникам присоединились рабочие других цехов. Стачечники выработали требования к администрации: повышение заработной платы, улучшение медицинского обслуживания и жилищных условий, увольнение мастеров, начальников служб и цехов, грубо обращавшихся с рабочими.

В Кермане несколько тысяч рабочих устроили демонстрацию в знак протеста против того, что администрация заводской больницы отказалась принять умирающего ребенка, поскольку персонал больницы забастовал. Медицинские работники младшего и среднего звена бастовали по всей стране, требуя повышения заработной платы. Забастовка 30 тыс. железнодорожников парализовала движение на железных дорогах. 7 октября объявили забастовку служащие министерств финансов, торговли, юстиции, Плановой и бюджетной организации.

11 октября в знак протеста против намерения властей вновь ввести цензуру печати прекратили работу 4 тыс. сотрудников издательств «Кейхан» и «Эттелаат». В тот же день забастовали рабочие и служащие 40 предприятий и компаний промышленной группы «Бехшахр». Объявили забастовку рабочие Абаданского нефтеперерабатывающего завода, а вслед за ними не вышли на работу и служащие управления Иранской национальной нефтяной компании в Абадане. Нефтяники потребовали повышения заработной платы на 50% и вывода всех воинских подразделений с территории предприятия. Кроме того, бастовали рабочие цементного завода под Рештом, текстильных фабрик в ряде городов, работники радио и телевидения, таможен, электростанций, таксисты. К концу октября забастовкой было охвачено около 1 млн. человек, пролетарское забастовочное движение переросло во всеобщую стачку, работа на капиталистических предприятиях практически полностью остановилась.

Следует отметить, что забастовки носили исключительно экономический характер. Выдвигавшееся на некоторых предприя-

тиях требование отмены военного положения вряд ли можно рассматривать как политическое, ибо именно введение военного положения привело к резкому ухудшению условий жизни рабочих и служащих. Собственно говоря, сознательно бастовали рабочие и служащие не более чем сотни предприятий и учреждений, но поскольку это были крупные предприятия ключевых отраслей, поскольку не работала связь, стоял железнодорожный транспорт, периодически останавливались электростанции, не работал крупнейший Абаданский нефтеперерабатывающий завод, дававший стране большую часть топлива и нефтепродуктов, нарушилась работа банковской системы, то расстроился весь экономический механизм страны.

Иранский пролетариат на деле показал, что в условиях высокой концентрации капиталистического производства он, несмотря на свой малый удельный вес, играет решающую роль в экономике страны, и достаточно даже сравнительно небольшому отряду рабочего класса, занятому на крупнейших предприятиях в ключевых отраслях, объявить забастовку, чтобы остановить все промышленное производство, дезорганизовать экономику, лишить режим экономической опоры.

С этой точки зрения датой начала революции в Иране следует считать октябрь 1978 г., когда на арене борьбы появился рабочий класс. Именно в октябре 1978 г. революционная ситуация в Иране переросла в революцию.

Всеобщая забастовка пролетариата в октябре — начале ноября 1978 г. свидетельствовала о том, что рабочий класс (по крайней мере его передовая часть) вопреки усилиям монархии, стремившейся внести в его среду реформистское сознание, проявил и классовую сознательность, и организованность. Когда пролетариат поднялся на борьбу, левые партии и организации, в дореволюционный период недооценивавшие его революционные потенции, не сумели перестроить свою тактику и стратегию, объединить пролетариат и нацелить на сознательную борьбу за его собственные классовые интересы. Левые организации не уделили внимания самостоятельной организации рабочего класса и, вместо того чтобы попытаться вырвать мелкобуржуазные массы из-под влияния буржуазии и духовенства и сделать эти массы союзником пролетариата, они, заявив о полной (НПИ) или частичной (ОПФИН и ОМИН) поддержке курса Хомейни, обрекли пролетариат на то, чтобы содействовать духовенству в утверждении его положения как гегемона антишахского движения и следовать за этим корпоративным сословием, неспособным обеспечить иранскому обществу историческую перспективу развития.

Введение военного положения и широкое развертывание забастовочной борьбы пролетариата, резко обострившие ситуацию в стране, положили конец надеждам оппозиционной буржуазии на возможность выполнения условий компромисса, достигнутого в августе 1978 г. Поэтому она попыталась вновь

вернуться к сотрудничеству с духовенством, но уже не с умеренным, а с хомейнистской группировкой, возглавившей антишахское движение. В октябре 1978 г. лидер НФ Карим Санджаби и лидер Движения за свободу Ирана Мехди Базарган, а также председатель Общества дельцов базара и гильдий Махмуд Маниян выехали во Францию для переговоров с Хомейни. «В настоящее время переговоры с аятоллой Хомейни являются самым важным мероприятием»¹⁴, — заявил в интервью К. Санджаби.

При встрече с Хомейни он попытался выдвинуть свои условия сотрудничества, но Хомейни потребовал безоговорочной поддержки и признания руководящей роли духовенства в антишахском движении. Санджаби пришлось с этим согласиться. Таким образом был создан неформальный союз, альянс, блок НФ (и стоящих за ним кругов буржуазии) с духовенством.

С началом учебного года активизировались и студенческие выступления. На территории университетов шли митинги, собрания, организовывались демонстрации, которые зачастую кончались столкновениями с войсками и полицией, сопровождавшимися человеческими жертвами. 21 октября на территории Тегеранского университета состоялся грандиозный митинг с участием представителей рабочего класса. Резолюция этого митинга свидетельствовала о том, что по сравнению с весной 1978 г. студенческое движение начало приобретать большую политическую направленность и солидаризироваться с пролетарским движением. В резолюцию были включены следующие основные требования: отмена военного положения; освобождение всех политических заключенных и возвращение политических ссыльных; изгнание из страны военных и гражданских советников империалистических государств; аннулирование военных и экономических соглашений и договоров с империалистическими государствами; роспуск управлений безопасности на предприятиях, в учреждениях и университетах; введение свободы слова, печати, собраний, партий; роспуск Организации иранских рабочих и создание истинно рабочих профсоюзов, немедленное рассмотрение законных требований бастующих рабочих. Остальные требования касались студенческих вопросов¹⁵.

31 октября 1978 г. забастовали все 37 тыс. рабочих нефтяной промышленности, что означало полное прекращение добычи, переработки и экспорта нефти. Наряду с экономическими требованиями нефтяники выдвинули и ряд политических: повышение заработной платы, отмена военного положения, роспуск САВАК, освобождение всех политических заключенных, наказание виновных в недавних расстрелах студенческих демонстраций¹⁶.

Правительство лихорадочно пыталось погасить забастовочное движение. Было принято решение повысить заработную плату 700 тыс. рабочих и служащих на 10—30%¹⁷. В срочном порядке были внесены изменения в закон о найме и способе

определения зарплаты рабочим. Главный пункт этих изменений гласил, что уровень зарплаты должен обеспечивать прожиточный минимум, а дополнительная зарплата должна разниться в различных отраслях «в зависимости от спроса и предложения»¹⁸. Была разработана программа приобретения рабочими домов путем создания жилищных кооперативов, причем государство брало на себя обязательство оказывать помощь кооперативам. Одновременно власти пригрозили применить против нефтяников силу по законам военного положения. На некоторые предприятия были введены войска. 1 ноября 7 тыс. нефтяников вернулись на работу, но остальные 30 тыс. продолжали бастовать. Однако 4 ноября под угрозой применения войск против бастующих все нефтеперерабатывающие предприятия (кроме завода в Ширазе) возобновили работу.

Более жесткие меры были приняты против студентов. 4 ноября войска расстреляли в Тегеране студенческую демонстрацию, убив при этом 65 человек. Расстрел демонстрации вызвал стихийный взрыв ярости. Группы студентов, молодежи из городских низов, а также, по всей видимости, федаев и моджахедов громили и поджигали кинотеатры, банки, рестораны, гостиницы, государственные учреждения, бросали бутылки с зажигательной смесью в помещения полицейских участков, вытаскивали на улицу из учреждений мебель и документацию и устраивали из них костры. В центре столицы пылало многоэтажное здание Национального банка. Южные и центральные районы были окутаны дымом пожаров.

Забастовочное движение пролетариата и политизация студенческого движения, проявившего тенденцию к солидарности с пролетариатом, выявили бесплодность политики умиротворения путем компромисса с оппозиционной буржуазией. Правительство Шариф-Имами стало бесполезным. Возникла необходимость в правительстве, способном противостоять поднимающейся революционной волне. Ввиду этого 6 ноября шах уволил в отставку Шариф-Имами и назначил премьер-министром генерала Голама Резу Азхари, поручив ему сформировать военный кабинет. Приход к власти военных был закономерным следствием развития событий: в условиях, когда монархия потеряла доверие подавляющего большинства населения, а забастовочное движение пролетариата выбило из-под нее экономическую опору, единственной силой, поддерживающей монархию, становилась армия, в руках которой и сосредоточивалась реальная власть. Но среди генералитета отсутствовало единство мнений: генерал Азхари стремился вывести страну из кризиса относительно мирным путем (такой же точки зрения придерживался и шах), ультрареакционная группа во главе с генералом Хосроудадом настаивала на физическом истреблении оппозиции путем массовых расстрелов.

Правительству Азхари ни угрозами применения силы, ни путем экономических уступок рабочим и служащим не удалось

погасить забастовочное движение. Хотя оно к 14 ноября силой оружия добилось полного возобновления работы на предприятиях нефтяной промышленности, в других отраслях забастовки продолжались. Экономика страны все глубже погружалась в хаос.

Забастовки пролетариата и выступления студентов, развернувшиеся, несмотря на военное положение, и продемонстрировавшие слабость режима, позволили духовенству возобновить деятельность, приостановленную после 8 сентября. В ноябре духовенство развернуло подготовку к мохарраму, который по шиитской традиции считается месяцем траура в память об убийстве имама Хусейна, внука пророка Мухаммеда, в битве при Кербеле в 680 г.

2 декабря 1978 г., когда наступил мохаррам, богословы призвали закрыть базары и прекратить торговлю до свержения шахского режима¹⁹. Изюм в день духовенство нагнетало религиозную истерию. Опасаясь массового кровопролития, правительство запретило проведение траурных шествий в дни «тасуа» и «ашура» (т. е. в день начала битвы при Кербеле, девятый день мохаррама, и в день смерти имама Хусейна — десятый день мохаррама), когда десятки тысяч людей, опьяненные религиозным экстазом и вооруженные в соответствии с традицией ножами, кинжалами и железными цепями, выйдут на улицы и неизбежно вступят в конфронтацию с войсками. Однако накануне дня «тасуа» оно разрешило проведение шествий. По приказу шаха в ночь с 9 на 10 декабря все войска, полиция и жандармерия были убраны с улиц городов, чтобы исключить возможность столкновения. Духовенство, со своей стороны, на сей раз усиленно призывало верующих строго держаться в рамках мирных манифестаций. Ведь, в сущности, на основе такой негласной договоренности правительство и разрешило проведение демонстраций. Шах отлично понимал, что массовые мирные религиозные шествия мелкой буржуазии и городских низов не представляют собой большой угрозы для режима. Кровопролитие же грозило новой всеобщей забастовкой пролетариата, что было гораздо опаснее.

Демонстрации 10 и 11 декабря 1978 г. приняли поистине грандиозный размах, в них приняли участие миллионы верующих. Но прошли они без человеческих жертв, поскольку благодаря предусмотрительности шаха возможность столкновения толп с войсками была заранее исключена. Демонстранты ограничились тем, что повсеместно сбрасывали с пьедесталов статуи шаха, разбивали витрины магазинов. В Исфахане они уничтожили знаки уличного движения, кое-где выворотили фонарные столбы и сожгли оставшиеся нетронутыми кинотеатры. В общем все ограничилось бессильными актами вандализма. Духовенство пыталось удерживать людей от бессмысленных разрушений, но это ему удавалось не всегда.

12 декабря произошли события, которых никто не ожидал.

Тысячные толпы вышли на улицы городов, скандируя «Да здравствует шах!». Непрерывно подавая звуковые сигналы, повсюду ездили машины с портретами шаха на ветровом стекле, с зажженными фарами и танцующими в воздухе стеклоочистителями. Демонстранты, поощряемые солдатами, вновь выведенными на улицы, останавливали машины без портрета шаха, избивали водителей и ломали машины. Били и тех, кто отказывался кричать «Да здравствует шах!». Частично эти демонстрации были организованы властями (по сообщениям печати, в Тегеран для участия в них были доставлены семьи военнослужащих из других городов), но то, что к ним присоединились миллионы людей во многих городах, свидетельствовало о шаткости и непоследовательности позиций мелкобуржуазных масс, готовых приветствовать предусмотрительность монарха, благодаря которой не произошло массового кровопролития, ожидавшегося всеми.

Бурные дни «тасуа» и «ашура» прошли, а положение в стране осталось в принципе таким же, каким оно было до них. Ни тайные надежды духовенства, что пришедшие в религиозный экстаз массы сметут режим, ни опасения, что власти устроят бойню и потопят движение в крови, не оправдались. Усилия, затраченные на организацию грандиозных демонстраций, не привели даже к смещению военного кабинета генерала Азхари, что свидетельствовало о неэффективности применявшейся духовенством тактики ненасильственных действий. Сами по себе демонстрации не могли заставить шаха отказаться от власти. Иных же средств борьбы духовенство не предлагало и предложить в тогдашних условиях не могло, так как боялось вооружить народ из опасения, что в этом случае инициативу в организации и развертывании вооруженной борьбы могут перехватить организации федаев и моджахедов.

Сразу после массовых выступлений в стране установилось относительное затишье. У духовенства не было достаточно основательного повода, чтобы вывести на улицы еще более широкие массы, устраивать же мелкие демонстрации после столь грандиозных было бессмысленно. Показательно также, что пролетариат не поддержал усилий духовенства: ни в дни подготовки к мохарраму, ни в дни «тасуа» и «ашура» усиления забастовочного движения не наблюдалось. В этом (как и в том, что пролетариат молчал в течение девяти месяцев антишахской борьбы под руководством духовенства) проявилось его классовое чутье, подсказывавшее ему, что цели духовенства противоречат его интересам. Поэтому пролетариат и выступил на борьбу против монархии только тогда, когда углублявшийся экономический кризис и военное положение сказались на условиях его существования.

КРАХ МОНАРХИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Создание правительства Ш. Бахтияра

После выступлений 10—12 декабря в стране установилось относительное затишье, появились признаки некоторой стабилизации обстановки. Возобновили работу магазины, начал функционировать городской транспорт. 17 декабря прекратили забастовку рабочие Абаданского нефтеперерабатывающего завода. Власти распорядились открыть 23 декабря школы и университеты и начать учебный год.

В этот период активность проявили буржуазные политические деятели. Полагая, что после мощных декабрьских демонстраций шах будет более уступчив, они попытались убедить его согласиться на роль конституционного монарха. Разработанный ими план предусматривал, что шах останется номинальным главой государства и передаст власть регентскому совету; последний назначит переходное правительство и организует в июне 1979 г. парламентские выборы. Вновь избранный парламент назначит премьер-министра и утвердит не подотчетное шаху правительство¹. Шах, однако, не был намерен заходить так далеко и согласился только на создание коалиционного правительства из оппозиционных буржуазных деятелей и «независимых».

Пост премьер-министра шах предложил профессору Голаму Хосейну Садиги, который в 50-е годы был активным деятелем Национального фронта и министром внутренних дел в правительстве Мосаддыка, но в 1963 г. отошел от политической деятельности и порвал с НФ. При этом шах обещал не вмешиваться в деятельность правительства.

Пытаясь расколоть союз НФ с группировкой Хомейни, шах предложил лидеру НФ К. Санджаби войти в коалиционное правительство. Санджаби ответил отказом, считая, что сотрудничество с Хомейни сулит ему большие выгоды в будущем.

Однако Г. Садиги не удалось сформировать кабинет, так как ни один из приглашенных им деятелей не согласился занять министерский пост. Слишком велико было недоверие к шахским обещаниям.

Тем временем обстановка в стране вновь резко обострилась. 23 декабря открылись школы и университеты. Но школьники и студенты, вместо того чтобы приступить к занятиям, начали

устраивать митинги и демонстрации, дразнить военные патрули, собираясь у них на виду небольшими группами, скандируя антишахские лозунги и рассыпаясь в разные стороны, как только солдаты приближались к ним. Они создавали автомобильные пробки, нагромождая на перекрестках бревна и столбы. Студенты Тегеранского университета организовали мощную демонстрацию.

24 декабря студенческие выступления в столице приняли более широкий размах. Колонны студентов шли из разных частей города, направляясь к американскому посольству, но путь им преградили войска. Одновременно группы студентов и других слоев молодежи продолжили тактику мелких наскоков на военные патрули. На многих перекрестках горели заграждения из бревен и автомобильных покрышек, препятствовавшие переброске войск из одной части города в другую. Кое-где пылали подожженные машины военных и саваковцев. Однако, выполняя приказ шаха, солдаты не открывали огонь, даже если в них летели камни и палки. 25 декабря выступления студентов продолжились.

26 декабря нервы у солдат не выдержали, и они начали стрелять в воздух, чтобы разогнать студентов. Шальной пулей был убит профессор Политехнического института. Восемь человек было убито в Мешхеде, трое в Казвине². 27 декабря тегеранские студенты организовали похороны убитого профессора, но при подходе траурной процессии к университету, где должен был состояться митинг, дорогу ей преградила цепь солдат. Студенты попытались прорваться к университету, но солдаты открыли огонь и убили несколько десятков человек. Сто человек погибли в Казвине, когда солдаты напали на траурную процессию студентов, провожавших на кладбище трех своих товарищей, убитых накануне³.

Эти события всколыхнули страну. Волнения, в основном студенческой молодежи, захлестнули Исфахан, Керманшах, Тебриз, Мешхед. На улицах стали возникать баррикады, горели дома сторонников режима, десятки государственных учреждений, полыхали машины. В ответ на автоматные очереди в солдат летел град камней, палок, обрезков железа, катились облитые бензином и подожженные автомобильные покрышки. Группы молодежи нападали на полицейские участки и помещения САВАК. В Керманшахе штаб-квартира САВАК была разрушена до основания. Нападающие начали применять огнестрельное оружие. Появились первые сообщения об убитых солдатах и офицерах.

Студенческие выступления были поддержаны рабочими. 25 декабря полностью прекратили работу нефтяники. 26 декабря забастовали работники почты, телефона и телеграфа, оставив страну без внутренней и международной связи. Объявили забастовку рабочие и служащие ряда горнорудных предприятий и цементной промышленности. 27 декабря забастовали слу-

жащие национальной авиакомпании «Иран Эйр», в результате чего закрылись все аэропорты. Отказались приступить к работе сотрудники и рабочие практически всех портовых таможен и пограничных перевалочных железнодорожных станций, прервав импорт продовольствия и других товаров. Забастовки в ключевых отраслях, особенно в нефтяной промышленности, вызвали остановку других предприятий. Иранская экономика, так и не оправившаяся от волны забастовок в октябре — начале ноября, оказалась полностью парализованной.

В Тегеране и других крупных городах днем и вечером на многие часы прекращалась подача электроэнергии, а ночью города погружались во тьму. Вода поступала в дома с перебоями. Резко сократилась подача бытового газа; за керосином, который служит основным топливом для обогрева жилищ, выстраивались многокилометровые очереди. Дезорганизация транспорта повлекла за собой перебой в снабжении городов продуктами. Жизненные условия населения резко ухудшились. Надежды на какое-то улучшение, появившиеся было в середине декабря, исчезли.

Надо отметить, что с конца декабря 1978 г. характер забастовочной борьбы коренным образом изменился. В октябре—ноябре рабочие выдвигали главным образом экономические требования. Тогда правительству генерала Азхари частичным их удовлетворением, обещаниями на будущее и угрозой применить силу удалось сбить волну забастовок. Теперь же, убедившись, что правительство бессильно восстановить порядок и выполнить свои обещания, возмущенные расстрелом студентов рабочие заявляли, что не возобновят работу до тех пор, пока монархия не будет свергнута. Иными словами, забастовщики стали выдвигать и политические требования.

Духовенство не контролировало события последней недели декабря, и их развитие явно встревожило исламских лидеров. Солидарность студенчества, находившегося под большим влиянием левых организаций, с выступлениями пролетариата создавала для духовенства опасную ситуацию, поскольку могла лишить его руководящей роли в антишахском движении. Стремясь изменить положение, духовенство назначило на 30 декабря день общенародного траура по погибшим в Куме год назад. Оно не случайно избрало в качестве предлога для демонстрации годовщину кумского расстрела, а не подавление недавних студенческих волнений. Ему необходимо было отвлечь внимание масс от студенческого и рабочего движения, противопоставить им выступления своих сторонников под знаменем ислама.

Одновременно духовенство развернуло антипролетарскую кампанию. Аятолла Шариатмадари, фактический руководитель шиитской общины в Иране, потребовал, чтобы забастовки рабочих были ограничены одним днем в неделю, поскольку они, дескать, усиливают страдания людей. Вслед за аятоллой муллы начали усиленно внушать населению, что именно из-за «своеко-

рыстия» рабочих, стремящихся улучшить свое положение, не хватает продуктов, топлива, приходится многие часы выстаивать в очередях. Это был курс на дискредитацию пролетарской борьбы, стремление противопоставить пролетариат другим слоям народа, представить его враждебным исламскому движению и внести раскол в само пролетарское движение, играя на религиозных чувствах наиболее отсталой его части.

События последней недели декабря вызвали тревогу и у шаха. Как уже говорилось, Г. Садиги не смог создать коалиционное правительство. Но и сохранение кабинета Азхари никак не способствовало ослаблению напряженности. К тому же, воспользовавшись тем, что Азхари в это время получил инфаркт и выбыл из строя, генералы — сторонники жестких мер усилили давление на шаха, добиваясь, чтобы он предоставил им свободу действий, иными словами, разрешил устроить бойню и уничтожить оппозицию физически. Шах колебался, но 129 декабря принял неожиданное решение: без всяких предварительных переговоров он предложил Шапуру Бахтияру, одному из трех лидеров Национального фронта, сформировать по собственному усмотрению правительство и согласился по требованию Ш. Бахтияра на неопределенное время покинуть страну. Это означало, что, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, шах отказывается от диктатуры и соглашается поделиться властью с представителями оппозиционной буржуазии.

Предлагая пост главы правительства Бахтияру, известному как противник притязаний духовенства на политическое господство, шах надеялся, что существовавшая в стране экономическая структура останется неизменной и промышленное развитие страны не будет заторможено, как неизбежно должно было случиться, если бы к власти пришло духовенство, заинтересованное в усилении позиций торгово-ростовщического капитала базара. В свою очередь, Бахтияр рассчитывал, что приход к власти оппозиционной буржуазии и отъезд шаха собьют накал борьбы, предотвратят дальнейшее углубление революции и возможность победы левых сил.

Таким образом, не грандиозные по своему размаху демонстрации 10 и 11 декабря, организованные духовенством, а всеобщая забастовка пролетариата, объявленная в знак протеста против расправы над студентами, вынудила шаха отказаться от единоличной власти в пользу представителей промышленной буржуазии.

Между тем 30 декабря состоялись запланированные духовенством демонстрации. В Тегеране и других городах закрылись базары, магазины, предприятия, учреждения, десятки тысяч людей вышли на улицы. Как и рассчитывало духовенство, в одних колоннах оказались и его твердые сторонники, и те, кто не питал к нему особой приверженности, но приняли участие в демонстрациях в знак протеста против монархии и империализма. Однако, поскольку колонны возглавляли духовенст-

вом, поскольку организованные им группы несли исламские транспаранты и выкрикивали исламские лозунги, создавалось впечатление единодушной поддержки исламских лидеров и их требований.

К демонстрациям подготовились и военные. В Тегеране (как и в некоторых других городах) на перекрестках были размещены танки, бронетранспортеры, грузовики с солдатами. Главные улицы были перекрыты заграждениями, чтобы не дать возможности колоннам, идущим из разных районов столицы, соединиться. Несмотря на то что своим предложением Бахтияру шах дал ясно понять, что намерен искать мирные пути выхода из кризиса, генералы — сторонники жесткой линии, пользуясь тем, что из-за перенесенного недавно инфаркта генерал Азхари не мог контролировать их действия, отдали приказ стрелять по демонстрантам. Это была своеобразная форма давления на шаха, чтобы воспрепятствовать созданию гражданского правительства из оппозиционных буржуазных деятелей.

Организовавшее и возглавившее демонстрации духовенство призывало своих сторонников держаться в мирных рамках и не вступать в столкновения с войсками. Но духовенство не контролировало полностью положение. Параллельно с мирными исламскими демонстрациями группы студенческой и иной молодежи устраивали на улицах баррикады, поджигали крыши, валили на перекрестки фонарные столбы и деревья, чтобы затруднить передвижение танков и грузовиков с солдатами, кидали в солдат камни и палки, нападали на государственные учреждения, полицейские участки и помещения САВАК, забрасывая их бутылками с зажигательной смесью. В этих стычках десятки человек были убиты и ранены.

В этот день К. Санджаби созвал заседание Высшего совета НФ. На фоне происходивших событий ему легко удалось доказать руководству НФ опасность поддержки усилий Бахтияра по созданию правительства, противостоящего духовенству. К тому же НФ представлял собой конгломерат партий, ориентированных на различные группы буржуазии, в том числе и на торгово-ростовщическую буржуазию. Высший совет не поддерживал усилий Бахтияра и исключил его из НФ. Таким образом, НФ не рискнул порвать с духовенством и самостоятельно взять власть в свои руки. Тем самым он предал интересы буржуазии, защитником которой себя выставлял.

Генералы жестоко расправились с демонстрантами. 700 человек было убито в Мешхеде, 200 человек убито и около тысячи ранено в Керманшахе, 36 убито и 300 ранено в Дизфуле.

Вечером 31 декабря генерал Азхари, не желая брать на себя ответственность за кровавые расправы, подал в отставку. Шах принял отставку Азхари, надеясь, что эта мера хоть как-то ослабит возмущение масс расстрелами.

Таким образом, не мирные демонстрации, организованные духовенством, а насильственные акции различных групп моло-

дежи, действовавших вопреки призывам духовенства, вызвали столкновение масс с войсками и ускорили отставку военного кабинета, расчистив путь для прихода к власти либерального правительства Ш. Бахтияра.

3 января 1979 г. шах официально утвердил Бахтияра премьер-министром, и тот буквально за несколько дней сформировал кабинет из малоизвестных деятелей, не принадлежавших ни к шахской элите, ни к оппозиции. Программа Бахтияра, которую он изложил в выступлении по радио и на пресс-конференции 4 января, предусматривала осуществление всех буржуазно-демократических требований, выдвигавшихся в ходе антимонархического движения. Вместе с тем Бахтияр не настаивал на свержении монархий, не без основания полагая, что в случае выдвижения этого лозунга армия может совершить государственный переворот и установить военную диктатуру; выполнение же буржуазно-демократических требований участников антимонархического движения возможно и в условиях конституционной монархии.

Духовенство выступило против правительства Бахтияра. Это свидетельствовало о том, что выдвигаемые духовенством демократические лозунги служили лишь прикрытием его стремления к установлению своей диктатуры. Поддержать Ш. Бахтияра в проведении буржуазно-демократических преобразований оно отказалось.

Против правительства Бахтияра выступили и левые, поскольку создание либерального буржуазного правительства в условиях сохранения конституционной монархии препятствовало осуществлению их стратегической цели, заключавшейся в установлении народно-демократической власти и переходе страны на путь социалистической ориентации. В намечавшемся отъезде шаха они усматривали маневр реакции: в отсутствие шаха, полагали они, армия подавит движение силой, уничтожив оппозицию физически, а «незапятнанный» шах сможет после этого возвратиться в страну.

Не дожидаясь формального утверждения правительства парламентом, Бахтияр начал проводить в жизнь свою программу. 5 января он объявил об отмене цензуры печати, и на следующий день впервые после двухмесячного перерыва вышли газеты. Было отменено военное положение в Ширазе, и Бахтияр пообещал немедленно отменить военное положение по всей стране, если духовенство прекратит подстрекать массы на выступления. Был издан указ об освобождении 266 политических заключенных. Бахтияр внес на рассмотрение парламента законопроект о роспуске САВАК.

11 января Бахтияр представил парламенту свою правительственную программу. Она предусматривала: предание суду государственных деятелей, виновных в коррупции и злоупотреблении властью, а также сотрудников САВАК, повинных в расправах над народом; роспуск САВАК; освобождение и реабили-

тацию всех политических заключенных, лишенных свободы с августа 1953 г. (с момента антимоосаддовского переворота); отмену военного положения по мере стабилизации политической ситуации; выплату компенсации политическим заключенным, а также семьям погибших в тюрьмах и во время расстрелов демонстраций; присвоение наименования «шахид» («мученик за веру») лицам, погибшим в период антимонархического движения; проведение выборов в парламент на основе равного и свободного голосования; высылку из страны всех иностранных советников, деятельность которых противоречит национальным интересам; восстановление экономики и исправление перегибов, допущенных шахским режимом; разрыв договоров и соглашений с империалистическими державами, противоречащих национальным интересам; проведение политики добрососедства, уважения суверенитета и территориальной целостности; разрыв отношений и прекращение экономического сотрудничества, в том числе и поставок нефти, с Израилем и расистским режимом ЮАР. В программе особо подчеркивалось, что правительство Бахтияра намерено с уважением относиться к религиозным деятелям и прислушиваться к их мнению при решении основных проблем иранского общества⁵.

Бахтияр даже соглашался с тем, что избранный на основе свободных выборов парламент сможет рассмотреть вопрос о провозглашении Ирана демократической республикой, но выступал против немедленного свержения шаха, ибо, по его мнению, это спровоцирует военных на переворот и погубит осуществление демократических преобразований.

Духовенство никакой более радикальной программы не выдвигало, но требовало свержения монархии и правительства Бахтияра как якобы прошахского. Причина заключалась в том, что правительство Бахтияра, намереваясь выполнить требования оппозиции, закрывало духовенству путь к установлению диктатуры и обеспечению его сословно-корпоративных привилегий. Именно поэтому служители культа шли на риск поражения антимонархического движения в результате военного переворота и обрекали на бессмысленную гибель многие тысячи безоружных людей. Вооружать же народ духовенство не собиралось, ибо призыв к вооруженной борьбе означал бы фактическую поддержку тактики левых организаций и их неизбежное усиление.

Впрочем, некоторые круги духовенства были склонны сотрудничать с Бахтияром. В частности, под предлогом необходимости улучшения жизненных условий населения они добились прекращения забастовки нефтяников и транспортников, что способствовало ослаблению напряженности и в какой-то мере укрепило позиции Бахтияра. Сам Бахтияр неоднократно заявлял, что он пользуется молчаливой поддержкой умеренной части духовенства. Показательно, что вопреки призыву Хомейни провести 8 января массовые демонстрации в знак траура

по погибшим за прошедший год исламские деятели внутри страны ограничились лишь митингом на кладбище Бехеште Захра в Тегеране.

Серьезная опасность правительству Бахтияра возникла совсем с другой стороны. 8 января шах назвал дату своего отъезда — через неделю. Он сделал еще одну попытку расколоть альянс НФ с духовенством, предложив К. Санджаби занять пост главы регентского совета, с тем чтобы ключевые посты в государстве находились в руках представителей буржуазии. Однако К. Санджаби не рискнул порвать с Хомейни и отказался принять это предложение. Близкий отъезд шаха взволновал генералитет. Командующий парашютно-десантными войсками генерал Хосроудад, фактический лидер группировки реакционных генералов, по этому поводу заявил: «В настоящее время его величество не намерен покинуть страну даже для отдыха, поскольку, если он уедет, власть в стране захватят коммунисты. Армия никогда с этим не согласится, а также не признает режим во главе с Бахтияром». Хосроудад добавил, что, если Бахтияр будет настаивать на отъезде шаха, армия попросту возьмет власть в свои руки⁶.

Шах отреагировал молниеносно: пользуясь полномочиями верховного главнокомандующего, он снял Хосроудада с его поста и отправил в отдаленный гарнизон. Еще ранее он снял с поста военного губернатора Тегерана генерала Овейси, прозванного в народе «палачом Тегерана». Начальником генерального штаба и военным губернатором столицы был назначен генерал Карабаги, отличавшийся преданностью шаху и разделявший его намерения найти мирный выход из политического кризиса.

Лидеры религиозной оппозиции понимали, что армия стала главной силой в политической борьбе. Если она в отсутствие шаха подчинится Бахтияру, а тот, укрепив свои позиции, осуществит буржуазно-демократические реформы, удовлетворив тем самым основные требования оппозиции, то это похоронит надежды духовенства на завоевание власти. Поэтому Хомейни выступил с несколькими обращениями к армии. В своих заявлениях он подчеркнул, что иранский народ нуждается в армии и уважает ее, что военные — не враги народа, а его друзья, что несколько «изменников-генералов» еще не представляют всю армию. Одновременно Хомейни обрушился с резкими нападениями на левые организации, обвинив их в том, что своими призывами к вооруженной борьбе, нападениями «на армию, на солдат, на мэрии и другие государственные и военные учреждения» они провоцируют армию на «расправу над беззащитным народом» и на военный переворот⁷.

Левые организации с начала января резко усилили политическую пропаганду и агитацию среди студентов и других слоев молодежи, разъясняя на митингах свои взгляды на цели и задачи революционного движения. По существу, все левые были

едины во мнении о необходимости и неизбежности вооруженной борьбы против режима и призывали активно к ней готовиться.

С призывом к вооруженной борьбе выступило и руководство НПИ. В заявлении, распространенном в Париже, ЦК НПИ обратилось к Хомейни, Талегани, Санджаби и другим руководителям оппозиционных сил с призывом создать Объединенный фронт освобождения Ирана, который стал бы центром по руководству восстанием⁸. Таким образом, НПИ призывала организовать и возглавить вооруженную борьбу как раз тех, кто был категорическим противником такой борьбы, боявшимся левых сил.

Усиление влияния левых, распространение их идей среди рабочих, служащих, студентов, рост революционной самостоятельности и консолидация различных отрядов антишахского движения весьма обеспокоили исламских лидеров. В ответ они развернули широкую кампанию против левых. Тон ей задал сам Хомейни, заявив: «Между нами и марксистами не существует никаких связей, мы — религиозные люди и верим в существование единого бога. Марксистская же теория отрицает религию, является атеистической. Нельзя быть одновременно мусульманином и марксистом. В стране, где свыше 30 миллионов мусульман хотят жить по канонам ислама, я не вижу опасности вмешательства марксистов. Все слухи о проникновении марксизма в нашу страну мы рассматриваем как враждебную пропаганду»⁹. А аятолла Рухани категорически отверг утверждения о том, что коммунисты участвуют в исламском движении. Пытаясь создать впечатление, будто левые силы в Иране действуют по указке СССР, Рухани добавил, что, «если Москва попытается вмешаться во внутренние дела Ирана, она получит такой же отпор, как и США»¹⁰.

Сходные с исламскими лидерами позиции занимали и светские деятели. Так, С. Готбзаде, человек из ближайшего окружения Хомейни, вполне откровенно высказался по проблеме левых: «Если мы потерпим поражение в результате военного переворота, то довод левых о том, что нам нужны деньги, оружие и помощь извне, станет весомым. В этом случае коммунисты могут выдвинуться на первый план. Вот в чем состоит главная опасность»¹¹. В то же время подобное заявление было своеобразной формой давления на военных. Готбзаде как бы давал понять военным, что их враждебная и неуступчивая позиция по отношению к оппозиционным буржуазным и религиозным деятелям может иметь опасные последствия и привести к усилению их общего врага — левых. Практически это был призыв к военным пойти на компромисс перед лицом левой опасности.

Заявления высших религиозных деятелей по вопросу о левых служили для их последователей руководством к действию. Подстрекаемые муллами, религиозные фанатики срывали листовки левых организаций, замазывали их лозунги, написанные

на стенах, грубо гнали, не останавливаясь перед избиениями, из колонн демонстрантов тех, кто осмеливался провозглашать левые и демократические лозунги, разгоняли организуемые левыми митинги, нападали на студенческие демонстрации, рвали их плакаты и транспаранты, избивали участников. Группа студентов Тегеранского университета вынуждена была обратиться к аятоллам Хомейни и Талегани с письмом, в котором описывала случаи нападения подстрекаемых муллами толп на студенческие митинги и демонстрации и указывала на опасность установления новой диктатуры¹².

Между тем конец второй недели января прошел в напряженном ожидании. Уедет ли шах, как будет вести себя армия? Угроза военного переворота была одной из центральных проблем, обсуждавшихся в прессе, темой выступлений и заявлений различных политических деятелей, в том числе самого Хомейни.

В этой обстановке тревогу вызывали и возможные акции США. Помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский настаивал на безоговорочной поддержке шаха; в то же время группа руководящих сотрудников госдепартамента считала, что карта шаха бита и необходимо осторожно, так, чтобы не дискредитировать его в глазах иранской общественности, поддержать усилия Бахтияра по выходу из политического кризиса путем некоторой демократизации страны. Однако некоторые деятели из администрации Картера скептически относились к шансам Бахтияра удержать власть и рекомендовали начать диалог с религиозной оппозицией.

Хомейни, понимая, что от позиции правящих кругов США будет многое зависеть, изменил тон. В интервью американскому журналисту он заявил, что готов начать новую главу в отношениях с США, если они перестанут поддерживать шаха. «Наши отношения,— отметил Хомейни,— будут зависеть только от американского правительства. Если правительство США перестанет вмешиваться в наши дела и будет уважать нашу страну, мы будем вести с ним дела соответствующим образом»¹³. В других своих выступлениях он намекнул, что может согласиться на пребывание в стране американских советников, если они не будут действовать во вред Ирану. Незадолго до отъезда шаха Хомейни вновь заявил, что, как только США перестанут поддерживать шаха и Бахтияра, «они завоюют наше уважение»¹⁴.

Таким образом, позиция Хомейни по отношению к США была далеко не бескомпромиссной. Характерно, что, обращаясь к иранскому народу, Хомейни клеймил США как врага номер один, обвиняя их во всех смертных грехах, но в интервью иностранным корреспондентам, а также при встрече с бывшим генеральным прокурором США Рамсеем Кларком, прибывшим в Иран для неофициального зондажа позиций религиозных лидеров в отношении США, намекал на возможность договориться на определенных условиях. Иранские прогрессивные журна-

листы не без юмора помещали речи Хомейни, предназначенные для внутреннего пользования, и заявления, рассчитанные на западную аудиторию, рядом на страницах своих газет.

Быть «бескомпромиссным» Хомейни вынудила позиция администрации Картера, избравшей в конце концов курс на поддержку правительства Бахтияра. В Тегеран был послан заместитель командующего американскими войсками в Европе Роберт Хайзер, лично знакомый со многими иранскими генералами. По словам представителя госдепартамента, перед Хайзером была поставлена задача убедить иранских генералов отказаться от планов военного переворота и поддержать правительство Бахтияра¹⁵.

15 января 1979 г. на пресс-конференции начальник генерального штаба Аббас Карабаги заявил, что после отъезда шаха армия не намерена совершить военный переворот: «Это все сплетни и проявление холодной войны. Такая проблема (осуществление военного переворота.— *Ред.*) перед армией не стоит. Как я уже говорил, долг армии — защита благополучия народа. У нас нет других намерений, кроме поддержки законного правительства»¹⁶. Таким образом, позиция армии определилась: она смирилась с неизбежным отъездом шаха и согласилась терпеть правительство Бахтияра.

У шаха, который оттягивал свой отъезд до урегулирования отношений между армией и правительством Бахтияра, больше не было причин откладывать его. 16 января 1979 г., дождавшись уже в аэропорту сообщения об утверждении правительства Бахтияра парламентом, шах покинул Иран, как оказалось, навсегда.

Курс альянса светских и религиозных деятелей оппозиции на сговор с армией

По случаю отъезда шаха Хомейни выступил с обращением к народу. В частности, он сказал следующее: «Отъезд шаха — первый этап нашей победы. Впереди много трудностей. Народ должен сознавать, что отъезд шаха — это еще не победа, а только предвестник победы». Хомейни призвал всех объединиться, «подать друг другу руку и отложить в сторону все партийные и религиозные разногласия». Вместе с тем он призвал народ «не позволять мятежникам укрепляться в городах и деревнях. Я предупреждаю всех тех, кто создает беспорядки и ведет злонамеренную пропаганду против иранского народа в интересах иностранцев и правительств сверхдержав и, пользуясь моментом, намерен поднять мятеж, я предупреждаю их, что, если они будут так поступать, их судьба будет печальной и они понесут наказание. Но если они раскаются, то бог, благословенный и всевышний, примет их раскаяние. Они должны упасть в объятия народа, и народ примет их в свои объятия»¹⁷.

Иранцы, привыкшие к иносказаниям своих духовных пастырей, без труда могли понять, против кого были направлены слова Хомейни, если учесть, что им постоянно вдалбливали в головы, что иранские коммунисты являются «врагами ислама», что они действуют во зло народу по указке «советской сверхдержавы», что именно левые «устраивают беспорядки», «провоцируют» военных на расстрел мирных демонстраций, что именно они намерены «поднять мятеж», пропагандируя идею вооруженной борьбы. Таким образом, призыв «отложить в сторону партийные и религиозные разногласия» вовсе не означал стремление духовенства к сотрудничеству с левыми силами, а имел целью заставить их отказаться от собственных убеждений и революционной тактики и подчиниться диктату духовенства. В случае отказа Хомейни объявлял их врагами народа и недвусмысленно грозил им суровой карой.

Хомейни не без оснований опасался, что после отъезда шаха, когда стало очевидным, что главным препятствием на пути к свержению монархии является армия, призыв левых к вооруженной борьбе может получить широкий отклик. В одном из своих обращений Национальная организация студентов, входившая в Центральный совет солидарности национальных и правительственных организаций, созданный бастовавшими рабочими и служащими более чем 40 предприятий, государственных учреждений и министерств, писала: «Да здравствуют федаи, привет моджахедам! Эти благородные герои, которые в различных подпольных организациях признали необходимость насильственной вооруженной борьбы, отдавая свои жизни... нанося неисчислимые удары по режиму, неоднократно доказали свою подлинную революционность»¹⁸. Даже Организация мусульманских студентов Тегеранского университета, находившаяся под контролем духовенства, в обращении по случаю отъезда шаха, призывая «продолжить на новом этапе антиимпериалистическую борьбу народа Ирана вплоть до установления исламской республики», подчеркивала свою солидарность «с вооруженной борьбой передовых борцов, особенно Организации моджахедов иранского народа»¹⁹.

Совсем по-иному звучали заявления исламских деятелей. Так, в обращении весьма влиятельного Общества религиозных деятелей Тегерана говорилось: «Мусульманский народ и борцы Ирана! В этот ответственный момент, когда одержана первая победа в нашей борьбе, настоятельно призываем вас повиноваться указаниям великого Хомейни и воздерживаться от нападений на полицейские участки, казармы, правительственные учреждения и на их сотрудников и таким образом сорвать заговоры, которые плетутся против вашего великого движения»²⁰. Под заговорами исламские деятели подразумевали деятельность левых организаций, агитировавших за развертывание вооруженной борьбы.

Духовенство стремилось сдержать революционную инициа-

тиву масс, опорочить левые организации, внушить массам мысль о необходимости действовать только по указке Хомейни, который никаких конкретных указаний, как действовать дальше, не давал и только бесконечно повторял слова: «Режим шаха незаконен, парламент незаконен, правительство Бахтияра незаконно».

Продолжая придерживаться тактики ненасильственных действий, Хомейни воспользовался в качестве предлога предстоящим днем «арбайн» (сороковым днем траура по убитому в битве при Кербеле имаму Хусейну) и призвал всех мусульман провести 18 января 1979 г. очередную мирную демонстрацию. Подготовку демонстрации взяло на себя Общество религиозных деятелей Тегерана. Оно создало Организационный комитет демонстрации, разработало детально ее маршрут и подробную регламентацию. Организационный комитет опубликовал перечень «дозволенных» лозунгов и призвал «воздержаться от лозунгов и транспарантов, противоречащих исламскому единству, а также от действий, подрывающих сплоченность и несовместимых с основными целями ислама, грозящих привести к нарушению порядка и выгодных для врагов»²¹. Он также призвал воздержаться от выработки и принятия в ходе демонстрации самостоятельных обращений и резолюций, зарезервировав за собой монопольное право на них и лишний раз подтвердив нежелание духовенства идти на сотрудничество с неисламскими (левыми и демократическими) силами.

Демонстрация 18 января по размаху превзошла все ожидания. На улицы Тегерана вышло едва ли не все население столицы. Демонстрация продолжалась пять часов, и по завершении ее состоялся митинг, на котором присутствовало 1,5 млн. человек. Участники митинга приняли резолюцию, подготовленную заранее Обществом религиозных деятелей Тегерана. В ней говорилось, что режим шаха объявляется низложенным, а сам он — отстраненным от власти, выдвигалось требование установить в стране исламскую республику, объявлялись незаконными парламент и правительство Ш. Бахтияра. Однако резолюция выдавала желаемое за действительное: и монархия, и правительство Бахтияра при поддержке армии продолжали существовать, и для их свержения одних мирных демонстраций и резолюций явно было недостаточно.

Полагая, что демонстрация 18 января послужит средством давления на армию и заставит ее быть более уступчивой, исламские лидеры начали секретные переговоры с генералитетом. В печать все же просочились сведения о том, что в них участвовал М. Базарган, пытавшийся добиться от генералов согласия на возвращение Хомейни в Иран, упразднения монархии, смещения правительства Ш. Бахтияра и установления исламской республики. Хомейни, находившийся в Париже, категорически опроверг слухи о переговорах с военными. Не исключено, что группировка религиозных деятелей внутри страны и

связанный с ней М. Базарган пошли на переговоры, не согласовав этот шаг с Хомейни.

Переговоры свидетельствовали об изменении тактики духовенства. Поскольку, несмотря на поддержку широких слоев населения и внушительные мирные демонстрации, духовенство не смогло добиться власти, исламские деятели и связанные с ними буржуазные круги предприняли попытку заключить сделку с промонархически настроенными генералами. Свести революцию к сделке — это было вполне в духе исламских деятелей. Такой путь для духовенства был даже более предпочтительным, поскольку сдерживать революционные силы, сохранять контроль над народными массами ему становилось все труднее. Не случайно духовенство в эти дни усилило нападки на левые силы до такой степени, что ОПФИН была вынуждена обратиться к Хомейни с открытым письмом, в котором предупреждала его об «опасной деятельности групп, использующих ислам как предлог для возрождения инквизиции». Эти группы, говорилось в письме, используют террор против борцов за свободу и демократию, что создает серьезную угрозу антишахскому движению²².

21 января ОПФИН впервые открыто вышла на самостоятельную демонстрацию в знак протеста против раскольнической деятельности религиозных лидеров. По различным оценкам, в ней приняло участие от 5 тыс. до 10 тыс. человек. Основными лозунгами демонстрантов были: «Ни за Аллаха, ни против него», «Мы не для того боремся против шахской диктатуры, чтобы оказаться в плену исламской диктатуры», «Рабочие и крестьяне, объединяйтесь!», «Мусульманские братья! Мы боролись рука об руку за отъезд шаха. Не позволяйте разъединять нас теперь!», «Мусульмане! Не возрождайте инквизицию!». Их сопровождали муллы и группы фанатиков, призывавшие верующих не присоединяться к демонстрации. Впереди колонны шел мулла с плакатом в руках, на котором было написано: «Это не исламская демонстрация. Держитесь от нее подальше». Муллы через мегафоны выкрикивали: «Это коммунисты, прикрывающиеся именем Хомейни!», «Демонстранты — агенты САВАК!», «Коммунисты — предатели!», «Коммунизму не место среди нашего народа!». Два легковых автомобиля на полном ходу врезались в колонну демонстрантов, чтобы спровоцировать беспорядки и сорвать демонстрацию. Более серьезных попыток нападения на демонстрантов не предпринималось, поскольку колонну охраняли партизаны-федаи с оружием в руках. Но небольшую колонну левых на улице Пехлеви подстрекаемые муллами деклассированные элементы разогнали, жестоко избив нескольких демонстрантов.

20 января 1979 г. советники Хомейни сообщили, что он принял решение вернуться в Иран в пятницу 26 января, хотя до этого аятолла не раз заявлял, что возвратится на родину только после свержения монархии. Представляется, что решение Хо-

мейни было прямо связано с переговорами исламских деятелей с генералами, причем принял он его, по всей вероятности, под нажимом своего непосредственного окружения.

Объяснение, по нашему мнению, надо искать в следующем. Хомейни, естественно, не знал, на каких условиях коалиция религиозных и светских деятелей внутри страны может прийти к соглашению с армией. Не секрет, что между высшими религиозными авторитетами (вокруг которых группировались их последователи) всегда существовало соперничество как из-за влияния в мусульманской общине, так и из-за дележа поступающих в распоряжение духовенства денежных средств. Естественно, любая из группировок, вступив в сделку с армией и заручившись ее поддержкой, получала неоспоримые преимущества перед другими группировками. Эти закулисные махинации, конечно, неспособны были подорвать авторитет Хомейни в глазах основной массы верующих, но реальное соотношение сил между религиозными лидерами внутри страны и эмигрантской группировкой Хомейни могло сложиться не в пользу последнего, даже при условии, что военные разрешили бы ему вернуться в страну. К тому же в случае успеха переговоров лавры «победителей» достались бы деятелям из внутрииранской группировки. «Команда Хомейни» в этом случае могла остаться ни с чем. Ясно, что следить за ходом переговоров, а тем более вмешаться в них, чтобы не дать соперникам одержать верх, эмигрантской группировке Хомейни, находившейся за тысячи километров от Ирана, было чрезвычайно сложно. По всей видимости, именно желанием находиться в центре событий в такой ответственный момент, когда речь шла о дележе еще не завоеванной власти, и объяснялось решение Хомейни прибыть в Иран, как только стало известно о переговорах оппозиционных деятелей внутри страны с генералитетом.]

О соперничестве двух группировок — эмигрантской и внутрииранской (хотя внутри страны были и другие соперничавшие друг с другом группировки исламских деятелей) — говорит и тот факт, что, когда в печати стали муссироваться слухи о том, что все кандидаты в члены будущего Исламского революционного совета, ИРС (о намерении создать который Хомейни объявил еще 13 января), в том числе аятоллы Монтазери и Талегани, М. Базарган, лидеры НФ К. Санджаби и Д. Форухар, находятся в стране, деятели из окружения Хомейни выступили с резким опровержением, заявив, что все разговоры о тех или иных предполагаемых членах совета являются досужим вымыслом и что одному лишь Хомейни известны кандидатуры членов ИРС²³.

Хотя о ходе переговоров М. Базаргана с генералами ничего не сообщалось, об их результатах можно судить по косвенным данным. Генерал Карабаги выступил со специальным заявлением, в котором прямо указал, что армия целиком и полностью поддерживает правительство Бахтияра. Последний в целой се-

рии заявлений подчеркивал, что он ни при каких условиях не уйдет с поста премьер-министра. 23 января в присутствии иностранных журналистов был устроен парад «бригады бессмертных» из состава шахской гвардии. Полторы тысячи гвардейцев, непрерывно провозглашая «Да здравствует шах!», прошли церемониальным маршем перед трибунами, а затем продемонстрировали выучку в преодолении полосы препятствий и в приемах борьбы с уличными беспорядками. Командир «бессмертных» генерал-майор Али Нешат заявил журналистам, что гвардия призвана «охранять и защищать его величество. Когда шах вернется, армия, как всегда, будет готова защищать его до последней капли крови»²⁴.

24 января гвардейцы заняли столичный аэропорт Мехрабад, блокировали танками взлетную полосу и вывели из строя два «Боинга», которые служащие аэропорта подготовили для «революционного рейса» в Париж за аятоллой Хомейни. Одновременно военная администрация отдала приказ блокировать все аэропорты страны. Таким образом, переговоры Базаргана с генералами провалились ввиду их нежелания пойти на сделку с буржуазно-клерикальной оппозицией.

В течение недели вопрос о возвращении Хомейни стал для духовенства главным средством обострения политической ситуации. Оно организовывало одну демонстрацию за другой, устроило бест и голодовку протеста. Проводились бесчисленные митинги, на которых принимались резолюции с требованием разрешить Хомейни вернуться на родину. Духовенство, надеясь, что единодушие народа сломит упорство военных, всячески подогревало настроения верующих, внушало им мысль, что Хомейни прибудет в страну 26 января, несмотря ни на какие препятствия. В Тегеран начали стекаться сотни тысяч верующих на встречу с Хомейни. Опасаясь последствий такого ажиотажа, Ш. Бахтияр урезонивал генералов, убеждая их, что впустить Хомейни в страну менее опасно, чем дать духовенству повод раздувать исламскую истерию. Одновременно он вступил в контакт с М. Базарганом, аятоллой Бехешти и аятоллой Монтасери и совместно с ними выработал текст послания к Хомейни, в котором просил его отложить приезд, ибо в противном случае столкновения с армией не избежать и антишахское движение погибнет в результате военного переворота. В целом это послание, полное скрытых угроз, взывало к благоразумию Хомейни, призывало его дать возможность Ш. Бахтияру мирным путем осуществить ту самую демократизацию политической жизни страны, которой добивалась буржуазно-клерикальная оппозиция²⁵. Бахтияр сообщал, что он намерен прибыть в Париж для личных переговоров с Хомейни. Однако Хомейни согласился вступить в переговоры лишь при условии добровольной отставки Ш. Бахтияра, что для последнего было неприемлемо.

С 26 января, когда стало ясно, что Хомейни не прибудет в

намеченный срок, демонстрации в Тегеране шли непрерывно с утра до вечера. Армия не препятствовала проведению демонстраций, но 28 января случайный инцидент вызвал столкновение студентов, запрудивших район, прилегавший к Тегеранскому университету, с войсками. В результате 32 человека было убито и 200 ранено, погиб также итальянский журналист, пытавшийся снять на пленку это побоище²⁶. То был первый случай применения армией оружия с момента формирования кабинета Бахтияра. И хотя правительство было полностью безвластным, никак не контролировало армию и, более того, держалось только потому, что армия не давала ему пасть, народные массы всю ответственность за кровопролитие возложили на Бахтияра. Этим расстрелом военные, может быть, сами того не желая, дискредитировали правительство Бахтияра.

В дни, когда решался вопрос о возвращении Хомейни, в антишахском движении возник новый элемент. Попытки властей помешать приезду Хомейни вызвали волнения среди младшего офицерского состава ВВС, главным образом «хомафаров» — технических специалистов аэродромного обслуживания. 24 января митинги протеста состоялись на авиабазах в Тегеране, Хамадане, Бушире, Исфахане и в некоторых других городах. Попытки командования подавить эти выступления привели только к усилению волнений в ВВС²⁷.

Убедившись, что отказ впустить Хомейни в страну ведет к опасной эскалации напряженности, армейское командование приказало снять блокаду с тегеранского аэропорта, и 1 февраля Хомейни в сопровождении своих советников на самолете французской авиакомпании прибыл в Иран. Ему была устроена грандиозная встреча.

Буквально на следующий день Хомейни через М. Базаргана сам начал переговоры с генералами. Как и прежде, переговоры велись в строжайшей тайне. Военные и на этот раз не пошли на компромисс. Спустя несколько дней Хомейни признал, что переговоры закончились безрезультатно, и заявил, что они будут продолжены, как только для этого возникнут подходящие условия. Он подчеркнул, что намерен добиваться своей цели — создания исламской республики — мирными средствами.

Попытки духовенства опорочить забастовочную борьбу пролетариата, развязанная им кампания против левых, выражавшаяся, в частности, в подстрекательстве к разгону митингов и демонстраций левых и демократических сил и избиению их участников, стремление к установлению собственной диктатуры и, наконец, готовность клерикальных кругов и связанной с ними буржуазии заключить сделку с промонархически настроенным генералитетом в надежде предотвратить дальнейшее развитие революционного движения — все это свидетельствовало о том, что духовенство и ведомые им мелкобуржуазные и деклассированные слои, по существу, встали на путь контрреволюции.

Что касается буржуазии и ее политических организаций, то их можно разделить на две группы. НФ и Движение за свободу Ирана, наиболее влиятельные буржуазные партии, полностью сомкнулись с хомейнистами и перешли на их позиции, а следовательно, тоже превратились в контрреволюционную силу. Другие, менее влиятельные организации также выражали поддержку духовенству из конъюнктурных соображений. На позициях буржуазного реформизма остался только Ш. Бахтияр со своим правительством. По такому же признаку (за Хомейни или за Бахтияра) делилась и не охваченная организационными рамками предпринимательская буржуазия.

В отличие от буржуазии, духовенства и мелкобуржуазных слоев революционные позиции в антишахском движении занимали левые и пролетариат. Конечно, их действия не были однозначными. С одной стороны, НПИ, ОПФИН и ОМИН с различной степенью доверчивости относились к демагогическим заявлениям Хомейни и других исламских лидеров о социальной справедливости, свободе, демократии, с другой, как уже указывалось, — цель левых (закрепленная в их программах) заключалась в создании национально-демократической республики с последующим переходом к социалистической ориентации, и от этой цели они не отказывались. Их можно упрекать в политической близорукости, бессознательной доверчивости к хомейнистам, в тактических ошибках, но это не перечеркивает революционного характера их борьбы.

То же самое можно сказать о пролетариате. Конечно, часть его находилась под влиянием духовенства, пролетариат был недостаточно организован, забастовочное движение, не руководимое левыми организациями, развивалось во многом стихийно, у него не было единства, ясно очерченной программы действий и четкого представления о конечных целях борьбы. Несмотря на это, пролетарское движение, выступавшее вначале, как уже говорилось, с чисто экономическими лозунгами, быстро политизировалось. За три неполных месяца (с октября по конец декабря) оно стихийно поднялось до такой формы борьбы, как всеобщая забастовка, объявленная по политическим мотивам. Процесс политизации пролетариата в дальнейшем еще более усилился.

Одним из свидетельств этого был устроенный 21 января левыми организациями митинг в Политехническом институте, на котором присутствовало несколько тысяч рабочих. Главными лозунгами митинга были: «Уплатите заработную плату рабочим!», «Не увольняйте рабочих!», «Привет борцам — рабочим-нефтяникам!», «Рабочие, объединяйтесь!», «Выведем корни эксплуатации!», «Единство! Единство! Единство!», «Равенство! Равенство! Равенство!», «Рабочее правительство!» Подстрекаемые духовенством толпы фанатиков пытались сорвать митинг, устроили перед входом в институт заграждение, чтобы не допустить на митинг рабочих. Сорвать митинг не удалось, но противоборст-

во рабочих с бесчинствовавшей толпой продолжалось на протяжении всего митинга²⁸.

Рабочие остро ощущали потребность в организации, в осознании своих целей в революции. Так, в заявлении Независимого профсоюза текстильщиков Тегерана говорилось, что «теперь на повестке дня — необходимость организации всех рабочих Ирана. Поэтому профсоюз призывает всех друзей-рабочих прояснить позицию своей отрасли в отношении борьбы с безработицей, что является важнейшей проблемой дня; во-вторых, уяснить наши задачи, задачи рабочих в этом национально-освободительном движении; в-третьих, создать подлинные профсоюзы и профсоюзное объединение в масштабе страны»²⁹. В резолюции № 4 объединенного профсоюза нефтяников содержалось требование передать контроль над нефтяной промышленностью в руки самих рабочих. В этой же резолюции нефтяники заявляли, что будут продолжать борьбу «до свержения режима и создания народного строя»³⁰. 10 февраля в газете «Кейхан» был опубликован «Проект создания рабочих советов», представленный рабочими «Дженерал Моторс», одного из крупнейших предприятий Ирана; содержание проекта свидетельствовало о намерении рабочих установить свой контроль над производством. Отдельным пунктом рабочие выдвигали необходимость создания на предприятии собственной библиотеки, аргументируя это так: «Мы должны использовать все способы для повышения нашей политической сознательности и для того, чтобы понять, что нам, рабочим, на пользу и кто действует в наших интересах... Один из путей повышения сознательности — чтение, поэтому у нас должна быть библиотека»³¹.

В январе — начале февраля 1979 г. рабочие советы были созданы на многих сотнях предприятий. Члены совета руководили забастовкой, следили за поддержанием порядка и сохранностью оборудования, в случае необходимости принимали меры по охране предприятия, вели переговоры с представителями властей или эмиссарами Хомейни, когда те прибывали на завод, выполняли целый ряд других функций. В частности, на Исфаханском металлургическом комбинате они отказались выполнить требование представителей Хомейни погасить коксовые батареи, что привело бы к их разрушению и сделало бы невозможным пуск завода в будущем. По согласованию с другими рабочими советами была организована добыча необходимого количества угля на бастующей шахте и транспортировка его в Исфахан для поддержания коксовых батарей в рабочем состоянии. На нефтепромыслах и нефтеперерабатывающем заводе в Абадане рабочие советы, согласившись поставлять нефтепродукты для внутренних нужд страны, сами организовали добычу и переработку нефти, т. е. практически ввели рабочее самоуправление. На многих заводах и фабриках рабочие советы были полными хозяевами и без их согласия ничего не предпринималось.

В государственных учреждениях служащие создавали свои советы. В некоторых случаях советы рабочих и служащих объединялись. Так, в Центральный совет солидарности национальных и правительственных организаций входили советы нескольких министерств и других государственных учреждений, а также рабочие советы примерно 40 бастующих предприятий и Национальная организация студентов.

Советы создавались в большинстве случаев стихийно, действовали несогласованно, были разобщены, не имели плана конкретных действий. Ни НПИ, ни ОПФИН не придавали значения этому новому явлению в развитии пролетарского движения и не вели работы по их организации, централизации и дальнейшему развитию (хотя, по конфиденциальным признаниям некоторых лидеров ОПФИН, они руководили действиями нефтяников в Абадане). Конечно, трудно сказать, смогли бы эти советы превратиться в зачатки пролетарской власти, если бы левые вели активную работу в этом направлении, но они даже не попытались этого сделать. Сам же пролетариат без руководства со стороны партии самоорганизоваться не смог.

Наиболее активно в рабочей среде действовали мелкие группы с левацким уклоном, но им, естественно, было не под силу объединить пролетариат. К тому же они нередко враждовали друг с другом; каждая группа считала, что только она стоит на правильном, «марксистско-ленинском» пути.

В результате пролетариат, сумев лишить монархию экономической опоры, не смог подняться выше забастовочной борьбы. Но одними забастовками (и даже всеобщей забастовкой) невозможно было заставить армию сложить оружие и перестать поддерживать монархию. Таким образом, начавшее было формироваться пролетарское движение оказалось в состоянии кризиса.

В тупик зашло и хомейнистское движение. Армия отказывалась передать духовенству власть мирным путем, а сломить ее сопротивление хомейнисты были не в состоянии. Призывы Хомейни к членам парламента, регентского совета и кабинета министров уйти в отставку успеха не имели, хотя несколько десятков человек и подали прошения об отставке, присоединившись из конъюнктурных соображений к хомейнистскому движению. Но даже роспуск этих органов ничего не решал, поскольку реальная власть была не у них, а у армии. Беспочвенными были расчеты духовенства перетянуть на свою сторону рядовой состав армии и тем самым нейтрализовать генералитет. Печать преувеличивала размах волнений среди военных, стремясь создать впечатление далеко зашедшего разложения армии, хотя на самом деле волнения происходили только среди служащих ВВС, точнее, среди хомафаров. В сухопутных войсках, насчитывавших 285 тыс. человек, волнений не было. Спокойствие царило и среди личного состава ВМФ. Две бригады шахской гвардии с двумя бронетанковыми батальонами общей

численностью 12 тыс. человек и жандармский корпус, насчитывавший 74 тыс. человек, активно участвовали в подавлении антишахских выступлений. Таким образом, на фоне огромного молчаливого большинства армии и многотысячных карательных сил выступления хомаяфаров выглядели незначительными. К тому же хомаяфары ограничивались сидячими забастовками и голодовками протеста. В феврале было отмечено несколько случаев участия хомаяфаров в демонстрациях. Но после демонстраций они возвращались в свои казармы, где их могли арестовать (и арестовывали, если начальству становилось известно о таком участии). Кроме того, хомаяфары, являвшиеся, по существу, гражданскими техническими специалистами, не имели доступа к оружию.

5 февраля Хомейни специальным указом назначил М. Базаргана премьер-министром. Этот маневр не имел целью создать орган, который бы де-факто взял в свои руки власть. Просто верхушка духовенства хотела выяснить реакцию армии на появление «законного» (в противовес «незаконному») премьер-министра. Кандидатура М. Базаргана была выбрана не случайно. Он пользовался определенным влиянием среди торговоростовщицеской буржуазии базара и умеренного духовенства (с чем Хомейни не мог не считаться), слыл умеренным деятелем. К тому же он уже вошел в контакт с генералами. Немаловажную роль играло и то, что он долгое время был другом Бахтияра. С таким человеком генералы могли бы пойти на компромисс быстрее, чем с кем-либо из ближайшего окружения Хомейни в парижский период, т. е. с деятелями типа А. Банисадр, И. Язди, С. Готбзаде — молодыми, честолюбивыми, радикально настроенными и мало кому известными в Иране. О расчетах Хомейни откровенно высказался А. Банисадр: «Нужно подождать реакции армии на заявление Хомейни, но если мы будем ждать слишком долго, то это может вызвать разочарование в наших кругах. Если армия не согласится перейти на сторону Хомейни, то придется вновь взять инициативу в свои руки, например сформировать правительство. А в этом случае могут произойти столкновения»³².

Однако реакция генералитета была совсем не той, которую ожидало духовенство. Как только стало известно о назначении «законного» премьер-министра, войска заняли все правительственные учреждения на тот случай, если бы М. Базарган попытался сформировать правительство и, опираясь на советы служащих, де-факто приступил к своим обязанностям, игнорируя правительство Ш. Бахтияра. По приказу командующего сухопутными войсками генерала Бадрехи части шахской гвардии были приведены в полную боевую готовность, со всех орудий и ракет были сняты чехлы, и они были подготовлены к использованию в любой момент.

Ш. Бахтияр выступил на пресс-конференции с большой речью. «Я могу повторить,— заявил он,— что ни одна страна не

может иметь двух правительств. Я не пойду в этом отношении ни на какой компромисс. Я не признаю за Хомейни права назначать премьер-министра»³³.

Таким образом, ситуация вполне определилась: военные не намерены были передать власть хомейнистам мирным путем, хомейнисты же не могли и не хотели взять власть силой. Это означало, что буржуазно-исламская коалиция завела антимо-нархическое движение в тупик.

Вывели его из тупика подпольные вооруженные левые организации, в первую очередь ОПФИН.

Февральское вооруженное восстание³⁴

Вечером 9 февраля 1979 г. на военно-воздушной базе Душан-Тепе в Тегеране, когда персонал смотрел видеозапись фильма о возвращении Хомейни в Иран, между сторонниками и противниками аятоллы разгорелась перебранка, перешедшая в настоящее сражение. Командование базы запросило помощи, и туда было выслано подразделение шахской гвардии на 10 грузовиках и несколько танков³⁵. Ворвавшись на территорию базы, гвардейцы стали стрелять в воздух и применили слезоточивый газ, пытаясь прекратить сражение. Но произошло непредвиденное: у авиаторов сработало чувство корпоративной солидарности, и они объединились для отпора гвардейцам. Ситуация резко изменилась. Правда, на стороне гвардейцев было одно преимущество: они были хорошо вооружены. Но к полуночи это преимущество исчезло, так как авиаторам удалось захватить склад оружия.

Стрельба и взрывы на базе привлекли внимание жителей близлежащих кварталов, тем более что с момента приезда Хомейни военный губернатор Тегерана разрешил беспрепятственно проводить демонстрации и после 28 января армия не применяла оружие. К базе, несмотря на комендантский час, начали стекаться толпы народа, в основном молодежь, вооруженные палками, камнями, обрезками труб, железными прутьями, бутылками с зажигательной смесью. На прилегающих улицах молодежь начала возводить баррикады. Но прорваться на территорию базы, чтобы помочь авиаторам, не было возможности: ворота были блокированы гвардейцами. Бой на базе продолжался всю ночь, и лишь к утру, когда у гвардейцев оказались на исходе боеприпасы, авиаторам удалось прорвать кольцо блокады, вырваться на улицы, соединиться с группами молодежи и частично вооружить их.

Руководству федаев стало известно о событиях на военно-воздушной базе утром 10 февраля. На этот день у них был запланирован митинг на территории Тегеранского университета. Еще до начала митинга небольшая группа федаев была послана в район базы, основные же силы остались охранять

митинг. Но около 11 часов, получив сообщение о развитии событий на авиабазе, руководство федаев приняло решение прекратить митинг и бросить все силы (примерно 8 тыс. человек) на помощь хомафарам. По пути на базу федаи штурмом взяли полицейский участок на улице Техране-ноу и роздали захваченное оружие населению. С этого момента началась планомерная передача народу оружия, захватываемого в полицейских участках. Во второй половине дня было захвачено уже около десятка полицейских участков, оружейный завод и арсенал при нем. Десятки тысяч молодых людей, получив в руки оружие, начали стихийные вооруженные действия во всех районах столицы. В восстание включились и моджахеды.

Прибыв к базе, федаи совместно с хомафарами и другими повстанцами отбросили гвардейцев от базы и разгромили подошедшее к ним подкрепление. Включение федаев и моджахедов в борьбу и раздача ими оружия всем желающим имели весьма важные последствия: если утром борьба была сосредоточена вокруг базы, то во второй половине дня военные действия велись уже по всему городу, что не позволило армейскому командованию стянуть войска к базе и разгромить восставших.

11 февраля бои в Тегеране велись с неослабевающим ожесточением: в этот день были захвачены штаб-квартира жандармерии, Главное полицейское управление, казармы военной полиции на улице Эшратабад, военные гарнизоны Каср, Джей, Лавизан (на территории которого располагались части шахской гвардии), генеральный штаб, штаб ВВС, учебный центр по подготовке военных кадров «Баге шах», все полицейские участки, тюрьмы Каср и Эвин, шахские дворцы Ниаваран, Саадабад, Гулистан. Подразделения, охранявшие некоторые объекты, например дворец Ниаваран и тюрьму Эвин, сдавались без боя. Но в большинстве случаев восставшим приходилось сражаться за каждый объект.

Хотя федаи составляли уже незначительное меньшинство восставших (по различным сведениям, в руки народа попало около 300 тыс. единиц стрелкового оружия), они сохраняли за собой инициативу и вносили организованность в их действия. По описаниям журналистов — очевидцев событий, штурм многих объектов происходил следующим образом: отряд федаев указывал очередную цель и устремлялся к ней, увлекая за собой толпу вооруженной молодежи. Впереди шел танк, броневый автомобиль или просто тяжелый грузовик. Он проламывал стену или ворота штурмуемого объекта, в пролом бросались федаи, а за ними — вооруженная молодежь.

К вечеру 11 февраля восстание в основном завершилось. 12 февраля штурмом были взяты лишь гарнизон Салтанатабад с находившейся на его территории главной штаб-квартирой САВАК, аэропорт с прилегавшей к нему авиабазой и ряд мелких объектов.

Первой реакцией духовенства на восстание было обращение к народу, с которым в середине дня 10 февраля выступил по радио аятолла Талегани. «События вчерашнего вечера и сегодняшнего утра на военно-воздушной базе,— сказал он,— являются, несомненно, провокацией и заговором некоторых военных деятелей, которые хотят вызвать великое братоубийство и вражду между нашими сынами-военными». Далее Талегани именем Хомейни призвал всех солдат «положить конец распрям и всем вернуться в свои казармы»³⁶. Фактически это заявление означало призыв к хомафарам сложить оружие. Директивное указание Талегани тут же было подхвачено муллами, которые стали кружить с мегафонами в руках вокруг базы и призывать восставших сложить оружие и разойтись.

Около 16 часов выступил по радио сам Хомейни. Он заявил, что продолжает настаивать на мирном решении всех проблем, и приказал прекратить вооруженную борьбу. Осудив действия шахской гвардии, он одновременно осудил хомафаров и партизан-федаев, призвал население не поддерживать их и быть готовым защитить ислам и мусульманские принципы, разумеется, от «безбожников-коммунистов», этих «врагов ислама»³⁷. Это заявление означало попытку сорвать восстание, не дать народу разгромить армию, вернуть вышедшие из-под контроля духовенства массы на исламский путь и не допустить, чтобы в результате свержения монархии к власти пришли левые силы.

Вечером 10 февраля М. Базарган имел длительную телефонную беседу с Ш. Бахтияром, а утром 11 февраля отправился на переговоры с Ш. Бахтияром и генералом Карабаги. Об их содержании ничего не сообщалось, но сразу же по их окончании Карабаги собрал Высший военный совет в составе 50 генералов и убедил его прекратить сопротивление восставшим. В 14 часов по радио было зачитано заявление о том, что армия объявляет нейтралитет и не намерена вмешиваться в политические конфликты. Всем воинским частям предписывалось вернуться в казармы³⁸.

Как только стало известно, что армия провозгласила нейтралитет, духовенство призвало прекратить нападение на казармы и другие военные объекты, поскольку армия-де перешла на сторону народа. Муллы с мегафонами призывали сдавать оружие в штаб-квартиру Хомейни и в мечети. Аятолла Мофаттех, ответственный за службу информации при штаб-квартире Хомейни, заявил: «Наш вождь приказывал народу только готовиться к борьбе. Он не призывал начать священную войну, и вот почему мы потребовали сдачи оружия — с тем чтобы раздать его, когда потребуется»³⁹.

Утром 11 февраля при штаб-квартире Хомейни был создан «Временный оперативный штаб исламского революционного движения иранского народа» под руководством полковника Тавакколи. В первом коммюнике этого штаба сообщалось о нейтралитете армии и предписывалось пресекать «подстрекательскую

деятельность врагов исламского движения»⁴⁰. Таким образом, первыми мероприятиями духовенства еще до победы восстания были попытки представить левые организации «подстрекателями» и врагами исламского движения и разоружить народ, что означало бы срыв восстания.

Курс на разоружение народа отчетливо проявился и в первой же речи Хомейни после победы восстания. «А оружие, которое находится в руках народа,— оно попало к нему в последние дни — нужно собрать и передать комитету,— заявил аятолла.— Существуют центры сбора оружия, его надо нести в мечети, сдавать имамам-джом'э — настоятелям мечетей. Они передадут оружие комитету, а уж он — „солдатам ислама“, которые готовы защищать ислам и мусульман. Эти молодые люди должны быть вооружены, а другие вооружены быть не должны. Выдавать оружие — дело комитета... И если увидите в руках обычного (не военного) человека оружие, скажите, чтобы оружие это он сдал в комитеты или в мечеть, а если узнаете, что кто-либо имеет оружие и сдавать его не хочет, вы обязаны запомнить его имя и вместе с его адресом сообщить в мечеть»⁴¹.

Однако указание Хомейни было выполнено лишь частично: феодалы, моджахеды и их сторонники отказались разоружиться. Не пожелали расстаться с оружием и многие сторонники духовенства, из которых стали стихийно формироваться «революционные комитеты», отряды пасдаров («стражей») и «революционные трибуналы».

После победы восстания левые, оказавшиеся во главе народных масс, вышедших из-под контроля духовенства, не стремились развить успех и захватить власть. Свергнув монархию, они занялись патрулированием улиц и позволили исламско-буржуазной коалиции взять власть в свои руки. Весь механизм «захвата власти» свелся к тому, что М. Базарган явился в пустую канцелярию премьер-министра (Ш. Бахтияр во время восстания бежал и где-то скрылся) и приступил к формированию правительства. Сам Базарган впоследствии признавал: «Нас захлестнула волна событий, и мы внезапно оказались у власти, не успев даже опомниться. Мы были к этому совершенно не подготовлены»⁴². Так политическая близорукость левых организаций, не увидевших за демагогией буржуазно-исламских деятелей их подлинных целей, сделала левых пособниками этих деятелей, расчистила им путь к власти.

Влияние внешнего фактора на развитие ситуации в Иране

Немалую роль в событиях 1978—1979 гг., описанных в предыдущих параграфах, сыграло действие внешнего фактора, который, за редким исключением, не проявлял себя на поверхности явлений, хотя во многом определял исход многих важных акций боровшихся сторон.

Одна из немногих развивающихся стран, сумевших за какую-нибудь четверть века сделать огромный шаг на пути преодоления экономической отсталости, Иран широко использовал в этих целях внешнеэкономические связи с развитыми капиталистическими государствами, которые служили главным источником получения передовой техники и технологии. В то же время с середины 60-х годов, никоим образом не ставя под сомнение «приоритетный» характер своих связей с Западом, шахский режим активизировал экономическое и научно-техническое сотрудничество с СССР и другими странами социалистического содружества.

Целью такой диверсификации было не только преодоление монопольного положения Запада и достижение большей сбалансированности в сфере внешнеэкономических связей, но и расширение сферы внешнеполитического маневрирования, необходимого для реализации собственных амбиций даже в случае возникновения расхождений между имперскими интересами Тегерана и целями средневосточной политики США и их западных партнеров.

В соответствии с такой расстановкой акцентов в сфере международных связей Тегеран официально декларировал следующую иерархию своих внешнеполитических приоритетов:

военно-политический союз с США;

тесное сотрудничество с другими западными державами;

реализация принципов мирного сосуществования с СССР и другими странами социалистического содружества.

Диктат США, на протяжении более чем четверти века выступавших в роли главного союзника антинародного шахского режима, предопределил глубокое неприятие массами навязывавшихся Ирану западных моделей развития, морально-этических и культурных ценностей. Поэтому лозунги «Смерть шаху!» и «Смерть американскому империализму!» были неотделимы друг от друга.

Глубина и интенсивность многогранных связей между иранской монархией и американским империализмом, неоднократно и не без оснований квалифицировавшихся лидерами обоих государств как военно-политический союз⁴³, делают понятным, почему в предлагаемом вниманию читателя анализе влияния внешнего фактора на развитие ситуации в Иране в ходе революции особое место отводится рассмотрению ирано-американских отношений.

Но вернемся назад. Обозначившееся к середине 70-х годов нарастание внутривнутриполитической напряженности в Иране совпало по времени с приходом в Белый дом Дж. Картера, демагогически провозгласившего приверженность делу защиты прав человека центральным элементом своей внешнеполитической программы.

«Правозащитная» риторика демократов и резкая критика ими в ходе предвыборной кампании 1976 г. проводившейся рес-

публиканскими администрациями Никсона — Форда политики практически неограниченных поставок оружия репрессивным консервативным режимам вызывали серьезную обеспокоенность в Тегеране. Прямым следствием этого явился непродолжительный период некоторой натянутости и неопределенности в двусторонних отношениях, завершившийся в основном после получения Тегераном в ходе визита государственного секретаря США С. Вэнса в Иран в мае 1977 г. заверений в том, что иранская политика США не будет выходить за рамки доктрины Никсона — Киссинджера⁴⁴. «Риторика натолкнулась на некоторые практические препятствия, и от обещанных перемен молча отказались»⁴⁵, — отмечал, комментируя этот этап в политике Вашингтона по отношению к Ирану, видный американский политолог Р. Фолк.

Нежелание администрации Картера применить в своей иранской политике метод «увязок» между поставками вооружений и состоянием прав человека в Иране объяснялось, разумеется, не угрозами Тегерана, выдвинувшего даже концепцию «удара за удар», в соответствии с которой Иран должен был «радикально изменить свою внешнеполитическую ориентацию» в случае отказа США поставлять ему оружие⁴⁶. В Вашингтоне достаточно хорошо представляли себе истинную цену «угроз», раздававшихся из Ниаваранского дворца, равно как и реальные пределы, в которых шахская дипломатия могла позволить себе свободу маневра.

Гораздо более важным фактором являлось то, что тенденция к ухудшению американо-иранских отношений, обозначившаяся в первые месяцы президентства Картера, вступила в противоречие с интересами влиятельных группировок американской буржуазии и соответственно вызвала критику с их стороны. Н. Кедди, входящая в число ведущих американских иранистов, справедливо отмечала, что «новый курс» Вашингтона в Иране был обречен с самого начала. «Ни сама администрация, ни „большой бизнес“ не были заинтересованы, — подчеркивает она, — в каких-либо фундаментальных изменениях во внешнеполитической ориентации, военной, нефтяной и экономической политике Ирана, которые могли бы произойти, если бы под влиянием „правозащитного“ нажима США к власти в Иране вместо шаха пришли бы какие-то действительно популярные лидеры»⁴⁷.

Уже в течение первых месяцев пребывания в Белом доме Картер завершил переход от фарисейской критики в адрес репрессивной политики шаха к курсу на его безусловную поддержку. «Определяющим фактором наших взаимоотношений с иностранными государствами стало то, насколько твердо они придерживаются антикоммунистической линии, — признавал, ставя все точки над „i“, Дж. Картер на страницах своих мемуаров, — ... деспотические действия правых монархических режимов... автоматически освобождались от критики»⁴⁸.

При анализе факторов, влиявших на процесс формирования политики картеровской администрации по отношению к Ирану, не следует сбрасывать со счетов и соображения, связанные с расчетами на использование Ирана для защиты американских интересов в Юго-Западной Азии, в первую очередь в зоне Персидского залива. «Проамериканский Иран представляет собой краеугольный камень всех наших стратегических расчетов на Среднем Востоке»⁴⁹, — отмечала в этой связи американская исследовательница Э. Боузмэн.

Состоявшийся в ноябре 1977 г. визит шаха в Вашингтон явился важной вехой в налаживании сотрудничества США с Ираном, ознаменовав, по существу, возврат к курсу на безусловную поддержку шахского режима. Провозгласив свою твердую приверженность «особым отношениям» с Тегераном, Картер заверил своего гостя, что США, «как и прежде, будут удовлетворять оборонные нужды Ирана»⁵⁰.

Стремление администрации Картера к развитию сотрудничества с Тегераном объяснялось не просто желанием «внести ясность» в отношения с союзником, но и намерением Вашингтона, как указывалось выше, шире использовать Иран для решения ряда проблем американской политики. Американская администрация рассчитывала, в частности, на содействие иранской дипломатии в вопросах ближневосточного урегулирования и устранения опасной ситуации в районе Африканского Рога. Помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии С. Собер заявил, что «США ожидают от Ирана активизации своей роли не только непосредственно в районе Персидского залива, но и в других регионах, где возникает угроза миру и стабильности... и усиления сотрудничества с США в достижении общих целей в более широком международном контексте»⁵¹.

Намерения Вашингтона были с удовлетворением восприняты в Тегеране, так как они полностью соответствовали амбициозным устремлениям шахского режима.

Не менее важным был для Тегерана и «внутриполитический» аспект его отношений с Вашингтоном, приобретавший особое значение в связи с обострением социально-политической напряженности в стране. В этих условиях сотрудничество с Вашингтоном мыслилось шахом как важнейший фактор углубления заинтересованности США в сохранении его режима. Видный исследователь внешней политики Ирана Р. Рамазани отмечал в этой связи, что, «постоянно демонстрируя стремление к расширению американского влияния в стране и интегрированию Ирана в структуру американской внешней политики, шах и его окружение стремились использовать отношения с США в первую очередь как средство укрепления своей власти»⁵².

В результате интенсификации американо-иранского сотрудничества Тегеран превратился во второй половине 1977 г. в центр американской дипломатической активности в Юго-Запад-

ной Азии и прилегающих регионах, а иранское внешнеполитическое ведомство — в известном смысле в филиал госдепартамента⁵³.

Удовлетворение в связи с действиями партнера, которое испытывал Вашингтон, выразилось в том, что уже в декабре 1977 г., т. е. менее чем через два месяца после визита шаха в США, Картер нанес незапланированный визит в Тегеран.

Несмотря на явные признаки нарастания политической напряженности в Иране, президент США в публичном выступлении охарактеризовал Иран как «остров стабильности в одном из наиболее беспокойных районов мира», как «фактор поддержания порядка и устойчивости мирового масштаба», как страну, с которой США связаны нерасторжимыми узами военного-политического альянса. Сам шах, менее чем за год до того являвшийся одной из мишеней «правозащитной» кампании Белого дома, был назван в речи Картера «мудрым руководителем, которому присуще чувство глубокой человечности и свободолов-бия и которого любит народ...»⁵⁴.

Хотя речь президента была охарактеризована позднее послом США в Иране У. Салливроном как «чрезмерная», вряд ли есть основания считать ее лишь проявлением дипломатической вежливости⁵⁵. Дело в том, что к началу 1978 г. подавляющее большинство американских специалистов продолжало считать шахский режим надежным и стабильным союзником. Это мнение в полной мере разделяло и посольство Великобритании в Иране⁵⁶. «Шах, которому „доверили“ целый регион,— отмечал американский исследователь Б. Рубин,—считался в Вашингтоне вполне способным справиться с любой внутренней оппозицией»⁵⁷. Противоречащая этому информация практически не принималась во внимание директивными инстанциями. В материалах проведенного позже специального сенатского расследования отмечалось, в частности, что «потребители информации не требовали от разведки анализа стабильности шахского режима... эксперты не поощрялись к каким-либо выводам, отличающимся от общепринятых... Многие сотрудники разведки в этой ситуации предпочитали не давать рекомендаций, которые не имели шансов быть принятыми политическим руководством»⁵⁸. Действительно, на протяжении практически всей первой половины 1978 г. американские внешнеполитические ведомства подходили к оценке иранской революции с позиций шахской пропаганды. Массовые выступления против шахской тирании и американского засилья в стране характеризовались в донесениях посольства в Тегеране и материалах госдепартамента как «выражение недовольства со стороны небольшой группы красных и черных» (т. е. коммунистов и духовенства)⁵⁹.

Лишь немногие американские иранисты (в том числе находившиеся на государственной службе) более реалистично оценивали ситуацию. Так, американский консул в Тебризе М. Метринко, владевший персидским и азербайджанским языками,

утверждал с начала февраля 1978 г. в своих донесениях в посольство, что «неприязнь к шаху была более широкой, чем просто недовольство красных и черных»⁶⁰. На совещании в госдепартаменте в марте 1978 г. оценки М. Метринко были поддержаны профессором Дж. Биллом из Техасского университета, который представил вызвавший широкую полемику доклад, озаглавленный «Монархия перед крахом». Дж. Билл отмечал, в частности, что «антиправительственные действия оппозиции будут становиться все более отчаянными. Ряды противников режима будут расти, хотя единственным общим знаменателем их сотрудничества будет неприятие режима. В такой обстановке традиционные методы политического контроля, используемые шахом, утратят свою эффективность... американские перспективы в этом случае,— подчеркивал Дж. Билл,— также никак нельзя будет считать отрадными»⁶¹.

Прогрессировавшее, особенно после событий в Куме и Тебризе в начале 1978 г., усиление политической напряженности в Иране требовало от Вашингтона принятия срочных мер, направленных на сохранение позиций США. Несмотря на то что оптимальным способом решения этой задачи подавляющее большинство американских политологов по-прежнему считало поддержку шаха, Вашингтон не сбрасывал со счетов и возможность использования иного, альтернативного варианта в случае «неконтролируемого» развития событий.

Наметившаяся с весны 1978 г. активизация контактов сотрудников американского посольства и резидентуры ЦРУ в Тегеране с «умеренными» деятелями антишахской оппозиции, представлявшими как светские, так и религиозные круги, преследовала, думается, двуединую цель: во-первых, получение информации о деятельности, составе и организационной структуре оппозиционных группировок с целью выработки наиболее эффективных методов их нейтрализации; во-вторых, сближение с политическими группировками и отдельными деятелями, способными без ущерба для американских интересов прийти на смену шаху в случае, если события примут неблагоприятный для его режима оборот⁶².

Подыскивая партнеров для своей политической игры в Иране, Соединенные Штаты не только опирались на собственную разведывательную инфраструктуру, но активно использовали и разведывательный потенциал своих западных союзников. Следует заметить в этой связи, что уровень контактов ряда западных спецслужб с деятелями, представлявшими особый интерес для США, особенно с влиятельными лидерами НФ, был весьма высок. Наряду с израильской МОССАД, чья агентурная сеть в Иране, согласно оценкам ЦРУ, уступала лишь их собственной⁶³, американские спецслужбы координировали свою деятельность с британскими, французскими и западногерманскими «коллегами». Широкое использование «неортодоксальных» методов в защите своих интересов, традиционно высокий уровень евро-

пейского (особенно французского) культурного влияния на иранскую интеллигенцию, менее запятнанный (в сравнении с американским) послужной список их активности в Иране и, что было весьма немаловажно в обстановке растущей популярности хомейнистской идеологии, отсутствие ярлыка «сверхдержавы» давали западноевропейцам, по мнению Вашингтона, весомые преимущества. Отмеченный набор факторов делал их также более приемлемыми партнерами для «умеренного» крыла антишахской оппозиции, нежели США.

Важнейшим критерием отбора вероятных партнеров на политической арене Ирана Вашингтон считал приверженность антикоммунизму и антисоветизму. Так, предлагая руководству рассмотреть возможность активизации сотрудничества с консервативными религиозными деятелями, группировавшимися вокруг аятоллы К. Шариатмадари, посол У. Салливен отмечал в качестве их главного достоинства то, что «эти деятели считают себя главным стержнем противодействия распространению коммунистического влияния в Иране»⁶⁴. Он указывал на необходимость направить все усилия на раскол антишахского фронта. «Для того чтобы окончательно не допустить консолидации оппозиции, шах должен наладить контакт с духовенством и принять меры для удовлетворения некоторых его жалоб,— рекомендовал посол в одном из донесений.— Если все сделать умело, это в значительной мере удовлетворит духовенство и „умеренных“ и разрушит единство оппозиции»⁶⁵.

Важной составной частью совместных усилий Вашингтона и Тегерана, направленных на раскол оппозиции, явились отставка правительства Дж. Амузегара и назначение премьер-министром тесно связанного с религиозными кругами Дж. Шариф-Имами⁶⁶.

Следует отметить, что, поручая «восстановление порядка» в стране гражданскому правительству Шариф-Имами, шах и его американские покровители, фактически взявшие на себя с лета 1978 г. разработку методов «управления кризисом», с самого начала всерьез считались с возможностью его фиаско. В этом случае надлежало перейти к военно-силовым методам подавления революции. Это признавал и сам шах, утверждавший в одной из бесед с У. Салливером, что «гражданское правительство должно продемонстрировать полную несостоятельность умеренных методов решения проблемы, чтобы народ видел, что для предотвращения хаоса нужно сильное правительство»⁶⁷.

Передача в руки военных ключевых постов министра обороны и министра внутренних дел (на последний пост был назначен известный своей приверженностью «твердым» методам правления бывший начальник жандармерии генерал А. Карабаги) ясно указывала на стремление правительства Шариф-Имами сочетать некоторые уступки с репрессиями против революционного движения. Кроме того, она должна была обеспечить бо-

лее «плавный» переход власти в руки военных в случае провала политических методов сдерживания революции.

Предметом особого беспокойства Вашингтона было явно обозначившееся с начала сентября 1978 г. возрастание роли демократических сил в оппозиционном движении⁶⁸. В этих условиях США и их западные союзники сочли необходимым подтвердить свои заверения в поддержке шаха. «В начале сентября 1978 г.,— писал шах на страницах своих мемуаров, опубликованных уже после победы революции,— меня посетили У. Салливен и Э. Парсонс (посол Великобритании.— *Ред.*). От имени своих правительств они еще раз заверили меня в полной поддержке своих правительств. Послы указали также, что если в 1951 г. (в период демократического движения за национализацию иранской нефти.— *Ред.*) США и Англии потребовалось почти два года для выработки совместной позиции по „иранскому“ вопросу, то теперь необходимость поддержки моего курса не вызвала у них никаких сомнений»⁶⁹. Заручившись поддержкой Вашингтона, шахский режим сделал откровенную ставку на «силовые» методы.

8 сентября, на следующий день после введения в 12 крупнейших городах страны военного положения, в Тегеране, как уже отмечалось, была потоплена в крови грандиозная антишахская демонстрация.

Американские стратеги расценивали готовность шаха использовать силу как обнадеживающий признак. Как отмечал в одном из своих донесений посол У. Салливен, «введение военного положения свидетельствует о том, что шах вновь обрел уверенность в своих силах»⁷⁰. Считая необходимым поощрить шаха к продолжению «силового» курса, Дж. Картер по рекомендации З. Бжезинского позвонил шаху и еще раз заверил его в решительной поддержке Белого дома. Следует отметить, что этот звонок Дж. Картера адресовался не только шаху, но и лидерам союзных США режимов Среднего Востока, чья стабильность во многом зависела от американских гарантий⁷¹.

Американская поддержка режима Пехлеви не ограничивалась «вербальным» уровнем. 12 сентября 1978 г. в Тегеран прибыл с секретным посланием американского правительства иранский посол в Вашингтоне А. Захеда. Сведения о содержании этого документа приводит на страницах своей книги бывший представитель Ирана при ООН Ф. Ховейда. «США, ранее настаивавшие на применении почти исключительно политических методов,— пишет он,— предоставляли теперь шаху карт-бланш для неограниченного использования силы и безжалостного подавления оппозиции»⁷². В послании, отмечал позднее один из его авторов, З. Бжезинский, прямо говорилось о том, что США поддержат «любые меры, которые шах сочтет необходимым принять»⁷³.

В ходе последовавших затем интенсивных телефонных контактов между шахом и представителями высшего американско-

го руководства шаха прямо призывали «обрушиться» на демонстрантов. При этом З. Бжезинский, в частности, дал шаху ясно понять, что «соображения, связанные с соблюдением прав человека, не следует считать столь уж важными»⁷⁴.

Безоговорочная поддержка шаха Белым домом оказывала «обратный» эффект на характер информации, поступавшей высшему политическому руководству от разведывательных органов. Специальный подкомитет комитета по разведке конгресса США установил позднее в ходе специального расследования, что старшие офицеры разведки при подготовке фундаментального информационно-аналитического документа «Национальная разведывательная оценка» по Ирану препятствовали включению в него прогнозов об отстранении шаха от власти до 1980 г. В оценках разведуправления министерства обороны обращалось внимание на то, что режим шаха столкнулся со значительными проблемами. Тем не менее в прогнозе от 28 сентября 1978 г. делался вывод, что шах продержится у власти как минимум еще 10 лет. В подготовленном примерно в это же время меморандуме ЦРУ утверждалось, что Иран «не находится в революционной или даже предреволюционной ситуации»⁷⁵.

Это дало основание Дж. Картеру в ноябре 1978 г. обвинить «разведывательное сообщество» в дезинформации высшего политического руководства⁷⁶.

Между тем тезис о «грандиозном провале разведки» как главной причине «потери» Ирана, активно муссировавшийся позднее не только на страницах прессы, но и в работах ряда известных американских политологов⁷⁷, опровергается фактами. Дело в том, что, как об этом свидетельствуют не только материалы конгресса США, но и документы американского посольства в Тегеране⁷⁸, начиная с октября 1978 г., когда в Тегеран был послан новый резидент, Т. Ахарон, ЦРУ постоянно информировало Белый дом о крайней неустойчивости режима шаха⁷⁹. Белый дом регулярно отвергал эти пессимистические прогнозы, ибо они не соответствовали мнению З. Бжезинского, являвшегося центральной фигурой в принятии решений по Ирану в тот период.

Немногочисленные доклады и сообщения, содержавшие указания на остроту проблем, клались в Вашингтоне под сукно, отмечали авторы одного из документов посольства США, подготовленного уже после победы революции⁸⁰.

Введение военного положения и тактика массовых расправ оказались, однако, не способны сколько-нибудь существенно ослабить политическую напряженность в Иране. Новый этап революции характеризовался дальнейшим расширением «географии» антимонархического движения (вышедшего за рамки крупных городов) и углублением его социально-политического содержания. Преобладать стало, в частности, требование полной ликвидации монархического режима. В этих условиях усилия шахского режима и его американских покровителей во все

большей степени направлялись на внесение раскола в ряды оппозиции. Духовенство старались посорить со светскими деятелями, «традиционалистов» натравить на «модернистов», шиитов — на суннитов, средний класс — на рабочих. Линия американцев и шаха сводилась к тому, чтобы отделить радикалов от умеренных, разгромить первых и дать как можно меньше уступок вторым⁸¹.

Введение военного положения способствовало увеличению шансов на то, что эта политика будет «работать». Дело в том, что в новой ситуации в рядах либерально-буржуазной оппозиции стало усиливаться «умеренное», склонное к компромиссам крыло, представители которого выступили с осуждением «экстремистских» действий, провоцировавших власти на репрессии и замедлявших темпы «либерализации». Оправдывая свою позицию ссылками на стремление избежать кровопролития и обеспечить продолжение либерализации в рамках конституционных методов, которые открывают возможность мирного перехода к конституционной монархии, лидеры либералов фактически вели дело к «дерадикализации» движения и снятию лозунга ликвидации монархии⁸².

При этом «умеренные» ссылались как на опасность военного переворота, так и на «геополитическую фатальность» (под которой подразумевалась «перманентная возможность советского вмешательства»)⁸³, якобы лишавшую любое иранское руководство возможности отхода от США⁸⁴.

Союз с Вашингтоном представлялся «умеренным» чуть ли не главной гарантией независимости и суверенитета Ирана. Этот тезис призван был служить не только пропагандистским прикрытием прозападной ориентации «умеренных», но и важным инструментом, с помощью которого они рассчитывали заручиться поддержкой Соединенных Штатов в своих притязаниях на власть. Выражая позицию этого крыла, М. Базарган указывал, в частности, на несогласие НФ и возглавлявшегося им происламского Движения за свободу Ирана с мнением Хомейни о тесной взаимосвязи борьбы против шахской тирании с борьбой против американского империализма, так как первая задача важнее всех остальных. «Я убежден,— отмечал М. Базарган,— что существует только один путь сместить шаха: убедить Америку в том, что его режим не функционирует, а реальное влияние на массы находится в наших руках»⁸⁵. Базарган утверждал также, что, поскольку «иранский народ не готов к свободе», путь поэтапного перехода власти от шахского режима в руки оппозиции «малыми шагами» наиболее целесообразен.

Интенсивный зондаж позиции «умеренных», осуществлявшийся США по дипломатическим, разведывательным и иным каналам, способствовал усилению в Вашингтоне настроений в пользу активизации контактов с этой фракцией и поощрения либералов к достижению компромисса с шахом. Активное участие в поисках компромисса играли лидеры НФ и другие дея-

тели оппозиции, в том числе Движения за свободу Ирана, в первую очередь Дж. Амир-Энтезам, Н. Миначи и К. Лахиджи.

Расширение и углубление революционного процесса сорвало инспирировавшиеся США попытки шахского режима договориться с «умеренными». Немаловажную роль в срыве этих планов сыграла и бескомпромиссная позиция «радикальных фундаменталистов» во главе с Хомейни, который отверг все варианты предлагавшихся ему шахским режимом сделок и выступил с разоблачением позиции либералов.

Позиция Хомейни, в наибольшей степени отражавшая настроения революционных масс, фактически лишила лидеров либералов возможности продолжения открытых контактов с режимом без риска политического самоубийства⁸⁶. В этих условиях К. Санджаби, проводивший в конце октября 1978 г. консультации в Париже с Хомейни в попытке склонить его к компромиссу с шахом, заявил о поддержке Национальным фронтом взглядов Хомейни и об отказе участвовать в правительстве до тех пор, пока в стране сохраняется шахский режим.

Ужесточение позиции «умеренных» значительно осложнило положение властей и сузило сферу их политического маневрирования. Демонстрировала свою несостоятельность и применявшаяся режимом тактика половинчатых уступок и поисков «козлов отпущения» среди деятелей режима (аресты А. Ховеиды, Н. Насири и др.), которую У. Салливен назвал «кормлением крокодилов»⁸⁷. Как отмечалось в донесении американского посла от 5 ноября, «настало время решений. Прежняя политика уже не работает»⁸⁸.

Неэффективность испытывавшихся в Иране на протяжении 1978 г. методов «кризисного реагирования» имела следствием наметившееся в американском руководстве расхождение мнений относительно текущих целей политики США в Иране и конкретных путей ее реализации. Впервые ряд представителей американского политико-академического истеблишмента открыто поставил под сомнение целесообразность продолжения ставки на шаха в качестве наиболее рационального способа обеспечения американских интересов в Иране.

На состоявшемся в государственном департаменте 27 октября рабочем совещании по Ирану эксперты выразили почти единодушное мнение, что ни дальнейшая либерализация, ни репрессии не в состоянии приостановить процесс разложения шахского режима, который приобрел необратимый характер. Из сорока человек, присутствовавших на этом совещании, лишь четверо считали, что шах сумеет преодолеть кризис. Из подобной оценки ситуации логически вытекали и предлагавшиеся этой группой политиков и специалистов способы решения проблемы: отказ от безусловной поддержки шаха и переориентация на более «жизнеспособные» и популярные политические силы прозападной ориентации. Эту линию с некоторыми оговорками

поддерживали государственный секретарь С. Вэнс и его заместитель Д. Ньюсом, непосредственно «курировавший» Иран.

Другой лагерь, представленный З. Бжезинским и министром энергетики Дж. Шлессинджером, был убежден, что шах имеет шансы удержаться у власти и США должны испробовать все средства, чтобы помочь ему в этом⁸⁹. Предоставление шахским войскам неограниченной свободы действий для подавления оппозиции было, по мнению З. Бжезинского, единственной возможностью избавить США от необходимости непосредственного военного вмешательства в Иране, за которое ратовал, например, Шлессинджер.

Противоборство упомянутых выше двух линий определяло в целом процесс принятия решений по Ирану с осени 1978 г. вплоть до победы иранской революции в феврале 1979 г.

Расхождение мнений в верхнем эшелоне власти отражалось на деятельности американского посольства в Иране и на характере информации, поступавшей из Тегерана в Вашингтон. Если посол У. Салливан склонялся в большей степени в поддержку первой линии, то его заместитель Ч. Наас и руководитель политического аппарата посольства Дж. Ламбракис поддерживали позицию З. Бжезинского⁹⁰. Так, желая подкрепить линию З. Бжезинского «непосредственными впечатлениями» с места событий, Ч. Наас утверждал вопреки очевидным фактам, что «в выступлениях против шаха участвуют лишь студенты, религиозные фанатики и коммунисты» и что им противостоит «молчаливое большинство», которое поддержало бы политику «железного кулака»⁹¹. Примерно так же оценивал положение руководитель американской военной миссии генерал Ф. Гаст.

Одним из важнейших факторов, предопределивших перевес приверженцев линии З. Бжезинского — Шлессинджера, была поддержка ее влиятельными представителями деловых кругов США. Особую роль в этом сыграли располагающие мощнейшими рычагами воздействия на политику Белого дома военно-промышленные и нефтяные корпорации, крупнейшие банки, чей бизнес в Иране во многом зависел от шаха и его ближайшего окружения. Неудивительна в этом контексте исключительная активность, проявленная, в частности, рокфеллеровским «Чейз Манхэттен Бэнк»⁹².

Между тем отказ «умеренных» из НФ поддержать правительство и серия скандальных разоблачений и злоупотреблений, совершенных членами кабинета Шариф-Имами, в том числе и самим главой правительства «национального единства» в бытность его председателем Фонда Пехлеви, привели к фактическому краху кабинета⁹³. В этих условиях открытая ставка на силу и установление режима военной диктатуры стала для Вашингтона единственной приемлемой альтернативой. Рекомендую шаху передать власть в руки военных, американцы рассчитывали, во-первых, на то, что это может усилить позиции шаха в «торге» с «умеренной» оппозицией и склонить ее

лидеров к участию в правительстве с меньшими уступками со стороны шахского режима. Кроме того, вооруженное подавление наиболее радикальных элементов оппозиции (как левых, так и фундаменталистов — сторонников Хомейни) должно было ослабить нажим, оказывавшийся на «умеренных», и облегчить достижение компромисса между ними и шахом. В случае, если бы данный «сценарий» доказал свою эффективность на практике, одним из его важнейших результатов должна была явиться фактическая изоляция Хомейни и его радикальных сторонников⁹⁴.

Поддерживая в целом идею «военной альтернативы», охарактеризованную генералом Карабаги как «последняя стрела в колчане режима»⁹⁵, ряд американских аналитиков (главным образом сотрудники посольства в Тегеране и работники аппарата государственного департамента) обращал внимание руководства на некоторые ее негативные аспекты. Указывалось, в частности, на то, что период пребывания у власти военного правительства должен быть ограничен максимум шестью месяцами, так как более длительный срок сопряжен с опасностью усиления политической поляризации и фактического размывания «умеренного» центра — наиболее приемлемой, по мнению американских специалистов, группировки на политической сцене Ирана для создания будущего широкого коалиционного правительства⁹⁶. Поэтому государственный департамент рекомендовал Белому дому сконцентрировать усилия на двух направлениях: с одной стороны, оказывать поддержку военному правительству генерала Г. Р. Азхари, с другой — максимально форсировать контакты с «умеренной» оппозицией, с тем чтобы, выступая с «позиции силы», склонить ее к компромиссу с шахским режимом⁹⁷.

Между тем развитие событий в Иране опережало темпы разработки методов «кризисного реагирования». Военное правительство все больше демонстрировало неспособность сбить мощную волну забастовочного движения, парализовавшего иранскую экономику. Особенно ощутимый удар нанесла правительству забастовка нефтяников. Режим не только лишился важнейшего источника внешних поступлений, но и столкнулся с острейшим энергетическим кризисом. Дело дошло до того, что наряду с предоставлением Тегерану полицейского оборудования и различных средств для разгона демонстраций США были вынуждены взять на себя обеспечение иранской армии и полиции нефтепродуктами⁹⁸.

В этих условиях, справедливо полагая, что обозначившийся к концу ноября фактический крах военного правительства указывает на полную бесперспективность продолжения в какой-либо форме ставки на шаха, американское посольство настойчиво призывало Вашингтон внести коррективы в свою иранскую политику и срочно приступить к разработке соответствующих изменившейся ситуации планов кризисного реагирования⁹⁹. «По-

скольку интересам США отвечает сохранение Ирана в качестве надежного союзника и поскольку Иран находится в окружении ряда потенциально враждебных государств,—отмечал У. Салливен,—для США жизненно важно сосредоточить усилия на сохранении там боеспособной, политически влиятельной и проамерикански настроенной армии». Поэтому, по мнению посла, необходимо было наладить контакты между вооруженными силами и любыми «некоммунистическими» политическими группировками, имеющими шансы прийти к власти. Учитывая, что политическая устойчивость любого правительства будет в значительной мере зависеть от Хомейни, Салливен настоятельно призывал Вашингтон организовать секретные встречи с теми представителями оппозиции, которые были тесно связаны с аятоллой.

Рекомендации У. Салливена, изложенные им в меморандуме от 9 ноября 1978 г., отличались от теоретических построений, рождавшихся в недрах аппарата Совета национальной безопасности под руководством З. Бжезинского и специальной рабочей группы по Ирану во главе с Д. Аароном, не только более реалистичным анализом ситуации, но и тактической новизной. Донесения У. Салливена были фактически первыми американскими документами, в которых предлагалось отойти от линии на изоляцию Хомейни, взять курс на поиски «точек соприкосновения» и в перспективе достичь договоренности с окружением аятоллы.

По мнению У. Салливена, переговоры следовало начать с М. Базарганом, пользовавшимся особой благосклонностью Хомейни и обладавшим в отличие от лидеров НФ репутацией происламского деятеля. Кроме того, как это отмечалось в докладах сотрудника посольства Миклоса, неоднократно встречавшегося с М. Базарганом, «его (Базаргана.—*Ред.*) подход к внутриполитическим проблемам Ирана и внешнеполитическая ориентация в наибольшей степени отвечают нашим представлениям о подходящем для Ирана главе государства»¹⁰⁰.

Следует еще раз подчеркнуть, что, как и прежде, Вашингтон выдвигал антисоветизм и антикоммунизм в качестве важнейшего критерия отбора своих партнеров. М. Базарган и его окружение из Движения за свободу Ирана отвечали в этом смысле, как и лидеры НФ, предъявлявшимся Вашингтоном требованиям.

Показательны в этом отношении документальные материалы посольства США о результатах конфиденциальных контактов американских дипломатов с этими деятелями. «Лидеры умеренной оппозиции,—говорилось в донесении посольства,—заверили нас в частном порядке, что они не имеют никаких серьезных расхождений с позицией правительства США и хотят лишь прекращения поддержки шаха с американской стороны»¹⁰¹. При этом они всячески подчеркивали необходимость для Ирана иметь сильного защитника в лице США против «по-

стоянной советской угрозы». Соединенным Штатам, по мнению оппозиции, также следовало ускорить устранение шаха, пока, как отмечалось в донесении, коммунисты не успели усилить своего влияния в Иране. Удержание же Соединенными Штатами обанкротившегося шахского режима у власти с помощью военных будет толкать все больше отчаявшихся людей в коммунистический лагерь¹⁰².

Существенное сходство с «вариантом Салливена», отражавшим в значительной мере позицию госдепартамента, обнаруживал и план, разработанный специальной независимой рабочей группой по Ирану при президенте, возглавлявшейся бывшим заместителем государственного секретаря Дж. Боллом. Считая, что шахский режим невозможно сохранить в прежнем виде, поскольку «иранский народ продемонстрировал отвращение к нему», Дж. Болл предлагал сделать основную ставку на НФ. Под эгидой НФ надлежало сформировать «совет достойных», в состав которого, по замыслу Болла, должны были войти известные деятели, представляющие все оппозиционные группировки, за исключением деятелей «марксистского толка». Именно этот «совет достойных», а не шах должен был заняться подбором членов нового широкого коалиционного правительства. Шаха же предполагалось сохранить в качестве регента и, возможно, верховного главнокомандующего.

Основываясь на рекомендациях Дж. Болла, американская дипломатия и спецслужбы сконцентрировали усилия на повышении популярности руководителей НФ, создании им репутации «истинных руководителей революции» (что должно было, в свою очередь, отрицательно сказаться на позициях «радикалов» во главе с Хомейни). Большая роль отводилась при этом использованию иранских средств массовой информации, находившихся под американским контролем. Как отмечалось в этой связи в одном из донесений посольства США, «аппарат посольства осуществляет интенсивные меры по воздействию на общественное мнение... имея в виду повышение популярности НФ и привлечение в умеренный лагерь оппозиционеров, преимущественно поддерживающих ныне Хомейни...». И далее: «В результате контактов с руководителями иранской прессы, в том числе с сенатором Месбахзаде (владельцем газетно-журнального треста „Кейхан“.—*Ред.*), нам удалось убедить их в необходимости поддержки НФ. Месбахзаде заверил нас, в частности, что, несмотря на недостаточную популярность НФ, „Кейхан“ может превратить его лидеров в „национальных героев“ за несколько дней»¹⁰³.

«Жесткий» подход, предлагавшийся группой Бжезинского — Шлессинджера и поддерживавшийся по некоторым пунктам министром обороны Г. Брауном, был, по мнению Дж. Болла и руководства госдепартамента (в частности, заместителя государственного секретаря Р. Ньюсома), обречен на неудачу. Вооруженное подавление демонстраций, считали они, грозило рас-

колоть армию, что означало бы утрату важнейшего рычага американского влияния в стране.

Характер воздействия США на ход событий в Иране, как и масштабы этого воздействия, после середины ноября 1978 г. не может быть понят без учета заявления, сделанного 19 ноября Советским Союзом, что стало наряду с политикой США другим важнейшим компонентом внешнего фактора.

В заявлении, в частности, говорилось: «Советский Союз, который поддерживает с Ираном традиционные добрососедские отношения, решительно заявляет, что он против вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом. В этой стране имеют место события чисто внутреннего порядка, и решаться связанные с этим вопросы должны самими иранцами. Все государства должны придерживаться здесь принципов, заложенных в Уставе ООН, как и в ряде других основополагающих международных документов, должны уважать суверенитет и независимость Ирана, иранского народа.

Должно быть ясно и то, что любое, а тем более военное вмешательство в дела Ирана—государства, которое непосредственно граничит с Советским Союзом, СССР рассматривал бы как затрагивающее интересы его безопасности»¹⁰⁴.

По-видимому, госдепартамент США не мог не учитывать ограниченность американских возможностей оказания непосредственной военной поддержки шаху и связанный с этим высокий уровень риска «интернационализации»¹⁰⁵ иранского кризиса в свете недвусмысленного предупреждения Советского государства о недопустимости любого вмешательства в дела Ирана и необходимости предоставить иранскому народу право самому определять политическое будущее своей страны. Кроме того, С. Вэнс и его сторонники (Э. Янг, Г. Сондерс, Р. Ньюсом и др.) полагали, что поддержание «низкого уровня» американского вмешательства в дела Ирана (при котором СССР также «проявляет сдержанность») в большей степени отвечает интересам США, чем провоцирование напряженности у границ Советского Союза в условиях «геополитической асимметрии» (относительной близости СССР к региону по сравнению с США), определявшей, по их мнению, соотношение сил между СССР и США в Юго-Западной Азии, и в Иране в особенности.

Контраргументы Бжезинского сводились к тому, что, поскольку из двух прозападных политических сил, действовавших в Иране: шахского режима и Национального фронта — последний (и другие «умеренные» организации) не имел широкой поддержки в массах и не пользовался авторитетом в глазах военных, США должны были сосредоточить усилия на поддержке шаха. Такая политика, по мнению Бжезинского, должна была, с одной стороны, убедить союзные США консервативные правительства стран региона в надежности американских обязательств, касающихся обеспечения их безопасности, а с другой —

усилить позиции шахского режима и дать ему стимул для применения любых средств для разгрома оппозиции.

Некоторое усиление позиции «умеренных» в американском руководстве (происшедшее в немалой степени под воздействием советского предупреждения) нашло отражение, в частности, в подготовленном С. Вэнсом заявлении американского правительства в связи с интервью советского руководителя корреспонденту «Правды» от 19 ноября 1978 г. Хотя текст американского заявления от 7 декабря 1978 г. не был свободен от стандартных антисоветских выпадов и попыток исказить советскую политику в отношении Ирана, Вашингтон вынужден был официально заявить о своем «невмешательстве» в иранские дела¹⁰⁶. Таким образом, принципиальная позиция СССР сыграла (кстати сказать, это отмечали и многие иранские исследователи) важнейшую роль в срыве американских планов военного вмешательства и явилась существенным фактором внешнеполитической поддержки иранской революции¹⁰⁷.

Тем не менее Вашингтон продолжал оказывать поддержку шахскому режиму. Любопытное свидетельство на этот счет содержится в мемуарах Мохаммеда Резы Пехлеви. «7 декабря 1978 г., вскоре после заявления Москвы,— писал шах,— США официально заявили о том, что не намерены вмешиваться в дела Ирана. Несмотря на это, американский и английский послы при каждой встрече по-прежнему продолжали заверять меня в твердой поддержке своих правительств»¹⁰⁸. Эти заверения в гораздо большей степени отражали действительную позицию Вашингтона, нежели официальное заявление от 7 декабря 1978 г.

Не отказываясь окончательно от планов прямой вооруженной интервенции в Иран¹⁰⁹, американские политики тем не менее не могли игнорировать всей серьезности советского предупреждения. Это вынуждало Вашингтон искать новые способы усиления своих позиций в Иране. Так, США предприняли попытку подключить к вмешательству в Иране весь механизм НАТО, с тем чтобы «противопоставить... предупреждению СССР „западную солидарность“»¹¹⁰.

Анализ американской политики по отношению к Ирану в конце 1978 г. показывает, что, несмотря на имевшиеся расхождения во мнениях в верхнем эшелоне власти, Вашингтон активно использовал весь спектр находившихся в его распоряжении политических и иных возможностей, разрабатывал одновременно ряд альтернативных вариантов сохранения своих позиций в Иране и обеспечения проамериканской внешнеполитической ориентации страны. Как отмечал в связи с этим известный американский политический обозреватель Р. Барт, «политика Белого дома состояла в том, чтобы налаживать контакты как с умеренными оппозиционерами, так и с военными при одновременном сохранении близких связей с шахом»¹¹¹.

Одновременно вплоть до окончательного краха шахского

режима США, как свидетельствуют об этом документы посольства, рассматривали «военный вариант» как свою главную козырную карту, использование которой должно было решить исход событий к их выгоде в случае, если остальные меры окажутся недейственными¹¹².

Между тем разрабатывавшийся американской дипломатией в ноябре — декабре компромиссный план, предусматривавший отречение шаха от престола и учреждение регентства в качестве переходного этапа к конституционной монархии, столкнулся с серьезными трудностями. Проблему составляло, в частности, подыскание авторитетного деятеля, готового возглавить коалиционное правительство, на которое возлагалась задача реализации планов Вашингтона по мирной передаче власти. Сотрудникам посольства США не удалось, в частности, склонить к сотрудничеству ни одного (!) деятеля из 80 потенциальных кандидатов «прозападной ориентации, не слишком тесно связанных с шахским режимом», включенных в список, который подготовили срочно командированные в Иран ведущие американские иранисты М. Зонис, Р. Коттэм и Дж. Билл¹¹³.

В условиях дальнейшего углубления революционного процесса подавляющее большинство деятелей НФ, в том числе его председатель К. Санджаби, сочли целесообразным полностью отмежеваться от шахского режима. Парижская «Монд» отмечала в этой связи 12 декабря 1978 г., что «в начале месяца некоторые либералы были готовы участвовать в правительстве... Сегодня... попытки сговора с властями стали уже анахронизмом».

Немалую роль в дискредитации соглашательского курса «умеренных» имели выдвинутые НПИ и немедленно поддержанные Хомейни лозунги, объявлявшие компромиссы «делом предателей». Выражая взгляды Хомейни, один из его помощников отмечал в декабре 1978 г., что, поскольку революция «является результатом политического, социально-экономического и культурного кризиса, порожденного шахской политикой, этот кризис не может быть преодолен на путях компромисса, предполагающего дальнейшее существование (в любой форме) породившего его режима»¹¹⁴.

Тем не менее отдельные представители «умеренных» все еще вели закулисные переговоры с шахом на предмет достижения компромисса.

Не договорившись с А. Энтезамом и А. Амини, а также с известным деятелем НФ Г. Х. Садиги, шах и американцы сумели склонить Ш. Бахтияра — второго по значению деятеля НФ — к созданию гражданского правительства. Сформирование кабинета Ш. Бахтияра, куда вошли главным образом «технократы», не привело, однако, к расколу оппозиции, чего так добивался Вашингтон.

Приход к власти правительства Бахтияра знаменовал начало нового этапа не только в развитии иранской революции, но

и в «кризисном реагировании» США. Выяснившаяся к тому времени практическая невозможность спасения шахского режима и политическая нецелесообразность продолжения усилий в этом направлении вынудили Вашингтон «повернуть фронт»: добиваться сохранения общей прозападной ориентации Ирана вне зависимости от характера правящего там режима¹¹⁵. «Постепенно главный вопрос иранской политики Вашингтона,— отмечал З. Бжезинский,— трансформировался из того, как помочь шаху сохранить Иран, в то, как сохранить Иран даже без шаха»¹¹⁶.

Это изменение в позиции США нашло поддержку правительств ведущих капиталистических держав. В ходе совещания на высшем уровне, состоявшегося в начале 1979 г. на Гваделупе, их лидеры сошлись во мнении, что формирование националистического прозападного правительства Ш. Бахтияра в гораздо большей степени отвечает коллективным интересам Запада, нежели чреватое непредсказуемыми последствиями сохранение у власти шахского режима¹¹⁷.

США и их союзники всячески стремились сохранить контроль над иранской армией, так как считали ее важнейшим инструментом обеспечения прозападной ориентации страны. «Было вполне очевидно,— отмечал Ш. Чубин,— что сохранение боеготовой армии при наличии таких действенных рычагов воздействия на нее, как технологическая зависимость и проамериканский характер офицерского корпуса (в США прошло подготовку свыше 12 тыс. иранских офицеров.— *Ред.*), давало бы Вашингтону значительные преимущества в управлении всем процессом послереволюционных политических изменений в Иране»¹¹⁸.

Решение этой задачи было поручено заместителю командующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Р. Хайзеру, направленному в Иран в январе 1979 г. со специальной миссией. Выбор Хайзера был далеко не случаен. Генерал занимался координацией военных планов НАТО и Ирана, курировал американскую военную миссию в Иране, обладал обширными связями в военно-политических кругах Тегерана¹¹⁹. Распространенная позднее Вашингтоном официальная версия гласила, что генерал находился в Иране, чтобы «приструнить» иранских военных и предотвратить переворот. Она была подхвачена затем американскими и другими средствами массовой информации, а также получила широкое распространение в американской научной литературе¹²⁰. Между тем ряд ставших достоянием гласности документов (в первую очередь документов посольства США в Тегеране, стенограмм заседаний иранского генштаба и мемуаров непосредственных участников событий, в частности генерала Карабаги¹²¹) позволяет составить несколько иное представление об истинных целях миссии Хайзера.

Придя к выводу, что военный переворот с целью удержания шаха у власти почти неизбежно приведет к гражданской вой-

не, в которой прошахские военные будут иметь весьма незначительные шансы на успех, США сочли необходимым добиться некоторого ослабления напряженности в Иране и стабилизации правительства Ш. Бахтияра. Существенное воздействие на процесс принятия решений американской администрацией оказывали соображения внешнеполитического порядка, связанные с необходимостью учета позиции СССР по иранскому вопросу. «С конца ноября, когда мы обменялись посланиями с советским руководством,— отмечал З. Бжезинский,— внешнеполитический аспект иранской проблемы вызывал нашу растущую озабоченность. Мы были убеждены, что исход возможной гражданской войны в этой стране будет неблагоприятным для интересов США и создаст значительные стратегические преимущества для СССР»¹²².

С учетом этих факторов перед Хайзером на первом этапе ставилась задача добиться скорейшего выезда шаха из страны и предотвратить любую не согласованную с США «самодеятельную» попытку экстремистски настроенных генералов осуществить прошахский переворот. Весьма симптоматично, что шах узнал о визите Хайзера в Тегеран лишь через пять дней после его приезда. Видимо, в Вашингтоне к тому времени монарха рассматривали как «битую карту»¹²³.

В ходе первых же встреч с иранскими генералами Р. Хайзер, фактически взявший на себя выполнение функций начальника иранского генштаба (показательно, что американский генерал расположился не в помещении американской военной миссии, а в здании генштаба¹²⁴), довел до их сведения позицию американского руководства. Семь высших иранских офицеров, планировавших, по данным американской разведки, переворот, были предупреждены Р. Хайзером, как отмечалось в одном из документов посольства, о том, что, «поскольку их акция, вероятнее всего, завершится провалом, что приведет к распаду армии и усилению коммунистического влияния в стране», они не могут рассчитывать на поддержку Вашингтона.

Сказанное выше как будто подтверждает ту интерпретацию целей миссии Хайзера, с которой выступали официальные представители администрации Картера. При этом удаление шаха и предотвращение переворота составляли лишь одну сторону деятельности Хайзера в Тегеране. Не менее важно было то, что, «выбросив,— по выражению иранского генерала А. Х. Рабии,— шаха из Ирана, как дохлую мышь»¹²⁵, Хайзер пытался представить это как важное политическое достижение правительства Ш. Бахтияра, что должно было повысить популярность премьера и склонить «умеренных» к его поддержке¹²⁶. Иранской армии в расчетах Вашингтона отводилась роль главной опоры правительства Бахтияра. Союз с Бахтияром должен был, в свою очередь, придать законность направляемым США действиям военных и приостановить наметившийся процесс дезинтеграции армии¹²⁷. Не случайно сам Хайзер признавал позднее,

что одной из его главных задач было удержание в Иране армейской верхушки, многие представители которой «все больше склонялись к эмиграции, после того как шах покинул страну»¹²⁸.

Однако деятельность Хайзера в Иране не ограничивалась лишь этими манипуляциями. Исключительное внимание в соответствии с инструкциями Белого дома генерал уделял разработке «чрезвычайных» планов военного переворота¹²⁹. При этом основное их отличие от планов, ранее разрабатывавшихся шахскими генералами, состояло в том, что их осуществление должно было проходить под непосредственным американским руководством.

Следует подчеркнуть в связи с этим, что после устранения шаха с политической арены генерал Хайзер фактически взял на себя функции координатора и главнокомандующего иранскими вооруженными силами. Этот факт во многом обуславливался принципами, заложенными шахом и его американскими советниками в основу организационного построения вооруженных сил Ирана: высшее руководство деятельностью каждого из родов вооруженных сил, равно как и координация совместных действий, было целиком сосредоточено в руках монарха, являвшегося, таким образом, ключевым элементом в структуре управления вооруженными силами. Выпадение этого элемента, естественно, предполагало нарушение координации и как следствие дезинтеграцию вооруженных сил¹³⁰. Единственным институтом, располагавшим разветвленной структурой управления и координации и как бы дублировавшим шаха, была американская военная миссия¹³¹. В этих условиях уход шаха автоматически передавал американцам главные рычаги управления иранской армией. «Осуществление любой крупной акции, в том числе и варианта «С» (так именовался план военного переворота), среди прочего требовало сигнала со стороны признанного руководства,— отмечал З. Бжезинский.— После ухода шаха такой сигнал иранским военным мог дать только Вашингтон»¹³².

Интересное свидетельство на этот счет имеется в донесении Р. Хайзера своему непосредственному начальнику А. Хейгу, занимавшему пост командующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе¹³³. Хайзер предлагал применить вооруженные силы, чтобы покончить с забастовками в жизненно важных отраслях экономики. «Действия, на которых я настаиваю,— писал генерал,— это разгром забастовок на таможнях, нефтепромыслах и в банках, используя армию... Эти меры по сути соответствуют нашему плану 2В (очевидно, один из вариантов удушения иранской революции.— *Ред.*), но под руководством Бахтияра. Я поощряю его к тому, чтобы он принял эти меры. Он проявляет готовность, но я хотел бы ускорить темпы. Если этот вариант приведет к неудаче, то тогда я рекомендую им (военным и Бахтияру, причем последнему в качестве „прикрытия“, чтобы переворот преподносился как законное, предусмотренное конституцией использование армии прави-

тельством для „поддержания порядка“ внутри страны.— *Ред.*) приступить к осуществлению прямого военного переворота. Как вы можете убедиться,— отмечал Хайзер,— планирование — одно и то же, на каком бы варианте мы не остановились (т. е. оба варианта Хайзера были связаны в том или ином виде с военным переворотом.— *Ред.*)»¹³⁴.

В другом донесении Хайзер сообщал Хейгу, что у иранской армии имеются достаточно широкие возможности для претворения в жизнь плана переворота, но отмечал, что этот план необходимо осуществить до приезда Хомейни, иначе все «может полететь к черту». Хайзер отмечал также, что «некоторые элементы в армии выступают за широкую гражданскую войну, которую можно было бы вызвать путем убийства Хомейни после его возвращения в Иран»¹³⁵.

Как говорилось ранее, приезд 1 февраля 1979 г. в Иран аятоллы Хомейни и массовые выступления населения против правительства Бахтияра привели к новому повороту событий. В стране фактически установилось двоевластие. Усилилась конфронтация между населением и армией. Массовый характер приобрели случаи дезертирства и неповиновения приказам в рядах вооруженных сил, свидетельствовавшие о разложении армии¹³⁶. В этих условиях провал попытки шахской гвардии подавить восстание военно-технического персонала на базе ВВС Фарахабад вынудил командование вооруженных сил, опасавшееся раскола армии, заявить о своем нейтралитете.

Решение военных, инициатором которого был начальник генштаба генерал Карабаги (являвшийся главным «связующим звеном» между Хайзером и иранским генералитетом), несмотря на свой во многом вынужденный характер, не являлось просто «спонтанной» реакцией верхушки армии на сложившееся в Иране новое соотношение сил. Ряд документов, в частности опубликованное в газете «Моджахед» письмо генерала Карабаги Хайзеру¹³⁷, свидетельствует о том, что решение иранских военных предварительно было согласовано с эмиссаром Вашингтона и, возможно, представляло собой переход к осуществлению одного из совместно разработанных (на случай, если не удастся предотвратить приход к власти сторонников Хомейни) «чрезвычайных» планов¹³⁸. Раскрывая подоплеку этого решения, У. Салливен подчеркивал, что «интересы национальной безопасности США диктуют необходимость срочной выработки модус вивенди между военными и хомейнистами, с тем чтобы противопоставить их Туде и другим левым силам»¹³⁹.

Выдвижение лозунга «армия вне политики», согласованное генералом Карабаги в ходе секретных контактов с М. Базарганом (назначенным аятоллой Хомейни главой «теневого» кабинета еще до победы революции), Бехешти и другими деятелями исламской оппозиции¹⁴⁰, было призвано, по расчетам американского руководства, обеспечить сохранение прежнего характера армии и ее «интегрирование» в новую государственную струк-

туру Ирана, имея в виду в первую очередь использование армии в качестве инструмента поддержания прозападной ориентации нового режима¹⁴¹. «Проамериканские вооруженные силы,— отмечал в этой связи иранский исследователь Х. Элахи,— должны были играть роль своего рода троянского коня империализма в Исламской Республике Иран»¹⁴².

Следует подчеркнуть, что обеспечение прозападной ориентации страны и недопущение прихода к власти прогрессивных сил оставалось главной задачей американской дипломатии на протяжении всех этапов «иранского кризиса». Проявившаяся в январе — начале февраля 1979 г. готовность США примириться с созданием в Иране исламской республики в значительной мере обуславливалась тем обстоятельством, что администрация Картера весьма высоко оценивала антикоммунистический потенциал развертывавшегося в Иране под исламскими лозунгами движения¹⁴³.

С конца 1978 г. в Вашингтоне получала все более широкое распространение та точка зрения, согласно которой создание исламской республики — далеко не худший вариант политического развития послешахского Ирана. Показательны в этом отношении итоги переговоров начальника разведуправления Пентагона генерала Р. Тая с руководителями иранской военной разведки генералами Бурумандом и Каджаром. Как явствует из записи их беседы, обнаруженной позднее в архиве иранской военной разведки, стороны пришли к заключению, что «религия, так же как и монархическая система, может служить эффективным инструментом решения важнейшей стратегической задачи — сохранения Ирана в лоне свободного мира (т. е. в орбите влияния Запада.— *Ред.*) и сдерживания коммунистического влияния»¹⁴⁴.

Среди представителей американских академических кругов одним из наиболее рьяных сторонников исламской республики был профессор Принстонского университета Р. Фолк. В серии статей, опубликованных на страницах ведущих американских журналов по вопросам внешней политики, он призывал администрацию отказаться от «контрреволюционного постоянства» и сосредоточить усилия не на противодействии режиму исламской республики, а на максимальном использовании в своих интересах антисоветских настроений и предрассудков части представителей иранского политико-религиозного руководства. «Исламская республика, если она не желает быть чрезмерно уязвимой перед лицом своего северного соседа,— утверждал Р. Фолк,— так или иначе вынуждена будет продолжать курс на тесное сотрудничество с Западом»¹⁴⁵.

Подводя итоги, можно констатировать, что на всем протяжении своего развития революционный процесс в Иране испытывал на себе сильное воздействие факторов внешнеполитического порядка. Используя весь арсенал находившихся в их распоряжении средств и методов, США пытались активно вли-

ять на развитие ситуации и «канализировать» ее в благоприятное для себя русло.

Принципиальная позиция СССР явилась существенным фактором внешнеполитической поддержки иранской революции, нейтрализации направленных на ее срыв происков сил империализма и реакции.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО М. БАЗАРГАНА

Возникновение различных центров власти

Вооруженное восстание в Тегеране нарушило планы духовенства, стремившегося договориться с генералитетом и, оперевшись на армию, установить теократическую диктатуру. Армия, деморализованная в ходе восстания, уже не могла служить для него опорой. К тому же в ситуации, при которой огромное количество оружия (до 300 тыс. единиц¹ при численности всей шахской армии около 400 тыс. человек²) попало в руки народа, она перестала быть единственной вооруженной силой в стране. Попытка духовенства разоружить народ оказалась тщетной. Отказались сдать оружие подпольные организации федаев и моджахедов. Значительная часть оружия осталась в руках сторонников духовенства из числа мелкой буржуазии и городских низов. Лишь небольшая часть захваченного восставшими оружия была сдана в «комитет имама» и мечети.

Духовенство не могло использовать армию и для подавления левых и революционно-демократических сил, ибо это вызвало бы ее конфронтацию со всем вооруженным народом. Духовенство обязано было считаться с этим. Поэтому ему удалось использовать оставшиеся боеспособными армейские части только против развернувшихся после падения монархии национальных движений.

Важнейшим результатом восстания 9—12 февраля явилось возникновение на непродолжительное время обстановки, когда в стране перестал действовать аппарат насилия. В условиях сложившейся де-факто своеобразной демократии власть оказалась распыленной между различными группами, представлявшими разные классы, внутриклассовые фракции и социальные слои.

Еще до падения монархии, в январе—феврале 1979 г., в стране стихийно начали возникать органы самоуправления — различные комитеты, группы добровольцев, советы служащих в учреждениях, рабочие советы на предприятиях. Они выполняли весьма разнообразные функции. Члены комитетов участвовали в организации митингов и демонстраций, охраняли колонны демонстрантов и следили за порядком в них, регулировали уличное движение во время демонстраций. Группы доброволь-

цев несли охрану кварталов, следили за тем, чтобы лавочники выполняли указания духовенства о прекращении торговли в знак протеста против действий шахских властей, пресекали попытки некоторых торговцев вздуть цены путем искусственного создания дефицита. В учреждениях и на предприятиях действовали советы служащих и рабочие советы. После победы восстания к этим органам прибавились «революционные трибуналы».

Сразу же после свержения монархии все эти многочисленные комитеты, группы добровольцев, советы образовали довольно стройную систему низовых органов власти. В ней особо выделились и стали играть ведущую роль «революционные комитеты», отряды стражей исламской революции (пасдаров) и «революционные трибуналы», члены которых в ходе восстания завладели большим количеством оружия. Сохранили и упрочили свои позиции советы служащих в учреждениях и рабочие советы на предприятиях.

Наряду с низовыми органами власти в стране существовали: Исламский революционный совет (ИРС), с инициативой создания которого Хомейни выступил еще в Париже 13 января; Временное революционное правительство (ВРП), сформированное М. Базарганом буквально в течение нескольких дней после победы восстания; Центральный комитет исламской революции, созданный высшим духовенством в ответ на возникновение низовых «революционных комитетов»; Верховный революционный трибунал во главе с аятоллой Хальхали; «Комитет Хомейни», составленный из близких к Хомейни религиозных деятелей.

Состав «революционных комитетов» и отрядов пасдаров был весьма пестрым, но ядро их составляли представители мелкой буржуазии и деклассированные элементы, в ходе антимонархического движения слепо следовавшие за религиозными авторитетами. В «революционные трибуналы» входило большое число мулл, поскольку, по мнению мелкобуржуазных масс, именно духовенству должны принадлежать функции отправления правосудия.

Ввиду того что муниципальные органы развалились, а полиция самоустранилась от дел, «революционные комитеты» и отряды пасдаров взяли на себя некоторые их функции: охрану городов от грабителей и бандитствующих элементов, подавление остатков промонархических сил, патрулирование улиц и охрану важнейших учреждений, таких, как вокзалы, аэропорты, почта, телефон и телеграф, радиостанции и телецентры. Помимо этого они занимались вопросами снабжения городов продуктами и распределения их среди жителей кварталов (вводя явочным порядком нормирование продуктов и топлива), регулирования уличного движения, организации уборки улиц от мусора и т. д.

Но главную свою задачу комитеты и пасдары видели в том,

чтобы вылавливать, арестовывать и передавать в «революционные трибуналы» лиц, сотрудничавших с шахским режимом. Под эту категорию попадали саваковцы и армейские чины, повинные в расстрелах демонстраций, высшие служащие шахского государственного аппарата, крупные промышленники, представители интеллигенции, в том числе преподаватели и профессора, а также лица свободных профессий, лояльно относившиеся к монархии. Таким образом, эти низовые органы, опираясь на силу оружия, осуществляли мелкобуржуазную диктатуру, граничившую с террором, по отношению к тем, кого они по собственному разумению считали «врагами иранского народа».

В стране стихийно сложилось своеобразное многовластие. Созданные «снизу» «революционные комитеты», отряды стражей исламской революции и «революционные трибуналы» выражали главным образом интересы мелкобуржуазных слоев; ИРС, Центральный комитет исламской революции, Верховный трибунал и «Комитет Хомейни» — интересы верхушки духовенства; Временное правительство — интересы буржуазии; рабочие советы — интересы пролетариата; советы служащих — интересы служилой части средних слоев. Такое деление, разумеется, до некоторой степени условно, поскольку, во-первых, сила и влияние разных органов власти были неодинаковы, а во-вторых, потому, что между ними существовали сложные отношения: сотрудничая по одним вопросам, они находились в состоянии противоборства по другим.

Возникновение после падения монархии разноликой совокупности органов власти и развернувшаяся между различными социально-классовыми группировками борьба никак не соответствовали концепции Хомейни об исламском образе правления и его идиллическим представлениям об исламском обществе, в котором «вся нация — начальники и подчиненные, сотрудники учреждений и торговцы, религиозные деятели и студенты, работодатели и рабочие — все будут братьями и равноправными. Совершенно очевидно, что между ними будут господствовать искренность и братство, не будет существовать конфликтов по поводу постов, рангов, богатства и т. п.; имущество всех и каждого будет чистосердечно предоставлено в распоряжение всех и каждого»³.

Стараясь всячески сгладить острые противоречия, удержать относительное единство, существовавшее в дни борьбы против монархии, Хомейни и близкие к нему религиозные деятели основные усилия сосредоточили на институционализации исламского образа правления. И первым шагом в этом направлении должен был стать референдум по вопросу об учреждении исламской республики.

Одновременно исламские деятели, вошедшие в высшие правящие органы, стремились трансформировать многочисленные центры власти, подчинить их себе, превратить их в орудие борьбы за достижение безраздельного господства духовенства.

Создание духовенством Корпуса стражей исламской революции как инструмента борьбы за безраздельное политическое господство

Сразу же после падения монархии между многочисленными центрами власти, представлявшими различные социально-классовые слои и группы, возникли соперничество и явное или скрытое притивоборство. «Революционные комитеты», «революционные трибуналы» и отряды пасдаров не подчинялись Временному правительству, игнорировали его распоряжения и, более того, сами вмешивались в его деятельность. Временное правительство оказалось правительством без власти, ибо оно не обладало реальным механизмом проведения в жизнь своих решений. Но такого аппарата не имели и исламские лидеры. В решении повседневных вопросов они вынуждены были действовать через низовые органы власти, которые выполняли распоряжения созданных духовенством высших органов (ИРС, Центрального комитета исламской революции, «Комитета Хомейни» и т. п.) лишь в том случае, если считали их приемлемыми. Например, прямое указание Хомейни сдать все захваченное оружие низшие органы власти игнорировали.

В этих условиях особую значимость в борьбе за политическое лидерство приобретал вопрос о том, на чьей стороне создастся перевес в вооруженной силе или, иными словами, кто сумеет подчинить себе вооруженные отряды, находящиеся в распоряжении низовых органов власти. Члены правительства М. Базаргана (И. Язди, М. Чамран, С. Готбзаде, А. Банисадр) в конце февраля 1979 г. предприняли попытки создать собственные вооруженные отряды из числа своих приверженцев. Однако эти попытки особого успеха не имели. Одновременно они стремились установить контакты с антиклерикально настроенными военными, пытаясь опереться на сохранившие боеспособность остатки армии, так как сознавали, что подчинить себе вооруженные формирования низовых органов, открыто игнорировавших буржуазное по своей сущности Временное правительство, им вряд ли удастся.

У исламских лидеров, которые в антишахском движении выступали как выразители чаяний мелкой буржуазии и заслужили тем самым ее доверие, было больше шансов на то, чтобы прибрать к рукам низовые органы власти и опереться на их вооруженные силы, хотя и у духовенства были определенные трудности, проистекавшие из характера и образа действий этих во многом стихийно возникших органов. Не имея иной политической опоры, духовенство часто бывало вынуждено соглашаться с ними и их действиями. По мнению французского журналиста Э. Руло, снисходительность Хомейни к «революционным комитетам» и пасдарам, которые на первых порах нередко игнорировали его указания, «можно объяснить лишь его стрем-

лением не выпускать из рук рычаги управления, какими бы несовершенными они ни были, до окончательного решения вопроса о власти»⁴. То же самое следует сказать и о начавшей формироваться после февраля 1979 г. системе «революционных трибуналов». В начале марта 1979 г. премьер-министр Базарган заявил, что комитеты, пасдары и «революционные трибуналы» «не подчиняются не только правительству, но даже самому имаму Хомейни»⁵.

Вышедшая на политическую арену после революции политически разноликая мелкобуржуазная среда с ее революционным энтузиазмом и склонностью к практическим действиям, в которых преобладали демократические тенденции, вызывала серьезное беспокойство у шиитских лидеров. Деятельность разрозненных отрядов пасдаров, леворадикальных боевых дружин и «революционных комитетов» свидетельствовала о возрастающем стремлении городской мелкой буржуазии к самоорганизации, упрочению ее позиций на политической арене, приобщению к решению вопросов о будущем государственном устройстве страны, а также тенденции к завоеванию политического лидерства.

Стремясь перехватить революционную инициативу мелкобуржуазных масс, лишить пасдаров и «революционные комитеты» самостоятельности, духовенство сделало ставку на деклассированные слои (наиболее фанатичные в религиозном отношении) и их представителей в этих органах власти. Духовенство старалось создать у них иллюзию, будто они обладают всей полнотой революционной власти. Оно дало им право на ношение оружия (тогда как левые силы подлежали полному разоружению) и применение его против врагов «исламской революции». Им усиленно внушалась мысль о том, что они наделены полной политической свободой. В объединении люмпен-пролетарских слоев в военно-политическую организацию, руководимую и направляемую мечетями, и в использовании ее в качестве орудия в борьбе со своими политическими противниками духовенство увидело единственно возможный путь для мобилизации мелкобуржуазных масс, с тем чтобы, опираясь на них, захватить и удержать власть в своих руках, а затем осуществить политические мероприятия, направленные на создание в Иране исламской республики.

Такой организацией стал Корпус стражей исламской революции (КСИР).

Решение об объединении пасдаров и вооруженных отрядов «революционных комитетов» в КСИР было объявлено 24 февраля 1979 г. на совместном заседании представителей ИРС, Временного революционного правительства и представителей 14 исламских «революционных комитетов» Тегерана. Контроль над мероприятиями по созданию Корпуса Хомейни возложил на члена своей личной канцелярии ходжат оль-эслама Лахути. Аналогичные функции выполнял и И. Язди, являвшийся

заместителем премьер-министра М. Базаргана по делам революции.

Стремление духовенства к монополизации власти и обозначившиеся на этой почве сразу же после февраля 1979 г. противоречия между религиозной и светской властью способствовали тому, что входившие в ИРС религиозные радикальные деятели — сторонники «курса имама» (аятоллы Бехешти, ходжат оль-эслам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани и др.), добивавшиеся монополизации власти в руках духовенства, предприняли решительные шаги для того, чтобы подчинить КСИР своему контролю и сделать его независимым от Временного правительства. Более того, они рассчитывали использовать пасдаров как инструмент давления на правительство, а при необходимости и на армию, в первую очередь на те части, которые могли бы поднять мятеж против исламского режима.

Армейская верхушка, формально перешедшая на сторону духовенства, настороженно встретила решение о создании КСИР. Стремясь разрядить обстановку, представители ИРС заверили военных в том, что КСИР не будет вмешиваться в дела армии, поскольку у них разные задачи: армия будет выполнять функции по защите государственных границ и территориальной целостности страны, а КСИР — «стойко и бдительно защищать исламскую революцию от происков ее врагов». Тем не менее руководители пасдаров относились к регулярной армии весьма холодно. Один из первых командующих КСИР, Форутан, в феврале 1979 г. заявил: «До установления исламской республики мы не должны в этой сложной обстановке оставлять армии все ее прежние возможности и привилегии»⁶.

Опора духовенства на КСИР и обусловленные этим особое положение и роль пасдаров в иранском обществе определили специфику взаимоотношений между регулярной армией и Корпусом в последующие годы.

Одновременно с созданием КСИР и его расширением духовенство начало осуществлять меры для подчинения своему влиянию низовых органов власти — «революционных комитетов» и «революционных трибуналов» — и ликвидации тех из них, в которых было велико влияние левых сил. Такие органы власти объявлялись «неисламскими» и подлежали роспуску. В официальной прессе была развернута кампания за проведение чистки «революционных комитетов» от контрреволюционных элементов, под которыми понимались как монархисты, так и члены левых организаций и группировок.

В начале марта 1979 г. Хомейни поручил одному из членов своего религиозного окружения, аятолле Махдави-Кяни, возглавить чистку в «революционных комитетах» Тегерана и подчинить их строгой «исламской» дисциплине. Махдави-Кяни был назначен председателем Центрального комитета исламской революции, в задачи которого входили контроль за выполнением всеми государственными органами, в том числе правительствен-

ным аппаратом, указов Хомейни, установление взаимодействия с начавшей создаваться под руководством аятоллы Хальхали в феврале 1979 г. системой исламских органов правосудия, призванных заменить «революционные трибуналы», а также с органами охраны порядка. Все «исламские» «революционные комитеты» были обязаны подчиняться представителям духовенства, назначавшимся Центральным комитетом исламской революции.

В соответствии с указом Хомейни Центральный комитет разработал и 7 марта 1979 г. обнародовал «Устав временных революционных комитетов», в котором говорилось, что «цель создания этих комитетов заключается в сохранении порядка и обеспечении безопасности страны, а также в оказании поддержки законному правительству (Базаргана.— *Ред.*) в осуществлении задач революции под руководством имама Хомейни»¹. Устав определил структуру «революционных комитетов», в основе которой лежало их подчинение местному духовенству и мечетям. Тем не менее на местах продолжалось неподчинение центральной власти. Главная причина состояла в том, что «революционные комитеты» продолжали сохранять в себе элементы народовластия, а те из них, в которых было сильно влияние левых, в своей деятельности выходили из-под контроля мулл. В подчинении «революционных комитетов» Корпусу стражей исламской революции и передаче ему части их функций (главным образом по охране и поддержанию порядка) духовенство увидело возможный путь для установления контроля над «революционными комитетами» и укрепления своей власти на местах. Оно намеревалось провести чистку в «революционных комитетах» и осуществить централизацию их руководства под эгидой КСИР.

Однако решение этих задач во многом осложнялось развернувшейся в самом КСИР с момента его создания фракционной борьбой. Уже в начале марта 1979 г. там образовались три независимых друг от друга и конфликтующих между собой центра управления.

Первый центр формально объединял под своим началом разрозненные отряды пасдаров и «революционных комитетов», находившихся под влиянием как левых организаций, так и некоторых «умеренных» религиозных деятелей, выражавших несогласие с хомейнистским принципом «веляйте факих»* (в их число входили, в частности, аятоллы Талегани, Шариатмадари, Гольпаегани, Табатабаи-Куми, Хои). Деятельность этого центра вызвала сильную тревогу у Хомейни и встречала противодействие сторонников «курса имама» в высшем командовании КСИР. В марте 1979 г. сторонники «курса имама», чтобы оказать давление на аятоллу Талегани, арестовали его сыновей, примыкавших к леворадикальным организациям. Сам Та-

* См. главу VIII.

легани в знак протеста покинул Тегеран. Это вызвало недовольство левых группировок и их сторонников среди пасдаров и в «революционных комитетах». Хомейни был вынужден пойти на примирение с Талегани. Он велел освободить его сыновей, а самого аятоллу убедил вернуться в столицу. В то же время он решительно выступил против пасдаров и «революционных комитетов», поддерживавших Талегани. Имам потребовал очистить их от «недостойных людей» и вместо них подобрать лиц, преданных исламу. «Курс правительства,— подчеркнул он,— должен быть направлен на разоружение (левых организаций.— *Ред.*), чтобы нигде в Иране больше не существовало коммунистов и группировок под названием „хальк“ (имелись в виду организации моджахедов и федаев, в названии которых было слово «хальк»—«народ». — *Ред.*) и фракций, которые вредят исламу»⁸.

Второй центр (возглавлявшийся членами правительства Базаргана — И. Язди, М. Чамраном, Абу-Шарифом, А. Дуздузани и др.) руководил деятельностью отрядов пасдаров, контролировавшихся буржуазно-либеральными силами. Между его руководителями шла борьба за лидерство, при этом все противоборствующие стороны стремились заручиться поддержкой имама. Играя на их разногласиях, Хомейни постепенно укреплял свой контроль над подчиненными этому центру отрядами пасдаров.

Третьим самостоятельным центром командования в КСИР, сформировавшимся в противовес двум другим, была группировка Бехешти—Хашеми-Рафсанджани (оба этих религиозных деятеля входили в ИРС, Бехешти в конце 1979 г. стал председателем ИРС), стремившихся одержать верх над правительством Базаргана в борьбе за власть и крайне враждебно относившихся к левым силам. Не доверяя полностью пасдарам и еще больше «революционным комитетам», эти шиитские деятели в феврале 1979 г. тайно приступили к созданию вооруженных банд из религиозных фанатиков — представителей городских низов, толлабов, студенчества, примыкавшего к исламским политическим организациям экстремистского толка. Эти банды в совокупности получили название «Хезболла», т. е. «Партия Аллаха» (см. главу XI и примеч. 3 на с. 495).

В апреле 1979 г. группировка Бехешти—Хашеми-Рафсанджани с одобрения Хомейни начала создавать Партию исламской республики (ПИР), рассчитывая с ее помощью укрепить свое влияние в стране, прежде всего среди религиозно настроенных мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских слоев. Не афишируя связей ПИР с «Хезболла», высшее шиитское духовенство тем не менее всегда оказывало последней поддержку и направляло ее действия. В сентябре 1981 г. Хомейни заявил: «Я не знал и не знаю всех членов партии, но тех лиц, которые создавали ее, я знаю хорошо. Я возвысил господ Хаменеи, Хашеми (Хашеми-Рафсанджани.— *Ред.*), Бехешти»⁹. Этими же ре-

лигиозными деятелями осенью 1979 г. из фанатичных представителей студенчества, разночинной интеллигенции, толлабов была создана полулегальная экстремистская организация «Студенты-мусульмане — последователи курса имама», которая сыграла весьма существенную роль в укреплении власти духовенства.

В борьбе различных политических сил за влияние в КСИР и контроль над ним Хомейни занимал особое место. Обладая политической проницательностью, имам, опиравшийся на свой собственный осведомительный орган — личную канцелярию, своевременно изолировал тех исламских лидеров, которые, постепенно концентрируя в своих руках власть, представляли потенциальную угрозу для сохранения внутренней стабильности и, следовательно, для создававшегося им режима. Выступая внешне беспристрастным арбитром в возникавших политических конфликтах между Временным правительством и его религиозными противниками, Хомейни, как правило, всегда оказывал скрытую поддержку радикальным сторонникам исламской республики (группировке Бехешти — Хашеми-Рафсанджани).

С конца февраля 1979 г. эта группировка при поддержке имама втайне от Временного революционного правительства и даже некоторых членов ИРС начала осуществлять конкретные мероприятия по формированию КСИР.

Содействие в формировании этих отрядов по договоренности с окружением Хомейни оказали инструкторы из некоторых шиитских экстремистских группировок, действовавших в арабских странах (ливанской «Амаль», иракских «Ад-Дава» и «Аль-Муджахид»). Их командирами ИРС стал назначать сторонников «курса имама», близких к Хомейни по эмиграции. В состав высшего командования пасдаров вошли исламский публицист и социолог Дж. Фарси, бывший чиновник министерства просвещения А. Дуздузани, армейский офицер Ю. Колахдуз, бывшие студенты Абу-Шариф, Форутан, представитель тегеранских университетских кругов М. Чамран, а также некоторые духовные лица — ходжат оль-эсламы Хашеми-Рафсанджани, М. Монтазери (сын аятоллы Монтазери), Мусави-Хозниха, Карруби и др.

Для того чтобы ликвидировать разногласия между руководителями каждого из трех центров КСИР, а также споры между ИРС и ВРП по поводу контроля над КСИР, в конце апреля 1979 г. была достигнута договоренность о создании Высшего командного совета КСИР, в который вошли представители каждого из центров и члены ИРС. Кроме того, был создан Координационный совет КСИР в составе представителя ИРС, представителя ВРП и командующего Корпусом. Общее руководство Корпусом возлагалось на ИРС; ему подчинялся Координационный совет КСИР, который, в свою очередь, контролировал Высший командный совет Корпуса. Последнему подчинялись все

провинциальные командные советы и командиры оперативных подразделений пасдаров. Координационный совет был «высшим консультативным и принимающим решения» органом КСИР, отвечающим также за взаимодействие между пасдарами и другими государственными организациями, в том числе регулярной армией¹⁰.

Хотя в уставе КСИР было записано, что Корпус подчиняется «основателю Исламской Республики Иран», на самом деле система управления силами пасдаров оказалась многоступенчатой: Хомейни — Исламский революционный совет — Координационный совет — Высший командный совет. Эта сложная структура возникла как результат компромисса между религиозными деятелями (в лице ИРС) и буржуазными силами (в лице ВРП). Это не отвечало желаниям Хомейни, добивавшегося концентрации руководства отрядами КСИР в своих собственных руках. Кроме того, среди членов ВКС не было единства: фракционизм и борьба за лидерство в КСИР продолжались.

1 мая 1979 г. членами экстремистской группировки был убит председатель ИРС аятолла Мотаххари. На следующий день Хомейни, заявив, что «исламской революции» угрожает опасность, распустил Координационный совет. Вместо Высшего командного совета Корпуса был создан Центральный штаб, в который уже не вошли представители Временного революционного правительства. Формально сохранив свою подчиненность ИРС, Центральный штаб (ЦШ) КСИР стал подчиняться непосредственно имаму.

Официально создание Корпуса стражей исламской революции было провозглашено 6 мая 1979 г. Целями его были названы «защита исламской революции в Иране и содействие ее распространению в мире на основе подлинно исламской идеологии»¹¹. В задачи КСИР входили поддержание порядка, борьба с контрреволюцией, взаимодействие с армией, содействие органам исламской власти. КСИР комплектовался на основе строгих «исламских» принципов, т. е. из фанатичных представителей городских низов по рекомендации мулл. Такой социальный состав пасдаров был нужен духовенству для использования их против выступлений азербайджанцев, курдов, туркмен, белуджей и других национальных меньшинств. Отряды КСИР были сформированы в 29 городах. Они активно применялись для разгрома левых организаций и подавления движения курдов за национальную автономию (август 1979 г.). Хомейни дал высокую оценку деятельности КСИР. На встрече с командованием КСИР 20 августа 1979 г. он заявил: «Я доволен Корпусом и никоим образом не изменю о нем моего мнения. Если бы не было Корпуса, то не было бы страны. Я очень люблю Корпус и дорожу им...»¹².

Весной 1979 г. был принят временный устав КСИР, весной 1982 г. меджлис утвердил постоянный устав Корпуса.

Численный состав КСИР быстро рос: в мае 1979 г. тегеранский отряд пасдаров насчитывал 6 тыс. человек, в апреле 1980 г. в КСИР было 40 тыс., а к началу войны с Ираком (сентябрь 1980 г.) — около 60 тыс. человек. Расходы на КСИР составили около 12 млрд. риалов по бюджету 1979/80 г., 27 млрд. в 1980/81 г. и 35,4 млрд. в 1981/82 г., т. е. 10% общих расходов страны на вооруженные силы, не считая значительных дополнительных субсидий от различных религиозных организаций.

Чтобы установить свой безраздельный контроль над КСИР, Хомейни использовал комплекс методов, которые он постоянно совершенствовал в последующие годы: частые перестановки в руководстве пасдаров, периодические чистки в самом КСИР, создание в нем института своих личных представителей, интенсивная идеологическая обработка пасдаров на основе ислама.

Хомейни придавал КСИР большое значение как инструменту укрепления личной власти и резко пресекал попытки отдельных функционеров усилить свое влияние в Корпусе. С 1979 до сентября 1980 г. аятолла сменил семь командующих КСИР (Дж. Фарси, Абу-Шариф, аятолла Лахути, ходжат оль-эслам А. Хаменеи, А. Дуздузани, Мортаза Резайи, Мохсен Резайи). Всех бывших руководителей КСИР Хомейни перевел на должности, не связанные с деятельностью Корпуса: Дж. Фарси стал эмиссаром имама по пропаганде идей исламской революции за рубежом и функционером Штаба исламской культурной революции, А. Дуздузани был назначен министром пропаганды в кабинете М. А. Раджаи, руководителем пятничных намазов в Реште стал Лахути, послом в Пакистане — Абу-Шариф.

В конце 1979 г. в целях подчинения регулярной армии контролю духовенства Хомейни начинает осуществлять идею создания иррегулярных вооруженных формирований. В ноябре он заявил о необходимости создания «двадцатимиллионной армии иранского народа» для отражения агрессии США в связи с захватом американского посольства в Тегеране: «В исламском государстве все должны быть военными и проходить военное обучение»¹³. В декабре под руководством КСИР началось создание ополчения («армия обездоленных») под лозунгом национального сплочения в условиях внутри- и внешнеполитической нестабильности. Эта акция была объявлена важной составной частью «курса имама» по ликвидации зависимости «от Запада и Востока», для достижения полной победы исламской революции в Иране и экспорта ее во все страны мира. Существенно, что упор при этом делался на растворение регулярных вооруженных сил (армии, КСИР, жандармерии) в «армии обездоленных» и на партизанские методы ведения войны при опоре на «собственные силы».

Практические мероприятия по созданию ополчения духовенство поручило КСИР, что способствовало укреплению и рас-

ширению его полномочий, а следовательно, еще большему усилению его роли при решении военно-полицейских и административно-судебных задач. Постепенно узурпируя полномочия армии, жандармерии и полиции в области внутренней безопасности и все чаще вмешиваясь в их дела под предлогом предотвращения «контрреволюционной деятельности», КСИР стал вооружаться и оснащаться за счет армии и получил привилегии в подборе для себя кадров, в том числе и из армии. Как в последующем было записано в конституции, КСИР существует «для того, чтобы охранять революцию и ее завоевания», и Корпус должен функционировать в контакте с другими вооруженными формированиями на основе «братского сотрудничества и координации действий». Иначе говоря, КСИР приравнен в правах с «другими вооруженными силами»¹⁴. Более того, в преамбуле к конституции Корпусу вменяется в обязанность «осуществление религиозной миссии, т. е. джихада, во имя бога и борьбы за распространение сферы господства закона божьего в мире». По словам Хомейни, «стражи революции являются продолжателями дела имама Хусейна. Это — армия ислама». Джихад был объявлен «солдатской службой мусульман», а шехадат (мученическая смерть за веру) — высшим смыслом жизни.

Внутриполитические мероприятия правительства М. Базаргана

в условиях сосуществования с другими центрами власти

Когда аятолла Хомейни 5 февраля 1979 г. провозгласил Мехди Базаргана главой Временного революционного правительства, которое еще предстояло сформировать, эта весть была встречена на тегеранских улицах бурным ликованием. Вокруг школы «Алави», в актовом зале которой должно было состояться представление нового премьер-министра, собралось так много народу, что журналисты, приглашенные на эту церемонию, смогли выбраться за пределы квартала только по крышам, то и дело спускаясь во дворы и перелезая через заборы. Демонстрации в поддержку М. Базаргана начались сразу же, хотя Хомейни призвал провести их лишь на следующий день.

Такой энтузиазм можно было расценить как признак огромной популярности М. Базаргана и его убеждений, и, если судить по дальнейшим событиям, единомышленники нового премьера именно так и восприняли эти проявления радости. Но дело обстояло несколько иначе: Базарган «светил» и отраженным светом, ибо на него падала часть лучей славы аятоллы, возвратившегося после долгого изгнания на родину.

Впрочем, Базарган не был случайной фигурой. За ним стояло Движение за свободу Ирана, он обладал значительным влиянием среди антишахской оппозиции (в частности, в кру-

гах крупной буржуазии базара), был хорошо известен в стране, придерживался умеренных взглядов, уже вступил в контакт с генералами, был давним другом Ш. Бахтияра. Видимо, Хомейни учитывал, что армия и Ш. Бахтияр могут скорее согласиться отдать власть именно такому человеку, чем, например, мало кому известным А. Банисадру или И. Язди.

У нового премьера отсутствовало представление об ограниченности задач, возлагавшихся на ВРП исламскими силами, и о сущности исламской республики, к созданию которой стремился Хомейни. Чрезвычайная запутанность обстановки мешала Базаргану и его коллегам по кабинету (да и не только им) разглядеть, что свержение династии Пехлеви — это не «их» революция.

Оппозиционность либерально-буржуазных деятелей, подобных Базаргану, не простиралась при шахе далее призывов к ограничению диктаторских методов правления и к восстановлению конституционных норм. Тегеранское восстание, приведшее к падению монархии, застало либералов врасплох; в определенном смысле в массовом политическом подъеме они усмотрели разгул анархии, угрожавшей социально-экономическим устоям буржуазного государства, покушаться на которые М. Базарган и его единомышленники отнюдь не собирались. Их интересам противоречили и укрепление органов народной власти (к чему призывало большинство левых организаций с прицелом на перерастание этих органов в революционно-демократическую государственную надстройку), и возможность создания новой диктатуры, диктатуры богословов, способной, так же как это было при шахе, растоптать буржуазную демократию.

Явно переоценив собственные силы и свой авторитет в массах, буржуазные либералы попытались направить усилия Временного правительства на противодействие двум тенденциям: революционно-демократической и реакционно-теократической («анархической» и «диктаторской» в их понимании). Эти деятели далеко не сразу поняли всю двусмысленность своего положения: консерваторов — в атмосфере воинствующего радикализма масс и одновременно — орудия в руках сторонников теократии, действовавших в отношении либералов с макиавеллиевским расчетом. Вместе с тем они сознавали ограниченность целей формируемого кабинета, его переходный характер.

Базарган не ставил перед собой задачи осуществить кардинальные социально-экономические преобразования, тем более что сложившаяся при шахе хозяйственная система и структура общественных отношений в целом устраивали либералов. Поэтому его программа была ограниченной и чисто политической. Выступая 9 февраля 1979 г. на митинге на территории Тегеранского университета, М. Базарган изложил эту программу, составленную в виде перечисления поэтапных мероприятий: переход власти в руки Временного правительства; нормализация обстановки и восстановление порядка; возрождение админист-

ративных и хозяйственных органов; выборы в Учредительное собрание и проведение референдума для утверждения новой конституции*; выборы меджлиса; отставка Временного правительства и передача власти президенту и новому кабинету¹⁵.

Задача правительства Базаргана сводилась к обеспечению плавного перехода к законно выбранным государственным органам — и только. Программа свидетельствовала о нежелании каких-либо перемен и перестроек: речь шла о «нормализации», «восстановлении», «возрождении» прежних административно-экономических структур, а не о революционной ломке их.

12 февраля 1979 г. М. Базарган сделал первые практические шаги в роли главы исполнительной власти. Он объявил своими заместителями И. Язди (по «революционным делам») и Х. Саббагияна (по «переходу власти»). Заведующим канцелярией премьер-министра был назначен А. Амир-Энтезам, начальником генерального штаба — дивизионный генерал Валиолла Гарани, а временно исполняющим обязанности начальника жандармерии — корпусной генерал Ахмад Али Мохатгеги¹⁶.

Еще через два дня в правительстве появились первые министры: Карим Санджаби — иностранных дел, Ахмад Садр Хадж Сейед Джавади — внутренних дел, Дариуш Форухар — труда и социальных дел, Казем Сами — здравоохранения и благосостояния, Мостафа Катираи — жилищного хозяйства и городского строительства, Юсеф Тахери-Казвини — транспорта и перевозок, Асадолла Мобашери — юстиции, Али Акбар Моинфар — государственный министр по делам Планово-бюджетной организации, Насер Салехху — руководитель комитета по связи с прессой¹⁷. 19 февраля было объявлено о пополнении кабинета. Министром национальной обороны стал вице-адмирал Ахмед Мадани, экономики и финансов — Али Ардалан, энергетики и водных ресурсов — Аббас Тадж, сельского хозяйства — Али Мохаммед Изади, торговли — Реза Садр. Ядолла Сахаби получил пост государственного министра по «революционным проектам». Начальником полиции был назначен полковник Насер Моджаллали, действия которого контролировались только что созданным Офицерским советом полиции¹⁸.

В состав кабинета вошли руководители различных политических партий и групп либеральной буржуазии. Санджаби, например, был лидером Национального фронта, Хадж Сейед Джавади — политической группы «Джомбеш» («Движение»), Форухар — шовинистической партии «Меллят» («Нация»), Сами — политической группы ДЖАМА («Революционное движение иранских мусульман»). Сам Базарган и Сахаби представляли Движение за свободу Ирана.

подавляющее большинство этих деятелей имело значительный опыт политической работы, в том числе в правительствах прежних лет или в руководстве оппозиционных партий. Многие связывали давние отношения личной дружбы. Всех их

* Специально этот вопрос рассматривается в главе VIII.

объединяла платформа отстаивания демократических прав и гражданских свобод в сочетании с консерватизмом в социально-экономической области.

Первый пункт программы Базаргана — переход власти к его правительству — формально осуществился после тегеранского восстания 9—12 февраля 1979 г., однако власть эта во многом оказалась иллюзорной. Во-первых, работники учреждений и ведомств, активно участвовавшие в антишахском забастовочном движении, продолжали «по инерции» чувствовать себя вершителями политических судеб если не всей страны, то по меньшей мере своих министерств и департаментов. Работа в них, по существу, прекратилась, созданные во время забастовок или сразу после падения шахского режима всевозможные выборные советы и комитеты занимались дискуссиями по поводу политических событий и перспектив, формировали и совершенствовали собственную структуру, выявляли и изгоняли монархистов. Возобновлять будничную работу служащие не торопились. Во-вторых, неясными оставались такие важные вопросы, как государственное устройство послешахского Ирана и судьба прежних административно-хозяйственных структур, органов законодательной, исполнительной и судебной власти. От Временного правительства ждали главного — организации и проведения референдума по вопросу о провозглашении республики, формирования новых органов власти, а не конкретных управленческих мероприятий. В-третьих, новый кабинет не мог опереться на реальную силу: полиция и жандармерия фактически перестали существовать, их оттеснили в сторону вооруженные отряды молодежи, разделенной на множество политических и религиозных групп. 400-тысячная армия, от которой дезертирство оставило едва ли четверть состава, следовала провозглашенному ранее нейтралитету. Органы власти в провинциях распались.

По этим причинам и второй пункт программы (нормализация обстановки и восстановление порядка) был не более чем благим пожеланием премьер-министра. Различные политические силы вкладывали в понятие «нормализация обстановки» противоположный смысл. Левые организации звали к вооружению населения и созданию «народной армии», к формированию выборных народных советов, к полной перестройке аппарата политической власти. Выдвигались ими и антикапиталистические лозунги. Силы, объединявшиеся вокруг аятоллы Хомейни, также рассчитывали на поддержание политического подъема и революционного энтузиазма, но совсем в иных целях. Используя религиозные чувства верующих, особенно «традиционных» городских слоев, пауперов и люмпенов, они стремились накалить их энтузиазм исламскими лозунгами и направить его против своих политических противников — сторонников социализма, демократии и прогресса, а затем и буржуазно-либеральных оппонентов теократической диктатуры. Таким об-

разом, призывы Базаргана и других министров к прекращению внутривластной борьбы и восстановлению спокойствия оставались гласом вопиющего в пустыне.

Острейшее противоборство бывших партнеров по антишахскому движению усугублялось отсутствием единства как в лагере левых сил, так и среди реакционеров. Революционных групп, претендовавших на выражение пролетарских классовых интересов, было более 30 (по данным исламской печати, их число превышало 200¹⁹). Некоторые из них опирались на сравнительно широкую поддержку и обладали обученными вооруженными отрядами. Вместе левые организации могли бы составить внушительную силу, однако этого не произошло по многим — как объективным, так и субъективным — причинам. Не наблюдалось единства и у поднявшихся на гребне волны антишахского движения «революционных» религиозных деятелей.

В этой неспокойной обстановке создание либерального правительства отвечало далеко идущим планам сторонников Хомейни. Номинально управлявший страной кабинет очень удобно было изображать виновником продолжавшейся политической анархии и экономических неурядиц: не набравшему силу хомейнистскому крылу шиитского духовенства рано было возлагать на себя бремя ответственности за страну. Ему пока было выгоднее по-прежнему, как при шахе, выступать с критикой правительства и завоевывать этим все большие симпатии населения к «борющемуся духовенству» как к «поборнику интересов обездоленных». Кроме того, существование правительства, состоявшего из представителей буржуазных партий, на время обеспечивало клерикальным силам относительную поддержку или по крайней мере нейтралитет со стороны национальной буржуазии, обладавшей такими мощными рычагами воздействия на умы и настроения иранцев, как либеральная печать и выступления известных еще со времен Мосаддыка политиков. Это был сознательный компромисс, и сторонники Хомейни пошли на него ради того, чтобы получить передышку и подготовить административный и карательный аппарат теократической власти.

Религиозно-политическая группировка, сложившаяся вокруг такого харизматического лидера, каким для миллионов верующих иранцев стал аятолла Хомейни, быстро осознала свои силы и возможности. Она опиралась на чрезвычайно многочисленные слои, которые предпочитали следовать за «революционными» призывами мятежного аятоллы, выступавшего с весьма привлекательными для них лозунгами простого отрицания, а не за платформами других политических партий и групп, предусматривавшими какие-то созидательные усилия. Это были слои, ожидавшие от свержения шаха немедленного улучшения условий жизни: маргинальные элементы, городской полупролетариат и предпролетариат, мельчайшие предприниматели и торговцы. Обладая колоссальным авторитетом религиозного ли-

дери и вождя «исламской революции», Хомейни получил в свое распоряжение мощнейшее оружие — толпу, охваченную революционным порывом в причудливом сочетании с религиозным психозом. Демагогические лозунги аятоллы могли мгновенно бросить против его политических противников десятки тысяч людей, подогреваемых и направляемых юродствующими фанатиками.

Однако в первые недели после свержения шаха сторонники Хомейни обращались к этому оружию редко. С завидной предусмотрительностью они рассудили, что подобную армию можно выводить на улицы не каждый день и для решения текущих проблем она неприменима. Они также понимали, что энтузиазм толпы может угаснуть еще быстрее, чем он разгорелся: его могут расхолодить, в частности, продолжающиеся экономические тяготы и нехватки. Более того, толпа способна обратиться против недавних вождей, если решит, что те не выполнили свои обещания.

Останавливала клерикалов и неясная в целом расстановка политических сил. Буржуазно-либеральные и буржуазно-демократические партии держали себя как сила влиятельная, имеющая за плечами богатый политический опыт и знающая, что именно надо Ирану на предстоящем этапе. Левые организации, столь активно участвовавшие в антишахской борьбе, были в известной степени загадочным противником для исламистов. Неясны оставались их численность, способность к консолидации и координации действий, глубина проникновения в массы, характер связей с ними. Эти факторы было трудно оценить из-за того, что левые организации лишь недавно вышли из подполья.

В этих условиях хомейнисты избрали следующую стратегию. Во-первых, они приступили к созданию собственной политической организации, с тем чтобы опереться на нее в борьбе за завоевание и удержание монопольной власти. Во-вторых, сохранили тактику использования толпы как оружия и в связи с этим приступили к увеличению числа банд погромщиков, игравших роль «запала» массовых выступлений, и к вооружению масс тщательно подобранным набором простых демагогических лозунгов, т. е. к созданию некоей массовой погромной «идеологии». В-третьих, для выяснения собственных потенций и возможностей политических противников решили провести несколько «проб сил». Результаты не замедлили сказаться.

Успех хомейнистов был обеспечен тем, что они смогли опереться на наиболее активные в социально-политическом отношении слои иранского общества. При недостаточности организованности и сплоченности рабочего класса, полной инертности крестьянства, удовлетворенного в принципе аграрными реформами «белой революции» 60-х годов, бессилии буржуазии в обстановке экономического хаоса на стороне левых организаций и буржуазных либералов остались лишь представители новых

средних слоев города — часть интеллигенции и студенчество. Огромные же мелкобуржуазные массы и городские низы шли за духовенством. Реальная власть уже в силу этого обстоятельства принадлежала окружению Хомейни, и последующие меры сторонников аятоллы только способствовали ее укреплению.

В таких условиях деятельность буржуазно-либерального правительства и интересы реальных носителей власти не совпадали. Поэтому период с 12 февраля по 5 ноября 1979 г., в течение которого существовал кабинет М. Базаргана, был фактически временем непрерывного правительственного кризиса. Открытых проявлений этого кризиса было более чем достаточно, и чаще всего вспышки начинались с энергичных протестов М. Базаргана и его коллег по поводу «вмешательства некомпетентных лиц» и «давления» на кабинет. В этом отношении типичным было выступление Базаргана по радио и телевидению 28 февраля 1979 г.²⁰. Посетовав на то, что почти полностью уничтожены полиция и жандармерия, армия «наполовину разбежалась, а наполовину потеряла боевой вид», что меджлиса не существует и новые законы утверждать некому, премьер-министр сказал: за короткий срок деятельности нового правительства трудно ожидать, что «руины превратятся в райский сад», тем более что критика действий новой власти вместо конструктивных предложений зачастую «тормозит дело, ведет к параличу и даже разрушению страны». Правительству, заметил он, мешают два главных препятствия. Во-первых, многочисленные и не поддающиеся никакому учету и контролю комитеты, носящие самые разные названия, например «комитеты Хомейни», «революционные», «стачечные». Они играли свою роль в свержении режима, но теперь их действия двусмысленны: с одной стороны, они помогают охранять жилые районы и регулировать уличное движение, с другой — мешают работе правительства, осуществляют незаконные аресты, не допускают в учреждения назначенных руководителей, саботируют распоряжения властей и даже нападают на иностранные посольства; солдаты прогоняют командиров, назначенных генштабом. Во-вторых, экстремистские, «ультрареволюционные» группы, которые требуют немедленного и полного осуществления всех своих программ, создавая тем самым огромные трудности.

Полемизируя с некоторыми предложениями левых партий, глава правительства категорически отверг проекты введения народного самоуправления «снизу», так как, по его словам, подобная система снимает с руководителей ответственность перед вышестоящими органами, создает хаос и анархию. Базарган высказался также за сохранение вооруженных сил в их прежнем виде («Ведь на них затрачены миллиарды долларов!») и за прекращение всех забастовок. Он призвал к «миру, спокойствию и законности», без которых правительство не сможет выполнить свою программу и страна окажется в еще более критическом состоянии, чем до падения шахского строя.

Жалобы премьера и угрозы подать в отставку, если ему будут мешать, продолжались без перерыва до 7 марта, пока его не одернул из Кума переехавший туда Хомейни, который во всеуслышание заявил: «Вы слабы, господин. И пока вы слабы, вами будут помыкать сильные!» Умело используя настроения большинства иранцев, аятолла обвинил кабинет в медлительности и проведении политики «мелких шажков», в сохранении роскошных «по-шахски» убранных министерских кабинетов, в ориентации на «демократическую республику западного образца» вместо «независимой и руководствующейся богатыми исламскими канонами исламской республики»²¹. Это уже выглядело как проба сил: судя по всему, религиозный лидер сделал вывод, что либеральное правительство к данному моменту в достаточной степени проявило в глазах населения свою неспособность вести дела, и начал «разведку боем». Базарган в сопровождении семи членов кабинета спешно выехал в Кум, где после 2,5-часового совещания с Хомейни добился от него нового заявления — на сей раз о поддержке правительства²².

Однако идиллия единодушия, продемонстрированного премьером и Хомейни на крыше резиденции аятоллы в Куме в присутствии фоторепортеров и запрудивших улицы толп, была недолгой. Сторонники теократического правления не намеревались консультироваться с главой кабинета даже по самым важным вопросам, не говоря уже о «мелочах».

Вечером 14 марта Базарган вновь выступил по радио и телевидению, на этот раз с протестом по поводу деятельности закрытых исламских трибуналов, рассматривавших с поразительной быстротой дела шахских политиков и генералов. Хомейни опять пошел на уступку: специальным указом он отдал трибуналы под контроль Временного правительства... и Исламского революционного совета²³. Последнее лишало уступку всякого смысла: Базарган, по его собственным словам, узнал об очередном групповом расстреле только из газет. Жалобы на то, что «правительство находится под нажимом», Базарган повторял в каждом своем выступлении в течение всего срока пребывания на посту главы исполнительной власти.

В середине апреля кабинет со скандалом покинул министр иностранных дел К. Санджаби. Уходя в отставку, он указал на невозможность работы в условиях, когда «внутри правительства существуют другие правительства»²⁴. Особое негодование вызвала у него деятельность лиц вроде Шахрияра Рухани — этот недоучившийся в США студент был зятем близкого к Хомейни заместителя премьер-министра по «революционным делам» И. Язди и считался исполняющим обязанности главы иранской дипломатической миссии в Вашингтоне. Рухани и другие молодые «исламисты» не подчинялись никаким указаниям министра, выполняя инструкции Язди. Через голову Санджаби шли назначения и увольнения дипломатического пер-

сонала, секретная информация из посольств Ирана в других странах. Министерство иностранных дел не было исключением: подобная практика под вывеской «революционных дел» продолжалась повсюду. Нередко заместитель министра или начальник департамента, напрямую связанный с окружением Хомейни, пользовался гораздо большей властью, нежели номинальный глава министерства.

Санджаби заявил, что все его попытки сделать что-то практическое, например разорвать военный договор Ирана с США, наталкивались на сопротивление²⁵. Интересно, что Язди, став вначале исполняющим обязанности министра иностранных дел, а позже — министром, под давлением общественного мнения объявил о намерении аннулировать все ирано-американские соглашения только в октябре 1979 г.²⁶ Новый министр вплотную занялся чисткой аппарата МИД и созданием новой, «исламской» его структуры.

Жалобы премьера и других министров на «давление», «срыв усилий», «правительства в правительстве» и «многочисленные центры власти» имели под собой реальное основание. Аятолла Хомейни и его окружение вели настоящее стратегическое наступление, захватывая постепенно контроль над всей системой управления. В первую очередь этой цели служил учрежденный Хомейни институт «представителей имама». Происходило явное дублирование светской исполнительной власти: представители духовенства, назначаемые лично Хомейни после тщательного отбора, командировались в каждое министерство и ведомство, в воинские части, центры провинций и уездов. Эти священнослужители получали право накладывать вето на любую инициативу гражданских и военных властей и осуществлять неограниченный контроль над деятельностью вверенного им подразделения или участка, причем подчинялись они непосредственно «вождю исламской революции» — имаму. Дублирующая система была явно рассчитана на то, чтобы в перспективе составить конкуренцию гражданской власти, если в том возникнет нужда. Кроме того, назначение «представителей имама» было составной частью мер Хомейни по созданию стройной и послушной ему системы духовной иерархии, несвойственной мусульманской традиции.

Сеть представителей имама дополнялась другой сетью — имамов-джом'э, которые становились, согласно замыслу Хомейни, назначаемыми духовными «чиновниками», т. е. звеньями иерархической цепи. Если «представители» имама осуществляли надзор над деятельностью органов исполнительной власти в центре и на местах, то имамы-джом'э составляли основу религиозных идеологических кадров, что, естественно, подрывало традиционный авторитет «независимых» и не считающихся ни с каким «вождем» моджахедов, великих аятолл, «источников подражания». Вооруженную силу этой иерархии, на вершину которой выдвигался Хомейни, составили формирования КСИР.

Иерархическую пирамиду, которую постепенно выстраивал Хомейни, некоторые деятели из его окружения попытались дополнить, учредив упоминавшуюся выше Партию исламской республики²⁷. Однако эта акция была осуществлена, по всей видимости, помимо Хомейни, который не раз объявлял, что выступает вообще против всех групп и партий и считает, что «все должны стать единой партией»²⁸.

Воззрениям аятоллы больше отвечали идеи других лиц из его круга, например Хади Гаффари и Фахреддина Хеджази, которые ратовали за провозглашение «Партией Аллаха» («Хезболла») тех толп погромщиков, которые они организовывали и направляли. Термин прижился, и с течением времени все иранцы стали именоваться «меллияте хезболла» («нация партии Аллаха») или «оммате хезболла» («община партии Аллаха»). Тем не менее «партия» фанатиков-погромщиков и ПИР развивались параллельно, превращаясь в изрядную политическую силу, на которую сторонники теократии могли опереться.

В мае между ВРП и исламскими силами обострились разногласия по вопросу об органах правосудия. Министерство юстиции разработало проект закона о всеобщей амнистии, рассматривая его как часть программы по нормализации жизни в стране. Либеральные деятели видели в этой мере возможность положить конец групповым казням, осуществлявшимся с первых чисел апреля практически ежедневно. Большинство расстрелов наиболее известных деятелей старого режима, чьи фотографии до и после казни заполнили первые полосы газет, руководил исламский судья Садек Хальхали, не занимавший никакой официальной должности, но то и дело появлявшийся рядом с Хомейни. Именно он провозгласил «разрешение на убийство» шаха, его семьи и некоторых видных монархических политиков²⁹ и выступил с программой дальнейшего истребления политических противников «исламской революции»³⁰.

Вопрос о том, что массовые казни придают только что провозглашенной республике одиозный облик, поднимался перед Хомейни не только Базарганом, но и председателем Исламского революционного совета аятоллой Махмудом Талегани. Когда Талегани обрисовал лидеру страны возможные последствия произвола трибуналов Хальхали и некоторых «революционных комитетов», Хомейни вынес решение: последние будут действовать и впредь, хотя и подвергнутся чистке³¹. Кроважадные публичные высказывания Хальхали стали новым поводом для дискуссий в кумской резиденции имама. Переговоры Хомейни с членами Временного правительства и Исламского революционного совета продолжались 22 мая более шести часов³², но ни к чему положительному эта встреча не привела, и уже 28 мая Базарган возобновил в выступлениях по радио и телевидению жалобы на наличие «многочисленных центров власти». На следующий день ему пришлось вновь посетить Кум по вызову Хомейни³³.

Между тем события развивались не совсем так, как было предусмотрено программой ВРП, и даже не так, как было объявлено Хомейни при назначении Базаргана премьер-министром. 30—31 марта состоялся референдум о будущем государственном устройстве Ирана, 1 апреля 1979 г. была провозглашена исламская республика. Факт проведения референдума до принятия конституции вызвал резкую критику со стороны буквально всех участников распавшейся антишахской коалиции. Видные религиозные деятели, и без того озабоченные неуклонным ростом единоличной власти одного из них — Хомейни, указывали на то, что нельзя предлагать участникам референдума выбор лишь между монархией и неясной по содержанию исламской республикой³⁴. Базарган требовал пригласить иностранных наблюдателей³⁵. Даже в окружении Хомейни не было единства мнений: такой близкий к нему человек, как Мохаммед Мофаттех, утверждал, что иранцы «смогут голосовать за любую республику»³⁶, хотя представитель правительства Насер Миначи комментировал его слова так: «Это его личное мнение»³⁷. Все решил сам Хомейни, заявивший, что будет голосовать за исламскую республику³⁸.

Это была еще одна серьезная «разведка боем», предпринятая поборниками теократической диктатуры. Значительная часть левых организаций: партизаны-федан, Национально-демократический фронт, леворадикальные группы — бойкотировала референдум. Насторожило многих и поведение духовенства во время голосования: оно оказывало на участников референдума самый откровенный и грубый нажим, апеллируя к их долгу верующих мусульман. Налицо были и привычные для шахского Ирана махинации с бюллетенями (число их превысило количество зарегистрированных избирателей) и т. д.

Правительственный кризис между тем продолжался. Ушел из правительства министр юстиции А. Мобашери³⁹, и премьер-министр осуществил в кабинете перестановку: министром юстиции стал А. С. Хадж Сейед Джавади, а министром внутренних дел — Х. Саббагиян. Это произошло в обстановке широко распространившихся слухов о скорой отставке всего правительства как следствии критики со стороны близких к Хомейни духовных лиц⁴⁰. Базарган был вынужден опять отправиться в Кум. После четырехчасовых переговоров с Хомейни он вернулся в столицу с вестью: «Полномочия правительства в принятии решений усиливаются»⁴¹. Что конкретно надо было понимать под этой формулой, так и осталось неизвестно.

Не прошло и двух недель, как в отставку подал министр национальной обороны Таги Рияхи (А. Мадани перед этим стал командующим ВМС и генерал-губернатором Ахваза), недовольный тем, что начальник комендантской службы Тегерана генерал Азизолла Амир-Рахими, бравлируя поддержкой со стороны аятоллы Хомейни, отказывался выполнять приказы командования⁴². Премьер-министр не принял отставки Рияхи,

министр внутренних дел Саббагиян заявил, что Амир-Рахими уволен в отставку, но бессилие правительства было продемонстрировано всему Ирану еще раз: Амир-Рахими не только пренебрег этим решением, но даже устроил для журналистов пресс-конференцию и парад верных ему подразделений военной полиции в тегеранском гарнизоне Хешматие. В параде приняли участие отряды «чернорубашечников» — религиозных фанатиков-погромщиков, экипированных на деньги воротил базара. Это было одно из первых ударных формирований уже упоминавшейся «Партии Аллаха»⁴³.

К тому времени несоответствие политики ВРП замыслам обладателей реальной власти стало разительным, однако Хомейни и его окружение не чувствовали себя достаточно подготовленными к тому, чтобы возложить на себя ответственность за страну: готовились выборы в Совет экспертов, обстановка накалялась пропагандистскими выступлениями левых организаций, на национальных окраинах начались волнения, грозившие перерасти в гражданскую войну. Экономика по-прежнему находилась в кризисном состоянии. Поэтому религиозно-политическое руководство решило пойти на новый компромисс с либералами. 17 июля 1979 г. в Куме начались переговоры правительства с Хомейни, Талегани и членами ИРС. Обсуждались на них и частные вопросы, например поведение генерала Амир-Рахими, и крупные проблемы, в частности выступление курдов, требовавших национальной автономии⁴⁴.

По окончании переговоров Базарган заявил представителям иранских газет, что одиннадцать членов его кабинета «уже несколько недель» требовали отставки. Они протестовали против произвола революционных комитетов и стражей исламской революции, а также против неповиновения, которое оказывалось чиновникам, назначенным правительством. Объявляя о том, что конфликт можно считать исчерпанным, премьер-министр сообщил о «слиянии Временного правительства и Исламского революционного совета»; о передаче в ведение кабинета министров «революционных трибуналов», «революционных комитетов» и КСИР⁴⁵. «Слияние», о котором говорил Базарган, свелось к включению в состав правительства пяти членов ИРС: М. Бахонар стал заместителем министра просвещения, А. Хашеми-Рафсанджани и М. Махдави-Кяни — заместителями министра внутренних дел, А. Хаменеи — заместителем министра национальной обороны, А. Банисадр — заместителем министра финансов⁴⁶. Одновременно пять членов правительства: Форухар, Катирай, Миначи, Саббагиян и официальный представитель кабинета Садек Табатабаи — были кооптированы в состав ИРС⁴⁷.

После введения в правительство двух видных представителей духовенства на посты заместителей министра внутренних дел Хомейни усилил наступательные действия. Он начал с того, что провозгласил противоречащими исламу все забастовки, демонстрации протеста и вообще всякие попытки «ослабления

правительства»⁴⁸. Одной из первых мер этого периода стало запрещение газеты «Аяндеган», а следом за ней — еще десяти газет и журналов буржуазно-демократического направления⁴⁹. Взявшись за наведение порядка, хомейнисты заменили генерального прокурора исламской революции (эта должность была введена исламистами параллельно должности генерального прокурора, прокуроры стали дублироваться на всех уровнях: провинции, города, района и пр.). Вместо Хадави им стал аятолла Коддуси. Одновременно были заменены начальники 17 тегеранских полицейских участков⁵⁰.

Успеху исламистов способствовал и раскол среди левых сил: демонстрации и митинги в Тегеранском университете 12 августа 1979 г. вылились в жестокие столкновения различных студенческих группировок. Раненые исчислялись сотнями⁵¹. Городская молодежь, сыгравшая главную роль в свержении монархии, была разобщена в идейно-политическом отношении.

Неотложного решения требовали проблемы национальных окраин, и Хомейни, почувствовав силу, велел подавить автономистское движение курдов. Высказывания аятоллы, опубликованные 18 августа, имели программный характер. «Мы ошиблись, не поступая по-революционному, — заявил Хомейни. — Я приеду в Тегеран и буду действовать в революционном духе»⁵². В курдские районы для усмирения повстанцев были брошены регулярные войска и контингент стражей исламской революции. Кровавый судья Садек Хальхали организовал там расправу над населением⁵³.

Решение о немедленном разоружении «безответственных организаций»⁵⁴ (имелись в виду ОПФИН и ОМИН), арест имущества бежавшего за границу лидера Национально-демократического фронта Хедаятоллы Матин-Дафтари⁵⁵ и активизация чистки министерств и ведомств от «несогласных с исламской революцией»⁵⁶ — все это были признаки нового натиска сторонников теократической диктатуры. Усилилась и критика Временного правительства, на которую Базарган был вынужден отвечать заявлениями в духе высказываний Хомейни: «Мы действуем по-революционному», «Мое правительство революционно»⁵⁷. Все чаще премьер-министр стал прибегать к посредничеству духовного лидера, которого он настоятельно звал переехать из Кума в Тегеран⁵⁸. Со своей стороны, аятолла оказывал поддержку кабинету Базаргана на словах и даже в виде указов. Так, он распорядился, чтобы стражи исламской революции, члены «революционных комитетов» и «революционных трибуналов» не вмешивались в дела правительства и не меняли лиц, назначенных министрами⁵⁹. (О более ранних указах, связанных с полной передачей «революционных» органов в ведение правительства, Хомейни предпочел не вспоминать.) Примечательно, что некоторые религиозные деятели из окружения аятоллы приняли указы имама за чистую монету. В знак

протеста против «давления» правительства ушел со своего поста, например, прокурор исламской революции Тегерана Азери-Куми⁶⁰.

Внутри ВРП также назревали перемены. Религиозные круги начали травлю руководителя Иранской национальной нефтяной компании Хасана Назиха, обвиняя его в «выполнении воли империализма». Зять Хомейни ходжат оль-эслам Эшраки даже заявил, что Назих не пользуется доверием имама. На это руководитель нефтяной компании ответил: «Я не уйду, несмотря на протесты исламских групп»⁶¹. Со второй попытки вышел в отставку министр обороны Рияхи, и Базарган принял решение предпринять новую перестройку кабинета.

Предложенные им изменения вызвали недовольство членов ИРС. Хаменеи и Хашеми-Рафсанджани заявили, что доводы Базаргана и новый состав правительства «неудовлетворительны»⁶². Однако в конце концов Исламский революционный совет все же одобрил перемены в кабинете министров, хотя и с небольшими поправками. Пост министра труда и социальных дел занял Абдолали Аспахбоди, национальной обороны — Мостафа Чамран, культуры и высшего образования — Хасан Хабиби. Государственными министрами стали: Ядолла Сахаби (по «исследованиям и науке»), Хасан Баниасади (по исполнительным вопросам), Эззатолла Сахаби (по делам Планово-бюджетной организации), Дариуш Форухар (при министерствах культуры, науки и труда). Было создано министерство нефти, которое возглавил Мохаммед Моинфар. Заместителем министра просвещения был назначен Мохаммед Али Раджаи⁶³.

Секрет нового компромисса между членами ИРС и либеральными министрами отчасти раскрыл И. Язди, который объявил, что через два месяца в Иране будет новое правительство⁶⁴. Таким образом, сторонники введения религиозной диктатуры рассматривали правительство Базаргана как изжившее себя, выполнившее переходные функции и стоявшее на пороге ликвидации. Позиции сторонников теократии укрепил и тот факт, что либеральные и буржуазно-демократические силы лишились своего главного оплота в Исламском революционном совете: 9 сентября 1979 г. скоропостижно скончался председатель ИРС, чрезвычайно популярный в Тегеране аятолла М. Талегани, который не раз поднимал голос протеста против самовольных действий стражей исламской революции⁶⁵.

Некоторое представление о том, каким хотели видеть Иран сторонники неограниченной теократии, дают выступления в печати сына Хомейни — Ахмеда. Он заявил, что страной должен править «совет» (фигурирующий в Коране. — *Ред.*), и добавил: «Мы не пойдем в кабалу ни к президенту, ни к премьер-министру»⁶⁶.

Дни ВРП были сочтены, и операция по его устранению не заняла и месяца. 3 ноября в газетах появилось воззвание Хомейни к студентам и учащимся средних школ, в котором он

сформулировал основные лозунги широкой антиамериканской кампании и призвал иранскую молодежь к «мощной атаке против интересов Америки и Израиля»⁶⁷. Это было идейное оправдание последующих практических шагов, того, что позже Хомейни назвал «второй исламской революцией».

4 ноября были нанесены два удара. В соответствии с призывом Хомейни группа молодежи, именовавшая себя «студентами-мусульманами — последователями курса имама», захватила штурмом посольство США в Тегеране, и несколько десятков его американских сотрудников остались на положении заложников. Вокруг посольства образовался своеобразный центр антиамериканской пропагандистской кампании⁶⁸. Одновременно Центральный комитет Партии исламской республики обратился через печать с запросом к правительству: на каком основании иранская делегация, находившаяся в эти дни в Алжире, встречалась и вела переговоры с советником президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским?⁶⁹.

На следующий день тегеранские газеты постарались придать инциденту с захватом посольства характер общенационального выступления. Началась антиамериканская истерия, чему немало способствовала публикация нового выступления Хомейни, объявившего: «Все наши трудности — из-за Америки!»⁷⁰.

6 ноября Базарган, вернувшийся вместе с Чамраном и Язди из Алжира, вручил Хомейни заявление об отставке правительства, сопроводив этот шаг словами: «Спасение страны и плодотворное осуществление революции невозможны без единства слов и действий руководства»⁷¹. Это был слабозавуалированный упрек по адресу религиозного лидера, поддержка которого оказалась для правительства Базаргана пустыми словами. После этого никто из министров уже не появился на службе, их не попросили временно исполнять обязанности до формирования нового кабинета. Вся полнота власти оказалась в руках Исламского революционного совета, возглавлявшегося аятоллой Бехешти — лидером Партии исламской республики. Характерно, что либерально-буржуазное правительство было отстранено от власти под лозунгом избавления от «агентов американского империализма». Устранение либералов с политической сцены стало для духовенства шагом по пути к установлению теократической диктатуры.

Отныне единственным серьезным противником теократов остались разобщенные и ослабленные внутренними распрями левые силы.

Анализируя действия правительства М. Базаргана в течение недолгого периода его существования, нельзя не заметить, что оно предпринимало серьезные попытки к осуществлению преобразований в стране. Кабинет, в частности, выдвинул обширную, хотя и нереальную в тех условиях, программу ликвидации безработицы⁷², провел через ИРС закон о национализации банков⁷³, закон о местных советах самоуправления⁷⁴, о реформе

судебных органов⁷⁵. Была национализирована собственность крупнейших предпринимателей (50 отдельных лиц и одной семьи) из числа бежавших за границу капиталистов⁷⁶. Министерство здравоохранения опубликовало проект введения бесплатного медицинского обслуживания⁷⁷.

Значительное внимание правительство уделяло попытке урегулировать конфликты на национальных окраинах. Уже 18 февраля 1979 г. в Курдистан была направлена правительственная делегация во главе с Д. Форухаром для переговоров с представителями движения за автономию⁷⁸. Правда, политика кабинета в этом плане не отличалась последовательностью. Мирные переговоры неожиданно сменялись карательными операциями по инициативе исламских сил, но при поддержке правительства. Движение за автономию стало в результате повстанческим, его поддерживали многие левые организации.

Со второй половины марта в Курдистане и районах, населенных туркменами, начали вспыхивать мятежи против «революционных комитетов», стражей исламской революции, представителей имама⁷⁹. Это заставило премьер-министра выступить с заявлением о том, что «предложения об автономии будут выдвигаться на всенародное обсуждение»⁸⁰. Но уже с середины июня в курдском городе Мариван возобновились ожесточенные бои, и правительство заявило, что «не отступит перед давлением»⁸¹.

Выступления против центральных властей вспыхивали в этот период и на юге страны, в Ахвазе и Хузестане. После новых боев с курдами возле Паве в конце августа 1979 г. Демократическая партия Иранского Курдистана была объявлена вне закона⁸², но в октябре исламисты были вынуждены санкционировать новый тур переговоров с повстанцами. 22 октября Хомейни одобрил доклад кабинета об итогах этих переговоров⁸³, и вскоре было объявлено о прекращении огня⁸⁴.

Начатое Временным правительством мирное обсуждение проблем автономии продолжалось и некоторое время после падения Базаргана, но, как показали последующие события, это была лишь передышка в военных действиях: хомейнисты собирали силы для окончательного подавления сторонников национального самоопределения и тех отрядов левых, которые поддерживали повстанцев.

История недолгой деятельности Временного правительства показала, что у политических представителей либеральной буржуазии не было массовой поддержки. Его взаимоотношения с крепнувшей исламской диктатурой позволяют вспомнить слова В. И. Ленина: «Давно известно, что реакционеры — смелые люди, а либералы — трусы»⁸⁵. После свержения шаха представители либеральной буржуазии, несмотря на политический опыт, стали невольным орудием в руках наиболее реакционных слоев духовенства, стремившегося к безраздельному господству.

Кризисные явления в иранской экономике, нараставшие в 1976/77—1977/78 гг., значительно усугубились в результате широкого забастовочного движения на всем протяжении 1978/79 г. и особенно в период пребывания у власти правительства Бахтияра. К моменту образования исламской республики страна находилась в состоянии экономического кризиса, близкого к разрухе.

ВВП (в ценах 1974/75 г.) к марту 1979 г. уменьшился по сравнению с предшествовавшим годом на 12,7%, составив 3198,5 млрд. риалов⁸⁶. В основе падения ВВП (на 475,7 млрд. риалов) лежало сокращение производства во всех отраслях экономики, кроме сельского хозяйства (оно оставалось практически на уровне 1977/78 г.). Решающим в падении ВВП было сокращение производства в нефтяной промышленности на 432,9 млрд. риалов⁸⁷.

Так как поступления от экспорта нефти составляют основу доходной части бюджета и валютных резервов страны, сокращение экспорта нефти особенно сильно повлияло на ухудшение экономического, в первую очередь валютно-финансового, положения страны. Оно явилось также причиной роста внешнеторгового дефицита, несмотря на то что импорт в 1978/79 г. был значительно уменьшен по сравнению с предыдущим годом (почти на 30%)⁸⁸. Сократились поставки для промышленности полуфабрикатов (с 559,3 млрд. риалов в 1977/78 г. до 382,1 млрд. в 1978/79 г.), оборудования (с 284,2 млрд. до 206,4 млрд. риалов). Тяжело отразилось на положении широких масс сокращение ввоза потребительских товаров — со 190,1 млрд. риалов до 140,7 млрд.⁸⁹. Импорт сахара упал с 449 тыс. до 247 тыс. т, мяса и мясопродуктов — со 111 тыс. до 93 тыс. т, зерновых — с 2681 тыс. до 2009 тыс. т⁹⁰.

Темпы инфляции накануне революции достигли 30%. Индекс оптовых цен только за 1977/78 г. поднялся на 32,1%, а стоимость жизни возросла на 62%⁹¹. Росту инфляции во многом способствовало увеличение денежной эмиссии, которая с 21 марта 1978 г. до 19 февраля 1979 г. возросла в 2,2 раза⁹².

Дефицит государственного бюджета накануне революции составлял 40%⁹³. Больших размеров достигла утечка капиталов за границу, отражением чего стало увеличение в платежном балансе страны оплат услуг, оказанных частному сектору из-за рубежа. Их сумма в 1978/79 г. составила 6,8 млрд. долл. по сравнению с 5 млрд. в 1977/78 г. Бегство за границу владельцев крупных компаний, банкиров, перевод капиталов из иранских банков за рубеж усугубляли расстройство экономической жизни страны. Большинство предприятий не работало, безработных насчитывалось 3,5 млн. при 9—10 млн. активного населения, на грани банкротства находилась банковская система.

Таким образом, придя к власти, новый режим получил в наследство практически разваленное хозяйство. Сколько-нибудь четкой программы по созданию экономики будущего общества лидеры режима Хомейни и Базарган не имели. В системе их взглядов на будущее исламское общество экономические аспекты были менее всего разработаны и носили теоретически-абстрактный характер.

В целом представления Хомейни об экономических аспектах жизни исламского государства до эмиграции не выходили за рамки эгалитаристских принципов раннего ислама. На формирование у него более конкретных представлений об экономической структуре общества, которое должно прийти на смену шахскому, значительное влияние оказали взгляды шиитского идеолога Мохаммеда Багира ас-Садра⁹⁴, с которым Хомейни, находясь в эмиграции в Ираке, установил тесные отношения. Согласно ас-Садру, в основе экономики исламского общества должны лежать следующие принципы: сохранение доходов на уровне потребностей, борьба против излишеств и сосредоточения богатства в руках немногих, регулирование цен, запрещение ростовщичества, проведение антиимпериалистических мероприятий, введение бесплатного образования и медицинского обслуживания⁹⁵. Это те же принципы, какие содержатся в мелкобуржуазных и либерально-буржуазных теориях «третьего пути», а также в концепциях сторонников «исламского пути» развития.

В самом Иране взгляды исламских идеологов на экономику будущего общества получили отражение в книге «Эктесаде тоухиди» («Тоухидная экономика»), написанной Абольхасаном Банисадром, экономическим советником Хомейни, будущим первым президентом Исламской Республики Иран. Взгляды А. Банисадра, изложенные в этой книге, подробно разбирались в советской литературе⁹⁶. Поэтому отметим здесь лишь главные положения его концепции, практически являвшейся официальной доктриной исламского режима не только и даже не столько в период пребывания Банисадра на посту президента, сколько в период деятельности М. Базаргана на посту главы правительства, с критикой экономической деятельности которого Банисадр постоянно выступал. Идеи «тоухидной экономики», положенные в основу экономических разделов принятой в конце 1979 г. конституции ИРИ, во многом повторяли концепции сторонников «исламского пути» развития в других странах Востока, взгляды ас-Садра, на работы которого Банисадр неоднократно ссылается.

В экономическом плане главный принцип ислама и исламской республики — тоухид (единство, божественная гармония) — основывается на органическом сочетании частной и общественной собственности; распределение по труду предполагается только на начальном этапе создания «тоухидной экономики»; в дальнейшем господствующим должен стать прин-

тип «от каждого по способности, каждому по благочестию».

Государство в исламском обществе должно, используя часть общественного богатства, противодействовать негативным действиям монополий, добиваться сбалансированного функционирования двух основных видов собственности — общественной (государственной и кооперативной) и частной. Главным инструментом регулирования распределения богатства в исламском обществе должна выступать налоговая политика, так как основой неравенства и эксплуатации является не сфера производства, а сфера обмена и потребления; эти неравенство и эксплуатация объясняются характером использования прибавочного продукта. Прибавочный продукт, или «действительный общественный избыток производства», представляет собой разницу между тем, что произведено, и тем, что потреблено человеком⁹⁷. Излишки должны быть переданы в распоряжение имама и под его контролем распределены в интересах всего общества. Условиями справедливого распределения помимо благочестия являются ограничение собственности на средства производства возможностями личного труда, а не капитала, и личное участие в создании любого вида дохода. Обрабатываемые земли должны быть переданы в общенародный фонд, а размер предоставляемого в пользование одной семье земельного участка должен соответствовать трудовой норме. Эти положения носят особенно ярко выраженный мелкобуржуазный характер.

Как и все мелкобуржуазные теории, концепция «тоухидной экономики» Банисадра выступает против экономического развития во имя экономического роста, против «чрезмерного» потребления и стремления к роскоши. Основная категория «тоухидной экономики» — это частная собственность, используемая на основе личного труда и приносящая «разумную» прибыль.

Большинство членов буржуазного по составу Временного революционного правительства не разделяло этих взглядов, особенно отношения к мелкой собственности как идеальной для исламской экономической системы. Ко времени прихода Временного правительства к власти теория «тоухидной экономики» не стала еще официальной концепцией правящего режима. Тем не менее влияние Банисадра, являвшегося членом Исламского революционного совета, на формирование экономических взглядов исламских лидеров было значительным и во многом определяло экономическую деятельность ИРС и Временного правительства.

Мехди Базарган, как и большинство членов его кабинета, был сторонником либерально-буржуазного варианта «исламского пути» развития. Буржуазные лидеры и светские исламисты, так же как и исламские идеологи «тоухидной экономики», выступали против засилья империализма в Иране и за создание в исламском обществе «смешанной экономики», представляющей собой такое сочетание государственного и частного сек-

торов, при котором первый будет оказывать преимущественную поддержку национальному предпринимательству, главным образом среднему и мелкому. Ислам при этом должен определять духовную сторону жизни общества, но, воздействуя на систему его потребностей, он будет оказывать влияние и на экономику.

Таким образом, взгляды Хомейни и Базаргана на экономику исламского общества, взятые на абстрактном уровне, в отрыве от условий надстроечного характера, обеспечивающих функционирование экономики, друг другу не противоречили, хотя Хомейни является ярко выраженным мелкобуржуазным идеологом, а Базарган — буржуазным.

В период антишахского движения ни Хомейни, ни Базарган не предложили сколько-нибудь четкой программы действий правительства в социально-экономической области. На вопрос, что должен представлять собой «исламский строй», М. Базарган в день своего назначения главой правительства смог лишь сказать, что «это очень хорошее устройство общества, а объяснять это долго»⁹⁸.

В своей практической деятельности правительство М. Базаргана ориентировалось на обеспечение условий для развития капитализма «вширь», что должно было отвечать интересам буржуазии в целом. Оно исходило из того, что основная задача правительства — это обеспечение функционирования сложившейся при шахе хозяйственной структуры, но без ярко выраженной «вестернизации», «демократическое» перераспределение доходов, но без проведения радикальных реформ.

Если Базарган до прихода к власти Временного правительства не выступал с конкретной программой экономической деятельности, то Банисадр еще 5 февраля 1979 г. заявил в Париже, что, поскольку иранская экономика основана исключительно на нефти и на импорте, первым решением, которое он принял бы завтра, если бы взял на себя ответственность за нее, была бы подлинная национализация иранской нефти, которая должна сопровождаться национализацией банков, системы кредита, аннулированием внешней задолженности⁹⁹. В интервью, которое Банисадр дал 13 февраля, т. е. на следующий день после победы вооруженного восстания, ливанскому еженедельнику «Аль-Кифах аль-Араби», он заявил, что новый режим начнет свою экономическую деятельность с национализации нефти, будет ликвидирована феодальная собственность в сельском хозяйстве, целями экономической политики станут достижение самообеспеченности Ирана основными продуктами питания, планирование, перестройка всей структуры народного хозяйства, изменение порядка расходования бюджетных средств, прежде всего за счет сокращения расходов на содержание госаппарата и армии.

Выработка и проведение конкретной экономической политики происходили в условиях борьбы за реальную власть меж-

ду Временным правительством и ИРС — фактическим теократическим правительством. ИРС не только контролировал деятельность кабинета Базаргана, но и зачастую дублировал его функции — через созданные в ходе революции и после нее «революционные комитеты». Однако официально все мероприятия осуществлялись от лица Временного правительства, что во многом объясняет кажущуюся непоследовательность экономического курса правительства Базаргана. В этой непоследовательности, как в фокусе, отразились противоречия не только между правительством и ИРС, но и внутри каждого из этих органов власти. Правительство Базаргана не ставило своей задачей выработку долговременного экономического курса, так как оно должно было управлять страной лишь до создания выборного правительства. Тем не менее представляется, что именно в период пребывания у власти правительства Базаргана были проведены экономические мероприятия, которые и по сей день являются самыми крупными и самыми радикальными за все время существования исламского режима. После ухода Базаргана ни одного сколько-нибудь значимого для экономического развития закона принято не было.

При всей противоречивости и непоследовательности экономического курса режима в тот период (включая внешнеэкономический аспект) можно вычленить его основные черты: ограничение позиций иностранного капитала, монополистического и крупного национального капитала, тесно связанного с шахской семьей, ликвидация шахской монополии, национализация банковской системы, широкое проведение мероприятий благотворительного характера в пользу беднейших слоев населения, установление духовенством контроля над производством. Сразу же после прихода к власти правительство в полном согласии с ИРС осуществило ряд внешнеполитических и внешнеэкономических актов, носивших антиимпериалистическую, главным образом антиамериканскую, направленность.

Как уже отмечалось, революция 1978—1979 гг. проходила не только под антишахскими, но и под антиимпериалистическими лозунгами. Этого не могли не учитывать пришедшие к власти религиозные деятели. Лозунг Хомейни «Долой империализм!» ассоциировался у большинства иранцев с Соединенными Штатами Америки, так как перед революцией американский империализм занимал наиболее сильные позиции (по сравнению с другими империалистическими странами) в экономике страны. Развитие базовых отраслей иранской экономики — нефтяной и нефтеперерабатывающей — зависело в основном от поставок американского оборудования. Из США Иран получал также почти 90% всей импортировавшейся пшеницы, 80% ячменя, 90% кукурузы, более 83% риса¹⁰⁰. Американские банки являлись главными хранителями иранских авуаров, а крупнейшие компании страны, включая банковские и торговые, были тесно связаны с американским капиталом.

После падения монархии было аннулировано соглашение с Международным нефтяным консорциумом, продажей нефти стала заниматься непосредственно ИННК. Временное правительство объявило об отказе Ирана продолжать сотрудничество с иностранными фирмами в сооружении большинства крупных объектов, а также выразило намерение пересмотреть вопрос о целесообразности участия иранского капитала в крупных зарубежных акционерных компаниях. А между тем Ирану принадлежало, например, 17,5% акций нефтеперерабатывающего завода в ЮАР, 15% акций нефтеперерабатывающих заводов в Индии, 50% акций нефтеперерабатывающего завода в Южной Корее, 50% акций компании по добыче нефти в Северном море, 30% акций компании по разведке нефти вблизи Гренландии, 25% акций (на 343 млн. долл.) сталелитейной компании «Крупп Хюттерверке А. Г.» (ФРГ), 40% двух филиалов этой компании в Бразилии, 25,02% акций «Дейч Бэбкок».

Антиимпериалистические мероприятия правительства объяснялись прежде всего необходимостью удовлетворить требования участников народного движения, а также стремлением подорвать экономические позиции элитарного слоя, теснейшим образом связанного с крупным международным капиталом, слоя, являвшегося практически единственным сторонником шахского варианта экономического развития.

ИРС поддержал принятые правительством меры против рабочих, захватывавших предприятия и передававших их под контроль рабочих комитетов. Уже 24 февраля правительство заявило, что в большинство крупных компаний, т. е. туда, где действовали наиболее радикально настроенные рабочие комитеты, направлены временные «попечители», которые будут отвечать за управление этими предприятиями.

В тот же день правительство объявило о конфискации собственности шаха и членов его семьи. То была одна из самых мощных монополистических групп в стране, располагавшая землями, акциями в банках, промышленных и торговых компаниях, отелями, спортивными сооружениями, школами и т. д. Однако конфискованная собственность была переведена под контроль не правительства и не какой-либо государственной организации, а духовенства. Для этого был создан специальный орган — Фонд обездоленных (первым руководителем его был аятолла Талегани), официальной целью деятельности которого было провозглашено оказание помощи семьям, пострадавшим от участия в революции. Являясь, по существу, новым видом собственности духовенства как корпоративного сословия (помимо традиционных форм вакфной собственности), Фонд значительно усилил его экономические позиции.

Конфискация шахского имущества не могла не вызвать тревогу у предпринимателей, опасавшихся национализации своей собственности. В связи с этим некоторые члены правительства выступили с заверениями, что предпринимателям нече-

то опасаться. 28 февраля министр экономики Ардалан заявил, что «пока вопрос о национализации банков не стоит». Но он не исключал проведения такой меры в дальнейшем — при другом, выборном, правительстве¹⁰¹.

Тем не менее банковские вклады, и без того уже значительно сократившиеся в предреволюционный период, еще более уменьшились. В этой обстановке управляющий Центральным банком Ирана Мохаммед Али Моулави заявил, что Иран будет уважать все прежние финансовые обязательства перед мировым финансовым рынком и что банки страны не будут национализированы ни теперь, ни в будущем, поскольку это противоречит принципам ислама. Открыто противился национализации директор-распорядитель ИННК Х. Назих, глава Национальной ассоциации адвокатов.

Вместе с тем Временное правительство приняло и некоторые меры для укрепления частного предпринимательства, надеясь с его помощью восстановить экономику. Так, в марте Центральный банк объявил о выделении 5 млрд. риалов для беспроцентного кредитования частного сектора. Одновременно управляющий банком заявил, что Иран «нуждается в иностранной технологии», и положительно высказался об иностранных инвестициях¹⁰².

Главное внимание правительство уделило возобновлению добычи и экспорта нефти как основного источника доходов государства, поскольку в феврале 1979 г. добыча нефти составила всего 758 барр. в день (в 1978 г. — 5,16 млн. барр. в день), а экспорт нефти в январе и феврале вообще был прекращен.

Первая экспортная операция была приурочена ко дню памяти Мосаддыка — 5 марта. По распоряжению Базаргана доход от продажи первой партии нефти (30 млн. долл.) был выделен на благоустройство быта рабочих-нефтяников. Однако, несмотря на все попытки ИННК увеличить экспорт нефти, ее добыча и продажа осуществлялись в очень незначительном объеме — как из-за конфликтов правления ИННК с рабочими комитетами, так и из-за потери старых каналов сбыта нефти вследствие ликвидации связей с Международным нефтяным консорциумом. Добыча и экспорт в марте составили соответственно 2,2 млн. и 1,4 млн. барр. в день, в апреле поднялись до 4,1 млн. и 3,3 млн. барр., после чего начали вновь снижаться.

Так как более 70% валюты, получаемой за нефть, расходовалось на импорт оборудования и полуфабрикатов для промышленных объектов, в том числе в рамках поставок для строящихся, правительство приняло решение расторгнуть контракты на строительство дорогостоящих объектов, список которых был приложен к первому бюджету ИРИ — на 1979/80 г. Это решение было принято после острой межведомственной борьбы¹⁰³ (впоследствии позиция режима по этому вопросу неоднократно менялась).

Отказ от строительства крупных объектов еще более увеличил безработицу, так как в промышленном строительстве до революции было занято около 0,5 млн. человек. Общее количество безработных превысило, по неофициальным данным, 3 млн., или почти треть активного населения страны.

Рост недовольства широких масс населения и боязнь дальнейшего его усиления побудили Хомейни провести в обход правительства ряд мер для улучшения положения «обездоленных»*. В их числе были указы (в духе экономических воззрений раннего ислама) о введении бесплатных коммунальных услуг, о запрещении продажи и потребления мороженого мяса, обеспечении «обездоленных» жильем. Реализация этих мероприятий вызывала противодействие Временного правительства — как из-за их экономической необоснованности, так и из-за того, что некоторые из них противоречили буржуазному принципу незыблемости частной собственности.

Попытка осуществления указов о введении бесплатного пользования водопроводом, электричеством и транспортом вызвала новый приток сельских жителей в Тегеран, обострила транспортную проблему, привела, в частности, к банкротству водопроводной и электрической компаний Кума. Из-за запрета на употребление и продажу мороженого мяса цены на мясо поднялись почти вдвое, что повлекло за собой повышение цен на другие продукты питания. 15 марта 1979 г. Базарган выступил по радио и телевидению с критикой «непродуманных, поспешных и единоличных распоряжений аятоллы»¹⁰⁴. Распоряжения о бесплатных коммунальных услугах были отменены, импорт мороженого мяса разрешен с условием соблюдения исламских традиций при забое скота.

Естественно, как глава правительства Базарган должен был снять с возглавлявшегося им кабинета ответственность за негативные последствия осуществления этих мер, публично отмежеваться от указов Хомейни. Но поскольку пострадали от

* Еще в период борьбы за свержение монархии шиитские богословы ввели в оборот два взятых из Корана термина: «обездоленный» и «высокомерный» («благоденствующий», «возвеличивающийся»), в персидском звучании — «мостазаф» (множ. число «мостазафин» или «мостазафан») и «мостакбер» (множ. число «мостакберин»). Они вложили в них глубокое содержание, оставив одновременно за собой право широкой их интерпретации. Тем самым была совершена принципиально важная акция, поскольку термины эти призваны заместить такие понятия, как «угнетенный» (или «угнетаемый») и «угнетатель». Придав им религиозно-социальный смысл, шиитские богословы создали себе возможность считать «обездоленными» не только бедных, малоимущих, эксплуатируемых мусульман, но и богачей, если они, исповедуя ислам и проживая в неисламской стране, являются объектами (по мнению шиитских богословов) той или иной дискриминации. Учитывая все изложенное выше, авторы данной монографии сочли необходимым, переводя на русский язык встречающиеся в документах и прессе на персидском языке указанные термины, избегать употребления слов «угнетенные» и «угнетатели». Вместе с тем следует иметь в виду, что, анализируя процессы, протекающие в неисламском мире, шиитские богословы используют эти термины для обозначения понятий «угнетенные» и «угнетатели». — *Ред.*

этих мероприятий главным образом компании и торговцы, занимавшиеся импортными операциями, критика действий имама отнюдь не способствовала укреплению авторитета Базаргана среди народных масс.

Вместе с тем правительство под нажимом усиливавшегося забастовочного движения приняло ряд мер, не противоречивших интересам буржуазии, но в наибольшей степени отвечавших интересам беднейших слоев населения. В их числе были создание Фонда безработных (март), запрещение увольнения рабочих (июль), изъятие у собственников в городах незастроенных участков для обеспечения жильем нуждающихся (май), увеличение зарплаты (вдвое) рабочим промышленных предприятий и низкооплачиваемым категориям служащих. Частные предприниматели должны были выплачивать зарплату рабочим даже в случае остановки производства. Впрочем, указы правительства об увеличении зарплаты лишь узаконили ситуацию, сложившуюся на всех крупнейших промышленных предприятиях, где зарплату рабочим выплачивали рабочие комитеты¹⁰⁵.

Основными результатами перечисленных выше мер явились поддержание искусственной занятости и ослабление крупного капиталистического предпринимательства (к категории крупных иранская статистика относит предприятия с числом занятых десять и более). Индекс производства на крупных промышленных предприятиях за апрель—июнь 1979 г. по сравнению с аналогичным периодом 1978 г. упал на 34,7 пункта; при этом индекс занятости увеличился на 1,9 пункта, а индекс заработной платы — на 110,3 пункта¹⁰⁶. В условиях падения производства и сокращения импорта потребительских товаров это неизбежно вело к еще большему росту инфляции, разбуханию «черного рынка».

Правительство предприняло попытку наладить промышленное производство путем организации на крупных частных предприятиях административных советов. Одновременно оно стало применять карательные меры для ликвидации забастовочного движения как одной из причин спада производства. Хомейни обязал формировавшийся в это время Корпус стражей исламской революции пресекать стачечное движение. Был издан закон о наказании лиц, «подстрекавших к забастовкам»¹⁰⁷.

Промышленное производство продолжало сокращаться. По сообщению Центрального банка Ирана, производство в металлообрабатывающей промышленности с марта по июнь 1979 г. уменьшилось на 40% по сравнению с аналогичным периодом предшествовавшего года. Загрузка производственных мощностей промышленности Ирана не превышала к середине 1979 г. 40%¹⁰⁸. 80% промышленных объектов страны испытывали трудности с финансированием, 56% — с организацией управления, 80% — с поставками сырья¹⁰⁹.

В условиях продолжавшегося развала промышленности и

банковской системы, роста безработицы и инфляции идея национализации, активно пропагандировавшаяся Банисадром, стала завоевывать все больше сторонников среди исламских лидеров. Национализация банковской системы позволяла режиму сосредоточить в своих руках финансовые рычаги власти, остановить утечку капиталов через систему частных банков. В итоге 7 июня 1979 г. Базарган под нажимом ИРС объявил о национализации частных банков, включая смешанные (с участием иностранного капитала).

Необходимость национализации банков обосновывалась исламскими принципами, запрещающими взимание процентов. Деятельность банков в той форме, в какой она осуществлялась в Иране — на основе норм капиталистического коммерческого права, была объявлена противоречащей нормам шариата. Закон предусматривал проведение национализации банков в привычной буржуазной манере — без конфискации вкладов, на основе выкупа. Национализация облегчалась тем, что банковская система в Иране была представлена сравнительно небольшим числом банков и относительно узким слоем крупных банковских предпринимателей, тесно связанных с государственным и иностранным капиталом и покинувших страну еще до прихода к власти нового режима. Перед революцией в стране действовало всего 37 банков, из них 10 были полностью государственными, а в 10 государство имело долевое участие. Иностранный капитал участвовал в 14 банках; кроме того, в Иране действовали 60 представительств иностранных банков¹¹⁰.

Вслед за банками были национализированы (27 июня) 10 частных страховых компаний — также с выкупом акций, в первую очередь у иностранных компаний.

С критикой проведенной национализации — путем выкупа вкладов и акций, а не путем экспроприации — выступили левые партии. Вызвала она недовольство и буржуазных либералов, включая некоторых членов правительства. Сам Базарган, прочитавший по телевидению текст закона о национализации банковской системы, ясно дал понять свое несогласие с ним.

Следующим значительным экономическим мероприятием режима стала национализация крупнейших промышленных предприятий. Несмотря на то, что большинство членов правительства отрицательно отнеслись к идее национализации крупной промышленности, 5 июля 1979 г. ИРС принял «Закон о защите и развитии промышленности», который предусматривал национализацию предприятий по выплавке металлов, производству и сборке судов, самолетов, автомобилей; предприятий, владельцы которых «незаконным путем» нажили свои капиталы (многие из них бежали за границу), а также предприятий, владельцы которых задолжали крупные суммы банкам. Промышленные предприятия, финансовое положение которых было устойчиво, остались в руках владельцев, если последние не боролись против нового режима. Было объявлено также, что

правительство будет им покровительствовать¹¹¹. По неофициальным оценкам, под действие закона попало около 75% промышленного потенциала страны¹¹².

В качестве приложения к закону был опубликован список предпринимателей, имущество которых подлежало конфискации. Он содержал 51 фамилию. В их числе были члены семей Ладжеварди, Хаями, Фарманфармаян, Хосровшахи, Резаи, Мохаммед Таги Бархордар, Абдольхамид Ахаван Кашани, Саид Хедаят, Тахир Зиаи, Мехди Немази. Это была группа банкиров и промышленников, сосредоточивших в своих руках вместе с шахским двором главные финансово-экономические рычаги власти. Конфискации подлежали принадлежавшие им торговые и промышленные предприятия, а также акции промышленных компаний и банков.

Таким образом, наличие крупной собственности в качестве повода к конфискации не объявлялось. Тем не менее результатом издания этого закона явилась фактическая ликвидация крупнейших в Иране собственников капитала — социального слоя, занимавшего высшее место в социальной пирамиде, которая сложилась при шахском режиме в 60—70-х годах. «Закон о защите и развитии промышленности» придал более радикальный характер и закону о национализации банков, так как предусматривал конфискацию вкладов и акций крупнейших банкиров и промышленников страны.

Стремясь успокоить многочисленный слой предпринимателей, главным образом торговых, Хомейни в день издания закона заявил в Куме, что режим вовсе не собирается национализировать всю экономику и что Иран является исламским государством, признающим частную собственность.

Несмотря на это, широкий размах проведенной национализации вызвал необоснованные надежды у одних и столь же необоснованные опасения у других относительно возможности перехода Ирана на некапиталистический путь развития. Только к концу 1979 г. «Нью-Йорк Таймс» смогла с облегчением отметить, что, «несмотря на национализацию банков, страховых компаний и 50 промышленных корпораций, есть признаки того, что революционное правительство не придерживается социалистического доктринерства»¹¹³.

Национализация привела к снижению деловой активности частных предпринимателей. Если в 1976/77 г. министерством промышленности было выдано 824 разрешения на строительство новых и расширение действующих предприятий, то в 1979/80 г. — всего 144 разрешения и лишь 25 предпринимателей заявили о начале деятельности¹¹⁴.

Правительству не удалось поднять промышленное производство и остановить рост безработицы. ВВП в 1979/80 г. сократился по сравнению с 1978/79 г. на 6,4% и составил 3070,5 млрд. риалов (в ценах 1974/75 г.). Наиболее значительным было сокращение производства в нефтяной промышленности —

до 82,6% уровня 1978/79 г., что составило 82,5% общего падения ВВП¹¹⁵. В декабре 1979 г. общий уровень промышленного производства оценивался в 80% от уровня 1977/78 г. Загрузка сталелитейных предприятий не превышала 10% их производственной мощности¹¹⁶.

В отличие от мероприятий в области промышленности и финансов аграрная политика режима практически не затронула сложившейся системы землевладения и землепользования. Хотя после революции отмечались случаи стихийного захвата крестьянами помещичьих земель¹¹⁷ и возник вопрос о проведении новой аграрной реформы, правительство Базаргана ограничилось конфискацией земель шаха, его семьи, а также помещиков, тесно связанных с монархией и бежавших за границу. Основным направлением аграрной политики правительства стало кредитование и регулирование цен. Было расширено кредитование мелких и средних крестьянских хозяйств, повышены закупочные цены на основные товарные культуры, что оказалось выгодным для товарных хозяйств, т. е. преимущественно для зажиточного крестьянства и капиталистических крупных хозяйств.

Чтобы воспрепятствовать стихийному захвату помещичьих земель, правительство предложило крестьянам свою программу помощи: в июне 1979 г. был создан еще один исламский фонд для работы на селе — «Созидательный джихад», влившийся впоследствии в государственную структуру власти на правах министерства. В его распоряжение поступили земли, ранее принадлежавшие шаху и бежавшим помещикам, а также собственность ряда национализированных дорожно-строительных компаний и промышленных объектов, расположенных в сельской местности. Основной социальной задачей «Созидательного джихада» стало формирование и укрепление органов исламской власти на селе — исламских советов, в обязанности которых входили проведение работ по благоустройству, распределение залежных земель, организация сельского здравоохранения, создание опытных хозяйств на землях, принадлежащих «Созидательному джихаду». При последующей конфискации на селе имущества врагов режима земельная собственность передавалась, как правило, в руки «Созидательного джихада».

Некоторый отток в 1979 г. в деревню из городов недавних мигрантов, частичное перераспределение земель, а главное — повышение закупочных цен стимулировали рост сельскохозяйственного производства. Посевные площади увеличились с 8509 тыс. га в 1978/79 г. до 9165 тыс. га в 1979/80 г., производство пшеницы возросло за этот же период с 3791 тыс. до 4570 тыс. т, ячменя — с 1133 тыс. до 1411 тыс. т, риса — с 741 тыс. до 919 тыс. т, сахарной свеклы — с 3554 тыс. до 3824 тыс. т¹¹⁸.

Однако увеличение сбора сельскохозяйственных культур, хотя и способствовало росту потребления сельского населения,

не оказало заметного влияния на решение продовольственной проблемы в стране в целом. Основным каналом поступления продовольствия для городского населения оставался импорт. От импортных поставок зависела и промышленность. В июле—сентябре 1979 г. зависимость иранской промышленности от импорта оценивалась Центральным банком Ирана в 72%, в том числе машиностроения и металлообработки — в 80%, фармацевтической — в 75, текстильной — в 71, пищевой — в 70, производства стройматериалов — в 57%. За счет импортных поставок обеспечивалось 80% потребностей в зерне и рисе, 78,5% — в растительном масле, 70% — в мясе¹¹⁹.

Во второй половине 1979 г. правительство фактически отошло от автаркического курса, провозглашенного сразу после революции. Летом и осенью 1979 г. оно направило делегации в страны Запада, чтобы снова наладить контакты и пригласить иностранных специалистов и фирмы для работы в Иране. Именно эта сторона деятельности правительства Базаргана послужила поводом для его отставки.

К тому времени входившие в правительство буржуазные либералы, выступавшие против авторитарного режима шаха и против преимущественного использования национальных богатств в интересах узкого круга капиталистических предпринимателей, связанных с ТНК, сумели лишить этот слой экономической базы, увеличив за его счет государственный сектор. Обеспечив политической власти сильный экономический базис, правительство, выступив вместе с духовенством против прогрессивных сил, помогло клерикалам значительно сузить демократическую базу этой власти. Экономические мероприятия правительства Базаргана, главным результатом которых стало, как уже было сказано, увеличение государственного сектора и создание исламских фондов, дали исламским лидерам возможность монопольно представлять интересы народа («обездоленных»), направить политику государства на укрепление исламского режима.

Тяжелое экономическое положение страны ставило Базаргана перед необходимостью принятия целой совокупности конкретных мер, которые при успешном использовании правительством возможностей частного сектора могли бы в относительно короткие сроки улучшить состояние экономики. Выработка этих мер должна была стать объектом рассмотрения на экономическом совещании, открывшемся 17 сентября 1979 г. Однако Банисадр навязал Базаргану и другим членам правительства — участникам совещания дискуссию по общим вопросам «тоухидной экономики». Дав вовлечь себя в эту дискуссию, Базарган подверг в своих выступлениях критике исламизацию экономической жизни страны, равно как и деятельность исламских органов управления. Этот его шаг был весьма болезненно воспринят в религиозных кругах, а Банисадр, воспользовавшийся этим, сумел обеспечить себе популярность.

Дальнейшее пребывание у власти правительства, выступавшего против сосредоточения власти в руках духовенства, становилось для последнего уже ненужным, тормозившим установление теократической диктатуры. Недаром отставка Базаргана, означавшая уход с политической арены либеральной буржуазии, была расценена Хомейни как «вторая исламская революция».

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Разработка и принятие конституции Исламской Республики Иран. Ее содержание

Вслед за провозглашением исламской республики встал вопрос о разработке конституции. Некоторые либеральные деятели предложили взять за основу конституцию 1906 г., исключив из нее все, что касается монархии, и дополнив положениями об исламской республике. Однако эта идея широкой поддержки не получила.

Вопрос о новой конституции активно обсуждался в органах печати и других средствах массовой информации. Большинство светских и часть религиозных политических деятелей выступали за то, чтобы в разработке и обсуждении текста конституции нового государства приняли участие представители всех основных социальных слоев, участвовавших в революции. В связи с этим как представители левых организаций и группировок, так и буржуазные либералы и некоторые видные духовные лица, выражавшие эгалитаристские взгляды городских низов и малоимущих слоев деревни, считали необходимым созыв Учредительного собрания, члены которого, избранные демократическим путем, без какой-либо дискриминации, были бы уполномочены выработать конституцию ИРИ¹.

Консервативно настроенное крыло духовенства требовало сосредоточения верховной власти в руках богословов. Выражая недовольство оживлением деятельности левых и буржуазных партий и организаций, представители этого крыла открыто призывали к установлению в Иране шиитской теократии. В заявлении, опубликованном на страницах тегеранских газет, представители его интересов требовали, чтобы глава государства и премьер-министр будущего правительства были назначены по выбору Хомейни из числа шиитских богословов².

Для Хомейни и его приверженцев вопросом кардинальной важности стало внесение в конституцию, которую предстояло разработать, и тем самым юридическое закрепление принципа «веляйте факих» (правление мусульманского богослова-правоведа). Именно это и предопределило характер борьбы (развернувшейся в связи с подготовкой конституции) между различ-

ными религиозными и светскими политическими силами.

В первые месяцы после учреждения нового режима хомейнисты открыто не говорили о необходимости немедленной реализации принципа «веляйте факих». Это и понятно: Хомейни, вождь «обездоленных», находясь непосредственно у власти (при всей ее юридической и институциональной неформальности), тогда не мог позволить себе открыто выразить свое подлинное стремление — создание государства, в котором на вершине пирамиды власти должен находиться мусульманский богослов-правовед. Поэтому Хомейни со своим ближайшим окружением, не реагируя на требования консервативно настроенного крыла богословов, целеустремленно добивался отстранения от участия в разработке конституции всех политических сил, не разделявших полностью его взгляды на политическое устройство ИРИ. Для того чтобы добиться этой цели, Хомейни и близкие к нему деятели сохраняли конспирацию, отлаженную в период революционных событий. Основная часть их деятельности по выработке конституции проходила фактически за кулисами, в тайне от широкой общественности. Подобная заговорщическая, по сути дела, политика достигла своей цели: в то время как левые силы и представители либеральной буржуазии оживленно обсуждали наиболее острые проблемы общественно-политического развития страны, размышляли о новой политической системе, хомейнисты за кулисами шаг за шагом разрабатывали схему государственного устройства исламской республики. Идею созыва Учредительного собрания для разработки, обсуждения и принятия конституции, идею, поддержанную как буржуазными группировками, так и левыми силами, Хомейни и его окружение игнорировали.

Серьезным конкурентом хомейнистов были буржуазные либералы, которые хотели придать конституции буржуазный характер и сочетать при этом исламские лозунги с сохранением в Иране капиталистического строя.

Стремясь опередить хомейнистов и поставить их перед свершившимся фактом, некоторые буржуазные либералы (вошедшие в правительство Базаргана) еще в апреле разработали свой текст конституции, не предоставлявший Хомейни и его сторонникам значительных прерогатив. Борьба между либералами и хомейнистами приняла особенно непримиримый характер летом 1979 г., после того как в печати (17 июня) был опубликован разработанный правительством проект конституции ИРИ³. Хомейнисты выразили крайнее недовольство проектом, так как воззрения Хомейни на исламское государство не были в нем отражены так, как требовали они.

Главную роль в политической системе республики в соответствии с проектом конституции, составленным правительством, должен был играть президент, выполняющий функции светского главы государства. О его отношении к духовенству в проекте ничего не говорилось.

Раздел десятый проекта предоставлял шиитским авторитетам право надзора над законодательной деятельностью парламента (меджлиса). Предусматривалось образование Совета по охране конституции в составе пяти ученых-богословов (шиитов-имамитов, разумеется) и шести правоведов (они должны были быть избраны парламентом поровну из числа профессоров — юристов и из членов Верховного суда). Согласно ст. 144 проекта Совет получал полномочия для пересмотра принятых парламентом законов «по требованию одного из общепризнанных духовных авторитетов, президента страны, председателя Верховного суда или генерального прокурора страны при условии, что с момента утверждения закона прошло не более одного месяца». Статья 147 оговаривала, что Совет «осуществляет контроль за проведением президентских выборов и референдумов». В ст. 145 подчеркивалось: «В случае, если Совет находит закон противоречащим конституции ввиду его явного несоответствия незыблемым принципам шариата или другим статьям настоящего закона, он возвращает его меджлису для пересмотра с указанием своих доводов, и меджлис пересматривает закон, принимая во внимание приведенные доводы»⁴.

Изучение этого проекта конституции ИРИ не оставляет сомнения в том, что он не предусматривал создание официального государственного поста для Хомейни. Что касается шиитских богословов в целом, то прерогативы, предоставленные им, были шире, чем те, которые предусматривала для шиитских авторитетов конституция 1906 г.

Хомейни, конечно, мог бы стать членом Совета по охране конституции. Однако, если принять во внимание то высокое положение, которого он фактически достиг, трудно было представить себе, что имам⁵ согласится войти в Совет или даже его возглавить. Так или иначе, проект конституции не вполне отражал реально сложившуюся ко времени его публикации расстановку политических сил.

Чтобы добиться своего, Хомейни дал указание провести выборы в Собрание экспертов (Маджлесе хобреган), которое призвано было подменить собой Учредительное собрание. Собрание должно было заняться разработкой такого проекта конституции, который отвечал бы выдвинутой Хомейни концепции «исламского правления».

Поскольку хомейнисты намеревались заложить в Иране основы исламского государства, исходящего «от Аллаха», создать подобную политическую систему, по их логике, могли лишь знатоки и интерпретаторы исламских законов — факихи. Такая логика объясняла линию исламистов, направленную на избрание в Собрание экспертов прежде всего служителей культа, разделявших воззрения Хомейни об «исламском правлении», и их единомышленников и союзников из числа мелкобуржуазных политиков.

Выборами в Собрание экспертов руководили близкие к Хо-

мейни члены Исламского революционного совета. Одни левые или буржуазно-либеральные деятели в таких условиях сами не захотели баллотироваться в члены Собрания, кандидатуры других были отвергнуты хомейнистами, не желавшими избрания даже некоторых членов правительства. В итоге по-настоящему члены Собрания экспертов были не столько избраны, сколько назначены ведущими исламскими деятелями с согласия Хомейни⁶.

Многие партии и политические группировки открыто выразили недовольство политикой хомейнистов, подчеркнув, что она направлена на пресечение свободы деятельности других общественных сил, активно участвовавших в революции. Они отметили, что такая политика свидетельствует о тенденциях возрождения авторитарной власти. Несколько политических организаций («Революционное движение мусульманского народа Ирана» — ДЖАМА, «Движение борющихся мусульман», «Исламская организация Совета», «Организация моджахедов иранского народа») направили Хомейни открытое письмо. Они выразили свое негодование в связи с тем, что власти, используя его авторитет и имя, чинят препятствия участию их сторонников в выборах в орган, который должен утвердить Основной закон республики. В письме отмечалось, что представители властей грубо попирали элементарные нормы проведения выборов, прямо и косвенно добивались фальсификации их результатов в своих интересах, фактически лишая кандидатов, выдвинутых революционными организациями, возможности быть избранными в упомянутый орган. Авторы письма утверждали, что большинство избранных в Собрание экспертов деятелей не могут быть «выразителями революционного образа мышления молодого поколения и мусульманской интеллигенции»⁷.

Наиболее важной частью открытого письма была та, в которой авторы излагали свои предложения относительно ведущих принципов конституции ИРИ. Их предложения состояли в следующем: политика ИРИ должна носить антидеспотический и антиимпериалистический характер; формой правления исламского государства становится система советов; основным мерилом получения прибыли и приобретения собственности делается труд, и только труд; земля и ее продукты принадлежат тому, кто на ней трудится; «рабочие и крестьяне Ирана должны быть освобождены от выплаты какого-либо налога и взносов в пользу государства и пользоваться бесплатным страхованием, медицинской помощью, иметь доступ к бесплатному образованию; женщины в политическом и экономическом отношении имеют равные права с мужчинами»⁸. В числе принципов социальной и политической жизни находились гарантированная свобода деятельности партий и организаций, свобода печати, предоставление неперсидским народам права на автономию в рамках иранского государства, запрещение пыток, создание подлинно исламской, антиимпериалистической народной

армии, использование которой в целях урегулирования внутриполитических разногласий должно быть запрещено. В письме подчеркивалось, что независимая национальная армия ни в коем случае не должна пользоваться услугами советников из империалистических держав. И наконец, в письме предлагалось слияние полиции и жандармерии в единое формирование, которое будет находиться в подчинении «органов юстиции»⁹.

Примерно такие же программы социально-политического устройства ИРИ выдвигались и некоторыми другими политическими группировками, в том числе и левыми, не разделявшими воззрений хомейнистов по основным вопросам. Большинство принципов, предлагавшихся в них, подобно приведенным выше, имело прогрессивный характер и было направлено на демократизацию общественно-политической жизни. Однако беда всех таких программных деклараций заключалась в том, что они не носили целостного, системного характера. К тому же левые организации и группировки слабо вели работу по разъяснению политической важности выдвинутых ими принципов. Кроме того, у левых не было единства взглядов по основным вопросам социально-политического устройства будущего Ирана.

Большинство левых и сотрудничавших с ними организаций и группировок не признавали Туде в качестве ведущей силы левых. Более того, некоторые группировки, особенно левозкстремистские, направляли свою энергию на борьбу с Народной партией. Каждая партия или организация левого толка основное свое внимание направляла на сохранение и укрепление собственных позиций. В результате общие интересы левых сил оказались под угрозой.

Туде и некоторые другие левые организации поддерживали хомейнистов и тем самым способствовали поражению буржуазных либералов. Но хомейнисты вовсе не собирались делать в связи с этим какие-либо уступки левому движению. Напротив, они активно использовали в своих интересах разногласия в лагере левых сил.

Отказ допустить участие более или менее оппозиционно настроенных по отношению к хомейнистам группировок в работе Собрания экспертов означал, что по мере упрочения своих позиций хомейнисты будут чинить препятствия деятельности всех без исключения партий и организаций, не разделяющих их воззрений на характер и сущность «исламского общества» и «исламского правления». Однако некоторые левые организации, прежде всего Туде, не сумев должным образом оценить ситуацию, сочли, что у них еще остается время для развертывания политической и пропагандистской деятельности.

Хомейнисты игнорировали все протесты и предложения других общественных сил. Более того, как уже говорилось, в августе 1979 г. они предприняли атаку на организации левых, разгромив их штаб-квартиры и объявив контрреволюционера-

ми, закрыв их печатные органы, а заодно и другие газеты прогрессивного направления. Кроме того, был введен запрет на деятельность всех неисламских партий и организаций. Ведя линию на свертывание появившихся после падения монархии демократических тенденций и свободы мнений, хомейнисты стали открыто заявлять, что главная задача Собрания экспертов — выработать проект конституции, отвечающий принципам «исламского правления».

Однако работа Собрания экспертов сопровождалась острой борьбой в нем между представителями буржуазно-либеральных кругов и хомейнистов. К этому следует добавить, что концепция «исламского правления» и принцип «веляйте факих» встретили отрицательное отношение со стороны и некоторых великих аятолл, хотя другие высшие шиитские богословы весьма одобрительно отнеслись к включению в конституцию этого принципа¹⁰. Среди общепризнанных духовных авторитетов, высказывавшихся против введения в конституцию принципа «веляйте факих» как противоречащего шиитской традиции, был, в частности, Сеид Казем Шариатмадари¹¹.

В связи с этим стоит отметить следующее. Пока Хомейни находился в эмиграции, Шариатмадари считался главным религиозным авторитетом в Иране. В период развития революционных событий он активно содействовал росту популярности Хомейни в стране. Однако после возвращения Хомейни личные отношения между двумя аятоллами приняли натянутый характер. Это объяснялось тем, что аятолла Шариатмадари был против прямого участия шиитских улемов в деятельности исполнительной власти. Он считал, что духовенство, особенно шиитские улемы, сохраняют свое высокое, независимое положение в иранском обществе лишь в том случае, если не примут непосредственного участия в деятельности органов власти.

По высказываниям же Хомейни, особенно после прибытия его в Тегеран, было ясно видно, что он постарается любой ценой узаконить преобладающее положение представителей духовенства в сложившейся после победы революции расстановке политических сил. Тот энтузиазм, с которым многомиллионная масса встретила возвращение Хомейни в Иран, был расценен им как мандат на роль вождя победившей революции.

Недовольство некоторых великих аятолл вызвал и тот факт, что Хомейни явно нарушил шиитскую традицию, по которой официально избранный глава шиитской общины (каким был Хомейни) является, так сказать, первым среди равных и не может претендовать на право командовать другими великими аятоллами, посягать на их авторитет¹². Разработанная же Хомейни концепция «исламского правления» с включенным в нее принципом «веляйте факих» и все его поведение после прибытия в Иран давали великим аятоллам основание опасаться того, что, заняв место на вершине пирамиды власти, Хомейни может подмять их под себя.

Важно обратить внимание еще и на такое обстоятельство. Некоторые улемы, отрицательно относившиеся к амбициям Хомейни, не могли в то же время не учитывать, что возвышение имама и религиозно-политических деятелей из его окружения, узурпация ими верховной власти, распространение влияния ислама на все сферы общественной и культурной жизни означают реставрацию, казалось бы, почти сошедшего на нет могущества шиитского духовенства, образно говоря, возвращение «золотого века» для шиитских улемов. Без Хомейни подобное, полагали они, невозможно. Поэтому великие аятоллы предпочитали, как правило, молчать и открыто не выражать своих сомнений в отношении претензий имама. Однако это не означало, что такие шиитские авторитеты, как великие аятоллы Гольбаегани и Мараши-Наджафи, не будут в состоянии или откажутся от попыток оказывать на Хомейни давление при решении конкретных общественно-политических задач и вопросов веры.

Отсутствие сильной открытой оппозиции планам Хомейни со стороны шиитских авторитетов ослабляло позицию буржуазных либералов, намеренных сопротивляться воплощению в действительность принципа «веляйте факих»¹³.

Чтобы преодолеть это сопротивление и прекратить споры в Собрании экспертов, хомейнистам необходим был повод для удара по буржуазным либералам, подобного тому, какой был нанесен по левым силам в августе 1979 г. Таким поводом и явились события, связанные с захватом американского посольства. В результате их не только правительству Базаргана пришлось уйти в отставку, но была дискредитирована вся либеральная буржуазия, представители которой в лице правительства Базаргана оказались «врагами революции», «пособниками империализма».

После этого Собрание экспертов смогло быстро завершить свою работу и в середине ноября представить окончательный текст конституции. 2—3 декабря 1979 г. он был вынесен на референдум и утвержден подавляющим большинством голосов.

В целом конституция соответствовала духу учения Хомейни об исламской республике, разработанного еще в начале 70-х годов: в ней органы государственной власти (парламент, правительство) были подчинены сословно-религиозным органам — факиху, именуемому также Рахбаром (Руководителем), и Наблюдательному совету из двенадцати богословов и правоведов, причем шесть богословов назначались Рахбаром, а шесть правоведов избирались парламентом по представлению Верховного суда. Вместе с тем по конституции учреждался пост президента республики, не предусмотренный в учении Хомейни. Однако это нововведение не противоречило хомейнистской концепции «исламского правления».

Таким образом, установление теократии в духе шиитско-имамитского учения (точнее, воззрений Хомейни) и предостав-

ление особых прерогатив шиитским улемам сочетаются в конституции с введением республиканской формы правления. Впрочем, чрезвычайно широкие права, предоставленные Руководителю республики (пост которого должен занимать наиболее признанный духовный авторитет) и Наблюдательному совету, значительно сужают власть президента, правительства, парламента, выхолащивают саму суть республиканского строя.

В преамбуле конституции выдвигается тезис, согласно которому принцип «веляйте факих» «помог мусульманскому народу Ирана ясно осознать пути продолжения и расширения благородной борьбы за исламские идеалы»¹⁴. Далее утверждается, что «разгневанный народ вполне сознательно и сплоченно развернул широкое, повсеместное победоносное восстание под решительным и непоколебимым руководством имама»¹⁵. Не только приведенная выдержка, но и все содержание преамбулы пронизано мыслью об особой миссии Хомейни в революции. Одновременно путем односторонней и искаженной интерпретации хода революционных событий исламское течение выдается не только за главное, но и за единственное идейно-политическое течение, содействовавшее объединению антишахских, антиамериканских сил. Все это подводит основу под провозглашенный в конституции хомейнистский принцип «веляйте факих», что нашло выражение в учреждении поста Руководителя республики¹⁶.

Права и обязанности Руководителя Исламской Республики Иран изложены в ст. 5 и разделе 8, состоящем из ст. 107—112. В упомянутых статьях говорится, что в «эпоху сокрытого имама» руководство мусульманской общиной и ее управление становятся обязанностью обладающего высокими человеческими качествами факиха, «которого абсолютное большинство народа... признает и приемлет как своего руководителя». Таковым статья объявляет «великого аятоллу» и «марджа от-таклида», «вождя революции имама Хомейни». Согласно конституции Руководитель берет «на себя управление делами страны и ответственность, вытекающую из этого» (ст. 107). Руководитель ИРИ, в частности, определяет факихов — членов Наблюдательного совета, «назначает на высшую судебную должность», назначает главнокомандующего КСИР и командующих тремя родами войск, подписывает указ о назначении президента после его избрания народом (ст. 110). Но на Руководителя республики распространяется принцип равенства граждан перед законом (ст. 112).

Конституция признает за гражданами Ирана многие гражданские права. Однако оговорка, в соответствии с которой эти права должны отвечать исламским принципам, означает, что все они сильно урезаются. Провозглашается полное равноправие иранцев различного пола, народностей, религиозных общин и т. д. На практике же, как показала история ИРИ, оно грубо нарушается властями.

Большое внимание отведено в конституции международным проблемам и внешней политике Ирана. Это и понятно. Ее текст разрабатывался и был принят в период, когда антиамериканский и антиимпериалистический накал выступлений народных масс был очень велик, ирано-американские отношения вступили в пору глубокого кризиса, когда новые иранские руководители краеугольным камнем своей внутренней и внешней политики сделали тезис: главным внешним врагом ИРИ, одновременно играющим роль вдохновителя антиправительственных заговоров внутри страны, были и остаются правящие круги США. Конституция отвергает неокOLONиалистские притязания империалистических держав в отношении страны. Статья 3 провозглашает одной из основных целей руководства республики «полное искоренение колониализма и предотвращение иностранного проникновения» (подробно см. главу XIV).

Вместе с положениями, направленными на укрепление суверенитета и экономической самостоятельности Ирана, конституция содержит статьи, в которых нашли выражение, с одной стороны, линия на поддержку освободительного движения народов, страдающих от засилья монополистического капитала Запада, а с другой — корпоративные интересы шиитского духовенства, прежде всего хомейнистов, которые путем «экспорта», по их выражению, идей исламской революции пытаются оживить движение исламской солидарности под флагом панисламизма. Статья 3 обязывает государственные органы «вырабатывать внешнеполитический курс страны в соответствии с исламскими нормами, братскими обязательствами перед всеми мусульманами и при безусловной поддержке обездоленных мира». Развивая данное положение, ст. 11 декларирует: «В соответствии с изречением из Корана: „Поистине это ваша единая община — единый народ, и поистине Я ваш Господь, и Мне поклоняются“ — все мусульмане являют собой одну общину, и государство Исламская Республика Иран обязано проводить свой политический курс на основе единения и союза исламских народов, последовательно предпринимать усилия, направленные на достижение политического, экономического и культурного единства исламского мира». В ст. 154 провозглашается, что ИРИ, «полностью воздерживаясь... от любого вмешательства во внутренние дела других народов... в то же время поддерживает законную борьбу обездоленных против благоденствующих во всех районах мира». Подчеркивается необходимость установления «взаимных миролюбивых отношений со странами, проводящими мирную политику» (ст. 152).

Специальный раздел посвящен экономическому строю и социальной структуре провозглашенного исламского общества. Здесь отметим лишь, что в отличие от первоначального проекта в окончательном тексте конституции эти вопросы разработаны более основательно, хотя наиболее существенные из них, особенно вопрос об отношениях собственности, сформулированы

нечетко. В итоге, хотя конституция отвергает эксплуатацию человека человеком, фактически она исходит из неизбежности частной собственности и не препятствует эксплуатации наемного труда (подробный разбор экономических статей конституции см. в главе XII).

Отражение национального вопроса в конституции

Одним из острых социально-политических вопросов, с которым столкнулось руководство исламского режима, был вопрос национальный, нерешенность которого в рамках монархии Пехлеви, как уже отмечалось, породила одну из предпосылок революции 1978—1979 гг. Пришедшие к власти шиитские богословы обещали, что в новой конституции национальный вопрос найдет свое разрешение. Но при разработке Основного закона они стали исходить из мусульманской догмы «исламская община — это единая нация». В итоге в конституции оказалось записанным, что «все мусульмане составляют одну общину» (ст. 11), т. е. сделан акцент на единстве по религиозному признаку и затушевано различие верующих по национальному признаку.

Конституция рассматривает (и одновременно толкует) национальный вопрос сквозь призму религиозных различий. Этому содействует следующее обстоятельство: в Иране национальные меньшинства, как правило, исповедуют или другую религию, или другое направление в исламе, отличное от шиизма.

Официальной религией Ирана в конституции (ст. 12) объявлен ислам джафаритского толка («и этот принцип не подлежит изменению во веки веков», отмечается в ней). Вместе с тем в ней же говорится, что все другие мазхабы — религиозно-правовые школы (ханафитский, шафиитский, маликитский, ханбалитский), являющиеся суннитскими, а также зейдизм (особая ветвь шиизма) будут пользоваться полным уважением. Конституруется также, что последователи всех толков ислама свободны в отправлении своих религиозных обрядов, в сфере религиозного обучения и воспитания, а также в личной жизни. Наряду с этим конституция заявляет: «...должны охраняться права последователей других религий» (т. е. отличных от ислама). Уточняет это положение ст. 13, в которой отмечено, что «иранцы (курсив наш. — *Ред.*) зороастрийцы, иудаисты и христиане признаются единственными *религиозными* (курсив наш. — *Ред.*) меньшинствами, которые в рамках закона свободны в отправлении своих религиозных обрядов и в своей личной жизни и религиозном обучении действуют в соответствии со своими обычаями». Очевидно, что в число «религиозных меньшинств» попадают и те персы, которые исповедуют зороастризм. Так в конституции понятие «национальное меньшинство» подменено

понятием «религиозное меньшинство», что переводит существо национального вопроса в иную плоскость.

Конституция предписывает мусульманскому населению «относиться к немусульманам доброжелательно», руководствуясь принципом исламской справедливости, а также уважать их человеческие права (ст. 14). В той же статье разъясняется, что это положение действительно «в отношении прав тех людей, которые не выступают против ислама и не плетут заговоры против исламской республики». Эта оговорка чрезвычайно важна, поскольку дает основания правящей верхушке рассматривать движения национальных меньшинств за свои политические права как подрывающие власть центрального правительства, а следовательно, направленные против исламской республики.

Здесь, несколько забегаая вперед, уместно сказать, что, несмотря на признание конституцией конфессиональных прав национальных меньшинств, часть их фактически игнорировала референдум по принятию конституции: им важно было признание исламским режимом в первую очередь их национальных прав. Это стало свидетельством провала попыток решить проблему меньшинств не на национальной, а на религиозной основе.

Почти целый раздел конституции отведен языковой проблеме. Решается она следующим образом: «Официальным и общим языком и письменностью иранского народа являются персидский язык и письменность. Официальные документы, переписка и тексты, а также учебники должны быть на персидском языке. Использование же местных языков и наречий в прессе, [прочих] средствах массовой информации и преподавание родной литературы на этих языках в школе свободно наряду с персидским языком» (ст. 15). Таким образом, за исключением преподавания родной литературы¹⁷, конституция налагает запрет на получение образования на родном языке.

Вместе с тем ст. 19 гласит: «Иранский народ, из каких бы национальностей и племен он ни состоял, пользуется равными правами. Цвет кожи, раса, язык (курсив наш.—Ред.) и тому подобные различия не будут служить причиной получения привилегий». Но эта статья находится в вопиющем противоречии со ст. 15, по крайней мере в отношении языка: персы пользуются привилегией обучения в школе на родном языке, использования его в официальных документах, переписке и т. п., национальные же меньшинства в соответствии со ст. 15 такой возможности лишены.

Конституция широко раскрывает двери и перед арабским языком. «Поскольку язык Корана, исламских наук и письменных трудов — арабский, а персидская литература полностью переплелась с этим языком,—говорится в ст. 16,—следует изучение арабского языка после начального курса обучения и до окончания среднего образования ввести во всех классах и по всем профилям образования».

Для реализации идей конституции о неразрывной связи меж-

ду арабским языком и Кораном и необходимости закрепления этих идей в сознании верующих были созданы специальные классы для изучения Корана и арабского языка.

Подлинное отношение режима к правам национальных меньшинств выразилось и в том, что в вынесенном на референдум проекте конституции большинство поправок, предложенных представителями национальных меньшинств, не было принято во внимание. Правда, в отличие от первоначального варианта в нем уже не говорилось, что главой государства обязательно должен быть мусульманин-шиит.

В целом национальная политика ИРИ, сложившись уже ко времени принятия конституции, в последующем не претерпела изменений.

Президентские выборы, выборы в меджлис, формирование конституционного правительства

После того как в декабре 1979 г. был одобрен и утвержден проект конституции Исламской Республики Иран, сразу же началась кампания по выборам президента. Она протекала в весьма напряженной обстановке. После вынужденного ухода в отставку М. Базаргана и его правительства роль Исламского революционного совета в определении политического курса стала еще более значительной. Сохраняя за собой функции верховного законодательного органа, ИРС одновременно взял на себя функции исполнительной власти. Вместо Базаргана новый премьер-министр назначен не был. Но существовали министерства, работавшие под руководством ИРС. Все официальные политические кампании проводились под его руководством. Однако «революционные комитеты», различного рода организации и группировки продолжали проявлять большую активность. Главным политическим штабом хомейнистов оставалась Партия исламской республики, действовавшая под руководством аятоллы М. Бехешти.

Уход Базаргана в отставку практически лишил либеральную буржуазию надежд на сколько-нибудь значительное место в органах государственной власти, которые предстояло избрать.

Вместе с тем не запрещалось выдвигать в качестве кандидата на пост президента светских лиц, если они придерживались линии Хомейни. Поэтому левым организациям было воспрещено выдвигать кандидатов из своей среды. В итоге к началу официальной кампании по выборам президента почти все организации левого толка оказались «вне игры», так как все кандидатуры на этот пост, если их приверженность исламу вызывала сомнения у Хомейни и его близкого окружения, отводились.

Когда же кампания по выборам президента развернулась (последняя декада декабря 1979 г.), ситуация несколько изме-

нилась. Хомейни дал указание, чтобы президентом республики не был избран представитель духовенства. Это было, вероятнее всего, связано с тем, что среди великих аятолл находились сильные противники принципа «веляйте факих» и он опасался избрания кого-либо из них на пост президента. Кроме того, уже ближе к выборам ПИР столкнулась с непредвиденным препятствием. В соответствии с указанием Хомейни кандидатом на пост президента она выдвинула одного из своих идеологов — светское лицо — Джалаледдина Фарси. Но выяснилось, что ее кандидат по происхождению неиранец, тогда как конституция ИРИ допускала избрание на пост президента республики только лиц иранского происхождения. Тогда группировка Бехешти, относившегося к Фарси с предубеждением, поспешно выдвинула кандидатуру доктора Хасана Хабиби, деятеля, получившего европейское образование и не пользовавшегося в стране известностью.

Ощутимое воздействие на политический климат в начале 1980 г. оказывали «студенты-мусульмане — последователи курса имама», штаб-квартирой которых было здание бывшего американского посольства. Их возглавлял молодой ходжат оль-эслам Мусави-Хозниха, известный своими антизападными настроениями. При захвате здания посольства в руки студентов попало значительное количество секретных документов. В этих документах содержались сведения не только о тайных связях шахских властей с ЦРУ или руководителями Израиля, но и о контактах отдельных членов бывшего правительства Базаргана и других высокопоставленных лиц с американской агентурой и дипломатами США в Иране и за рубежом. Студенты обнародовали сведения, компрометировавшие адмирала Ахмеда Мадани, который в то время выполнял обязанности генерал-губернатора Хузестана и одновременно был командующим ВМС; адмирал Мадани был одним из основных кандидатов на пост президента республики. Порочащие материалы были распространены и об одном из сподвижников М. Базаргана — Амир-Энтезаме. Все такого рода материалы свидетельствовали о том, что с помощью оппозиционных Хомейни деятелей представители США собирали сведения о расстановке политических сил в новом руководстве Ирана и особенно о религиозно-политических деятелях, занимающих в нем ключевые позиции. Обнаруженные в американском посольстве документы были активно использованы хомейнистами для изоляции, а затем и для устранения с политической арены представителей либеральной буржуазии.

Среди официально признанных властями кандидатов в президенты были и лица, которые имели давние связи как с либерально-буржуазными кругами, так и с хомейнистами. К ним относились Абольхасан Банисадр¹⁸ и доктор Мохаммед Мокри¹⁹, первый полномочный посол ИРИ в Советском Союзе. Банисадр, несмотря на свою молодость, в послереволюционном

Иране принадлежал к числу самых известных политических деятелей, чего нельзя сказать о Мокри.

В своей предвыборной программе Банисадр выделил четыре неотложные и жизненно важные проблемы, которые должны были, по его мнению, находиться в центре внимания будущего президента: независимость, единство и территориальная целостность страны; восстановление экономики; «обеспечение реальной безопасности»; «развитие духовности», которую возвратила Ирану революция. Важными положениями программы, тесно увязанными с установлением в стране исламского режима, были: предоставление каждому человеку возможности вновь обрести свое достоинство и гражданские свободы; принятие мер, которые положили бы конец материальным лишениям бедных²⁰. Любопытно, что в предвыборном заявлении Банисадра не подчеркивалась особая роль шиитского духовенства в победе революции и революция не именовалась «исламской».

Программа Банисадра существенно расходилась с линией хомейнистов, объединенных вокруг аятоллы Бехешти накануне и в период кампании по выборам президента. Однако в силу ряда обстоятельств, в частности из-за того, что Банисадр пользовался расположением самого Хомейни, группировка Бехешти не позволила себе развернуть открытую враждебную кампанию против него. Положение сторонников Бехешти осложнялось тем, что Банисадр был известен широкой общественности как устойчивый приверженец исламского режима.

Выборы президента ИРИ, происходившие в конце января 1980 г., окончились решительной победой Банисадра, за которого проголосовали 11 млн. избирателей из 14 млн., о чем было объявлено 28 января. Кандидат Партии исламской республики Хасан Хабиби получил всего полмиллиона голосов²¹.

Результаты выборов были встречены правыми клерикалами с нескрываемым раздражением. Временами казалось, что они вот-вот предпримут какую-нибудь враждебную акцию против новоизбранного президента. Все ожидали реакции имама. Хомейни в это время находился в одной из тегеранских больниц. Он скрыл от общественности, за кого отдал свой голос. Однако рано или поздно Хомейни должен был выразить свое отношение к результатам выборов. И вот наконец через несколько дней, которые для всей страны прошли в напряженном ожидании, Банисадр был приглашен в больницу, где находился Хомейни. Президент ИРИ поцеловал руку имаму и заверил его в том, что приложит все силы во имя утверждения в Иране подлинно исламского образа правления. В свою очередь, Хомейни, поздравив Банисадра с избранием на столь ответственный пост, пожелал ему успехов. Несмотря на все это, правые клерикальные группировки открыто выразили свое неудовольствие утверждением Банисадра в качестве президента, так как еще до выборов группа ультраправых улемов в открытом письме предложила Хомейни, чтобы президентом республики был избран,

по выбору имама, один из видных представителей шиитского духовенства²².

После того как Хомейни утвердил Банисадра в качестве президента, началась кампания по выборам в однопалатный парламент — Собрание национального совета (Маджлесе шоурае мелли — в обиходе просто «маджлес»). Согласно инструкции меджлис состоит из 270 депутатов; он правомочен функционировать при наличии не менее двух третей общей численности его членов. На этот раз клерикалы, ведомые Бехешти, решили взять реванш за поражение на президентских выборах. В результате их целеустремленной деятельности почти все кандидаты в депутаты, представлявшие левые группировки и демократические круги, были лишены права баллотироваться. Было дисквалифицировано также большинство кандидатов, выражавших интересы буржуазных либералов. Таким образом, хомейнисты, усилив борьбу за власть, взяли курс на превращение меджлиса в свой главный политический инструмент.

Выборы в меджлис были проведены в два тура. Первый тур начался 14 марта 1980 г. В тот же день стали раздаваться жалобы на то, что в ходе выборов замечены случаи фальсификации. Жалоб было так много, что ИРС 18 марта решил назначить комиссию, которая должна была выяснить истинное положение вещей. Поскольку результаты этого тура не привели к избранию достаточного количества депутатов, 9 мая начался второй тур выборов. Меджлис первого созыва официально приступил к работе 28 мая в составе 217 депутатов. Такое положение объяснялось тем, что в некоторых национальных районах (Курдистан, Хузестан и др.) продолжались антиправительственные выступления и выборы там не проводились.

В итоге в парламент были избраны в основном религиозно-политические деятели из числа хомейнистов и близкие к ним по воззрениям мелкобуржуазные политики. Более половины депутатов составили «чалмоносцы», т. е. официальные служители культа. Лишь немногим представителям либеральной буржуазии и интеллигенции удалось пробиться в меджлис.

Естественно, подобный исход парламентских выборов серьезно осложнил положение Банисадра, который больше тяготел к сотрудничеству с буржуазными либералами, чем с хомейнистами. Хотя многие его теоретические положения нашли воплощение в конституции ИРИ, хомейнисты, особенно Бехешти, относились к Банисадру все с большим предубеждением, несмотря на то что в период становления новой власти Банисадр своей политической и пропагандистской деятельностью оказал огромные услуги исламскому течению.

Заметим, что это не единственный случай в современной истории Ирана, когда между светскими и клерикальными идеологами ислама обнаруживаются острые разногласия.

В начальный период своего президентства Банисадр сумел добиться определенных успехов. Здесь, разумеется, немалую

роль сыграли его личные отношения с аятоллой Хомейни. По указу Хомейни он был назначен председателем Исламского революционного совета. Банисадр стал также главнокомандующим всеми вооруженными силами Ирана²³.

После парламентских выборов первоочередным вопросом стало формирование правительства. И по этому вопросу группировка Бехешти, располагавшая большинством голосов в меджлисе, решила дать бой Банисадру. Однако Банисадру снова удалось добиться благосклонности имама. В начале мая 1980 г., еще до начала работы меджлиса, он, стремясь к тому, чтобы кабинет министров состоял из его людей, добился разрешения Хомейни назначить премьер-министра.

Борьба между президентом и Бехешти продолжала разрастаться, постепенно приобретая все более непримиримый характер. Свои преобладающие позиции в ИРС группировка Бехешти использовала для блокирования намерения президента создать правительство до начала работы меджлиса, ссылаясь на то, что это противоречит конституции.

Меджлис, как уже указывалось, приступил к работе 28 мая 1980 г. 20 июля ИРС был распущен, и его законодательная функция перешла к парламенту²⁴. При этом законотворческая деятельность меджлиса была поставлена под контроль Наблюдательного совета, наделенного в соответствии с конституцией полномочиями определять соответствие выработанных и принятых меджлисом законопроектов положениям конституции и нормам ислама и отвергать их в случае несоответствия.

В меджлисе враждебная в отношении Банисадра линия сторонников Бехешти приобрела наиболее рельефные черты. Большое содействие Бехешти оказывал избранный председателем меджлиса ходжат оль-эслам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, один из приближенных Хомейни, связанный с политическими лидерами тегеранского базара. В качестве ответственного за министерство внутренних дел (обязанности главы которого он исполнял ранее) все свои силы он употребил для того, чтобы в меджлис были избраны преимущественно представители шиитского духовенства и светские исламисты.

Поскольку трения между Банисадром и большинством меджлиса приобретали все более острый характер и вели к ослаблению авторитета новой власти, Хомейни 10 июня 1980 г. предупредил соперничавшие стороны об опасности, которой разногласия между ними грозят новому режиму. Ради предотвращения роста хаоса, который может привести к краху исламское правление, он призвал покончить с борьбой и приступить «к конструктивному сотрудничеству»²⁵.

22 июля Банисадр принял присягу в качестве президента, а 26 июля предложил назначить главой правительства начальника полиции Мостафу Мирсалима. Группировка Бехешти отвергла эту кандидатуру. После вмешательства Хомейни, призвавшего покончить с разногласиями, Банисадр уступил и со-

гласился на кандидата ПИР — Мохаммеда Али Раджаи, хотя и считал, что тот не обладает достаточным интеллектом и политическим опытом, чтобы возглавить правительство²⁶. Особенно беспокоило президента то, что Раджаи являлся креатурой группировки Бехешти.

В то же время Банисадр попытался помешать формированию кабинета из одних лишь хомейнистов, добиваясь включения в состав правительства близких к себе деятелей. Однако именно этого и не желала группировка Бехешти — Раджаи. После длившихся более двух недель острых споров обеим группировкам удалось преодолеть тупик и прийти к частичному согласию относительно состава кабинета. Но это было весьма шаткое соглашение. Когда 31 августа Раджаи объявил состав правительства, Банисадр отказался санкционировать назначение некоторых членов кабинета. 10 сентября меджлис утвердил 14 министров, против назначения которых президент не возражал, в то время как в правительство должен был войти 21 человек.

С момента начала деятельности правительства Раджаи начался новый этап борьбы в верхах. Руководимая Бехешти группировка клерикалов стала вести линию на полное утверждение политического преобладания мулл.

В сложившейся ситуации Банисадр занялся поисками союзников, без которых вести эффективную борьбу против группировки Бехешти он был не в состоянии. Однако укрепление связей с буржуазно-либеральными кругами содействовать расширению социально-политической опоры президента не могло. Объяснялось это следующими обстоятельствами. В тот период антиимпериалистические, антизападные настроения в народе были очень сильны. Поэтому критические высказывания президента по адресу студентов, продолжающих задерживать американских дипломатов в качестве заложников, его попытка найти политические пути урегулирования ирано-американского конфликта, стремление добиться смягчения курса в отношении крупного иранского частного капитала и другие шаги, свидетельствовавшие о его умеренности, воспринимались как признак отхода от революционного курса. Антисоветские высказывания Банисадра лишь подчеркивали его прозападные настроения. Следует, правда, принять во внимание, что на том этапе антисоветская и антикоммунистическая тенденции в политике иранского руководства не обнаруживала себя так выпукло, как в последующем. И все же антисоветизм сыграл не последнюю роль в том, что президент лишил себя поддержки значительной части леводемократических сил (в том числе НПИ и федаев-«большинства») ²⁷. Оценивая действия Банисадра и его сторонников как заговор прозападного толка ²⁸, руководители НПИ не поняли, что уход с политической арены президента и других буржуазно-либеральных деятелей неминуемо приведет к упрочению позиций хомейнистов, создав тем самым реальные усло-

вия для установления в стране теократической диктатуры во главе с новоявленным имамом.

Что касается самого Хомейни, то он первоначально временно поддерживал Банисадра. Однако по мере развития конфликта между двумя враждующими группировками он все больше отдавал предпочтение Бехешти и его сторонникам. Экстремистский курс, направленный на вытеснение с политической арены всех неисламских группировок, импонирует Хомейни, для которого первостепенное значение имело упрочение верховной власти шиитских деятелей в духе его концепции «веляйте факих».

Религиозные деятели, захватившие после крушения шахского режима важные позиции в новой политической структуре страны (а в некоторых сферах, таких, как судопроизводство, — господствующее положение), сосредоточили в изучаемый период свое внимание на борьбе прежде всего с теми, кто пытался внедрять в иранскую политическую систему элементы буржуазной демократии. Активное участие этих сил в общественно-политической жизни могло воспрепятствовать монополизации верховной власти шиитскими деятелями и их сторонниками из числа мелкобуржуазных политиков. Поэтому политика Банисадра и его единомышленников, направленная на ликвидацию или ограничение деятельности «революционных трибуналов» и других учреждений подобного типа, находившихся фактически под контролем шиитских богословов, была для последних продолжением линии, которая до начала ноября 1979 г. проводилась правительством Базаргана. В условиях, когда отличительными чертами идеологии широких масс стали не только патриотизм и антиимпериализм, но и ксенофобия и антивестернизм, хомейнистам не составляло большого труда дискредитировать Банисадра и его сторонников, обвинив их в стремлении отдать предпочтение западным ценностям²⁹.

Тем временем политическим центром борьбы против возглавлявшейся Банисадром группировки буржуазных либералов стал меджлис. Примечательно при этом, что он был переименован в «меджлис исламского совета».

УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ ВЕРХУШКИ ДУХОВЕНСТВА ЗА МОНОПОЛЬНОЕ ОБЛАДАНИЕ ВЛАСТЬЮ

Внутренняя политика правительства Раджаи. Начало ирано-иракской войны

Став 11 августа 1980 г. главой кабинета, Мохаммед Али Раджаи на своей первой пресс-конференции, состоявшейся 19 августа, изложил политическую программу правительства и задачи, стоявшие перед ним. В программе указывалось, что политическая власть в стране должна принадлежать тем, кто исповедует ислам и поддерживает линию духовного вождя — имама Хомейни, а политические и гражданские свободы должны быть обусловлены уважением исламских принципов и лояльностью к ПИР. В числе важных задач, стоявших перед его правительством, Раджаи назвал продолжение чистки госаппарата, университетов и других высших учебных заведений. Затронув вопрос о росте безработицы, он выразил надежду, что создание в стране сельскохозяйственных и промышленных кооперативов до некоторой степени поможет решить эту тяжелую задачу. Новый премьер обещал проявить заботу о деревнях: «Мы погрязли в урбанизации и совсем забыли, что в деревнях нет воды, электричества и элементарных коммунальных услуг»¹.

Во внешней политике Раджаи обещал твердо придерживаться принципа: «Ни Запад, ни Восток — только ислам!». Он также заявил, что отношения Ирана с другими странами будут зависеть от позиции этих стран в вопросе о «сионистском господстве над Палестиной»².

Личный представитель Хомейни аятолла Бехешти на заседании меджлиса в числе главных задач правительства Раджаи назвал проведение «исламской культурной революции» в широком масштабе, приобщение молодежи, получившей «революционную закалку», к управлению государством и к участию в различных его органах. Бехешти также упомянул о необходимости совершенствования форм и методов экономического планирования в промышленности и сельском хозяйстве. Придерживаясь антисоветских взглядов, Бехешти в то же время заметил, что советско-иранские отношения носят «конструктивный характер» и имеют «хорошие перспективы»³. Признав, что в

течение 15 месяцев, прошедших после революции, народ по-прежнему «спит с пустым желудком», Бехешти, явно намекая на бездеятельность президента, заявил: «Если никто не проявит о народе заботу, я лично сочту необходимым сделать так, чтобы богатства нации были распределены среди 36-миллионного населения»⁴.

Имея за собой поддержку меджлиса, ПИР и организаций, с ней связанных, во главе с сильным лидером в лице Бехешти, при молчаливом согласии имама Раджаи развернул активную деятельность. Он постоянно консультировался с Бехешти, который фактически был «теневым» премьером⁵.

Не один только президент Банисадр пришел к выводу о беспомощности Раджаи как государственного деятеля. Такой же точки зрения придерживались два человека из окружения Бехешти. Один из них, теоретик ПИР Джалаледдин Фарси, заявил, что Раджаи не обладает необходимыми качествами для управления нацией. Упомянув о том, что в кандидатах на посты министров Раджаи интересуется только их «преданность исламу», он сказал, что премьер совершенно игнорирует вопрос о компетентности будущих министров, их опыте и знаниях в сфере политики и экономики⁶. В аналогичном духе высказался генеральный директор Центрального банка Али Реза Ноубари. Он также заявил о некомпетентности Раджаи, неосторожно добавив, что «именно истинные и преданные делу ислама мусульмане нанесли стране больший ущерб, нежели бывшие функционеры свергнутого режима»⁷.

Борьба между соперничавшими группировками, которые возглавляли президент Банисадр и генеральный секретарь ПИР, председатель Верховного суда аятолла Бехешти, шла за влияние в меджлисе, в правительстве, в общественных организациях.

Соперничество между Банисадром и Бехешти проявилось и во внешнеполитических вопросах, в частности в вопросе о заложниках.

Внешнеполитические заявления президента звучали в основном в унисон тому, что говорил Хомейни: «Мы должны выступать против стран, которые не хотят видеть в нашей стране модель для претворения в жизнь исламских принципов во всем мире, для избавления мира от мироедов»⁸. В то же время Банисадр считал, что проблема американских заложников «наносит удар идее, связанной с подготовкой почвы для активного сотрудничества со всеми странами: европейскими, нефтяными и третьего мира»⁹.

Президенту и его советникам важно было решить как можно скорее вопрос о заложниках, чтобы заняться формированием институтов исполнительной и судебной власти, экономическими преобразованиями и другими делами первостепенной важности. Еще в мае 1980 г. в одном из интервью Банисадр заявил, что в скором времени «ответственность за судьбу заложников

будет переложена с воинствующих исламских элементов на парламент, который решит их судьбу»¹⁰.

Однако в вопросе о заложниках Банисадр был вынужден уступить Бехешти. Руководство ПИР предпочитало как можно дольше откладывать решение о заложниках. Оно хотело склонить общественное мнение к организации суда над заложниками, чтобы показать всему миру, «какие преступления совершили США в Иране во время правления шаха»¹¹.

Организация «Студенты-мусульмане — последователи курса имама», заручившись поддержкой Хомейни и Бехешти, отказалась выполнить требование президента разрешить комиссии ООН встретиться с заложниками и продолжала действовать как самостоятельная сила.

Президент стремился поставить под свой контроль разросшийся административный аппарат, многочисленные общества, политические центры и группировки. Считая, что Иран находится «почти на грани краха», Банисадр резко критиковал аятоллу Бехешти. Его предложения об уравнительном разделе доходов и собственности он назвал «демагогическими», заметив: «Каким образом в период застоя и экономической разрухи можно думать о равном разделе доходов?»¹² Говоря о многочисленных трудностях, связанных с решением экономических проблем, президент указал на то, что государственный бюджет «по-прежнему представляет собой только счета в иностранных банках» и что «в стране нет реальных продуктов промышленности и сельского хозяйства»¹³.

Верхушку духовенства, рвавшуюся к монополющей власти, вопросы экономики не слишком занимали. В обстановке политического и экономического кризиса она постаралась ускорить процесс исламизации Ирана, заверяя народ в том, что исламизация служит гарантом против реставрации шахского режима.

19 мая 1980 г., принимая членов «революционного комитета» Урмии, Хомейни четко сформулировал программу действий всех «революционных комитетов», указав, что «их надо сохранить впредь до полной победы революции»¹⁴. Он призвал работников «революционных комитетов» «жить согласно исламским законам и не увлекаться материальной стороной дела, ибо народ проливал кровь не для того, чтобы быть сытым или занять пост, а во имя ислама». По мнению Хомейни, массы «не могут управлять страной, и духовенство должно ими руководить и защищать их завоевания»¹⁵.

Сильное беспокойство в лагере Бехешти вызвало назначение Банисадра в июне 1980 г. председателем Совета обороны. Однако повальные аресты офицеров и чистка в армии в начале июля 1980 г. под предлогом предотвращения якобы готовившегося государственного переворота, а также внедрение по настоянию Бехешти во все армейские подразделения мулл и членов ПИР позволили нейтрализовать действия президента, стремившегося укрепить свои позиции в вооруженных силах.

По указке руководства ПИР ее печать начала травлю президента. Бехешти назвал Банисадра «орудием в руках американцев». Орган ПИР газета «Джомхурие эслами» обвинила президента в желании установить тесные связи с Западом. На одного из близких Бехешти людей и активного деятеля ПИР, Айята, была возложена тайная задача использовать все способы, чтобы заставить Банисадра отказаться от проведения своего политического курса, дискредитировать президента и в конце концов скинуть его и заменить более подходящим для ПИР деятелем. В одном из телефонных разговоров с лидером организации «Студенты-мусульмане — последователи курса имама» Айят назвал Банисадра «номинальным президентом, которого скоро уберут». Этот разговор был записан на магнитную пленку президентским ведомством и опубликован в газете Банисадра «Энгелабе эслами»¹⁶. Разразился скандал. С помощью Хомейни инцидент удалось замять.

Тем временем в сентябре 1980 г. премьер-министр Раджаи подготовил список кандидатов на министерские посты и послал его на одобрение президенту, о чем уведомил председателя меджлиса Хашеми-Рафсанджани. В список были внесены фамилии будущих министров иностранных дел, экономики и финансов, планирования и бюджета, торговли, нефти, труда и социальных дел. Президент должен был утвердить эти назначения 9 сентября. Накануне, 8 сентября, сторонники Банисадра устроили митинг на площади Шохада. На нем Банисадр критиковал Бехешти и Раджаи, мешающих ему «действовать по-президентски», предпринимающих «массированные попытки занять ключевые позиции в аппарате власти». Свое выступление он закончил следующими словами: «Если обнищавших людей кормят преимущественно проповедями, если общественные отношения основаны на силе, если какая-либо фракция действует вопреки воле народа, то это — общество, в котором господствует несправедливость, и его нельзя назвать исламским»¹⁷. Со своей стороны, Бехешти и его сторонники организовали манифестацию в поддержку Али Раджаи и представленных им кандидатов на посты министров; в ней участвовали городские низы, а также депутаты меджлиса, члены ПИР, представители КСИР, «Студенты-мусульмане — последователи курса имама», члены всевозможных фондов, муллы и т. п. Свое выступление Раджаи посвятил вопросам «исламской революции», роли ислама в ИРИ, проблеме шехадата. Впрочем, его речь говорит сама за себя: «Я решил не откладывать ни одну из целей, ставившихся нашими шахидами (имеются в виду погибшие в борьбе с шахским режимом.— *Ред.*)... Именно они возложили на нас священный долг показать лицо ислама народам всего мира и защитить прославленные духовные ценности...» Участие неисламских группировок в революции Раджаи назвал «ничтожным»¹⁸.

С лета 1980 г. власти развернули массовую кампанию преследований против прогрессивных политических группировок,

главным образом против моджахедов и федаев, пользовавшихся поддержкой значительной части интеллигенции и студенчества. В ответ на слова одного из депутатов меджлиса, заявившего, что отношение правительства к оппозиционным группировкам противоречит конституции и может привести к утверждению диктаторской формы правления, Али Раджаи сказал, что его правительство действует в соответствии с политическим курсом, указанным имамом, и что те, кто выступает против идеологической платформы Хомейни, ослабляют позиции правительства. 9 сентября 1980 г. из 193 депутатов, присутствовавших на заседании меджлиса, за вынесение вотума доверия Раджаи проголосовало 169, против — 14, воздержалось 10 депутатов¹⁹.

Война против иранских курдов, которая началась вскоре после свержения монархии, в правление Раджаи усилилась. Еще в мае 1980 г., когда армия провела широкомасштабную операцию против курдов, захватив Сенендедж, центр повстанцев, и истребив 10 тыс. курдов, Хомейни выразил надежду, что «с помощью Аллаха, армии и Корпуса стражей исламской революции Курдистан будет освобожден от курдов-безбожников»²⁰. Требуя от руководства армии и КСИР «укоротить курдам руки», Раджаи послал в Курдистан дополнительные воинские части. Он считал необходимым сделать это еще и потому, что часть вооруженных отрядов федаев перешла на нелегальное положение и примкнула к курдскому автономистскому движению для совместной борьбы против центрального правительства. Хомейни и Бехешти одобрили курс правительства Раджаи на продолжение войны с курдами, их массовые казни.

Еще до открытия меджлиса (28 мая 1980 г.) Хомейни предупреждал, чтобы меджлис не превращался в «арену споров и сведения личных счетов между группами и отдельными деятелями»; главной опасностью для страны он назвал «отсутствие единства в религиозно-политическом руководстве»²¹. Считая себя третейским судьей, Хомейни в то же время не мешал борьбе между группировками Банисадра и Бехешти. Он полагал даже полезным для себя сталкивать их, сохраняя, таким образом, некое равновесие сил; сам же он при этом оставался в стороне. Тем не менее в августе и сентябре 1980 г. имам дважды вмешивался в распри между президентом и Бехешти, призвав их прекратить ссору, ибо «президент не должен стремиться к подчинению парламента, а парламент — президента»²². Такое же предупреждение Хомейни сделал Раджаи и Банисадру. Советуя им не враждовать друг с другом, имам призвал Раджаи обратить внимание «на босых жителей трущоб и бедных студентов», которые свергли шаха и привели к власти исламский режим: «Ведь именно они дали вам революцию и позволили занять ваши посты. Так можете ли вы спорить из-за постов?»²³

Пока шли свары из-за министерских портфелей, меджлису пришлось заняться дальнейшей судьбой американских залож-

ников, поскольку эта проблема грозила завести отношения с Западом в тупик. Даже лидер «студентов-мусульман» ходжат оль-эслам Мусави-Хоэниха, ставший депутатом меджлиса, заявил: «Захват шпионского гнезда служил для нас всех некоторое время объединяющим фактором, однако сейчас он нас разъединяет»²⁴. 18 сентября 1980 г. на специально созванной по этому поводу пресс-конференции Бехешти, сославшись на заявление, сделанное в свое время Хомейни, огласил условия, при выполнении которых американцы будут освобождены: отказ США от претензий к Ирану, гарантия полного невмешательства США в его внутренние дела, возвращение вывезенных шахом богатств и иранских авуаров. Бехешти подчеркнул, что для Ирана фактор времени не имеет значения. Главное, по его словам, заключается в том, чтобы «добиться осуждения империалистической политики США и их союзников и показать, что деятельность сотрудников американского посольства, занимавшихся шпионажем, вышла за рамки обязанностей дипломатов»²⁵. Банисадр заявил, что меджлис потребует от США отчета о деятельности американского посольства.

Между тем назревал ирано-иракский конфликт, так как с приходом к власти режима Хомейни отношения между Ираном и Ираком приняли напряженный характер. Обострение отношений между руководством Ирана и правительством Ирака было вызвано взаимными территориальными претензиями и острыми политическими и идеологическими противоречиями. В иранской печати и по радио началась активная антииракская кампания. На прилегающих к иракскому посольству улицах демонстранты, подстрекаемые членами ПИР и пасдарами, выкрикивали лозунги, направленные против президента Ирака и баасистского режима, призывы к совершению в Ираке «исламской революции». Сам Хомейни неоднократно выступал с резкими нападками на президента Ирака, призывая к его свержению. Участились пограничные стычки. С февраля 1979 по начало сентября 1980 г. на ирано-иракской границе были совершены многочисленные диверсии, провокации и террористические акты со стороны Ирана. 22 сентября президент Ирака дал приказ своим вооруженным силам начать против Ирана войну (подробно о войне см. главу XIV).

Хомейни приветствовал начавшуюся войну. «Мы должны быть благодарны Аллаху за войну, которая объединяет нас», — заявил он, призвав иранцев стать шахидами во имя спасения ислама²⁶.

Несмотря на видимость сплочения, борьба за власть не утихла. Война выдвинула на первый план президента Банисадра как главнокомандующего вооруженными силами. Это не могло не вызвать тревогу у верхушки духовенства, которая опасалась, что Банисадр может, опираясь на армию, взять в свои руки бразды правления.

С начала войны премьер-министр Раджаи принял некото-

рые меры, чтобы превратить власть президента в чисто символическую. Он издал циркуляр, согласно которому все распоряжения и даже письма Банисадра должны были утверждаться канцелярией главы правительства. Это означало, что подпись чиновников канцелярии премьер-министра имела больший вес, чем подпись президента, к тому же занятого делами на фронте²⁷. Канцелярия премьер-министра отменила распоряжение Банисадра о выдаче дипломатического паспорта его чиновнику, командированному на съезд Трудовой партии Корен, отклонила просьбу канцелярии президента о выдаче визы американскому тележурналисту, известному своими антишахскими радио- и телепередачами. Раджаи предпринял без согласия президента визит в США для участия в заседании Совета Безопасности. Глава кабинета дал указание не допускать на свою пресс-конференцию журналистов и корреспондентов газеты «Энгелабе эслами»²⁸.

Через десять дней после начала войны неожиданно для президента, но, по-видимому, под давлением руководства ПИР министр национальной ориентации Аббас Дуздузани объявил о ликвидации своего министерства, которое несло ответственность за официальную информацию и пропаганду и в котором работало до 3 тыс. человек. Два с лишним года это министерство было полем сражения между сторонниками Бехешти и «умеренными» и объектом критики со стороны ПИР за «недостаточную верность» принципам имама, неоднократно подвергалось чисткам. Насер Миначи, возглавлявший это министерство до Дуздузани, также подвергался постоянным нападкам, однажды был даже на сутки арестован, когда «студенты-мусульмане» обвинили его в том, что он является американским агентом. Дуздузани предпочел объявить о ликвидации министерства, после того как толпа из 200 человек, собравшаяся у здания министерства, стала скандировать: «Убрать американского агента Дуздузани!» Однако затем Дуздузани предложил вместо этого министерства создать министерство исламской ориентации, что было одобрительно встречено премьер-министром и Бехешти²⁹.

С организацией министерства исламской ориентации нападки на президента усилились. Ведомство информации, подстрекаемое Бехешти и Раджаи, предприняло репрессии против газеты президента «Энгелабе эслами», критиковавшей волюнтаристскую деятельность правительства и поведение членов фракции ПИР в меджлисе. Несмотря на строгое указание президента о том, чтобы материалы военного, политического и экономического характера публиковались только с его санкции, в печать проникала секретная информация со ссылками «на ответственное лицо в Абадане»³⁰.

Продолжалась борьба вокруг незанятых постов в правительстве. К ноябрю 1980 г. в кабинете Раджаи оставались свободными портфели министра иностранных дел, министра про-

свещения, экономики и финансов. Поскольку основным требованием главы кабинета к министрам была принадлежность к «истинным» мусульманам-шиитам и твердая поддержка курса имама, без учета квалификации и специальной подготовки кандидатов, такой подход встретил резкое сопротивление президента, который неоднократно отклонял кандидатов, предложенных Раджаи. Когда член фракции ПИР в меджлисе ходжал-оль-эслам Мусави-Хоэниха заявил, что «поборники профессионализма следуют американским курсом», президент ответил: «Интересно, что сделало нас зависимыми на протяжении двух-трех веков: профессионализм или отсутствие его?»³¹

Тем временем Бехешти и Раджаи сумели сделать своих людей заместителями министров, начальниками управлений, ведомств и отделов в основных министерствах. Фактически все руководящие посты заняли сторонники Бехешти и Раджаи. Так исламская фундаменталистская группировка получила в борьбе с президентом существенный перевес. Банисадр и его окружение остались в меньшинстве, хотя «Энгелабе эслами» продолжала, несмотря на притеснения, регулярно публиковать рабочий дневник Банисадра, в котором он объяснял суть своих разногласий с Раджаи. Заявления президента, как и директора Центрального банка Ноубари и некоторых других деятелей, об экономическом и политическом положении в Иране, о положении на фронте, публиковавшиеся на страницах этой газеты, подчас шли вразрез с заявлениями Хомейни, Бехешти и Раджаи. Не случайно Бехешти, меджлис, КСИР и организация «Студенты-мусульмане — последователи курса имама» усилили нападки на президента, препятствовали его выступлениям по радио и телевидению.

25 октября 1980 г. Банисадр открыто заявил, что премьер-Раджаи, меджлис и даже Высший совет обороны, в состав которого входили и представители духовенства, действуют вопреки конституции. Он предупредил о «фатальных последствиях» подобных действий, указав, что в стране, в которой «все государственные органы вмешиваются во все дела, никогда не будет порядка». В качестве примера Банисадр привел действия меджлиса, пытавшегося в обход президента учредить специальный совет по контролю над телевидением и радиовещанием, хотя эти средства массовой информации согласно конституции находились в ведении исполнительной власти и ее главы — президента ИРИ. Банисадр назвал противоречащими конституции и действия премьер-министра Раджаи, желавшего прибрать к рукам исполнительную власть. Поскольку президент, руководивший военными действиями, подолгу отсутствовал, Раджаи использовал это. Он издал циркуляр о том, чтобы отчеты, проекты и письма всех государственных учреждений направлялись, минуя президента, в канцелярию премьер-министра для осведомления и утверждения³².

5 ноября 1980 г. в программе телевидения «Свободная дис-

жуссия за круглым столом» бывший министр иностранных дел Готбзаде (он занимал этот пост с ноября 1979 г. по август 1980 г.) резко критиковал духовенство, в частности мулл, угрожавших прессе и журналистам. 7 ноября по распоряжению генерального прокурора аятоллы Коддуси Готбзаде был арестован и посажен в тюрьму Эвин.

Еще раньше аятолла Бехешти пытался расправиться с Готбзаде, считая его наиболее сильной личностью в окружении Банисадра. Под давлением Бехешти фракция ПИР еще 27 июня потребовала вызова его в меджлис для объяснения причин плохой работы вверенного ему министерства и небрежного отношения к чистке аппарата. Готбзаде обвиняли также в том, что его точка зрения на проблему американских заложников (он был категорически против их длительного задержания) не совпадала с мнением Хомейни. Когда Раджаи составлял свой кабинет, он отказал Готбзаде в портфеле министра иностранных дел.

Арест Готбзаде возмутил светские оппозиционные круги и обеспокоил умеренное духовенство и даже сторонников Хомейни. Аятолла Яхья Нури в интервью газете «Техран Таймс» назвал арест Готбзаде признаком «ограничения свободы и ослабления ИРИ» и «возврата к единоличной диктатуре в иранском обществе»³³.

Беззаконие, учиненное с Готбзаде, вызвало стихийные демонстрации на тегеранском базаре, в «священном» городе Куме и в некоторых других городах. Участники демонстраций несли транспаранты с лозунгами, требовавшими ограничить деятельность духовенства мечетями. 29 депутатов меджлиса, в том числе Сахаби и Базарган, представлявшие фракцию «независимых», сделали премьер-министру запрос относительно ареста Готбзаде. Президент Банисадр также весьма резко отозвался об этом инциденте, хотя он и Готбзаде были давними соперниками в политической борьбе.

Хомейни вновь пришлось вмешаться. 10 ноября по его личному указанию генеральный прокурор Коддуси освободил Готбзаде на поруки. Вместе с тем Хомейни весьма остро реагировал на выдвинутое массами требование ликвидировать монополию духовенства в решении политических вопросов. Имам выразил гнев по поводу «молчания» базаров Кума и Мешхеда, которые не продемонстрировали верности его курсу.

Однако Бехешти не успокоился. Под его влиянием муллы во главе с аятоллой Монтазери организовали манифестацию торговцев кумского базара «против заговора, имевшего целью подрыв позиций духовенства и ислама»³⁴. Фактически эта акция была направлена против Готбзаде и означала продолжение травли. Газета «Джомхурие эслами» утверждала, что состоявшаяся ранее в Куме демонстрация в защиту Готбзаде была организована «недобитыми» сторонниками буржуазных либералов. Демонстрация в защиту Готбзаде, проведенная на следую-

щий день после его освобождения, была разогнана фанатичными последователями мулл из «Хезболла» и пасдарами. Исламский прокурор заявил, что дело Готбзаде не закрыто.

Некоторые западные обозреватели объясняли готовность Хомейни замять скандал с Готбзаде желанием избежать разоблачений, которые мог сделать бывший министр иностранных дел. Весьма вероятно также, что Хомейни хотел несколько умерить накал борьбы и успокоить оппозицию. Дело в том, что осенью 1980 г. участились столкновения между членами группировки ПИР и Раджаи, с одной стороны, и сторонниками Банисадра — с другой. В Тегеране, Исфахане, Хамадане, Куме и Мешхеде подчас проходили рукопашные схватки с муллами и их сторонниками. Оппозиция выступала против полновластия ПИР, осуждала действия Бехешти и Монтазери³⁵.

Параллельно с этим правительство и ПИР приняли меры, чтобы во всех городах Ирана руководители пятничных молитв призвали верующих оказать массовую поддержку принципу приоритета религиозной власти. 21 ноября в Тегеране и Куме состоялись пятничные намазы, на которых выступили ходжат-оль-эслам Хосейни Хаменеи и аятолла Монтазери. Их проповеди были посвящены особой роли Хомейни как верховного факиха и обоснованию руководящей роли духовенства в Иране.

Сильное недовольство в народе вызвали массовые аресты, казни, пытки и применение наказаний по законам шариата. Со всех концов страны в адрес Хомейни шли письма от родственников пострадавших. Чтобы показать, что он прислушивается к народу, имам распорядился образовать комиссию по расследованию дел арестованных. Генеральный прокурор, возглавлявший комиссию, в заявлении от 11 февраля 1981 г. сообщил, что за два года революции представители исламского правосудия, рассмотрев 11 565 дел, приговорили 406 человек к смертной казни и вынесли другие приговоры 2 тыс. лиц. В действительности цифры были значительно преуменьшены³⁶. Окончательные выводы комиссии так и не были опубликованы.

Не прекращались оппозиционные выступления и манифестации в «святых» городах Куме и Мешхеде. Это заставило Хомейни выступить по радио с грозным предупреждением о необходимости прекращения нападков на духовных лидеров, осуществляющих руководство ИРИ. Назвав подобные выступления «инспирированными», направленными против «революционного ислама», имам угрожал непокорному духовенству высших и средних степеней расправой.

Если кумское духовенство в своем большинстве прибегало к тактике молчания и выжидания, то мешхедские улемы высшего ранга, в том числе аятолла Куми, сидевший при шахе 14 лет в тюрьме, и аятолла Ширази, резко критиковали политику хомейнистского духовенства. В апреле 1981 г. оба аятоллы обвинили режим в «отступлении от истинного пути, указанного исламом». Куми убеждал духовенство не заниматься политикой.

Для него роль шиитских лидеров заключалась в духовной деятельности, в моральном влиянии на мусульманскую общину³⁷. Аятолла Ширази обвинял руководство ИРИ в том, что оно осуществляло управление страной подобно бывшему шаху, рассматривая любое несогласие как измену и предательство.

Помимо указанных духовных авторитетов были еще более смелые оппозиционеры: аятолла Зенджани, старейший духовный лидер, сторонник доктора Мосаддыка, аятолла Махаллати, шейх Али Техрани и др.

В январе аятолла Зенджани осудил режим ИРИ за отход от исламского учения. Он отметил, что аятолла Хомейни злоупотребляет изданием фетв в отношении духовенства высшего ранга, стремясь ограничить его самостоятельность. Зенджани напомнил Хомейни, что в шиитской общине не может быть духовного авторитета, подобного папе римскому, а Наблюдательный совет при меджлисе не может действовать как конклав кардиналов. Он резко критиковал жестокие расправы режима с бывшими шахскими чиновниками, приводя примеры милосердия со стороны пророка и имама Али к «заблуждающимся». По мнению Зенджани, два года, прошедшие после революции, привели к «дискредитации ислама»³⁸. Это выразилось в массовом осуждении лиц, служивших в госаппарате при шахе, назначении на должности прокуроров недостаточно компетентных лиц в области ислама, а на должности судей шариатских судов — студентов медресе, не закончивших образование. Подобная небрежность в подборе судей, отметил он, приводит к тому, что нарушаются два основных принципа правосудия: право обвиняемого иметь адвоката и право обжалования приговора. Зенджани считал также незаконной конфискацию в пользу государства собственности бывших членов правительства и меджлиса, обвиняемых в пособничестве шаху и в связях с Америкой, а также уехавших из страны. Как утверждал Зенджани, отнятую собственность необходимо возвратить хозяевам.

Аятолла Зенджани, как и аятолла Бехаэддин Махаллати, не видел разницы между шахской охранкой САВАК и созданной теократическим режимом Организацией службы безопасности и информации (САВАМА), ибо если при монархии народ заставляли склонять голову перед шахом, «белой революцией» и партией «Растахиз», то теократическое руководство заменило прежний лозунг девизом: «Бог, Коран, Хомейни».

Аятолла Махаллати еще в феврале 1980 г. высказал мнение о неопытности деятелей нового режима, которые «отклонились от начальных целей революции»³⁹. Он заявил, что, поскольку «нынешний политический курс основан на законах ислама, им необходимо неукоснительно следовать». Однако новый режим, ссылаясь на ислам, творил беззакония, считал Махаллати. Он протестовал против «сомнительного» исламского правосудия, определявшего ту степень виновности индивида, когда его можно объявить врагом режима, конфисковать его собственность и

приговорить к смертной казни. Он называл эти акции грубейшей ошибкой и искажением истинной исламской науки о правосудии с ее гуманными предписаниями, разумностью и справедливостью. Махаллати призывал соотечественников объединиться, чтобы спасти отчизну от разрушения и чтобы в Иране восторжествовало истинное учение ислама.

Резкую характеристику хомейнистскому режиму дал шейх Али Техрани из Мешхеда. Он уподобил деятельность ПИР действиям САВАК, заявив, что большинство влиятельных и популярных аятолл считают правящий режим тоталитарным и коррумпированным и что все духовенство не удовлетворено складывающимся положением⁴⁰. Так как ПИР, руководимая Бехешти, не получила поддержку известных шиитских теологов, то, как полагал Техрани, Бехешти и его сторонники представляли меньшинство духовенства, которое никогда не принадлежало к числу истинных ученых. Эти лица, используя лозунги ислама, присоединились к революции с целью захвата власти. И хотя знаменитые шиитские богословы — аятоллы Шариатмадари, Куми, Хойи и др. — стали в 1979—1981 гг. объектом критики, они сохранили уважение к Хомейни.

Открытые высказывания названных духовных лиц против режима, руководства ПИР и лично Хомейни послужили основанием для их преследования. Молодчики из экстремистской «Хезболла» и пасдары изолировали Зенджани, Махаллати, Техрани от их последователей и сторонников, насмехались над ними и давали понять, что только Хомейни имеет неоспоримое право толковать исламские законы.

Особенное беспокойство теократической верхушки вызывали настроения базара и студенчества. Выступая зимой 1981 г. на митинге торговцев базара, Хомейни определил базар как «место соблюдения принципов ислама и справедливости»; он приказал торговцам подчинить всю их деятельность снабжению фронта и не повышать цены, ибо «базар не может и не должен быть местом получения барышей»⁴¹.

Аятолла Бехешти с одобрения имама выдвинул идею о слиянии КСИР с «ополчением обездоленных», создаваемым из добровольцев на средства Фонда обездоленных. Законопроект об этом был передан на рассмотрение меджлиса, хотя руководитель ополчения выступил против слияния, полагая, что в этом случае «ополчению придет конец»⁴². Однако это делалось для усиления ударных отрядов КСИР, для защиты верхушки духовенства. Кроме того, часть «стражей» отправлялась на фронт, и именно они противостояли президенту Банисадру, далеко не всегда подчиняясь его приказам и стараясь ослабить его влияние в армии.

В новом учебном году правительство столкнулось с большими трудностями в области образования. Поскольку многие светские школы были закрыты из-за нехватки преподавателей, удовлетворяющих требованиям духовной верхушки, для препо-

давания начали использовать специалистов, не имеющих педагогического образования, а также толлабов и даже студентов, получивших образование за рубежом. Предполагалось, что, как только откроются университеты и другие вузы, студенты будут обучаться в высших заведениях только своих провинций и в случае острой необходимости одновременно преподавать в школах. Студенты-медики для скорейшего выпуска должны были пройти восьмимесячное обучение и четырехмесячную практику.

Нелегким было финансовое положение страны. Американские банки изъяли из иранских авуаров 1,8 млрд. долл. Банки ряда европейских государств также потребовали от Ирана уплаты его задолженности. 250 иностранных компаний предъявили ИРИ иск на 6 млрд. долл. Введенное главными западными державами экономическое эмбарго привело к тому, что Иран вынужден был закупать товары по ценам на 15% выше их прежней стоимости. Общая сумма импорта составляла в 1980 г. 12,2 млрд. долл.⁴³

Как заявил директор Центрального банка Али Реза Ноубари, уровень производства снизился к началу ноября 1980 г. на 20%. По его мнению, причина экономического кризиса заключалась в том, что годы после революции прошли в основном «в выкрикивании лозунгов, а не в повышении уровня производства». Налицо было отсутствие сырья, запчастей, компетентного управления, юридической и социальной безопасности. В государственном бюджете возросла доля доходов от нефти по отношению к другим доходам, но значительно снизились ассигнования на капитальное строительство⁴⁴.

Экономика Ирана оказалась в еще большей зависимости от практически единственного источника доходов — продажи нефти, хотя поступления от экспорта нефти уменьшились наполовину. Власти были вынуждены восстанавливать «монтажную» (сборочную) промышленность, против которой яростно выступали Хомейни и его сторонники. Поскольку в выступлениях Хомейни говорилось, что, согласно исламу, в стране искореняется ростовщический процент, вводятся меры по усилению контроля над валютным обменом, запрещается вывоз валюты из страны и предпринимается национализация банков, большинство частных вкладов было изъято. Для того чтобы гарантированности с Хомейни и руководством Центрального банка, о выдаче вкладчикам премий «деньгами или натурой», что фактически означало тот же процент (риба), запрещенный Кораном. В начале 1981 г. ряд торговцев, недовольных экономическим застоєм, потребовали от президента устранения неэффективного правительства Раджаи. В витринах их магазинов и лавок был выставлен портрет Банисадра⁴⁵. Абольхасан Лебасчи, руководитель ассоциации торговцев и ремесленников тегеранского базара, заявил, что именно базар сыграл главную роль во

время революции, и выразил беспокойство деятельностью правительства в области импорта и финансовой политики, отметив, что «эмиссия банкнот может усилить инфляцию, к тому же выпуск продукции сокращается».

20 января 1981 г., при новом президенте США, Рейгане, американские заложники были освобождены после 14-месячного заточения. Правительство Раджаи и глава ПИР Бехешти расценили это событие как «победу ислама и капитуляцию США», поскольку США обязались выплатить проценты за использование иранских авуаров, находившихся в американских банках. Что бы ни заявляли Раджаи и Бехешти, немалую роль в решении меджлиса и правительства покончить с вопросом о заложниках сыграла наряду с экономическими трудностями начавшаяся 22 сентября 1980 г. ирако-иранская война.

Раджаи призвал население осуществлять режим экономии, «не копить излишки продуктов и тем самым не поощрять роста цен»⁴⁶. Впервые за свою деятельность в качестве главы правительства Раджаи в феврале 1981 г. «вспомнил» о рабочих и обратился к «сознательным рабочим», призвав их к повышению производительности труда. Раджаи просил рабочих «не прислушиваться к смутьянам, призывающим их устраивать забастовки». Оспаривая высказывания директора Центрального банка и утверждая, что размеры запасов валюты «не внушают опасений», Раджаи указал, что для ИРИ «наибольшее значение имеют не валюта и золото, а учение ислама»⁴⁷. По его мнению, «война может стать благом с точки зрения справедливого распределения возможностей» и «первым шагом для построения подлинно исламского справедливого общества равенства». Вместе с тем Раджаи отметил тяжелое положение, сложившееся в сельском хозяйстве Ирана. Так, в провинции Фарс в ряде мест были уничтожены сады, посевы, разрушена ирригационная система. Происходили столкновения между представителями властей на местах и членами КСИР, между крестьянами и оседлыми племенами. Напряженная обстановка сохранялась в Систане, а также в Белуджистане, в котором был создан Фронт освобождения Белуджистана — группировка, боровшаяся за автономию белуджей в составе ИРИ. Раджаи сообщил, что предполагает обнародовать программу, которая должна изменить положение аграрного сектора⁴⁸.

Обострение противоборства в верхах и устранение А. Банисадра с поста президента

Ирано-иракская война не ослабила борьбу в высших эшелонах власти. Несмотря на систематическое ущемление полномочий президента, Бехешти и премьер-министр Раджаи все-таки не сумели добиться его отставки. Тогда противники Банисадра попытались дискредитировать его авторитет в глазах народа

как верховного главнокомандующего, тем более что военные действия все еще велись на территории Ирана. Бехешти, Монтасери, Хальхали и другие духовные лица выразили удивление затишьем, царившим на фронте, и обвинили Банисадра в нежелании начать контрнаступление. Противники Банисадра желали провала военной кампании, с тем чтобы, обвинив президента в неудачах и в некомпетентности, устранить его со своего пути.

В тот период в ИРИ было два лидера: Хомейни и генеральный секретарь ПИР Бехешти. Оба они постоянно обращались с посланиями к духовенству, меджлису, правительству и народу, чередуя советы и указания с угрозами. Но если Хомейни призывал противоборствующие группировки «сохранять спокойствие и не выступать друг против друга», то Бехешти, напротив, разжигал страсти и призывал к борьбе против организаторов «империалистических заговоров» и «врагов революции», которая, по его словам, не кончилась. С благословения Бехешти правительство Раджаи под предлогом чистки госаппарата от «марксистов» приступило к увольнению из министерств обороны, юстиции и просвещения сторонников Банисадра. «У нас, — говорил Раджаи, — учителями не могут быть люди, не верящие в ислам, мы не можем поручить воспитание молодежи людям, не верящим в ислам, так же как не можем поручить составление исламских гимнов неверующим»⁴⁹. В конце февраля 1981 г. Раджаи обратился в меджлис с просьбой помочь ему назначить временных руководителей тех министерств, из-за кандидатур которых идут беспрерывные споры между сторонниками и противниками премьер-министра. Ему резко возразил президент, назвавший просьбу Раджаи «началом новой фазы распрей»⁵⁰.

5 марта 1981 г. в Тегеране состоялся митинг, посвященный памяти Мосаддыка. В нем приняли участие либерально-буржуазные и левые группировки, а также пасдары, члены ПИР и «Хезболла». Банисадр, выступая на митинге, фактически призвал своих сторонников немедленно начать физическую расправу с противниками. Его поддержали крупные торговцы базара, либералы из Национального фронта, а также деятели типа Мансура Фарханга, бывшего при шахе послом Ирана в США. Когда Банисадр продемонстрировал конфискованные ранее у хулиганствующих элементов документы о принадлежности их к ПИР, «Хезболла» и КСИР, начались ожесточенные столкновения, во время которых было ранено 45 человек. Собравшийся на следующий день меджлис объявил Банисадра виновником столкновения, которое якобы было им заранее запланировано⁵¹. Председатель Верховного суда аятолла Бехешти заявил, что «президент берет на себя роль судьи и полицейского», а Раджаи лицемерно выразил сожаление по поводу того, что «столь высокопоставленное лицо берет на себя право безнаказанно оскорблять своих политических противников»⁵².

7 марта во время массовой пятничной молитвы в Тегеране

хомейнисты, составлявшие большинство присутствовавших, устроили демонстрацию против Банисадра. Они скандировали: «ПИР не пойдет по пути Мосаддыка!», «Главкомандующий — Пиночет, но Иран не будет вторым Чили!», «Авторитет духовенства — это молот против тудеистов!», «Да здравствует имам!» На пятничном намазе присутствовали и сторонники президента. Они, в свою очередь, выкрикивали призывы: «Поднимайся, мусульманин, ПИР превратилась в „Растахиз“!», «Мы с тобой, Банисандр! Бехешти должен быть разоблачен! Смерть Бехешти — главарю банды погромщиков! Да здравствует Мосаддык!»⁵³ Уже сам характер лозунгов позволяет судить о накале страстей.

Противник президента, аятолла Хальхали, в очередной раз сделал запрос в меджлисе, потребовав созвать Верховный суд и высший юридический совет, чтобы эти правовые органы власти отказали в доверии президенту, «растоптавшему конституцию». Группа духовных лиц во главе с Бехешти обвинила Банисадра в том, что характер митинга, состоявшегося 5 марта, «не имел ничего общего с принципами исламской республики, поскольку на нем никто ни разу не произнес «Аллаху акбар!» На митинг не была приглашена верхушка духовенства, в то время как в нем участвовали „нежелательные элементы“: члены „Бюро сотрудничества народа и президента“, представители Национального фронта, моджахеды и даже монархисты. Банисадру был поставлен в вину и тот факт, что он держал охрану в 166 человек, незаконно выделив на ее содержание средства из секретных фондов министерства обороны»⁵⁴.

Члены ПИР провели демонстрации, направленные против президента, не только в Тегеране, но и в Исфахане, Куме, Ширазе. Тогда президент объявил, что он уйдет в отставку, если судебное расследование происшедших событий не будет носить объективный и беспристрастный характер. Банисандр обвинил своих политических противников в заговоре с целью его свержения, приведя в качестве доказательства переданный на обсуждение меджлиса законопроект, согласно которому премьер-министр в чрезвычайных обстоятельствах может взять на себя руководство министерствами, не имеющими министров, в то время как президенту, предложившему своих кандидатов на вакантные посты министров, было отказано⁵⁵. Хомейни снова вмешался в борьбу и отстоял президента, хотя и предупредил его о необходимости действовать в соответствии с конституцией.

Тогда противники президента избрали иной путь борьбы: в апреле и мае 1981 г. на политические партии и группировки, не разделявшие программу ПИР и взгляды духовенства, обрушились суровые репрессии. Генеральный прокурор Коддуси издал циркуляр, определявший статус политических организаций и партий. В мае прокуратура Мешхеда опубликовала распоряжение о запрете распространения 58 газет и журналов в провинции Хорасан. Был арестован Реза Садр, бывший министр тор-

говли в правительстве Базаргана, по обвинению в клевете и подрыве государственной безопасности, что вызвало резкий протест со стороны Базаргана и нескольких других депутатов меджлиса.

Банисадр слишком поздно понял, что ему для проведения своего экономического и политического курса и успешной борьбы с ПИР необходимо создать собственную партию, как это сделали представители экстремистской шиитской верхушки⁵⁶. Тем не менее незадолго до своей отставки Банисадр все-таки попытался приступить к организации партии, ядром которой должны были стать члены редакции газеты «Энгелабе эслами» и «Бюро сотрудничества народа и президента», куда входили представители правых, группа либеральной интеллигенции, а также часть духовенства, оппозиционно настроенная к тоталитарному режиму, который представляли Раджаи, Бехешти, Хашеми-Рафсанджани во главе с Хомейни. К группировке Банисадра примкнули некоторые моджахеды. Банисадр и его самые близкие сторонники, согласно некоторым данным, хотели превратить «Бюро сотрудничества народа и президента» в карающий орган наподобие САВАМА. Но попытка президента создать свою партию провалилась, и не только потому, что трудно было в короткий срок слить в единую коалицию столь разнородные по убеждениям и тактике группы и группировки, но и потому, что ПИР опередила президента и благодаря оперативно проведенной реорганизации службы безопасности и разведки сумела сорвать его замыслы.

8 июня 1981 г. по решению генерального прокурора были закрыты газета президента «Энгелабе эслами» и ряд других изданий. Это был ответ на отказ Банисадра утвердить закон о назначении временных руководителей на посты министров и глав учреждений, предложенных Раджаи и Хашеми-Рафсанджани. Сторонники президента распространили на тегеранском и кумском базарах его воззвание, направленное против ПИР. Почувствовав, что он зажат в тиски, Банисадр увидел единственную возможность покончить со своими политическими противниками — устроить государственный переворот. Находясь на фронте, он вместе с несколькими высшими офицерами начал готовить переворот. План был таков: поскольку руководители ПИР обвиняют президента в недостаточно активных действиях на фронте, он предложит образовать комиссию в составе Бехешти, Монтазери и Хашеми-Рафсанджани, а когда такая комиссия будет создана, пригласит ее в ставку верховного командования; по прибытии в ставку члены комиссии будут арестованы, правительство Раджаи будет объявлено свергнутым, что поставит Хомейни перед свершившимся фактом. Однако заговор был сорван. Полиция арестовала нескольких сотрудников САВАМА, и те под пытками сообщили о готовящемся заговоре; они должны были убить своего начальника генерала Фардуста, а затем присоединиться к Банисадру.

Эти сведения как доказательство вины президента представили Хомейни 9 июня Бехешти и Хашеми-Рафсанджани. Они потребовали снять Банисадра с поста главнокомандующего и провести жесткую чистку в армии. На это Хомейни возразил, что во время войны «нельзя выставлять напоказ противнику наши разногласия»⁵⁷. Тем не менее под нажимом Бехешти, который, обращаясь к Хомейни, сказал: «Если вы его не уничтожите, то тогда я сам и мои друзья уничтожим его и всех соучастников»⁵⁸, Хомейни 10 июня 1981 г. освободил Банисадра от обязанностей верховного главнокомандующего. Временно на этот пост был назначен генерал Фаллахи, исполнявший до этого обязанности начальника генерального штаба.

19 июня открылось заседание меджлиса, продолжавшееся 48 часов. В течение десяти часов Банисадр отвечал меджлису на вопросы: какие законы он нарушил, чувствует ли он свою политическую некомпетентность, достаточно ли он набожен, благочестив и придерживается ли «линии имама». Некоторые депутаты обвиняли Банисадра в симпатиях к США, монархистским группировкам и моджахедам, указывая на его политическую «незрелость». Ходжат оль-эслам Мусави-Хоэниха предъявил документы, найденные «студентами-мусульманами — последователями курса имама», которые якобы свидетельствовали о том, что Банисадр сотрудничал с американцами⁵⁹. Как председатель Верховного суда Бехешти указал на то, что бывший президент не подчинился требованию народа — установить исламский режим на основе исламской конституции. Бехешти обвинил Банисадра и в том, что тот не координировал свою деятельность с деятельностью меджлиса, правительства и судебных органов. В итоге Банисадр был признан «политически некомпетентным». За это решение проголосовали 177 депутатов, 12 депутатов воздержались, 1 депутат проголосовал против. В послании меджлису Хомейни указал, что никто, в том числе и президент, не имеет права не считаться с законами, принятыми меджлисом, и решениями, одобренными Наблюдательным советом.

Антибанисадровский триумвират Бехешти — Хашеми-Рафсанджани — Раджаи торжествовал: он одержал победу и скинул президента. Решение меджлиса и надписи на стенах домов: «Смерть президенту!», «Смерть Банисадру!» — предопределили судьбу президента⁶⁰. Банисадр понимал, что с ним разделяются так же, как перед этим разделились с Готбзаде и другими неприемлемыми для ПИР политическими деятелями, которые были казнены. Однако, до того как был выдан ордер на его арест, Банисадр сумел скрыться. В Иране был объявлен общегосударственный розыск.

Бегство Банисадра организовал лидер «Моджахедине хальк» Раджави с помощью бывшего личного пилота шаха. Банисадра загримировали, переодели в женское платье и привезли в санитарной машине на летное поле столичного аэродро-

ма Мехрабад, где его ждал самолет. Вместе с Банисадром улетел и сам Раджави. Произошло это в конце июля 1981 г. Самолет был перехвачен в воздухе иранскими истребителями. Однако, когда пилотировавшие их летчики по радиации узнали, что его ведет национальный герой Ирана, они позволили самолету покинуть воздушное пространство ИРИ, и беглецы благополучно приземлились во Франции⁶¹.

Оценивая в целом итоги пребывания Банисадра на посту президента, мы смело можем сказать, что он не был крупным политическим деятелем. Сразу же после избрания на этот пост он приобрел популярность среди либеральных, «умеренных» и левых группировок своими выступлениями против деспотизма и нетерпимости шиитских лидеров (в том числе руководства ПИР), стремившихся захватить бразды правления в государстве. Банисадр резко критиковал мусульманскую цензуру, неоправданное увольнение десятков тысяч человек под предлогом их немусульманского мировоззрения, призывал отменить казни, пытки и скороспелые решения шариатских судов и «революционных трибуналов». Выступая до известной степени за либерализацию Ирана, он считался выразителем интересов «прозападных интеллектуалов», чем снискал ненависть хомейнистского руководства. В то же время 17-месячное пребывание на посту президента показало слабые стороны Банисадра: неспособность решать серьезные вопросы в области экономики и политики, недостаток опыта, колебания в критических ситуациях, когда возникала необходимость мобилизовать массы для активных действий, страх перед Хомейни, как и вообще политическая трусость. Эта трусость проявилась, например, в тот момент, когда режим и ПИР, используя хулиганствующие элементы из «Хезболла», обрушились на моджахедов, постоянно оказывавших поддержку Банисадру. Президент знал о готовившейся расправе, но не предупредил моджахедов. Можно согласиться с мнением зарубежного обозревателя, указавшего, что Банисадр был «всего лишь одним из чиновников, которого можно в любое время заменить и который находился у власти до тех пор, пока аятолла Хомейни оказывал ему поддержку»⁶².

Между тем 20 июня 1981 г. в Тегеране состоялась массовая демонстрация в знак протеста против отстранения Банисадра. На ее подавление руководство ПИР и правительство бросили стражей исламской революции, которые жестоко расправились с ее участниками: многие были убиты, сотни — ранены. Жесткие репрессии обрушились не только на моджахедов и радикальную университетскую молодежь, но и на влиятельных купцов базара, оказавших ранее существенную поддержку Хомейни. Было казнено несколько известных торговцев, чтобы деморализовать активную часть базара, прежде чем она, со своей стороны, предпримет действия против ПИР.

В тот же день Национальный фронт призвал иранский народ провести на площади Фирдоуси митинг в защиту Банисад-

ра. Хомейни узнал о предстоящем митинге за несколько часов до его начала. Он тут же обратился по радио к населению, под-
вергнув Национальный фронт резкой критике. Еще до начала
митинга руководство ПИР, прибегнув к помощи пасдаров и чле-
нов «Хезболла», вывело на площадь Фирдоуси и прилегающие
к ней улицы многотысячную фанатичную толпу с дубинками,
ножами, палками под руководством уже «прославившихся»
бандитов Гаффари и Хеджави. Погромщики скандировали:
«Куда ты спрятался, националист?» Члены Национального
фронта и их многочисленные сторонники вынуждены были оста-
вить мысль об организации митинга. Больше Национальный
фронт не пытался устраивать митинги и демонстрации.

Если ранее схватки противоборствующих группировок не
носили ожесточенного характера, то летом 1981 г., особенно
после отставки Банисадра, они превратились в вооруженные
столкновения. При этом режим жестоко расправлялся с моджа-
хедами, считавшими, что революция должна вступить в новый,
национально-демократический этап, а также со сторонниками
Мосаддыка и «независимыми».

После отстранения Банисадра от власти функции президен-
та выполнял триумvirат Бехешти — Хашеми-Рафсанджани —
Раджаи. Выборы нового президента (и довыборы депутатов в
меджлис) должны были состояться 24 июля 1981 г. В Тегера-
не циркулировали слухи о том, что Хомейни может выдвинуть
на этот пост Бехешти или светского деятеля — члена ПИР; ая-
толла Бехешти не подтверждал, но и не отрицал этих слухов;
он лишь заявил, что, если его назовут кандидатом в президен-
ты, он готов служить ИРИ⁶³. Однако, по-видимому, Хомейни
боялся концентрации власти в руках столь сильного духовного
лидера. Поэтому он предложил руководству ПИР назвать пер-
вым кандидатом в президенты главу правительства Раджаи.
Бехешти не возражал против решения имама, но объявил о со-
зые 28—29 июня 1981 г. внеочередной конференции ПИР, на
которой должны были быть названы кандидаты в президенты.
В повестку дня конференции были также включены вопросы об
определении ежегодного бюджета ИРИ, размерах налогов и ряд
других экономических задач. Конференция должна была решить
партийные вопросы и вопрос (что было особенно важно для
партии) об отношении к самой сильной оппозиционной группир-
ровке — организации «Моджахедине хальк», поскольку в этом
в руководстве ПИР не было единого мнения.

Если светские радикальные группировки и Курдская демок-
ратическая партия не вызывали у ПИР большой тревоги, то
моджахеды, сыгравшие большую роль в подпольной борьбе
против шахского режима и в свержении монархии, представля-
ли для нее грозную опасность. Предъявить им обвинение в
том, что они являются шахскими шпионами или действуют в
интересах империалистов, руководство ПИР не могло. Между
тем ни казни, ни расправы не сломили духа моджахедов; они

все чаще прибегали к террористическим акциям, а расправы с ними создавали им ореол мучеников. Два члена руководства ПИР, Хасан Айят и Джелаледдин Фарси, серьезно обеспокоенные террористической деятельностью моджахедов, считали, что из тактических соображений необходимо заключить с ними временный союз в том случае, если они примут два условия: откажутся от вооруженной борьбы против режима и проявят уважение к принципам конституции. Однако большинство членов руководства ПИР, в том числе Хашеми-Рафсанджани, аятолла Шейбани, ходжат аль-эслам Бахонар и Али Раджаи, выступили даже против временного союза с моджахедами, считая подобное объединение противоречащим сущности исламского режима. И только Бехешти хранил молчание, сказав, что об этом он выскажется позднее, на внеочередной конференции ПИР. Однако, когда в 9 часов 15 минут утра 28 июня 1981 г. он обратился с речью к участникам конференции, заседавшим в помещении штаб-квартиры партии, раздался оглушительный взрыв, в результате которого погибли 72 человека, в том числе сам Бехешти и сын будущего преемника имама — аятоллы Монтазери, 4 министра, 6 заместителей министров, 20 депутатов меджлиса и другие видные деятели ПИР⁶⁴.

Обращает на себя внимание следующий факт: за несколько минут до взрыва из зала заседания были вызваны Хашеми-Рафсанджани, Раджаи и министр нефти и природных ресурсов Бехзад Набави. В зале отсутствовали также Хасан Айят и Джелаледдин Фарси.

В связи с гибелью аятоллы Бехешти в стране был объявлен траур. Однако нельзя сказать, что сам имам был очень расстроен смертью Бехешти. Он, как и Хашеми-Рафсанджани и Раджаи, был больше озабочен предстоявшими 24 июля выборами президента и довыборами депутатов в меджлис. Возрастной ценз избирателей был снижен до 15 лет. В 16 лет подростки могли быть избранными в меджлис. Довыборы происходили в 46 округах. Из 222 претендентов должно было быть избрано 32 человека. Кандидатом на пост президента, одобренным имамом и многочисленными исламскими организациями, был назван Али Раджаи.

В создавшихся условиях Национальный фронт призвал народ бойкотировать выборы президента и довыборы в меджлис. В выборах приняли участие 14,7 млн. избирателей. Раджаи получил большинство голосов (за него, по официальным данным, проголосовали 13 млн. человек). 2 августа Хомейни выступил по радио и объявил Раджаи президентом ИРИ⁶⁵. Обращаясь к новому президенту, имам сказал, что если тот «отступит от истинного ислама, то завтра те 13 миллионов, которые голосовали за него, будут кричать: „Смерть Раджаи!“»⁶⁶. Премьер-министром впервые за время существования ИРИ было назначено духовное лицо — ходжат аль-эслам Бахонар, он же заменил Бехешти на посту генерального секретаря ПИР. Это

означало, что все высшие государственные посты отныне заняты членами ПИР. К ним примыкал аятолла Мусави-Ардебили, который был назначен Хомейни вместо погибшего председателя Верховного суда. Таким образом, установился однопартийный контроль над органами законодательной, исполнительной и судебной власти.

13 августа Бахонар представил меджлису свой кабинет и огласил правительственную программу. Одной из главных задач он назвал «расширение взаимодействия между правительственными учреждениями и другими органами власти». Бахонар пообещал принять все меры, чтобы «очистить иранское общество от фракций, связанных с деятельностью международного империализма и сионизма»⁶⁷.

За очень короткий срок деятельности Раджаи и Бахонара (июль—август 1981 г.) никаких существенных сдвигов в государственной политике не произошло. Эти месяцы ознаменовались «охотой на ведьм» — чисткой, арестами и т. п. Пасдары, САВАМА и представители духовенства, связанные с ПИР, всюду видели врагов режима, в первую очередь среди молодежи. Через день после того как Раджаи был объявлен президентом, он обратился к моджахедам с призывом сдать оружие, прекратить вооруженное сопротивление и «вернуться к исламу»; если же этого не произойдет, сказал он, «война с моджахедами будет продолжаться, пока существует враг и пока он угрожает нашей революции»*. Лидер моджахедов Раджави, бежавший из Ирана, утверждал, что к началу августа 1981 г. в тюрьмы было посажено 7 тыс. моджахедов, казнено 455⁶⁸.

19 августа 1981 г. Хомейни в присутствии командиров КСИР, представителей радио и телевидения, осудив массовые террористические акты, назвал их «заговором западных и восточных держав», тех, «кто хотел бы уничтожить ислам или превратить его в нечто лишь на него похожее»⁶⁹. Однако он ни слова не сказал о массовых жестоких преследованиях иранцев, не желающих идти на поводу у духовенства.

Раджаи и Бахонар продолжали в основном заниматься чисткой государственного аппарата, следуя завету покойного аятоллы Бехешти, по словам которого путь к коммунизму лежит через все формы секуляризма, как правого, так и левого толка; поэтому, борясь с монархизмом и социализмом, против секуляристских течений, приспособляющихся к исламу, надо вести борьбу против «главной, раковой болезни, или истинно левых, — только тогда чистка будет завершена»⁷⁰. Экономические вопросы президент и глава правительства пустили на самотек, в то время как кризисные явления в основных отраслях народного хозяйства продолжали нарастать. Единственным крупным источником доходов ИРИ оставалась нефть, причем, как уже отмечалось, в тот период доходы от продажи нефти наполови-

* Подробно см. параграф «Наступление исламского режима на левые силы. Разгром Организации моджахедов иранского народа».

ну уменьшились. Бывший начальник одного из военно-морских ведомств так охарактеризовал диктатуру мулл: «Это продажный халифат. Некоторые деятели извлекают личную выгоду из торговли нефтью, имея банковские счета в Швейцарии»⁷¹.

Триумvirат Раджаи — Хашеми-Рафсанджани — Бахонар просуществовал недолго. 30 августа 1981 г. в канцелярии главы правительства во время заседания Высшего совета обороны, на котором присутствовали Раджаи и Бахонар, произошел взрыв. В результате взрыва погибли президент и премьер-министр. Хашеми-Рафсанджани повезло: он не присутствовал на заседании.

Итак, к осени 1981 г. враждующие группировки лишились своих лидеров: Банисадр бежал за границу, Бехешти, Бахонар и Раджаи погибли. Смерть Бехешти, имевшего огромное влияние и авторитет в руководстве, означала, что у Хомейни больше не осталось сильных соперников на пути к единоличной власти.

Наступление исламского режима на левые силы. Разгром Организации моджахедов иранского народа

В течение последней декады февраля 1979 г. НПИ, ОМИН и ОПФИН обнародовали свои программные документы, в которых подчеркивали необходимость борьбы за демократизацию общественного строя, проведение социально-экономических преобразований, искоренение остатков шахского режима в правительственных учреждениях, высылку американских специалистов и т. д. ОПФИН и ОМИН потребовали сформировать Революционный совет на основе свободных выборов, установить подлинно народную власть путем образования рабочих советов и комитетов на предприятиях, в учреждениях, в армии. Эти требования, писал журнал «Экономист», «вызвали страх в Тегеране и Куме»⁷².

В агитационных целях федаи решили устроить 22 февраля 1979 г. шествие к тегеранской резиденции Хомейни, с тем чтобы вручить ему свою программу-минимум. Когда Хомейни узнал об этом, он выступил с заявлением, которое было опубликовано в газетах под названием «Предупреждение имама». В нем говорилось: «Я не потерплю действий этих контрреволюционных элементов. Все слои населения, как бы они ни назывались, могут продолжать свою деятельность только под знаменем ислама, в противном случае их деятельность будет рассматриваться как восстание против исламской революционной власти»⁷³.

Федаи отказались от своего намерения, однако 23 февраля организовали на территории Тегеранского университета многотысячный митинг, на котором были зачитаны их требования и письма трудящихся из различных провинций с призывами к ра-

дикальным преобразованиям. Некоторые ораторы высказали мнение о том, что имама изолируют от народа его приближенные.

На следующий день свой митинг провели члены ОМИН и их сторонники. Они потребовали от правительства М. Базаргана принятия следующих мер:

ропуска шахских вооруженных сил и замены их революционной народной армией;

снятия всяких ограничений для деятельности «подлинных революционеров»;

предания гласному народному суду ставленников шаха, совершивших преступления;

предоставления народу возможности самому вершить собственные дела путем избрания на предприятиях, учреждениях и воинских частях демократических советов.

В ответ на выступления левых по стране прокатилась волна арестов членов ОПФИН и ОМИН. Анализируя причины этих репрессий, «Экономист» писал: «Резкие нападки Хомейни на эти группировки вызваны его убеждением, что их стремление создать государство со светским правлением той или иной окраски представляет собой угрозу рисующемуся ему в мечтах исламскому государству. Поэтому он и ополчился против бывших партизанских группировок, члены которых томились годами в шахских тюрьмах, против активистов революционной борьбы, против организаций, выступающих в защиту гражданских прав, и даже против тех купцов на базарах, которые щедро жертвовали на революцию»⁷⁴.

Еще большие противоречия между режимом и левыми силами возникли при проведении референдума относительно формы государственного устройства.

Один из членов руководства ОМИН в интервью, данном во второй половине 1979 г., так объяснил позицию своей организации в отношении референдума: «Мы поддержали призыв к созданию исламской республики, но выступили против реакционных элементов в ней. Через три недели после тегеранского восстания мы заявили, что революция набирает темпы и может быть остановлена только после решительного прохождения антиимпериалистического этапа. Эта позиция сразу же отделила нас от тех, кто находится в правящей верхушке. Мы сделали это преднамеренно, чтобы продемонстрировать, что представляет собой исламское течение, независимое от правящей олигархии. Не в пример марксистской оппозиции (речь идет об ОПФИН, а не о НПИ. — *Ред.*) мы не против исламской республики как таковой, мы — против ее классового характера»⁷⁵.

Резкое недовольство властей вызвали требования федаев и моджахедов решить национальный вопрос, а также провести аграрную реформу. Попытки членов ОПФИН явочным порядком осуществить эти преобразования в туркменских районах Хорасана и в арабских — Хузестана были подавлены воински-

ми частями с применением истребителей-бомбардировщиков «Фантом» и боевых вертолетов. В Хорасане в апреле 1979 г. погибло 70 и было ранено 170 человек; в Хузестане было разгромлено бюро ОПФИН и арестовано более 40 человек⁷⁶.

В числе левых сил, подвергшихся репрессиям, был Национально-демократический фронт (НДФ), созданный в марте 1979 г. внуком Мосаддыка адвокатом Хедаятом Матин-Дафтари, а также Шокроллоу Пакнежадом и Манучехром Хезархани. ОПФИН и ОМИН одобрили программу фронта и согласились на определенных условиях сотрудничать с ним. В июне 1979 г. по инициативе НДФ в Тегеране состоялась конференция представителей национальных меньшинств, на которой было принято решение создать 23 августа 1979 г. в Мехабаде Конгресс народов Ирана с участием всех национальных политических организаций. Предполагалось также участие в работе конгресса представителей организаций федаев и моджахедов.

До августа 1979 г. режим Хомейни фактически не делал различия между оппозиционными организациями во время широкой пропагандистской кампании, развязанной против левых сил. Однако после обострения обстановки в Иранском Курдистане, когда все левые организации обнародовали свои заявления по поводу событий в этой провинции, нажим на НПИ, ОПФИН и ОМИН, оказываемый властями, стал дифференцироваться в соответствии с позицией каждой из этих организаций. Хотя правые пытались представить «коммунистами», «атеистами», «агентами Запада и Востока» членов всех трех организаций, августовские репрессии в первую очередь были направлены против федаев; на втором месте по степени жестокости репрессий, обрушившихся на левые силы, стояла ОМИН, на третьем — Народная партия Ирана. Объяснить это можно тем, что, во-первых, федаи отказались участвовать в референдуме относительно формы государственного устройства, сочтя неправомерной и незаконной формулировку вопроса, поставленного Хомейни; во-вторых, они не сдали оружие (как, впрочем, и моджахеды); в-третьих, на выборах в Совет экспертов за их кандидатов проголосовало не более 100 тыс. человек. Таким образом, режим решил нанести удар по ОПФИН как по наиболее непримиримому противнику, имевшему в то время сравнительно слабое влияние в массах.

Следующими на очереди были моджахеды, проголосовавшие за исламскую республику, но не сдавшие оружие и набравшие на выборах около 300 тыс. голосов. С ними Хомейни до поры до времени вынужден был считаться.

Оставалась НПИ, которую режим вообще не считал серьезным политическим противником, так как она фактически полностью поддерживала стратегическую (в обозримых тогда пределах) линию имама, не имела своих вооруженных отрядов, а на выборах получила не более 47 тыс. голосов⁷⁷.

Воспользовавшись серьезными разногласиями в лагере ле-

вых, в особенности непримиримой позицией НПИ, в ультимативной форме требовавшей от ОПФИН и ОМИН признания ее главенствующей роли в предлагавшемся ею едином фронте левых сил, режим сравнительно легко расправился поодиночке с основными левыми оппозиционными организациями. Уже в начале 1980 г. ОПФИН перешла на нелегальное положение, а в июне того же года раскололась на большинство, примкнувшее к НПИ, и меньшинство, ушедшее в Курдистан для продолжения вооруженной борьбы. В отличие от большинства федаев ОМИН не шла ни на какое сотрудничество с НПИ.

Моджахеды, которых также серьезно заделли репрессии властей в августе 1979 г., проявляя выдержку, неоднократно обращались к Хомейни с просьбой оградить их центры в Тегеране и в провинциях от нападений, совершавшихся членами КСИР и «Хезболла». Учитывая военную мощь ОМИН и значительное число ее сторонников (западные дипломатические источники называли цифры от 20—25 тыс. до 500 тыс. человек и более), правительство прибегало к тактике лавирования в отношении моджахедов. Так, в феврале 1980 г. министерство внутренних дел подтвердило право ОМИН на политическую деятельность и потребовало возвращения ей захваченных пасдарами помещений и имущества.

В июне 1980 г. лидер ОМИН М. Раджави заявил корреспонденту «Монд», что реакционные муллы подхватили самую большую ложь века, которую распространял в свое время шах, а именно будто моджахеды являются марксистами, выдающими себя за мусульман. Они, сказал М. Раджави, обвиняют нас в том, что мы занимаем просоветские позиции, тогда как мы защищаем лозунг «Ни Восток, ни Запад», отказывая тем самым обеим «сверхдержавам» в привилегированном положении в Иране.

После долгого молчания по поводу протестов моджахедов Хомейни 25 июня 1980 г. в речи, переданной в записи по радио, вновь подверг резким нападкам левые силы, в особенности ОМИН. Он напомнил, что еще во время его пребывания в изгнании в Эн-Неджефе к нему приходили представители моджахедов, вели с ним религиозные диспуты и просили благословения на вооруженную борьбу, а он якобы ответил им отказом, заявив: «Вы не сможете вести вооруженную борьбу. Не тратьте силы напрасно». А сейчас, продолжал Хомейни, «они хотят уничтожить нас самим Кораном и самим „Нахдж оль-балаге“⁷⁸, а также уничтожить и Коран и „Нахдж оль-балаге“». Он утверждал, что моджахеды только внешне мусульмане, а под маской мусульман у них второе лицо — «лицо, подобное Мохаммеду Резе (Пехлеви. — *Ред.*)». «Двурушники⁷⁹ хуже кафи-ров»⁸⁰, — заявил Хомейни. Во время революции, сказал имам, они либо отсиживались за границей, либо сидели в Иране и выжидали, кто победит.

За период с 22 марта по 27 апреля 1980 г. членами КСИР и

«Хезболла» было совершено 80 акций против членов ОМИН, ее центров, типографии и т. д.⁸¹. В конце июня, т. е. после выступления Хомейни, организация объявила о том, что она закрывает все свои бюро, прекращает созыв митингов и проведение демонстраций до тех пор, пока правительство не определит свое отношение к ОМИН и месту моджахедов в политической жизни страны в соответствии с конституцией.

Несмотря на эту уступку, травля ОМИН еще более усилилась. «Студенты-мусульмане — последователи курса имама» выступили с резкими нападками на моджахедов, отрицая их роль в антишахском движении и во время февральского восстания. Газета «Собхе азадеган» опубликовала лживые материалы о связях ОМИН с бывшим премьер-министром Ш. Бахтияром. По всей стране началась охота на моджахедов. Попутно облавы устраивались и на членов других левых организаций. В ряде провинций власти запретили деятельность левых партий и организаций до вынесения парламентом окончательного решения по этому поводу.

12 февраля 1981 г. орган ОМИН газета «Моджахед» в редакционной статье резко осудила антидемократизм режима Хомейни, репрессии в отношении левых. Реакционные силы, говорилось в статье, используют ирано-иракский конфликт, подобно тому как раньше они использовали вопрос о заложниках, чтобы отвлечь внимание народа от острых внутренних задач. Теперь возникла проблема беженцев, резко сократился выпуск продукции на промышленных предприятиях, значительно уменьшился объем продукции сельского хозяйства и увеличилось количество импортируемых продуктов питания, выросли безработица и инфляция. «Такая ситуация возникла не случайно и не стихийно. Она — результат действий лиц, находящихся у власти».

Каким же виделось моджахедам будущее Ирана через два с лишним года после революции? «Мы можем совершенно уверенно и определенно заявить: революция не умерла и не умрет, — говорилось в статье. — Народ, который ее совершил, никому не позволит принести ее в жертву личным амбициям и алчным устремлениям. Народ, свергнувший деспотический режим шаха, еще может устранить все препятствия, шире распахнуть дверь перед революцией... На этом этапе мы должны указать на огромную ответственность, которая лежит на плечах национальных прогрессивных элементов и революционных сил. Эта ответственность, правильно оцененная и понятая указанными элементами и силами, является решающим фактором победы революции и народа. Будущее покажет, в какой степени эти элементы и течения поняли и восприняли свою ответственность».

К сожалению, ОМИН не выдвинула конкретных предложений, обращенных к прогрессивным силам. Можно понять, что речь шла о создании единого фронта этих сил. Однако суть,

форма, принципы его были обойдены, и заявление об «огромной ответственности» лишь продемонстрировало готовность организации к борьбе против режима.

Нерешительностью и колебаниями отмечен весь путь организации моджахедов. В частности, как уже говорилось выше, в 70-е годы моджахеды пытались заручиться поддержкой аятоллы Хомейни. Однако тот отказался заключить с ними союз, ибо не разделял их концепции «революционного ислама». Аятолла смотрел далеко вперед и еще тогда, находясь в ссылке, готовил для себя место «верховного вождя» — факиха, обладающего практически неограниченными (к тому же, не в пример свергнутому шаху, законодательно оформленными) полномочиями.

В годы, непосредственно предшествовавшие революции, и в течение нескольких месяцев после нее моджахеды провозгласили своим духовным отцом аятолле Махмуда Талегани. 14 апреля 1979 г. ОМИН выступила с заявлением, в котором, в частности, объявила, что все ее боевые отряды она предоставляет в его распоряжение и просит его стать посредником и полномочным представителем в контактах с правительством М. Базаргана. Появление у ОМИН такого сильного покровителя, пользующегося огромным авторитетом, который теперь был подкреплен и силой оружия ОМИН, не могло не насторожить Хомейни. Чтобы оказать на Талегани давление, 12 апреля один из исламских комитетов, как уже было отмечено, арестовал обоих его сыновей, являвшихся членами ОМИН. Сам аятолла в знак протеста против самочинных действий комитетов по всей стране и ареста его сыновей удалился из Тегерана и укрылся в неизвестном месте. «Исчезновение» Талегани вызвало большое беспокойство среди его почитателей и последователей. В поддержку Талегани проводились многотысячные демонстрации. Здесь добавим, что глава правительства М. Базарган с большим трудом добился освобождения детей аятоллы. 18 апреля М. Талегани, как мы писали ранее, вернувшись в Тегеран, имел двухчасовую беседу с Хомейни, о результатах которой не сообщалось. Однако вскоре стало ясно, что Талегани сдался. С этого момента он постепенно начал отходить от активной политической деятельности. 10 сентября 1979 г. Талегани внезапно скончался⁸².

Итак, моджахеды на некоторое время вновь остались без авторитетного покровителя. После избрания 25 января 1980 г. А. Банисадра на пост президента ОМИН стала поддерживать его линию и установила с ним контакты.

Развертывание кампании нападков на А. Банисадра со стороны ПИР сопровождалось усилением репрессий против моджахедов. ОМИН обратилась 3 мая 1981 г. к аятолле Хомейни с открытым письмом, в котором привлекла его внимание к этим репрессиям. В печати, по радио и телевидению велась разнузданная травля членов организации; пасдары и члены «Хезбол-

ла» совершали нападения на центры ОМИН в столице и провинциях, арестовывали, пытали, казнили моджахедов под предлогом, будто именно они занимаются убийствами и грабежами, устраивают беспорядки и т. д.

Далее в письме говорилось, что, несмотря на неоднократные просьбы моджахедов, судебные органы отказываются рассматривать их заявления. Министр внутренних дел, председатель меджлиса и председатель Верховного суда открыто называют их контрреволюционерами, обвиняют в связях с шахской агентурой и издевательски выдают убийства моджахедов за якобы совершенные их же товарищами.

ОМИН также отмечала, что, в то время как в стране развиваются гонения на истинных революционеров, для народа практически ничего не сделано и не делается: «Наши горести — это в основном горести и бедствия очень широких слоев нации, которая сегодня еще больше, чем раньше, чувствует, что им не досталось даже минимума материальных и духовных благ, ожидавшихся от революции. Создается впечатление, что земли, так же как и другие богатства, и различные привилегии остались у тех же, у кого они и были; об объявленных свободах — ни слуху ни духу; в проведении курса антиимпериалистической борьбы правительство пошло на обман».

В заключение моджахеды просили у Хомейни аудиенции, чтобы изложить ему свою точку зрения на ситуацию в стране, разъяснить позиции ОМИН по вопросам внутренней и внешней политики и внести предложения по стабилизации положения в Исламской Республике Иран⁸³.

Однако Хомейни отказался встретиться с представителями ОМИН, потребовав от организации немедленной сдачи оружия.

В обстановке усиливавшейся травли президента М. Раджави выступил с заявлением о том, что ОМИН приняла решение с 20 июня 1981 г. начать вооруженную борьбу против теократического режима. «Мы, — сказал М. Раджави, — решили начать справедливое и законное сопротивление, которое, по нашему мнению, является истинно народным и исламским. Мы хотели преподать урок кровожадному палачу, считающему себя представителем бога на всем земном шаре и даже самим богом. Мы хотели показать, что не только он один пишет историю... что он еще не знает моджахедов — этих самых любимых детей иранского народа»⁸⁴.

В этот день в устроенных моджахедами по всей стране демонстрациях протеста приняло участие около 500 тыс. человек. Во время столкновений со стражами исламской революции и членами «Хезболла» было убито 30 человек, в том числе 14 «стражей», и 200 ранено. В ночь на 21 июня в тюрьме Эвин было казнено 250 человек, среди них 15 девушек в возрасте от 13 до 17 лет, которые распространяли на улицах издания ОМИН⁸⁵.

21 июня 1981 г. газета «Кейхан» опубликовала полный

текст «Военно-политического коммюнике» ОМИН, датированного 18 июня. В документе говорилось, что в связи с продолжающимися нападениями на членов ОМИН, а также незаконными арестами сотрудников президентской канцелярии и другими действиями, свидетельствующими «об осуществлении широкого плана изоляции всех прогрессивных деятелей», организация «просит у героической иранской нации разрешения отныне прибегать к самому решительному сопротивлению всеми возможными средствами, чтобы защитить жизнь своих членов и особенно членов центрального руководства организации — действительных защитников всего народа и революции. Отныне вся ответственность за последствия этого революционного сопротивления лежит только на реакционерах — обладателях монопольной власти и на их погромных бандах».

24 июля, в день выборов нового президента (им, напомним, стал Раджаи), моджахеды провели 120 вооруженных акций⁸⁶.

Одновременно с нападениями на группы членов КСИР моджахеды прибегли к тактике индивидуального террора. Как было сказано выше, 28 июня в Тегеране произошел взрыв, в результате которого погибли 74 человека, в том числе лидер Партии исламской республики аятолла Бехешти. Выступая по радио с посланием к народу в связи с этим актом, Хомейни обвинил моджахедов в «попытках отдать Иран на разграбление сверхдержавам Востока и Запада». Один из руководителей Корпуса стражей исламской революции заявил, что взрыв в штаб-квартире ПИР был организован членом «Моджахедине хальк» Мохаммедом Резой Колахи. 30 августа 1981 г., как уже упоминалось, в результате взрыва бомбы в канцелярии премьер-министра погибли президент Раджаи и премьер-министр Бахонар. Кто в действительности организовал эти взрывы — так и осталось тайной. Во всяком случае, моджахеды не сделали заявления о своей причастности к ним.

А. Банисадр, который за несколько дней до смещения с поста президента скрылся, 29 июля объявился в Париже вместе с М. Раджави.

В сентябре 1981 г. ОМИН объявила о создании в коалиции с А. Банисадром Национального совета сопротивления (моджахеды по-прежнему считали Банисадра законно избранным президентом); М. Раджави сформировал правительство в изгнании. В «Программе Национального совета сопротивления и Временного правительства Демократической исламской республики Иран» говорилось, что власть должна принадлежать национальным и народным советам, создаваемым в каждом городе; провозглашалась необходимость социально-политического равенства и предоставления автономии всем национальностям, особенно курдам; содержалось требование провести аграрную реформу, распустить исламские комитеты и трибуналы, обеспечить юридические гарантии политической, профессиональной и культурной деятельности, отменить цензуру, прекратить репрес-

сии и пытки, обеспечить равенство мужчин и женщин, социальные и политические свободы, уважение прав рабочих и крестьян. В Программе ставилась задача перейти от пассивного или индивидуального сопротивления к массовым манифестациям и уличной вооруженной борьбе, планировалось забастовками парализовать экономику и деятельность административного аппарата исламского режима и продолжать борьбу до его свержения⁸⁷.

Объясняя различия между исламской республикой Хомейни и исламской республикой, которую предлагают моджахеды, М. Раджави заявил: «Во-первых, наша исламская республика носит название демократической. Во-вторых, эта республика предполагает наличие национальных, прогрессивных и демократических черт и лишена черт реакционных и средневековых. В-третьих, в этой республике не будет места убийствам, пыткам, казням, удушению свободы, закрытию университетов, лжи, проповедям в пользу невежества, не будет обмана, экономического банкротства...»⁸⁸.

В статье Ф. Холлидея «Четвертый год исламской республики» со ссылкой на слова М. Раджави говорится о том, что борьбу против нынешнего иранского режима Организация моджахедов делит на три этапа (фазы): первый — «разоблачение диктаторского характера режима»; второй — «вооруженные акции против репрессивного аппарата режима»; третий — «народное сопротивление, забастовки и восстания»⁸⁹.

В интервью Ф. Холлидею М. Раджави назвал Организацию моджахедов «националистической, демократической и прогрессивной». Он отказался именовать ее марксистской, сославшись на то, что Хомейни использует это название для дискредитации моджахедов и обвинения их в ориентации на марксизм⁹⁰.

Столкновения между моджахедами и «стражами» продолжались с прежним ожесточением, однако к концу 1981 г. стало ясно, что ОМИН обескровлена. Так, в листовке организации от 9 сентября 1981 г. говорилось, что режим Хомейни уже уничтожил в 12 раз больше моджахедов, чем режим шаха, и увеличил число политзаключенных более чем в 4 раза. На обороте листовки был опубликован призыв председателя Национального совета сопротивления М. Раджави ко всем «демократическим силам мира, всем правительствам и парламентам, партиям и организациям, профсоюзам и советам, а также международным организациям» осудить «преступления Хомейни».

20 сентября 1981 г. М. Раджави сообщил, что число моджахедов, казненных начиная с 20 июня, достигло, по данным властей, 1400⁹¹.

В многочисленных интервью и на пресс-конференциях, проведенных М. Раджави в Париже, он разъяснял идеологию движения моджахедов и их цели на новом этапе революции так: «Мы, моджахеды, — адепты истинного ислама, прогрессивного, демократического, национального, признающие власть лишь

как средство для установления морального и материального равенства в человеческом обществе. Путь к достижению этой цели, считаем мы, проходит через подъем всеобщего массового народного движения, а не через террор»⁹².

Во всех заявлениях, декларациях, интервью руководства ОМИН, относящихся к 1981 г., выражалась твердая уверенность в скорой и окончательной победе. В цитировавшемся выше заявлении М. Раджави от 20 сентября содержалось обращение ко всем международным организациям и политическим партиям от имени Национального совета сопротивления. В нем, в частности, говорилось, что «иранский народ и Национальный совет сопротивления лишают грязный режим Хомейни своего доверия и признают его незаконным с точки зрения шариата», а поэтому «не признают законными» любые договоры и соглашения, подписанные его представителями с другими государствами. В документе содержится предостережение тем правительствам, которые попытаются поддержать «кровавый режим», и указывается, что такие попытки будут иметь «серьезные последствия для будущих отношений демократического Ирана с правительствами, различными организациями и партиями — покровителями режима»⁹³.

Руководство ОМИН явно переоценило свои силы и влияние организации в массах, а также недооценило укрепившуюся власть исламского режима. Кстати, впоследствии сам М. Раджави признавал, что моджахеды недооценили жестокость и репрессивный потенциал режима, и эта ошибка обошлась организации очень дорого: с июня 1981 по октябрь 1982 г. 20 тыс. ее членов и сторонников были убиты и казнены и свыше 40 тыс. — арестованы⁹⁴. Часть членов ОМИН не согласилась с установкой на индивидуальный террор и покинула ряды организации. В ходе боев и в результате арестов была утеряна связь между отдельными группами моджахедов, и некоторые из них были вынуждены действовать самостоятельно, руководствуясь ранее поступившими указаниями.

С конца 1981 г. в связи с новыми условиями руководство ОМИН приняло решение об изменении тактики борьбы и отводе боевых отрядов из городов в северные провинции, где организация имела значительные запасы оружия, боеприпасов и снаряжения еще со времен революции. Центрами сосредоточения моджахедов, а также боевых групп федаев («меньшинство») стали провинции Гилян и Мазендеран. В районе г. Амоля был создан партизанский штаб, провинции поделены на зоны действий отдельных вооруженных групп.

Часть боевых подразделений ОМИН передислоцировалась в районы Иранского Курдистана и стала действовать совместно с курдскими повстанцами и отрядами федаев («меньшинство»).

8 февраля 1982 г. органы безопасности ИРИ обнаружили явочную квартиру ОМИН в одном из северных районов Тегерана и окружили ее. В результате перестрелки были убиты бо-

лее 10 членов ЦК ОМИН, в том числе командующий вооруженными отрядами Муса Хиабани, его жена и жена М. Раджави.

В течение 1982 г. органы безопасности Ирана провели ряд успешных операций по выявлению и ликвидации сторонников ОМИН в вооруженных силах. В марте 1982 г. в Лавизанских казармах Тегерана в ходе вооруженной стычки военнослужащие — члены ОМИН убили 15 своих противников, в том числе двух полковников. По некоторым сведениям, в военной тюрьме Джамшидие содержалось несколько тысяч человек, заподозренных в участии в деятельности ОМИН⁹⁵.

С 20 июля 1981 до конца 1982 г., согласно заявлению ОМИН, моджахедами было убито более тысячи сотрудников органов госбезопасности, из них 600 — в Тегеране; 28 убитых принадлежали к командному составу КСИР. М. Раджави сообщил, что за период с июня 1981 по октябрь 1982 г. организация уничтожила более 2 тыс. высших политических и религиозных деятелей режима. Из семи религиозных деятелей, назначенных Хомейни для управления различными районами страны, шесть были убиты или тяжело ранены⁹⁶.

Однако потери моджахедов были куда больше. За период с июня 1981 по июль 1983 г. 30 тыс. членов и сторонников ОМИН были убиты и казнены⁹⁷.

Непросто складывались отношения моджахедов со своими союзниками по Национальному совету сопротивления.

В марте 1980 г. Национально-демократический фронт, с которым ОМИН сотрудничала с момента его создания в 1979 г., также принял решение отказаться от легальной деятельности. Руководитель НДФ Х. Матин-Дафтари в интервью журналу «МЕРИП Рипортс», данном в Лондоне летом 1982 г., объясняя причину присоединения к Национальному совету сопротивления, сказал: «Мы увидели необходимость создать широкий фронт с другими антидиктаторскими группами. Мы поддержали моджахедов и позднее, в 1981 г., присоединились к Национальному совету сопротивления»⁹⁸.

В декабре 1981 г. к Национальному совету сопротивления присоединилась Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) во главе с Абдуррахманом Касемлу; правда, она потребовала «смягчить исламское звучание программы Совета и четко высказаться о правах женщин и национальных меньшинств». В октябре 1983 г. Касемлу признал, что у его организации имеются расхождения с моджахедами. В первую очередь они касались союза с А. Банисадром, который, как заявил Касемлу, вел против курдов войну, когда занимал пост президента. Другой причиной расхождений был религиозный характер Организации моджахедов и светский — ДПИК. Вместе с тем Касемлу считал, что ДПИК должна оставаться в рядах Национального совета сопротивления, поскольку она, как и ОМИН, ведет непримиримую борьбу против исламского режима и общность их цели перевешивает разногласия⁹⁹.

ОМИН, являвшаяся основной силой Национального совета сопротивления, была, естественно, заинтересована в увеличении числа сторонников активных действий против теократического режима. Но моджахеды шли не на любой союз. Например, когда лица, в той или иной степени сотрудничавшие с монархией, такие, как Бахтияр, Амини и Ахмади Кучек, после прибытия в Париж А. Банисадра и М. Раджави опубликовали обращение к иранскому народу с призывом свергнуть режим Хомейни, М. Раджави заявил, что о союзе с монархистами не может быть и речи. «Разве, — сказал он, — социалисты в своей борьбе против капитализма желают возврата к феодализму и прибегают к союзу с феодалами?»¹⁰⁰

В отношении Народной партии Ирана ОМИН продолжала занимать непримиримую позицию, отказываясь от любых форм сотрудничества с ней. По словам руководителя моджахедов, «убежденность в органичной и неразрывной связи между независимостью и демократией является самым главным и явственным политическим различием между нами и такими партиями, как Туде и другие сторонники Хомейни»¹⁰¹.

В начале 1983 г. в отношениях ОМИН с союзниками по Национальному совету сопротивления возникла напряженность, вызванная позицией, занятой М. Раджави по поводу ирано-иракского вооруженного конфликта. В декабре 1982 г. в Париже состоялись переговоры М. Раджави с премьер-министром Ирака Азизом Тарики. 9 января 1983 г. было опубликовано совместное коммюнике, в пункте 4 которого содержалась просьба М. Раджави к иракскому военному командованию воздержаться от бомбардировок населенных пунктов Ирана. И сам факт встречи, и опубликованный документ подверглись резкой критике как со стороны Хомейни, обвинившего моджахедов в предательстве национальных интересов Ирана, так и со стороны союзников ОМИН по Национальному совету сопротивления. И хотя М. Раджави оправдывал свои действия стремлением ускорить мирное решение конфликта, его доводы прозвучали неубедительно, тем более что уже в феврале иракские ВВС бомбардировали Абадан, Дизфуль и Ахваз¹⁰².

Попытки М. Раджави способствовать урегулированию ирано-иракского конфликта вызвали резкое недовольство А. Банисадра, считавшего, что переговоры с Ираком могут быть восприняты в Иране как предательство, а это дискредитирует Национальный совет сопротивления в глазах народа. Кроме того, он полагал, что продолжение войны и ее экономические и политические последствия могут ускорить падение режима Хомейни. Занятая А. Банисадром позиция еще больше осложнила его и без того непростые отношения с М. Раджави. 24 мая 1984 г. Национальный совет сопротивления опубликовал специальную информацию о принятом им решении разорвать отношения с А. Банисадром. В этом документе руководство Совета заявило, что бывший президент по-прежнему считает себя «прием-

ным сыном» Хомейни. Кроме того, он — «не серьезный политик, с которым можно было бы сотрудничать в рамках демократической альтернативы режиму... он возлагает надежды на стжившие социальные силы, подобострастно относящиеся к Хомейни, и, наконец, он питает иллюзии относительно обстановки в Иране и безнадежно отстал от жизни, не представляя собой никакой активной и реальной социальной силы»¹⁰³.

В той же публикации Национальный совет сопротивления обнародовал копии писем А. Банисадра (а также эмигрировавшего во Францию бывшего командующего ВМФ адмирала Мадани) к Хомейни, обвинив его в славословии и прислужничестве имаму. В декларации, помещенной в газете «Иран Либерејшн», Совет сравнивал ситуацию в Иране с антифашистской борьбой во Франции периода второй мировой войны и писал: «Разве не было бы поразительно, если бы кто-либо написал письмо Гитлеру и просил у него свободы? Иранский народ знает, что Хомейни — враг свободы. Никто не может писать Хомейни и просить его о свободе»¹⁰⁴.

Судя по публикациям ОМИН, религиозная окраска идеологических воззрений руководства организации становилась все бледнее. Возможно, что в первую очередь это было связано с нежеланием обострять отношения с Демократической партией Иранского Курдистана (большинство курдов к тому же были суннитами), с НДФ и другими неисламскими организациями, входившими в Национальный совет сопротивления.

Формы и методы борьбы ОМИН остались прежними: «Первым принципом и основным законом борьбы на современном этапе остается, как и раньше, революционная вооруженная борьба под коренным и объединяющим лозунгом „Смерть Хомейни!“»¹⁰⁵.

«Исламская культурная революция»

Задача формирования исламского режима и обеспечения его живучести поставила шиитских богословов перед необходимостью подчинить своей воле сознание народа. Месяцы борьбы за свержение монархии показали, что народные массы и так стали послушным орудием в руках шиитских лидеров в условиях политического подъема. После свержения монархии, когда стал формироваться исламский режим и когда начались будни, не предвещавшие легкой жизни властям предержащим, задача подчинения сознания масс воле духовенства встала по-новому: оказалось необходимым обеспечить постоянное воспроизводство послушания. Средством решения этой задачи шиитские богословы избрали исламизацию всех сфер духовной жизни и быта общества на всех его уровнях путем проведения так называемой культурной революции. Намечено было фронтальное внедрение исламской «массовой культуры», изобилующей атрибутами исламского средневековья.

Масштабы поставленной задачи были таковы, что для ее решения требовалось создание новых исламских институтов, формирование системы общественных организаций и государственных органов, которые своей деятельностью должны были обеспечить воспроизводство послушания.

Сознавая, что в стране имеются силы, не приемлющие их господства, шиитские богословы включили в программу «культурной революции» не только созидание, но и разрушение. Важнейшим объектом, который надлежало, по их мнению, разрушить, чтобы затем воссоздать его заново, была система высшего образования как средоточие сил — в лице подавляющего большинства студентов и профессорско-преподавательского состава, — противостоявших исламскому режиму. Не случайно началом «исламской культурной революции» считается 5 июня 1980 г., когда были закрыты на неопределенный срок все высшие учебные заведения страны*, хотя официально Хомейни дал указание о ее проведении с 12 июня; в этот же день он объявил о создании штаба «культурной революции», в который, в частности, вошли теоретик ПИР ходжат оль-эслам Бахонар, министр высшего образования Хасан Хабиби, бывший министр культуры Али Шариатмадари, журналист Шамс Ахмад. В него были включены и лица, связанные с КСИР, — К. Соруш и Р. Амлаши¹⁰⁶.

Для проведения «культурной революции» шиитская элита использовала не только традиционные исламские институты: мечети, медресе, шиитские центры паломничества, но и вновь созданные «революционные» органы. Штаб «культурной революции» располагал боевыми силами КСИР (насчитывавшего в середине 1980 г. около 200 тыс. человек), готовыми в нужный момент подавить беспорядки, которые могли возникнуть из-за мер, предусмотренных «культурной революцией». Штабу помогал образованный в этот период «Созидательный джихад», выполнявший одновременно боевые, пропагандистские и экономические функции по всей стране. В число «революционных» органов вошли многочисленные «революционные комитеты», «революционные трибуналы» и «координационные комитеты», осуществлявшие проведение «культурной революции».

«Культурная революция» предусматривала основательное перетряхивание государственного аппарата «во имя очищения страны от развращающего западного и атеистического влияния». Хомейнисты призывали покончить с «врагами бога», под которыми имели в виду буржуазных либералов и левые силы.

С особой ненавистью они относились к профессорско-препо-

---

* Ввиду особой важности этой стороны «культурной революции» ее изложение выделено в самостоятельный параграф: «Студенчество и высшие учебные заведения как объекты „исламской культурной революции“». Здесь же мы ограничимся лишь отдельными штрихами, характеризующими отношение исламского режима к студенчеству и к прежней системе высшего образования.

давательскому составу и студентам университетов, а также к интеллигенции, получившей образование на Западе. Выступление Хомейни, назвавшего университеты «центрами разврата», которые плодили левых экстремистов и коммунистов, а также являлись скопищем людей, находившихся на службе у империалистов, его призыв организовать «подлинные исламские учебные центры» — все это было воспринято Бехешти, Бахонаром и Раджаи как сигнал к началу проведения на практике «культурной революции». Из высших учебных заведений изгонялись сотни людей. Только из Тегеранского университета было уволено 389 профессоров, преподавателей и сотрудников; всем им было предъявлено стандартное обвинение в сотрудничестве с шахским режимом и САВАК. В общей сложности в июне 1980 г. из высших учебных заведений были изгнаны 20 тыс. студентов и 2 тыс. преподавателей¹⁰⁷. 20 июня 1980 г. начались жестокие уличные столкновения между муллами и пасдарами, с одной стороны, и не желавшими закрытия университетов студентами и преподавателями — с другой. В результате столкновений были арестованы, ранены и убиты сотни студентов¹⁰⁸.

Выступивший 9 июня 1980 г. в Тегеранском университете президент Банисадр осудил закрытие университетов и те силы, которые «пытались подменить моральное воздействие грубым насилием», создав атмосферу «напряженности и террора». По его мнению, закрытие университетов на длительный срок могло привести к тому, что Ирану придется импортировать специалистов¹⁰⁹.

«Культурная революция» распространилась и на средства массовой информации: прессу, радио, телевидение и кино. Хомейни потребовал изменить содержание деятельности средств массовой информации, нанесшей во времена шаха, как он считал, наибольший ущерб исламу¹¹⁰. Он приказал вести борьбу с теми, кто преклонялся перед Западом, и заменить их «сто процентными мусульманами». Почти все сотрудники газет «Этте-лаат» и «Кейхан» были уволены. Для работников радио и телевидения он наметил молодежную программу, пропагандирующую исламский образ правления, беседы об империалистической политике «сверхдержав», проведение диспутов в области политики, экономики и культуры для укрепления мусульманского единства и выработки практического пути решения злободневных вопросов.

Были запрещены демонстрация иностранных фильмов, хранение и продажа видеокассет и иностранных кинолент с развлекательными программами. Для контроля над средствами массовой информации было образовано Бюро по борьбе с непристойностями, которое возглавил аятолла Гиляни, снискавший сомнительную славу своими передачами по телевидению о предписаниях шариата, над которыми потешалась вся иранская интеллигенция. В результате налета погромщиков из «Хезболла», организованного Гиляни, было опечатано восемь крупных ма-

газинов, торговавших телезаписями, уничтожено много кинолент и видеокассет. Была разрешена продажа записей только религиозного характера ¹¹¹.

«Культурная революция» коснулась также начальных и средних школ. Они не были закрыты, но главными предметами в них стали учение ислама (главным образом в его шиитском варианте), Коран и шариат, а в старших классах — фикх (теория мусульманского права). Большое внимание в начальных и средних школах стало уделяться военному делу. Началось переиздание всех школьных учебников по гуманитарным предметам. Вся европейская история в учебниках была заменена историей стран мусульманского региона, в первую очередь Ирана, в том числе в новейшее время. В учебнике по истории Ирана, в разделе, посвященном национально-освободительному движению, о духовенстве говорилось как о главной силе этого движения в борьбе с английским империализмом и русским царизмом в новое время и с американским империализмом — в новейшее время.

Куль Хомейни стал господствовать в учебниках по гуманитарным предметам. Первые страницы учебника по литературе для 6-го класса были отданы революционной тематике и песням, обязательно с прославлением личности Хомейни: «О Хомейни! Ты — отражение света бога!» В одной песне говорилось о Хомейни как о спасителе угнетенных народов, в другой — о наказаниях, которые ждут предателя-шаха и Америку. Полностью была предана забвению классическая иранская поэзия средневековья, игнорировались имена современных иранских поэтов и прозаиков. Имя великого поэта Фирдоуси, писавшего о доисламском Иране, запрещено было даже произносить. Мешхедский университет, названный его именем при шахе, был переименован ¹¹².

Проведение «культурной революции» особенно тяжело отразилось на положении женщин. Еще с мая 1980 г. — меджлис, ПИР, КСИР и другие мусульманские организации усилили контроль над выполнением женщинами всех предписаний шариата: обязательного ношения чадры или платка-хиджаба, ограничения профессий, раздельного обучения, запрещения разводов по инициативе женщины и введения вновь многоженства и временного брака «сиге». Телесные наказания по шариату за воровство, употребление спиртного и смертная казнь за измену родине, шпионаж, супружескую неверность и наркоманию были распространены на женщин. В мае 1980 г. в тюрьме Эвин была расстреляна 62-летняя Фаррохру Парса только за то, что при шахе она была министром просвещения ¹¹³.

Особенно строго контроль над выполнением женщинами предписаний шариата осуществляли члены КСИР и «Хезболла». Нередко женщин, осмелившихся выйти на улицу без чадры или хиджаба, они забивали камнями насмерть. По личному указанию аятоллы Монтазери пасдарам было разрешено при-

нуждать к сожительству женщин, обвиненных в борьбе против режима, поскольку по мусульманским законам они считаются военнопленными и рассматриваются как добыча «правоверных» мусульман.

Положение, в которое была поставлена женщина в ходе «культурной революции», вопиющее само по себе, оказалось в глубоком противоречии с тем, что зафиксировано в конституции: отмечая, что государство обязано гарантировать права женщин во всех областях, соблюдая при этом положения ислама, конституция возлагает на государство прежде всего обеспечение благоприятных условий для развития личности женщины и возрождения ее материальных и моральных прав.

Во время «культурной революции» особенно усердствовал аятолла Хальхали. Под видом борьбы с наркоманией, супружеской неверностью, шпионажем, изменой родине он без суда и следствия приговаривал к тюремному заключению сотни невинных людей, подвергал их пыткам и предавал казни. Во время одной из облав, организованных по настоянию Хальхали на тегеранском ипподроме, который он назвал «гнездом шпионажа и проституции», было арестовано 3 тыс. человек; по его указанию ипподром был превращен в «центр перевоспитания иранцев». Он присутствовал при пытках и казнях, считая, что для расправы с врагами «все средства хороши». Поскольку вся доисламская цивилизация Ирана была объявлена «несуществующей», Хальхали взялся за уничтожение памятников материальной культуры, созданных до VII в. Хомейни и Бехешти, поручив карательные функции Хальхали, «забыли», что продолжительное время этот человек проходил курс лечения в психиатрической больнице¹¹⁴.

Проведение «культурной революции» вызвало усиление роли мечетей как главных политических и пропагандистских центров. Обязательный публичный намаз по пятницам сделал мечети местом регулярных встреч населения с представителями пятничных молитв и муллами, которые информировали народ о предписаниях Хомейни, внутренней обстановке и событиях, происходивших в других мусульманских странах. Муллы консультировали прихожан по житейским и религиозным вопросам, следили, чтобы они вносили вовремя религиозный налог, выполняли предписания шариата и участвовали в совместной молитве. В Тегеране имамом-джом'э был назначен член руководства ПИР ходжат оль-эслам Бахонар, а в Куме — аятолла Монтазери, родственник и личный представитель Хомейни. Это было сделано вопреки желанию общины Кума, где до 23 мая 1980 г. имамом-джом'э был аятолла Али Араки. Замена была преподнесена общественности как исполнение желания самого Араки, ссылавшегося на недомогание и преклонный возраст¹¹⁵.

Еще более увеличилось административное значение мечетей: муллы мечетей координировали проведение демонстраций, которые были направлены против США, Израиля и внутренней

оппозиции; демонстрации носили не стихийный, как хотели показать шиитские лидеры, а вполне организованный характер. Демонстранты скандировали лозунги вслед за муллами. Хомейни призвал население, в первую очередь молодежь, сохранять мечети как опору и «источник революции», указав, что между мечетью и образованной молодежью (т. е. студентами) противоречий нет.

В конце июня 1980 г. власти закрыли ряд газет, журналов, театров, кинотеатров, ресторанов западного типа, а также женских парикмахерских, в которых работали мужчины.

Для борьбы с инакомыслящими или молчаливо протестующими против исламского режима применялись разные способы. Шиитская верхушка пыталась заставить их не просто смириться, но активно участвовать в упрочении режима.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА

Студенчество и высшие учебные заведения
как объекты «исламской культурной революции»

Ранее мы уже показали, сколь велика была роль демократического студенчества в революции. Вот почему важно проследить, как складывалась его судьба в процессе «исламской культурной революции», тем более что ее проведение во многом определяет специфику исламского режима. Как показали дальнейшие события, именно демократическое студенчество стало главной мишенью для организаторов «культурной революции». Режим считал необходимым установить контроль над умами студенчества, так как видел в этом одно из важнейших политических условий становления и дальнейшей стабилизации теократической власти.

Шиитские богословы, поглощенные борьбой за скорейшее «создание исламской государственной системы, вплоть до весны 1980 г. ограничивались устранением лишь самых заметных проявлений западного влияния в культурной жизни страны. В речах Хомейни еще не конкретизировались призывы к исламизации тех или иных сфер жизни общества, которые в силу логики развития событий привлекали его внимание. В отношении университетов Хомейни использовал слова «колониальные» и «зависимые», упрекал их в отсутствии связи с обществом, в ориентации на западные ценности. Однако форсировать проведение исламизации высших учебных заведений шиитское руководство не решалось, так как не имело поддержки большинства студенчества и не обладало еще достаточными средствами и возможностями для насильственной исламизации вузов.

Университетские городки превратились в ходе революции в важные центры политической жизни, в опору левых организаций и партий. После революции в студенческом движении продолжало усиливаться демократическое течение¹. Ведущие позиции в нем занимали организации федаев и моджахедов, они же располагали наиболее крупными вооруженными формированиями. В целом демократическое студенчество представляло собой весьма значительную организованную военную силу², хотя и не существовало единой «студенческой» армии.

Демократическое студенчество после падения монархии счи-

тало само собой разумеющимся, что оно добьется осуществления целей, ради которых велась изнурительная, требовавшая больших жертв борьба с шахским режимом. Речь, в частности, шла о проведении демократической реформы системы высшего образования. Между тем взгляды студентов и шиитских богословов на содержание и пути этой перестройки резко расходились, так как требование осуществления демократической реформы в вузах, выдвинутое студенчеством в ходе революции, не включало соответствующего «исламского элемента» и шло вразрез с планами исламизации страны, согласно которым высшие учебные заведения надлежало превратить в кузницы «исламских кадров для нужд исламской экономики». Подготовленные в вузах инженеры, агрономы, врачи и другие специалисты, воспитанные в духе религиозного фанатизма, должны были превратиться в надежную опору и пропагандистов теократической власти в Исламской Республике Иран.

Поэтому шиитское руководство приложило максимум усилий, направленных на то, чтобы включить сферу высшего образования в структуру создававшегося исламского государства. Для этого была выдвинута идея проведения исламской реформы системы высшего образования в противовес идее демократической реформы. По мере овладения рычагами государственной власти и консолидации рядов своих сторонников религиозные лидеры ИРИ придавали все большее значение проблеме исламской перестройки университетов. Об этом говорит, в частности, тот факт, что требование немедленного преобразования вузовской системы в качестве первоочередного и важнейшего вопроса было включено в программное послание Хомейни иранскому народу по случаю нового иранского 1359 года (от 21 марта 1980 г.)³. Хомейни и его окружение не без оснований полагали, что исламизация системы высшего образования является ключевым звеном исламизации всего Ирана.

Новогоднее послание Хомейни означало, что наступление шиитского руководства на левое студенчество, начавшееся сразу же после революции, достигло наивысшей точки. Атака на университеты была обусловлена причинами политического характера, и не случайно инициатором ее выступило шиитское духовенство, в то время как задача реформы вузовской системы не входила в качестве первоочередной в планы правительства. Опасность консолидации оппозиционного студенческого движения и возникновения противостояния университет—мечеть заставила Хомейни и его окружение предпринять шаги для того, чтобы разжечь противоречия между различными отрядами студенчества. 16—22 апреля 1980 г. ориентировавшиеся на Партию исламской республики прохомейнистские студенческие организации Исламский энджумен студентов (ИЭС) и Организация мусульманских студентов (ОМС) при поддержке погромщиков из «Хезболла» повели атаку на демократически настроенных студентов.

Решительный отпор этой атаке оказали Ассоциация мусульманских студентов (АМС), действовавшая совместно с ОМИН, организация «Авангардные студенты» («Пишгам»), действовавшая под эгидой ОПФИН, организация «Борющиеся студенты», отколовшаяся от ОПФИН, и ряд более мелких организаций. Наиболее ожесточенные столкновения произошли на территориях Тебризского университета, Тегеранского государственного университета, Национального университета, Политехнического института и Педагогического университета в Тегеране, университетов в Ширазе, Кермане и Хамадане. На решающей фазе борьбы поле боя покинули студенты-моджахеды (это было связано с позицией Банисадра, которого в тот период поддерживали моджахеды), однако накал борьбы не уменьшился. И только поддержка, оказанная прохоейнистским элементам отрядами КСИР, которым духовенство поручило «навести порядок» в университетах, позволила к 23 апреля 1980 г. ликвидировать на территориях вузов штаб-квартиры и представительства оппозиционных политических партий и организаций. По сути дела, в вузах произошло то, что через год с небольшим повторится в масштабе всей страны. Избиение левых студентов и их изгнание из университетов в 1980 г. явилось прелюдией к расправам над левыми силами в 1981 г.

В своем наступлении на высшие учебные заведения духовенство кроме прямого насилия использовало радио, телевидение, печать. При обработке общественного мнения религиозное руководство не остановилось перед голословным объявлением университетов центрами «контрреволюционных заговоров, шпионажа и происков американского империализма». Прямые обвинения оно сочетало с апелляцией к народным массам, стремясь обосновать свои действия ссылкой на «волю народа». При этом духовенство широко использовало проведение различных семинаров, резолюции которых, распространявшиеся через средства массовой информации по всей стране, обычно содержали прямые указания на то, что они приняты народом и для народа. В марте — апреле 1980 г. идеи исламизации вузов широко обсуждались на семинарах по текущим проблемам университетов⁴. В дальнейшем, когда духовенству понадобилось обосновать необходимость скорейшего закрытия вузов на капикулы, именно этот вопрос явился центральным в «дискуссиях» на подобных семинарах⁵.

Апрельские события показали, с одной стороны, относительную слабость позиций духовенства в студенческой среде (несмотря на известное усиление «линии имама» в нем, особенно после захвата персонала посольства США в Тегеране, когда следование «линии имама» превратилось в единственный критерий «исламской» революционности, и после принятия конституции ИРИ, закрепившей в законодательном порядке исламский строй государства), а с другой — боевые возможности формирований КСИР, превратившихся в реальную военную

опору шиитских лидеров. Именно наличие КСИР позволило духовенству повести атаку на университеты, на что оно не могло решиться ранее.

Ожесточенное сопротивление, оказанное демократическим студенчеством погромщикам, и необходимость вооруженного подавления этого сопротивления сказались на расстановке политических сил в стране. В итоге был принят декрет ИРС (19 апреля 1980 г.), который предписывал всем политическим группам и организациям в трехдневный срок закрыть и эвакуировать свои штаб-квартиры, бюро действий или представительства, располагавшиеся на территории вузов, что и было реализовано. Кроме того, закрепляя курс на перестройку системы высшего образования, декрет провозглашал необходимость «составления новой учебной программы и создания системы образования в соответствии с основополагающими принципами исламской революции», для чего вузы предполагалось с 5 июня 1980 г. закрыть⁶. Президент Банисадр, с чем именем связывали свои надежды на приход к власти лидеры либеральной буржуазии, в очередной раз «переменил цвет»⁷, заявив о своей поддержке действий ИРС и ПИР в университетах. В союзе либеральной буржуазии с духовенством по вопросу подавления левых сил в университетах отчетливо проявилась их общая ненависть к тем, кто выступал за углубление социально-экономических преобразований в послереволюционном Иране.

Удалив с территории вузов штаб-квартиры и представительства оппозиционных политических партий и организаций, религиозное руководство все же не добилось еще своей главной цели — ликвидации демократического течения в студенческом движении. Решению этой политической задачи должно было послужить закрытие вузов «на каникулы» на время осуществления в них «исламских» преобразований. Согласно плану проведения реформы вузов с целью их исламизации (под исламизацией понималась «исламская перестройка» вузовской структуры, внесение в учебный процесс «исламского духа медресе», пересмотр с позиций ислама учебных программ и пособий, чистка преподавательского состава и «перевоспитание его в исламском духе», подготовка «исламских преподавателей» и т. д.) предполагалось после закрытия вузов страны направить всю массу студенчества на работу в отдаленные сельские местности, в сферу промышленного производства и т. п.⁸. В результате студенты — сторонники оппозиционных группировок были бы разбросаны по Ирану и находились бы под постоянным контролем духовенства.

Проведя атаку на университеты под лозунгом осуществления в них исламской реформы и добившись благоприятного для себя изменения баланса сил, духовенство получило наконец возможность форсировать исламизацию общества. Именно в этот момент шиитское руководство начинает конкретизировать свои

призывы к исламизации, уже не скрывая стремления к захвату всей полноты власти.

Оказавшись в ситуации, когда он вынужден был санкционировать разгром студенческих организаций в университетах (дав согласие на издание Исламским революционным советом декрета от 19 апреля 1980 г.), Банисадр (в преддверии второго раунда выборов в меджлис) попытался перехватить у духовенства инициативу, провозгласив «культурную революцию». Это повлияло на планы шиитского руководства, поставившего Банисадра перед необходимостью дать согласие на исламский вариант «культурной революции». Возможность смены акцентов в политике шиитского руководства и перехода к «культурной революции» была заложена уже в упомянутом выше послании Хомейни от 21 марта 1980 г., в котором содержались общие указания на необходимость скорейшего начала коренных преобразований в области культуры⁹.

Следует отметить, что такие осуществленные в 1979 г. мероприятия, как запрет на исполнение современной музыки, обязательное ношение чадры для женщин, введение раздельного обучения, не представляли собой сколько-нибудь законченную программу «исламской» перестройки культуры. Вместе с тем они свидетельствовали о стремлении духовенства ограничить революционное свободомыслие, характерное для первых месяцев после победы февральского вооруженного восстания, заложить законодательные основы для дальнейших «исламских» преобразований.

Важнейшим шагом духовенства в этом направлении явилось уже само принятие такой конституции, в которой указано, что «началом официальной истории страны считается хиджра пророка ислама» (дата переселения Мухаммеда из Мекки в Медину)¹⁰. Опираясь на положения конституции, духовенство продолжило активную пропаганду идеи возрождения исламской культуры как единственной альтернативы «колониальной» культуре шахского режима¹¹. Между тем представители революционной демократии и НПИ ратовали за возрождение национальной культуры на иной основе. НПИ указала в своей программе, что считает необходимым создание условий для «невиданного расцвета национальной культуры — вместилища культур всех братских народов нашей родины: персов, азербайджанцев, курдов, белуджей, арабов и туркмен»¹². Не разбирая подробно этот вопрос, отметим, что позиции других партий и организаций, участвовавших в свержении шахского режима, являлись промежуточными между взглядами религиозного руководства и НПИ. В целом можно говорить о двух основных тенденциях в подходе различных сил антишахской коалиции к проблеме культуры — исламской и светской, демократической. Сосуществование этих двух тенденций определяло содержание всего этапа культурного развития страны после революции, вплоть до июня 1980 г. Период расцвета революционной культуры и

революционного свободомыслия, продолжавшийся до лета 1979 г., сменился периодом наступления исламской реакции и усиления исламской тенденции в развитии культуры¹³. Санкционированные духовенством «дискуссии» по проблемам «культурной революции», прошедшие в конце апреля — мае 1980 г., со всей очевидностью показали стремление религиозного руководства с помощью политической демагогии манипулировать общественным сознанием в своих корпоративных интересах.

Опираясь на выводы «дискуссий» и выдавая их за волеизъявление иранского народа, духовенство повернуло острие «культурной революции» против оппозиции.

Первым делом под лозунгом «культурной революции» духовенство, как уже говорилось раньше, закрыло высшие учебные заведения. При этом оно оставило без внимания обоснованные указания представителей левых сил на несвоевременность закрытия университетов, грозившего парализовать всю систему подготовки национальных кадров в условиях острой нехватки специалистов, на недопустимость уничтожения центров революционной борьбы, являвшихся примером революционности для народных масс Ирана¹⁴. Религиозное руководство сделало вузовскую политику стержнем «культурной революции». Исламизация высшего образования стала официально трактоваться как начало «исламской культурной революции» и ее неотъемлемая часть. А «исламская культурная революция» объявлена была составной частью продолжающейся «исламской революции».

Победа «линии имама» в студенческом движении означала, с одной стороны, утрату левыми силами их основной опорной базы — университетов, а с другой — ликвидацию важнейшего барьера на пути достижения стопроцентной исламизации общества. Духовенство сделало еще один важный шаг к достижению единовластия и подавлению левого крыла участвовавших в революции сил. Студенческое движение было введено в русло официальной политики и интегрировано в исламское движение под эгидой правящего шиитского духовенства. Иранское студенчество оказалось лишенным связей с международными демократическими организациями молодежи и студентов. Подавление демократического течения в студенческом движении означало также дальнейшее свертывание демократии, завоеванной во время революции.

Новый этап культурной жизни страны начался 12 июня 1980 г., когда по указанию Хомейни для осуществления исламизации в системе высшего образования и в сфере культуры был создан Штаб культурной революции (ШКР)¹⁵. 19 июня был образован Высший совет ШКР. В его состав были включены ведущие деятели правительства. 8 августа 1980 г. был создан исполнительный орган ШКР — «Университетский джихад», члены которого фактически исполняли в вузах административные функции. В задачу ШКР как руководящего органа «культурной революции» вошли различные направления работы по

исламизации вузов, в том числе определение и утверждение структуры высшего образования и содержания учебного процесса, подбор и подготовка преподавателей, выработка новых правил поступления в вузы и др. В рамках ШКР действовали «комитеты по планированию» (по медицине, сельскому хозяйству, гуманитарным наукам и др.) и «группы планирования», объединявшие научный состав вузовских работников. Важным звеном в структуре ШКР были «комитеты по исламизации университетов», в работе которых принимали участие духовные лица. Высший совет ШКР на практике отнял у министерства по делам науки и высшего образования функции законодательные, а через «Университетский джихад» — исполнительные.

Политические вопросы в вузах решались по линии созданных в них исламских энджуменов (советов), которые возникли в 1979—1980 гг. (в ходе «культурной революции» были созданы исламские энджумены преподавателей, студентов, вузовских работников, выпускников вузов и др.).

В начальный период деятельности ШКР в вузах на первое место выдвигались задачи политические, связанные с необходимостью укрепления теократической власти и борьбы против оппозиции. По мере их решения усиливалась другая сторона деятельности ШКР — по управлению вузами.

ШКР как государственный орган, осуществляющий руководство вузами и контроль над их деятельностью, с момента своего создания работает под непосредственным наблюдением Хомейни. Он является постановляющим, контролирующим и исполнительным органом. ШКР функционирует как бы параллельно с министерством по делам науки и высшего образования (светской структурой) и в то же время стоит над ним, так что проблема их взаимоотношений окончательно еще не решена.

Одним из первых итогов деятельности ШКР по осуществлению исламизации университетов явилась разработка документа о структуре системы вузов и прерогативах отдельных органов вузовской системы. Этот документ, называющийся «Статут университетов», был утвержден 22 ноября 1982 г.¹⁶ При сохранении светской структуры системы высшего образования предусмотрено двойное подчинение управленческого звена: наряду с традиционным подчинением светским правительственным органам в лице премьер-министра и министерства по делам науки и высшего образования впервые введено подчинение религиозному руководству страны и Рахбару. Другими словами, все звенья аппарата управления вузами поставлены под прямой контроль духовенства. Содержание «Статута университетов» свидетельствует, что правящее духовенство продолжило свою политику ограничения политической активности в стенах высших учебных заведений и отказа от удовлетворения требований студенчества периода революционных выступлений¹⁷.

Вузы Ирана оставались закрыты в течение почти трех лет.

Первый всеиранский конкурс поступающих в вузы состоялся в августе 1983 г.¹⁸. Общие для всех абитуриентов условия приема были таковы: 1) преданность строю ИРИ и ее руководителям; 2) принадлежность к «истинной религии ислама» или к вероисповеданиям, разрешенным конституцией; 3) отсутствие организационной или духовной связи с партиями и группировками, объявленными вне закона; 4) благочестие и беспорочная биография, засвидетельствованная компетентными органами; 5) положительные отзывы с места работы. Нечеткость пункта о беспорочном прошлом открывала самые широкие возможности для его трактовки. Учитывая, что в стране отсутствует свобода политической деятельности левых сил (запрещены ОПФИН, ОМИН, НПИ, «Пишгам», Демократическая партия Иранского Курдистана и др.), этот пункт может быть применен не только против прошахских элементов, но и против представителей левых сил (что и было санкционировано в речи Хомейни от 14 декабря 1982 г.). Новые правила приема в вузы ИРИ обрели характер «исламского фильтра» и свидетельствуют об усиливающейся исламизации общества.

Очень большое значение руководство исламского режима придало комплектованию преподавательских кадров из числа преданных ему людей. Именно учителя, по замыслу идеологов исламизации, призваны распространять «исламский дух» в стенах университетов и воспитывать молодежь в духе глубокой религиозности и преданности вождям мусульманской общины. В программе ПИР подчеркивается принципиальная значимость роли работников сферы образования в реализации задач «культурной революции» и специально указывается на необходимость подбора преподавательских кадров из числа «истинных последователей Аллаха»¹⁹.

В результате прошедшей в вузах чистки «неисламских» преподавателей резко уменьшилась численность преподавательского состава, что наряду с другими факторами привело к сокращению приема новых студентов. В 1985 г. только 10% выпускников школ получили возможность продолжить обучение²⁰.

В условиях фактического запрета на свободу политической деятельности демократическое студенчество стало на путь борьбы против исламского режима в составе запрещенных партий и организаций. Активно начали действовать эмигрантские студенческие организации в странах Западной Европы, США, Канаде, Индии, Японии. Союз энджуменов иранских мусульманских студентов вне Ирана (поддерживающий ОМИН) в разных странах проводил демонстрации солидарности «с сопротивлением иранского народа», например по случаю дня жертв и политических заключенных в Иране²¹. Такие демонстрации состоялись в Англии, Франции, ФРГ, Голландии, Швеции, Австрии, Индии, США, Австралии и некоторых других странах. Организации иранских студентов, вынужденные действовать за пределами родины, разоблачали перед общественностью всего

мира репрессивный характер существующего в ИРИ исламского режима, решительно требовали восстановления в стране демократии, немедленного освобождения всех политических заключенных, скорейшего прекращения войны между Ираном и Ираком²². Публикуемые ими материалы разоблачали антинародную сущность проводимой религиозным руководством политики, в частности в области высшего образования.

Большое значение для развития борьбы демократической молодежи Ирана имеет международная поддержка. Такая поддержка, например, была неоднократно выражена прогрессивной молодежью Пакистана, Ирака и Турции в совместных коммюнике демократических молодежных организаций этих стран и Ирана. Свой голос солидарности с борьбой иранского народа подняли также студенческие и молодежные организации ряда стран Азии и бассейна Тихого океана, МСС и ВФДМ.

Вузовская система продолжает привлекать пристальное внимание религиозного руководства. По-прежнему центральной задачей Штаба культурной революции являются «исламские преобразования» в системе высшего образования. Духовенство не может забыть размах студенческих выступлений против шахского режима, как и сопротивление демократических студентов политике исламизации. Поэтому оно сделало борьбу за умы студенчества стратегической целью своей вузовской политики. Исламская реформа в вузах направлена на превращение студенчества в одну из опор правящего режима. В массовое студенческое сознание настойчиво вносятся идеи о неразрывности ислама и знания, мечети, медресе и университета. Идеологи «исламской революции» стремятся ориентировать политическое сознание студенчества исключительно на поддержку мусульманского духовенства как на единственную социальную силу, в союзе с которой студенчество якобы только и может добиться успеха в политическом движении. В вузовской политике исламского руководства наглядно проявляется консервативный классовый характер нынешнего режима, об этом свидетельствует вся практика утверждения и реализации исламской реформы системы высшего образования.

Подрыв национальных движений как фактор стабилизации исламского режима

В первые недели после свержения монархии исламский национализм выглядел несколько более либеральным по сравнению с шахским национализмом, носившим ярко выраженный ассимиляторский характер. Но вскоре неперсидское население, исповедующее ислам, стало сознавать, что его национальные интересы вряд ли будут удовлетворены. Это проявилось прежде всего в репрессиях, обрушившихся на туркмен в марте 1979 г. за выступления с требованием возвращения земель, не-

когда отнятых у них шахом и его приближенными, а после свержения монархии конфискованных новыми властями. Заметные сдвиги в сфере культуры (внедрение местных языков в школьное обучение, печать, радио и телепередачи и пр.) вскоре стали тормозиться под воздействием политики исламизации культурной и общественной жизни: персидский язык как официальный язык исламской республики и арабский язык как язык Корана начали вытеснять в школьном обучении национальные языки.

Установившаяся гегемония шиитской общины в политической, хозяйственной и культурной сферах вызвала недовольство суннитского духовенства. В связи с этим некоторые политические организации национальных меньшинств стали подвергать осторожной, завуалированной на первых порах, но тем не менее достаточно понятной для населения критике позиции Хомейни и его окружения по ряду вопросов, в том числе относительно роли духовенства в делах управления государством. На периферии активизировались и религиозные организации: в Белуджистане — Союз мусульман, в Курдистане — Бюро Хосейни, в Азербайджане — Партия исламской республики мусульманского народа. Они стали своего рода альтернативой Партии исламской республики.

Принадлежность национальных меньшинств к шиитской или суннитской общине предопределила характер их борьбы за автономию, за удовлетворение национальных прав. В этой борьбе важное значение приобрела позиция шиитского неперсидского населения, в особенности азербайджанцев, составляющих треть всех шиитов Ирана. Они целиком и полностью находятся во власти мусульманского национализма и остаются поэтому в стороне от автономистских движений других национальных меньшинств. Тем не менее во всех районах расселения национальных меньшинств развернулось движение против административного засилья персов, за расширение местного самоуправления.

В 1980 г. были запрещены вышедшие из подполья после свержения шахского режима политические партии и организации национальных меньшинств (например, Демократическая партия Иранского Курдистана, Культурно-политическая организация туркменского народа, Демократическая партия Иранского Белуджистана). Борьба за автономию продолжается в Курдистане, Белуджистане и районах расселения туркмен. Впрочем, наблюдающееся в этих областях противоборство различных политических и националистических группировок внутри движений во многом определяет их слабость и разобщенность.

Стремясь к постоянному подрыву движения национальных меньшинств, власти особые усилия направляли против курдов.

Борьбу курдов за автономию с самого начала революции возглавили преимущественно левые силы с преобладающим влиянием Демократической партии Иранского Курдистана, что

во многом определило национально-демократический характер движения, в основе стратегии которого лежит принцип «Демократия Ирану, автономия Курдистану». Руководство ДПИК сознавало, что в одиночку добиться поставленной цели невозможно. Поэтому оно старалось наладить контакты с движениями других национальных меньшинств и с общеиранской левой оппозицией. В августе 1979 г. в Иранском Курдистане проходил Конгресс угнетенных народов Ирана, на котором присутствовали представители туркмен, арабов, белуджей и азербайджанцев²³.

Сразу же после падения монархии вооруженные отряды под руководством ДПИК захватили власть в крупнейших центрах Курдистана. Одновременно ДПИК обнародовала программу курдской автономии, в которой содержалось требование признания правительством «революционных советов» как официальных органов местной власти в Курдистане. Вопросы международных отношений, национальной обороны, финансов, перспективных экономических планов, отмечалось в программе, должны оставаться в компетенции центрального правительства, которое в то же время должно гарантировать национальные права всем этническим меньшинствам.

ДПИК требовала «равных прав для всех этнических меньшинств Курдистана; права пользоваться своим языком и следовать своим традициям; свободы слова и печати; свободы деятельности ассоциаций и профсоюзов». Партия заявила, что внутренние проблемы провинций должны решаться самими провинциями²⁴. В дальнейшем эти требования были сформулированы в проекте автономии из 8 пунктов и развернуты в проекте из 26 пунктов.

Курдские автономисты неоднократно предпринимали попытки вести переговоры с правительством, но все они оказались бесплодными. Движение курдов за автономию, наиболее демократическое и боевое, оценивалось правительством как самое опасное. Уступка их требованиям, согласно официальным заявлениям, заставила бы создать автономные режимы и в других национальных районах, что противоречит принципу единого теократического государства. Учитывалось и стратегическое положение курдской провинции, через которую (и через Турцию) Иран связан железной дорогой с Европой.

Автономистские идеи тормозят процесс укоренения исламской идеологии в Курдистане. Чтобы сдержать их дальнейшее распространение, тегеранские власти ужесточили политику в отношении курдов, избрав курс на подавление курдского движения военным путем. Одновременно они вели активную исламскую пропагандистскую кампанию в курдских районах как с помощью средств массовой информации, так и путем засылки туда «исламских пропагандистов». Государственные и религиозные деятели призывали курдов отречься от своих убеждений и подчиниться режиму.

С 1980 г. политика иранских властей в отношении курдов остается неизменной. В Иранском Курдистане сражаются хорошо вооруженные армейские части, отряды КСИР и жандармерия. Им удалось добиться перевеса сил, укрепиться в важнейших населенных пунктах, взять под контроль шоссейные дороги. Вместе с тем правительственные силы не сумели полностью «умиротворить» даже районы с шиитским населением. С октября 1980 г. небывалого размаха достигли массовые казни курдов. Стараясь лишить курдов связи с внешним миром, через границу с Ираком, правительственные войска пытались изгнать курдское население из приграничных деревень.

Не прекращающиеся с осени 1979 г. военные действия измучили курдское население, страдающее от недостатка продуктов питания, медицинского обслуживания, лишено элементарных жизненных удобств. Учитывая все это, центральные власти рассчитывали, что курды психологически готовы к прекращению войны; поэтому в своей пропаганде они подчеркивали важность хозяйственного и культурного развития провинции, стараясь убедить курдов в бесперспективности продолжения вооруженного сопротивления. Исламское руководство предполагало разработать специальный проект хозяйственного и культурного развития Иранского Курдистана и начать его осуществление с весны 1983 г.²⁵ Однако это намерение так и не было выполнено.

К середине 80-х годов военные действия в курдских районах ограничились весенними и осенними наступательными кампаниями. Но мирное курдское население продолжает жестоко страдать от воздушных бомбардировок.

Курды-автономисты оставили крупные города. Создав базы в горах, они стали предпринимать оттуда партизанские вылазки. Эти операции велись таким образом, чтобы атакующие не несли больших потерь.

Столкновения между отрядами КСИР и силами повстанцев продолжались и во второй половине 80-х годов. Так, 4 сентября 1986 г. пасдары предприняли налет на деревню Как-Ростам, но отступили, встретив сопротивление ее жителей. Налетчики вскоре вернулись с подкреплением. Они захватили пятерых крестьян, но через некоторое время отпустили их²⁶. 18 сентября «стражи» совершили налет на другую деревню, Джафар, в поисках оружия. Им тоже помешали крестьяне. Тогда пасдары вернулись ночью, но обнаружили, что жители покинули деревню.

Налеты пасдаров часто сопровождалась арестами мирных крестьян и издевательствами над ними. Так, 19 августа 1986 г. житель деревни Гарде-Мур близ Пираншехра был арестован, замучен, а затем убит. Жестокой расправе подверглись и другие жители этой деревни²⁷.

В Иранском Курдистане проводилась политика депортации жителей в другие районы. Например, 14 сентября 1986 г. пред-

ставители властей отдали распоряжение жителям двух деревень в окрестностях Сенендеджа покинуть их, после чего их расселили по другим деревням. В течение 1987 г. такого рода действия властей продолжались. Жители 13 деревень района Болфанга были переселены в район к юго-востоку от Сердешта. Кроме того, власти выслали жителей еще 23 деревень (3680 человек) в малозаселенные районы страны²⁸.

Тяжелое экономическое положение населения Иранского Курдистана было причиной многочисленных забастовок рабочих. Так, в сентябре 1986 г. в районе между Миандоабом и Буканом бастовали рабочие 50 предприятий по производству кирпича²⁹.

В Иранском Белуджистане борьба за автономию также не затухает. Следует отметить, что белуджи подверглись незначительной ассимиляции.

Приход к власти верхушки шиитского духовенства вызвал естественную тревогу у белуджей-суннитов. Руководство суннитской белуджской религиозной общины выступило против принижения роли суннитских богословов в послереволюционном Иране.

Новые иранские руководители заверяли белуджей, что они не проводят различий между суннитами и шиитами и что поэтому интересы белуджского народа не пострадают. Тем не менее, когда Собрание экспертов в 1979 г. объявило шиизм официальной религией, Моулави Абдолазиз, представитель Белуджистана и единственный суннитский член Собрания, резко выступил против этого решения. Однако его протест не был принят во внимание, и он покинул заседание Собрания.

В Иранском Белуджистане обострилась борьба за признание религиозных и культурных прав белуджей. Правительству были направлены требования белуджского народа, главным из которых было предоставление ему административного самоуправления в условиях демократии, сотрудничества и взаимопонимания со всеми народами страны. В ответ на это белуджи были объявлены сепаратистами, контрреволюционерами, неблагонадежными элементами. В районы их расселения были направлены правительственные войска.

Кроме того, белуджи обратились к центральному правительству с просьбой внести поправки в ст. 54, 12 и 115 проекта конституции³⁰ в интересах суннитской религиозной общины.

Содержащееся в окончательном тексте конституции положение о том, что суннитские толки ислама пользуются полным уважением, а их последователи свободны в отправлении религиозных обрядов, в сфере религиозного обучения и воспитания, а также в личной жизни, не удовлетворило белуджей, поскольку сунниты не заняли равного с шиитами положения. Сунниты чувствовали себя ущемленными, так как предоставленные им конституцией права фактически остались на бумаге. Это стало причиной народных волнений.

В декабре 1986 г. в Ираншехре состоялась многотысячная демонстрация: ее участники протестовали против осуществлявшейся властями дискриминации в отношении суннитской религиозной общины. Непосредственным поводом для выступления послужил арест суннитского священнослужителя Молави Назар Мохаммеда, который был членом меджлиса первого созыва, но лишился депутатского мандата из-за религиозных разногласий с представителями режима ³¹.

Исламский режим не приемлет оба оформившихся в национальном движении белуджей течения; и то, которое возглавляет «Союз мусульман» (его лидер — шейх Моулави Абдолазиз), и национально-демократическое ³².

В районах расселения туркмен после свержения шаха наблюдались определенные сдвиги в сторону демократизации общественно-политической жизни. К осени 1979 г. примерно в 400 деревнях были созданы местные советы как органы самоуправления. Помещики и феодалы, которые были связаны с шахским режимом и армией, покинули туркменские районы. Правительство приступило к распределению пустующих земель и владений бежавших помещиков безземельным крестьянам из центральных районов страны. Такая политика вызвала противодействие туркмен и усиление у них националистических настроений. Крестьяне восстали, требуя возвращения земель и распределения их среди местных бедняков. Однако пасдары жестоко подавили эти волнения. Между тем в ряде районов укрепились функционеры «Ассоциации борьбы туркменского народа», которая выступила за свободное социально-экономическое и культурное развитие Туркменистана, выдвинув лозунг «Демократия Ирану, автономия Туркменистану». При ее поддержке и при содействии местных советов началось распределение земли среди тех, кто ее обрабатывает. Однако представители центральных властей выступили на стороне племенной верхушки и сорвали проведение аграрной реформы в интересах большинства трудящихся ³³.

После революции пострадали и туркменские рыбаки, организовавшие кооперативы. Власти стремились к свертыванию их деятельности, отбирали орудия лова, лодки, заставляли продавать рыбу по бросовым ценам фирме «Шилат». Тем не менее им не удалось добиться закрытия кооперативов ³⁴.

В рамках Ассоциации против исламского режима выступала в основном молодежь, которой власти препятствовали в получении образования. Молодые люди находились перед выбором — либо идти на фронт, либо остаться безработными, без средств к существованию. Школьников насильно вербовали в армию. Кроме того, власти учредили в туркменских районах военный налог, в среднем составляющий 10% заработка. Школьники должны ежемесячно вносить 20 туманов на военные нужды, а учителя — дневную зарплату. Если ученик не внесет этот налог, его отчисляют из школы ³⁵.

Районы расселения туркмен страдают от нищеты. В районе Ямпи почти половина женщин, юношей и подростков связана с производством и продажей наркотиков³⁶.

Произвол властей, неспособность решить важные социальные и экономические проблемы — таковы стимулы движения туркмен за свои права. Как и в Иранском Белуджистане, его, с одной стороны, вдохновляют вожди племен, выступающие за свои права под знаменем суннизма, а с другой — руководители автономистского движения.

Правящее шиитское духовенство считает все национальные движения контрреволюционными. Политические партии и организации национальных меньшинств постоянно обвиняются в сговоре с иностранной или контрреволюционной агентурой. Эти движения обычно представляются властями как враждебные принятому курсу исламизации. Нерешенным остается и вопрос об официальном признании суннизма и распространенных среди национальных меньшинств (туркмен, курдов, белуджей) мусульманских сект. Практически ничего не делается для экономического и культурного развития национальных районов.

Курс находящихся у власти шиитских богословов на исламизацию общества и создание централизованного теократического государства исключает возможность уступок в вопросах самоуправления национальных меньшинств.

В первые годы после свержения шахского режима, не имея эффективного аппарата подавления, исламские власти для раскола и ослабления движений за автономию использовали вождей племен. Так, банды Азима Маабуди, Морада Каттари, муллы Ибрагима Мохарреза и Тоуфика Маривани, действовавшие под покровительством муллы Хасани, которого Хомейни назначил руководителем пятничных молитв в Урмии, устроили резню в деревнях Индаргаш, Суфиян и Сарукани, причем мулла Хасани лично принял участие в избиении крестьян. Расправа над жителями этих деревень и откровенный грабеж вызвали негодование даже газеты «Джомхурие эслами». Деятельность группировки муллы Хасани привела к обострению суннито-шиитских противоречий, которое завершилось кровопролитием в Негаде в 1979 г.³⁷

Руководители режима считают, что иерархическая структура племен с их патриархальными законами хорошо вписывается в модель исламского общества, автором которой является Хомейни. С июня 1981 г. правительство приняло программу всемерного поощрения кочевого уклада племен, включающую оказание им различного вида хозяйственной помощи, создание потребительско-сбытовой кооперации среди скотоводов с «учетом племенных традиций». Вместе с тем племена получили статус обыкновенных деревень, в которых вожди в лучшем случае остаются старостами. Многие племена, насильственно переведенные в шахский период на оседлость, стали кочевыми. Это наряду с сознательно проводимой режимом политикой объяс-

няется продовольственным кризисом, увеличением спроса на продукты сельскохозяйственного производства. Кочевники, число которых, по данным выборочной переписи населения 1986 г., составляет около 250 тыс.³⁸, начали самовольно захватывать национализированные при шахе общинные пастбища. Вопрос о пользовании пастбищами порождает конфликты как между племенами и иноэтническим населением деревень, арендовавшим эти пастбища у государства, так и в среде самих скотоводческих племен.

Если после свержения шахской власти племена представляли собой одно из главных препятствий стабилизации власти на местах, то к середине 80-х годов режим стал опираться на них для укрепления своих позиций на национальных окраинах и подрыва национальных движений изнутри.

Таким образом, в середине 80-х годов ситуация в национальных районах Ирана была весьма напряженной. Для автономистских движений была характерна необычайная пестрота участвовавших в них сил. Фракционная борьба и слабая координация совместных действий были основными пороками движений, чем небезуспешно пользовался исламский режим.

Превращение органов государственной власти в целостную систему

Принятая в декабре 1979 г. конституция ИРИ включала положения, которые в совокупности были призваны как прямым, так и косвенным путем создать условия, при которых шиитские богословы сумели бы достичь своих главных целей: сохранить власть и обеспечить возможность самим определять пределы действий высших органов государственного управления и лиц, возглавляющих эти органы. Такие рассмотренные в предыдущих главах события политической жизни Ирана, как избрание президента ИРИ, выборы в меджлис первого созыва, назначение президента на пост главнокомандующего вооруженными силами, его отстранение от этой должности, а затем и признание его некомпетентности в качестве президента показали, что созданный шиитскими богословами механизм политической власти представляет собой целостную и дееспособную систему, успешно выполняющую свое назначение. Свидетельством этого явилось подчинение шиитскими богословами своей воле практически всей законодательной деятельности меджлиса, а через него и законотворческой инициативы соответствующих органов исполнительной власти. Примеры этого уже приводились и будут приведены в ходе последующего изложения.

Характерная черта политической системы ИРИ состоит в том, что руководящей и направляющей силой иранского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций не стала какая-либо политическая пар-

тия. Шиитское духовенство не создало после своего прихода к власти мощной господствующей партии³⁹. Причины этого требуют специального анализа. Назовем лишь некоторые из них: наличие многочисленных группировок, фракций, школ политической и богословской мысли внутри духовенства; имеющие уже долгую историю внепартийные традиции его политической деятельности; позиция Хомейни, мотивы которой, вероятно, следует искать в заботе об укреплении его личной власти.

Не создав сильной правящей партии, шиитское духовенство сделало особый упор на перестройку государственного аппарата, стремясь к тому, чтобы сама система органов государственной власти позволяла религиозно-политическому руководству полностью контролировать положение в стране, предотвращать опасное для него развитие внутривнутриполитической ситуации.

Каркасом государственной машины исламской республики стала взаимосвязанная совокупность учреждений, рычагов давления, используя которые духовенство может осуществлять свою волю как в чрезвычайных, так и в обычных обстоятельствах, преступая, если в этом возникнет необходимость, через мнение президента, меджлиса или правительства. Обнаружив в их действиях угрозу своей власти, духовенство, не выходя за рамки конституции, может, игнорируя волю народа, пресечь такие действия. Верховное религиозно-политическое руководство (Рахбар или Руководящий совет), Наблюдательный совет, Верховный суд — все эти теократические органы, состоящие, за одним исключением⁴⁰, из священнослужителей и формируемые без участия избирателей как чисто сословные учреждения, могут сместить неугодного им президента, не допустить исполнения решения, принятого меджлисом.

Составители конституции, как уже отмечалось, разрабатывали ее текст в условиях, когда духовенство еще не обладало всей полнотой власти, когда был высок уровень политической активности народных масс, еще свежи были в памяти данные вождями обещания построить в Иране общество «исламской справедливости». Как бы ответом на эти ожидания явились вошедшие в текст конституции декларации о социальном равенстве, гражданских свободах, гуманных целях экономической политики, положения о демократических институтах государственной власти — президенте, парламенте. Но оценить их истинное значение можно, лишь разобравшись, чьи интересы призвана обслуживать государственная машина исламской республики.

Разумеется, ни один юридический документ не может сам по себе гарантировать духовенству сохранение его власти. История известно немало случаев, когда при изменении политического режима, при переходе фактической власти к другому классу или блоку классов сохранялись во имя формальной законности прежние государственные учреждения и законы, в том числе и конституции. При этом старые установки получали но-

вую трактовку. Некоторые, ключевые в прошлом, институты становились чисто формальными, «мертвыми» деталями новой государственной машины. В истории Ирана же есть пример, когда на протяжении более чем семи десятилетий оставалось нереализованным завоеванное духовенством в ходе революции 1905—1911 гг. право на осуществление религиозного контроля над законодательной деятельностью через специальный орган — комиссию из пяти богословов. Однако в любом жизнеспособном государственном механизме есть своя логика взаимосвязи органов власти, есть центральные учреждения и учреждения зависимые, периферийные, иногда и «декоративные». В ИРИ ведущая роль принадлежит теократическим органам, в первую очередь институту «веляйте факих». В роли ведомых и фактически и юридически оказываются органы республиканские. Что же касается демократических и эгалитаристских деклараций, содержащихся в конституции, то они ни к чему не обязывают духовенство уже в силу того, что в законе не предусмотрено создание механизма их осуществления.

Формирование конституционных органов власти, интеграция унаследованных от монархии и временных революционных учреждений, их превращение в целостную систему заняли продолжительный период — с января 1980 г., когда был избран президент ИРИ, до февраля 1983 г., когда начало свою деятельность Собрание экспертов, созданное для обеспечения преемственности власти верховного правящего факиха. Этот процесс протекал в обстановке периодического резкого обострения политической борьбы внутри страны и вовлечения Ирана в кризисные ситуации международного значения (опасная напряженность в отношениях с США в связи с захватом американского посольства в Тегеране и война с Ираком). Все эти обстоятельства наложили печать на формировавшуюся систему государственных органов, причем как внешняя опасность, так и «угроза исламу» изнутри, от антиклерикальных элементов, умело обыгранная официальной пропагандой, были использованы духовенством для того, чтобы придать исламской республике как можно больше черт теократического государства, что едва ли было бы возможно при иных внутри- и внешнеполитических условиях.

Из постоянных конституционных органов исламского режима первым был создан институт президентства. Строго говоря, в условиях существования верховной теократической власти — Руководителя (Рахбара) ИРИ — избрание президента с точки зрения элементарной логики просто излишне. Является ли иранский президент главой государства? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. С одной стороны, за это говорят само наименование его должности («раисе Джомхурие Эсламие Иран» — «глава Исламской Республики Иран») и его права: регулирование отношений между законодательной, исполнительной и судебной властью, руководство исполнительной властью (правда, в конституции содержится оговорка, в соот-

ветствии с которой из ведения президента исключаются вопросы, непосредственно относящиеся к прерогативам Рахбара), промульгация законодательных актов, выдвижение кандидатуры премьер-министра и утверждение его в должности после получения вотума доверия в меджлисе, подписание договоров и соглашений с другими государствами, назначение послов Ирана в других странах, награждение правительственными наградами (ст. 113, 123—126, 128—129 конституции). С другой стороны, Рахбар наделен куда более значительными полномочиями: он осуществляет назначения в высший судебный орган страны, в орган религиозного контроля над законодательной деятельностью — Наблюдательный совет, объявляет войну, заключает мир, объявляет мобилизацию вооруженных сил, он — верховный главнокомандующий, наделенный правом назначать руководство вооруженных сил страны, за ним — право амнистии и смягчения приговоров осужденным (ст. 110). Президент, согласно конституции, недвусмысленно ставится по старшинству после Рахбара (ст. 113), который к тому же утверждает избрание президента и может по рекомендации меджлиса или Верховного суда отстранить его от должности.

Из сказанного явствует, что в Исламской Республике Иран произошло своеобразное дробление функций главы государства. Основные полномочия получил религиозно-политический руководитель. Никакой ответственности за свою деятельность он не несет, предполагается лишь, что он не будет заниматься казнокрадством (ст. 142), но и об этом в конституции говорится как бы между прочим. Согласно ст. 112 Руководитель (или Руководящий совет) равен прочим гражданам страны перед законом. Но практически статья эта значения не имеет, так как она не касается его прерогатив, подразумевая лишь его общие гражданские права и обязанности. Функции протокольные и представительские оставлены за президентом. Весьма подробно определен порядок его смещения, причем причиной здесь может стать не только превышение им своих полномочий (которое определяется состоящим из представителей духовенства Верховным судом), но и его «политическая некомпетентность при исполнении своих обязанностей» (расплывчатая, допускающая любое толкование формулировка), которую определяет меджлис. В обоих случаях последнее слово остается за Рахбаром, который и осуществляет сам акт смещения президента. За этим набором юридических рычагов стоит стремление духовенства не допустить сосредоточения власти в руках лица, которое может выйти из-под контроля. Это отодвигает на второй план и соображения логики — противоречие между формой избрания президента в ходе всеобщего прямого и тайного голосования и его подчиненным положением по отношению как к Рахбару (занимающий этот пост Хомейни никем на него не избирался и руководит страной пожизненно)⁴¹, так и к меджлису. Смещение 21 июня 1981 г. А. Банисадра с поста президента показало

в действии заложенный духовенством в конституции механизм подчинения себе верховной власти.

Идея целостности государственной власти духовенства, его нежелание фактически, а не формально поделить эту власть с любыми независимыми от него политическими силами нашли воплощение также в структуре и деятельности законодательной власти в Исламской Республике Иран.

Формально иранский парламент — Собрание исламского совета (меджлис) — мало чем отличается от парламентов буржуазных государств и освободившихся стран, идущих по пути капитализма. Более того, конституционные положения, определяющие его формирование, полномочия и деятельность, мало отличаются и от соответствующих положений иранской конституции 1906 г. Основной закон не дает духовенству прямых путей установления своего контроля над меджлисом, не дает представителям духовенства каких-либо преимуществ, чтобы быть избранными в парламент. Однако положения конституции и избирательный закон создали для него достаточно рычагов, чтобы эффективно контролировать как формирование меджлиса, так и его деятельность. В нынешней обстановке духовенство добивается этих целей, больше используя особенности политической структуры Ирана — по существу, непартийной, в которой не осталось места для оппозиционных духовенству организаций. Впрочем, и сейчас часто используются и имеют еще большее значение как запасное средство юридические механизмы отбора кандидатов в депутаты меджлиса, строгого контроля над решениями меджлиса и запрещение исполнять те из них, с которыми не согласно высшее духовенство.

Все эти механизмы в конечном счете приводит в действие особый, теократический по своему происхождению орган — Наблюдательный совет (Шоурае негяхбан). Подобно тому как это произошло с функциями главы государства, функции законодательной власти оказались раздробленными, как бы разъятыми на две составляющие — республиканскую и теократическую, причем и здесь это разделение, хотя и в иных формах, преследует цель обеспечить единство, системную целостность государственной власти через ее подчинение шиитскому духовенству, но при сохранении внешних атрибутов буржуазной демократии.

Проверка верности кандидатов в депутаты принципам исламской республики, осуществляемая специальными комиссиями, и сама избирательная процедура, по сути дела, превращают выборы в дележ депутатских кресел между различными религиозно-политическими фракциями. Так проходила кампания по выборам в меджлис первого созыва в 1980 г., в еще более откровенной форме антидемократический характер парламентских выборов обнаружился в 1984 г. В 1980 г. в избирательные списки попали 3300 кандидатов, а в 1984 г. из 1584 претендентов — 1161.

Высшей апелляционной инстанцией как при предваритель-

ном отборе кандидатов, так и в отношении жалоб на проведение самих выборов является Наблюдательный совет. В него входят, как уже отмечалось, шесть богословов, назначаемых Рахбаром, и шесть юристов, избираемых меджлисом. При решении вопроса о соответствии постановления меджлиса конституции Наблюдательный совет действует полным составом. Второй этап конституционно-религиозного контроля — определение соответствия такого постановления нормам ислама — осуществляется только богословами — членами Наблюдательного совета.

В чем уникальность Наблюдательного совета и что дает основание считать его составной частью структуры законодательной власти в ИРИ, органом, через который духовенство эффективно контролирует законодательную деятельность? Органы конституционного надзора существуют во многих странах (например, в США, во Франции, Австрии, Италии, ФРГ, Турции, на Кипре, в Югославии), однако в Иране, во-первых, нормы религии поставлены над светским законодательством (ст. 4 конституции), а во-вторых, духовенству в лице шести назначаемых Рахбаром членов Наблюдательного совета предоставлено право вето в отношении законодательной деятельности парламента (см., в частности, главу XI).

Этим правом духовенство пользуется прежде всего для охраны существующих в Иране капиталистических форм собственности, для защиты частного предпринимательства. Одобренные Наблюдательного совета не получили принятые меджлисом законодательные акты, регулировавшие раздел конфискованных в ходе революции земель сторонников монархии, определявшие верхний предел концентрации капитала в руках частных предпринимателей. Наблюдательный совет блокировал, получив поддержку Хомейни, даже закон об огосударствлении внешней торговли, хотя такое положение содержится в тексте конституции. Оправдывая это решение, председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани говорил в своей проповеди на пятничном намазе в Тегеране 7 сентября 1984 г. о конституционном праве Наблюдательного совета «толковать» конституцию по своему усмотрению⁴². Парадоксальная ситуация, когда теократический орган конституционного надзора не остановился, отстаивая экономические интересы духовенства, перед тем, чтобы «истолковать» конституцию вопреки ее очевидному смыслу, служит хорошим примером того, что теократические элементы государственной машины в ИРИ являются ведущими.

Следующим по времени создания конституционным органом власти ИРИ стало правительство. 20 июля 1980 г. прекратил существование Исламский революционный совет. 11 августа 1980 г. меджлис проголосовал за назначение премьер-министром Мохаммеда Али Раджаи.

Правительство отличалось от других уже созданных к тому времени институтов верховной власти тем, что у него не было

теократического «двойника» (по типу президент — Рахбар, парламент — Наблюдательный совет). Отчасти это как бы уравнивалось тем обстоятельством, что судебная система в Иране приобрела почти целиком теократический характер. Разумеется, духовенство не оставило без своего контроля правительство, но этот контроль все же не осуществляется в форме прямой юридической зависимости его от какого-либо специального контролирующего теократического органа. Практика осуществления государственной власти в исламской республике показала, что необходимости в нем пока не обнаружилось: духовенство обеспечивает формирование правительства в нужном для него составе и направляет его деятельность не прямым путем — через президента и меджлис, а через контакты высшего руководства страны (Хомейни, великий аятолла Монтазери, президент Хаменеи, председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани, председатель Высшего судебного совета и одновременно Верховного суда Мусави-Ардебили) с премьер-министром, которые осуществляются по политико-религиозной, а не по иерархической линии.

Эта форма взаимоотношений духовенства с правительством, которое несет на себе бремя ответственности за конкретную политическую деятельность режима и которое становится первым и единственным объектом критики в случае неудачи этой деятельности, выгодна для духовенства. Она вполне соответствует его основной цели — удержанию власти в своих руках. Вместе с тем «закулисный» характер решения вопроса о составе кабинета, руководства его деятельностью делает правительство самым неустойчивым звеном системы власти в исламской республике, местом столкновения интересов и борьбы различных фракций внутри религиозно-политического руководства.

Правительственный кризис 1983 г. (отказ меджлиса первого созыва в вотуме доверия для пятерых членов кабинета⁴³) стал свидетельством появления разногласий внутри руководства, которые не носят, однако, принципиального характера.

Судебная система в Исламской Республике Иран в большей степени, чем другие органы власти, подчиняется непосредственному контролю духовенства. Из одних богословов состоит ее высший орган — Высший судебный совет (ст. 158 конституции). Председатель Верховного суда, генеральный прокурор — моджтахеды, назначаемые Рахбаром. Конституция не содержит требования о том, чтобы все судьи и прокуроры были служителями культа, однако смысл ст. 167 конституции, предписывающей судье руководствоваться шариатом, когда он не может решить дело на основе светского закона, предполагает, что судья должен обладать полномочиями шариатского судьи. На основании этого руководители страны (Хомейни, Монтазери) требуют, чтобы как можно больше студентов богословских учебных центров занимали судебные должности. Примечательно, что именно в судебной системе, где служители культа непо-

средственно осуществляют власть, беря на себя прямую ответственность за решение судьбы конкретных лиц, наблюдается стремление низшего и среднего духовенства уклониться от исполнения этих обязанностей, ибо в случае изменения обстановки им, возможно, придется ответить перед жертвами исламского судебного произвола. Судебная деятельность служителей культа не находит одобрения и у некоторых представителей высшего шиитского духовенства: они считают ее потенциально опасной для своей прослойки, для авторитета религии в целом, возражают против нее и с точки зрения богословия.

Создание целостной системы государственной власти «исламского образца» в Иране завершилось созывом Собрания экспертов — государственного органа, призванного обеспечить преемственность верховного религиозно-политического руководства.

Собрание экспертов состоит из представителей духовенства, оно как бы воплощает собой его высший форум. Собрание действует независимо от остальных органов власти, это инструмент, призванный обеспечить сохранение политических позиций духовенства в кризисной ситуации. Полномочия Собрания экспертов в общей форме изложены в ст. 107 и 111 конституции. Выборы в Собрание первого созыва (оно переизбирается каждые восемь лет) прошли 10 декабря 1982 г. 13 июля 1983 г. в Тегеране состоялось первое заседание Собрания экспертов. По закону Собрание должно проводить свои заседания по меньшей мере в течение пяти дней в году.

Сама процедура избрания членов Собрания экспертов (в голосовании участвуют только мужчины) и состав этого органа (в него входят только представители высшего духовенства — моджахеды) придают ему все необходимые характеристики, чтобы сделать его полномочным в соответствии с давней традицией «представить» шиитам Ирана их нового духовного вождя — «марджа от-таклид» («духовное лицо, достойное подражания»). Не отступить от религиозного обычая и сохранить единство духовенства в момент смены вождя — вот главная цель создания и деятельности этого сословного органа, куда вошли все ведущие богословы Ирана, за исключением великих аятолл, из числа которых Собрание экспертов после смерти Хомейни сможет найти ему преемника. Если по каким-либо причинам ни один из сохраняющих ныне это звание — Монтазери, Гольпаегани или Мараш-Наджафи — не будет провозглашен Рахбаром и если все они не станут членами коллективного органа верховной религиозно-политической власти — Руководящего совета (Шоурае рахбари), то Собрание экспертов сможет провозгласить Рахбаром какого-либо другого богослова или образовать Руководящий совет из трех-пяти человек, признав за каждым из них достоинство «марджа».

Таким образом, весь государственный механизм исламской республики сцементирован руководящей ролью духовенства.

Ему подчинены все его звенья. Любая попытка органов верховной власти осуществить на практике свои формальные права в ущерб интересам духовенства быстро и эффективно пресекаются с помощью многочисленных инструментов давления и контроля, которые заложены в самой государственной структуре исламской республики и отражены в ее конституции и законодательстве.

Все сказанное выше подтверждает целостный и системный характер органов государственного управления ИРИ. Обеспечивается и подстраховывается это тем, что центром и средоточием государственной власти в Иране стал институт «веляйте факих», пост Руководителя, занимаемый имамом Хомейни. Именно вокруг него сложилось высшее религиозно-политическое руководство, в которое входят богословы, занявшие высшие должности в государстве, — президент, председатель меджлиса, председатель Верховного суда, а также великий аятолла Монтазери, который был в 1985 г. избран преемником Хомейни.

Уход Хомейни с политической арены будет серьезным испытанием для сложившейся системы власти в Иране. Насколько успешно сработает юридический механизм, призванный обеспечить ее сохранение, будет зависеть от сочетания многих факторов, и не в последнюю очередь от того, сумеет ли духовенство сохранить свое единство. Если этого по каким-либо причинам не случится, политическая система в Иране может претерпеть самые серьезные потрясения.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ИРИ

В 1981—1988 гг.

Образование основных религиозно-политических группировок правлящего духовенства

Новый этап политического формирования исламского режима, последовавший за смещением летом 1981 г. выражавшего интересы либерально-буржуазных кругов президента А. Банисадра и переходом приверженцев Хомейни к разгрому левых и демократических сил, ознаменовался установлением в Иране прямой теократической диктатуры, опирающейся на мощный карательно-репрессивный аппарат во главе с Корпусом стражей исламской революции. Все дальнейшие усилия шиитских богословов были направлены на всестороннее упрочение их безраздельной монополии на власть в рамках создаваемого тоталитарного военно-теократического государства, подчиненного воле «велаяте факих», пост которого, согласно конституции ИРИ, пожизненно сохранен за имамом Хомейни.

Верхушка Партии исламской республики, взявшая в свои руки бразды правления государством, столкнулась с большим комплексом нерешенных социально-экономических и социально-политических проблем, значительно обострившихся после февраля 1979 г. Подчинив государственный аппарат нуждам укрепления прежде всего собственных экономических и общественно-политических интересов, шиитские лидеры стали отходить от провозглашенных ими на начальном этапе революции принципов обеспечения «исламской социальной справедливости» и обещаний провести глубокие политические и социально-экономические преобразования в интересах обездоленных слоев населения.

В результате народное, демократическое и антиимпериалистическое содержание иранской революции, которое она обрела в ходе борьбы — за свержение монархии, стало сужаться. Однако духовенство продолжало оказывать сильное воздействие на значительную часть традиционных средних слоев города и деревни, которые слепо шли за шиитскими лидерами, веря в утопичные идеалы «исламского общества». Антиимпериализм и антиамериканизм, которые муллы широко использовали в период борьбы за власть против своих либерально-буржуазных и

левых противников (1979—1981), утратили остроту и сменились воинствующим антикоммунизмом и антисоветизмом. Духовенство целенаправленно культивировало шиитский экстремизм в массах, чтобы обеспечить их поддержку мероприятий по созданию теократического режима с сохранением капиталистических отношений.

Последовавшая за устранением Банисадра широкая кампания критики «либералов», на которых сторонники Хомейни возложили всю вину за экономические и социальные трудности, не привела, однако, к каким-либо существенным изменениям в области экономической жизни. Причина этого прежде всего заключалась в том, что подлинное проведение социально-экономических преобразований, способных привести к существенным изменениям в экономической и социальной жизни иранского общества, вовсе не входило в планы шиитских богословов.

Заняв командные высоты в системе государственной власти, шиитские лидеры пошли по пути сохранения и упрочения как своих узкокорпоративных позиций, так и позиций различных групп крупной буржуазии, особенно верхушки торговой буржуазии, а также крупных землевладельцев. Этот курс, по существу, был направлен на сохранение капиталистического развития страны в рамках созданной духовенством теократической модели правления. Усиленно насаждавшаяся шиитскими богословами исламизация иранского общества, перекраивавшая уклад общественной жизни и быта граждан на средневековый манер, возводившая обскурантизм в норму государственной политики и калечившая жизнь миллионам людей, была призвана видоизменить лишь фасад политической власти и формы государственного управления, которым духовенство придало исламскую окраску.

Реализация концепции «веляйте факих», предусматривающей прямое вмешательство духовенства в управление государством, обострила разногласия между самими шиитскими лидерами в вопросах, касающихся идеологии, характера и содержания теократической власти, способов правления, претворения в жизнь положений конституции ИРИ, избрания преемника Хомейни на посту руководителя мусульманской общины страны. Размежевание в религиозно-политическом руководстве было обусловлено углублением конфронтации между двумя основными течениями — сторонниками «умеренной либерализации» («традиционалистами», к которым примыкает неофициальное религиозно-политическое общество «Ходжатие») и «жесткой исламизации» (или «фундаменталистами» — «мактаби» или «мактабистами») ¹. Внешним фоном этого противоборства послужило признание с позиций шиитской догматики или, наоборот, отрицание провозглашенного Хомейни принципа «веляйте факих», позволяющего ему или его преемнику узурпировать право единолично возглавлять мусульманскую общину в Иране в период отсутствия двенадцатого шиитского имама, аль-Махди.

Политическая платформа «Ходжатие», которая в противовес концепции «веляйте факих» игнорировала социально-политические аспекты шиизма и допускала отделение религии от политики, в целом отвечала основным интересам иранской, прежде всего крупной промышленной, буржуазии, поскольку она отводила «технократам» главенствующую роль в управлении государственными делами. Приверженцы «Ходжатие», выступая против монополизации власти в руках сторонников Хомейни, ратовали за создание такого буржуазного «исламского» правительства, которое бы обеспечивало устойчивое развитие страны по капиталистическому пути и не исключало бы возможности расширения сотрудничества с империалистическими державами, в том числе с США. Соответственно «Ходжатие» ратовало за сохранение важной роли, как и при шахском режиме, вооруженных сил, прозападной военной верхушки, за развитие военно-политических контактов с ведущими империалистическими государствами.

К «Ходжатие» примыкали не только антихомейнистски настроенные высшие «умеренные» улемы Мешхеда, Тебриза, Исфахана и Шираза (аятоллы Гольпаегани, Шариатмадари, Ма-раши-Наджафи, Табатабаи-Куми) и либерально-буржуазные политики, группировавшиеся вокруг возглавлявшегося М. Базарганом Движения за свободу Ирана. С ним стал взаимодействовать и ряд влиятельных религиозных и светских деятелей правящего режима, включая президента А. Хаменеи, председателя меджлиса А. А. Хашеми-Рафсанджани, премьер-министра М. Мусави, для которых формальная приверженность принципу «веляйте факих» служила прикрытием для узкогрупповых и личных целей в борьбе за власть.

«Ходжатие» играло важную роль посредника в расширении связей между правящим духовенством и различными группами буржуазии, а также в восстановлении контактов с Западом. Поэтому после смещения Банисадра благодаря содействию некоторых религиозных руководителей сторонники «Ходжатие» не утратили своих позиций в государственном аппарате, вооруженных силах, а также в парламенте. В 1983 г. около 60 депутатов меджлиса были сторонниками «Ходжатие»². При их поддержке, несмотря на сопротивление сторонников «жесткой исламизации», в меджлисе стала функционировать либерально-буржуазная фракция во главе с М. Базарганом. Движению за свободу Ирана вопреки официальному запрету на деятельность в стране любых политических партий и организаций, кроме правящей ПИР, благодаря содействию некоторых влиятельных функционеров режима удалось сохранить свою штаб-квартиру в Тегеране и филиалы в ряде крупных городов. Группировка Базаргана стала использовать трибуну меджлиса для критики исламского режима, осуждения воцарившейся в Иране атмосферы террора и репрессий, расправ без суда и следствия, которые последовали за смещением Банисадра.

Развитию ее деятельности во многом способствовало то обстоятельство, что сторонники «Ходжатие» приобрели значительное влияние в ПИР.

Сторонники жесткой исламизации — фундаменталисты, или «мактабисты» (члены Наблюдательного совета аятоллы Имами-Кашани, Мохаммади-Гиляни, Хазали, председатель Высшего судебного совета аятолла Мусави-Ардебили, влиятельные ходжат оль-эсламы Мусави-Хоэниха, Х. Гаффари, Тахери-Хоррамабади и др.) выступали за безоговорочную поддержку принципа «веляйте факих», экспорт «исламской революции» в мусульманские страны, продолжение войны с Ираком до «полной победы». Они были враждебно настроены к идее установления сотрудничества Ирана со странами Запада, прежде всего с США. Вместе с тем антиамериканизм в сочетании с антикоммунизмом и антидемократизмом служил для этих религиозных кругов важнейшим средством мобилизации народных масс, в первую очередь фанатиков из городских низов, под знаменем исламского правозэкстремистского движения.

При содействии Хомейни «мактабисты» обеспечили себе прочные позиции в органах законодательной и, что еще более важно, исламской судебной власти, поскольку в исламском государстве власть богословов-правоведов признана главенствующей.

Боевой силой воинствующих приверженцев принципа «веляйте факих» стали находившиеся под контролем духовенства отборные штурмовые отряды Корпуса стражей исламской революции и ополчения («басидж»), создававшегося под руководством КСИР (для организационного оформления «басидж» была учреждена «Организация ополчения обездоленных Корпуса стражей исламской революции» — «Сазмане басидже мостазафине сепахе пасдаране энгелабе эслами»), а также военизированные формирования «Хезболла»³, щедро субсидируемые муллами. Эти правые клерикальные силы явились главным орудием проведения антилиберальной кампании, целью которой было сохранение духа исламского экстремизма в широких слоях населения и удержание их под контролем шиитских богословов.

В конце 1981 г. экстремистское крыло депутатов меджлиса во главе с аятоллой С. Хальхали, ходжат оль-эсламами Х. Гаффари, Тахери-Хоррамабади, Мусави-Хоэниха усилило нападки на Базаргана и его сторонников и потребовало их изгнания из парламента и даже казни. Исламские власти запретили печатный орган Движения за свободу Ирана газету «Мизан». Попытки приверженцев Базаргана общаться с населением с помощью листовок и политических памфлетов срывались группами хезболлахи и отрядами стражей исламской революции. В декабре 1981 г. хомейнисты были намерены арестовать базаргановскую фракцию в меджлисе. Лишь вмешательство аятоллы Хомейни спасло сторонников Базаргана. В начале 1982 г.

после небольшого перерыва фракция Базаргана стала вновь принимать участие в заседаниях парламента.

Все же деление правящего духовенства на фундаменталистов и традиционалистов носило условный характер, что объясняется отсутствием четкого размежевания сил в руководстве страной. После 1981 г. различные фракции духовенства и их лидеры не раз демонстрировали способность блокироваться друг с другом или, напротив, переходить к открытой конфронтации в соответствии со своими узкокорпоративными целями и интересами. Борьба в религиозном лагере определялась как интересами различных групп богословов, так и их связями с разными фракциями буржуазии, позиции которой в экономике страны они стремились укрепить, действуя через правительство, меджлис, исламские судебные органы, институты исламской власти, репрессивный аппарат, включая регулярную армию, КСИР, ополчение, «комитеты имама Хомейни», отряды хезболлахи.

Противоборство между религиозными фракциями и их лидерами в зависимости от отношения к традиционалистам и фундаменталистам привело к образованию в правящих кругах ИРИ в конце 1981 г. трех основных религиозно-политических группировок: во главе с президентом ИРИ ходжат оль-эсламом А. Хаменеи, председателем меджлиса ходжат оль-эсламом А. А. Хашеми-Рафсанджани и кумским аятоллой Х. Монтазери.

Эти политико-религиозные деятели, как и Хомейни, принадлежат к влиятельному клану мусавитов, которые ведут свою родословную от седьмого шиитского имама, Мусы аль-Казема. Лидирующая роль Хомейни в клане мусавитов, представители которого при его содействии в 1981 г. получили ключевые посты в государстве, позволила имаму превратиться в центральную фигуру в создававшемся им исламском режиме. Играя на противоречиях в правящем духовенстве и выступая арбитром во всех распрях и интригах, Хомейни стал уверенно осуществлять верховную власть и единолично принимать все главные политические решения. После гибели аятоллы Бехешти он начал настойчиво утверждать режим личной власти, стремясь не допустить концентрации у кого-либо из лидеров религиозных группировок широких полномочий в исполнительной, законодательной и судебной областях. Одним из важнейших инструментов этой политики Хомейни служит Наблюдательный совет.

С осени 1981 г. большое влияние на расстановку сил в правящих кругах ИРИ стали оказывать сыгравшие решающую роль в смещении Банисадра ходжат оль-эсламы Хаменеи и Хашеми-Рафсанджани. Оба они претендовали на пост генерального секретаря ПИР, в результате чего партия раскололась на две фракции. Члены обеих фракций активно укрепляли свои позиции в различных звеньях политической системы ИРИ. Преследуя цель укрепить режим личной власти, Хомейни в сентябре 1981 г. утвердил Хаменеи на посту президента ИРИ, а в

октябре одобрил кандидатуру М. Мусави, являвшегося членом Исполнительного комитета ПИР, на пост премьер-министра. С санкции Хомейни президент Хаменеи стал генеральным секретарем ПИР, а председатель парламента Хашеми-Рафсанджани — его заместителем.

Перегруппировка в высших эшелонах государственной власти, осуществленная аятоллой Хомейни, привела к тому, что влияние ПИР в качестве «цементирующего ядра исламского государства» стало ослабевать. Для Хомейни судьба ПИР не имела значения, так как партия была ему не нужна для укрепления его личной власти в исламской республике. Упрочение власти «велаяте факих» он всегда связывал с повышением роли и эффективности институтов его личного контроля и управления — личной канцелярии имама (главный осведомительный орган Хомейни), института религиозных «представителей имама» в различных звеньях государственного аппарата, Организации генеральной инспекции (была создана в декабре 1981 г.), Высшего политико-идеологического управления в иранских вооруженных силах и КСИР (ВПИУ), института руководителей пятничных молитв (имам-джом'э), системы традиционных шиитских учреждений, прежде всего мечетей, многочисленных исламских общественных организаций и др. Во главе их Хомейни назначал богословов из своего окружения.

В конце 1981 г. Хомейни поделил сферу высших военных полномочий между президентом Хаменеи, которого он назначил председателем Высшего совета обороны ИРИ, и председателем меджлиса Хашеми-Рафсанджани, ставшим «представителем имама» в этом высшем военном органе. Играя на разногласиях между религиозными лидерами, Хомейни допускал и даже поощрял их взаимную критику. Для этой цели он поочередно предоставлял им пост руководителя пятничных намазов Тегерана, который использовался ими в качестве политической трибуны для пропаганды своих политических взглядов и нападок на соперников в борьбе за власть. Такая тактика позволяла Хомейни натравливать одни группы богословов на других и, напротив, объединять их в зависимости от конкретной политической ситуации в Иране и на международной арене. При этом поддержка аятоллы всегда была на стороне тех религиозных сил, которые наиболее эффективно проводили курс на обеспечение безграничного полновластия «велаяте факих».

Группировка Хаменеи представляла собой альянс, в который вошли члены правительства, функционеры исламского режима, депутаты меджлиса, либерально-буржуазные деятели, представители высшего армейского командования. Ее позиции больше других правящих религиозных фракций были близки к платформе «Ходжатие». Президент пользовался также поддержкой «умеренных» высших улемов из мешхедского теологического центра, где он долгое время обучался теологии. Связи с «Ходжатие» позволили Хаменеи одержать в конце 1981 г. побе-

ду в борьбе с Хашеми-Рафсанджани за формирование правительства Мусави. В результате ключевые посты в нем заняли такие близкие к либерально-буржуазным кругам светские деятели, как А. Велаяти (министр иностранных дел), Б. Набави (министр экономики и финансов, а затем и тяжелой промышленности), Х. Асгароулади-Мосальман (министр торговли), М. Гаррази (министр нефти), А. Тавакколи (министр труда и социальных дел).

Сторонники Хаменеи, в том числе премьер-министр Мусави, придерживаясь умеренных исламских взглядов, выступали против того, чтобы у Хомейни был единственный преемник на посту Рахбара. Это подчас способствовало сближению их позиций со взглядами приверженцев «Ходжатие» — прямых противников хомейнистской интерпретации принципа «велаяте факих»⁴. Сторонники президента активно выступали за привлечение к управлению государственными делами и экономикой технократической элиты, получившей образование на Западе, за усиление образованного при ее участии правительства, расширение в «разрешенных исламом» границах торгово-экономических и военно-политических связей с империалистическими державами, в том числе с США, и их союзниками в регионе. Последовательный прагматический курс правительства Мусави, который поддерживал президент Хаменеи, ориентировался на повышение роли государства в управлении экономикой, укрепление и расширение государственного сектора народного хозяйства и развитие страны по капиталистическому пути в интересах прежде всего промышленной буржуазии.

Опираясь на содействие влиятельных улемов из «Ходжатие», Хаменеи стремился полностью использовать президентские полномочия в противоборстве с группировкой Хашеми-Рафсанджани, добивавшейся приоритета законодательной власти перед исполнительной. С конца 1981 г. сторонники Хаменеи начали укреплять свои позиции в руководстве страны при опоре на правительство Мусави, гражданский административно-управленческий аппарат, некоторые исламские институты, включая КСИР, главным же образом — на регулярную армию. Став в конце 1981 г. главой Организации армейской инспекции, Хаменеи усилил свое влияние на кадровую политику исламского режима в армии и стал выдвигать на командные посты офицеров, связанных с «Ходжатие».

В конце 1981 г. по рекомендации премьер-министра Мусави и при поддержке президента министром обороны был назначен полковник М. Салими, имевший связи с либерально-буржуазными кругами и сторонниками «Ходжатие». Основную роль в командовании всеми родами войск играли генералы и офицеры, примыкавшие к кругам либеральной буржуазии и в той или иной степени разделявшие ее политические взгляды: начальник объединенного штаба вооруженных сил генерал Х. А. Захирнежад, командующий сухопутными войсками полковник С. Ши-

рази, командующий ВМС контр-адмирал Б. Афзали и др. Таким образом, при содействии некоторых религиозных и светских руководителей ИРИ позиции сторонников капиталистического развития Ирана и прозападной ориентации в военном строительстве в армейском командовании после смещения Банисадра были сохранены и даже упрочены.

В первые годы своего существования правящий исламский режим сделал многое, чтобы ограничить возможности влияния армейской верхушки на общественно-политическую жизнь страны. Военные были лишены ряда привилегий, которыми они пользовались при шахе. Сократилась и сфера деятельности армии: это касалось прежде всего таких функций, как обеспечение безопасности и охраны порядка и участие в пропагандистских мероприятиях правительства; с завоеванием власти духовенством эти функции перешли к Корпусу стражей исламской революции.

Однако в последующем в связи с расширением участия армии во внутривнутриполитических событиях (подавление курдского и белуджского автономистских движений, выступлений племен на юге страны против центральных исламских властей), а также из-за войны с Ираком влияние военных на общественную жизнь стало возрастать. К тому же духовенство в условиях ирано-иракской войны должно было уделять больше внимания регулярным вооруженным силам. Регулярной армии и КСИР доставалась большая часть ассигнований, выделявшихся на оборону. В 1981/82 г. иранское правительство выделило на военные нужды 8 млрд. долл., что примерно равнялось военному бюджету при шахском режиме в 1975/76 г. — в период пика военных расходов (7,79 млрд. долл.)⁵. В 1982/83 г. ассигнования на военные нужды составили уже 15,55 млрд. долл., в 1983/84 г. возросли до 17,37 млрд., а в 1984/85 г. достигли небывалого уровня — 20,16 млрд. долл. И хотя в 1985/86 г. военные расходы снизились до 13,87 млрд. долл., что было обусловлено сокращением доходов ИРИ от экспорта нефти в результате падения цен на мировых рынках, военные ассигнования продолжали оставаться главной статьей расходной части государственного бюджета (около 50%)⁶.

Благодаря поддержке правительства и ряда влиятельных религиозных деятелей режима военные сохранили связи с кругами крупных промышленников, подчинивших деятельность своих предприятий нуждам войны. Высшие армейские чины активно участвовали в прибылях, увеличению которых они содействовали, размещая военные заказы как внутри Ирана, так и за рубежом. Действуя через правительство, в частности через военное министерство, по старым шахским каналам, армейская верхушка участвовала в оформлении больших военных заказов в крупнейших западных военно-промышленных фирмах⁷ и таким образом способствовала укреплению военного сотрудничества с западными странами, что в определенной мере увеличи-

вало ее возможность влиять на внешнеполитическую деятельность ИРИ.

С конца 1981 г. главные усилия правительства Мусави, в том числе военного министерства, сосредоточились на получении у США и ряда других западных государств заказанного и оплаченного еще шахским режимом вооружения, боевой техники и запасных частей к ним на сумму более 11 млрд. долл. Военное министерство стало для сторонников президента Хамеanei важным каналом тайных контактов с политическими и военно-промышленными кругами западных держав, включая США. Высшее военное командование стремилось использовать военные контакты с Западом для упрочения своих собственных политических позиций.

Что же касается боевых действий на ирано-иракском фронте, то здесь армейское командование настаивало на необходимости ведения войны с учетом принципов современной военной науки, сложнейшего современного вооружения и боевой техники, которой обладали воюющие армии. Оно добивалось всестороннего укрепления вооруженных сил, ведения боевых действий на основе «классических» стратегии и тактики, возрастания роли штабов в планировании и руководстве наступательными операциями, эффективного взаимодействия всех видов вооруженных сил и родов войск. Армейское командование проявляло недовольство вмешательством духовенства и верхушки пасдаров в его профессиональные дела, стремилось добиться повышения своей самостоятельности в войне и подчинения своему контролю формирований КСИР и ополчения⁸.

В свою очередь, приверженцы «курса имама», верхушка КСИР и ополчения, группировавшиеся вокруг председателя меджлиса Хашеми-Рафсанджани, сделали ставку на всемерное поощрение общественно-политической и военной роли КСИР, противопоставив его регулярной армии. Они провозгласили «исламский» подход к ведению войны с Ираком, целиком основывающийся на коранических догматах джихада и «армии ислама». Решающим условием достижения победы они считали «исламский фактор», т. е. религиозный фанатизм и культ шехада-та. Основной упор делался на превосходстве людского и религиозно-идеологического факторов над военной мощью противника.

Руководители КСИР и ополчения рассматривали свои формирования как главную военную силу в «исламском государстве», подчиненную только «веляйте факих», и поэтому враждебно относились к попыткам военных взять их под свой контроль и заставить воевать на основе «классических» стратегии и тактики. В регулярной армии они видели не только соперника, но и врага, поскольку она была для них подлинным «наследием шахского режима». Верхушка КСИР и ополчения настойчиво проводила в жизнь хомейнистскую концепцию о создании в Иране «20-миллионной исламской армии», главенствующую роль

в ведении войны эта концепция отводила «подлинно революционным мусульманским силам», т. е. КСИР и ополчению, которые должны были действовать методами партизанщины без учета военной науки и особенностей современной войны.

При поддержке аятоллы Хомейни в начале 1982 г. победили сторонники «исламского» подхода. «Классические» стратегия и тактика были объявлены «порождением армий Запада и Востока» и неприемлемыми для ИРИ, поскольку ее «исламская армия» обладает своей, «исламской» тактикой, способной обеспечить победу над любым первоклассно вооруженным противником. Ведущие шиитские идеологи утверждали, что «армия ислама» более победоносна, чем всякая другая армия, так как «вера в идеалы ислама сильнее всякого другого оружия»⁹.

Успех иранского наступления летом 1982 г., осуществленного на основе «исламской» тактики ведения боевых действий (тактика «человеческих волн», когда доведенные муллами до религиозного иступления пасдары и басиджи цепями шли под мощным артиллерийским огнем противника и через его минные поля), и перенесение войны на иракскую территорию были преподнесены хомейнистами как их победа. Однако армейское командование продолжило борьбу. В новых условиях оно стало выступать за прекращение войны. Под предлогом необходимости «восстановить армию» оно предложило заключить временное перемирие, рассчитывая тем самым повысить свою роль в политической жизни страны. Их поддерживали либерально-буржуазные политики (Базарган и др.), полагавшие, что в мирных условиях сосредоточение усилий государства на решении экономических и социально-политических задач, усиление власти правительства Мусави позволят им укрепить свои позиции. Эти круги надеялись, что возвращение армии с фронта поможет им в борьбе за власть.

Таким образом, военные вопросы стали одной из важнейших сфер противоборства между различными политико-религиозными группировками в правящих кругах ИРИ.

Группировка сторонников Хашеми-Рафсанджани, снискавших известность «радикальных приверженцев курса имама», формально придерживалась позиций «мактабистов» и выступала за избрание еще при жизни Хомейни его преемника. Сила председателя меджлиса определялась его широкими связями с богатыми базарными торговцами, крупными предпринимателями, владельцами недвижимости и земельных участков в городах, верхушкой средних слоев.

Хашеми-Рафсанджани — ученик Хомейни. В 1963 г. он одним из первых выступил на стороне Хомейни в его борьбе против шаха. В 70-е годы он стал хранителем и главным распорядителем огромных денежных средств, поступавших от иранского шиитского духовенства и крупных торговцев на имя жившего в Ираке Хомейни для содействия в его антишахской деятельности¹⁰. Позднее, в 1979 г., Хашеми-Рафсанджани сумел уста-

новить контроль над большей частью партийного бюджета ПИР, формировавшегося за счет как государственных субсидий, так и добровольных пожертвований от духовенства и крупного торгового капитала.

Влияние Хашеми-Рафсанджани определялось также его прочными связями с верхушкой КСИР. Еще в середине 70-х годов по поручению Хомейни он осуществлял контроль над формированием и боевой подготовкой в Ливане на базе палестинских отрядов военизированных подразделений мусульманских боевиков из числа иранских толлабов и студенческой молодежи¹¹, которые после свержения шаха были объединены духовенством в Корпус стражей исламской революции. Хашеми-Рафсанджани участвовал в создании Корпуса, и Хомейни назначил его членом руководства КСИР.

Широкие финансовые возможности, а также связи с КСИР помогли Хашеми-Рафсанджани и его сторонникам укрепить свои позиции в правящих кругах ИРИ. Опираясь на внушительную парламентскую фракцию (почти 100 из 270 депутатов меджлиса), некоторые исламские институты, органы исламской пропаганды, а также частично на правительство (точнее, на созданные в 1982 и 1983 гг. при участии председателя меджлиса министерства Корпуса стражей исламской революции и «Созидательного джихада»), рафсанджанисты различными путями обеспечивали экономические и социально-политические интересы верхушки торговой буржуазии и крупных предпринимателей.

Приверженцы Хашеми-Рафсанджани, выступая с позиций воинствующего исламского экстремизма, антикоммунизма и нередко антисоветизма, ратовали за проведение внутри- и внешнеполитического курса, направленного на всестороннюю исламизацию иранского общества, укрепление основ теократической власти, продолжение войны с Ираком до «победного конца» (т. е. до свержения правительства Саддама Хусейна и установления в этой стране исламской республики по образцу иранской), экспорт «исламской революции» в мусульманские страны.

Вместе с тем, формально придерживаясь платформы фундаменталистов, председатель меджлиса предпринимал акции, не противоречившие взглядам тех сторонников «Ходжатие», которые выступали за развитие отношений с Западом, в том числе по военной линии. Хашеми-Рафсанджани с 1983 г. стал содействовать установлению контактов возглавляемого М. Рафик-Дустом министерства Корпуса «стражей» с рядом крупнейших западных военно-промышленных фирм с целью закупки вооружения для КСИР. Этот курс поддерживался аятоллой Хомейни, который рассматривал КСИР как главную опору исламской власти и требовал от правительства любыми путями обеспечить Корпус вооружением. Контроль над поставками оружия Корпусу «стражей» не только способствовал росту влияния Хашеми-

Рафсанджани в КСИР, но и позволил ему использовать этот канал для установления контактов с политическими кругами Запада, в том числе и США, которые он, как и президент ИРИ, намеревался использовать для укрепления своих позиций в стране.

С 1980 г., заняв пост председателя меджлиса, Хашеми-Рафсанджани стал добиваться предоставления Корпусу «стражей» неограниченных военно-политических полномочий для упрочения исламского режима. При его содействии руководители КСИР успешно конкурировали с армейской элитой в борьбе за получение от духовенства новых полномочий по расширению своего контроля над различными сферами жизни иранского общества и приоритета в решении всех аспектов военной политики. Подыгрывая военно-политическим амбициям верхушки «стражей», Хашеми-Рафсанджани поддержал разработанный ею в начале 1982 г. план роспуска регулярной армии и замены ее «вооруженными силами стражей исламской революции». При этом он пользовался покровительством Хомейни и влиятельных «мактабистов» из Наблюдательного совета, которые охотно утверждали принятые меджлисом законопроекты, направленные на расширение прерогатив КСИР. В июне 1982 г. Наблюдательный совет одобрил разработанный при участии Хашеми-Рафсанджани проект устава КСИР¹², который закрепил за этой военно-политической организацией роль важнейшего орудия упрочения теократического режима и личной «исламской гвардии» «веляйте факих».

Группировка аятоллы Монтазери, зятя Хомейни, которая, как и другие фракции правящего духовенства, являлась важным политическим инструментом утверждения власти «веляйте факих», была использована имамом для противодействия попыткам некоторых влиятельных религиозных «умеренных» кругов ограничить его прерогативы.

Монтазери следовал религиозному учению Хомейни с 17-летнего возраста и был единственным в высшей шиитской иерархии Ирана богословом, получившим от Хомейни титул великого аятоллы (в 1981 г.). Группировка Монтазери защищала интересы прежде всего верхушки шиитского духовенства и связанных с ним крупных землевладельцев и богатых торговцев базара. Сам Монтазери поддерживал линию «мактабистов», противодействовавших попыткам сторонников «Ходжати» провести в жизнь буржуазные законопроекты об аграрной реформе, огосударствлении внешней торговли и др., которые с конца 1981 г. неоднократно блокировались Наблюдательным советом под предлогом их несоответствия исламу.

Опираясь на «Ассоциацию борющегося духовенства Тегерана», в рядах которой было, кстати, много сторонников «Ходжати», в том числе аятолла Махдави-Кяни, проводившую независимую от ПИР линию на укрепление исламского режима, и на цитадель хомейнизма — кумский теологический центр, Монта-

зери при содействии Хомейни сумел значительно укрепить свои позиции в высших звеньях теократического режима.

Еще весной 1980 г. Монтазери по поручению Хомейни возглавил Штаб исламской культурной революции, что дало ему возможность влиять на политику исламизации вузов и всей системы высшего и среднего образования. Представители личной канцелярии Монтазери находились в таких ведущих пропагандистских органах ИРИ, как Организация исламской пропаганды, министерство исламской ориентации, Штаб пропаганды войны, организация «Университетский джихад». Будучи инициатором создания Высшего политико-идеологического управления в вооруженных силах, жандармерии и полиции, а также в КСИР, которое ведало религиозно-идеологической обработкой личного состава, Монтазери усилил свое влияние в различных звеньях репрессивного аппарата исламского режима. Подчинив своему контролю с одобрения Хомейни деятельность пропагандистской машины ИРИ, он начал оказывать большое воздействие на ПИР и ее функционеров. В феврале 1981 г. Хомейни возложил на своего зятя функции контроля над исламскими судами и трибуналами.

Влияние Монтазери увеличивалось и в связи с тем, что он стал одним из вдохновителей политики экспорта «исламской революции» в мусульманские страны. В частности, он курировал все вопросы, связанные с экспортом иранской модели «исламской революции» в Афганистан. Его сын ходжат оль-эслам М. Монтазери до гибели летом 1981 г. возглавлял отдел контролировавшегося отцом Центрального штаба Корпуса «стражей» по связям с «мусульманскими освободительными движениями», являвшийся одним из важнейших инструментов проведения внешнеполитического курса ИРИ. В последующем этим отделом стал руководить зять Монтазери М. Хашеми. Таким образом, к концу 1981 г. аятолла Монтазери превратился, по существу, в крупнейшего после Хомейни политико-религиозного деятеля страны, пользующегося всесторонней поддержкой и расположением имама.

С конца 1981 г. Хомейни стал настойчиво выдвигать своего зятя на пост преемника «веляйте факих» в противовес идее образования предусмотренного конституцией Руководящего совета из трех или пяти авторитетных богословов, которую одобряли некоторые влиятельные «мактабисты» (аятоллы Мусави-Ардебилы, Азери-Куми, Мешкини и др.). В этом их позиция была сходна со взглядами сторонников «Ходжатие», считавших, что руководить мусульманской общиной в период отсутствия двенадцатого шиитского имама должен совет высших богословов. Однако Хомейни решительно отверг идею создания Руководящего совета, опасаясь, что он может быть использован высшими улемами для подрыва его личной власти. Поэтому вплоть до конца 1985 г., когда Собрание экспертов под давлением Хомейни утвердило Монтазери в качестве преемника има-

ма (подробно об этом — далее), его группировку поддерживали сторонники Хашеми-Рафсанджани, с ведома Хомейни использовавшие «стражей» и хезболлахи против тех, кто критиковал аятоллу Монтазери, даже если последние были «мактабистами»¹³.

Таким образом, баланс сил, сложившийся в лагере правящего духовенства к концу 1981 г., отразил его стремление содействовать процессу капиталистического развития Ирана в рамках исламского государства. Во имя союза с буржуазией хомейнисты отбросили в сторону разрекламированную ими концепцию «исламского общества божественной гармонии» и пренебрегли антикапиталистическими и антимонополистическими лозунгами своей политической программы, которые широко пропагандировались ими до 1981 г. Как отмечает А. З. Арабаджян, «отход от мелкобуржуазности в сторону капиталистических принципов ведения хозяйства становился условием сохранения власти духовенством, искусно совмещающим этот отход с мелкобуржуазной риторикой»¹⁴.

Разногласия между различными религиозно-политическими группировками, не носившие антагонистического характера, сфокусировались в основном на выборе пути дальнейшего управления страной, движущейся в буржуазном направлении, — умеренного («политическая либерализация») или жесткого («исламского»). Вместе с тем религиозные верхи выступили единым фронтом, стремясь удержать народные массы от проявления недовольства в условиях углубления социально-политических и экономических противоречий и ухудшения материального положения трудящихся.

Особенности формирования режима теократической диктатуры

Новая политическая ситуация, сложившаяся с утверждением полновластия духовенства, внесла существенные коррективы в тактику религиозных фракций и их лидеров, в исламскую социальную демагогию, в формы и методы манипулирования общественным сознанием. Для духовенства было жизненно важно удержать под своим контролем мелкую буржуазию и городские низы, так как от сохранения их лояльности зависела стабильность исламского режима. Именно этим слоям духовенство отводило роль главной ударной силы при проведении своей политики.

С конца 1981 г. стержневым направлением внутренней политики правящего духовенства стала форсированная мобилизация народных масс для участия в мелкобуржуазном исламском экстремистском движении, действующем в духе антикоммунизма и антидемократизма под лозунгами «священной войны» (война с Ираком и политика экспорта «исламской революции») и борьбы с «врагами ислама», т. е. левыми силами. В проведе-

нии этого курса шиитские лидеры эффективно сочтали социальную демагогию, рассчитанную на одурманенные исламской пропагандой мелкобуржуазные слои населения, с жесточайшим террором против любой оппозиции теократическому режиму. Обусловленная этими особенностями борьба за власть в правящих религиозных кругах стала развиваться по пути усиления в руководстве страной правозэкстремистских тенденций и в итоге привела к установлению теократической диктатуры.

Особые функции Корпуса стражей исламской революции в деле укрепления в Иране теократии способствовали дальнейшему возрастанию роли этой специфической военно-политической организации в жизни страны. В 1982 г. в основном был завершен процесс создания территориальных формирований Корпуса и ополчения в 11 военных округах КСИР. На их базе развернулось создание сухопутных войск пасдаров, строившихся по образцу регулярной армии. К концу 1982 г. КСИР уже насчитывал более 200 тыс. человек, а в 1984 г. — свыше 250 тыс.¹⁵, почти сравнявшись по численности с регулярными сухопутными войсками, которые в 1984 г. составляли 280 тыс. человек. В 1986 г. в состав регулярных вооруженных сил ИРИ входило около 400 тыс. человек, в то время как КСИР насчитывал более 350 тыс.¹⁶

В ходе объявленной аятоллой Хомейни в конце 1983 г. дополнительной мобилизации населения в «20-миллионную исламскую армию» (подразумевалось, что она будет формироваться в основном за счет КСИР и ополчения) было создано несколько пехотных и бронетанковых дивизий Корпуса. В начале 1984 г. первая пехотная дивизия пасдаров, «Освобождение Иерусалима», прибыла на ирано-иракский фронт. К концу 1984 г. в систему подготовки сил «басидж», которой руководил Центральный штаб КСИР, было вовлечено около 3 млн. человек. Формирования «басидж» стали важным каналом пополнения сухопутных войск Корпуса пасдаров и создания новых, «исламских» вооруженных сил. В 1983—1984 гг. командование Корпуса начало создавать собственные военно-морские и военно-воздушные силы.¹⁷

К середине 80-х годов КСИР превратился в элитарную по отношению к регулярной армии военно-политическую организацию, располагающую собственным огромным военным бюджетом и обладающую фактически неограниченными полномочиями в деле обеспечения стабильности исламского правления в Иране. Расширение военно-полицейских, административных, политико-идеологических и других функций КСИР вело к росту его влияния во всех областях общественной жизни. Опираясь на него, духовенство установило полный контроль над страной. Основными звеньями этого контроля стали военные формирования пасдаров, дислоцирующиеся в округах Корпуса «стражей». Командующие округами назначались лично аятоллой Хомейни и наделялись им чрезвычайными полномочиями.

Весной 1982 г. в военных округах КСИР началось сведение всех сил охраны порядка и безопасности, включая КСИР, жандармерию, полицию, ополчение, вооруженные формирования при «комитетах имама», в единый и централизованный репрессивный аппарат, действующий под руководством Центрального штаба КСИР. Все его звенья были поставлены под контроль «стражей» и духовенства. К концу 1982 г. пасдары занимали посты заместителей начальников жандармерии и полиции в таких взрывоопасных провинциях, как Азербайджан, Курдистан и Хузестан.

В конце 1982 г. руководство деятельностью специальных сил Корпуса «стражей» и ополчения, брошенных против курдского повстанческого движения, и контроль над положением в северо-западных провинциях были возложены на созданный в рамках КСИР «Штаб святого Хамзы» в Иранском Курдистане, под эгидой которого начали формироваться батальоны «кровной мести Аллаха», отличающиеся особой жестокостью при подавлении оппозиционных выступлений племен и национально-религиозных меньшинств. К концу 1982 г. все силы безопасности ИРИ были переведены в полное оперативное подчинение командующих военными округами КСИР, посредством чего была практически осуществлена централизация военно-полицейских органов.

Военные округа КСИР, командование которых было подчинено «представителям имама», духовенство прочно интегрировалось в структуру государственной власти исламского режима, связав, таким образом, воедино под своим контролем территориальные окружные формирования Корпуса и «басидж» с системой исламских общественно-политических организаций на местах — филиалов «Созидательного джихада», Фонда обездоленных, Фонда шахидов, «комитетов имама» и др. В конце 1982 г. в Тегеране под контролем Хомейни был учрежден Штаб взаимодействия исламских институтов власти. Во всех провинциях были созданы его отделы. Эти отделы возглавлялись представителями Хомейни, и в них входили богословы — руководители исламских общественно-политических организаций, командующие военными округами КСИР, руководители пятничных намазов, губернаторы провинций¹⁸.

С конца 1982 г. институт губернаторов провинций стал играть существенную роль в укреплении религиозного правления в Иране. Губернаторы назначались в основном из прошедших проверку на лояльность духовенству пасдаров. Объясняя взаимосвязь института губернаторов и КСИР, премьер-министр Мусави заявил в 1982 г.: «Мы нацеливаем губернаторов на борьбу с контрреволюцией, и поэтому они должны опираться на военную силу для решения этих задач»¹⁹. В целом институт губернаторов находился под контролем «представителей имама» в провинциях. Таким образом, исламский режим, утвердившийся в Иране после 1981 г., окончательно принял форму теократической диктатуры.

В 1982 г. правящее духовенство активно использовало пасторов, хезболлахи, басиджей, членов «комитетов имама» и других исламских организаций для погромов редакций газет буржуазно-демократического и либерально-буржуазного толка, для обнаружения и уничтожения подпольных квартир, типографий и арсеналов, принадлежавших левым организациям, для физического истребления моджахедов и федаев, продолжавших вооруженную борьбу с режимом партизанскими методами. Специфические карательные функции были возложены на Организацию по борьбе с нарушениями исламской морали (исламская «полиция нравов») и комиссию по борьбе с контрабандой наркотиков: в их состав вошли «представители имама», шариатские судьи и «стражи».

В рамках перечисленных выше организаций были сформированы специальные вооруженные отряды штурмовиков-погромщиков, получившие название «оперативные группы „Сарулла“». Они отличались особой жестокостью в расправах не только с противниками режима, но и с теми, кто не выполнял предписаний духовенства о строгом соблюдении исламских норм. Жестоким репрессиям со стороны фанатиков-хезболлахи подвергались женщины, не носившие чадру и выступавшие за эмансипацию. Под руководством женщин — депутатов меджлиса (Ф. Добаг, М. Горджи и др.) формировались женские отряды хезболлахи, которые имели целью стимулировать в стране женское «исламское движение».

Поощряемые муллами, «отряды исламизации» насаждали в стране культ беззакония и насилия. Они врываются в частные дома, производили обыски, аресты по доносам и просто по подозрению в нелояльности, самочинно устраивали расправы, не доводя дела даже до исламских судов. Хотя Хомейни неоднократно критиковал погромные действия мусульманских штурмовиков, призывая их к соблюдению «исламского гуманизма» и подчинению исламским законам, они продолжали насаждать жесточайший террор, а официальная пропаганда называла действия отрядов погромщиков «образцом исламской справедливости».

Правящее духовенство стремилось сделать народные массы соучастниками «исламского насилия», учредить систему политического контроля в масштабах всей страны. В развернутой хомейнистами в 1982 г. кампании под лозунгом «участия народа в политической жизни страны», направленной на создание системы тотальной слежки и объединение всей иранской нации в «36-миллионную организацию безопасности и информации», Корпус «стражей» стал играть весьма важную роль²⁰.

Специальные канцелярии городских и районных штабов КСИР, ополчения, полицейских участков и «комитетов имама» установили строгий контроль над населением. Владельцев гостиниц и постоянных дворов, а также домохозяев обязали доносить на своих постояльцев. К слежке активно привлекались и

школьники. Введенная муллами с началом войны с Ираком система нормированного (карточного) снабжения населения продуктами питания и товарами первой необходимости также эффективно использовалась органами безопасности для осуществления тотального контроля духовенства над умами и политическими настроениями людей. Организуя систему тотальной слежки, «стражи» и сотрудники организации безопасности, САВАМА, применяли те же методы, какие были на вооружении у шахской тайной полиции, САВАК, — прослушивание и запись на магнитофонную пленку телефонных разговоров частных лиц, перлюстрация внутренней почтовой корреспонденции и др.²¹ Корпус «стражей» был связан органически с САВАМА через специальное информационное ведомство, образованное при его Центральном штабе.

Осенью 1982 г. в обстановке развернувшейся в Иране кампании по выявлению «вражеской агентуры» и «лиц, сотрудничающих с Западом и Востоком», меджлис утвердил закон о создании в стране министерства информации, которому вменялись в обязанность сбор и обобщение информации по вопросам внутренней и внешней безопасности²². «Представителем имама» в министерстве был назначен сторонник «жесткой исламизации» ходжат оль-эслам Мохаммади-Рейшахри, сохранивший за собой пост председателя исламских военных судов и трибуналов. Таким образом, с конца 1982 г. духовенством был взят твердый курс на объединение органов безопасности и охраны порядка с органами судебной власти режима в централизованный механизм подавления любой оппозиции теократическому правлению.

Назначение Мохаммади-Рейшахри религиозным опекуном министерства информации знаменовало успех сторонников «жесткого исламского курса». Упрочению позиций хомейнистов в системе власти исламского режима способствовала усилившаяся к концу 1982 г. кампания против сторонников «Ходжатие»; она была организована с одобрения Хомейни экстремистскими фракциями духовенства, примыкавшими к группировке Хашеми-Рафсанджани. На волне этой кампании осенью 1982 г. Хомейни лишил одного из лидеров «Ходжатие», аятоллу Шарриятмадари, сана «великий аятолла» за его критику концепции «веляйте факих» и исламского режима в целом. Одновременно «стражи» и хезболлахи установили надзор за домами других «умеренных» аятолл — Гольпаегани, Табатабаи-Куми, Мараши-Наджафи. В Тегеране, Исфахане, Тебризе, Ширазе вооруженные отряды пасдаров жестоко подавили выступления сторонников «Ходжатие», организованные в ответ на репрессии против «умеренных» аятолл. В сентябре 1982 г. с санкции Хомейни был казнен один из видных деятелей либерально-буржуазной оппозиции, связанной с «Ходжатие», С. Готбзаде, занимавший ранее пост министра иностранных дел ИРИ.

В обстановке ужесточения репрессий против сил оппозиции

10 декабря 1982 г. по указу Хомейни состоялись выборы в Собрание экспертов, которое должно было назвать преемника Хомейни. В состав Собрания вошли 83 моджтахеда. Большинство их, хотя и были некогда учениками Хомейни, отнюдь не являлись безоговорочными последователями имама в плане поддержки его концепции «веляйте факих». Это обусловило острые разногласия между сторонниками хомейнистской концепции и приверженцами идеи создания Руководящего совета в составе трех или пяти богословов в соответствии со ст. 107 конституции²³.

Хомейни настаивал на утверждении аятоллы Монтазери кандидатом на пост своего преемника. И хотя большинство великих аятолл (в шиитской иерархии Ирана их в 1982 г. насчитывалось шесть), являвшихся решительными противниками принципа «веляйте факих», не признавали аятоллу Монтазери в качестве религиозного авторитета, считая его выскочкой, который благодаря Хомейни несправедливо получил титул великого аятоллы, сторонники имама в Собрании экспертов продолжали добиваться утверждения Монтазери в качестве будущего преемника Хомейни, и вопрос о преемнике повис в воздухе²⁴.

15 декабря 1982 г. Хомейни издал указ об ускорении «исламизации» государственного аппарата при строгом соблюдении «исламской законности». В нем была выдвинута долгосрочная программа тотальной «исламизации» иранского общества, призванная увековечить диктатуру шиитских богословов. Провозглашенная Хомейни политика (одним из инициаторов ее был Хашеми-Рафсанджани) стала именоваться «исламская судебная и административная революция». Она явилась продолжением взятой хомейнистами с весны 1980 г. линии на «исламскую культурную революцию».

Указ Хомейни от 15 декабря был направлен прежде всего на повышение роли исламских судебных органов и Корпуса «стражей» в проведении новой широкой кампании чистки государственного аппарата и вооруженных сил от неугодных правящему духовенству элементов. Указ преследовал цель подчинить деятельность «стражей», «комитетов имама» и отрядов хезболлахи контролю шариатских судей на местах, прекратить самовольные акции, выражавшиеся в конфискации имущества у бежавших за границу богатых семей, замораживании их вкладов в банках, арестах и обысках, не санкционированных муллами. Органам исламского правосудия предписывалось переходить на методы сокращенного судопроизводства для ликвидации «бюрократической канцелярщины», проявлять нетерпимость к «врагам ислама» (это понятие весьма широко трактуется в ИРИ) и жестоко карать их, с тем чтобы народ в полной мере ощутил «общественную безопасность» и увидел «подлинную исламскую судебную справедливость».

В конце 1982 г. был создан Центральный штаб по обеспечению общественной безопасности и судебной справедливости во

главе с председателем Высшего судебного совета аятоллой Мусави-Ардебили и премьер-министром Мусави. Он стал еще одним важным органом в системе карательно-репрессивного аппарата исламского режима²⁵.

В начале 1983 г. Хомейни назначил комиссию по контролю над выполнением его указа от 15 декабря 1982 г., в которую вошли высшие представители исполнительной, законодательной и судебной власти. 5 января 1983 г. был объявлен указ Хомейни о пресечении нарушений «исламской законности» в органах исламского правосудия и государственном аппарате, в соответствии с которым ликвидировались существовавшие ранее комиссии по подбору кадров и вместо них создавались «комиссии имама» из числа «компетентных» и преданных «веляйте факих» лиц. В состав этих комиссий назначались муллы по личному распоряжению Хомейни. «Комиссии имама» были наделены чрезвычайными полномочиями: они могли смещать со своих постов всех «случайных» и враждебных исламскому режиму лиц. Это значительно укрепило позиции хомейнистов в их борьбе с приверженцами «Ходжatie».

В начале января 1983 г. Хомейни назначил генеральным прокурором ИРИ сторонника «жесткого судебного курса» аятоллу Ю. Саней.

Характеризуя суть «исламской судебной революции», аятолла Саней заявил, что в ходе ее осуществления последователи «курса имама» должны настолько упрочить свои силы, чтобы «враги ислама были повергнуты в ужас»²⁶. И уже в середине января меджлис принял несколько дополнений к закону об исламских судебных наказаниях; они напомнили всем мрачные времена средневековья (ампутация рук за воровство, телесные наказания за употребление спиртных напитков, наркоманию, супружескую неверность и др.)²⁷.

Основным источником права в ИРИ стала концепция «веляйте факих», предоставлявшая вождю шиитской общины наряду с правом вмешательства в деятельность законодательной и исполнительной власти роль верховного арбитра в решении судебно-правовых вопросов. Согласно шиитской догматике, власть факиха — богослова-правоведа — это прежде всего судебная власть, обусловленная кораническими постулатами и шариатскими правовыми нормами, которые не приемлют правовые нормы светского правления. «Все законы, существовавшие во время шахского режима, — заявил Хомейни в августе 1982 г., — были созданы вопреки шариату. Они должны быть отвергнуты, и вместо них надлежит воплотить в жизнь законы ислама и шариата»²⁸.

Вытекающая из концепции «веляйте факих» шиитская теория права, проповедовавшая идею о «равенстве всех мусульман перед законом божьим», была призвана обосновать идеологически мероприятия духовенства по утверждению в Иране исламской системы правосудия. В свою очередь, реорганизация..

Основ судебной власти имела целью укрепить теократическое правление.

Отныне первостепенную роль стал играть институт шариатских судей, которые назначались Высшим судебным советом и утверждались лично Хомейни. Концепция «веляйте факих» в ее хомейнистской интерпретации не только допускает, но и узаконивает обязанность руководствоваться в судебной практике не какими-либо юридическими нормами, а мнением шариатского судьи, который единолично решает, нарушил ли подсудимый догматы ислама или нет.

В начале июля 1983 г. Высший судебный совет принял решение о реорганизации системы гражданского правосудия и создании исламской судебной администрации в центральных провинциях²⁹. 18 июля Высший судебный совет упразднил по всей стране кассационные суды (суды второй инстанции), объявив их противоречащими нормам ислама и сославшись при этом на ст. 4 конституции, в которой говорится, что все законы должны соответствовать принципам шариата. В системе гражданского правосудия были оставлены только обычные суды первой инстанции, которые были обязаны решать все судебные дела без апелляций³⁰. В конце июля Высший судебный совет разработал положения о контроле Верховного суда ИРИ над деятельностью гражданских судей, которые, по существу, были подчинены шариатским судьям. Таким образом, усилиями духовенства система гражданского правосудия постепенно упразднялась, а гражданское судопроизводство было поставлено под жесткий контроль мулл и исламских судебных институтов³¹.

После этого правящее духовенство обрушилось на институт адвокатуры. Предлогом послужило поведение адвокатов во время проводившейся по указу Хомейни антибехаитской кампании. 6 сентября генеральный прокурор исламских комитетов ходжалоль-эслам Мусави-Табризи выступил с резкими нападками на бехаитов, заявив, что если они не прекратят «беспорядки», то правительство объявит их вне закона. Западные информационные агентства сообщали, что к тому времени в иранских тюрьмах содержалось более 300 бехаитов и 150 бехаитов были казнены. Духовенство обвинило адвокатов в поддержке бехаитов и, арестовав в Тегеране 32 известных адвоката, упразднило институт адвокатуры. Спасаясь от репрессий, многие адвокаты покинули Иран.

В ходе исламской судебной реформы происходило упрощение судебной процедуры, что преследовало цель ускорить наказание. Быстрое и окончательное решение судебного дела поощрялось Хомейни, который считал, что именно таков был суд во времена пророка Мухаммеда. Официальная пропаганда скоротечность исламских судов называла «революционным ударом» по буржуазной судебной волоките. «Революционная» фразеология служила идеологическим обоснованием для массовых и быстрых судебных расправ духовенства со своими по-

литическими противниками. Как в обычных судах, так и в исламских судах и трибуналах обвиняемые были лишены права на защиту и обжалование приговоров.

Массовые суды и казни по приговорам исламских судов стали нормой. В 1983 г. в иранских тюрьмах и других местах заключения содержалось свыше 150 тыс. человек и более 50 тыс. человек были казнены по приговорам исламских судов. В целом с 1981 по 1983 г. духовенство уничтожило более 400 тыс. своих политических противников.

В тюрьмах широко практиковались массовые казни. В июне 1983 г. в тюрьме города Урмия в провинции Западный Азербайджан за одну ночь было расстреляно более 450 человек, причем треть их составляли беременные женщины и подростки. Суд над ними длился от 5 до 10 минут. В тюрьмах применялись самые изощренные пытки. Осужденные были лишены элементарных человеческих прав. В августе 1983 г. генеральный прокурор ИРИ Ю. Саней разослал шариатским судьям страны секретную директиву, которая предписывала им в обязательном порядке брать у приговоренных к смертной казни донорскую кровь для нужд «воинов ислама», воюющих на ирано-иракском фронте³².

Острые «исламской судебной революции» было направлено против левых сил. В феврале 1983 г. «стражи» арестовали руководителей Народной партии Ирана во главе с первым секретарем Н. Киянури, а в мае деятельность партии была запрещена и на нее обрушились массовые репрессии. К осени 1983 г. было арестовано около 10 тыс. тудеистов и членов ОМИН и ОПФИН, в том числе в армии; около 8 тыс. человек из них были казнены³³.

Кампания травли НПИ сопровождалась усилением антисоветских выступлений и враждебными акциями иранского руководства против посольства СССР в Тегеране. В ходе этой пропагандистской кампании духовенство выдвинуло лозунг: «Англия — плохо, Америка — еще хуже, чем Англия, а Советский Союз — хуже их обоих»³⁴. Главная цель этих акций заключалась в дальнейшем нагнетании религиозного фанатизма, в активизации исламского правозэкстремистского движения.

Особые заслуги в раскрытии «заговора» левых организаций в армии духовенство приписывало Корпусу «стражей» и формировавшейся при его участии «36-миллионной организации безопасности и информации», а также Высшему политико-идеологическому управлению Объединенного штаба вооруженных сил, которое наряду с ведением религиозно-идеологической пропаганды осуществляло жесткий политический контроль над настроениями в вооруженных силах. Уже в 1983 г. выполнение аппаратом ВПИУ полицейских функций приобрело настолько широкие масштабы, что представители религиозного руководства ИРИ неоднократно предостерегали, что политический контроль в вооруженных силах не должен наносить ущерб идеологи-

ской работе. Выступая в январе 1983 г. перед представителями ВПИУ, Хашеми-Рафсанджани заявил, что командиры и солдаты должны видеть в сотрудниках аппарата ВПИУ своих «учителей и любящих отцов», а не сыщиков и шпионов. «Ни в коем случае, — подчеркнул он, — политико-идеологическое управление не имеет права действовать так, чтобы чувствовалось, что это — центр тайного политического контроля»³⁵. Однако летом 1984 г. Хашеми-Рафсанджани сказал, что борьба с противниками исламского режима в армии является «общей задачей всего личного состава вооруженных сил»³⁶. К тому времени аппарат ВПИУ располагал 2 тыс. тайных агентов и осведомителей, позволявших духовенству осуществлять полный контроль над настроениями в армии.

Вместе с тем одной лишь репрессивной политикой духовенство вряд ли смогло бы достичь своей главной цели — обеспечить поддержку народных масс теократическому правлению в условиях войны с Ираком, углубления кризисных явлений в экономике и внутривластной нестабильности. Поэтому оно широко использовало социальную демагогию, рассчитанную прежде всего на городские низы, мелких лавочников, ремесленников, слепо доверявшихся шиитским лидерам и имаму Хомейни. Этим занимался мощный аппарат исламской пропаганды. С его помощью правящий режим мог безраздельно влиять на народные массы и проводить под лозунгом «исламизации» целенаправленную политику духовного террора. Своей деятельностью этот аппарат охватывает десятки министерств, государственных и общественных организаций. Он тесно переплетается с системой мечетей и крупных религиозных центров. Важную роль в его деятельности играют институты имам-джем'э и «представителей имама» в различных пропагандистских организациях.

Поскольку важнейшими направлениями идеологической кампании, проводившейся духовенством, явились пропаганда необходимости ведения «священной войны» против Ирака и экспорта «исламской революции», не исключая использования военной силы, главные усилия режима сосредоточились на военно-религиозном воспитании населения страны. В связи с этим Корпус «стражей», игравший ведущую роль в политике военизации иранского общества, а также в мероприятиях по экспорту «исламской революции», был превращен в важнейшую составную часть разветвленной системы исламской пропаганды, призванной путем религиозной муштры и оболванивания выработать у иранцев устойчивый «исламский иммунитет» к любой неисламской идеологии и влиянию. Пасдары получили представительство практически во всех пропагандистских органах ИРИ, включая министерства исламской ориентации, культуры, высшего образования, просвещения, Национальную компанию радио и телевидения, Штаб пропаганды войны, Штаб исламской культурной революции. Кроме того, Корпус значительно

расширил собственный пропагандистский аппарат, который стал действовать на государственном уровне.

Уже с 1982 г. КСИР начал эффективно использовать для военно-идеологической обработки населения радио, телевидение и центральную печать. Он имел свыше 20 различных радиопрограмм, которые, особенно в периоды наступательных операций на ирано-иракском фронте, транслировались более 13 часов в сутки. На центральном телевидении Корпус создал свою киностудию, киноматериалы для которой поставляли 18 киносъёмочных групп пасдаров. В провинциях страны и на фронте действовали многочисленные кинопередвижки «стражей»³⁷.

Значительное место КСИР занял в иранской печати. Он располагал собственной мощной издательской базой, что позволило ему выпускать в свет большими тиражами более десяти газет и журналов (в том числе журналы «Пайаме энгеляб», «Омиде энгеляб», «Негахбан»), сотни наименований книг и брошюр на религиозно-политическую и военную тему. В январе 1983 г. на совместном совещании руководителей отдела Центрального штаба КСИР по делам печати с редакторами крупнейших газет и журналов была достигнута договоренность о взаимодействии в области пропаганды исламской идеологии. Все ведущие печатные органы обязывались публиковать материалы, представляемые им Корпусом «стражей». Кроме того, все издательства должны были высылать для рецензирования в отдел цензуры КСИР по одному экземпляру каждого издания, выходявшего в свет³⁸.

Пасдары активно выступили на поприще создаваемого под контролем духовенства нового, «исламского» направления в искусстве и литературе. Иранская пресса публиковала множество написанных «стражами» рассказов, стихов, сценариев, в которых низкие литературно-художественные способности авторов с избытком компенсировались их преданностью идее «веляйте факих»³⁹. «Вершиной» такого массового творчества в области литературы стали завещания, которые были обязаны писать и всегда иметь при себе все пасдары, басиджи, хезболлахи, а также солдаты и офицеры регулярной армии. В этих «произведениях» превозносился культ джихада и шехадата, проповедовались слепая вера в незыблемость принципов «веляйте факих», антикоммунизм и антисоветизм. Лучшие, с точки зрения духовенства, завещания публиковались во всех центральных газетах и журналах, в том числе в изданиях КСИР.

Религиозное руководство держало в центре своего внимания пропагандистскую деятельность КСИР и других связанных с ним институтов. Выступая в апреле 1982 г. перед сотрудниками отдела Центрального штаба КСИР по делам печати, аятолла Хомейни заявил, что их главная задача заключается в «воспитании нации шахидов» и что вся пропагандистская работа пасдаров должна быть подчинена именно этому⁴⁰.

Одним из главных объектов пропагандистских усилий духовенства стала молодежь, в том числе студенты и школьники, которым в планах религиозного руководства отводилась ведущая роль в войне с Ираком и в военно-политических мероприятиях режима. Осуществив основательную «исламизацию» высших учебных заведений, духовенство в 1982 г. вновь открыло их для обучения «исламской» молодежи. К тому времени из вузов были уволены не разделявшие взглядов хомейнистов профессора и преподаватели, а демократические студенческие организации распущены. Многие антихомейнистски настроенные студенты были направлены на фронт и на принудительные работы на периферию под надзор пасдаров и местных мулл⁴¹.

Системой высшего образования стала заправлять находившаяся под контролем «представителей имама» организация «Университетский джихад», которая опиралась на сформированные в вузах «исламские студенческие комитеты», непримиримо относившиеся ко всему неисламскому. На территории всех вузов были размещены вооруженные подразделения «стражей». Пасдары вошли в состав «исламских студенческих советов», которые осуществляли прием в вузы (по рекомендации духовенства) и следили за учебным процессом, с тем чтобы он не отклонялся от «исламских норм преподавания». С 1982 г. в рамках «Университетского джихада» был взят курс на «исламское перевоспитание» профессорско-преподавательского состава вузов⁴².

Установив всеобъемлющий контроль над системой высшего и среднего образования уже на начальном этапе «исламской культурной революции», духовенство широко использовало Корпус «стражей» для придания системе обучения в вузах и школах строгой военно-идеологической направленности. Учебный процесс сводился фактически к преподаванию военных дисциплин и исламской идеологии. Пребывание студентов и школьников в военных лагерях, где они проходили военную подготовку, стало обязательным. К концу 1982 г. через военные лагеря прошло около 1 млн. школьников. В январе 1983 г. Корпус «стражей» создал при министерстве просвещения специальный штаб, руководящий строительством военных лагерей для студентов и школьников по всей стране⁴³.

Еще одним шагом хомейнистского руководства, направленным на усиление военизации системы народного образования, явилось открытие в начале 1983 г. специальных средних школ Корпуса «стражей», куда принимались только дети пасдаров, басиджей и хезболлахи по рекомендации духовенства. В этих школах преподавание вели кадровые пасдары по специальным учебным программам. Учащиеся были одеты в форму «стражей» и разбиты на взводы и роты. Каждая школа, а их к концу 1984 г. насчитывалось более 20, организационно приравнивалась к бригаде КСИР. Командование Корпуса рассматривало эти школы как важнейший инструмент перестройки всей системы

народного образования в стране на военный лад. Вместе с тем школы стали одним из каналов подготовки фанатично преданных исламскому режиму пасдаров⁴⁴.

Указ Хомейни о проведении судебной и административной «исламских» реформ от 15 декабря 1982 г. предоставил правительству широкие возможности для налаживания экономической жизни в условиях полной гарантии сохранности крупной частной собственности. В правительственных кругах упрочились позиции сторонников поддержки крупного частного капитала и восстановления экономических связей с Западом. В январе 1983 г. меджлис принял закон, предоставивший право на возвращение ранее конфискованного имущества бывшим владельцам, бежавшим за границу, если они сумеют доказать свою лояльность режиму. В Иран стали возвращаться некоторые из покинувших его до и после февраля 1979 г. крупных предпринимателей, владельцев недвижимости. Из тюрем были освобождены даже многие тесно связанные с Западом функционеры шахского режима⁴⁵.

Усиление прозападных и капиталистических тенденций в политике иранского руководства происходило в острой борьбе между различными группировками правящего духовенства, каждая из которых стремилась захватить в свои руки контроль над выработкой государственной политики. Весной 1983 г. противоречия в высших органах власти ИРИ (Высший судебный совет, правительство, меджлис, Наблюдательный совет и др.) по вопросу о «судебной и административной революциях» настолько обострились, что дальнейшее существование комиссии по контролю над выполнением указа Хомейни от 15 декабря 1982 г. стало практически невозможным.

31 мая 1983 г. Хомейни объявил о ее роспуске, а в начале июня произвел реорганизацию Наблюдательного совета из-за усилившихся разногласий между его членами. Со своих постов были сняты все шесть членов Наблюдательного совета, которые, по конституции, назначаются Рахбаром, т. е. были назначены самим Хомейни (в том числе аятоллы Махдави-Кяни, Раббани-Амляши и ходжат оль-эслам Развани), умеренные взгляды которых не удовлетворяли Хомейни. Вместо них в Наблюдательный совет были введены сторонники «жесткой исламизации» — аятолла Джаннати, ходжат оль-эслам Сафи и др.⁴⁶. И хотя обновленный Наблюдательный совет объявил закон об имуществе «беженцев» не соответствующим конституции и исламским принципам, это несколько не затронуло капиталистических основ иранской политики.

Формирование внешней и внутренней политики, ориентирующейся на Запад, было тесно связано с образованием новой, «исламской» бюрократической элиты, главенствующее положение в которой заняли религиозные приверженцы Хомейни и светские «технократы», функционеры исламских организаций, верхушка Корпуса «стражей». Процесс формирования новой бю-

прократии происходил за счет ускоренного интегрирования в государственный аппарат многочисленных исламских общественно-политических организаций, которых в 1986 г. насчитывалось свыше пятидесяти. «Исламская» бюрократическая элита формировалась также в результате сращивания этих исламских институтов, прежде всего Корпуса стражей исламской революции, «Созидательного джихада», Фонда обездоленных, Фонда павших за веру, с традиционными буржуазно-бюрократическими институтами, унаследованными от шахского режима.

Особая роль, сыгранная Корпусом «стражей» в утверждении власти хомейнистского режима, позволила пасдарам в ходе чистки государственного аппарата занять при поддержке духовенства многие ключевые посты и взять на себя миссию по приведению министерств и ведомств в соответствие с задачами «исламской революции».

После образования в 1982 г. министерства Корпуса стражей исламской революции и в 1983 г. министерства «Созидательного джихада», во главе которых были поставлены пасдары, наметилась тенденция к постоянному возрастанию влияния и представительства Корпуса «стражей» в системе государственного аппарата ИРИ. Один из руководителей КСИР, Б. Набави, возглавил министерство тяжелой промышленности. Под контролем КСИР находились также министерства иностранных дел (что было обусловлено повышением роли Корпуса в экспорте «исламской революции»), исламской ориентации, внутренних дел, просвещения и высшего образования, культуры, почт, телеграфа и телефона и др. В меджлисе пасдары составили внушительную фракцию сторонников его председателя Хашеми-Рафсанджани. Получив допуск от духовенства к рычагам власти, «стражи» стали повсеместно насаждать жесткие методы военно-бюрократического администрирования, способствуя тем самым ускоренному превращению органов государственного управления в «исламский» военно-бюрократический аппарат диктатуры.

События «исламских» культурной, судебной и административной «революций» показали, что вопреки широко разрекламированному духовенством лозунгу борьбы за «революционную исламскую перестройку» государственного аппарата и общественной жизни они вовсе не были направлены против бюрократизма, а в еще большей степени способствовали закреплению основных черт, присущих буржуазно-бюрократической государственной машине. Разбухание государственного аппарата — отличительная черта шахского режима — продолжилось и при религиозной диктатуре в Иране. Если в 1982/83—1983/84 гг. в органах государственного управления, несмотря на их «исламизацию», насчитывалось свыше 1,3 млн. человек (по сравнению с 660 тыс. государственных служащих при шахе), то к концу 1984/85 г. их число увеличилось до 2 млн.⁴⁷

Бюрократизация, коррупция, злоупотребление служебным

положением и финансовые махинации стали характерной особенностью «режима аятолл» и его «исламской» управленческой элиты. Партнерство в частных предприятиях, безудержное присвоение крупных денежных средств из различных исламских организаций, поступающих по линии помощи от населения на нужды фронта, начали играть важную роль в обогащении «исламской» военно-бюрократической верхушки. В начале 1983 г. были отданы под суд более 30 высокопоставленных руководителей государственных органов, в том числе многие «стражи», за крупные финансовые махинации. Однако процесс коррумпирования бюрократической верхушки ИРИ, обусловленный стремлением ее представителей к личному обогащению и обуржуазиванию, приобрел необратимый характер.

Рост влияния «исламской» бюрократической элиты в системе государственного управления вел к повышению роли верхушки «стражей» и функционеров исламских общественно-политических институтов в руководстве хозяйственной деятельностью страны, перестройке экономической и общественно-политической жизни на военный лад. В 1982 г. руководство промышленностью стало осуществляться почти 20 министерствами и ведущими исламскими общественными и государственными организациями, которые в основном возглавлялись представителями духовенства и верхушкой «стражей»⁴⁸.

Министерства Корпуса стражей исламской революции и «Созидательного джихада», а также связанные с ними исламские общественные институты постепенно подчинили своему контролю не только промышленность (в 1981/82—1982/83 гг. КСИР взял под свою опеку производство вооружения и осуществлял надзор за деятельностью более 1200 крупных промышленных предприятий), но и сельское хозяйство и другие основные сферы экономики.

В Фонде обездоленных Корпус «стражей» в 1983 г. владел 200 промышленными предприятиями и фирмами, 250 торговыми компаниями и 45 сельскохозяйственными компаниями. На предприятиях Фонда было занято более 85 тыс. рабочих, что превышало численность рабочих в Иранской национальной нефтяной компании (ИННК). Фонд обездоленных тесно взаимодействовал с министерством «Созидательного джихада», которое посредством осуществления различных экономических, благотворительных и религиозно-пропагандистских мероприятий среди сельского населения старалось укреплять влияние правящего режима в деревне⁴⁹.

Исламские общественно-политические организации во многом повторили функционировавшие при шахе корпус «белой революции», однако масштабы вовлечения в эти организации населения страны и формы его военно-политической и религиозно-идеологической мобилизации приобрели более всеобъемлющий, тотальный характер, чем при шахском правлении. Религиозное руководство, используя их, а также Корпус «стра-

жей» и «басидж», стремилось создать эффективную систему внеэкономического принуждения населения страны, образовать своего рода «исламский трудовой фронт», в рамках которого можно было бы управлять огромными массами людей и держать их в подчинении.

С началом войны хомейнистское руководство столкнулось с проблемой беженцев из прифронтовых районов, численность которых превысила 1,5 млн. В 1982 г. под руководством Центрального штаба КСИР был создан Высший совет по восстановлению районов, пострадавших от войны, который объединил 11 министерств и ряд ведущих исламских общественных организаций. Высшему совету подчинялись четыре штаба восстановления, созданные в прифронтовых провинциях Иранский Курдистан, Илам, Бахтаран и Хузестан⁵⁰.

Однако деятельность Высшего совета была направлена не столько на восстановление разрушенных войной районов, сколько на обеспечение потребностей фронта и мобилизацию населения, в том числе беженцев, в армию. Все организации, подчинявшиеся этому органу, занимались строительством оборонительных сооружений, аэродромов, дорог, трубопроводов в прифронтовой полосе на всем протяжении линии фронта вдоль ирано-иракской границы. КСИР возглавил строительство в прифронтовых районах военных лагерей для беженцев, где они проходили военную и религиозно-идеологическую подготовку по линии ополчения, а также использовались в качестве дешевой рабочей силы для сооружения военно-инженерных объектов. В закрытые и строго охраняемые пасадами «трудовые зоны», во многом схожие с концентрационными лагерями, в прифронтовых районах духовенство направляло на «трудовое и идейное перевоспитание» огромные массы людей, прежде всего противников режима.

С начала 1983 г. Высший совет по восстановлению районов, пострадавших от войны, стал осуществлять широкий комплекс военно-политических мероприятий на ирано-афганской границе, которая, так же как ирано-иракская граница, была объявлена им прифронтовой зоной⁵¹. Официальная пропаганда утверждала, что в «ближайшем будущем» этот район станет новым центром ведения «священной войны за ислам» и распространения опыта «исламской революции» в страны Центральной и Юго-Восточной Азии⁵².

В обстановке антиафганской и антисоветской кампании духовенство сумело использовать огромные массы афганских беженцев (их насчитывалось более 1,5 млн.), а также население опасных для хомейнистского режима приграничных провинций Хорасан, Систан и Белуджистан для проведения враждебной по отношению к правительству Афганистана политики и мобилизации народных масс на поддержку «курса имама Хомейни». Афганские беженцы были сосредоточены в строго охраняемых «стражами» зонах. Они подвергались интенсивной религиозной

обработке, обучались военному делу по программе «басидж» и использовались на строительстве военных объектов. Прошедшие военную и идеологическую подготовку беженцы пополняли действовавшие на территории Афганистана контрреволюционные вооруженные формирования⁵³.

Осуществление иранским руководством широкомасштабных военно-политических мероприятий на ирано-афганской границе позволило ему бросить значительные силы на подавление национально-освободительного движения туркменского и белуджского народов. С 1983 г. Иранский Белуджистан превратился в зону боевых действий правительственных войск и частей КСИР, с одной стороны, и повстанческих отрядов, руководимых прогрессивной организацией «Движение за освобождение Белуджистана», — с другой. В борьбе с белуджским движением хомейнистское руководство действовало совместно с властями Пакистана⁵⁴. В районах проживания белуджей создавалась военная администрация во главе с «представителями имама», командирами «стражей» и шариатскими судьями, решавшими все проблемы белуджского народа в духе хомейнистской «исламской судебной революции».

Широко использовало правящее духовенство военно-политические мероприятия, связанные с расширением военной инфраструктуры как прифронтовых, так и тыловых провинций, для «исламского идейного перевоспитания» вооруженных сил. При этом оно регулярно направляло на «трудовой фронт» часть войск, участвовавших в боевых действиях на ирано-иракском фронте. В 1983 г. во всех воинских частях и на всех авиабазах были созданы управления министерства «Созидательного джихада», которые имели отделы промышленности, сельского хозяйства, реконструкции и развития, здравоохранения и образования. Все воинские части как на фронте, так и в тылу в обязательном порядке по рекомендации ВПИУ вооруженных сил направляли военнотружеников в зоны восстановления. Как писал журнал «Джихад», деятельность военнотружеников по линии министерства «Созидательного джихада» стала эффективным фактором для «совершенствования и упрочения у них исламского мировоззрения»⁵⁵.

По линии производственных отделов министерства «Созидательного джихада» в вооруженных силах началось строительство мастерских по ремонту боевой техники и производству запасных частей. Так, к концу 1982 г. в армии было отремонтировано более 9 тыс. единиц различного военного оборудования, 3 тыс. автомашин, 3 тыс. промышленных агрегатов. По линии сельскохозяйственных отделов в 1982 г. военные засеяли более 5 тыс. га (личный состав ВВС — 2 тыс. га), вырастили 6 тыс. голов скота. Военный отдел реконструкции и развития министерства «Созидательного джихада» в 1982 г. проложил около 200 км автодорог, кроме того, армейские подразделения привлекались для строительства лагерей для беженцев в прифронто-

вых районах. В августе 1983 г. были учреждены должности заместителей командующих видами вооруженных сил по самообеспечению, а в армейских штабах созданы управления самообеспечения (филиалы министерств Корпуса стражей исламской революции и «Созидательного джихада»), во главе которых были поставлены представители духовенства⁵⁶. Эта мера была направлена на дальнейшее усиление контроля религиозного руководства над регулярными вооруженными силами.

Таким образом, усилиями правящего духовенства в Иране был создан теократический режим, опирающийся на репрессивный аппарат во главе с КСИР. Вместе с тем стабильность этого режима во многом оказалась обусловлена умением духовенства использовать методы религиозно-политического воздействия на народные массы для удержания их под своим контролем.

Борьба за власть в правящих кругах ИРИ и усиление экстремистских тенденций

Санкционированные Хомейни «исламские» судебная и административная «революции» стимулировали дальнейшее обострение борьбы между различными группами буржуазии и связанными с ними кланами духовенства за власть. Внешним проявлением этой борьбы явился новый этап конфронтации между традиционалистами и фундаменталистами, в частности между кабинетом Мусави и приверженцами председателя меджлиса Хашеми-Рафсанджани.

Углубление кризиса экономики в результате войны с Ираком, которое тяжелым бременем легло на плечи неимущих слоев населения, а главное, нарастание недовольства народа курсом правящего духовенства, «исламской культурной революции», репрессиями и террором создали летом 1983 г. в ряде крупных городов накаленную обстановку.

Приверженцы Хомейни решили переложить вину за трудности в стране на «Ходжатие» и на связанных с этим обществом «либералов». Усилилась критика правительства со стороны богословов из Наблюдательного совета, а приверженцы Хашеми-Рафсанджани стали оказывать прямое давление на правительство, требуя его отставки. Используя недовольство мелких торговцев правительственным курсом, хомейнисты спровоцировали в Тегеране, Куме, Мешхеде выступления «базари» и городских низов против кабинета Мусави. В прессе началась кампания критики министров-«либералов»: их обвиняли в отходе от «курса имама», в связях с Западом, в пособничестве проникновению в страну «враждебных исламу западных идеологии и культуры».

В июле 1983 г. политическая борьба в религиозном руководстве приняла весьма острый характер. Выступая 19 июля

перед Наблюдательным советом, Хомейни выразил беспокойство в связи с углублением разногласий среди духовенства по политическим и социально-экономическим вопросам. Он отметил, что разногласия между религиозными лидерами уже перекочевали на «улицы городов и распространились на людей базара»; в итоге они могут привести к тому, что «однажды народ будет разделен на два враждующих лагеря или более»⁵⁷.

Обострение борьбы в правящих кругах подвело страну к правительственному кризису. 31 июля Хомейни утвердил отставку двух министров в кабинете Мусави, известных как сторонников «Ходжатие», — министра труда и социальных дел А. Тавакколи и министра торговли Х. Асгароулади-Мосальмана. Вслед за изменениями в правительстве сторонники Хашеми-Рафсанджани усилили нападки на либерально-буржуазных и религиозных приверженцев «Ходжатие». Ударная фракция хомейнистов в парламенте — аятолла Хальхали, ходжат оль-эс-лам Гаффури, Тахери-Хоррамабади и др. — выступила с резкой критикой «Ходжатие», обвинив его сторонников в предательстве дела «исламской революции» и потребовав прекращения политической деятельности этого общества.

В ответ на действия экстремистского духовенства сторонники Движения за свободу Ирана распространили текст письма своего лидера М. Базаргана аятолле Хомейни (направлено 1 августа 1983 г.). В письме отмечалось, что народ разочарован итогами революции, поскольку «режим встал на путь, ведущий к деспотизму и реакции». «Интеллигенция, государственные служащие и так называемые обездоленные, рабочие и крестьяне, — все те, кто боролся за свободу и процветание, безопасность и справедливость, видят, что происходит сейчас в стране: внутренние распри, репрессии, война. Они задают вопрос: до каких пор будет происходить это перерождение революции, кто несет за него ответственность и что же будет со страной в результате?» — говорилось в письме. В заключение автор подчеркивал, что «самая страшная трагедия Ирана послереволюционного периода состоит в том, что народ потерял надежду». Призывая иранский народ подняться на борьбу за обретение утраченных им прав и свобод, Базарган указывал, что он и его сторонники не стремятся к насильственному и кровопролитному свержению существующего правительства, а мирным путем добиваются свободы и независимости в рамках исламской республики. «До тех пор, пока не будут исчерпаны все легальные и мирные средства борьбы, иранскому народу не следует прибегать к иным методам»⁵⁸ — такова была позиция буржуазных либералов.

Письмо Базаргана осталось без ответа, а сторонники «курса имама» усилили нападки на Движение за свободу Ирана. Существенную роль в мобилизации правых клерикальных сил на борьбу с «Ходжатие» сыграло выступление 6 августа 1983 г. Хомейни, в котором он решительно осудил «американский ис-

лам» и его последователей в Иране. Приверженцы Хашеми-Рафсанджани расценили это как благословение на переход в атаку. Они подвергли нападкам парламентскую фракцию сторонников Базаргана. Кандидатам от оппозиции в ходе объявленной в стране подготовки к парламентским выборам, которые были назначены на 15 апреля 1984 г., стали чиниться всевозможные препятствия.

В начале августа 1983 г. исламские власти запретили Базаргану выступить с лекцией на тему о свободе выборов, после чего сторонники ПИР и направляемые ими отряды хезболлахи совершили нападение на штаб-квартиру Движения за свободу Ирана. Депутаты-экстремисты в помещении парламента избili членов базаргановской фракции И. Язди и Х. Саббагияна. В этой обстановке Движение за свободу Ирана приняло решение не участвовать в парламентских выборах, считая, что они утратили всякую законность. В августе 1983 г. Базарган заявил в меджлисе, что его фракция бойкотирует парламентские выборы, если ничего не будет сделано для восстановления конституционных свобод, прежде всего свободы слова и собраний. В ответ в середине августа генеральный прокурор ИРИ аятолла Санеи издал постановление, запрещающее обществу «Ходжатие» проводить свои заседания и собрания, а сторонники Хашеми-Рафсанджани начали публиковать в печатных органах ПИР и КСИР компрометирующие Базаргана и его последователей документы, «случайно» обнаруженные на территории посольства США. В середине августа 1983 г. либерально-буржуазная фракция меджлиса во главе с А. Шейбани подала в отставку в знак протеста против усиления репрессий со стороны правых клерикальных сил и несогласия с курсом хомейнистского руководства. Против религиозных и светских сторонников «Ходжатие» правые силы бросили отряды хезболлахи, подразделения КСИР, отряды басиджей, исламские комитеты.

Таким образом, летом и осенью 1983 г. в стране сложилась весьма напряженная обстановка. Однако эта напряженность объяснялась не одной лишь конфронтацией между приверженцами «курса имама» и «Ходжатие»: все более широкие слои населения выказывали недовольство политическим курсом правящего режима, ухудшением их материального положения, продолжением войны с Ираком, репрессиями исламских властей против левых сил и всех инакомыслящих. Ситуация требовала от шиитских лидеров гибкой тактики по отношению прежде всего к мелкой буржуазии, составляющей главную опору исламского режима.

Соперничающие группировки правящего духовенства апеллировали к экономическим интересам и религиозно-националистическим чувствам представителей традиционных средних городских слоев, стремясь привлечь их на свою сторону и использовать в борьбе за власть. В отличие от президента республики Хаменеи, который поддерживал правительство Мусави и

добивался сохранения в нем позиций «технократов»-прагматиков, Хашеми-Рафсанджани резко критиковал на многотысячных пятничных намазах кабинет, обвиняя его в неспособности положить конец беспорядкам, вывести страну из состояния глубокого экономического кризиса, в развале и бюрократизации государственного аппарата. «Технократам»-либералам председатель меджлиса противопоставлял «подлинно революционные мусульманские силы» — хезболлахи, которых он называл самыми последовательными сторонниками «курса имама», способными сохранить национальное единство и продолжить дело «исламской революции». Используя недовольство мелких торговцев и ремесленников правительством Мусави, он призывал их теснее сплотиться вокруг «Партии Аллаха», по его словам единственной силы, которая в состоянии навести в стране «исламский порядок».

Социальную демагогию правящее духовенство сочетало с усилением кампании антикоммунизма, разжиганием националистических настроений, нагнетанием в стране военного психоза. В августе 1983 г. в соответствии с призывом Хомейни, заявившим, что «настало время, когда на фронте должна воевать молодежь», командование КСИР объявило о наборе добровольцев из молодежи в «20-миллионную армию». Президент и председатель меджлиса призвали нацию поддержать курс правительства на продолжение войны с Ираком «до победного конца» и заявили, что нравственная обязанность родителей заключается в том, чтобы они добровольно посылали своих детей на фронт. Культ шехадата был возведен в ранг государственной идеологии. Исламские власти учредили выплату единовременного пособия семьям погибших на фронте шахидов, раздавали им небольшие земельные участки, частично обеспечивали жильем. Благотворительные меры духовенства оказали глубокое психологическое воздействие на обездоленные слои населения, на городские низы, которым пособие за шехадат позволяло выбиться «в люди». Как сообщала пресса, многие родители просили своих сыновей стать шахидами, чтобы хоть как-то прокормить семью.

И все же призывы исламского руководства не нашли той поддержки у молодежи, на которую оно рассчитывало. Многие стремились уклониться от отправки на войну. Пасдары и исламские власти нередко принудительно заставляли безработную молодежь вступать в ряды ополчения⁵⁹. В городах они устраивали облавы на подростков. Широкую известность получило признание премьер-министра Мусави, сделанное им в августе 1983 г., о том, что на фронте воюют двенадцатилетние подростки, проявляя «чудеса преданности Аллаху». Комментируя слова Мусави, английская «Гардиан» отмечала, что они не вызвали «взрыва исламского патриотизма» у иранской нации, так как за три года войны Иран потерял 125 тыс. человек убитыми и до 500 тыс. искалеченными⁶⁰. Парижская «Монд» срав-

нивала ирано-иракскую войну по потерям с обеих сторон с первой мировой войной. «Многие тысячи иранских семей, — отмечала газета, — уже потеряли своих кормильцев, а теперь им предстоит потерять своих несовершеннолетних сыновей». Она указывала на тесную связь между войной и ростом антиправительственных и антивоенных настроений в Иране⁶¹.

Несмотря на нагнетание военного психоза, духовенству не удалось ослабить накал внутривластной борьбы. Религиозные приверженцы «Ходжати» усилили критику хомейнистского режима. В конце августа 1983 г. конфронтация между сторонниками «Ходжати» и хомейнистами в Исфахане, Мешхеде, Тегеране, Куме переросла в вооруженные столкновения. Наибольшую остроту она приобрела в Исфахане, где борьба между приверженцем «Ходжати» аятоллой Хадеми (учеником аятоллы Гольпаегани) и «представителем имама» аятоллой Тахери велась за контроль над исламскими институтами власти (органы «исламского» правосудия, «комитеты имама», Корпус «стражей», «басидж», отряды хезболлахи). В городе шли настоящие бои с применением танков и артиллерии. Было убито более 200 человек. Опасаясь лишиться поддержки подверженного брожению репрессивного аппарата, аятолла Хомейни предоставил чрезвычайные полномочия Хашеми-Рафсанджани и направил его в Исфахан с задачей навести порядок среди «стражей» и не допустить усиления внутривластной борьбы в провинции⁶².

В конце августа 1983 г. после распоряжения генерального прокурора аятоллы Санеи в Исфахане, а затем и в других городах общество «Ходжати» объявило о временном прекращении деятельности и о закрытии своей штаб-квартиры⁶³. Победу над «Ходжати» сторонники «курса имама» постарались закрепить усилением своих позиций в правительстве. Борьба в высших эшелонах власти привела к тому, что приверженцы Хашеми-Рафсанджани в парламенте бойкотировали кандидатуры новых министров, предложенных премьером вместо Тавакколи и Асгароулади-Мосальмана. Вместо них меджлис 28 августа утвердил министром торговли А. Санатизаде, а министром труда — Х. Джаффари, ярых сторонников Хашеми-Рафсанджани, которые раньше занимали ответственные посты в руководстве Корпуса «стражей». Одновременно меджлис отверг выдвинутые Мусави кандидатуры на посты министров городского строительства, сельского хозяйства, промышленности и рудников, которые были вакантными со времени формирования кабинета. На два из этих постов премьеру удалось провести назначения лишь в декабре 1983 г., что было во многом обусловлено поддержкой группировки президента Хаменеи, а также вмешательством самого Хомейни⁶⁴.

Правительственный кризис нашел отражение и в усилении разногласий в правящих кругах по различным аспектам исламской идеологии и политики «исламизации». В конце августа

1983 г. Хомейни распустил руководящий центр «исламизации» — Штаб исламской культурной революции — из-за обострения противоборства между его членами. По его указу был сформирован новый состав Штаба, в который вошли как «умеренные» исламисты (премьер-министр Мусави, министр культуры **Н. Миначи**), так и последовательные хомейнисты (министр исламской ориентации ходжат оль-эслам Мусави-Хоэниха и др.). Однако 1 сентября 1983 г. Хомейни назначил Хашеми-Рафсанджани своим представителем в иранской национальной радиотелекомпании, что свидетельствовало об усилении позиций группировки сторонников председателя меджлиса в органах исламской пропаганды. Последовавшие за этим перестановки в пропагандистском аппарате исламского режима были связаны с возобновлением кампании чисток в вузах, правительственных учреждениях, армии, жандармерии и полиции, а также в Корпусе «стражей» и других исламских институтах.

Укрепление своих позиций в правительстве и аппарате исламской пропаганды хомейнисты использовали в ходе объявленной в стране в конце 1983 г. подготовки к выборам в меджлис второго созыва, где они намеревались завоевать абсолютное большинство мест.

В конце октября 1983 г. группы хезболлахи численностью до 300 человек, поощряемые экстремистским крылом депутатов меджлиса, совершили нападение на штаб-квартиру Движения за свободу Ирана в Тегеране и разгромили ее⁶⁵. Сторонник Базаргана депутат парламента Х. Саббагян, попытавшийся выступить с критикой действий мусульманских «ультра», был избит на заседании меджлиса ярыми хомейнистами. Этими акциями сторонники «курса имама» дали понять силам оппозиции, что они не остановятся ни перед чем в борьбе за расширение своего влияния в стране.

Предвыборная борьба приняла острый характер после того, как в начале ноября 1983 г. группа «умеренных» улемов во главе с аятоллой Гольпаегани выступила в защиту либерально-буржуазных деятелей, осудила действия хомейнистов, охарактеризовав их как противоречащие исламу, и потребовала положить конец травле фракции Базаргана в парламенте. Аятоллы Гольпаегани, Мараши-Наджафи, Ширази, Табатабаи-Куми и другие высказались против узурпации власти в руках приверженцев Хомейни, развязанной ими в стране кампании террора и репрессий по отношению к инакомыслящим, резко критиковали военные и внешнеполитические амбиции руководителей. Эта критика режима нашла отклик в средних городских слоях, особенно там, где было сильно влияние «умеренных» религиозных авторитетов, т. е. в Куме, Исфахане, Мешхеде, Ширазе. Аятолла Гольпаегани подверг нападкам самого Хомейни и сотрудников его личной канцелярии. В фетве, опубликованной в ноябре 1983 г., он призвал мусульман не платить налоги и не вносить пожертвования на войну с Ираком, поскольку все военные рас-

ходы способна оплачивать личная канцелярия Хомейни, контролирующая деятельность Фонда имама Хомейни, в который стекаются огромные денежные средства.

В ответ на это Хомейни отдал приказ органам безопасности усилить наблюдение за квартирами «умеренных» улемов и пресекать их контакты с другими оппозиционными деятелями. В крупнейших теологических центрах среди духовенства были произведены аресты. По данным оппозиции, в конце 1983 г. было арестовано более 100 представителей духовенства, примыкавших к «Ходжатию».

Углубление противоречий в лагере правящего духовенства в ходе подготовки к выборам в меджлис во многом объяснялось усилением противоборства между религиозными группировками и их лидерами за наследование религиозно-политической власти после Хомейни. Осенью 1983 г. сторонники аятоллы Монтазери развернули пропагандистскую кампанию с целью внушить общественности мысль о том, что единственным достойным преемником Хомейни является Монтазери. Однако противники Монтазери, в том числе некоторые «мактабисты» (аятоллы Азари-Куми и Мешкини), а также группа «умеренных» улемов (аятоллы Гольпаегани, Мараша-Наджафи и др.) выступили за замену правления Рахбара коллективным руководством. Как рассчитывали противники Монтазери, совет факихов разделит между своими членами политические и религиозные функции Руководителя.

В декабре 1983 г. в Собрании экспертов и Наблюдательном совете развернулась острая борьба между различными фракциями богословов по основным направлениям общественного развития и политического устройства Ирана. Противники принципа «веляйте факих» начали в прессе дискуссию по вопросу о полномочиях и правах высших религиозных авторитетов мусульманской общины, настойчиво защищая идею правления совета факихов. Параллельно в высших сферах исламской власти усилилось соперничество за влияние в правительстве, что нашло отражение в критике кабинета Мусави и требованиях о его отставке.

В выступлении перед депутатами меджлиса 17 декабря 1983 г. Хомейни обрушился с угрозами на противников принципа «веляйте факих», обвинив их в подготовке заговора против исламской республики. Он также высказался против критики правительства, заявив, что она подрывает устои исламского режима. Хомейни решительно потребовал от духовенства поддерживать кабинет Мусави. «Сегодня, когда мы вступили в войну со всем миром, с Западом и Востоком, с США и СССР, — подчеркнул он, — мы не можем отрезать голову собственному правительству. Отставка кабинета Мусави в нынешних условиях будет означать поражение исламской революции»⁶⁶.

Разногласия в правящих кругах ИРИ по вопросу о наследовании власти после смерти Хомейни особенно остро проявились

в конфронтации между группировками Монтазери и Хашеми-Рафсанджани.

Председатель меджлиса к концу 1983 г. значительно расширил свое влияние на многие сферы общественной жизни страны. Он стал играть еще более важную роль во внешней политике, в первую очередь в вопросах войны с Ираком и экспорта «исламской революции», а также в сфере внутренней политики.

Монтазери, со своей стороны, начал выступать за проведение более гибкой внутренней и внешней политики. Стремясь укрепить свой авторитет, особенно среди мелкой и средней буржуазии базара, разночинной интеллигенции и студенчества, Монтазери в конце 1983 г. подверг резкой критике репрессивные действия экстремистского крыла ПИР, назвав их «антиисламскими», верхушки КСИР, функционеров исламских организаций, а также духовенства, занимавшего ответственные посты в управленческом аппарате. Он упрекал исламских деятелей в намерении монополизировать власть, обвинял их в попытках, прикрываясь псевдореволюционными лозунгами и приверженностью «линии имама», создать собственный политический курс, который, по его мнению, представляет опасность для «исламской революции», поскольку деяния мусульманских «ультра» ведут к «ослаблению и рассеиванию подлинно революционных сил иранского народа».

Монтазери критиковал пасдаров, «комитеты имама» и мулл на местах за притеснение мелких торговцев, подчеркивая, что эти действия подрывают у них веру в исламскую республику. Он требовал от правительства повернуться «лицом к базару» и создать режим наибольшего благоприятствования для частной торговли. Одновременно Монтазери защищал либерально-буржуазную фракцию Базаргана и его Движение за свободу Ирана от нападков исламских «ультра»; он также высказался в поддержку кабинета Мусави и за привлечение к управлению государственными делами «технократов», получивших образование на Западе.

Позиция Монтазери в отношении базара была поддержана аятоллой Хомейни, который 2 января 1984 г. призвал торговцев самих выдвигать своих кандидатов в меджлис. Однако это не означало его полного согласия с тактикой Монтазери.

Накануне выборов в меджлис второго созыва в стране усилилось влияние исламских экстремистов. Летом 1983 г., когда резко обострилась обстановка в зоне Персидского залива, парламентская фракция сторонников Хашеми-Рафсанджани потребовала блокировать Ормузский пролив и установить военный контроль Ирана над судоходством в Персидском заливе. После этого в сентябре 1983 г. вооруженные подразделения КСИР высадились на острове Ларек, расположенном в Ормузском проливе, с тем чтобы установить контроль над проходом иностранных судов в Персидский залив⁶⁷. Это вызвало дальнейшее обо-

стрение ситуации в зоне залива, наращивание военной мощи США у берегов Ирана (к Ормузскому проливу были подтянуты два авианосных соединения американских ВМС), а также усиление напряженности в отношении между Ираном и другими странами Персидского залива. Однако группировка Хашеми-Рафсанджани использовала это обстоятельство для расширения своего воздействия на ход подготовки к выборам в меджлис.

Деятельность этих сил все больше приобретала характер крайне правого политического экстремизма, который проявлялся в зоологическом антикоммунизме и пропаганде борьбы с «врагами ислама», под которыми понимались прежде всего левые. Политический экстремизм, возведенный исламскими «ультра» в ранг государственной политики, был направлен на выполнение важнейших задач режима — деполитизировать народные массы, выхолостить их революционный потенциал, дискредитировать левые силы и тем самым оторвать от них население. Кроме того, воинствующий исламский экстремизм служил для приверженцев Хомейни важнейшим инструментом их утверждения у власти.

Летом 1983 г. приверженцы Хомейни начали тайно формировать ударные подразделения боевиков-фанатиков, способных быстро и эффективно расправляться с любой оппозицией режиму, в том числе и религиозной. Новые отряды мусульманских боевиков создавались вне Корпуса «стражей», так как духовенство не могло полностью рассчитывать на лояльность пасдаров вследствие углубления среди них фракционной борьбы и размежевания на отдельные группировки. Эти отряды, формировавшиеся из проверенных на лояльность режиму элементов, противопоставлялись Корпусу «стражей» и были призваны по первому приказу разоружить или уничтожить любой мятежный гарнизон пасдаров. Один из таких специальных отрядов численностью около 3 тыс. человек был создан в тегеранской тюрьме Эвин под командованием генерального прокурора Тегерана А. Ладжеварди, который располагал мощной поддержкой экстремистской фракции КСИР и пользовался покровительством Хомейни и группировки Хашеми-Рафсанджани. Под началом Ладжеварди тюрьма Эвин была превращена в бастион ультраправых клерикальных сил: туда свозилось оружие, там осуществлялась подготовка боевиков, там же правое духовенство тайно расправлялось со своими политическими противниками, в том числе с «умеренными» муллами⁶⁸.

Ладжеварди, получивший за свои многочисленные расправы без суда и следствия прозвище «тегеранский мясник», яростно боролся против попыток находившегося под руководством аятоллы Мусави-Ардебилы Высшего судебного совета нормализовать судебную процедуру, приведя ее, согласно конституции, в соответствие с нормами шариата. Он игнорировал постановления Высшего судебного совета, которые предписывали ислам-

ским прокурорам и шариатским судьям приводить в исполнение смертные приговоры только с его санкции⁶⁹.

В начале декабря 1983 г. хомейнисты организовали в Тегеране судилище над членами руководства Народной партии Ирана, против которых были выдвинуты обвинения в государственной измене и шпионаже в пользу СССР. Кампанию борьбы против левых сил приверженцы «курса имама» стремились использовать для дальнейшего упрочения своего влияния в исламских судебных органах. В высших звеньях судебной власти вновь обострилась борьба, причем сторонники Хашеми-Рафсанджани требовали физического истребления всех членов Народной партии. Эта позиция нашла поддержку у Хомейни. Выступая в декабре 1983 г. перед функционерами исламских судебных органов, он заявил: «Сегодня вся страна является вашей собственностью, она принадлежит вам, и вы сами должны управлять ею. Сегодня судебная власть в стране — исламская, и необходимо, чтобы сами улемы укрепляли ее. Если судебная власть упрочится, будут устранены многие наши трудности»⁷⁰.

Это выступление Хомейни послужило для его приверженцев сигналом к решительным действиям. Начавшийся 6 декабря 1983 г. в тюрьме Эвин судебный процесс над иранскими патриотами, в том числе 200 офицерами, унтер-офицерами и рядовыми, которым исламские власти предъявили обвинение в шпионаже в пользу СССР, подготовке свержения правящего режима, ведении в армии антиправительственной пропаганды, проходил тайно, с нарушением элементарных норм законности. Обвиняемые в ходе следствия подвергались жестокому физическому и моральному пыткам⁷¹. Руководство процессом было поручено ярым хомейнистам — председателю исламских военных трибуналов ходжат оль-эсламу Мохаммади-Рейшахри и Ладжеварди.

В середине января 1984 г. в знак протеста против «жесткого» судебного курса подал в отставку со своего поста председатель исламских трибуналов ИРИ ходжат оль-эслам Мусави-Табризи, которого приверженцы «курса имама» обвиняли в связях с «Ходжатие». 19 февраля 1984 г. тегеранское радио объявило, что все исламские трибуналы, которые ранее находились в подчинении у Мусави-Табризи, перешли под контроль генерального прокурора ИРИ аятоллы Санеи.

В начале 1984 г. исламский военный трибунал вынес суровые приговоры 87 офицерам — членам Народной партии Ирана. Шесть человек были приговорены к пожизненному заключению, остальные — к тюремному заключению на сроки от 5 до 30 лет. В феврале 1984 г. исламские власти казнили большую группу офицеров-тудеистов по обвинению в связях с левыми организациями и участии в «заговоре против исламской республики».

На членов Народной партии Ирана обрушились новые суровые репрессии. Тысячи патриотов были казнены или брошены

в тюрьмы. В заявлении НПИ, опубликованном в начале февраля 1984 г., антикоммунистическая и антисоветская кампания режима была названа политической авантюрой, «объективное содержание которой состоит в том, что разнузданная пропаганда иранских властей против Советского Союза, являющегося близким соседом и другом народов нашей страны, совпадает, по существу, с политикой антисоветизма, проводимой президентом США Р. Рейганом»⁷².

В обстановке ужесточения репрессивных мер против левых сил группировка Хашеми-Рафсанджани в конце 1983 г. развернула в стране новую политическую кампанию, целью которой было активизировать «движение хезболлахи», развивавшееся под лозунгом ужесточения исламизации, насаждения норм исламской морали и нравственности, превратить его в широкое движение масс обездоленных в поддержку «курса имама». По существу, объявлялся сбор всех исламско-экстремистских сил под знамена Хомейни. Этой цели также призваны были служить проводившиеся в феврале 1984 г. Всеиранские маневры «20-миллионной исламской армии», в которых участвовало несколько миллионов человек.

Выборы в меджлис, назначенные на 15 апреля 1984 г., проходили в условиях полного запрещения деятельности всех оппозиционных политических партий и организаций. Однако это не уменьшило накал борьбы между ведущими религиозно-политическими группировками правящего духовенства, возглавляемыми Монтазери, Хаменеи и Хашеми-Рафсанджани. Число кандидатов в депутаты сократилось более чем наполовину: с 3,3 тыс. в 1980 г. до 1,5 тыс. в 1984 г. Это произошло в основном в результате установления жесткого ценза для кандидатов, которые подвергались тщательной проверке разведывательными органами и службой безопасности⁷³.

В новый парламент был избран 251 депутат (из 270), 19 депутатов не были избраны из-за волнений в ряде городов (Исфахан, Мешхед, Шираз и др.). В состав меджлиса вошли представители правящего духовенства, функционеры ПИР, некоторых исламских институтов власти, представители крупной торговой буржуазии, промышленники, помещики. Либерально-буржуазные силы не приняли участия в выборах, поэтому в меджлисе второго созыва они представлены не были.

Абсолютное большинство мест в новом парламенте получили радикальные приверженцы Хомейни. Их избрание обеспечил Корпус «стражей», контролировавший выборы. Поэтому характерной особенностью нового меджлиса стало увеличение в нем количества депутатов-пасдаров, которые, блокируясь с наиболее экстремистскими фракциями мулл, примыкавшими к группировке Хашеми-Рафсанджани, активно выступали за продолжение «курса имама» с жестких исламских позиций.

17 июня председателем меджлиса был избран Хашеми-Рафсанджани.

С целью утвердить свое лидерство в новом меджлисе и расширить влияние в крупнейших провинциях группировка Хашеми-Рафсанджани летом 1984 г. активизировала «движение хезболлахи». Хашеми-Рафсанджани сам на пятничных намазах в Тегеране приводил к присяге на верность режиму многотысячные формирования хезболлахи. Выступления хезболлахи, служившие катализатором политического соперничества в правящих религиозных кругах, использовались группировкой Хашеми-Рафсанджани в борьбе за влияние в правительстве и для давления на премьер-министра Мусави.

После выборов в меджлис группировка Монтазери стала блокироваться с группировкой президента Хаменеи, считавшего необходимым как можно быстрее прекратить войну с Ираком. В начале июля 1984 г. Монтазери направил Хомейни письмо, в котором просил его изучить возможности переговоров с Ираком о мире и предлагал Алжир в качестве посредника. Он предпринял этот шаг после встречи Хаменеи с группой высших армейских офицеров, симпатизировавших сторонникам мира. Их поддерживали аятоллы Гольпаегани, Мараши-Наджафи, Ширази, которые неоднократно публично выступали против войны, считая, что в ней «бессмысленно проливается кровь мусульман».

Хомейни резко отреагировал на письмо Монтазери. Обращаясь 16 июля 1984 г. к «стражам» и хезболлахи, он заявил: «Те, кто проповедует смирение перед лицом врага; — либо глупцы, либо невежды, не понимающие истинного смысла ислама». На следующий день члены организации «Студенты-мусульмане — последователи курса имама», руководимые ходжат оль-эсламом Мусави-Хозниха, арестовали в Куме аятолла Гольпаегани, Мараши-Наджафи и Ширази, перевезли их в Тегеран и заключили в тюрьму. Репрессии обрушились на религиозную оппозицию, включая учеников арестованных — толлабов и мулл медресе Кума, Исфахана, Мешхеда, Ширази и других религиозных центров.

Многие муллы, спасаясь от преследований, покинули Иран; в их числе был родственник президента Хаменеи шейх А. Техрани, который бежал в Ирак. Это обстоятельство было использовано группировкой Хашеми-Рафсанджани для дискредитации президента и ослабления его влияния в политических кругах и в вооруженных силах.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Хашеми-Рафсанджани летом 1984 г. добился у Хомейни санкции на новые чистки и среди высшего командного состава армии — офицеров, близких к Хаменеи и Монтазери⁷⁴. Убеденный сторонник идеи «решающего наступления» на Ирак, председатель меджлиса попытался утвердить свое влияние в вооруженных силах. С этой целью в июле 1984 г. он направил в Лондон, Париж, Нью-Йорк и Лос-Анджелес своих людей с заданием вступить в контакт с бывшими офицерами шахской армии, чтобы предло-

жить им вернуться в Иран и участвовать в войне при условии гарантированной амнистии и финансовых льгот⁷⁵.

Со своей стороны, противники Хашеми-Рафсанджани также предприняли шаги по установлению контактов с иранскими оппозиционными военными кругами за рубежом. Летом 1984 г. группа депутатов меджлиса из числа сторонников президента Хаменеи встретила в ФРГ с бывшим министром обороны в правительстве Базаргана адмиралом А. Мадани и предложила ему вернуться в Иран, чтобы начать переговоры о мире с Ираком.

Чистка в армии сопровождалась борьбой в правящих религиозных кругах за реорганизацию правительства Мусави. Хотя 12 августа меджлис под давлением Хомейни выразил доверие премьер-министру Мусави, уже 14 августа сторонники Хашеми-Рафсанджани в меджлисе вынудили уйти в отставку пять министров, в том числе министра обороны полковника М. Салими, обвинив их в связях с обществом «Ходжатие». Вместо ушедших в отставку министров были назначены приверженцы Хашеми-Рафсанджани. Новым министром обороны стал полковник М. Рахими, а посты министров тяжелой промышленности, культуры и высшего образования, просвещения и здравоохранения достались представителям верхушки КСИР. На вакантный пост министра информации, в задачи которого входила централизация всех разведывательных служб Ирана как внутри страны, так и за рубежом, был назначен связанный с Корпусом «стражей» сторонник жесткого исламского курса ходжат оль-эслам М. Мохаммади-Рейшахи⁷⁶.

Политическое соперничество в правящем религиозном лагере в августе 1984 г. было приглушено вмешательством Хомейни, который, видимо, стремился не нарушать сложившегося баланса сил до окончательного решения вопроса о своем преемнике. В том же месяце состоялась сессия Собрания экспертов, на которой в качестве реального кандидата в преемники имама снова был назван аятолла Монтазери. Хашеми-Рафсанджани под влиянием Хомейни поддержал кандидатуру Монтазери, публично согласившись с мнением большинства членов Собрания, что Монтазери «обладает качествами, необходимыми для религиозного вождя Ирана». Однако и на этот раз не было принято окончательного решения⁷⁷.

1 сентября 1984 г. Хомейни потребовал от руководителей исламской республики прекратить чрезмерное вмешательство в решение политических и административных вопросов, сосредоточить внимание на духовном воспитании нации, а не на удержании рычагов управления. Он заявил, что религиозная власть никоим образом не должна ассоциироваться у народа с религиозной диктатурой, ибо это может быть использовано противниками режима. Хомейни призвал правящее духовенство к сдержанности в решении политических вопросов. Это, по существу, означало, что из тактических соображений, а именно с

целью временно примирить соперничающие группировки до окончательного решения вопроса о преемнике, Хомейни поддержал курс на «политическую либерализацию», сторонниками которого были Монтазери и Хаменеи.

Временное смягчение политического климата было использовано сторонниками Базаргана для активизации деятельности Движения за свободу Ирана. В сентябре 1984 г. Базарган опубликовал книгу «Иранская революция в двух движениях», которая отражала его взгляды на революцию 1978—1979 гг., содержала анализ созданного хомейнистами теократического режима и резюмировала основные положения политической программы либерально-буржуазных сил, которая ратовала за образование в Иране исламской республики, основанной на принципах буржуазной демократии⁷⁸.

В ней говорилось о «перерождении революции», не давшей народу «свободы и процветания, безопасности и справедливости», критиковался меджлис второго созыва, поскольку он «принимает важнейшие политические решения о войне и мире, внешней и внутренней политике, не считаясь с мнением большинства народа». Но в книге также утверждалось, что Движение за свободу Ирана поддерживает исламскую республику и добивается лишь исправления ошибок режима, причем не «насильственными и кровавыми методами», а с использованием «легальных и мирных средств».

Книга Базаргана была враждебно встречена мусульманскими «ультра». Генеральный прокурор Тегерана Ладжеварди и организация «Студенты-мусульмане — последователи курса имама» сразу же попытались дискредитировать Базаргана, опубликовав компрометирующие документы, якобы полученные из бывшего посольства США. Отряды «стражей» подожгли в Тегеране дом бывшего министра иностранных дел И. Язди, одного из ближайших друзей Базаргана, а также дом сына Базаргана. Банды хезболлахи совершили нападение на помещение Движения за свободу Ирана во время проходившего там собрания и избили нескольких сотрудников Базаргана⁷⁹.

В течение сентября радикальные хомейнисты повсеместно организовывали шествия «стражей» и хезболлахи под лозунгами «Смерть либералам!», а в начале октября в Тегеране открылся первый всеиранский съезд организации «Студенты-мусульмане — последователи курса имама», который, по замыслам его устроителей, был призван стать демонстрацией силы приверженцев Хомейни. Подавляющее большинство участников съезда было связано с группировкой Хашеми-Рафсанджани. Важнейшими требованиями резолюции, принятой съездом, были «непримиримая борьба против марксизма, социализма и коммунизма», дальнейшая «исламизация» всех областей общественной жизни, в первую очередь в системе высшего образования⁸⁰.

Политическая активность сторонников Хашеми-Рафсанджани

вызвала противодействие Монтасери, который выступил в защиту Базаргана и его Движения за свободу Ирана от нападок исламских «ультра» и подверг резкой критике «студентов-мусульман — последователей курса имама» за их псевдореволюционность и стремление к политическим интригам. Одновременно Монтасери сумел добиться успеха в борьбе против Ладжеварди: в октябре 1984 г. последний был снят с поста начальника тюрьмы Эвин, а в феврале 1985 г. освобожден от обязанностей генерального прокурора Тегерана ⁸¹.

Победа Монтасери над Ладжеварди способствовала повышению роли Высшего судебного совета в системе исламского правосудия, однако многие исламские суды и трибуналы на местах, контролировавшиеся противниками Монтасери и Мусави-Ардебели, продолжали массовые самочинные расправы по приговорам местных мулл. Все это поощрялось Хомейни. В конце 1984 г. он отклонил ходатайство Монтасери об амнистии 3 тыс. политических заключенных, большей частью женщин и детей.

Курс на «политическую либерализацию», предложенный группировками Монтасери и Хаменеи, был неодобрительно встречен Хомейни и вызвал яростное противодействие рафсанджанистов, поскольку стержнем этого курса было прекращение войны с Ираком. В декабре 1984 г. Хомейни подверг резкой критике духовенство, которое хочет побудить исламский режим заключить мир с Саддамом Хусейном. Он заявил, что, если потребуется, Иран будет вести войну «еще 20 лет, пока во всем мире не исчезнут все центры заговора». 11 декабря он отдал распоряжение о реорганизации Штаба исламской культурной революции, мотивируя это снижением его активности в пропаганде войны. В новый состав ШИКР в числе прочих вошли аятолла Мусави-Ардебели, ходжат оль-эсламы Хаменеи, Хашеми-Рафсанджани и Махдави-Кяни ⁸². Аятолла Монтасери был выведен из ШИКР. Это свидетельствовало не только об ослаблении его позиций в органах исламской пропаганды, но и о стремлении Хомейни временно поставить своего вероятного преемника «над» политической борьбой.

В условиях подготовки к выборам своего преемника Хомейни содействовал расширению влияния органов репрессивного аппарата на членов группировки Хашеми-Рафсанджани. Осенью 1984 г. он одобрил предложенный председателем меджлиса план реорганизации КСИР, который предусматривал увеличение численности его «регулярных вооруженных сил», предоставление «стражам» новых привилегий ⁸³.

В октябре 1984 г. рафсанджанисты организовали кампанию критики президента и его сторонников в высшем армейском командовании, пытаясь переложить на них ответственность за неудачу наступления на фронте под кодовым названием «Вальфаджр-7» (август 1984 г.). В результате в том же месяце подал в отставку с поста начальника объединенного штаба сторонник

«прагматического» подхода к войне бригадный генерал Х. Захирнежад; его сменил полковник И. Сохраби, назначенный при поддержке Хашеми-Рафсанджани. Таким образом, к концу 1984 г. группировке председателя меджлиса удалось укрепить свое влияние в вооруженных силах и потеснить в них позиции сторонников Хаменеи и Монтазери.

Армейская верхушка враждебно встретила план реорганизации КСИР и перестановки в высшем командном составе, в том числе отставку генерала Захирнежада, который был противником роста военной мощи пасдаров и их вмешательства в дела армии. По некоторым данным, в армии усилилось недовольство политикой Хашеми-Рафсанджани, направленной на всемерное повышение роли КСИР и постепенную замену регулярных вооруженных сил войсками «стражей». В иностранной прессе писали, что председатель меджлиса убедил Хомейни уволить генерала Захирнежада, с тем чтобы открыть дорогу к засилью пасдаров в армии⁸⁴. В конфликт на стороне военных вмешался аятолла Монтазери, который призвал армию и КСИР к единству и заявил, что «Корпус не предназначен для того, чтобы заменить армию, а представляет собой военную организацию, призванную оказывать ей содействие». Монтазери высказался против идеи замены армии Корпусом «стражей», мотивируя это тем, что у них разные политические функции.

Под давлением Хомейни конфликт был в конце 1984 г. урегулирован в интересах тех сил, которые выступали с позиций исламского воинствующего экстремизма. В ноябре 1984 г. Наблюдательный совет объявил противоречащим исламу и отклонил предложенный сторонниками президента Хаменеи в парламенте законопроект о возвращении в армию военнослужащих, увлеченных ранее по политическим мотивам⁸⁵. Так была блокирована попытка президента вернуть на службу более 300 высших и старших офицеров, известных своими либеральными взглядами, под предлогом их использования в качестве специалистов в условиях военного времени.

Расстановка политических сил в ИРИ к началу 1985 г. свидетельствовала о том, что, несмотря на репрессии исламских властей против либерально-буржуазных политиков, сторонники Базаргана при содействии Хаменеи и ряда других высших религиозных деятелей прочно интегрировались в созданную Хомейни модель политической власти и обрели в ней статус «легальной оппозиции»⁸⁶. Это позволило Базаргану и его соратникам вести умеренную критику режима по всем направлениям, не выходя, однако, за рамки понятия «исламская республика». Однако хомейнисты сделали либеральную оппозицию «козлом отпущения»: режим умело использовал ее для разрядки политической напряженности и подвергал преследованиям, как только усиливалась напряженность. Кампании критики либералов служили хомейнистам важным средством удержания народных масс в рамках исламского экстремизма.

18 апреля 1985 г. Хомейни неодобрительно отозвался о «гюлах, которые раздаются в Иране» с целью побудить исламское правительство заключить мир с Ираком. Куда более резко выступил Хашеми-Рафсанджани на следующий день на пятничном намазе перед «стражами» столичного гарнизона. Он осудил сторонников Базаргана за требование найти «справедливое и почетное решение» в войне с Ираком, обвинил их в «пораженческих и капитулянтских настроениях» и призвал «движение хезболлахи» тверже стоять на позициях имама и верить в скорую победу над режимом Саддама Хусейна ⁸⁷.

Однако исламские «ультра» воздержались от дальнейших нападков на Движение за свободу Ирана, поскольку на его стороне выступил ряд влиятельных «мактабистов». Весной 1985 г. группа духовных лиц, связанных с Ассоциацией преподавателей-теологов Кума, в том числе аятоллы Азери-Куми и Мешкини, а также генеральный прокурор ИРИ аятолла Санеи и др. направили Хомейни письмо, в котором содержался пессимистический анализ экономического положения страны и ситуации в войне с Ираком. В нем отмечалось, что «режим не пользуется прежним авторитетом среди населения», и утверждалось, что, если в ближайшее время не будет найдено решение серьезных экономических проблем, положение окажется неконтролируемым. В заключение говорилось: «Надо будет просить Аллаха, чтобы он предохранил нас от взрывов, которые могут тогда произойти». Письмо свидетельствовало о расколе в лагере «мактабистов» и о переходе некоторых из них на позиции, близкие к «Ходжатию». Весной 1985 г. Хомейни не решился предпринять прямые санкции против оппозиционеров-«мактабистов» в преддверии назначенных на июль президентских выборов.

Под давлением сторонников «политической либерализации» министр внутренних дел ходжат оль-эслам Натег-Нури в середине мая 1985 г. официально разрешил Движению за свободу Ирана возобновить политическую деятельность и предложил ему принять участие в президентских выборах, чтобы придать им «свободный» характер.

Выборы состоялись 16 августа 1985 г. Из 50 человек, выдвинувших свои кандидатуры на пост президента, Наблюдательный совет оставил только троих: ходжат оль-эслама А. Хаменеи, Х. Асгароулади-Мосальмана и М. Кашани (сына известного в 50-х годах аятоллы Кашани), причем кандидатура Базаргана была отклонена исламскими властями без всяких объяснений ⁸⁸.

По официальным данным, в выборах участвовало 14,2 млн. человек. Президентом ИРИ на второй пятилетний срок был избран ходжат оль-эслам А. Хаменеи, получивший 85% голосов. Однако, по данным левой оппозиции, более 2/3 избирателей бойкотировали выборы. К тому же и результаты их были фальсифицированы ⁸⁹.

С немалыми трудностями было связано и утверждение Му-

сави премьер-министром Ирана на второй срок. Это удалось лишь после вмешательства Хомейни, который в сентябре заявил, что «неразумно менять премьер-министра в то время, когда страна ведет войну». Позднее Хомейни строго отчитал 73 депутатов меджлиса, которые пренебрегли его советом и отказались 13 октября проголосовать за резолюцию доверия правительству Мусави. Поддержку Мусави оказали также аятолла Монтазери и президент Хаменеи, неоднократно заявлявший, что «иранская нация не может потерпеть никакой оппозиции руководителю исламской революции» и что «голосовать против Мусави — значит голосовать против Хомейни»⁹⁰.

В свой новый кабинет Мусави был вынужден ввести ряд видных деятелей из руководства «Партии Аллаха» (в том числе министра внутренних дел ходжат оль-эслама Мохташеми), что свидетельствовало об усилении позиций радикальных сторонников «курса имама», которые выступали за «революционные действия», выражающиеся в «национализации заводов и конфискации земель». Однако в ноябре 1985 г., выступая перед членами правительства, Хомейни решительно предостерег «исламских революционеров» от стремления «все обобществлять», указав, что «закон устанавливает рамки национализации»⁹¹.

Вместе с тем усилившаяся политическая активность исламских радикалов, которые сумели внушить массам веру в «курс имама», вызвала одобрение Хомейни. В конце 1985 г. он сместил с поста генерального прокурора ИРИ аятоллу Ю. Санеи и назначил вместо него своего радикального приверженца ходжат оль-эслама Мусави-Хоэниха — одного из руководителей экстремистской организации «Студенты-мусульмане — последователи курса имама» и главу Организации иранских паломников, которая предназначена для осуществления политики экспорта «исламской революции» в мусульманские страны. Назначение Мусави-Хоэниха генеральным прокурором ИРИ означало не только новую важную победу твердых хомейнистов в их борьбе со сторонниками «политической либерализации» в органах исламской судебной власти, но и расширение возможностей для организации «Студенты-мусульмане — последователи курса имама», а также для связанных с ней экстремистских фракций стражей исламской революции к участию в политической жизни страны под видом борьбы за «продолжение исламской революции».

В конце 1985 г. экстремистски настроенные шиитские богословы развернули пропагандистскую кампанию за обеспечение «третьей» победы «исламской революции»⁹² (две первые — это свержение шаха и захват посольства США в Тегеране в 1979 г.), которую они называли «третьим дыханием исламской революции». Мусульманские «ультра» кричали о необходимости защиты прав «обездоленных» и стремились направить недовольство мелкой буржуазии экономическим положением против «предателей-либералов» и с ее помощью повести наступление

на своих противников из «Ходжатию». Мусави-Хозэниха призывал «обездоленных» протестовать против «хищников-капиталистов, выбравшихся из своих убежищ», и против поддерживающих их «либералов».

Для привлечения народных масс на свою сторону экстремистски настроенные муллы, требовавшие от правительства провести социальные и экономические реформы в пользу «обездоленных», организовали в Тегеране и ряде других городов раздачу некоторым неимущим семьям небольших земельных участков для строительства жилья. Они призывали «обездоленных» «брать все, что принадлежит им перед лицом всевышнего». Вместе с тем формирования Корпуса «стражей» на местах решительно пресекали попытки «обездоленных» экспроприировать имущество богачей, находившихся в эмиграции⁹³.

Конец 1985 г. ознаменовался обострением борьбы в лагере правящего духовенства по вопросу о назначении преемника Хомейни. Под нажимом Хомейни 9 ноября 1985 г. две трети членов Собрания экспертов проголосовали за кандидатуру Монтазери, и наконец вопрос о преемнике оказался решенным. Хомейни намеревался не предавать огласке решение Собрания, однако в конце ноября 1985 г. противники хомейнистов обнародовали факт назначения Монтазери, чтобы продемонстрировать двойное нарушение конституции «приверженцами имама», поскольку она предусматривала назначение преемника лишь после смерти «веляйте факих» или в случае, если он «будет уже не в состоянии выполнять свои законные обязанности»⁹⁴.

Группировка Хашеми-Рафсанджани выступила в поддержку решения Собрания экспертов. Сам председатель меджлиса объяснил его стремлением «избежать периода безвластия в случае, если бы с имамом что-нибудь произошло». По словам одного из приверженцев Хашеми-Рафсанджани, депутата Ф. Хеджази, если бы Собрание экспертов решило назначить совет факихов, «Иран превратился бы в новый Бейрут и здесь начались бы бои». Как отмечала «Монд», иранские руководители опасались, что обострение борьбы за власть, в том числе по вопросу о преемнике Хомейни, после смерти имама может привести к открытым вооруженным столкновениям между религиозными группировками, а также между воинскими частями, отрядами «стражей» и хезболлахи, находившимися под их контролем⁹⁵.

Избрание Монтазери будущим лидером «иранской исламской революции» привело к дальнейшему усилению противоречий в религиозном руководстве ИРИ между сторонниками «умеренной» и «жесткой» линии по таким ключевым вопросам внутренней и внешней политики режима, как управление экономикой, проведение социальных и экономических реформ, война с Ираком. Нерешенность всех этих вопросов усиливала недовольство в стране исламским правлением. Поэтому политическая ситуация, сложившаяся в середине 80-х годов, потребо-

вала от шиитских лидеров совершенствования их тактики с учетом требований масс, добивавшихся улучшения своего материального положения.

С назначением Монтазери «преемником имама» позиции его религиозной группировки упрочились, и она стала играть значительно большую роль в государственной политике. В новых условиях аятолла Монтазери проявил себя как способный политик, умело использующий демагогические лозунги для привлечения масс, особенно «традиционных» средних слоев, на сторону исламского режима. Стремясь повысить свой авторитет у «обездоленных», он выступил за «политическую либерализацию» теократического правления. Монтазери требовал от религиозного руководства «действовать более гибко», признать за народом «право на различия во мнениях», ослабить преследования по политическим мотивам, ограничить произвол исламских судов. Он неоднократно критиковал репрессивные действия Корпуса «стражей» против инакомыслящих и говорил о целесообразности смягчить «исламизацию».

Призывая к либерализации режима, Монтазери допускал возможность предоставления либерально-буржуазным политикам из Движения за свободу Ирана во главе с М. Базарганом статуса «легальной оппозиции». Это сблизило Монтазери со сторонниками «Ходжатие». Позиция Монтазери была поддержана группировкой Хаменеи. В области внешней политики Монтазери подчеркивал, что «исламская революция» не должна навязываться силой и что необходимо отказаться от политического терроризма на международной арене; это, по его мнению, должно повысить престиж иранского режима.

Весной 1986 г. при содействии Монтазери и Хаменеи либерально-буржуазные силы активизировали свою политическую деятельность. Базарган на базе возглавлявшегося им Движения за свободу Ирана создал «Ассоциацию по защите свобод и суверенитета иранского народа», политическое кредо которой выражалось в следующих принципах: религиозные деятели не должны принимать непосредственного участия в управлении государством, необходимо расширить prerogatives правительства в сфере управления экономикой, следует добиться прекращения войны с Ираком. Базарган разработал план мирного урегулирования ирано-иракского вооруженного конфликта, который не предусматривал отставку президента Ирака Саддама Хусейна, на чем категорически настаивали ярые хомейнисты. Его план предусматривал, что Совет Безопасности ООН должен осудить Ирак как агрессора, затем по иранскую сторону границы будут размещены силы ООН, группа международных экспертов оценит размеры репараций, которые должны выплатить Ирану Ирак и его союзники. План Базаргана был поддержан группировками Монтазери и Хаменеи, правительством Мусави, а также командованием вооруженных сил.

Политический альянс Монтазери и Хаменеи со сторонниками

«Ходжати» вызвал недовольство Хомейни. Имам использовал против него группировку Хашеми-Рафсанджани. В мае 1986 г. радикальные последователи «курса имама», действующие под началом приверженца Хашеми-Рафсанджани депутата меджлиса Х. Гаффари, нанесли удар по либерально-буржуазной оппозиции. Отряды «стражей» и хезболлахи разогнали участников церемонии, устроенной на тегеранском кладбище Бехеште Зохра по случаю 25-й годовщины образования Движения за свободу Ирана. Девять руководителей этой организации, включая самого Базаргана и 82-летнего Я. Сахаби, были увезены в разрушенную крепость на тридцатом километре шоссе Тегеран—Кум, где их избили и продержали несколько часов⁹⁶.

Нападение радикальных приверженцев «курса имама» на «либералов», по существу, было направлено против премьер-министра Мусави и аятоллы Монтазери. В апреле 1986 г. Мусави по личной просьбе Монтазери призвал к возвращению в страну эмигрантов-«технократов», заверив их, что им не грозит судебное преследование. Премьер-министр мотивировал свой призыв необходимостью широкого привлечения к управлению государством и экономикой «технократической элиты». Однако эта попытка «политической либерализации» была пресечена в зародыше «исламскими радикалами», один из лидеров которых, генеральный прокурор ИРИ Мусави-Хоэниха, назвал эмигрантов «сворой предателей», выступающих против продолжения войны с Ираком; он также резко осудил поддержку, которую Монтазери оказывал Базаргану, и призвал к уничтожению Ассоциации по защите свободы и суверенитета иранского народа.

Соперничество между Мусави и Мусави-Хоэниха, из которых первый выступал за «экономику, контролируемую правительством», а второй призывал «вернуться к частному предпринимательству» при ограниченном контроле государства, отражало, по существу, противоборство различных фракций иранской буржуазии, каждая из которых стремилась добиться нужной ей экономической политики.

Могущественный председатель меджлиса формально стоял «над схваткой», однако серия его выступлений в начале 1986 г. на пятничных молитвах в Тегеране, посвященных «исламской социальной справедливости», свидетельствовала о том, что он был сторонником свободного частного предпринимательства и минимального вмешательства государства в экономическую жизнь. На стороне группировки председателя меджлиса в ее борьбе с группировками Монтазери и Хаменеи выступили влиятельные «мактабисты» из Наблюдательного совета, включая Имами-Кашани, Мохаммади-Гиляни, многие члены Собрания экспертов во главе с Али Мешкини, а также председатель Высшего судебного совета Мусави-Ардебели, добивавшийся централизации под своим контролем всех органов исламского правосудия и вытеснения из них сторонников Монтазери и Хаменеи.

Группа теологов Кума во главе с аятоллой Азери-Куми, заняв враждебную позицию к курсу «политической либерализации», на страницах своей газеты «Ресалят» повела наступление на «преемника имама» по таким ключевым проблемам, как характер экономического развития, отношение к правительству, методы преподавания в университетах, содержание радио- и телепрограмм, направление внешней торговли на курс внешней политики. Сторонники Азери-Куми, который сам претендовал на пост преемника Хомейни, начали добиваться отставки премьер-министра Мусави.

К лету 1986 г. воинствующие приверженцы Хашеми-Рафсанджани усилили критику Мусави и его покровителя аятоллы Монтазери, все настойчивее ставя под сомнение компетентность «преемника имама» в религиозных вопросах и проча на его место председателя меджлиса. Хомейни, как и прежде, формально придерживался нейтралитета и сдерживал взаимные нападки различных религиозных фракций. Однако его предостережение прессе в июле 1986 г., когда он призвал журналистов «удерживать свои перья» и «не выносить сор из избы», было расценено как его несогласие с курсом на «политическую либерализацию», которого придерживался Монтазери. И хотя в июле 1986 г. Собрание экспертов вновь подтвердило свою рекомендацию о назначении Монтазери «преемником имама», рафсанджанисты продолжали теснить позиции сторонников Монтазери и Хаменеи в государственном аппарате и многочисленных органах исламской власти.

На состоявшихся 1 августа 1986 г. в Тегеране частичных парламентских выборах «исламские радикалы» одержали серьезную победу над приверженцами Монтазери. Его кандидат ходжат оль-эслам А. Ахмади потерпел поражение, в меджлис был избран бывший министр внутренних дел Натег-Нури, получивший полную поддержку Хашеми-Рафсанджани. Вместе с тем ставка председателя меджлиса на Натег-Нури, который был связан с «Ходжатие», свидетельствовала о его гибкой тактике в отношении традиционалистов, сближение с которыми он стремился использовать для упрочения своего положения.

Летом 1986 г. Движение за свободу Ирана при поддержке Монтазери распространило в Тегеране «Обращение к вождю революции», в котором вновь настоятельно потребовало положить конец ирано-иракской войне. Деятели базаргановской группировки возложили ответственность за продолжение конфликта, «ведущего к полному уничтожению всех людских и экономических ресурсов Ирана», на аятоллу Хомейни. В «Обращении» отмечалось, что война, имевшая поначалу характер «законной и оборонительной», после вступления иранских войск на территорию Ирака стала «агрессией, продиктованной местью», в оправдание которой исламский режим выдвинул теорию «наступательной войны», являющейся, по существу, «войной до полного уничтожения». По мнению базаргановцев,

категорический отказ Ирана принять мирные предложения ООН не только противоречил Корану, заветам пророка и практике шиитских имамов, но и представлял собой «катастрофическую политическую ошибку». «Даже если враг предлагает мир, чтобы выиграть время и лавировать, — говорилось в документе, — ислам повелевает нам принять это предложение». Авторы «Обращения» утверждали, что большинство иранских руководителей выступают за политическое урегулирование конфликта. Далее они отмечали, что продолжение войны — «это проявление диктатуры и деспотизма, противоречащих исламу, Корану и конституции». Сторонники Базаргана призывали Хомейни «посоветоваться с народом по вопросу о войне и дать возможность руководителям, назначенным законным путем, высказать свое мнение»⁹⁷.

Летом 1986 г. обострилась борьба соперничающих религиозных группировок за влияние в вооруженных силах и в Корпусе «стражей», что привело к углублению разногласий между армейским командованием и верхушкой КСИР по различным аспектам военной политики, тактики ведения боевых действий («классические» и «новые исламские» стратегия и тактика), их прерогатив и роли в исламском режиме. К лету 1986 г. на ирано-иракском фронте не только наблюдалось отсутствие взаимодействия при проведении наступательных операций, но в ряде мест между пасдарами и регулярными частями произошли вооруженные столкновения, в результате которых с обеих сторон имелись убитые и раненые⁹⁸.

«Исламские радикалы» обвинили армейское командование в срыве серии наступательных операций под кодовым названием «Кербела». Они использовали это для ужесточения «исламизации» вооруженных сил и претворения в жизнь постепенной замены регулярной армии Корпусом «стражей». В июле 1986 г. при подготовке к очередному «решающему наступлению» командование КСИР приступило к формированию 500 новых батальонов «стражей», с тем чтобы довести общую численность пасдаров до 400 тыс. Новые батальоны были призваны усилить сухопутные войска КСИР. Параллельно было начато создание воздушно-десантных войск «стражей», предназначенных для проведения диверсионно-террористических операций в странах Ближнего и Среднего Востока. В составе этих частей были предусмотрены эскадрильи летчиков-смертников по образцу японских эскадрилий камикадзе времен второй мировой войны. Пилоты, набранные из «стражей», с середины 1986 г. начали тренироваться на поршневых самолетах, предназначенных в дальнейшем стать «летающими бомбами». Эскадрильи летчиков «стражей» были размещены в порту Бендер-Аббас, так как их намеревались в последующем использовать в зоне Персидского залива⁹⁹.

Одновременно продолжалось создание сил «басидж», являющихся основным резервом КСИР. В стране было открыто

12 тыс. центров призыва и подготовки ополченских формирований. В конце 1986 г. КСИР, претворяя в жизнь провозглашенную Хомейни программу создания «20-миллионной армии иранского мусульманского народа», приступил к формированию предназначенного для отправки на ирано-иракский фронт сто-тысячного «Корпуса Мухаммеда», состоящего из добровольцев-басиджей. К концу 1986 г. численность сил «басидж» составила 4 млн. человек.

Летом 1986 г. «исламские радикалы» начали кампанию чисток среди высшего армейского командования, выражавшего несогласие с военной политикой хомейнистов. Выступивший в защиту кадровых военных командующий сухопутными войсками полковник С. Ширази был смещен со своего поста и заменен полковником Х. Саэди — сторонником Хашеми-Рафсанджани. Х. Саэди произвел перестановки в командном составе сухопутных войск, заменив командиров 92-й бронетанковой дивизии (Ахваз), 16-й пехотной дивизии (Казвин) и 77-й пехотной дивизии (Мешхед). Важно отметить, что смена командира 77-й пехотной дивизии в провинции Хорасан, которая является одной из «вотчин» традиционалистов, свидетельствовала о том, что группировке Хашеми-Рафсанджани удалось ослабить позиции президента Хаменеи в армии не без содействия некоторых влиятельных улемов из «Ходжатие»¹⁰⁰.

Осенью 1986 г. борьба между религиозными группировками правящего духовенства приобрела еще более острые формы. В октябре радикальные приверженцы «курса имама» арестовали около 200 сторонников аятоллы Монтазери, включая его зятя М. Хашеми, обвинив их в государственной измене, шпионаже и хранении оружия. Наиболее многочисленные аресты были произведены среди приверженцев Монтазери в провинции Ис-фахан, где сильны позиции сторонников «Ходжатие», а также среди служащих государственного аппарата и функционеров исламских органов власти. Кампания чисток и арестов была начата с санкции Хомейни под руководством сторонника «жесткого исламского курса» министра информации и председателя исламских военных трибуналов ходжат оль-эслама Мохаммади-Рейшахри, которого поддерживал председатель меджлиса¹⁰¹. Попытки Монтазери добиться освобождения своих приверженцев были сорваны аятоллой Хомейни, который в конце октября потребовал от министра информации применения к арестованным «исламских законов» с соблюдением их «духа и буквы»¹⁰².

Арест М. Хашеми, который являлся правой рукой Монтазери в Корпусе «стражей» и возглавлял в Центральном штабе КСИР отдел по оказанию помощи «исламским освободительным движениям», свидетельствовал о стремлении «исламских радикалов» нанести сокрушительный удар по позициям Монтазери в Корпусе. Прямо на фронте арестовывались многие командиры «стражей», и была произведена замена нескольких командующих военными округами КСИР.

Арест М. Хашеми позволил Хашеми-Рафсанджани вывести из-под влияния Монтазери и подчинить своему полному контролю отдел Центрального штаба Корпуса «стражей» по связям с «исламскими освободительными движениями», играющий важную роль в политике экспорта «исламской революции» в мусульманские страны, в частности в оказании финансовой и военной помощи ливанским шиитским экстремистским группировкам — «Амаль» и «Хизбалла» (здесь и ниже дается в соответствии с арабским звучанием), а также тайная террористическая организация «Аль-Джихад аль-ислами».

Линия Монтазери, которую М. Хашеми проводил в Ливане, не устраивала радикальных приверженцев Хомейни. Монтазери выступал против вооруженного вмешательства «Амаль» во внутривнутриполитическую жизнь Ливана и не одобрял актов терроризма и захвата заложников в этой стране террористическими группами «Хизбалла» и «Аль-Джихад аль-ислами». Хашеми-Рафсанджани, напротив, настаивал на усилении поддержки экстремистских шиитских сил в Ливане, выступающих под лозунгами создания «исламского государства» по иранской модели, и на расширении их влияния на события в Ливане. Еще в 1982 г. меджлис принял закон о финансовой, военной и политической поддержке «исламских освободительных движений» в мусульманских странах и отправке в Ливан около 2 тыс. специально подготовленных стражей исламской революции для оказания содействия шиитским воинствующим группировкам в создании «исламского государства». Это позволило Хашеми-Рафсанджани оказывать большее влияние на деятельность отдела Центрального штаба КСИР по связям с «исламскими освободительными движениями».

Получив поддержку Ирана, ливанские террористы из «Хизбалла» и «Аль-Джихад аль-ислами» с конца 1982 г. с ведома руководства ИРИ стали захватывать граждан США и других западных стран в качестве заложников. Это вынудило американскую администрацию вступить в контакт с иранскими лидерами. Отдел Корпуса «стражей» по связям с «исламскими освободительными движениями» стал служить каналом для организации Соединенными Штатами тайных переговоров с иранскими руководителями относительно поставки американского оружия Ирану в обмен на заложников.

Используя в качестве посредников международных торговцев оружием из Израиля (Я. Нимроди), Саудовской Аравии (А. Хашогги) и Ирана (М. Горбанифар), США в 1983—1984 гг. через отдел Центрального штаба КСИР по связям с «мусульманскими освободительными движениями» и министерство Корпуса «стражей» установили тайные контакты с лидерами некоторых иранских религиозных группировок. В качестве платы за содействие в развитии ирано-американских военно-политических отношений посредники перевели различным иранским официальным лицам и группировкам около 10 млн. долл.

в виде комиссионных от продажи оружия Ирану. Около 6 млн. долл., в частности, было передано Хашеми-Рафсанджани и членам его семьи. Кроме того, отдел Центрального штаба КСИР по связям с «исламскими освободительными движениями», игравший важную роль в сделках с оружием, получал комиссионные в размере 3—5% суммы военных поставок Корпусу «стражей», на который опирался Хашеми-Рафсанджани в борьбе со своими политическими соперниками ¹⁰³.

Денежные суммы, получаемые в качестве комиссионных (в 1986 г. — около 3 млн. долл.), переводились на счета контролируемого аятоллой Монтазери и Хашеми-Рафсанджани «Всемирного исламского движения» (ВИД), находившегося под эгидой отдела Центрального штаба КСИР по связям с «исламскими освободительными движениями». ВИД финансировало террористические мусульманские группировки в Ливане, осуществлявшие похищения заложников, а также отряды иранских «стражей», освобождавших их по приказу из Тегерана ¹⁰⁴.

В мае 1986 г. США при содействии Саудовской Аравии и Израиля организовали тайный приезд в Иран бывшего помощника президента США по национальной безопасности Р. Макфарлейна, который встречался с председателем меджлиса. В ходе переговоров с Макфарлейном Хашеми-Рафсанджани стремился добиться от американцев увеличения поставок вооружения Ирану в обмен на освобождение новых заложников в Ливане. Выступая на пятничной молитве в апреле 1986 г., он заявил, что получение Ираном американского оружия является «стратегической задачей» ¹⁰⁵.

В сентябре 1986 г. Саудовская Аравия организовала новый неофициальный приезд в Иран Р. Макфарлейна. С согласия аятоллы Хомейни с ним вновь встретился Хашеми-Рафсанджани. На этот раз Макфарлейн вместе с посланием президента Рейгана к иранскому руководителю, призывавшим к нормализации отношений между Тегераном и Вашингтоном, организовал доставку в Иран крупной партии вооружения и запасных частей для истребителей. После того как это оружие было испытано на ирано-иракском фронте (иранские ВВС сумели сбить несколько иракских самолетов), руководство ИРИ отдало приказ об освобождении одного из американских заложников в Ливане, проявив, таким образом, склонность и дальше развивать контакты с Соединенными Штатами в плане «оружие — заложники» ¹⁰⁶.

Закулисные переговоры Хашеми-Рафсанджани с представителями Вашингтона вызвали недовольство группировки Монтазери, и она способствовала «утечке информации» о встречах председателя меджлиса с американцами. 1 ноября 1986 г. сторонники Монтазери поместили в ливанском еженедельнике «Аш-Шираа» сообщение о тайных ирано-американских переговорах в Тегеране, что стало началом «Ирангейта». Чтобы сорвать эти переговоры, приверженцы Монтазери 4 ноября (в

седьмую годовщину захвата американского посольства в Тегеране) планировали захватить посольство Саудовской Аравии, которая играла важную роль в развитии ирано-американских контактов, и Кувейта, намереваясь заставить таким образом кувейтские власти освободить группу иранцев, заключенных в тюрьму в этой стране за нападения на американское и французское посольства 12 декабря 1983 г. Однако по приказу Хашеми-Рафсанджани, отданному с санкции Хомейни, отряды пасдаров и хезболлахи взяли под усиленную охрану саудовское и кувейтское посольства и воспрепятствовали их захвату сторонниками Монтазери¹⁰⁷.

4 ноября 1986 г. Хашеми-Рафсанджани объявил иранцам о визите в страну миссии Макфарлейна (при этом он указал на его приезд в мае 1986 г.), представив его как свидетельство «беспомощности Америки перед силой исламского государства в Иране». Он отрицал свои контакты с Макфарлейном, однако признал, что в Иран поступили запасные части к американской военной технике, необходимой для победы над Ираком. За этим последовало выступление Хомейни, который заявил, что главное для иранского народа — любой ценой продолжать войну против Ирака до «победного конца», что ассоциировалось с необходимостью иметь в Иране оснащенные современным американским оружием вооруженные силы.

14 ноября, продолжая тему Хомейни, Хашеми-Рафсанджани заявил, что США уже в течение нескольких лет «тщетно пытались найти подход к иранским руководителям», чтобы наладить отношения с Ираном, однако «Иран выжидал, чтобы нанести сокрушительный удар по дипломатии администрации Рейгана». По его словам, как только миссия Макфарлейна была рассекречена, ее сразу же выдворили из страны по указу аятоллы Хомейни, что привело к разглашению секретных планов США в Иране и политическому скандалу в Вашингтоне. Вместе с тем председатель меджлиса подчеркнул, что Иран будет продолжать усилия, чтобы «вырвать у США» заказанное и оплаченное еще шахом вооружение.

Сторонники Хашеми-Рафсанджани развернули широкую пропагандистскую кампанию, представив разоблачение ирано-американских военных и политических связей как «политическую победу» Ирана, продемонстрировавшего всему миру «силу исламского режима и бессилие перед ним сверхдержав», которым ислам может успешно противостоять, создавая для них кризисные ситуации. Хомейни решительно поддержал своих приверженцев. 20 ноября он выразил удовлетворение их действиями, способствовавшими дискредитации США. «Ирангейт» он назвал «крупнейшей победой иранского народа, более значительной, чем победы на фронте». Расценив это выступление Хомейни как поддержку попыток установления прямых контактов между Ираном и США для организации поставок американского оружия, Хашеми-Рафсанджани 28 ноября констатировал, что

Иран будет и впредь приобретать оружие и боевую технику американского производства.

«Ирангейт» показал, что по вопросу об отношении к США и к ирано-иракской войне в правящих кругах Ирана шла и продолжает идти сложная политическая борьба. Все группировки правящего духовенства формально придерживаются лозунга о необходимости «борьбы с Америкой» как с «великим сатаной» и врагом номер один иранского народа. Несмотря на это, наиболее близкие к Хомейни религиозные и светские деятели режима (Хашеми-Рафсанджани, Мусави и др.) продолжают тайно развивать военно-политическое сотрудничество с США и другими странами Запада.

Официально Хомейни поддержал противников установления каких-либо контактов с американцами (Монтазери и др.). Однако политический прагматизм Хомейни, стремление использовать ирано-иракскую войну для упрочения позиций духовенства и власти «веляйте факих» побуждали его содействовать тайным связям с США по вопросам закупки оружия. Вместе с тем Хомейни проявлял большую осторожность, опасаясь усиления американского влияния в Иране; его беспокоила также возможность того, что военные контакты будут способствовать укреплению противников исламского режима в иранских вооруженных силах. Группировка Хашеми-Рафсанджани с ее опорой на Корпус «стражей» служила реальной силой, способной предотвратить оппозиционные выступления в армии.

Осенью 1986 г., когда на ирано-иракском фронте впервые произошли вооруженные столкновения между «стражами» и армейскими частями, «исламские радикалы» использовали кампанию дискредитации аятоллы Монтазери для нанесения новых ударов по позициям своих политических противников в вооруженных силах, т. е. по сторонникам Монтазери и Хаменеи, выступающим за ограничение влияния Корпуса «стражей», за повышение роли регулярной армии в войне с Ираком и в военном строительстве. В ноябре 1986 г. было арестовано несколько сот высших военных чинов, в том числе начальник контрразведки вооруженных сил полковник М. Катибе, командующий жандармерией полковник М. Форузан и другие сторонники президента, которые противодействовали осуществлению плана замены регулярной армии Корпусом «стражей». Одновременно была арестована группа депутатов меджлиса во главе с придерживавшимся позиций «Ходжatie» А. Кашани, которая выступила в поддержку армии.

Начало 1987 г. ознаменовалось новым наступлением радикальных приверженцев Хомейни против группировок, выступающих за «политическую либерализацию» и смягчение внутренней и внешней политики. В январе 1987 г. сторонники «политической либерализации» в парламенте в знак протеста против арестов депутатов направили Хашеми-Рафсанджани письмо с требованием сообщить о характере его тайных контактов с

представителями администрации США. Однако председатель меджлиса, пользуясь поддержкой Хомейни, сумел подавить оппозицию и «навести порядок» в меджлисе. В начале 1987 г. он взял под контроль газеты «Эттелаат» и «Кейхан», публиковавшие материалы об «Ирангейте»¹⁰⁸. Таким образом, противники рафсанджанистов лишились возможности публиковать компрометирующие материалы. Это вызвало новую волну противоборства между правящими религиозными группировками за контроль над средствами массовой информации.

К весне 1987 г. в результате обострившейся фракционной борьбы в ПИР дальнейшее существование этой партии стало невозможным. В мае президент и председатель меджлиса направили на имя Хомейни письмо, в котором настоятельно просили его дать санкцию на роспуск ПИР, мотивируя это тем, что, во-первых, партия выполнила свои задачи по сплочению иранской мусульманской нации в единую организацию «Хезболла», действующую под руководством имама Хомейни, а во-вторых, ее раскол на две соперничающие в меджлисе, правительстве и исламских организациях группировки подрывает единство в стране. Хомейни одобрил роспуск ПИР, после чего президент Хаменеи взял под свой контроль партийную газету «Джомхурие эслами», редактором которой являлся премьер-министр Мусави¹⁰⁹.

Ликвидация ПИР, однако, не ослабила соперничества в иранском руководстве, ибо две партийные фракции продолжали существовать как неофициальные политические партии, располагающие печатными органами, в которых они излагали свои взгляды по различным вопросам внутренней и внешней политики. В центре их внимания были роль правительства и частного сектора в экономике, будущее войны с Ираком и военное строительство.

В мае 1987 г. меджлис приступил к обсуждению законопроекта о вооруженных силах ИРИ, который преследовал цель придать законный статус «исламским» вооруженным силам, определить роль и функции всех их компонентов, включая регулярную армию, КСИР, ополчение, жандармерию и полицию. Хомейнисты в парламенте настаивали на закреплении за КСИР главенствующей роли в структуре вооруженных сил, а их оппоненты стремились сохранить приоритет за регулярной армией.

К лету 1987 г. КСИР окончательно утвердил за собой статус ведущей военно-политической организации в структуре вооруженных сил. Как уже отмечалось, его численность достигла 400 тыс. человек. Он имел восемь пехотных и бронетанковых дивизий и несколько отдельных бригад, на базе которых из обученных басиджей формировались новые дивизии «стражей». Численность регулярной армии оставалась на прежнем уровне — 300 тыс. человек (и около 200 тыс. составлял армейский резерв)¹¹⁰. В феврале 1987 г. КСИР предпринял под Бас-

рой первое наступление совместно с регулярной армией, которое продемонстрировало его возросшую огневую мощь, способность применять гибкую тактику, высокую мобильность, воинскую дисциплину и преданность Хомейни.

Помимо сухопутных войск КСИР с 1984 г. большое развитие получили военно-воздушные силы «стражей», в составе которых к 1987 г. было до 60 боевых самолетов — в основном китайского и швейцарского производства. Часть летчиков-пасдаров была подготовлена в Швейцарии.

Однако наиболее интенсивно с 1984 г. развивались военно-морские силы КСИР. В 1987 г. они состояли из 50—60 патрульных катеров и нескольких сот легковооруженных быстроходных катеров. Им принадлежит главная роль в «танкерной войне» в Персидском заливе. На нескольких островах (Ларек, Абу-Муса, Томбе-Бозорг, Томбе-Кучек, Сирри, Рустам и др.), контролирующих судоходные пути, «стражи» создали свои военно-морские базы, что позволило им участвовать в нападениях на танкеры и торговые суда недружественных Ирану государств¹¹¹.

Усилению военного потенциала Ирана, в частности ВМС КСИР в Персидском заливе, способствовали военные поставки США и других западных стран. Несмотря на «Ирангейт», уже в марте 1987 г. США направили в Иран крупную партию электронного оборудования для управления огнем средств ПВО, а также систем ракет, включая ракеты «земля—земля» («Ланс»). Увеличили поставки различного вооружения Ирану, в том числе морских мин, Англия, ФРГ и Италия¹¹².

Летом 1987 г. КСИР разместил ракетные установки в районе Бендер-Аббаса, на островах Кешм и Сирри и на полуострове Фао¹¹³, захваченном в 1986 г. у Ирака (в апреле 1988 г. Ирак сумел отвоевать полуостров Фао у Ирана). В июне ВМС КСИР провели в Персидском заливе крупные учения («Зульфегар»), в ходе которых отрабатывались пуски ракет по подводным целям. Иранское правительство выступило с новыми угрозами в адрес Ирака, Кувейта, Бахрейна и Объединенных Арабских Эмиратов, требуя от них признания его притязаний на военно-политическое господство в Персидском заливе.

К лету 1987 г. командование ВМС КСИР расширило подготовку морских подразделений «смертников», которые получили наименование «стражи Залива». Полагаясь на эти формирования, КСИР планировал вести «исламскую партизанскую войну на море». Отныне тактика боевых действий в «танкерной войне» стала схожей с тактикой «человеческих волн» на сухопутном фронте, где главную роль также играли фанатики-смертники.

В августе 1987 г. иранское командование провело в Ормузском проливе крупные военно-морские учения под кодовым названием «Шехадат». В них участвовало около 400 тыс. военнослужащих, входивших в состав регулярных ВМС, ВВС, ВМС и подразделений морской пехоты КСИР, отрядов смертников.

В ходе маневров отрабатывались вопросы взаимодействия ВМС и ВВС КСИР с сухопутными войсками «стражей», а также с регулярными ВМС, совершенствовалась тактика специальных диверсионных отрядов КСИР как на море, так и на суше. По свидетельству командующего ВМС КСИР Х. Алаи, в ходе учений была отработана «новая исламская тактика войны на море», которая призвана обеспечить Ирану «стратегическое превосходство в зоне Персидского залива и за его пределами»¹¹⁴.

Возрастанию роли КСИР в структуре вооруженных сил ИРИ способствовало то, что «стражи», по существу, взяли под контроль всю военную промышленность страны и наладили производство многих видов вооружения, в том числе 107-миллиметровых минометов и 122-миллиметровых орудий, противотанковых ракет, гранатометов, стрелкового оружия, боеприпасов; интенсивно велись работы по созданию ракет класса «земля—земля», десантных кораблей, бронетранспортеров, самолетов, подводных лодок¹¹⁵. К концу 1987 г. значительная часть этого вооружения уже начала поставляться в КСИР.

Усилилось влияние командования КСИР на процесс выработки внутри- и внешнеполитических решений. После «Ирангейта» «стражи», не признающие компромиссов и преданные Хомейни, стали принимать решительные меры для устранения соперничающих с ними политических группировок. Составив влиятельную фракцию сторонников Хашеми-Рафсанджани в парламенте, они добились принятия закона, в котором, как уже упоминалось, закреплялась ведущая и главенствующая роль КСИР в структуре вооруженных сил, прежде всего по отношению к регулярной армии. Закон вступил в силу осенью 1987 г. после одобрения его Наблюдательным советом. Кроме того, «стражи» блокировали миссию мира Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра осенью 1987 г., а также все попытки сторонников «политической либерализации» приостановить войну в Персидском заливе. Растущие амбиции пасдаров и борьба в правящих кругах неизбежно приводили руководство КСИР и контролирующие его религиозные фракции к усилению экстремистских тенденций во внутренней и внешней политике, что таило опасность дальнейшего расширения ирано-иракской войны.

Осенью 1987 г. борьба в правящих кругах ИРИ вступила в новую фазу в связи с подготовкой к выборам в меджлис, намеченным на апрель 1988 г. Тон в этой борьбе задали приверженцы Хомейни. В сентябре они добились санкции имама на казнь М. Хашеми и 40 сотрудников отдела КСИР по связям с «мусульманскими освободительными движениями», а также некоторых влиятельных чиновников¹¹⁶. Эти казни, организованные по инициативе Хашеми-Рафсанджани, были призваны усилить его позиции в парламенте, а также в государственном аппарате и обеспечить ему абсолютное большинство голосов на выборах.

Казнь М. Хашеми и его сторонников означала ослабление позиций будущего преемника Хомейни — аятоллы Монтазери. На этот пост претендует сам Хашеми-Рафсанджани. Однако в середине декабря 1987 г. Хомейни выразил Монтазери «вотум доверия» и предписал ему твердо следовать «жесткому исламскому курсу» во внутренней и внешней политике ¹¹⁷.

Предвыборная борьба внесла раскол в руководство, блокировав тем самым процесс принятия решений. В ноябре 1987 г. Наблюдательный совет отклонил как не соответствующий исламу новый закон о труде, предложенный правительством Мусави.

Наблюдательный совет своими действиями фактически поставил под вопрос прерогативы законодательной и исполнительной власти. В связи с этим министр труда Сархадизаде в начале декабря 1987 г. обратился к Хомейни с просьбой издать фетву относительно правомочности государства вмешиваться в дела частных предпринимателей. Речь шла о правомочности правительства предъявлять предпринимателям шариатские «обязательные условия» («шоруте эльзами») ¹¹⁸. Такие правомочия государства Хомейни подтвердил особой фетвой. Она вызвала резкое недовольство членов Наблюдательного совета, которые заявили о своем намерении уйти в отставку. Это недовольство нашло, в частности, выражение в письме секретаря Наблюдательного совета на имя Хомейни, в котором указывалось, что предоставление таких прерогатив государству и правительству приведет к подрыву «исламского порядка» ¹¹⁹. В своем ответе на это письмо Хомейни подтвердил предоставление им государству и правительству полномочий в отношении введения «обязательных условий». Возник правительственный кризис.

Положение усугубилось тем, что на пятничном намазе 1 января 1988 г. президент Хаменеи допустил ряд высказываний, которые были восприняты Хомейни как несогласие с его пониманием прерогатив государства и правительства. Хаменеи пришлось публично покаяться и заявить, что у него нет никаких расхождений с имамом ¹²⁰.

Выход из кризиса Хомейни попытался найти в следующем. Дальновидно отказавшись от предложенной ему руководящими деятелями режима роли арбитра, 6 февраля 1988 г. он распорядился создать новый, надконституционный орган — Ассамблею по определению выгодности принимаемых решений для исламского строя. Она должна улаживать конфликты и устранять разногласия между Наблюдательным советом и меджлисом. В нее вошли высшие представители законодательной (Хашеми-Рафсанджани — председатель парламента), исполнительной (Хаменеи — президент страны, Мусави — премьер-министр) и судебной (Мусави-Ардебилли — председатель Высшего судебного совета, Мусави-Хоэниха — генеральный прокурор) власти. Членами Ассамблеи Хомейни сделал также ходжат оль-эслама Тавассоли, возглавляющего его личную канцелярию, и своего

сына Ахмада ¹²¹. Но в эту Ассамблею Хомейни ввел всех шесть богословов-правоведов из Наблюдательного совета, пытавшихся подать в отставку. Учреждение Ассамблеи стало свидетельством подчинения норм ислама интересам государства. По словам М. Базаргана, это был «еще один гвоздь, вбитый в гроб конституции исламской республики, и триумф абсолютизма факиха» ¹²².

Между тем кризисная ситуация сохранялась. В начале сентября премьер-министр Мусави подал прошение об отставке. Оно не было принято президентом, а Хомейни публично отчитал Мусави за то, что тот в трудную для страны пору счел возможным обратиться с просьбой об отставке. В итоге Мусави взял свое заявление обратно ¹²³.

О продолжавшемся кризисе верхов свидетельствовало и заявление в октябре 1988 г. министра информации Мохаммади-Рейшахри о том, что в ИРИ разрешено возобновление деятельности политических партий, если эта деятельность не наносит ущерба национальным интересам, свободе и независимости страны и не противоречит исламским принципам ¹²⁴.

Это заявление было сделано в пору начавшихся массовых казней политических заключенных, находившихся в тюрьмах. К декабрю в стране было казнено свыше 5 тыс. политических противников режима, в том числе фактически все находившиеся в заключении руководители Народной партии Ирана (6 членов Центрального комитета и 30 руководителей первичных парторганизаций), многие ведущие деятели ОМИН и ОПФИН. Правящее духовенство отвергло требования ряда зарубежных стран прекратить массовые казни его политических противников ¹²⁵.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА (1980—1988)

Концептуальные и законодательные основы «исламской экономики»

Победа шиитского духовенства в борьбе с буржуазией за власть и становление теократического режима были бы невозможны или по крайней мере чрезвычайно затруднены без использования ими и их сторонниками как политических, так и экономических концепций «исламского пути» как одного из вариантов «третьего пути» развития.

Преобладание в правящих кругах режима в начальный период его становления сторонников мелкобуржуазных концепций «исламской экономики», или, что, пожалуй, вернее, сторонников необходимости использования этих концепций для завоевания политической власти, нашло отражение в характере конституции, принятой в декабре 1979 г. Экономические статьи конституции, по существу, содержат самые общие черты и правовые основы экономической модели «исламского пути» как мелкобуржуазной модели экономического развития.

Согласно конституции¹, «экономическая система Исламской Республики Иран основывается на трех секторах — государственном, кооперативном и частном, при упорядоченном и правильном планировании» (ст. 44). Конституцией определены границы государственного сектора: в него входят все важнейшие отрасли промышленности, включая тяжелую, внешняя торговля, крупные рудники, банковская система, страхование, электроэнергетика, крупные ирригационные системы, радио, телевидение, почта и телеграф, авиация, гражданский морской флот, автомобильные и железные дороги. «Кооперативный сектор — это кооперативные общества и кооперативные организации в сферах производства и распределения, создаваемые в городской и сельской местности в соответствии с нормами ислама». Частный сектор по ст. 44 дополняет экономическую деятельность государственного и кооперативного секторов.

Отнесение к государственному сектору важнейших отраслей промышленности и инфраструктуры позволяет говорить о том, что по крайней мере в период составления и принятия консти-

туции приоритет отдавался этому сектору. Отказавшись от «шахской модели» развития Ирана, сторонники «исламской модели» оставили в качестве основного фактора развития экономики госсектор, являвшийся и до революции 1978—1979 гг. главным фактором реализации экономической стратегии развития. При этом с национализацией крупной промышленности, банков и сферы страхования роль этого фактора еще больше возросла, хотя в конституции госсектор не назван ведущим.

По ст. 43 (§ 2), экономика ИРИ должна строиться так, чтобы не допустить ни сосредоточения капитала в руках одного человека или каких-либо групп людей, ни превращения правительства (государства) в единственного крупного работодателя с неограниченными правами. Именно в установлении ограничений в концентрации капитала в руках отдельных лиц исламский режим видит свое отличие от капитализма, а в ограничении госсектора — отличие от социализма.

Стремление режима законодательно ограничить рамки государственного сектора и размеры крупной собственности, а также включение кооперативного сектора в число основных экономических секторов свидетельствуют о том, что в конституции преобладают мелкобуржуазные концепции. Отражением их являются пункты, декларирующие предотвращение «эксплуатации чужого труда» (ст. 43, § 4), ограничение «экономических излишеств», что нашло выражение в запрещении «расточительства в какой бы то ни было сфере экономики, будь то сфера потребления, капиталовложений, производства, распределения или обслуживания» (ст. 43, § 16).

Наибольшей уступкой радикально-мелкобуржуазным тенденциям явилась, пожалуй, статья 49 конституции, открывающая возможность перераспределения крупной собственности в самых различных сферах экономики. Она предусматривает возможность конфискации богатств, приобретенных путем ростовщичества, взяточничества, азартных игр и другими незаконными путями, в числе которых названы, что очень важно, «злоупотребления при выполнении правительственных подрядов и сделок», и передачи конфискованного имущества либо «законным владельцам» (если оно было у них отнято, выиграно и т. п.), либо государству.

Конституцией одновременно провозглашается и «предотвращение эксплуатации чужого труда», и «запрещение монополий на различного рода предпринимательство» (ст. 43, § 4, 5), что практически означает признание приоритета мелкого производства. В то же время конституция не ограничивает частной собственности вообще, так как, по ст. 44, собственность всех трех секторов — а значит, и частного сектора — «в той степени, в какой она соответствует положениям других статей этого раздела конституции, и при условии, что она не выходит за рамки исламских законов и способствует развитию экономики страны, а также не наносит ущерба обществу, охраняется законом ис-

ламской республики». Неопределенность оговоренных ст. 44 условий, при которых различные виды собственности будут проявлять себя в конкретной ситуации, оставила возможность для сторонников различных моделей социально-экономического развития Ирана трактовать эту статью в своих интересах и послужила своеобразной юридической основой ожесточенной борьбы в государственном аппарате за конкретные пути осуществления экономической политики.

Нашел отражение в конституции и один из основных экономических принципов мелкобуржуазных и ряда буржуазных теорий «третьего пуги» развития — концепция децентрализации. Так, согласно ст. 48, «не должно быть дискриминации при использовании природных ресурсов и национального дохода на уровне провинций».

Еще более отчетливый мелкобуржуазный характер носит принятая в 1981 г. экономическая программа Партии исламской республики, которую, по крайней мере до роспуска ПИР, можно рассматривать в качестве официальной концепции экономического развития. Хотя в программе признается, что «собственность лиц или частных компаний на средства производства является основой для возникновения неравенства и для предотвращения подобных тенденций следует принять действенные меры»², в ней при этом содержится ссылка лишь на ст. 44 конституции, в которой говорится о трех формах собственности в виде разных секторов экономики. В программе ПИР более отчетливо выражена тенденция к созданию экономики, основанной на мелком производстве. «Функциональная основа нашей экономики, — говорится в программе, — такова, что частные предприятия будут мелкими и будут управляться одним лицом или несколькими лицами в форме акционерной компании, а работниками этих предприятий явятся или сами владельцы капитала, или свободные трудящиеся, у которых вознаграждение за труд будет пропорционально их фактической трудоотдаче...».

Мелкобуржуазный утопизм экономической концепции программы ПИР с особой отчетливостью раскрывается в суждениях, которые непосредственно следуют за приведенными выше. Так, в программе говорится, что упомянутые «свободные трудящиеся» в случае, «если они увидят, что подвергаются притеснениям и эксплуатации, могут, используя положения § 2 ст. 43 конституции, работать, располагая своим капиталом...»³. По мнению составителей программы, в результате этого частный сектор «никоим образом не сможет обрести господство ни над экономикой общества в целом, ни над рабочей силой, а конкуренция и конструктивное соревнование между тремя секторами — государственным, кооперативным и частным — будет как содействовать прогрессу экономики и расцвету творческих способностей, так и обеспечивать свободу экономической деятельности и одновременно предотвратит превращение государства в гигантского капиталиста»⁴. Утопизм этих суждений станет

очевидным в ходе последующего анализа экономической действительности ИРИ 80-х годов. Здесь отметим лишь его недвусмысленную исламскую окрашенность. Так, авторы программы ПИР продолжают: «...при использовании новых путей решения проблем и в соответствии с положениями ислама... эксплуатация, в каких бы формах она ни выступала, должна быть искоренена, без того чтобы был нанесен урон насущным экономическим свободам, установленным исламом»⁵. Итак, полная ликвидация эксплуатации...

В программе говорится о будущем, тем не менее в ней отчетливо прослеживается влияние раннеисламских воззрений на экономику, особенно в изложении общих принципов в разделах о предпринимательстве, связанном со сбором и обработкой плодов, охотой, ловлей рыбы, добычей полезных ископаемых, т. е. с теми областями хозяйственной деятельности, которые в период раннего ислама были ведущими. Основные положения экономической программы ПИР, как и экономические статьи конституции, находятся на том уровне абстрактности, который открывает возможность различного их толкования и использования в зависимости от соотношения классовых сил в структуре государственной власти.

Конституционные статьи, как и программа партии, которая до ее роспуска считалась правящей, представляют собой наиболее общие принципы экономической политики. Более конкретным ее проявлением является выработка законодательной основы.

Проекты новых законов начали разрабатываться еще в ходе формирования исламского режима. Однако из-за разногласий в правительстве и в меджлисе, между правительством и меджлисом, между правительством, меджлисом и Наблюдательным советом наиболее значительные и основополагающие для формирования социально-экономического курса законопроекты были отвергнуты. Некоторые же законопроекты претерпели в процессе их доработки и даже осуществления весьма серьезные изменения, характеризующие эволюцию экономического курса. Весьма показательны в этом смысле разработка, принятие и реализация аграрных законопроектов.

После отставки Базаргана, правительство которого выступало против изменения порядка землевладения, 27 февраля 1980 г. Исламским революционным советом был принят первый закон об аграрной реформе — «Закон о передаче и возрождении земель»⁶. Он предусматривал передачу безземельным и малоземельным крестьянам, выпускникам сельскохозяйственных училищ, а также всем желающим не только залежных, государственных, конфискованных у членов шахской семьи и их пособников земель, но и излишков земель крупных собственников. При этом крупной собственностью считался участок, если он более чем в три раза превышал средний для данной местности размер землевладения. У таких крупных собственников излиш-

жи обрабатываемых земель и вся необрабатываемая земля подлежали изъятию без выкупа. Таким образом, это был фактически закон о земельном переделе. Радикальность закона усугублялась тем, что в примечании 1 к нему приоритет в очередности отдавался распределению возделываемых государственных и конфискованных земель. Очередность перераспределения различных категорий земли по видам собственности — государственных и частных — законом не оговаривалась и зависела от деятельности местных комиссий, наличие же примечания 1 позволяло начать распределение с излишков обрабатываемых частных угодий.

Претворение этого закона в жизнь не могло не вызвать резкое противодействие крупных земельных собственников. Развернулась борьба против его осуществления и в правящих кругах. Противники закона выступили с его критикой, ссылаясь на то, что он противоречит принципу шариата о святости частной собственности. ИРС приостановил действие закона, в него были внесены изменения, и, хотя, по словам Хашеми-Рафсанджани, ИРС одобрил новую редакцию еще 18 марта 1980 г., официальное объявление о принятии закона оттягивалось до 15 апреля. Вместо безвозмездной конфискации излишков земель предусматривался выкуп, причем в первую очередь должны были распределяться ранее не обрабатываемые и пустующие земли. Частные обрабатываемые и орошаемые земли могли распределяться только при условии, если для наделения безземельных и малоземельных крестьян окажется недостаточно пустующих, заброшенных, необрабатываемых, государственных и конфискованных ранее земель.

Однако и при реализации закона в новой редакции возникли огромные затруднения. Попытки ограничить крупное частное землевладение в районах, где не было пустующих и конфискованных у противников режима земель, вызвали, как и в марте, упорное сопротивление собственников и отражающей их интересы части духовенства. Начало деятельности меджлиса первого созыва (лето 1980 г.) создало юридическую основу для приостановки действия и этого закона, что и было сделано в ноябре 1980 г. по личному указанию Хомейни.

Новый аграрный законопроект, который был передан на рассмотрение меджлиса в ноябре 1981 г., практически являл собой полную уступку земельным собственникам. Вводилась очередность в распределении земель: сначала — государственные залежные, затем — государственные обрабатываемые, конфискованные у собственников после революции, далее — частные необрабатываемые и в последнюю очередь — частные возделываемые земли. У частных собственников под раздел за выкуп попадали земли, превышающие тройную местную норму владения. Собственник крупного возделанного участка имел право оставить у себя тройную норму земли, если он сам был работником или непосредственно управлял хозяйством. Излишек обра-

батываемой земли распределялся среди крестьян на условиях аренды⁷. Законопроект был отклонен под предлогом, что он не вносил достаточной ясности в вопрос собственности на землю. Утвержденный меджлисом в декабре 1982 г. законопроект отличался от отклоненного лишь тем, что вносил изменения в порядок распределения излишков частных обрабатываемых земель. Эти излишки, по ст. 6, должны были выкупаться государством и распределяться затем между крестьянами. Однако примечание 1 к этой статье отдавало приоритет сдаче излишков земель в аренду — при взаимном согласии владельца земли и крестьянина. Новый законопроект, как и предыдущие, оставлял в неприкосновенности крупные (т. е. превышающие в три раза местную среднюю норму землевладения) механизированные хозяйства, земли частных животноводческих хозяйств, сады и питомники, несельскохозяйственные предприятия.

Порядок распределения земель оставался таким же, как в предыдущем законопроекте. Частные обрабатываемые земли могли быть распределены в последнюю очередь (ст. 10, § 1). Более того, указывалось (примеч. 3 к § 2 ст. 10), что «если будут распределяться залежные и пахотные земли при наличии целинных, свободных и государственных земель, то ответственные лица, занимающиеся распределением земель, будут преследоваться по закону и будут обязаны возместить причиненный ущерб», а при распределении излишков земель приоритет имеют дети владельца (примеч. 2 к § 2 ст. 10).

Однако даже в таком варианте, допускавшем возможность сокращения земельной собственности, собственности на сельскохозяйственные предприятия и сельскохозяйственное оборудование (которые, по ст. 7, «сверх законных потребностей владельца... подлежат сдаче в аренду или продаже»), этот законопроект так и не стал законом. В январе 1983 г. он был отклонен Наблюдательным советом как противоречащий нормам шариата и положениям конституции.

По негласному указанию Хомейни действие созданных ранее местных комиссий (из семи членов), занимавшихся распределением земель, весной 1984 г. вообще было прекращено.

В 1984 г. был подготовлен новый законопроект. Он предусматривал выкуп части земель у крупных владельцев и продажу их уже не безземельным и малоземельным крестьянам, а тем, кто «способен вести хозяйство», иными словами, владельцам хозяйств, отличающихся высокой производительностью и занимающим относительно большую земельную площадь. Этот же законопроект предусматривал укрупнение хозяйств путем частичного перераспределения земельных участков, которые принадлежат одному владельцу, но расположены в разных местах. Законопроект был также отклонен.

Наконец, в ноябре 1986 г. меджлис утвердил законопроект, приостановивший передел земли, но признавший законность перераспределения, которое было проведено ранее.

Постепенное снижение радикальности аграрных законопроектов, несомненно, отражало тенденцию к изменению экономического курса, переориентацию его с мелкобуржуазного подхода к буржуазному.

Еще более острая борьба сопровождала судьбу законопроекта об огосударствлении внешней торговли. После долгих дискуссий в период обсуждения проекта конституции ИРИ внешняя торговля была включена, как уже отмечалось, в перечень отраслей, входящих в ведение госсектора.

В конце декабря 1979 г. ИРС принимает решение о необходимости принятия закона об огосударствлении внешней торговли.

Для пришедших к власти клерикалов идея огосударствления внешней торговли, через которую в условиях ориентированности иранской экономики на внешний рынок аккумулировалась большая часть валютно-финансовых средств, должна была казаться весьма заманчивой. К этому добавлялись сложившаяся к концу 1979 г. внутренняя обстановка и международная ситуация. Захват американских заложников и последовавшая за этим экономическая блокада Ирана западными странами, упадок собственного промышленного производства, переставшего получать необходимые для функционирования импортные компоненты, требовали введения жесточайшего контроля над внешнеторговыми операциями. Однако разработка законопроекта сразу же натолкнулась на сопротивление крупных оптовых торговцев. Используя острую нехватку потребительских товаров и товаров производственного назначения, этот слой сумел, закупаая импортные товары и продавая их по повышенным ценам, получать огромные барыши. Доля частного сектора в импорте страны значительно выросла по сравнению с дореволюционным периодом. Так, за 9 месяцев 1977/78 г. частный сектор ввез товаров на 5,5 млрд. долл. (45% всего импорта), за тот же период 1978/79 г. — 4,7 млрд. долл. (69%), за 9 месяцев 1980/81 г. — 8 млрд. долл. (81%)⁸. Сторонники огосударствления внешней торговли объясняли ее необходимость не только экономическими, но и политическими причинами, так как, «осуществляя более 90% импорта из семи империалистических стран, крупные торговцы стремятся к сохранению и расширению связей с империалистическими монополиями»⁹.

В марте 1980 г. ИРС одобрил проект закона об огосударствлении внешней торговли. Однако избранный в мае 1980 г. меджлис дважды его отклонил (в декабре 1980 г. и в марте 1981 г.). В ноябре 1981 г. был разработан новый законопроект.

За принятие закона высказался депутат меджлиса, толкователь законов шариата и председатель суда по делам профессий ходжат оль-эслам Наземзаде. «Огосударствление, — сказал он, — закроет каналы проникновения в сферу торговли иностранного капитала и связанных с ним торговцев... Если импортером станет государство, прибыль будет принадлежать все-

му народу. Став импортером, государство будет осуществлять торговую деятельность через кооперативные общества, и никому не будет позволено ввозить товары и продавать их или, скрывая товары, предлагать их населению по возросшим ценам...»¹⁰.

При обсуждении законопроекта в меджлисе наибольшие возражения вызвала уже не сама идея огосударствления внешней торговли, а включение в него разделов о порядке распределения импортных товаров через государственные центры торговли. И хотя ходжат оль-эслам Наземзаде говорил, что, «если внешняя торговля будет огосударствлена, но не будут созданы соответствующие каналы для распределения товаров внутри страны, мы снова будем свидетелями погони за прибылями, спекуляции и торговли через посредников», это уже не так пугало членов меджлиса, как год-два раньше. К 1982 г. накопился опыт работы с торговыми государственными центрами, которые взрастили целый слой новых миллионеров¹¹. Именно поэтому менее радикальный законопроект был наконец-то одобрен меджлисом в мае 1982 г.

Тем не менее Наблюдательный совет отклонил вотируемый парламентом закон. Даже самой малой возможности ужесточения контроля над деятельностью крупного торгового капитала, возможности контроля над начавшим активизироваться частным промышленным предпринимательством, нуждающимся в импорте капитальных и промежуточных товаров, оказалось достаточно, чтобы закон не был утвержден высшей контрольной инстанцией. Выяснилось, что вроде бы вполне лояльная по отношению к собственникам экспортного товара формулировка законопроекта о том, что каждый может вывозить все, что захочет, но при этом должен сначала продать свой товар государству, противоречит исламу, так как тем самым ограничивается право граждан на собственность, приобретенную законным путем. Наблюдательный совет был готов согласиться лишь на то, что «часть внешней торговли должна находиться в руках государства». Полное же огосударствление внешней торговли может превратить государство «в единственного крупного предпринимателя с неограниченными правами» в области торговли, а это противоречит конституции и исламу.

Ожесточенная борьба развернулась и вокруг вопроса о налогообложении. Пересмотр действовавшей системы налогообложения стал особенно необходимым в связи с падением мировых цен на нефть, хроническим дефицитом платежного баланса, бюджетным дефицитом. По данным управляющего Планово-бюджетной организацией, в 1983/84 г. в государственную казну поступило от частных предпринимателей всего 22 млрд. риалов в качестве прямых налогов, в то время как от лиц, занятых в госсекторе и получающих фиксированную заработную плату, — 59 млрд. риалов, т. е. почти в 2,7 раза больше. За I квартал 1984/85 г. налоги с частных предпринимателей составили

5,3 млрд. риалов, а с лиц, получающих заработную плату, — 15,9 млрд. риалов, т. е. в 3 раза больше.

По оценкам сотрудников министерства экономики, свободных предпринимателей насчитывалось в 1983/84 г. около 2,5 млн., налоги же платило около 1 млн. человек¹². Однако попытка увеличить налогообложение предпринимателей, особенно в торговле, встретила яростное сопротивление. Против нее прежде всего выступил базар. Аятолла Гольпаегани даже издал фетву, в которой уплату налогов объявил противоречащей шариату.

Понадобилось личное вмешательство Хомейни, выступившего в защиту правительственных мер по изменению системы налогообложения. Тем не менее в разработанном министерством экономики законопроекте размеры налогов, налагаемых на торговцев, должны были определяться не министерством, а комиссией, в состав которой должны входить помимо представителя министерства представитель «Общества борющегося духоинства Тегерана» и представитель купечества¹³.

В 1980—1984 гг. меджлису были представлены различные варианты законопроектов, касающихся порядка деятельности частных предприятий, государственного сектора и кооперативных организаций, а также первый план развития. Принят был лишь один — «О границах и характере производственной деятельности частного сектора» (в конце 1982 г.)¹⁴.

Хотя в целом статьи законопроекта носят весьма абстрактный характер, некоторые из его положений, однако, можно расценить как узаконивание в хозяйственной деятельности приоритета мелких предприятий. Так, ст. 2 определяет допустимое минимальное число членов частной компании или кооператива в «два или несколько» и при этом не указывает допустимого максимума, который могут составить эти «несколько участников». Согласно ст. 5 законопроекта, деятельность частного сектора является свободной во всех отраслях, не отданных государственному сектору.

В соответствии со ст. 154 «каждый член ширкета, независимо от количества принадлежащих ему акций, обладает не более чем одним голосом». Это положение можно рассматривать либо как ограничение прав акционеров в коммерческих компаниях капиталистического типа (так как оно является одним из важнейших принципов, отличающих кооперативные общества от компаний других типов), либо как попытку ограничить появление акционерных компаний. Видимо, наличие этой статьи в какой-то мере явилось причиной того, что закон был отклонен Наблюдательным советом.

Не стал законом и разработанный Планово-бюджетной организацией и утвержденный в августе 1982 г. Высшим экономическим советом правительства первый пятилетний план социально-экономического и культурного развития ИРИ. Основанием для его отклонения явилось то, что он не содержал

должного обоснования практики поддержки мелких сельскохозяйственных и промышленных предпринимателей.

В числе отвергнутых оказались как законопроекты, разработанные в первые годы существования ИРИ и отмеченные влиянием мелкобуржуазных взглядов на экономическое развитие Ирана, так и более поздние, носившие, по существу, буржуазный характер. Это свидетельствует о продолжающейся борьбе двух тенденций в экономических воззрениях правящих кругов — мелкобуржуазной, все еще претендующей на роль ведущей, и чисто буржуазной. Это привело к тому, что в области экономического законодательства, по выражению премьер-министра М. Мусави, образовался «обширный экономический вакуум».

Невозможность практического осуществления при достигнутом уже Ираном уровне экономического развития капитализма экономических принципов раннего ислама все более осознается правительством. В интервью газете «Кейхан» М. Мусави заявил: «С течением времени и в силу рождающегося сейчас реализма мы сможем перейти к составлению более реальных законов»¹⁵.

В период работы меджлиса второго созыва разногласия между правящими центрами режима по вопросам экономической политики еще более обострились. Только за первые полгода деятельности меджлиса его депутатами было подано в правительство около 600 запросов.

Наблюдательный совет и часть депутатов меджлиса выступали за законодательное обоснование «исламской экономики», за применение содержащихся в Коране и шариате экономических категорий в современной действительности, заявляя, что «независимо от субъективных факторов исламская экономическая система на любом временном отрезке должна основываться на коранических принципах»¹⁶. Однако вряд ли можно объяснять данную позицию только консерватизмом мышления, так как благодаря использованию именно этих принципов духовенству удалось обосновать передачу части конфискованной крупной собственности и собственности, выкупленной у иностранных компаний, исламским фондам.

Другие группировки в меджлисе, столь же широко используя исламскую терминологию, но при этом ссылаясь на то, что «ислам не предусматривает конкретной модели экономического развития»¹⁷, все решительнее поддерживали правительство и настаивали на выработке законодательной основы, приближенной к конкретным задачам экономического развития. В этой борьбе все более заметно укреплялись позиции сторонников новых предпринимательских кругов, для которых правовые основы дореволюционного периода более приемлемы, чем «исламские».

Экономическая жизнь Ирана в 80-е годы протекала под сильным воздействием таких внутренних и внешних факторов, как мировой экономический кризис середины 70-х годов, революционные выступления 1978—1979 гг., изменение характера власти и экономического курса в стране, экономическая разруха, экономическая блокада Ирана империалистическими странами в 1980 г., начавшаяся в сентябре 1980 г. ирано-иракская война, непрекращающаяся борьба за власть между различными группировками духовенства.

Валовой внутренний продукт, достигший в 1977/78 г. 3742,6 млрд. риалов (53 млрд. долл.) и сократившийся к марту 1979 г. до 3198,5 млрд. риалов (45,3 млрд. долл.), упал в 1980/81 г. до 2563,4 млрд. риалов (36,3 млрд. долл.), составив лишь 68,5% уровня 1977/78 г.¹⁸ Население страны за тот же период возросло с 34,6 млн. до 37,7 млн. человек¹⁹, что привело к сокращению ВВП в расчете на одного человека со 108,2 тыс. риалов (1,5 тыс. долл.) в 1977/78 г. до 68 тыс. риалов (960 долл.) в 1980/81 г. (т. е. до 63,5% уровня 1977/78 г.)²⁰.

С 1981/82 г. падение ВВП приостановилось: в этом году он составил 2639,4 млрд. риалов, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 3%. В 1983/84 г. ВВП оценивался в 3417,8 млрд. риалов (39,6 млрд. долл.)²¹, т. е. увеличился по сравнению с 1981/82 г. уже на 29,5%. Однако с 1985/86 г. ВВП стал снова падать. При этом темпы роста населения в период с 1976 по 1986 г. превысили аналогичные темпы не только предыдущего десятилетия, но и периода 1956—1966 гг., считавшегося пиком демографического роста в Иране. Среднегодовые темпы прироста населения в 1966—1976 гг. составляли 2,71%, а в 1976—1986 гг. — 3,97%. Численность населения достигла в ноябре 1986 г. 49,8 млн. человек²².

Основное воздействие на экономическое состояние страны, особенно на формирование бюджетных поступлений, оказывали доходы от нефти. В формировании ВВП нефть составляла в 1977/78 г. 36,6%. Падение ВВП в 1980/81 г. по сравнению с 1977/78 г. на 1179,2 млрд. риалов (16,7 млрд. долл.) было обусловлено сокращением вклада именно нефтяного сектора в формирование ВВП — на 1032,2 млрд. риалов, или на 14,6 млрд. долл. (с 1362,7 млрд. риалов, или 19,3 млрд. долл., в 1977/79 г. до 330,5 млрд. риалов, или 4,7 млрд. долл., в 1980/81 г.)²³.

Поступления (в текущих ценах) от экспорта нефти в 1980/81 г. упали до 10,6 млрд. долл., т. е. уменьшились по сравнению с 1976/77 г. почти в 2 раза. В результате этого дефицит платежного баланса к началу 1981 г. превысил 4 млрд. долл. Выступая в меджлисе второго созыва в 1984 г., премьер-министр Мусави признал, что в конце 1980 — начале 1981 г. «одной из серьезнейших проблем, которая действительно угрожала суще-

ствованию правительства и нашего строя, было снижение до опасного уровня валютных запасов страны»²⁴.

Образованное в конце 1979 г. министерство нефти стало продавать крупные партии нефти на свободном рынке путем одnorазовых сделок. Запрет правительства США на импорт иранской нефти, введение в 1980 г. экономических и политических санкций и присоединение к ним европейских стран заставили Иран расширить географическую структуру нефтяного экспорта. Увеличились поставки сырой нефти в социалистические страны. Рост добычи и экспорта нефти начиная с 1982 г. обеспечил Ирану возможность выхода из глубокого экономического кризиса. Несмотря на разрушение в результате ирано-иракской войны ряда объектов нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности и несмотря на первоначально провозглашенную стратегию сокращения добычи нефти, Иран продолжал наращивать ее добычу и экспорт, разведку и освоение новых месторождений. Освобождение американских заложников, подписание в 1981 г. Алжирского соглашения (по урегулированию финансовых споров между ИРИ и США) вызвали оживление внешнеэкономических связей капиталистических стран с Ираном. Особенно увеличился экспорт иранской нефти в эти страны. Поступления от экспорта нефти стали расти: в 1982/83 г. они увеличились до 21,8 млрд. долл., в 1983/84 г. составили 21,2 млрд. долл.²⁵. Уже в 1982/83 г. платежный баланс был сведен с положительным сальдо в 5,7 млрд. долл.²⁶.

С 1984 г. конъюнктура для иранской нефти снова ухудшилась: сначала и в связи с «танкерной» войной в Персидском заливе, а затем и в связи с падением цен на мировом рынке. Если в 1982 г. (по европейскому календарю) экспорт нефти из Ирана составлял 1,8 млн. барр. в сутки, то в 1983 г. — 1,75 млн., в 1984 и 1985 гг. — по 1,45 млн., в 1986 г. — 1,2 млн. барр. Особенно резко упали доходы от экспорта нефти — с 20 млрд. долл. в 1983 г. до 5 млрд. в 1986 г. (даже в 1980 г., в период экономической блокады, при экспорте нефти в 1,1 млн. барр. в сутки, т. е. меньшем, чем в 1986 г., Иран получил 13,5 млрд. долл.). Уменьшение доходов от экспорта нефти, являющихся основным источником бюджетных поступлений, привело к росту внутренней государственной задолженности. Поступления в бюджет на 1983/84 г. планировались в размере 3731 млрд. риалов, а на 1986/87 г. — уже в 3167 млрд. При этом поступления в бюджет от нефти сократились с 1585 млрд. риалов в 1983/84 г. до 1189 млрд. в 1985/86 г. и 417 млрд. в 1986/87 г., а использование внутренних займов возросло с 695 млрд. риалов в 1983/84 г. до 1284 млрд. в 1986/87 г.²⁷.

По рейтингу «Евромани», основывающемуся на таких критериях валютно-финансового положения страны, как состояние внешней задолженности, доступ к международным рынкам капитала и степень политического риска, Иран занимал в 1982 г. лишь 107-е место, а в 1983 г. — 102-е место среди 116 стран. По

рейтингу «Инститьюшнл Инвестор», критериями которого являются платежеспособность страны, ее текущая и потенциальная возможности погашения кредитов, ИРИ занимала в 1983 г. 84-е, а в 1985 г. 79-е место среди 106 стран²⁸.

Помимо сокращения нефтяного экспорта крайне негативное влияние на экономическое положение страны оказывала война с Ираком. На ее ведение ежегодно выделялось 13—14% бюджетных средств. Кроме того, до 5% средств из бюджета развития направлялось на восстановление предприятий, разрушенных во время военных действий. Министерство планирования оценивало размер ущерба, нанесенного войной Ирану, по состоянию на 22 сентября 1985 г., в 24 730 млрд. риалов, или в 309 млрд. долл. Более половины суммы ущерба приходится на нефтяной сектор²⁹.

Из-за разрушения Абаданского нефтеперерабатывающего завода Иран был вынужден импортировать нефтепродукты и вкладывать значительные средства в реконструкцию действующих заводов. До 20% вывозимой нефти поставлялось на нефтеперерабатывающие заводы Южной Кореи, Испании и других стран с целью получения нефтепродуктов для Ирана. К 1987 г. были выведены полностью из строя нефтеперерабатывающие заводы в Абадане и Керманшахе, частично повреждены в Тегеране, Тебризе и Исфахане.

Было приостановлено сооружение важнейших экономических объектов, расположенных в районах боевых действий, в том числе Ахвазского сталелитейного комплекса и нефтехимического комплекса в Бендер-Хомейни.

Колоссальный рост военных расходов тормозил восстановление промышленного потенциала и преодоление кризиса в промышленности, начавшегося в середине 70-х годов и обострившегося из-за событий 1978—1979 гг.

Разработанная в 1987 г. министерством промышленности стратегия промышленного развития, являющаяся конкретизированной частью утвержденного меджлисом в январе 1986 г. плана социально-экономического развития Ирана, исходит из следующих основных задач: модификации сложившейся структуры производства, направленной на сокращение производственных затрат, особенно инвалютных, повышения качества продукции, завершения строительства предприятий, начатого до 1987 г.³⁰. Приоритеты в государственном финансировании, особенно в иностранной валюте, имеют химическая, сахарная, цементная, фармацевтическая отрасли, производство молочных продуктов, особенно детского питания, кормов для животноводства³¹.

Одним из главных факторов, сдерживающих промышленное развитие, является сохраняющаяся зависимость иранской промышленности от внешнего рынка при ограниченности валютных резервов, отвлекаемых на военные нужды. Несмотря на все попытки, главным образом через лицензионную, кредитную и налоговую политику, уменьшить зависимость промышленности от

внешнего рынка, крупные промышленные предприятия в 1984/85 г. затратили на закупку оборудования, сырья и полуфабрикатов 344 млрд. риалов, т. е. на 35% больше, чем в 1983/84 г., и на 41% больше, чем в 1982/83 г. При этом в условиях сокращения темпов нового промышленного строительства подавляющая часть валютных средств расходовалась на покупку не оборудования, а сырья и полуфабрикатов, необходимых для работы построенных ранее с помощью иностранного капитала предприятий³².

Многие предприятия были вынуждены переориентировать свое производство, сократить его или закрыться. Число зарегистрированных и действующих предприятий капиталистического сектора (с числом занятых 10 и более), которое с 1979/80 по 1981/82 г. выросло с 4502 до 7531, после 1981/82 г. стало уменьшаться: в 1982/83 г. оно составило 6917, в 1983/84 г. — 6775, в 1984/85 г. — 6596³³.

За годы существования исламского режима в промышленном производстве страны еще более, чем до революции, усилились позиции госсектора, что отвечало и идеологическим представлениям лидеров режима об экономике исламского общества, и практическим целям государства, получившим возможность переориентировать экономику для удовлетворения военных нужд.

Из 7513 крупных предприятий обрабатывающей промышленности, действовавших в 1984/85 г., в ведении государственных организаций и исламских фондов находилось 1026 предприятий, из них 177 — пищевой промышленности (из общего числа 1029), 179 — текстильной (из 1252), 54 — деревообрабатывающей (из 212), 47 — бумажно-полиграфической (из 244), 137 — химической (из 596), 214 — металлообрабатывающей (из 2964), 24 — металлургической (из 82 предприятий)³⁴. Госсектор был представлен наиболее крупными предприятиями. В 1983/84 г. государственные предприятия, составлявшие 13,8% общего числа крупных предприятий обрабатывающей промышленности, давали 68,8% промышленной продукции. На них работало 67,2% всех занятых в промышленности³⁵.

Из 109 крупных и 1197 мелких рудников, шахт и карьеров, насчитывавшихся в 1984/85 г., 166 принадлежали государственному сектору, в том числе 91 — министерству металлургии и рудников, 34 — «Созидательному джихаду», 11 — Фонду обездоленных, 30 — Исламскому жилищному фонду; они давали более 30% продукции отрасли³⁶.

Часть конфискованных предприятий, учитываемых статистикой в рамках государственного сектора, принадлежит исламским фондам. Самым крупным из исламских фондов, располагающих промышленной собственностью, является Фонд обездоленных, имущество которого оценивалось в 1986 г. в 481 млрд. риалов³⁷. Ему принадлежат такие крупные предприятия, как шинный завод «Дженерал Тайер», «Алиаф», «Пласкокар», «Ирна». В 1985/86 г. 20 текстильных предприятий Фонда обеспечи-

вали 15% потребностей страны в тканях³⁸. В 1986 г. при Фонде была образована экспортная компания «Сафа» с отделением в ФРГ, занимающаяся экспортом промышленной и сельскохозяйственной продукции, минерального сырья рудных концентратов³⁹.

Развитие частного сектора в промышленности в значительной мере сдерживалось, особенно в первые послереволюционные годы, отсутствием законодательных границ его деятельности, боязнью национализации, провозглашением в качестве официального курса стратегии ограничения крупного производства и поддержки мелкого. Снижение деловой активности наглядно проявилось в уменьшении числа регистрируемых компаний. Если в 1977/78 г. в городах страны было зарегистрировано 4534 компании с капиталом 64,6 млрд. риалов, то в 1979/80 г. — 3489 компаний с капиталом 15,9 млрд. риалов⁴⁰.

С 1981 г. наметился весьма заметный перелом в отношении правительства и правящего духовенства к частному сектору. Был проведен ряд мероприятий по его «оживлению» (через кредитование, лицензионную политику и т. п.). Это не могло не дать уже в указанном году определенные результаты. Хотя в общей сумме валовых внутренних вложений в оборудование доля частного сектора значительно уступала доле госсектора (в 1977/78 г. она составляла 52,5%, а в 1981/82 г. — лишь 36,6%), в строительстве она значительно превысила долю государственных вложений (в 1977/78 г. — 37,6%, в 1981/82 г. — 53,1%)⁴¹.

Оживление частной предпринимательской деятельности выразилось и в росте числа лицензий, выдаваемых на строительство и на ввод в эксплуатацию уже сооруженных предприятий. В 1979/80 г. было выдано всего 144 лицензии на строительство новых и расширение действующих предприятий, в 1983/84 г. — 2066 лицензий на строительство и 690 — на ввод в эксплуатацию⁴². В среднем на одно предприятие, строительство которого было разрешено, приходилось 28,5 млн. риалов капиталовложений и около 12 занятых. Не отличались от них и предприятия, вводимые в эксплуатацию. Таким образом, расширение частного сектора шло главным образом за счет среднего и мелкого предпринимательства (в 1976/77 г. средний капитал вновь построенных объектов составлял 180 млн. риалов).

Несмотря на то что правящий режим законодательно не ограничивает крупного предпринимательства, он официально провозгласил поддержку мелкого производства в качестве своего основного курса. В значительной мере это объясняется меньшей зависимостью мелких и средних предприятий от импортных компонентов по сравнению с крупным производством. При выдаче лицензий главным критерием является уровень зависимости новых предприятий от импортных поставок. Условием выдачи разрешений на строительство предприятий по производству потребительских товаров была определена их обеспеченность отечественным сырьем на 85%, по производству капитальных товаров — на 70%⁴³.

Развитие частной промышленности сдерживалось в 1985—1987 гг. не только недостаточной активностью предпринимателей, но и нехваткой у государства валютных средств. Так, в 1986/87 г. министерство промышленности из 84 заявок на строительство предприятий по выпуску детского питания удовлетворило только 5, из 12 заявок на сооружение заводов по производству листового стекла — только 2, при 12 заявках на создание шинных заводов выдало лишь 4 лицензии⁴⁴.

Деятельность частных предприятий независимо от их размеров, если она ориентирована на местное сырье и на экспорт готовой продукции, всячески поощрялась. Было принято решение о продаже частному сектору ряда государственных предприятий, в том числе национализированных, о продаже акций государственных предприятий с правом первоочередного приобретения их работниками этих предприятий. При проведении судебных разбирательств по поводу возвращения ранее национализированной собственности бывшим владельцам выявилась четкая позиция режима, связывавшего конфискацию имущества только с лояльностью. Ряд крупных предприятий (например, «Каретехник», «Рошнаи джар») был возвращен их прежним владельцам.

Тем не менее практическая деятельность режима в 80-е годы в наибольшей степени отвечала интересам мелкого и среднего, а не крупного предпринимательства. Большинство лидеров режима продолжают рассматривать частный сектор преимущественно как мелкое и среднее производство. Особенно отчетливо проявляется такая ориентация в правительственных кругах. Значительно расширены права Организации мелкой промышленности, охватывающей своей деятельностью предприятия с числом занятых до 50. В составе министерства промышленности действует Ремесленная организация, предоставляющая кредиты ремесленникам и кооперативам кустарей, организующая сбыт продукции и поставки сырья. В министерстве тяжелой промышленности разработана программа создания мелких производств и размещения на действующих заводах крупных государственных заказов. Владельцы мелких предприятий освобождены от взносов в фонды страхования рабочих.

Поощряя мелкое и среднее предпринимательство, правящий режим объективно способствует ускорению втягивания его в капиталистические производственные отношения и росту занятости.

В экономике ИРИ немаловажное место заняла кооперация, образующая, согласно конституции, один из трех основных секторов исламской экономики. Кооперативные организации пользуются значительными льготами при регистрации, кредитовании, освобождены от налогов (кроме заготовительно-распределительных кооперативов). В приграничных зонах создаются специальные кооперативы, для которых облегчены правила вывоза и ввоза товаров.

В 1984/85 г. в стране насчитывалось 3104 сельских многоцелевых кооператива, объединявших 3,9 млн. крестьян⁴⁵.

Наибольшее распространение получила за годы исламского режима городская кооперация. В 1984/85 г. в городах действовало более 13 тыс. кооперативов с 4,2 млн. членов. Практически каждая семья в Иране связана с деятельностью кооперативов различного вида.

Широкое развитие получили кооперативные формы торговли. Помимо 2,3 тыс. рабочих потребительских кооперативов в городах в 1984/85 г. действовало 2,5 тыс. аналогичных кооперативов с 2,6 млн. членов⁴⁶. В среднем каждый такой кооператив обслуживал более тысячи человек.

В оптовой торговле действуют заготовительно-распределительные кооперативы, самые крупные по размерам аккумулируемого в них капитала. Из 111,3 млрд. риалов оплаченного капитала кооперативов всех видов на долю сельских приходилось 25,9 млрд. риалов, городских — 83,3 млрд., в том числе на долю заготовительно-распределительных — 59,7 млрд. риалов⁴⁷. Через кооперативы этого типа, объединяющие оптовых и розничных торговцев, распределяются товары, получаемые и от частных поставщиков, и от государственных, главным образом от торговых центров, осуществляющих импорт товаров.

Уже в начале 1982 г. в суд по делам гильдий поступили материалы, обвинявшие кооператив по распределению металла в продаже этого товара на «черном рынке» и в «злоупотреблениях на несколько миллионов»⁴⁸. Наземзаде, председатель суда по профессиям, заявил в меджлисе, что «некоторые из этих импортеров и комиссионеров», в том числе брат министра торговли Асгароулади, «оказали давление на ряд судебных органов, чтобы избежать наказания»⁴⁹. Газета «Кар» писала, что «крупные торговцы, организовав распределительные кооперативы с помощью министерства торговли, забрали в свои руки распределение импортных товаров и товаров местного производства и продают их на черном рынке по вздутым ценам»⁵⁰.

Кооперативы торговцев, успевшие достаточно укрепить свое положение и наладить связи с определенными кругами бюрократического духовенства, начинают сопротивляться государственному контролю. В 1984 г. правительство по требованию кооперативов разрешило им при условии погашения кредитной задолженности государству выходить из состава государственной Организации центров по расширению услуг, которая осуществляла координацию совместной деятельности кооперативов и торговых центров.

Отвлечение средств на ведение войны значительно сужало возможности режима поддерживать частный сектор. Сосредоточение в руках государства основных экономических рычагов, в том числе промышленного производства, введение государственного регулирования цен в условиях резкого ограничения импорта имеет следствием, как и при прежнем режиме, серьезное

нарушение рыночных отношений, тормозившее развитие «бширь» и послужившее одной из причин ломки шахского хозяйственного механизма.

Развитие сельского хозяйства в первой половине 80-х годов происходило преимущественно в рамках социально-экономической структуры, сложившейся в 70-е годы.

Хозяйства, имевшие собственную землю, к середине 70-х годов распределялись следующим образом: 34,5% крестьян владели участками менее 1 га, 14,7% — от 1 до 2,9, 23,5% — от 3 до 5,9, 18,7% — от 6 до 10, 8,6% — от 10 до 50 га⁵¹. Лишь четверть крестьянских хозяйств давала товарную продукцию, так как в иранских условиях минимальный размер земельной площади, позволяющий не только обеспечить землевладельца сельскохозяйственной продукцией и семенами, но и дать товарную продукцию, равен 7 га. Крупные частные хозяйства капиталистического типа составляли всего 1% всех хозяйств, располагая 12,5% обрабатываемых земель.

Распределение в первые годы после революции конфискованных земель практически не изменило структуры землевладения. В 1982/83 г. число хозяйств, имевших в собственности менее 1 га, понизилось лишь до 32,5%; удельный вес хозяйств, владеющих от 1 до 5 га, составил 38,8%, от 5 до 25 га — 26,6, более 25 га — 2,1%; кроме того, в деревнях (без Курдистана и Западного Азербайджана) насчитывалось 498,1 тыс. безземельных семей⁵², или 15,7% всех сельских семей.

В результате отклонения аграрных законопроектов распределение излишков обрабатываемых земель (принадлежащих крупным собственникам) было приостановлено, а залежные и пустующие земли стали предоставляться не в собственность, а во временное пользование. Таких земель к концу 1984/85 г. было передано крестьянам более 800 тыс. га⁵³. В соответствии с законопроектом, принятым в 1986 г. меджлисом, но не получившим одобрения Наблюдательного совета, они де-факто перешли в постоянное пользование. Поощрялось кооперирование крестьянства.

Не идя на радикальное изменение сложившейся системы землевладения, режим в своей аграрной политике делает упор на проведение мероприятий общесоциального значения, а также (как и при шахском режиме) на повышение технико-экономического уровня сельского хозяйства.

Главной целью аграрной политики является повышение товарности путем стимулирования сдачи государству сельскохозяйственной продукции, в первую очередь пшеницы. Неоднократно повышались закупочные цены. В условиях растущего дефицита на внутреннем рынке товаров современного спроса в 1986—1987 гг. широко практиковалась система поощрительных вещевых премий⁵⁴. В условиях роста сбора пшеницы (в 1984 г. — 4500 тыс. т, в 1985 г. — 5300 тыс., в 1986 г. — 5950 тыс., в 1987 г. — 7100 тыс. т)⁵⁵ это принесло ощутимые ре-

зультаты: в 1984/85 г. государственные закупки составляли 1,3 млн. т, в 1985/86 г. — 2 млн., в 1986/87 г. — 2,3 млн. т ⁵⁶.

Отсутствие необходимых данных не позволяет с такой же полнотой проследить динамику сельскохозяйственного производства. Отметим лишь, что в 1983/84 г. объем условно-чистой продукции в этой отрасли (в ценах 1974/75 г.) составил 429 млрд. риалов против 436 млрд. в 1982/83 г. Практически все это снижение пришлось на растениеводство, где производство сократилось с 246,2 млрд. до 239,5 млрд. риалов ⁵⁷.

Основными препятствиями для роста сельскохозяйственного производства остаются нерешенность земельного вопроса и крайняя раздробленность хозяйств. В 1984 г. почти 75% всех земледельческих хозяйств страны давали лишь 30% товарного зерна, тогда как на долю остальных 25% хозяйств приходилось 70% ⁵⁸. Среднемесячный уровень доходов 72% семей в сельских районах Ирана составлял в 1982/83 г. менее 20 тыс. риалов, т. е. был ниже официального прожиточного минимума ⁵⁹. Миграция сельского населения в города, приостановившаяся после революции, вновь увеличилась, что наряду с замедлением темпов крупного промышленного производства ведет к разбуханию традиционных отраслей экономики, к обострению социальной напряженности.

Рост миграции в 1983—1985 гг. вызвал дальнейшее обострение жилищной проблемы. По оценке министерства городского и жилищного строительства, в 1981/82 г. в улучшении жилищных условий нуждалось около 2 млн. семей ⁶⁰, т. е. почти каждая четвертая семья. Началось разрастание трущоб, становящихся прибежищем для безработных. Уровень безработицы среди городского населения увеличился, по оценкам, до 3,3—4 млн. человек ⁶¹.

Продолжала расти инфляция. По официальным данным, ее уровень составлял 12—13% в год; реальная же инфляция, если учитывать рыночные цены, превышала 35%. По данным журнала «Экономист», в 1987/88 г. инфляция составила примерно 40—50% ⁶². Цены на свободном рынке нередко превосходили цены на продукты, выдававшиеся по карточкам, в 10 раз ⁶³. Индекс оптовых цен (по отношению к 1974/75 г., принятому за 100), составлял: в 1978/79 г. — 149,9, в 1979/80 г. — 179,6, в 1980/81 г. — 234,3, в 1983/84 г. — 358,0, в 1984/85 г. — 385,2, в 1985/86 г. — 406,2, в июне 1986/87 г. — 464,9 ⁶⁴.

В 1980—1985 гг. режим пытался ослабить рост недовольства неимущих слоев населения, остановить падение жизненного уровня как повышением заработной платы рабочим, так и «подкармливанием обездоленных» через различные исламские фонды. В 1985 г. минимальная заработная плата была повышена с 635 до 720 риалов в день — из расчета среднегодового темпа инфляции 12,8% ⁶⁵. Однако, как указывалось выше, реальные темпы инфляции более чем втрое превышают официальный уровень, в результате чего реальная заработная плата продол-

жала падать. При этом около 22% всех рабочих страны, по сообщению министра труда и социальных дел, получали зарплату ниже минимального прожиточного уровня семьи из четырех человек⁶⁶.

Фабрично-заводской пролетариат с эскалацией военных действий все чаще стал сталкиваться с угрозой отправки на фронт и потери работы. Особенно напряженная обстановка сложилась на автомобильных заводах, где занято около 40 тыс. человек⁶⁷ и где бесперебойность работы почти целиком зависит от импортных поставок. В октябре 1987 г. забастовку провели рабочие завода «Хавар», требуя выплаты премий за последние два года; останавливались «Иран насионал», «Сайпа»⁶⁸. Настаивали на возвращении на работу рабочие компании «Ардж», которые, вернувшись на завод по отбытии шестимесячной службы на военном производстве, не были приняты обратно на работу⁶⁹.

Анализ рабочего движения за 1984—1987 гг. дал основание бюллетеню Организации революционных рабочих Ирана («Рахе Каргяр») отметить активизацию рабочих выступлений в условиях, когда ряд крупных заводов был вынужден сократить производство из-за уменьшения импортных квот для промышленности в связи с отвлечением на войну валютных средств, сократившихся из-за падения цен на нефть на мировом рынке. При этом активизация рабочего движения не сопровождалась усилением политического характера забастовок. Так, в 1986/87 г. из 347 зафиксированных проявлений недовольства рабочих политический характер носили 73 акции, остальные 274 — экономический⁷⁰.

Характеризуя рабочее движение в 80-е годы, центральный печатный орган «Рахе Каргяр» писал в июне 1987 г.: «Несмотря на рост безработицы, рабочие все еще не готовы к тому, чтобы давать отпор атакам режима», крепить солидарность между различными слоями рабочего класса, в первую очередь между теми, кто имеет работу, и теми, кто находится под угрозой увольнения. Такой солидарности, например, не проявили рабочие завода «Ардж», которым было объявлено о предстоящем сокращении 1700 их товарищей⁷¹. Кризисное состояние экономики, особенно фабрично-заводской промышленности, являющееся результатом политики исламского режима, позволяет ему использовать постоянно висящую над рабочими угрозой увольнения для раскола пролетарского движения.

Военная обстановка в определенной степени оправдывала в глазах широких масс все более усиливавшуюся авторитарность режима, в том числе в области экономической политики. Она же не позволяла выявить в «чистом виде» возможности хозяйственного механизма современного Ирана, степень его эффективности. Можно лишь отметить, что в периоды улучшения валютно-финансового положения страны режиму удавалось следовать провозглашенной им конституционной цели — экономи-

чески поддерживать широкие предпринимательские слои, составляющие основную часть занятого населения.

В 1980—1988 гг. политические интересы духовенства во многом определялись военными целями, а экономические задачи сводились в основном к обеспечению экономических и социальных условий для ведения войны. Сочетание политической диктатуры с возрастанием роли госсектора предоставило режиму такую возможность.

Экономическое будущее страны в рамках «исламского» варианта капитализма во многом будет зависеть от степени экономической свободы в отношениях между авторитарной надстройкой и разнотипными укладами при сохраняющейся господствующей роли капиталистического уклада.

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА ИРИ

Идеология исламского режима

С приходом к власти духовенства идеология оказалась той областью общественной жизни, которая подверглась наиболее значительным изменениям.

Стержнем идеологии режима Пехлеви были монархизм и великодержавный национализм. В политико-правовой области исходным был провозглашен принцип полной аналогии отношений монарха и нации с отношениями между командиром и подчиненными (фармандехи). Культ шаха, приоритеты ценностей, выраженные формулой: «бог, шах, родина», были теми нравственными ориентирами, которые навязывались иранцу школой, армией, пропагандой. Характер националистических идей того времени — персидская исключительность и паниранизм, ностальгия по могущественным империям древних персов, антиарабская и антитуркская направленность — должен был, по расчетам идеологов монархии, обеспечить общественную поддержку политическому курсу шаха в национальном вопросе, а также его региональной политике, направленной на превращение Ирана в могущественнейшее государство Ближнего и Среднего Востока.

Неотделимый от монархизма национализм режима Пехлеви был прежде всего национализмом военно-бюрократической элиты и крупной буржуазии с ее формировавшейся монополистической верхушкой. Он уживался с преклонением перед западным, в первую очередь американским, образом жизни, его ценностями. Скорее всего эта его сторона, необыкновенно разросшаяся в 70-е годы, сыграла решающую роль в том, что другие слои иранского общества, отнюдь не лишённые национальных чувств, истоком которых был патриотизм, восстав, отринули монархический национализм. Ликвидация монархии привела политическую систему Ирана к краху.

Сложившаяся в Исламской Республике Иран уникальная ситуация, при которой руководство государством оказалось в руках профессиональных служителей культа, определила как характер новой идеологической системы, так и роль, которая стала принадлежать идеологии в общественной жизни.

Исламский режим в Иране пошел на беспрецедентное в истории современных государств подчинение политических,

правовых, нравственных, эстетических и философских представлений религии, а конкретно — исламу шиитского толка. Ислам стал их формальным источником и критерием. Идеи и взгляды, противоречащие догмам религии и тому широкому толкованию, которое дается сегодня этим догмам, осуждаются, а их распространители преследуются.

Изменился ли шиизм как мировоззренческая система с приобретением новой политической роли? Если да, то произошло ли это в силу каких-то особых потенций, изначально присущих этому вероисповеданию?

Как мировоззрение имамитский шиизм представляет собой сочетание двух элементов. Первый из них обеспечивает устойчивость религии и единство ее последователей. Это — давно сложившаяся догматика, трактующая самые общие принципы веры. Второй элемент — область иджтихада (в персидском произношении — «эджтехад»), т. е. формирования мнений богословов по тем вопросам современной жизни, на которые не дается ответа в священных текстах. Иджтихад придает религиозным концепциям и тактической линии духовенства гибкость, необходимую для приспособления к требованиям дня и конкретной социально-политической обстановке. Порой противоречащие друг другу мнения муджтахидов (перс. моджтахедов) сосуществуют на законном основании.

В самом процессе иджтихада заложено противоречие между условием его осуществления (богослов должен выводить свое суждение из священных текстов, пользуясь приемами логики) и целью — духовным руководством мусульманской общины в конкретных вопросах ее сегодняшней жизни. Осторожный богослов, строго следующий букве Корана, мало что осмелится сказать о том, как нужно решать стоящие перед современным иранским обществом экономические, социальные, политические проблемы. В то же время его коллега, желающий активно вмешиваться в общественную жизнь и руководить ею, рискует далеко уйти в своих рассуждениях от догмы и «впасть в ересь».

В вопросах компетенции богослова, его социальной активности и в поднятых затем проблемах «исламской революции» и «исламского правления» шиитские богословы Ирана расходятся во мнениях, что дает основание говорить о двух течениях в современном иранском шиизме. Первое, ставшее ведущим, ратует за максимальную социально-политическую активность духовенства. С ним связаны политические идеи фундаментализма¹: отрицание шахской монархии как формы правления, реализуемое в ходе «исламской революции», строительство государства по подобию халифата первых лет существования ислама, стремление распространить повсеместно устанавливаемые в Иране порядки.

Второе течение представлено богословами, строго следующими традиции и видящими в этом залог единства корпорации ду-

ховенства и ее благосостояния в условиях любой политической ситуации. Богословы, принадлежащие к этому течению — традиционализму, или квиетизму, — утверждают, что историческая задача духовенства не в доведении общества до идеала раннего ислама (по их убеждению, без вмешательства шиитского мессии, махди, эта цель недостижима), а в сохранении чистоты шиитского учения, особенно его мистических элементов, связанных с явлением махди. Традиционалисты не были помощниками фундаменталистов в ходе политических выступлений против монархии и ставили под сомнение догматическую чистоту идеи «исламской революции». Однако, когда духовенство как корпорация заняло привилегированное место в иранском государстве, и эта часть служителей культа стала использовать открывшиеся возможности для активизации как пропагандистской, так и политической деятельности. Традиционалисты в своих то затухающих, то обостряющихся спорах с фундаменталистами не используют в полную меру имеющиеся у них доводы, выводимые из шиитского учения о сокрытом имаме и позволяющие им изобразить Хомейни еретиком. Традиционалисты, сохраняя свои особые позиции, как бы держат их в резерве на случай, если политические соображения вынудят их в будущем пойти на разрыв с теми, кто определяет сегодня политический курс Исламской Республики Иран².

Новая политическая роль шиизма — не результат раскрытия его имманентных революционных потенций. Не внутренняя логика шиитской теории привела часть богословов к идее овладения государственной властью. Напротив, уникальный поворот классовой борьбы, счастливо сложившаяся для них конъюнктура подтолкнули их к созданию религиозной концепции активного политического действия. При этом была использована гибкость шиитской теории, позволяющая служителям этого культа выбирать различную политическую ориентацию, легко менять ее и в то же время сохранять единство своей корпорации.

Политико-правовые и философские воззрения, выдвинутые стоящим у власти в Иране духовенством, служат единой цели — оправдать, идеализировать, «обожествовать» теократическую диктатуру. Эти концепции рассматривают исторический процесс как возвращение творения-человека к творцу-Аллаху («все мы от Аллаха, и все мы к нему вернемся»). Возвращение осуществляется как на уровне личности — отсюда культ смерти за веру (шехадат), так и на уровне общества, человечества в целом. Путь человечества — путь к Аллаху («сабилулла»). Будучи наделены разумом, люди способны сделать выбор между добром и злом, т. е. присоединиться к «партии Аллаха» («хезболла») или к «партии дьявола» («хезббушейтан»). Однако, сделав первоначальный выбор в пользу добра, они должны полагаться на боговдохновенное руководство современных им пророков или имамов. В ИРИ, где руководство такого рода не

осуществляется непосредственно (ввиду «сокрытости» махди), меньшинство определяет его самостоятельно, становясь богословами, а большинство следует их указаниям.

Цель человечества в этом мире, согласно историко-философским воззрениям шиизма, — это полное подчинение всех людей воле Аллаха и образование всемирного государства, в котором все люди станут членами уммы — исламской общины. Создание Исламской Республики Иран — этап на пути к этой цели. Экспорт из Ирана в другие мусульманские страны «исламской революции» и ее «глобализация» путем подчинения исламу всех остальных стран представляют собой последующие этапы на этом пути.

Будущее всемирное исламское государство уже существует в зародыше в виде общины шиитов Ирана, их теократического государства — исламской республики. В этом особом характере иранского государства — образца и пионера на праведном пути всего человечества — следует искать «теоретические» истоки господствующего в Иране «конфессионального» национализма. Реальная, классовая сущность этой разновидности национализма — отражение в нем диктаторских устремлений духовенства, унаследованной от шахского режима политики регионального «субимпериалистического очага», стремления крупной и средней буржуазии к обеспечению выгодных для нее условий поддержания внешних экономических связей. В нем отражены интересы и азербайджанской буржуазии — да и в определенной мере некоторых других социальных слоев азербайджанского населения Ирана, — поскольку этническому персидскому национализму, следствием которого была многолетняя дискриминация азербайджанцев как этнического меньшинства, они предпочитают «конфессиональную» разновидность иранского национализма, относящую азербайджанцев-шиитов к господствующему большинству.

«Конфессиональный» национализм дал новое обоснование прежней политике в отношении нешиитских национальных меньшинств — курдов, туркмен, белуджей. Они вновь оказались вне господствующего большинства, хотя на этот раз по причине религиозной, а не этнической принадлежности.

Национализм новой разновидности, будучи преимущественно буржуазным, препятствует становлению классового сознания иранских рабочих. Он представляет собой один из элементов демагогической социальной пропаганды правящего шиитского духовенства, которая проповедует идеи отсутствия борьбы пролетариата и буржуазии внутри иранской уммы, пытается опорочить социализм, извратить содержание антиимпериалистической борьбы в мире.

Другой элемент социальной демагогии шиитского духовенства — концепция униженных («мостазафин») и возвеличивающихся («мостакберин»), иными словами, угнетенных и угнетателей. Не смея игнорировать социальное неравенство в иран-

ском обществе, исламские идеологи пытаются замаскировать классовую природу этого неравенства. Предлагаемые ими категории «мостазафин» и «мостакберин», которые, кстати, они пытаются применять и при анализе явлений международной жизни, — в большей степени религиозно-этические, чем социально-экономические понятия. Того, кто пришел к власти или богатству, не порывая с духовенством, исключают из числа угнетателей.

В центре господствующих в шиитском духовенстве представлений о государстве лежит идея суверенитета Аллаха, заменяющая исходный теоретический принцип буржуазной демократии — суверенитет нации. Носителями суверенитета Аллаха провозглашаются лица, полномочные толковать его волю, т. е. духовенство как корпорация или его вождь — имам уммы. Суверенитет Аллаха, за которым скрыта диктатура духовенства, осуществляется через теократические государственные институты, уже рассматривавшиеся ранее, «велаяте факих» (верховная теократическая власть), Наблюдательный совет (орган религиозного контроля над законодательной властью), Собрание экспертов (орган, призванный обеспечить преемственность верховной теократической власти), судебную систему, основанную на шариате, а также через другие подчиненные духовенству репрессивные, экономические, идеологические учреждения.

Будучи в полной мере диктатурой духовенства по существу, а в значительной мере и по форме, современное иранское государство не лишено и некоторых формальных атрибутов демократии: ряд государственных учреждений формируется в ходе всеобщего голосования.

Несмотря на деспотизм шиитского духовенства, осуществляющего политику террора, в том числе идеологического, борьба идеологий в Иране не прекратилась. И в первые годы диктатуры духовенства, когда его идеи завладели сознанием значительной части населения Ирана, и во второй половине 80-х годов оно не оставляло усилий, направленных на то, чтобы держать под своим контролем опасный для него с идеологической точки зрения пролетариат. На позициях антиклерикализма осталась часть демократической интеллигенции. Другая ее часть, увлеченная на время религиозно-демократическими концепциями, тоже испытала на себе репрессивную политику режима и стала непримиримым идейным противником правящего духовенства.

Религиозный фанатизм и обскурантизм не импонируют также высшим слоям буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые мирятся с господствующими идеологическими представлениями лишь в силу необходимости. Разочарование в идеях шиитского духовенства коснулось и тех слоев, которые сыграли немалую роль в том, что оно оказалось у власти, — торговой буржуазии и мелкой буржуазии.

Пришедшие к власти шиитские богословы стали проводить исламизацию иранского общества на всех уровнях — от интенсивного внедрения в сознание масс абстрактно-философских религиозных концепций до регламентации повседневного быта. Неудивительно, что массированное воздействие на общественное бытие и сознание, осуществленное всевластными богословами, привело к изменению всего облика культурной жизни страны.

Существенным штрихом социально-политической жизни первого года существования республиканского Ирана был взлет гражданской, политической, творческой активности, отнюдь не имевшей исключительно религиозного характера.

Крах монархического режима и победа антиимпериалистической революции вызвали небывалый творческий подъем не только среди интеллигенции, но и среди широких народных масс. Творческий поиск вновь созданных профессиональных и самодеятельных художественных коллективов, групп и обществ базировался на полной уверенности, что все правдивое и талантливое будет поддержано новым режимом и найдет отклик в сердцах иранского народа, проявившего гражданское мужество, стойкость и самоотверженность в борьбе с монархией.

Но с первых же дней революции духовенство всячески стремилось развить в сознании иранцев, в том числе представителей творческой интеллигенции, мысль о неразрывной связи между антинародной политикой шахского режима и всем «западным» и «восточным» как враждебным народу. Ловко используя банкротство политики монархии, приведшей к засилью в Иране западных, прежде всего американских, стандартов буржуазной массовой культуры, быта и нравов, шиитское духовенство разжигало в народе религиозный фанатизм. Резкое осуждение «паразитического искусства Запада», по выражению Хомейни, раскрытие его негативных сторон, постоянное напоминание о том, что «в шахские времена искусство было предметом экспорта из западных стран и удовлетворяло запросы только господствующей верхушки»³, привело к призывам в разгар революции 1978—1979 гг. громить не только ювелирные магазины, фешенебельные рестораны и бары, но и книжные лавки, некоторые архитектурные и скульптурные памятники, кинотеатры, демонстрировавшие западные фильмы, т. е. уничтожать все, что противоречило догматам шариата.

В выступлениях руководящих деятелей ИРИ с первых дней революции звучала мысль, что «иранская молодежь подверглась разложению в результате воздействия на нее западной и восточной культур»⁴. Библиотеки назывались «источниками разврата», и настоятельно выдвигалось требование создать новую «исламскую культуру».

Тем не менее в 1979 г. были предприняты попытки осуществить коренные преобразования во всех видах и жанрах искус-

ства, причем отнюдь не в том направлении, которого желало духовенство. Творческий подъем охватил художников и музыкантов, деятелей театра и кинематографа, которые стремились отразить революционный энтузиазм, стойкость, героизм и мужество народа, создавая произведения по свежим следам свершившейся революции. Новые имена драматургов, актеров, художников замелькали на афишах.

Наибольший подъем отмечался в сценическом искусстве. Складывались профессиональные и самодеятельные театральные труппы и коллективы в самых различных слоях населения, о чем свидетельствовали их названия: «Дехган» («Крестьянин»), «Группа студенческого театра», «Группа народного театра», «Азади» («Свобода»), «Пуян» («Ищущие»), «Группа национального театра», «Пажвак» («Эхо»). В феврале 1980 г., к первой годовщине революции, профсоюзное объединение деятелей и работников театра организовало Фестиваль революционных театров, ставший первым массовым театральным форумом, на котором более 20 театральных коллективов показали пьесы в основном национальных авторов. Спектакли, представленные на этом фестивале, были посвящены бурным революционными событиями, широкому политическому и социальному размаху недавнего антишахского и антиимпериалистического движения.

Привлекала внутренняя цельность репертуара фестиваля. Пьесам, представленным на суд тысяч зрителей, были свойственны высокий эмоциональный накал, стремление раскрыть характеры людей на гребне революционных событий, требующих крайнего напряжения всех физических и духовных сил, показать человеческую личность в условиях, по выражению К. С. Станиславского, «постоянного героического напряжения». Эти коллективы, как правило, не имели своей постоянной сценической площадки, в них не существовало еще деления на премьеров и статистов, но они были коллективами единомышленников, желавших творчески отразить революционную действительность.

Сравнительно невысокий художественный уровень показанных на фестивале пьес, зачастую отсутствие профессиональной подготовки и мастерства у актеров в известной мере компенсировались энтузиазмом театральных коллективов, искренним желанием страстно и убедительно отразить протест народа против насилия и бесправия в условиях шахского режима. Единый порыв объединял актеров на сцене и зрителей в зале — недавних участников и очевидцев исторических событий. Спектакли показывались не только в центральных концертных залах, в помещениях музеев и кинотеатров, но и в населенных беднотой южных районах Тегерана. Актеры перед спектаклями делились своими творческими замыслами, в антрактах встречались со зрителями. Повсюду царил обстановка радостного возбуждения. Фойе были украшены революционными плакатами, и здесь

же вывешивались фотографий тех, кто пал в борьбе с шахской деспотией.

Авторы пьес, чаще всего небольших по объему — одноактных и двухактных, гневно обличая вмешательство США во внутренние дела Ирана, обращались к жанру сатирического памфлета, политического обзора. Многие пьесы создавались коллективами авторов или всей труппой. Среди наиболее интересных драматургических произведений следует назвать пьесу «Антиимпериалистический караван», написанную и поставленную Мохаммедом Резой Садеги; «Там, где не спят», созданную труппой «Конкурс»; «Красную ситуацию» Амира Барахши, которую поставила «Группа студенческого театра» под руководством режиссера Насера Юсефи Нежада; «Лицом к лицу», сыгранную труппой «Дехган».

Из зарубежной драматургии на фестивале было представлено только несколько пьес, привлечших театральные коллективы своими свободолобивыми мотивами. Среди них «Разговор беглецов» Брехта в постановке режиссера Халяджа, инсценировка по произведениям Пристли режиссера Джафари, «Восстание на Гаити» У. Дюбуа в исполнении коллектива «Анахита» под руководством М. Оскуи.

Центральным спектаклем фестиваля стала пьеса «Смерть Америке!» Носрата Аллануха, Мохиды Фалех-заде и Негаха, представленная «Группой Пятого азара». Режиссер Хосрови и ведущие актеры труппы — Кулех, Абрахими, Бехешти, Салем — создали яркий спектакль. В первой части пьесы — комедии масок, остром политическом памфлете — в гротесковых тонах изображались шах, его окружение, американские советники и бывший президент США Картер. Для разоблачения истинной сущности персонажей актеры использовали все средства сценического языка: пантомиму, декорации, световое решение, символику. После каждой мизансцены актеры срывали с себя маски и, став в тесный полукруг, называли сухие цифры преступлений американского империализма — количество убитых в Кампучии, Вьетнаме, Лаосе, и зал вместе с актерами скандировал: «Смерть Америке!» Вторая часть спектакля — по жанру оптимистическая трагедия — утверждала, что, несмотря на жертвы, знамя революции в надежных руках — из рук погибших его подхватывал в финальной сцене юный герой.

Фестиваль революционных театров показал, какие творческие силы были разбужены победой революции.

Тот же процесс наблюдался и в киноискусстве. На смену коммерческим лентам США и других западных стран и Японии стали появляться фильмы иранских кинематографистов. Они рассказывали о событиях революции, вскрывали пороки и язвы шахского режима, обличали вмешательство США во внутренние дела Ирана. Среди выпущенных зимой—весной 1979 г. художественных фильмов, выполненных на довольно высоком профессиональном уровне, наиболее значительны «Кровавый сезон»

режиссера Кавоша, «Да здравствует!» Синаи, «Кровавый рис» Джавиделя и Никнежада, а также ряд документальных фильмов, созданных как профессионалами, так и любителями, которые в дни революционных боев снимали на площадях и на улицах, торопясь запечатлеть все происходившие тогда события. Яркие и впечатляющие короткометражные документальные фильмы, такие, как «Мы совершили революцию» и «Смерть Америке!», Шобейри, «Живой документ» Вихари, «За свободу» Тагави, с большим успехом шли как в кинотеатрах Ирана, так и на зарубежных кинофестивалях.

В первый послереволюционный год широко демонстрировались кинокартины всемирно известных режиссеров Г. Козинцева, А. Курасава, Ф. Феллини, С. Бондарчука, Р. Клера. Длинные очереди выстраивались на советские фильмы, которые показывались в городских кинотеатрах и клубах, а также в Иранском обществе культурной связи с СССР (ИОКС). С аншлагами шли фильмы «Летят журавли», «Броненосец „Потемкин“», «Как закалялась сталь», «Педагогическая поэма», «Ленин в Октябре», «Рассказы о Ленине», «На пути в Берлин».

Необычайный творческий подъем, активный поиск новых выразительных средств были характерны в первый послереволюционный год и для всех жанров изобразительного искусства. То было время расцвета плакатной живописи и графики. Множество плакатов революционного содержания продавалось в книжных магазинах, в районе Тегеранского университета, вывешивалось на стенах домов, на заборах. Регулярно устраивались выставки живописи в музеях. Большой интерес представляла выставка в тегеранском Музее современного искусства. Пейзажи, натюрморты, графика, станковая живопись, фотография были широко представлены как мастерами старой школы, принявшими революцию, так и молодыми художниками. Особое внимание зрителей привлекали картины и плакаты, основной темой которых были свержение шахского режима и революционные события. Изображение шаха и его приспешников — американских покровителей отличалось гротесковостью, острым и гневным сарказмом. Шах изображался то кипящим в адском котле, то в виде черта, из карманов которого сыплются доллары, то как червь в яблоке, то повешенным на пальце сжатого кулака, символизирующего восставший народ.

Высокой гражданственностью были проникнуты полотна Мансура Абедина, талантливого художника старшего поколения. В колоритных, выписанных до мельчайших деталей картинах «Наказание учеников плеткой» и «Школьники мактаба» фигурировали испуганные, бедно одетые, изможденные дети, покорно ожидающие порки; надзиратели, избивающие провинившихся по пяткам; равнодушные к детским судьбам учителя. Картина «Наркоманы» с документальной точностью повествовала об искалеченных судьбах опустившихся людей, собравшихся в грязном подвале.

Много картин было посвящено революционным событиям, народным демонстрациям, вооруженным столкновениям с шахскими войсками.

Весьма насыщен был этот период и в области музыкального творчества. По радио и телевидению, на концертах самодеятельных и профессиональных хоровых коллективов звучали революционные песни, марши, гимны, отражавшие чаяния народа. На их создателей ощутимое влияние оказало музыкальное искусство освободившихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. На следующий же день после победы революции на телевидении появилась и новая музыкальная заставка вместо шахского гимна. Это произошло одновременно со сменой изозаставки: вместо герба стали изображать вставших на задние лапы львов с цветами и подписью: «Привет тебе, весна свободы!»

Однако весна революционного подъема в искусстве оказалась короткой: шиитское духовенство по прямому указанию Хомейни приступило к разработке комплексных мер для исламизации всех сфер духовной жизни. Иначе говоря, было дано указание начать «культурную революцию», проведение которой духовенство сочло для себя жизненно важным. Вступительным аккордом к ней, как уже было отмечено, стало закрытие всех высших светских учебных заведений на неопределенно долгий срок. Само указание о ее проведении датировано было апрелем 1980 г.

Религиозно-политическое руководство Ирана, развернув широкое наступление против своих политических противников внутри страны, которое велось одновременно с пропагандой экспорта «исламской революции» в другие страны, стало последовательно проводить курс на подчинение культуры и искусства задаче исламизации духовной жизни иранского общества. Религиозный фактор стал основополагающим и в культурной жизни Ирана. Как отмечалось в одной из статей, напечатанных в газете «Аяндеган», свобода — важнейший лозунг революции, но Хомейни специфику религиозных отношений переносит в область всех иных отношений, основываясь на требовании беспрекословного подчинения⁵. Для усиления контроля над деятельностью творческой интеллигенции правящий режим реорганизовал управленческие органы, передав, в частности, многие функции министерства культуры министерству исламской ориентации.

«Только люди верующие способны поставить искусство на службу божественным идеалам»⁶ — такой лозунг был выдвинут перед деятелями культуры Ирана. Практическое его осуществление привело к изгнанию из сферы культурной жизни всех тех, кто выступал против лозунга «Ни Восток, ни Запад», кто допускал в своем творчестве утверждение иных идеалов, кроме исламских. Многие деятели культуры вынуждены были либо покинуть страну, либо отказаться от творчества.

Открытый в 1967 г. первый в стране тегеранский Театр оперы и балета имени Рудаки, в репертуаре которого были «Лебединое озеро» Чайковского, «Тоска» Пуччини, «Севильский цирюльник» Россини, «Ромео и Джульетта» Прокофьева, «Дон Жуан» и «Волшебная флейта» Моцарта, а также отечественные оперы и балеты, был переименован в зал «Единство», где стали проводиться совещания и религиозные общеиранские семинары, а также демонстрации сомнительных боевых успехов в братоубийственной ирано-иракской войне.

Объектом нападок официальных идеологов режима стали силы, которые якобы действуют против национальных интересов, используя при этом методы и формы борьбы, враждебные исламу и отвергаемые шиитским духовенством. Была поставлена задача «воспрепятствовать господству культуры чужеземных государств внутри страны» и ознакомить с культурой Ирана общественность зарубежных стран, а также экспортировать «исламскую революционную культуру» в мировом масштабе⁷.

Следствием этого стала усилившаяся травля прогрессивных деятелей искусства, огульная критика их произведений, а зачистую и физическая расправа. Те из работников искусства, кто выбрал путь сотрудничества с режимом, вынуждены проповедовать исламские духовные ценности, идеологию правящего духовенства и способствовать своим «творчеством» разжиганию религиозного фанатизма в массах.

«Исламское» искусство призвано вытеснять демократические идеалы, заменяя их религиозно-мистическими. А так как шиитское духовенство отрицает не только буржуазное, но и социалистическое искусство, оно пошло на резкое сворачивание культурного сотрудничества с социалистическими странами, в первую очередь с СССР. В частности, были закрыты культурные центры ряда стран, в том числе и ИОКС, созданное в период борьбы против гитлеровской Германии.

Наибольшим изменениям в ходе «культурной революции» подвергся национальный кинематограф как важнейшее средство культурно-идеологического воздействия на общественное сознание в условиях неграмотности подавляющего большинства населения. С началом «культурной революции» Главное управление по делам кино было изъято из министерства культуры и включено в состав министерства исламской ориентации. Перед работниками кино были поставлены требования «стать летописцами иранской революции, исходя из нравственно-этических принципов ислама», создавать «сотни, тысячи сюжетов для интересных и поучительных фильмов из жизни исламских святых»⁸. Демонстрация величия деяний шиитских имамов была официально объявлена одним из главных направлений иранского кинематографа.

Значительные перемены произошли на радио и телевидении. Если в первые месяцы после победы революции все передачи приветствовали весну свободы, показывали размах народного

движения, единый порыв всех слоев населения к демократическим преобразованиям, то затем радио и телевидение основное время отвели официальным правительственным выступлениям, в которых разжигается религиозность народа, внушается мысль о единственно верном пути «исламского развития» Ирана и о несовместимости сотрудничества верующих мусульман с безбожниками всех мастей. Молитвы заняли основное время телепередач. Доступ на экраны телевизоров нашли те фильмы и спектакли, которые были созданы по готовым схемам в духе «исламской культурной революции».

Власти возложили на радио и телевидение пропагандистские функции. В радио- и телепередачах, ссылаясь на гяжелые экономические условия и войну, народ призывали отказаться от всяких излишеств. При этом в число ненужных правоверному мусульманину вещей были включены электробытовые приборы, счетные машины, стиральные машины, а также транзисторы и магнитофоны.

Естественно, зрительский интерес к продукции радио и телевидения, кинофильмам и спектаклям, предлагаемым режимом, слабеет. Стали давать о себе знать схематизм, искусственность сюжетов, социальная безликость⁹ этой продукции.

Таким образом, политика режима в области культуры не только не раскрепостила духовные силы и творческие возможности иранского народа, но и нанесла серьезный удар тем, хотя и слабым, демократическим позициям в области культуры и искусства, просвещения, которые были завоеваны во времена шахской диктатуры. Культура исламского режима стыдливо обходит проблемы земельной реформы, безработицы, женского равноправия, произвола домовладельцев и много других жгучих проблем жизни иранского общества.

Стоящие у кормила власти религиозные деятели ведут целенаправленную идейно-психологическую обработку народного сознания, распространяя социальные мифы, иллюзии и предрассудки, с тем чтобы затормозить развитие классового самосознания народа.

Литература

Реформа системы образования, изменение идеологических основ пропаганды, политики в области искусства и литературы, работы средств массовой информации, начавшиеся после победы революции, получили название «культурное возрождение» («эхияйе фарханги») ¹⁰. Собственно сфера литературной жизни, и прежде всего тематика литературных произведений, подверглась существенному воздействию идей революции. Если на протяжении 60—70-х годов в поэзии главенствовало течение «ше'ре ноу» ¹¹, своей философской лирикой служившее как бы барометром общественных настроений, то с началом революции

в поэзии зазвучали совершенно новые мотивы и новые голоса. В отличие от некоторой камерности и герметичности поэзии 60—70-х годов отныне главным стало воспевание подвига во имя свободы и революции. Новые стихи публиковались на страницах газет, звучали на митингах и демонстрациях. Стали слышны поэтические голоса тех, кто томился в шахских тюрьмах, кого ранее не печатали по цензурным соображениям.

Многие стихи принадлежат по стилю и тематике к хорошо известному в персидской классической поэзии жанру «тюремной лирики» — «хабсие», обогащенному в дальнейшем традициями гражданской демократической поэзии эпохи революции 1905—1911 гг., периода 20-х и 40-х годов. Для большинства стихов этого жанра характерна черно-красная цветовая гамма, которая служит как бы зрительным воплощением идеи страдания и возмездия¹². Многие стихи периода штурма монархии написаны от имени бойцов, сражавшихся на баррикадах революции, и узников. Мотивы тюремной неволи, мести и обличения деспотизма определяют их эмоциональный и образный строй. Приведем в качестве примера стихотворение Мохаммеда Халили «Бойня»:

Здесь творят над моей родиной какое-то насилие,
Вот откуда на нежном теле ее следы стольких ран.
А в мире — все ярче цветение красных тюльпанов,
А в мире — все громче напевы атаки и бунта.
Птицы с севера и юга пересекаются в полете,
Над зелеными просторами
Звенят, не умолкая, голоса рек,
А здесь над моей родиной творят насилие.
Среди камня и железа,
Среди бетонных перекрытий
В крови
Ломают нежные стебли тюльпанов...
Здесь
Сквозь сумрачные своды,
Сквозь бездыханные тела
Прорастает цветок,
Черный, запекшийся от крови бутон смерти...¹³

Узник, истязаемый в тюремном застенке, и будущий свободный, зеленый мир — ярко и контрастно символизируют судьбу родины и борцов за ее освобождение. Стихи проникнуты ощущением невыносимости страдания и боли.

Вот еще одно стихотворение Мохаммеда Халили, «Весна»:

Тяжелой поступью,
Хромя от старых ран,
Выходит из прохладных ущелий
Одетый в лохмотья человек.
С собой он несет
Разбитый пулемет
И цветущую душистую ветку.
Вот он!
Вижу его
В дымке у подножия горы,

Склоняющегося у излуины реки,
Словно собирающего
Алые тюльпаны
Или дикие гвоздики.
Этот оборванный,
Усталый путник
И есть весна¹⁴.

В поэзии 1978—1980 гг. широкое распространение нашла тема гибели героя в революционном сражении. При этом авторы гражданских стихов, создававшихся непосредственно по следам волнующих событий, нередко обращались к романтическим образам русской и античной литературы. В частности, встречаем образы горьковского Данко, Прометея. Революционно-романтический пафос русской литературы начала XX в. оказался близким по настроению революционной поэзии Ирана конца 70-х годов.

Воспоминания о героях прошлых и нынешних революционных битв заполнили поэтические рубрики газет и журналов. На улицах, прямо под открытым небом, самодеятельные артисты и участники боев разыгрывали спектакли — эпизоды революции 1978—1979 гг., распевали лирические баллады о героях революции, ее жертвах. Молодежь, прежде всего студенчество, зачитывалась книгами М. Горького, Н. Островского, Ф. Гладкова.

Однако уже с конца 1980 г. тема гибели народного героя на баррикадах революции начинает приобретать специфическую религиозную окраску, насыщаясь прославлением исламских мучеников за веру — шахидов. Этому способствовало то обстоятельство, что создателями революционной поэзии конца 70-х — начала 80-х годов были в основном молодые люди, те, кто участвовал в массовых демонстрациях и слушал антишахские проповеди в мечетях. В их сознании прочное место занимали шиитская догматика, эстетические представления, почерпнутые из мистерий о гибели Али и Хусейна. Наряду с иранским эпосом эти представления служили основой новой поэтической образности. Определенную роль в образном строе революционных стихов играли и ассоциации, заимствованные из иноязычной — русской и западной — литературы. Однако обращение к этому материалу носило ограниченный характер, а после 1982 г. совсем прекратилось. После утверждения у власти шиитских богословов, особенно с началом ирано-иракской войны культурная жизнь страны приобрела откровенный исламский характер. С этого времени герои революции описываются только как мученики за веру, а воспевание жертвенности, готовности отдать свою жизнь во имя торжества идей ислама становится основной идеей поэзии¹⁵.

Наряду с революционными стихами в массовых изданиях появляются стихи чисто религиозного содержания — это «современная религиозная поэзия» («ше'ре мазхабийе моасер»), посвященная мученичеству Али и Хусейна, дням ашуры. Но характерно, что религиозные настроения в этих стихах оказались

окрашенными в цвета революции. Вот, например, отрывок из стихотворения Джевада Мохаккака «Человек, подобный солнцу»:

Революция Хусейна в истории —
Великая созидательная революция.
Годовщина восстания ашуры —
Это не повод для стенаний, это призыв, это клич.
Не оплакивайте его, ибо
Слезы — это всегда признак несчастья.
А ночь смерти Хусейна, о человек,
Это красная дата рождения свободы ¹⁶.

Шиитские мученики в религиозной поэзии начала революции принимали облик бойцов, отдающих жизнь за освобождение обездоленных и угнетенных. Их гибель призвана утвердить неотвратимость надвигающейся революции, решимость народа в борьбе с тиранией:

Сегодня ночью Али, ниспровергатель кумира,
Прославленный предводитель, великий человек,
Медленно приближается к роковому месту.
Сегодня ночью
Светоч справедливости погаснет от рук тирана...
Сегодня ночью
Али
Медленно проходит свой путь к смерти,
Но никогда свет истины не погасит тирану ¹⁷.

Постепенно в поэзии все заметнее проступает напряженность, иступленность гражданских и религиозно-мистических настроений. Тема войны как бы захлестывает и подчиняет себе все религиозные, политические и лирические темы. В стихах господствуют ненависть к врагам и прославление подвигов шахидов. Солдат, истекающий кровью на поле битвы, — это верующий, совершающий омовение перед молитвой, а смерть от выстрела — это поклон во время молитвы. Теме шехадата посвящены почти все стихи 80-х годов, написаны ли они в религиозно-патриотическом или в философском, мистическом плане. Примечательно, что это направление получило уже и свое название — «поэзия шехадата», — и соответствующее идеологическое обоснование.

Установка исламской пропаганды на использование в религиозной поэзии военно-патриотических мотивов дала себя знать в творчестве совсем молодых поэтов, публикующихся в периодике. Вместе с тем в их стихах заметны проблески смутного сомнения в происходящем, зарождаются вопросы, свидетельствующие о неортодоксальной оценке совершившегося в стране революционного переворота и судеб его участников.

Появились стихотворения, как бы фиксирующие процессы, которые происходят в сознании многих иранцев — свидетелей или участников той жестокой и непримиримой борьбы, которую ведет исламский режим со своими политическими противника-

ми — феодалами, моджахедами и коммунистами. В этих произведениях фиксируется тот идейный разлом, который переживает иранское общество 80-х годов, — трагедия леворадикальных кругов, осознавших, что революция остановилась после падения монархии, и сомнительная успокоенность тех, кто безоговорочно принял установившийся в стране исламский режим.

Критическую трактовку современности мы находим в творчестве зрелых, обладающих зорким социальным зрением поэтов «ше'ре ноу», таких, как Сиявуш Кесраи и Надер Надерпур.

Для Сиявуша Кесраи преследования иранских коммунистов — это трагическая страница в истории страны и народа:

Выгорело во мне все, кроме моей веры.
От всего, что было во мне, только тень осталась.
Словно поднялась волна и обрушилась на костер моего восторга.
С жалостью и болью [смотрю] на уносимые волной остатки пламени.
Не осталось во мне ни цветов, ни плодов весеннего сада.
Только я и моя партия Туде, соединенные
Глубокими корнями, тяготами, опытом и надеждами народа ¹⁸.

Веру и надежду поэта в цитируемом стихотворении воплощают два образа: первый — Рустам, олицетворение силы и мужества иранского народа, не раз, подобно легендарному богатырю, с честью выходявший из тяжких испытаний; второй — возрждающаяся из пламени вечно живая саламандра:

Через многие испытания прошел Рустам,
Стал всесильным, мой храбрый Рустам.
На этом маленьком витке истории, перед лицом испытаний
Только его войско принесет мне помощь и победу.
Только к нему устремлены мои помыслы, он — мой судья,
Он — моя защита, мой вечный бастион.
Останься, останься со мной, моя единственная вера.
Не поддавайся ни душой, ни телом этому тлену.
Из «вечного пламени» восстань, о моя саламандра ¹⁹.

Для Надера Надерпура характерен более широкий философский взгляд на минувшее. Поэт говорит с читателями на языке привычных для него образов «ше'ре ноу»: «рассвет», «солнце», «цветение весенних садов», «распускающиеся листья на деревьях», «дождь» символизируют столь долго ожидаемые исторические и социально-нравственные перемены, истину и правду; «снег» «холод», «тучи», «ночь» олицетворяют враждебные человеку и его чаяниям силы. Такова образная схема стихотворения «Ложный рассвет», давшего название сборнику стихов Надерпура, изданному в 1982 г.:

Белая сжима снега
Прикрыла нечестивость обитателей земли.
Это серебристое покрывало
На темном лике природы —
Прекраснейшая в мире ложь:
И старому дереву сегодня
Кажется, что оно помолодело.
Но его ослепительно белые мечты исчезнут,

Когда взойдет солнце.
И чьему взгляду,
Кроме солнца,
Дано разглядеть тайные черты лика истины?
Может быть, ответит на этот вопрос
Тот, чьи глаза омыты потоками слез...
Солнце на белизне небосклона умерло.
Чары снега
Погрузили в сон глаза дерева...
Но сердце земли
Мечтает о плаче дождя.
А истина — в ночи, и она скрыта... ²⁰

В стихах этого сборника Надерпура воплощены сложность, противоречивость и трагизм происходящего в стране. Одновременно в них ощущается сопричастность судьбам народа, надежда на его прозрение и силу. Главное для Надерпура — передать ощущение неистинности происходящего. Однако поэт далек от назидательности, он понимает, что суть происшедшего еще не открылась ни старому, ни юному, понимает, что «прекраснейшая в мире ложь» затуманивает правду.

Он в печали оттого, что «истина — в ночи и она скрыта», но в одном он твердо уверен: «сердце земли мечтает о плаче дождя», «петух ожидает рассвета, искры огня живы, а чары снега исчезнут после появления солнца». Но «чьему взгляду, кроме солнца, дано разглядеть тайные черты лика истины?».

Таким образом, за время, прошедшее после крушения монархии, поэзия успела пережить взлет революционных настроений, сменившихся религиозно-мистической патетикой. Одновременно в поэзии «ше'ре ноу» продолжалось развитие демократических тенденций, углублялся анализ сегодняшней действительности и зарождалась надежда на исторические перемены в будущем.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРИ

Первые внешнеполитические акции ИРИ. Внешняя политика Временного революционного правительства

Иранская революция 1978—1979 гг. имела два важных исторических аспекта — внутренний и внешнеполитический. Она была направлена как против деспотического шахского режима, так и против международного империализма, главным образом американского.

В результате антиимпериалистического настроения народных масс и всех участвовавших в революции политических группировок в первые послереволюционные месяцы был принят ряд важных мер, носивших ярко выраженный антиимпериалистический характер. В ту пору ни у духовенства, ни у деятелей либеральной буржуазии другой альтернативы не было, ибо иное было равносильно саморазоблачению. К тому же шиитское духовенство, вынашивавшее планы сосредоточения всей полноты власти в своих руках, справедливо видело в нанесении удара по империализму, в первую очередь американскому, неперемное условие для достижения своей цели.

Одной из первых важных внешнеполитических акций Временного революционного правительства было принятие в феврале 1979 г. решения о выходе из блока СЕНТО, закрытие в Иране всех его военных органов и прекращение реализации экономических программ. Вслед за Ираном такое же решение принял Пакистан, после чего блок окончательно распался¹.

18 апреля 1979 г. правительство официально объявило об аннулировании ирано-американского соглашения 1955 г., по которому американским компаниям предоставлялось право эксплуатации природных богатств Ирана, а американским частным предпринимателям, вложившим капиталы в экономику страны, — льготы и привилегии, а также о расторжении соглашения о военном сотрудничестве с США, заключенного в 1959 г. Из Ирана были эвакуированы почти все американские специалисты, закрыты консульства США в Тебризе, Ширазе, Исфахане.

Иранское правительство приняло решение ликвидировать американские электронные шпионские посты на границе с СССР². Иран расторг также ряд контрактов и соглашений, за-

ключенных шахским правительством, о привлечении западноевропейских и американских специалистов и консультантов³.

С целью ликвидации неполноправного положения Ирана в системе мирового капиталистического нефтяного хозяйства ВРП аннулировало соглашение 1973 г. с Международным нефтяным консорциумом и отказалось от продолжения выполнения соглашений с американскими, западноевропейскими и японскими компаниями о добыче и вывозе из Ирана нефти на прежних условиях. Иран разорвал все связи с Израилем и ЮАР, прекратил поставки в эти страны нефти и военных материалов, выступил против кэмп-дэвидского соглашения и разорвал дипломатические отношения с Египтом. Иран официально признал ООП и разрешил ей открыть свое представительство в Тегеране, палестинцам была обещана помощь и поддержка. Председатель Исполкома ООП Ясир Арафат был первым иностранным деятелем, посетившим Иран после революции.

25 апреля состоялся визит в Иран делегации Кубы, с которой шахский режим вообще не поддерживал дипломатических отношений. Выражая поддержку антиимпериалистическим освободительным движениям, Иран объявил о солидарности с борющимся населением Зимбабве (до 1980 г. Южная Родезия), признал революционное правительство Никарагуа и Народную Республику Анголу. Получили развитие контакты с Индией. Иран обратился с просьбой о принятии его в число стран — участниц движения неприсоединения.

В результате осуществления революционных внешнеполитических актов был нанесен серьезный удар по военно-стратегическим, экономическим и политическим позициям империализма, прежде всего США, не только в Иране, но и в регионе в целом. Это способствовало подъему антиамериканских настроений в развивающемся мире.

Внешнеполитические акции нового правительства были последовательными и революционными, они отвечали интересам различных политических группировок, участвовавших в антишахской коалиции, и отражали стремление народных масс к кардинальному переустройству общества. Однако, несмотря на то что революция совершалась под антиимпериалистическими лозунгами, в новом руководстве не было единого мнения о будущей политике Ирана в отношении капиталистических государств. Объяснялось это тем, что после свержения шахской диктатуры в ранее относительно единой антишахской оппозиции произошло глубокое размежевание. Духовенство, опираясь на авторитет Хомейни, добивалось всей полноты власти и потому стремилось любыми средствами ослабить влияние Запада в экономической, политической и культурной жизни Ирана. Временное же правительство во главе с М. Базарганом и поддерживавшие его силы ратовали за буржуазно-демократическое, светское переустройство Ирана и, также выступая против политики империалистических государств, добивались в основном

установления равноправных и более выгодных для Ирана отношений как с США, так и с другими капиталистическими странами. Отсюда, естественно, возникли расхождения в подходе к вопросам внешней политики.

Происшедшая в дальнейшем эволюция внешнеполитического курса ИРИ была связана с обострением политической борьбы в Иране, вызванным различным подходом к вопросам внутренней и внешней политики Хомейни и правительства М. Базаргана. Для либеральной буржуазии (включая ее интеллигентскую прослойку), большинство представителей которой получили образование на Западе и придерживались западной ориентации, революция была лишь еще одним шагом на пути капиталистического развития Ирана. Она и не думала о разрыве отношений с капиталистическим Западом. Именно этим и следует объяснить уклончивую, выжидательную позицию правительства Базаргана в отношении аннулирования экономических соглашений с иностранными фирмами и государствами. Оно не принимало никаких конкретных решений из опасения быть обвиненным в намерении сохранить позиции иностранного капитала и в то же время не желало открыто рвать экономические связи со многими капиталистическими странами. Так или иначе, главным итогом внешнеполитических актов правительства в первые месяцы существования ИРИ было сокращение как политических, так и экономических контактов Ирана со многими странами Запада. Такое положение объяснялось также во многом выжидательной позицией, которую заняли капиталистические государства в отношении ИРИ.

Между тем, как было показано в предыдущих главах, обстановка в стране была чрезвычайно сложной как в экономическом, так и в политическом отношении. Уже на первом году революции стало ясно, что политика изоляции неприемлема, ибо экономика страны не может существовать без внешних связей, которые складывались десятилетиями. К тому же политический профит, ради которого Хомейни провозгласил лозунг изоляции, духовенство уже успело получить. «Иран не сможет сам себя обеспечить, поэтому, захочет Хомейни или нет, ему придется поддерживать достаточно крепкие связи как с Востоком, так и с Западом, как бы его политика ни отличалась от политики шаха»⁴, — писали западные издания в эти дни.

Вот почему, стремясь выйти из экономического тупика, правительство Базаргана возобновило внешнеэкономические контакты. Уже в марте 1979 г. начались поставки нефти за границу. Правительство приняло решение ограничить экспорт нефти примерно половиной прежних поставок Ирана⁵. Нефть продавалась по ценам мирового рынка, которые в то время были на 5,5 долл. за баррель выше, чем цены, установленные ОПЕК. Экспорт осуществлялся как путем одноразовых сделок, так и на долгосрочной основе. Нефтяная политика правительства Базаргана позволила стране получить значительные доходы.

США, в свою очередь, возобновили поставки Ирану некоторых видов вооружения, заказанного еще шахом (общая стоимость возобновленных поставок оценивалась в 4—5 млрд. долл.)⁶.

В то же время США, не смирившись со своим поражением, стали вынашивать планы нанести удар по иранской революции. Еще в январе 1979 г. США начали планировать возможность захвата районов нефтедобычи на территории Ирана. Одновременно США намерены были послать контингент своих вооруженных сил в Персидский залив⁷. «Защита поставок ближневосточной нефти является частью наших жизненно важных интересов, и это может понудить нас к использованию любой подходящей меры, включая применение силы», — заявил тогдашний министр обороны США Г. Браун в феврале 1979 г. Аналогичные высказывания делались и в последующие месяцы. Они сопровождались антииранской кампанией в прессе, призывали к прямому американскому вмешательству в районе Персидского залива для «защиты нефтяных скважин»⁸.

США сократили импорт иранской нефти, прервали все деловые и торговые контакты с Ираном, разрешили въезд на свою территорию бывшего шаха, объявленного в Иране преступником. Поэтому, когда в Тегеране стало известно о встрече в Алжире 1 ноября 1979 г. премьер-министра Базаргана, министра иностранных дел Язди и министра обороны Чамрана с помощником президента США по национальной безопасности З. Бжезинским, это было использовано духовенством в качестве повода для того, чтобы вызвать новый взрыв антиамериканских настроений и развернуть широкую пропагандистскую кампанию против ВРП. Для Хомейни и поддерживавшей его верхушки шиитского духовенства антиимпериализм, особенно антиамериканизм, продолжал быть главным оружием в их борьбе за влияние на массы, за поддержание видимости революционных преобразований. Почти во всех выступлениях Хомейни так или иначе подвергалась критике политика США и других западных держав, на них сваливались все трудности Ирана: «Все бедствия Востока исходят от этих чужеземцев, от этого Запада, от Америки, все беды мусульман от Америки... Смерть Америке!»⁹. Антиимпериалистическая риторика Хомейни делала его политику неуязвимой для критики, так как всякий, кто выступал против него, считался пособником империализма и врагом Ирана.

Внешняя политика ИРИ в период политического кризиса, вызванного захватом сотрудников посольства США

4 ноября 1979 г., не без ведома верхушки шиитского духовенства, группа «студентов-мусульман — последователей курса имама» захватила американское посольство¹⁰. Дипломатический

и иной персонал посольства (численностью около 100 человек) студенты объявили заложниками до выдачи Ирану бывшего шаха. Этот акт сразу же получил официальное одобрение Хомейни, который назвал его «второй революцией, еще более крупной, чем первая». «Наш народ, — заявил он, — поддерживает этот смелый шаг»¹¹. 5 ноября 1979 г. он сказал, что, если США «не откажутся от своих преступных действий, мы будем действовать так, как считаем необходимым»¹².

Сам по себе захват иностранного посольства был случаем экстраординарным, противоречившим международному праву и Венской конвенции 1961 г. о дипломатических сношениях, участником которой является Иран. А. А. Громыко, занимавший в то время пост министра иностранных дел СССР, на пресс-конференции в Бонне 23 ноября 1979 г. заявил по этому поводу, что Советский Союз стоит за выполнение международной конвенции об уважении дипломатического иммунитета. Такую позицию СССР занял и при обсуждении этого вопроса в Совете Безопасности ООН. В то же время Советский Союз отметил, что обе стороны «должны проявить сдержанность и хладнокровие и не давать возможности эмоциям вылиться через край»¹³.

Самовольный захват американского посольства исламскими студентами и официально выдвинутое против правительства М. Базаргана обвинение в проамериканской деятельности вынудили его подать в отставку, которая сразу же была принята Хомейни.

Отставкой правительства М. Базаргана и захватом американского посольства (а впоследствии и закрытием посольств ряда западноевропейских стран) шиитское духовенство преследовало несколько целей: ослабить растущее недовольство народа бедственным экономическим положением страны и посредством раздувания антиамериканских настроений направить его революционный энтузиазм против США; создать препятствия на пути деятельности капиталистических государств в Иране и тем самым способствовать укреплению власти шиитской верхушки; развязать борьбу против неугодных духовенству сил внутри страны; дав выход антиимпериалистическим настроениям масс, восстановить «единство всего народа» и использовать его для создания исламской государственной структуры¹⁴.

Операция по захвату американского посольства, проведенная при поддержке исламского духовенства, явилась важным направлением в его внешнеполитической тактике — искусственного раздувания внешних конфликтов с целью отвлечения масс от внутренних экономических и политических трудностей, острых социальных и национальных проблем для укрепления авторитета и власти исламского руководства.

Уход в отставку правительства М. Базаргана означал важную победу духовенства на пути к завоеванию всей полноты власти. Главным центром управления страной стал Исламский

революционный совет. Однако в вопросах внешней политики, в частности в отношении к судьбе американских заложников, между его членами не было единства. Светские деятели — министр экономики и финансов и исполняющий обязанности министра внутренних дел А. Банисадр и директор-распорядитель иранского радио и телевидения С. Готбзаде, являвшиеся сторонниками развития отношений Ирана с Западом, видели в захвате американского посольства препятствие для нормализации как внутренней, так и внешнеполитической обстановки и выступали за скорейшее решение проблемы заложников. Для Хомейни же и его сторонников антиамериканизм был тактической линией, имевшей целью консолидацию масс вокруг шиитского духовенства и укрепление его власти.

Практически конфликт из-за заложников стал определяющей чертой не только ирано-американских отношений, но и всей внутренней и внешней политики Ирана.

Захват американских заложников вызвал ответные меры со стороны США, которые отрицательно сказались на экономическом и политическом положении Ирана. 8 ноября 1979 г. США прекратили поставку запчастей и военной техники, закупленной Ираном, 12 ноября объявили о прекращении импорта иранской нефти, свертывании торговых отношений между двумя странами; 14 ноября были заморожены все иранские авуары в США ¹⁵.

5 декабря 1979 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой высказался за урегулирование американо-иранского конфликта с помощью политических средств. Но США не были сторонниками мирного урегулирования конфликта. «Нью-Йорк Таймс» писала, что в свете событий в Иране «в американских политических и военных кругах готовы поддержать военную интервенцию... если нефтяные интересы Запада окажутся под угрозой» ¹⁶. В январе 1980 г. США направили в Индийский океан дополнительно три авианосца. Вместе с тем американская администрация предприняла ряд дипломатических шагов: обратилась в Совет Безопасности с требованием применить против Ирана международные санкции, оказала давление на своих западных союзников, добиваясь сокращения их экономического сотрудничества с ИРИ ¹⁷.

В начале января 1980 г. ирано-американский конфликт вновь обсуждался в Совете Безопасности. Многие участники дискуссии высказались против применения санкций против Ирана. В их числе был и советский представитель. В результате позиции, занятой Советским Союзом, Совет Безопасности отклонил предложенную США резолюцию о санкциях против Ирана ¹⁸.

Тогда США решили действовать в одностороннем порядке. 7 апреля 1980 г. президент Дж. Картер объявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном, введении экономического эмбарго против него, о составлении списков иранских вкладов в банках США и американских финансовых претензий, подлежащих погашению из этих авуаров, иранских активов в США

и аннулировании всех виз на въезд в страну для иранцев; персоналу иранского посольства и 209 студентам, обучавшимся в США, было предложено покинуть страну не позднее 8 апреля¹⁹.

Острый кризис в ирано-американских отношениях имел два важных последствия. Он предоставил США удобный повод для усиления своего военного присутствия в Персидском заливе и Индийском океане под предлогом защиты американских интересов в этом районе и одновременно помог исламскому руководству на гребне антиамериканской кампании добиться одобрения и поддержки народом своей внутренней и внешней политики и обеспечить принятие исламской конституции.

В конституции ИРИ получили закрепление и дальнейшее развитие концепции Хомейни и его сторонников по вопросам внешней политики. Конституция отражает двойственный подход к решению внешнеполитических проблем исламским руководством. Ряд статей имеет определенную антиимпериалистическую направленность. В других подчеркиваются общеисламские цели. Так, статья 11 как о цели говорит о достижении политического, экономического и культурного единства мира ислама (подробно см. главу VIII). Аналогичная мысль содержится в преамбуле; правда, там она изложена в несколько завуалированной форме: «Конституция при исламском содержании иранской революции, ставшей движением за победу обездоленных над высокомерными, создает основу для продолжения этой революции внутри страны и за ее пределами, особенно для расширения международных связей, для связей с другими исламскими и народными движениями, с тем чтобы расчистить путь к созданию единой мировой общины и усилить непрерывный процесс борьбы за спасение обделенных и находящихся под гнетом народов во всем мире»²⁰.

Идеи антиимпериализма, которые были ведущими в период революции, получили дальнейшее развитие в статьях конституции. Одной из основных целей исламской республики было провозглашено (как это уже отмечалось в главе VIII) «полное искоренение колониализма и предотвращение иностранного проникновения» (ст. 3, § 5).

Конституция содержит и ряд конкретных статей, предусматривающих ограничение деятельности иностранных держав в экономической и политической жизни Ирана. Так, в ст. 43 (§ 8) говорится о недопущении иностранного господства над экономикой страны; категорически запрещается предоставление иностранцам льгот в создании различных компаний и организаций в области торговли, промышленности, сельского хозяйства, горных дел и в сфере обслуживания (ст. 81), приглашение на работу иностранных специалистов, кроме случаев насущной необходимости и с одобрения меджлиса (ст. 82), прием иранцев на службу в армию и в органы охраны общественного порядка (ст. 145). По ст. 153, «запрещается заключение любых соглашений ведущих к установлению иностранного господства

над природными богатствами, экономикой, культурой, армией и другими сферами жизни страны». Важное политическое значение имеет «отказ от размещения любых иностранных военных баз на территории Ирана, даже в целях их мирного использования», зафиксированный в ст. 146.

Эти положения конституции во многом определяли внешне-политический курс первого президента ИРИ — Банисадра. В целом курс этот был антиимпериалистическим. Тем не менее президент, исходя из экономических потребностей страны, выступал за активное развитие отношений Ирана с развитыми капиталистическими странами, особенно с государствами Западной Европы и Японией. Нарушение внешнеэкономических связей Ирана и резкое сокращение импорта в 1979—1980 гг. в результате действия целого ряда факторов политического и экономического характера в числе других причин привели к дезорганизации хозяйственной жизни страны, падению производства, росту безработицы, усилению инфляции и других негативных социально-экономических явлений. В этих условиях Банисадр пытался выработать новый внешнеполитический курс, урегулировать вопрос об американских заложниках и положить конец международной изоляции Ирана. «Мы, — заявил он, — должны держать открытыми свои линии коммуникаций как с Востоком, так и с Западом, не попадая в зависимость ни от того, ни от другого»²¹.

Между тем США активизировали военные приготовления в зоне Индийского океана. В конце апреля 1980 г. политические руководители США санкционировали военную операцию по спасению заложников (высадку в ночь с 24 на 25 апреля вертолетного десанта в пустыне Тебес), которая, как полагали в Вашингтоне, могла послужить сигналом для выступления противников режима Хомейни. Военно-морские силы США в Персидском заливе были готовы поддержать это выступление. Но американская операция под кодовым названием «Блю лайт» полностью провалилась, что во многом предопределило неудачу Дж. Картера на президентских выборах в ноябре 1980 г.

Под давлением США члены ЕЭС 22 мая 1980 г. объявили экономический бойкот Ирану (правда, бойкот не распространялся на обязательства по соглашениям, подписанным с Ираном до 4 ноября 1979 г.)²². К этому решению присоединились другие страны, в частности Япония, Австралия и Канада.

Экономическая блокада крайне неблагоприятно сказалась на положении Ирана. Промышленные предприятия работали на треть своей мощности, росла инфляция, цены на продукты первой необходимости поднялись в 2—3 раза. Президент Банисадр был вынужден признать, что «экономическая блокада, объявленная Вашингтоном, является самой серьезной проблемой, с которой сталкивается страна»²³.

Разрыв экономических и политических связей с США и рядом других капиталистических стран потребовал некоторой

корректировки внешнеполитического курса Ирана. Для выхода из создавшегося критического положения исламское руководство предприняло такие дипломатические шаги, которые, казалось бы, противоречили провозглашенной им концепции развития. Оно обратилось к правительству Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы с просьбой увеличить поставки необходимых Ирану товаров. Социалистические государства, которые с самого начала поддерживали иранскую революцию, и в этот трудный для Ирана час оказали ему помощь, использовав при этом и реэкспорт²⁴.

Тем не менее договоренность с социалистическими странами вызвала резко отрицательную реакцию в ИРИ. В иранской прессе началась активная антисоветская кампания, подогреваемая западной печатью. Цель этой кампании была запугать народ мнимой коммунистической опасностью. М. Базарган, являвшийся в это время лишь депутатом меджлиса, прямо заявил: «Мы не можем сражаться одновременно против США и коммунизма, но коммунисты представляют более серьезную опасность для Ирана»²⁵. С резкими антисоветскими заявлениями выступил министр иностранных дел С. Готбзаде. Особым нападкам подверглась политика Советского Союза в отношении Афганистана, Иран стал оказывать поддержку афганским контрреволюционерам.

Все это заставило исламское руководство воздержаться от подписания ряда соглашений с социалистическими странами, договоренность о которых была уже достигнута. Поэтому главную ставку в развитии внешнеэкономических связей А. Банисәдр продолжал делать на капиталистические страны и развивающиеся, в основном мусульманские, государства.

Прежде всего Иран постарался расширить экономические отношения с теми капиталистическими странами, которые не приняли участия в санкциях против него, — с Испанией, Швейцарией, Новой Зеландией, Финляндией, Австрией. Кроме того, иранские дипломатические миссии выехали во многие развивающиеся страны, с рядом которых раньше Иран не поддерживал политических и экономических контактов. В частности, посланцы иранского правительства и личные представители Хомейни были направлены в Сирию, Индию, Пакистан, Малайзию, Ливан, Ливию, Алжир, ОАЭ, НДРГ, в ряд стран Тропической Африки и Латинской Америки.

Развивающиеся страны проявили понимание трудностей Ирана. Были заключены соглашения с Индией, Турцией, Пакистаном, Сирией и некоторыми другими государствами. Иран стал удовлетворять половину потребности Индии в нефти, в 10 раз увеличился товарооборот с Турцией²⁶. Экспорт иранской нефти в развивающиеся страны за период экономической блокады — апрель 1980—январь 1981 г. — в ценностном выражении составил 4,5 млрд. долл., причем доля этих стран в общем объеме экспорта нефти возросла с 19 до 45%. Ввоз из развива-

ющихся стран увеличился с 1,7 млрд. до 2,9 млрд. долл. и составил четвертую часть всего импорта. Однако эти сдвиги произошли на фоне снижения экспорта нефти в развитые капиталистические страны с 18 млрд. до 5,6 млрд. долл., а импорта из этих стран — с 17 млрд. до 8,6 млрд. долл.²⁷

Развитие сотрудничества с развивающимися странами могло только частично удовлетворить потребности иранской экономики и не освобождало Иран от необходимости обращения к посредничеству маклеров на мировом «черном рынке» в целях получения запасных частей к изготовленному в США, Англии и других западных государствах оборудованию, от которых в значительной мере зависело функционирование промышленных, в первую очередь военных, предприятий²⁸. Даже после введения санкций некоторые страны Западной Европы продолжали торговать с Ираном. При этом в основном торговля велась на основе наличных денег и аккредитивов и через посредников. Англия в 1980 г. стала страной с крупнейшим активным сальдо в торговле с Ираном, почти полностью прекратив в начале года закупку нефти. Общий объем торговли Ирана с Англией составил 971 млн. долл., достигнув дореволюционного уровня. Список стран-экспортеров в 1980 г. возглавила Япония — 1,58 млрд. долл.²⁹

Важнейшим препятствием на пути нормализации отношений с США была проблема американских заложников.

Как отмечает Р. Рамазани в работе «Ислам Хомейни во внешней политике Ирана», инцидент с заложниками, предопределивший неудачу попыток правительства М. Базаргана нормализовать отношения с США, был умело использован правым крылом воинствующего духовенства в борьбе за власть. Но когда он сыграл свою роль, его надлежало урегулировать³⁰. Поэтому в октябре 1980 г. С. Табатабаи, родственник Хомейни, с его одобрения тайно встретился в Западной Германии с американскими представителями и договорился с ними об условиях возвращения заложников³¹.

2 ноября 1980 г. меджлис большинством голосов принял решение освободить заложников. В основу условий их возвращения легли предложения Хомейни, которые он высказал 12 сентября 1980 г. в послании, приуроченном ко дню ежегодного паломничества в Мекку: США должны вернуть имущество шаха, отказаться от всех своих претензий к Ирану и разморозить иранские авуары в американских банках. Американо-иранские переговоры шли трудно. В конце концов стороны все же достигли компромисса, и 19 января 1981 г. соглашение об урегулировании взаимных претензий в связи с освобождением сотрудников американского посольства было подписано. 21 января американские дипломаты вылетели из Ирана.

Подводя итоги длившейся 14 месяцев истории с американскими заложниками, необходимо констатировать, что в результате этого политического акта Иран значительно усугубил свои

экономические и политические трудности как внутри страны, так и за ее пределами. Единственная выгода, которую новые руководители Ирана извлекли из захвата американцев, состояла в том, что они использовали проблему заложников для консолидации и стабилизации исламского режима³².

Компромисс, на который пошел Иран в вопросе об американских заложниках, еще раз свидетельствовал о том, что в исламском руководстве происходил пересмотр акцентов во внешнеполитическом курсе страны и позиции сторонников политики автаркии стали заметно слабее. Об этом свидетельствовало и интервью Эшраги, зятя Хомейни, газете «Кейхан», в котором прозвучали следующие слова: «Иран должен поддерживать связь со всем миром и даже со сверхдержавами, но при условии обеспечения самостоятельности и независимости»³³. Иранские исламские руководители, которые еще так недавно ратовали за политику изоляции своей страны, вынуждены были искать контакты как на Западе, так и на Востоке, чтобы вывести Иран из экономического тупика.

Внешнеполитический курс ИРИ в условиях ирано-иракской войны

Значительно усугубила тяжелое экономическое и политическое положение Ирана и ухудшила и без того напряженную внешнеполитическую обстановку в регионе Ближнего и Среднего Востока начавшаяся в сентябре 1980 г. ирано-иракская война.

Напряженность в отношениях между Ираком и Ираном возникла давно. В соответствии с Константинопольским протоколом 1913 г., подписанным Османской империей и Ираном при посредничестве Великобритании и царской России, ирано-иракская граница проходила по иранскому берегу реки Шатт-эль-Араб, образующейся от слияния Тигра и Евфрата, за исключением небольшого участка у иранского города Хорремшехр, где граница проходила по тальвегу³⁴. В 1937 г. был подписан новый договор, в разработке которого активное участие приняла Англия. Договор фактически устанавливал суверенитет Ирака над Шатт-эль-Арабом, за исключением небольшого отрезка границы в районе Абадана³⁵. В 1969 г. Иран денонсировал договор 1937 г., воспрепятствовав выходу в Персидский залив иракских судов. На границе между Ираном и Ираком участились инциденты. В 1971 г. дело чуть не дошло до войны. После вывода английских войск из Персидского залива Иран оккупировал острова Томбе-Бозорг, Томбе-Кучек и Абу-Муса в Персидском заливе. Одновременно шах предоставил финансовую и военную помощь иракским курдам, восставшим против правительства.

На конференции стран — членов ОПЕК в Алжире в марте

1975 г. удалось добиться начала диалога между Ираном и Ираком и выработать соглашение, предусматривавшее демаркацию границы между Ираном и Ираком на основании Константинопольского протокола 1913 г. и протоколов комиссии по делимитации границ 1914 г., а также делимитацию речной границы по линии тальвега. В июне 1975 г. в Багдаде был подписан договор о нормализации отношений между двумя странами. В соответствии с договором Ирак согласился на территориальные уступки в обмен на обещание Ирана прекратить помощь курдам — условие, которое способствовало краху курдского восстания. Граница между Ираном и Ираком должна была проходить по тальвегу Шатт-эль-Араба, что увеличивало права Ирана. Багдадский договор носил компромиссный характер и не привел к урегулированию спорных вопросов³⁶.

После прихода к власти в Иране шиитского духовенства отношения между ним и Ираком вновь ухудшились. Не последнюю роль в этом сыграли развернувшаяся в Иране кампания против иракского президента Саддама Хусейна и стремление исламских деятелей распространить идеи иранской революции на Ирак.

Правящая верхушка Ирака — сунниты, но в стране живет много шиитов, антиправительственные настроения которых постоянно подогреваются пропагандой, ведущейся из ИРИ. Нельзя не учитывать и личные мотивы: Хомейни не мог простить Саддаму Хусейну, что тот содействовал его высылке из Ирака в начале октября 1978 г.³⁷ Со своей стороны, Ирак надеялся, что в результате ослабления Ирана после революции он сумеет упрочить свои позиции в районе Ближнего и Среднего Востока. Большое значение имели и внешнеполитические амбиции самого Саддама Хусейна, который стремился воспользоваться международной изоляцией Египта после сделки в Кэмп-Дэвиде, чтобы стать лидером арабского мира³⁸.

Немаловажную роль в разжигании ирано-иракской войны сыграли США и Израиль, которые были заинтересованы в ослаблении этих двух стран, особенно после свержения шахского режима в Иране, поскольку это усиливало их позиции в регионе.

Еще до начала военных действий между двумя странами обострилось положение на ирано-иракской границе. Самолеты обеих стран неоднократно нарушали воздушное пространство друг друга, возникали пограничные инциденты. Так, за период с 23 февраля 1979 по 26 июля 1980 г. иранцы совершили 244 враждебные акции против Ирака³⁹. В свою очередь, в апреле 1980 г. Ирак официально отказался признать права Ирана на острова Томбе-Бозорг, Томбе-Кучек и Абу-Муса и потребовал вывести оттуда иранские войска. Из Ирака были высланы тысячи иранских шиитов. В ответ Иран отозвал персонал своего посольства из Багдада. В июне—июле 1980 г. иранские самолеты бомбардировали пограничную иракскую территорию,

а артиллерия Ирака вела обстрел объектов, расположенных в Иране. В начале сентября Иран обстрелял ряд пограничных городов и районов Ирака. 16 сентября Ирак денонсировал Багдадский договор и Алжирское соглашение. В качестве ответной меры Иран закрыл для судов Ирака Ормузский пролив и блокировал судоходство по Шатт-эль-Арабу ⁴⁰.

22 сентября 1980 г. между Ираном и Ираком начались военные действия. Иракские войска перешли границу и оккупировали часть иранской территории, углубившись в ряде мест от 20 до 110 км ⁴¹. Был захвачен город Хорремшехр. Бомбардировки с воздуха и обстрелы осадной артиллерией и ракетами городов Абадан, Бахтаран, Дизфуль, Ахваз, нефтепромыслов и промышленных объектов Хузестана нанесли значительный ущерб экономике Юго-Западного Ирана, особенно нефтяной промышленности. По заявлению министра иностранных дел ИРИ А. Велаяти, Ирак захватил около 8000 кв. миль территории Юго-Западного Ирана ⁴². Саддам Хусейн, начиная наступление, надеялся на «блицкриг», рассчитывая, что ослабленный внутренними противоречиями Иран не выдержит военного удара. Несмотря на то что иранские вооруженные силы не были отобилизованы, иранское правительство сумело организовать сопротивление иракским войскам. Осенью 1980 г. численность иранских вооруженных сил была доведена до полумиллиона человек. Была объявлена поголовная мобилизация мужского населения в армию и Корпус стражей исламской революции, стали создаваться ополчения («басидж») на местах, в прифронтовой зоне, в том числе в районах расселения племен (луров и бахтиар). В ноябре 1980 г. Ирану удалось остановить продвижение иракских войск. Война приняла затяжной, позиционный характер.

С самого начала вооруженный конфликт с Ираком был провозглашен исламским руководством «священной войной», направленной против США и международного сионизма. Премьер-министр М. Раджаи заявил: «Иран находится в состоянии войны не с народом Ирака, а только с правящим режимом этой страны» ⁴³. Шиитское духовенство активно использовало все средства идеологического воздействия на массы. Главное направление пропаганды определял Хомейни. В многочисленных речах он призывал народ к жертвенности, к «войне до победного конца». Дух шахидизма был одним из важных мобилизующих средств для сплочения иранского общества и поддержания его боевого духа. «Иранцы готовы умереть за справедливость. Наши юноши встанут против танков, пушек и винтовок» ⁴⁴, — заявил Хомейни. Массированная и умело направляемая пропаганда привела к тому, что вторжение иракских войск на территорию Ирана вызвало небывалый подъем патриотизма по всей стране и позволило исламскому режиму выстоять в самый тяжелый для него период войны. На некоторое время прекратили свои выступления даже национальные меньшинства,

многие левые организации и другие антиправительственные группировки.

В обстановке острой внутривнутриполитической борьбы, которая происходила в Иране весной и летом 1980 г., война объективно способствовала объединению народа вокруг исламского руководства. «Мы остро нуждались в войне, которая объединяла бы нас и просквозила бы наши головы. Иракское вторжение, несомненно, возродило революционный дух. В период, наступивший с началом войны, положение страны очень изменилось. Неожиданно создано единство цели. Разногласия, связанные с борьбой за власть, отсечены на задний план»⁴⁵, — писали иранские газеты в первые дни войны. Один из исследователей вопроса, Абиди, считал возможным сказать, что война, развязанная Ираком, явилась благом для иранцев вообще и для духовенства в частности⁴⁶. Духовенство, переведя войну на религиозную почву и усиленно используя религиозную риторику, эксплуатировало религиозные и патриотические чувства народа.

Продолжение войны рассматривалось руководством ИРИ как важный фактор жизнеспособности исламской республики. Поражение или даже компромиссное соглашение с противником, по мнению иранских правящих кругов, означало бы их дискредитацию как внутри страны, так и в глазах всего мира. Исламский режим занял жесткую позицию в отношении всех мирных инициатив, выдвигая явно неприемлемые условия. Хомейни отвергал всякую идею мирного урегулирования конфликта: «Иран не пойдет ни на какие сделки с другими державами и сверхдержавами»⁴⁷. Поэтому мирные усилия, предпринимавшиеся ООН, Движением неприсоединения и Организацией Исламская конференция, долгое время не имели успеха.

Война значительно ухудшила и без того тяжелое экономическое положение Ирана. Большой урон был нанесен нефтяной промышленности, что повлекло сокращение экспорта нефти — основного источника иностранной валюты. «Ущерб, причиненный войной, связан не только с падением производства, но и с дезорганизацией инфраструктуры, в том числе нефтепроводов, системы распределения топлива, нефтепереработки, портового хозяйства, наземного, воздушного и морского транспорта, производства и передачи электроэнергии»⁴⁸, — отмечал премьер-министр Мусави. «Мы потеряли нефтеперерабатывающие заводы, один из наших портов, и у нас 1,5 млн. беженцев, покинувших родные места из-за войны»⁴⁹, — заявил управляющий Центральным банком Ирана в октябре 1981 г. Потребности же страны в деньгах росли с каждым днем. Необходимо было закупать на международных рынках не только продовольствие и товары широкого потребления, но и вооружение и запасные части к нему. Между тем экономика Ирана испытывала трудности еще и в связи с санкциями Запада. Под нажимом США многие капиталистические страны, как уже отмечалось, прекратили закупку нефти в Иране. Так, Япония, которая обеспечива-

ла за счет импорта из Ирана большую часть ежедневно необходимых ей 4 млн. барр. нефти, приостановила ее закупки.

Потрясения, пережитые страной в результате политических акций исламского режима и ирано-иракской войны, сделали для всех очевидным необходимость развития внешнеэкономических связей. В результате заметно оживилась дипломатическая активность режима.

Первой страной, к которой Иран обратился за помощью, была Сирия. Еще за несколько дней до того, как пограничные столкновения переросли в войну, в Сирию был направлен представитель Банисадра с просьбой поставить Ирану оружие и военную технику, оказать ему дипломатическую поддержку и провести отвлекающие военные учения на границе с Ираком. Президент Сирии Хафез Асад отклонил большую часть этих предложений, но согласился оказать Ирану немедленную помощь оружием, организовав воздушный мост между Дамаском и Тегераном, действовавший по ночам⁵⁰. В конце 1980 г. в Сирии побывала парламентская делегация Ирана во главе с председателем меджлиса Хашеми-Рафсанджани⁵¹.

Премьер-министр Ирана Раджаи в январе 1981 г. встретился с представителями Объединенных Арабских Эмиратов на острове Абу-Муса. В Индонезию в феврале того же года выехала делегация иранских богословов; она обратилась к индонезийскому правительству с просьбой оказать Ирану поддержку в связи с войной. В Малайзию прибыла иранская делегация во главе с представителем премьер-министра Раджаи. В НДРГ был направлен личный посланник аятоллы Хомейни. Улучшились ирано-пакистанские отношения: в феврале 1981 г. министр иностранных дел Пакистана Ага Шахи посетил Иран и имел беседы с Банисадром и Раджаи.

Иран активизировал отношения со многими государствами, в том числе с КНДР, ГДР, Чехословакией, Болгарией, Южным Йеменом, Индией, Мальтой, Алжиром, Ливией. Он сумел компенсировать дефицит запасных частей и вооружения за счет поставок из Турции, Пакистана, Южной Кореи, КНДР и некоторых других стран. Большую финансовую помощь ему оказала Ливия.

После освобождения заложников возобновились экономические отношения с западными странами и Японией. США частично отменили запрет на торговлю с Ираном. Многие исламские руководящие деятели Ирана начали активно выступать за восстановление экономических контактов с деловыми кругами капиталистических стран. Министр тяжелой промышленности Б. Набави заявил корреспонденту тегеранского радио, что Иран будет проводить внешнеэкономическую политику, основанную в первую очередь на связях с Европой⁵². ИРИ активизировала свою деятельность и в международных организациях: ООН, ОПЕК, Движении неприсоединения, Организации Исламская конференция и др. Таким образом, Иран шаг за шагом отсту-

тал от политики автаркии и расширял экономические отношения с Западом.

Охарактеризованный выше внешнеполитический курс проводился в условиях, когда США и после урегулирования кризиса с заложниками не отказались от намерений восстановить свои позиции в Иране.

В условиях войны с Ираком необходимость приобретать запасные части к имеющейся уже американской боевой технике и закупать новые виды вооружения побудила Иран пойти на нелегальные контакты с США. Исламские руководители были готовы вести переговоры с США и идти на определенные уступки, чтобы получить вооружение, позволяющее вести войну с Ираком⁵³. В то же время в правящих кругах США существовало мнение, что рано или поздно Иран вернется в русло американской политики, особенно если там произойдет смена руководства. Как уже отмечалось выше, в 1985 г. в результате визита в Тегеран бывшего помощника президента США по национальной безопасности Р. Макфарлейна была достигнута договоренность о тайной продаже Ирану американского оружия через третьи страны (одним из побудительных мотивов для Вашингтона явилось стремление добиться возвращения американских заложников, захваченных шиитскими экстремистами в Ливане). Посредником выступил Израиль, который получал современное американское вооружение и передавал его Ирану.

Политика Израиля в этой ситуации понятна: ослабление Ирака было ему выгодно, и потому он старался поддерживать Иран. Более того, министр обороны Израиля И. Рабин заявил, что «победа Ирака или Ирана в войне в Заливе станет угрозой для безопасности Израиля. Израилю выгодно, чтобы эта война продолжалась как можно дольше»⁵⁴. По некоторым данным, Израиль поставлял Ирану оружие и военную технику с самого начала боевых действий, когда иранцы утратили возможность получать вооружение из традиционных источников. Транспортировка израильского оружия в Иран осуществлялась через третьи страны; этим, в частности, занимались англичане и шведы⁵⁵.

Разгром либерально-буржуазной оппозиции позволил правящему духовенству сосредоточить все силы для ведения войны. Была быстро осуществлена дополнительная мобилизация, и численность иранских вооруженных сил достигла почти 1 млн. солдат⁵⁶. Командование ввело в войсках жесткую дисциплину. Приобретение американской военной техники, активизация внешнеэкономических связей, использование средств идеологического воздействия на массы — все это помогло исламскому руководству добиться перелома в войне. В январе 1981 г. иранцы нанесли удар в районе г. Сусангерда, но с небольшим военным эффектом. В сентябре 1981 г. наступление оказалось более успешным: была прорвана блокада Абадана, освобождены восточный берег реки Карун, города Сусангерд, Гиляне-Гарб.

Иранское наступление в феврале—марте 1982 г. в районе Дизфуль — Шуш также было успешным. 24 мая был взят Хорремшехр. Таким образом, была освобождена вся провинция Хузестан⁵⁷.

17 июля 1982 г. по приказу Хомейни иранские войска перенесли военные действия на иракскую территорию, создав угрозу для Басры. Этот военно-политический акт был совершен вопреки позиции, занятой левыми силами и частью духовенства, которые считали продолжение войны равнозначным физическому уничтожению молодого поколения Ирана. Серия последующих наступательных операций под кодовым названием «Фаджр» («Заря»), проведенных в 1983—начале 1984 г., не принесла больших результатов. Они привели лишь к небольшим прорывам в Курдистане и созданию плацдарма на острове Маджнун. Неудачей закончилось наступление в районе болот Ховейзе на юге Ирака в 1985 г., а также ряд последующих наступательных операций под кодовым названием «Кербела». С начала войны и до 1987 г. Иран предпринял около 30 наступательных операций, но почти все они были отражены иракскими вооруженными силами⁵⁸. Наиболее удачным было наступление Ирана в феврале 1986 г., когда он захватил полуостров Фао с одноименным портом. (В апреле 1988 г. иракцы вернули Фао.) В январе—феврале 1987 г. Иран вновь попытался овладеть Басрой, вторым по величине городом Ирака, но все атаки иранцев были отбиты.

С февраля 1988 г. Иран и Ирак возобновили ракетные обстрелы и массированные авиационные налеты на города друг друга. Иракская авиация совершила налеты на крупнейшие города Ирана — Тегеран, Кум, Исфахан, Тебриз, Кередж и многие другие. Только за два месяца налетов погибло около 1200 мирных жителей и свыше 4 тыс. получили ранения.

Ни одна из сторон не могла добиться победы в войне. Ирак имел преимущество в авиации и вооружении, зато Иран обладал значительно большими людскими резервами. К концу 1986 г. Ирак израсходовал на закупку оружия, боеприпасов и другой военной техники 55 млрд. долл., а Иран — 25 млрд. долл.⁵⁹.

Вооруженные силы ИРИ состоят из собственно армейских частей — около 300 тыс. человек, формирований КСИР — 350 тыс. и ополчения («басидж») — добровольных полувоенных соединений — более 5 млн. человек. В ополчение зачисляются в возрасте от 16 до 60 лет, но иногда среди басиджей встречаются и подростки 14—15 лет.

Значительное преимущество Ирана над Ираком в людской силе (примерно 3 : 1) диктовало военную стратегию иранского руководства — безжалостную трату людских ресурсов. Недаром Иран понес большие потери: за семь лет войны около 270 тыс. убитых, 420 тыс. раненых, свыше 10 тыс. попавших в плен. Ирак за это же время потерял убитыми, ранеными, захваченными в плен 360 тыс. человек⁶⁰.

Применявшаяся исламским руководством в наступательных операциях тактика «человеческой волны», когда в наступление шли плохо вооруженные и обученные войска, состоявшие из подростков и стариков, стала вызывать все растущее недовольство в армии и народе. Свидетельством этого явились антивоенные демонстрации в различных городах страны, забастовки на заводах, антиправительственные акции.

Как уже отмечалось, продолжение ирано-иракской войны отрицательно сказалось на экономическом развитии Ирана. Значительно возросли бюджетные ассигнования на военные нужды, и одновременно сократились инвестиции в народное хозяйство. В 1985/86 г. (1364 г. х.) расходы на экономическое развитие уменьшились на 26%, а на военные цели — увеличились на 20%, в 1986/87 г. (1365 г. х.) — соответственно на 37 и 22%. Общие потери Ирана за семь лет войны составили около 360 млрд. долл.⁶¹ Особенно велик ущерб, нанесенный нефтяной и нефтехимической промышленностью. В 1981—1986 гг. доходы Ирана от нефти сократились на 27 млрд. долл. Ежегодные военные расходы Ирана составляли 15—16 млрд. долл., т. е. превышали 40% бюджета⁶². Золотые резервы Ирана уменьшились с 15 млрд. до 4—4,5 млрд. долл. в 1987 г.⁶³

Затянувшийся конфликт серьезно дестабилизировал положение в обширном географическом районе. В результате «танкерной войны» обострилась обстановка в Персидском заливе. Обе стороны начали нападать на суда в 1981 г. Однако в полном масштабе «танкерная война» развернулась в 1984 г., когда иракские ВВС начали систематически нападать на иранские танкеры. В ответ на это Иран стал наносить удары по судам нейтральных стран, в первую очередь главных сторонников Ирака — Саудовской Аравии и Кувейта.

В 1986—1987 гг. нажим Ирана на Кувейт заметно усилился. Кувейт оказывал Ираку денежную помощь, предоставляя ему выручку от продажи примерно 300 тыс. барр. нефти в день, Иранское руководство обвиняло Кувейт также в том, что он пропускает иракские самолеты, вылетающие бомбить Иран, через свое воздушное пространство. В связи с этим Тегеран проявлял к эмирату все большую враждебность⁶⁴. Иранские корабли систематически досматривали суда, направлявшиеся в Кувейт. Иностранные танкеры, перевозившие кувейтскую нефть, нередко подвергались нападению иранцев в ответ на обстрелы Ираком танкеров с иранской нефтью. В сентябре 1986 г. Иран впервые совершил нападение на танкер под кувейтским флагом. В том же году Иран выпустил по Кувейту две ракеты, которые иранцы развернули с конца 1986 г. на берегу Ормузского пролива и на оккупированном полуострове Фао. Начиная с 1984 г. в районе Персидского залива было совершено около 400 нападений на суда⁶⁵.

Чтобы обезопасить свои танкеры от нападений иранцев, Кувейт решил передать их под защиту ведущих морских дер-

жав. В ноябре 1986 г. кувейтцы попросили США зарегистрировать у себя некоторые свои танкеры, но ответа не получили. Тогда Кувейт обратился к Советскому Союзу с несколько иной просьбой: об аренде на годичный срок трех советских танкеров для вывоза кувейтской нефти из порта Мина-эль-Ахмади. Советский Союз дал на эту просьбу положительный ответ. После этого и США пересмотрели свою позицию и предложили зарегистрировать часть кувейтских танкеров под американским флагом, что и было сделано. На этой основе они были взяты под защиту американских ВМС. Весной 1987 г. кувейтцы обратились к трем другим членам Совета Безопасности — Китаю, Франции и Англии — с аналогичной просьбой. 11 кувейтских танкеров (т. е. половина танкерного флота эмирата), перевозившие почти 70% кувейтской нефти, были переданы под американский флаг. Принципиальная разница между соглашениями с Советским Союзом и США с Кувейтом не требует особых пояснений. Соглашение с США граничило с частичным отказом Кувейта от своего суверенитета.

К концу 1987 г. число американских кораблей в Заливе достигло 42. США оказали давление на союзников, потребовав от них направить свои военные корабли в Персидский залив. Франция развернула в Заливе крупные силы — 15 кораблей, в том числе авианосец «Клемансо». Англия направила туда пятую часть своих военно-морских сил. Италия имела в этом районе 8 кораблей. Голландия и Бельгия создали объединенную группу из 5 кораблей⁶⁶. По состоянию на весну 1988 г., в районе Персидского залива находилось около 80 иностранных боевых кораблей для траления мин и защиты торговых судов от нападения.

Наращивание иностранного военного присутствия в Заливе не привело к ослаблению конфликта. Наоборот, военная обстановка обострилась. В Саудовскую Аравию, Кувейт, Бахрейн США перебросили противотанковые зенитные ракеты, электронную аппаратуру. Саудиды де-факто предоставили Пентагону базы. В Омане США используют три военные базы. Бахрейн и Кувейт предоставили участки для базирования американских вертолетов, специальных частей ВМС, ракет.

Истинные цели американского военного присутствия в Персидском заливе были далеки от тех, какими их пытался представить Вашингтон. Они заключались в стремлении установить военный контроль над этим регионом, подчинить его интересам своей ближневосточной стратегии. «Несмотря на все гарантии и усилия, Запад не может обеспечить порядок в Персидском заливе. Безопасность в Заливе остается проблемой стран, опоясывающих его, но не внешних сил»⁶⁷, — подчеркивала газета «Хиндустан Таймс».

Основным негативным последствием ирано-иракского конфликта стало значительное обострение обстановки в районе Ближнего и Среднего Востока. США, используя ирано-ирак-

скую войну, наращивали свое военное присутствие в зоне Персидского залива, основывали военные базы, пытались создать из прибрежных арабских государств проамериканский союз⁶⁸.

Война в Персидском заливе вызвала резкую поляризацию сил в арабском мире. Сирия и Ливия поддержали Иран, Алжир, НДРЙ. Тунис открыто не поддерживали ни одну из воюющих сторон. Остальные арабские государства выступили на стороне Ирака. Ряд арабских правителей занял такую позицию, опасаясь распространения «исламской революции» на свои страны. Учитывая ряд факторов, как внутренних, так и внешних, арабские государства, поддерживающие Ирак, проявляли осторожность и сохраняли дипломатические отношения с ИРИ. Их осмотрительность во многом объяснялась боязнью возможного иранского возмездия и опасениями, что победитель станет претендовать на лидирующую роль в регионе. В то же время они не желали допустить победы Ирана, считая, что она станет угрожать их безопасности и повлечет за собой кардинальные изменения в соотношении сил в районе Ближнего и Среднего Востока. Последнее соображение оказалось более весомым. Когда война приняла затяжной характер, консервативные арабские режимы стали оказывать финансовую помощь Ираку (преимущественно в виде займов), составлявшую 25—30 млрд. долл. в год⁶⁹. «Для арабов, за исключением Сирии, Южного Йемена и Ливии, решающие иранские победы — худшее несчастье, чем ошеломляющие успехи Израиля в 1967 г. и в Ливане»⁷⁰, — подчеркивали на Западе.

Непосредственную помощь Ираку оказывали также Египет, Марокко, ЙАР, Мавритания и Судан. Египет стал поставлять Ираку вооружение и посылать добровольцев.

Коренное изменение военно-политической ситуации в зоне Персидского залива, явившееся результатом свержения иранской монархии и политики Тегерана, провозгласившего лозунг экспорта «исламской революции», наряду с ирано-иракской войной и политикой США в Персидском заливе побудили прибрежные арабские страны создать в 1981 г. Совет сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ). В него вошли Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Оман и Катар — страны, обладающие огромными финансовыми возможностями (их золотовалютные запасы в 1983 г. оценивались в 300 млрд. долл.). Объем заключенных им сделок о поставках оружия только в 1983 г. достиг 35 млрд. долл.⁷¹ В 1984—1985 гг. Совет заключил соглашение со странами Запада о закупке вооружения и боевой техники на общую сумму 2,3 млрд. долл.

К 1987 г. нефтедобывающие страны Персидского залива во главе с Саудовской Аравией и Кувейтом ссудили Ираку колоссальную сумму в 150 млрд. долл. для финансирования его военных нужд⁷².

В последние годы в деятельности Совета делается упор на военное сотрудничество стран-членов. В рамках ССГПЗ созда-

ны объединенное военное командование, региональные силы быстрого развертывания, единая система ПВО, осуществляется подготовка военных кадров, проводятся совместные учения.

Продолжительность ирано-иракской войны, превращение ее в войну на истощение и появление в ней новых и чрезвычайно опасных сторон, таких, как «война городов» и «танкерная война», расширение числа стран, в той или иной мере принимавших в ней участие, — все это вызывало крайнюю озабоченность мирового сообщества. Война не только истощала людские и экономические ресурсы Ирана и Ирака, она охватывала все большее число государств. Следствием этого могло быть расширение военных действий за пределы стран, участвовавших в конфликте. Ирано-иракская война — наиболее серьезный военный конфликт после второй мировой войны, который мог угрожать всему человечеству.

В связи с этим в 1987 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 598 по прекращению ирано-иракской войны. Ирак поддержал резолюцию, Иран отверг ее как в целом, так и по важнейшим пунктам. Вплоть до середины 1988 г. исламский режим ИРИ продолжал занимать непримиримую позицию в отношении урегулирования военного конфликта с Ираком, настаивая на удовлетворении всех своих требований, прежде всего признания Ирака агрессором, отстранения от власти иракского президента Саддама Хусейна и партии Баас. 6 октября 1987 г. конгресс США с целью оказания давления на Иран проголосовал за эмбарго на импорт нефти и других товаров из Ирана и призвал все страны присоединиться к нему. Эмбарго должно было сохраняться до тех пор, пока Иран не прекратит нападать на суда в Персидском заливе и не пойдет на мирное урегулирование конфликта. Как и в 1980 г., к эмбарго частично присоединились союзники США. Запрет на импорт из Ирана являлся в основном символическим жестом, так как значительная часть вывозимой из Ирана нефти поставляется через другие страны. Так, за первые семь месяцев 1987 г. сами США через посредников закупили у Ирана нефть почти на 1 млрд. долл.⁷³

Исламский режим рассматривал войну с Ираком в качестве стержневого вопроса своей внутренней и внешней политики. Продолжение и успешное окончание войны стало вопросом престижа для шиитских лидеров. В стране раздувалась обстановка патриотического угара. Война вошла в дом практически каждого иранца и требовала все новых и новых жертв и лишений. «Победное окончание войны является ключом к решению всех наших трудностей»⁷⁴, — провозгласил президент страны А. Хаменеи. Тем не менее в иранском руководстве не было единства по вопросу об окончании войны. Часть правящего духовенства во главе с Хомейни выступала за продолжение войны, другие пытались найти приемлемый выход из тупика, в котором оказался Иран. Все военные усилия, предпринимавшиеся Ираном, не

смогли нарушить стратегического равновесия на фронтах. В обстановке все возрастающей политической напряженности внутри страны бессмысленность войны для народных масс и опасность ее продолжения для верхов становилась все более очевидной. 18 июля 1988 г. руководство ИРИ заявило о признании резолюции Совета Безопасности № 598. В августе начались переговоры сторон под эгидой ООН. Боевые действия были прекращены.

Внеэкономические связи ИРИ

Большое влияние на внешнюю политику ИРИ оказал тот факт, что страна находилась в сильной экономической зависимости от мирового хозяйства, усугублявшейся в результате происшедшего в условиях исламского режима глубокого расстройств экономики страны. Проявилось это в том, что провозглашенный с первых дней революции принцип внешней политики ИРИ «ни Восток, ни Запад» претерпел существенную трансформацию. Практически ИРИ все больше и больше отступала от этого принципа и искала различные способы наладить отношения с развитыми капиталистическими странами. При этом религиозное руководство сворачивало связи с СССР и другими странами социализма, выступало за сокращение экономического сотрудничества с ними, вело антисоветскую кампанию внутри страны. Такого рода курс иранского руководства был с одобрением встречен в западных странах. «Запад может рассчитывать на независимый и монолитный Иран... — важный барьер на пути распространения советского влияния в Персидском заливе»⁷⁵, — заявляли в Тегеране.

Такая позиция исламского руководства объяснялась не только его убеждением, что справиться с экономическими трудностями можно лишь с помощью капиталистических государств, но и усилением во внутренней и внешней политике ИРИ реакционных тенденций. Все это позволило западным странам не относиться серьезно ко второй части лозунга «ни Восток, ни Запад», ибо они справедливо полагали, что на выбранном Ираном пути экономического развития он неминуемо будет находиться в сфере международных капиталистических отношений.

Определенные круги в руководстве ИРИ, ратующие за ничем не ограниченное развитие страны по капиталистическому пути, смогли добиться определенной активизации политических и экономических отношений со странами Западной Европы и США. Они, как уже отмечалось, воспрепятствовали принятию законопроекта об огосударствлении внешней торговли, который мог ограничить и поставить под контроль правительства внешнеторговые операции крупного частного торгового капитала. Расширению экономических и политических связей Ирана с миром во многом способствовал отказ от политики изоляционизма. Министр иностранных дел ИРИ А. Велаяти, выступая в

меджлисе в августе 1984 г., подчеркивал: тот, кто говорит об изоляционизме Хомейни, забывает, что это было в самом начале революции. «Прямые директивы, которые я получил от имама сейчас, диаметрально противоположны этой политике»⁷⁶.

Произошло некоторое отступление и от провозглашенного в первый год революции внешнеполитического принципа ИРИ — первостепенного развития экономических отношений с развивающимися, прежде всего мусульманскими, странами. Своей непримиримой позицией в отношении урегулирования военного конфликта, политикой экспорта «исламской революции» Иран подорвал к себе доверие ряда мусульманских государств, которые или полностью разорвали с ним отношения, или поддерживают самые минимальные контакты.

Поэтому внешнеэкономические связи ИРИ продолжали осуществляться по традиционным направлениям: развитые капиталистические страны (70% товарооборота), развивающиеся государства (около 20%) и социалистические страны (10%)⁷⁷. Таким образом, продолжался прежний внешнеэкономический курс, предусматривавший укрепление и развитие прежде всего отношений с капиталистическими государствами.

На состояние внешнеэкономических связей ИРИ продолжали оказывать влияние как внешние факторы — замедление темпов роста экономики стран развитого капитализма, рост дефицита торгового и платежного баланса большинства стран мира, так и внутренние — дальнейшая милитаризация экономики Ирана, сокращение расходов на развитие промышленного производства, уменьшение капиталовложений.

В условиях войны основной упор в торгово-экономических отношениях с зарубежными странами делался на продаже им сырой нефти на свободно конвертируемую валюту и приобретение на вырученные средства военного оборудования, снаряжения для нужд фронта, медикаментов, основных видов продовольствия, а также сырья и запчастей. Экспорт сырой нефти составлял около 95% всей суммы вывоза Ирана. Поэтому резкое падение мировых цен на нефть с конца 1985 г. и уменьшение доходов от нее (с 13,5 млрд. до 5—6 млрд. долл. в 1986 г.) остро поставили перед иранским руководством вопрос об изменении внутренней и внешней экономической политики в сторону: увеличения экспорта не нефтяных товаров. Однако из-за неготовности иранской экономики к такой перестройке процесс переориентации экспорта займет длительное время. В 1985 г. Иран получил от ненефтяного экспорта около 500 млн. долл., в 1986 г. — 700—750 млн. долл.⁷⁸.

Падение цен на нефть привело к сокращению товарооборота Ирана. Наивысший объем товарооборота зарегистрирован в 1984 г. — 44,4 млрд. долл., в 1985 г. — 27,3 млрд., в 1986 — 18 млрд., в 1987 г. — 23 млрд. долл. Повышение объема товарооборота в 1987 г. объясняется некоторой стабилизацией цен на нефть на мировом рынке⁷⁹.

Основными торговыми партнерами ИРИ среди стран капиталистического мира были Япония, ФРГ, Италия, Англия, Швеция, Южная Корея, Австрия, Франция. Структура импорта из этих стран отражала потребности иранской экономики, сориентированной на продолжение войны с Ираком. Это прежде всего закупка оборудования для оснащения и перепрофилирования некоторых заводов на производство вооружения, закупка торговых и военных судов, нефтебурового и нефтеперекачивающего оборудования для ремонта и сооружения нефтяных терминалов и нефтепроводов.

Одно из первых мест в списке партнеров Ирана занимает Япония. Она является крупнейшим и постоянным покупателем иранской нефти. Поставки нефти в Японию выросли с 250 тыс. барр. в сутки в 1982 г. до 300 тыс. барр. в последующие годы. Товарооборот между двумя странами в 1982—1985 гг. достигал 4—6 млрд. долл. В 1987 г. товарооборот составил около 2,5 млрд. долл.⁸⁰ Это — наивысший показатель торговли с капиталистическими странами на указанный год. Несмотря на то что в 1985 г. Япония в одностороннем порядке (в связи с продолжавшейся ирано-иракской войной) временно прекратила свое участие в сооружении крупнейшего в Иране нефтехимического комплекса в Бендер-Хомейни (80% строительной готовности), в результате чего были заморожены капиталовложения в размере около 2,5 млрд. долл., правительство ИРИ продолжало активно содействовать развитию ирано-японского экономического сотрудничества.

В Иране действуют 72 японских консультативных центра по технической кооперации в области химической промышленности. Япония участвовала в сооружении в Иране 12 промышленных и инфраструктурных объектов, большинство которых уже вошли в строй. В 1987 г. японские фирмы подписали контракты на строительство в Иране двух цементных заводов. Японские и иранские специалисты планируют совместную деятельность по сельскохозяйственному развитию побережья Каспийского моря.

Прочные отношения сохранились у Ирана с ФРГ. Товарооборот между двумя странами в 1983 г. составил 2,2 млрд. долл., в 1984 г. — 3,5 млрд., в 1985 г. — 2,3 млрд., в 1986 г. — 2,1 млрд., в 1987 г. — 2 млрд. долл.⁸¹ ФРГ — крупнейший покупатель иранских ненефтяных товаров, в первую очередь ковров ручной работы. Но в связи с небольшим объемом поставок нефти Иран имеет самый крупный дефицит в торговле с ФРГ. Компании ФРГ вложили в иранскую промышленность, в основном в машиностроение, около 200 млн. долл. Расширяется сотрудничество в области нефтяной и горнодобывающей промышленности. С помощью ФРГ в Иране сооружаются сталелитейный и трубопрокатный заводы, ТЭС и другие объекты. В 1986 г. ФРГ получила заказ на сооружение электростанции в Ширазе и поставку 16 траулеров.

Значительно активизировались экономические связи Ирана с Италией. Эта страна находится на втором месте по объему закупок иранской нефти. В Иране действует около 40 итальянских компаний. Товарооборот между двумя странами в 1987 г. составил около 1,5 млрд. долл.⁸² Основными сферами сотрудничества являются нефтяная, газовая, сталелитейная, автосборочная промышленность, энергетика, дорожное, портовое, ирригационное строительство. К числу крупнейших объектов ирано-итальянского сотрудничества принадлежат новый порт в Бендер-Аббасе и газоочистительный комплекс в Мобараке.

Активно сотрудничает Иран и с другими странами капиталистического мира. Англия оказывает Ирану содействие в развитии нефтяной, нефтехимической, автомобильной промышленности. Объем товарооборота между двумя странами составил в 1985 г. 850 млн. долл., в 1986 г. — 660 млн. долл. Южная Корея участвует в реализации многих проектов в области газовой промышленности, энергетике, железнодорожного строительства, в рыболовстве. Объем ирано-корейского сотрудничества в 1985—1987 гг. вырос в 5 раз и достиг 1,5 млрд. долл. Создана комиссия по развитию торгово-экономических отношений между Ираном и Испанией (товарооборот — около 1 млрд. долл.). Развиваются внешнеэкономические связи Ирана со Швецией, Голландией, Австрией, другими странами.

Несмотря на официальную линию конфронтации с США, провозглашенную исламским руководством ИРИ, отношения между двумя странами продолжают развиваться. «Мы готовы сотрудничать с правительством Ирана, чтобы установить новые взаимовыгодные отношения»⁸³, — заявил бывший президент США Картер. В декабре 1981 г. Вашингтон посетила иранская военная делегация во главе с подполковником Р. Мошрефи. Она вела переговоры о выполнении в полном объеме некоторых контрактов, подписанных Ираном с США еще во времена правления шаха. Признаком улучшения ирано-американских отношений явился и рост объема торговли между двумя странами: в первый год после снятия блокады товарооборот вырос до 260 млн. долл. по сравнению с 23 млн. долл. в 1980 г.

Летом 1983 г. аятолла Мусави Джазаери посетил США и вел переговоры о налаживании торговли и политических контактов. Среди исламского руководства имеются активные сторонники развития ирано-американских отношений. В 1983 г. объем двусторонней торговли превысил 1,5 млрд. долл., т. е. вырос вдвое по сравнению с предыдущим годом. 25 банков США и около 100 американских корпораций получили компенсацию за потери, вызванные иранской революцией. Иран напрямую закупал в США зерновые, продовольствие, запчасти для автомобилей, железнодорожной техники, нефтяное оборудование и другие товары. Кроме того, американские товары поступали в Иран через третьи страны. В 1987 г. товарооборот между США и Ираном составил 730 млн. долл. (без нефти). США импорти-

ровали из Ирана в 1985—1987 гг. около 260 тыс. барр. нефти ежедневно⁸⁴.

В интервью французскому корреспонденту Хашеми-Рафсанджани подчеркнул, что ИРИ никогда не отказывалась от закупок американских товаров, даже в самих США. «В Иране много американского оборудования и вооружения, и нам нужны запчасти к ним, — сказал председатель меджлиса. — Американцы могут покупать иранскую нефть. Наша вражда с Америкой простирается прежде всего из враждебности Америки к нам»⁸⁵.

В 1985 г. Иран попытался восстановить отношения с Францией, которые были заморожены из-за ее активной поддержки Ирака и предоставления убежища иранским политическим эмигрантам. Иранская делегация, посетившая Францию, урегулировала некоторые спорные вопросы. Так, французское правительство согласилось погасить заем в размере 1 млрд. долл., предоставленный ей Ираном еще в 1974 г.; за это ИРИ обещала помочь освободить французских граждан, захваченных в Ливане мусульманскими экстремистами. Правительство Франции обещало ограничить политическую деятельность иранской эмиграции; ее наиболее активным представителям было даже предложено покинуть пределы страны. Товарооборот между двумя странами достиг в 1987 г. 850 млн. долл.⁸⁶. Но отношения с Францией, в руках которой сосредоточилось около 50% поставок вооружения в Ирак, продолжают оставаться неустойчивыми и напряженными.

Развитие торговли с развитыми капиталистическими странами Запада и Японией, хотя и позволило несколько стабилизировать экономическое положение Ирана, улучшить снабжение населения товарами широкого потребления, в той или иной степени обеспечить необходимым сырьем и деталями предприятия, в то же время привело к ряду негативных последствий для иранской экономики.

Для торговли ИРИ с западными странами характерен опережающий рост импорта. Это можно проследить на примере торговли ИРИ с ФРГ: импорт из Западной Германии в 3,5 раза превышает экспорт в эту страну. Ежегодно дисбаланс в ирано-западногерманской торговле составлял около 5 млрд. западногерманских марок. Подобный дисбаланс сохранялся и в торговых отношениях ИРИ с Англией, Швецией и другими капиталистическими странами⁸⁷. Начиная примерно с 1982 г. объем импорта из развитых капиталистических стран возрастал ежегодно на 50%. Следствием некоторого сокращения экспорта иранской нефти в связи с продолжавшейся ирано-иракской войной и общего сужения мирового рынка нефти, а также значительного падения цен на нефть стал дефицит платежного баланса Ирана, который к 1985 г. составил около 2 млрд. долл., а в 1986 г. — 3 млрд. долл.⁸⁸. Кроме того, увеличение объема импорта в Иран обострило транспортную проблему. Ни мор-

ской, ни железнодорожный, ни автомобильный транспорт не справлялись с перевозкой грузов, и поэтому многие закупленные товары портились.

Зависимость Ирана от капиталистических стран имела и другую отрицательную сторону. Премьер-министр Мусави, выступая в меджлисе в 1985 г., подчеркнул, что «зависимость Ирана от Запада в промышленности достигает таких размеров, что в будущем это может угрожать независимости страны»⁸⁹.

На заседаниях иранского меджлиса неоднократно подчеркивалось, что развитые капиталистические страны больше ввозят в ИРИ, чем вывозят, выкачивая таким образом валюту. «Мы должны сделать серьезные предупреждения своим партнерам по торговле»⁹⁰, — заметил один из депутатов.

Поэтому в условиях резкого обострения валютных и транспортных проблем правящий режим был вынужден принять меры, направленные на усиление экономии валютных средств, снижение объема закупок. Прежде всего ИРИ стремится развивать отношения с государствами, в торговле с которыми у нее активный баланс. Создан специальный комитет по сокращению импорта из ФРГ.

Руководители ИРИ выступают за более «сбалансированные» торговые и политические связи со странами мира». Для экономии валюты и снижения дефицита торгового баланса исламское руководство проводит курс на свертывание объемов капитального строительства и создание новых промышленных объектов. Так, были законсервированы сооружаемые с помощью Японии и ФРГ предприятия по обработке нефти. Кроме того, учитывая трудности в экспорте жидкого топлива, правительство ИРИ поставило свои торгово-экономические связи с капиталистическими странами в прямую зависимость от закупок ими иранской нефти и политической лояльности к исламскому режиму. В соответствии с этим преимущество имеют те страны, которые больше закупают иранской нефти и проводят дружественную политику в отношении ИРИ.

В начале 80-х годов отношения между Ираном и социалистическими странами испытывали на себе воздействие антикоммунистической, антисоветской направленности исламского руководства. Но со второй половины 1985 г. связи Ирана с Советским Союзом* и социалистическими странами стали расширяться. В основе этих новых тенденций во внешнеполитическом курсе ИРИ лежит прежде всего стремление ее руководства преодолеть изоляцию на мировой арене, в которой оказался Иран в результате своей внешней политики, и попытаться смягчить возросшие валютно-финансовые трудности за счет развития торгово-экономических связей с социалистическими странами на клиринговой основе.

Социалистические страны не имели контрактов по оказанию

* Отношениям между Ираном и СССР посвящен специальный параграф (см. ниже).

технического содействия Ирану в сооружении крупных экономических объектов. Исключение составили объекты, контракты по которым были заключены до 1979 г.

После СССР крупнейшим торговым партнером Ирана из числа социалистических стран была Румыния. Товарооборот между ИРИ и СРР составил в 1983 г. 559 млн. долл. Румынские организации сотрудничали с ИРИ в строительстве ЛЭП в Иранском Азербайджане. В 1986 г. в Бухаресте состоялось заседание ирано-румынской комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству⁹¹.

В 1985 г. состоялось несколько взаимных визитов представителей ИРИ и ЧССР, ГДР, ВНР, НРБ. НРБ сотрудничает с ИРИ в строительстве электростанций, молокозаводов, красильных предприятий, цементных заводов. ВНР оказывает содействие в строительстве предприятий по производству медикаментов и медицинского оборудования, текстильного производства, энергетики и сельского хозяйства. В ноябре 1986 г. в Тегеране было подписано соглашение по торговле и экономическому сотрудничеству между ИРИ и ПНР. Страны сотрудничают в производстве свинца, цинка, модернизации сахарных заводов, в пищевой промышленности. В сентябре 1986 г. было подписано соглашение с ГДР о поставке в Иран оборудования для электростанций, трансформаторов и кабелей. ГДР участвует в строительстве цементных заводов, развитии химической промышленности, машиностроения, энергетики. Широкая программа в области экономического сотрудничества разработана между ИРИ и Югославией. В Иране работает около 400 югославских специалистов. Тесные и дружественные отношения поддерживает ИРИ с КНДР. Иран поставлял в КНДР нефть и руды цветных металлов, закупал у нее металлоизделия, запасные части, станки, электротехнические товары. Объем взаимной торговли увеличивался быстрыми темпами: с 14 млн. долл. в 1980/81 г. до 140 млн. в 1982/83 г.⁹².

В 1983 г. Иран нормализовал отношения с КНР. Были подписаны торговый протокол и соглашения об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве, достигнута договоренность, согласно которой половину китайского импорта из Ирана составят не нефтяные товары — минеральное сырье, сухофрукты, кожсырье. КНР обязалась экспортировать в ИРИ химические товары, инструменты, оборудование для производства бумаги и металлоизделия, продукцию электротехнической, нефтяной промышленности. Китайские организации участвуют в железнодорожном строительстве в Иране. Несмотря на то что Китай объявил о своем нейтралитете в ирано-иракском конфликте, он поставлял оружие обеим странам через посредников. Так, он поставил ИРИ ракеты.

И все же, несмотря на определенную активизацию отношений ИРИ с социалистическими странами, объем товарооборота с ними остается невысоким и не идет ни в какое сравнение с

торговлей, которая ведется с капиталистическими странами. Ниже приведены данные о товарообороте ИРИ с социалистическими государствами (в млн. долл.) ⁹³:

	1985 г.	1986 г.
НРБ	295	143
ВНР	184	119
ГДР	218	61
КНР	191	400
ПНР	123	78
ЧССР	162	140
Всего . . .	1173	941

Резкое сокращение товарооборота в 1986 г. объяснялось тем, что, как уже отмечалось выше, в этом году резко упали цены на нефть и ИРИ смогла получить только 5—6 млрд. нефtedолларов.

ИРИ продолжала активно развивать связи со странами «третьего мира», особенно с мусульманскими государствами. За шесть лет, прошедших после революции, ИРИ открыла посольства в 15 странах, с которыми шахский Иран не поддерживал никаких отношений, не считая при этом стран, в которых находятся представительства ИРИ. Проведение активного внешнеполитического курса с середины 80-х годов провозглашено главной целью внешней политики ИРИ. «Для того чтобы иметь динамичную экономику, мы должны сохранять и развивать связи с внешним миром» ⁹⁴, — заявил президент республики Хаменеи.

Не желая снова испытать тяготы экономической блокады, Иран всячески старался расширить географическую структуру импорта, особенно продовольственного. Основными поставщиками сельскохозяйственных товаров Ирану были Австралия, Новая Зеландия, Уругвай, Индия, Таиланд, КНР. Страны «Общего рынка» в импорте продовольствия в ИРИ занимали в 1986 г. всего 14%.

В 1986 г. состоялись визиты президента Ирана в страны Африки — Танзанию, Мозамбик, Анголу, Зимбабве, во время которых были подписаны документы, предусматривающие развитие торгово-экономических связей между этими странами и ИРИ.

ИРИ поддерживает отношения с Никарагуа и некоторыми другими странами Южной Америки.

Иран стремился расширить экономические связи с Турцией и Пакистаном, несмотря на явно выраженную проамериканскую ориентацию этих стран. Турция обеспечивала потребности ИРИ в импорте ряда промышленных товаров в обмен на поставки сырой нефти. Иран возглавил список стран, ввозящих товары из Турции. Особое внимание правительство ИРИ уделяло расширению транзитных перевозок, которые быстро развивались и составили к 1985 г. почти 5 млн. т. Через Турцию осуществляется значительный реэкспорт товаров в Иран из ряда капиталистических стран, в первую очередь из США. Турция является

единственной страной Ближнего Востока, продающей оружие ИРИ. В 1985 г. состоялся визит премьер-министра ИРИ Мусави в Турцию, был подписан протокол о торговле и развитии технического и экономического сотрудничества.

Иран выступил инициатором возобновления деятельности Организации регионального экономического сотрудничества трех стран (Иран, Турция, Пакистан). В Тегеране в 1985 г. состоялась ее первая сессия. В 1987 г. обсуждались вопросы таможенных тарифов, создания исламского банка этой организации.

В конце 1985 г. Иран посетил турецкий государственный министр по экономическим вопросам, а в начале 1986 г. премьер-министр Турции Т. Озал. В ходе визитов были обсуждены вопросы сотрудничества между двумя странами в области торговли, промышленности, транспорта, банковской системы, обмена научной информацией. Товарооборот между двумя странами в среднем составлял 2,2—2,5 млрд. долл. в год⁹⁵. Узким местом в ирано-турецких торгово-экономических отношениях явились транспортные коммуникации, которые не справились с возросшим объемом торговли между Ираном и Турцией и реэкспортом товаров, идущих через турецкую территорию в ИРИ. Поэтому стали сооружаться новые линии коммуникаций между двумя странами. Если в предыдущие годы в ирано-турецких отношениях наибольшее внимание уделялось развитию торговых отношений, то начиная с 1987 г. на первый план выходит сотрудничество в сооружении таких крупных объектов, как нефте- и газопроводы. В январе 1988 г. иранская делегация вела в Стамбуле переговоры о строительстве трубопровода длиной 1440 км от южных нефтяных месторождений Ирана в Турцию. Иранская нефть, как предполагается, должна поступать с нефтепромыслов Ахваза в турецкий город Искендерун. Планируемая пропускная способность — 1,4 млн. барр. в день. Нефтепровод может стать первым крупным сухопутным маршрутом для экспорта иранской нефти. Объем капиталовложений в строительство трубопровода оценивается в 5—6 млрд. долл.

Развитие ирано-турецких отношений нельзя оценивать однозначно, так как у этих стран есть целый ряд нерешенных политических и экономических проблем, например членство Турции в НАТО и поддержка, оказываемая ею Ираку. Иран настаивает, чтобы Турция оставалась нейтральной и не мешала действиям курдских повстанцев, выступающих против иракского правительства.

Иранские лидеры критикуют турецкое правительство за проводимую им, по их мнению, светскую антиклерикальную политику. Турецкие власти, со своей стороны, недовольны вмешательством средств пропаганды ИРИ в свои внутренние дела.

В результате возобновления деятельности Организации экономического сотрудничества оживились ирано-пакистанские отношения. В январе 1986 г. президент Ирана А. Хаменеи посе-

тил Пакистан. В 1987 г. в Исламабаде был подписан «Меморандум понимания» для расширения экономического сотрудничества двух стран. Обе страны ввели предпочтительные меры для содействия ирано-пакистанской торговле. Товарооборот увеличился на 100 млн. долл., достигнув в 1986 г. 400 млн. долл.⁹⁶ Согласно меморандуму, Иран обязался поставлять Пакистану ежедневно 200 тыс. барр. нефти, продать 200 рейсовых автобусов. Пакистан поставляет Ирану ежегодно 100 тыс. т риса. Иран и Пакистан договорились обмениваться преподавателями фарси и урду, возобновили железнодорожное сообщение между Кветтой и Захеданом.

Иран находился в изоляции от большинства арабских стран. Исключение, как отмечалось выше, составляли Сирия и Ливия. Иран придавал большое значение развитию отношений с этими государствами. Премьер-министр ИРИ А. Мусави еще в 1984 г. заявил, что укрепление и развитие всесторонних отношений с Сирией и Ливией является одной из первостепенных задач внешней политики Ирана⁹⁷.

Используя сирийско-иракские противоречия, Иран добился от сирийского руководства решения о закрытии ирако-сирийской границы и прекращения перекачки иракской нефти через сирийскую территорию, что сильно ухудшило экономическое положение Ирака. Этот шаг Сирии был компенсирован широкой финансовой помощью, предоставленной ей Ираном и Ливией. По данным западной печати, иранская помощь Сирии составляла примерно 1 млрд. долл. в год, главным образом в виде поставок нефти, тогда как субсидии Саудовской Аравии — 800 млн. долл., а общий объем помощи арабских стран — 1,2 млрд. долл.⁹⁸.

Иран продавал Сирии нефть по ценам ниже мировых, причем 1 млн. т нефти из предоставлявшихся ежегодно 7,7 млн. т поступал бесплатно, а 5 млн. т — со скидкой в 2,5 долл. за 1 барр. Кроме того, Иран проявил крайнюю снисходительность к сирийским долгам и частично списал их (долг Сирии Ирану превысил 1,5 млрд. долл.). В 1986 г. меджлис вновь предоставил Сирии отсрочку в уплате долга. Таким образом, в экономическом отношении Сирия зависела от Ирана, что и определяло во многом ее внешнюю политику. Иран, в свою очередь, получал через Сирию различные товары и оружие. Одна из газет Саудовской Аравии писала, что Сирия получает от Ирана бесплатно нефть и значительную финансовую помощь и использует особые отношения с Тегераном для повышения своей собственной роли в регионе⁹⁹.

В марте 1982 г. между Ираном и Сирией было подписано соглашение о торговле и туризме, в соответствии с которым иранские паломники могут посещать в Сирии шиитские святыни. Начиная с 1984 г. Сирию каждую неделю посещало около тысячи граждан ИРИ.

В 1984 г. президент ИРИ А. Хаменеи посетил Сирию. В хо-

де бесед с президентом Сирии Хафезом Асадом были выработаны принципы совместной политики в отношении некоторых событий в регионе ¹⁰⁰.

Иран предоставлял в распоряжение Сирии солдат для борьбы с Израилем. По данным, относящимся к осени 1986 г., свыше тысячи бойцов КСИР находились в Сирии, около 4 тыс. иранцев — в Ливане. Иран несколько раз вызывался прислать еще солдат, но сирийцы вежливо отклоняли эти предложения ¹⁰¹.

В сирийско-иранских отношениях имелись и свои сложности. Сирия — арабская страна, и она нуждается в поддержании тесных связей с теми арабскими государствами, которые находятся в конфронтации с Ираном, заинтересована в их финансовой помощи. Определенные политические круги в Сирии не желали поражения Ирака, в частности они выражали недовольство, когда иранские войска перешли иракскую границу ¹⁰². Под влиянием иранцев находился ряд сирийских религиозных группировок, выступающих против политического курса ПАСВ. Некоторые из этих группировок в 1983 г. были распущены сирийским правительством. Сирия выступила против идеи Хомейни о создании объединенных вооруженных исламских сил для борьбы с Израилем и воспрепятствовала созыву по этому вопросу закрытой конференции министров иностранных дел Ирана, Ливии и Сирии.

Успешно развивались отношения Ирана с Ливией. Между двумя странами были заключены соглашения о сотрудничестве в области промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта. Создана смешанная комиссия по экономическому сотрудничеству. В начале 1982 г., после того как из Ливии были отозваны американские нефтяники, туда прибыли 200 иранских специалистов в области нефти. Кроме того, после введения США эмбарго на продажу Ливии нефтяного оборудования ИРИ частично компенсировала это поставками соответствующего оборудования из своей страны. Ливия оказывала финансовую помощь Ирану в связи с вооруженным конфликтом с Ираком. После того как в 1987 г. стало известно о контактах Ирана с американцами и израильтянами, Ливия значительно снизила уровень своих отношений с Тегераном ¹⁰³.

Таким образом, формирование и развитие внешнеэкономических связей ИРИ в рассматриваемые годы прежде всего было подчинено милитаристским целям исламского режима, который главную задачу своей внешней политики видел в достижении любой ценой победы над Ираком и в экспорте «исламской революции» в страны региона, рассчитывая этим поднять свой международный престиж и укрепить власть и авторитет шиитского руководства внутри страны.

Внешняя политика Ирана характеризуется откровенным прагматизмом, наличием глубоких расхождений между декларируемыми принципами и их практическим воплощением, край-

ней непоследовательностью в установлении и поддержании экономических и политических связей с государствами, имеющими различные общественные системы, усилением или ослаблением в зависимости от политической конъюнктуры антиамериканских и антисоветских выпадов как внутри страны, так и на международной арене.

ИРИ и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке

Иранская революция и последовавшее за ней установление в Иране исламского режима во внешнеполитическом плане в наибольшей степени оказали влияние на Ближний и Средний Восток. Это объясняется не только географическими факторами, но во многом и тем политическим наследством, которое досталось ИРИ от шахского режима. Ближний и Средний Восток являлся, как известно, объектом первоочередного внимания иранской дипломатии, с которым, особенно в 70-е годы, были связаны многие далеко идущие расчеты шахского режима. Отношения Ирана со странами этого региона и шахское понимание «национальных интересов» и «сферы безопасности» Ирана оказывали весьма существенное и постоянно возрастающее влияние на формирование политической ситуации в этом районе мира ¹⁰⁴.

Изменения, связанные со сменой режима и внешнеполитической переориентацией, сказались как на состоянии двусторонних отношений Ирана с арабскими странами и Израилем, так и на его позиции в связи с арабо-израильским конфликтом и различными подходами к его урегулированию. В отличие от шахского режима, пытавшегося поддерживать видимость совместимости своих тесных отношений с Израилем с «последовательно проарабской позицией в ближневосточном конфликте» и заявившего, что отношение Ирана к конфликту не является «прямой производной» от состояния отношений с его участниками ¹⁰⁵, исламский режим провозгласил поддержку «арабского и палестинского дела» и враждебность к экспансионистскому курсу Тель-Авива главными взаимосвязанными элементами своей ближневосточной политики ¹⁰⁶.

ИРИ и Израиль. Если в зоне Персидского залива до иранской революции двумя «столпами» американской политики были Иран и Саудовская Аравия, то в более широком, региональном контексте (в первую очередь в военном плане) такими двумя опорами являлись Израиль и Иран. Между ними существовало тесное сотрудничество в сфере обороны и разведки, причем израильская помощь в подготовке кадров САВАК, частей коммандос и в некоторых других областях осуществлялась, как правило, под «крышей» американских военных программ ¹⁰⁷. Как отмечал американский востоковед Л. Биндер, США играли

в ирано-израильских отношениях роль «молчаливого партнера»¹⁰⁸.

После 1973 г., когда США взяли курс на придание видимости большей «сбалансированности» в своих отношениях с Израилем и арабскими государствами, а Иран концентрировал усилия на создании военно-политической группировки в зоне Залива, Тегеран и Тель-Авив сочли целесообразным несколько изменить публичный «профиль» своих отношений¹⁰⁹. Тем не менее интенсивное сотрудничество между двумя странами не прерывалось вплоть до 1979 г. Регулярный характер носил и обмен секретными визитами между руководителями обеих стран¹¹⁰.

Одной из первых, логически вытекавших из внешнеполитической доктрины Хомейни акций руководства ИРИ был полный разрыв с Израилем. «Все наши проблемы — от Америки. Все наши затруднения — из-за Израиля. Израиль — это та же Америка»¹¹¹, — заявлял Хомейни.

Важным фактором, предопределившим негативное отношение руководства ИРИ к Израилю, была неограниченная поддержка, оказывавшаяся Тель-Авивом в организации и укреплении военного и репрессивного аппарата шахского режима, подрывная роль израильских спецслужб в период иранской революции. Эта позиция режима отражала также широкое недовольство иранской общественности агрессивным курсом Тель-Авива в отношении своих арабских соседей, игнорированием законных чаяний арабского народа Палестины, продолжающейся оккупацией святых мест ислама в Иерусалиме. «Кому не известно, — риторически вопрошал Хомейни, — что одно из наших главных расхождений с шахом заключалось в отношении к Израилю?»¹¹².

Наиболее ощутимым ударом, полученным Израилем в результате иранской революции, явилось прекращение поставок нефти. Следует отметить, что решение о нефтяном бойкоте Израиля приняло еще правительство последнего шахского премьера, Ш. Бахтияра. В правительственном заявлении по этому вопросу, представлявшем собой явный реверанс в сторону «исламистов», отмечалось, что «Иран не будет больше поставлять нефть Израилю, так как эта страна находится в состоянии войны с нашими единоверцами и ее политика угрожает миру в регионе»¹¹³. В результате иранского бойкота Израиль потерял источник, обеспечивавший поставки до 60% всей потреблявшейся внутри страны нефти.

Существенным ударом по израильскому внешнеторговому балансу явилась также потеря доходов от реэкспорта изготовлявшихся в Израиле из иранской нефти нефтепродуктов, а также от транзитной перекачки нефти, поступающей из Ирана, в средиземноморские порты Израиля. «Израильское правительство, — отмечалось в исследовании аналитика ЦРУ Р. Реппы, — вложило значительные средства в строительство нефте-

провода Эйлат — Ашкелон, нефтеперерабатывающего комплекса в Ашдоде и реконструкцию порта Эйлат для приема супертанкеров, рассчитывая в первую очередь на гарантированные поставки нефти из Ирана»¹¹⁴.

Несмотря на то что Тель-Авив пытался в своих официальных заявлениях всячески преуменьшить значение акций ИРИ, предпринятых против Израиля¹¹⁵, переориентация израильской энергетики на южноафриканский уголь и более дорогостоящую (в тот период) нефть, приобретаемую на свободном рынке наличного товара в Роттердаме и географически более удаленных рынках (в частности, в Латинской Америке и Африке), весьма существенно отразилась на состоянии израильского платежного баланса¹¹⁶. В этом контексте значительно возросло и давление Тель-Авива на Вашингтон с требованием расширить гарантии нефтеснабжения, предоставлявшиеся Израилю по условиям «второго Синайского соглашения» 1975 г.¹¹⁷.

Экономические потери Израиля не ограничивались нефтью. Израиль, входивший в 1971—1977 гг. в десятку важнейших торговых партнеров Ирана, лишился емкого и исключительно выгодного рынка сбыта своих потребительских товаров, военной техники и технологических услуг, ежегодно приносивших израильской казне 150—200 млн. долл. в виде положительного торгового сальдо¹¹⁸.

Определенный урон был нанесен и израильским спецслужбам, превратившим Тегеран в важный центр разведывательной и подрывной деятельности против государств региона. В лице печально известной САВАК и иранской военной разведки, созданных и выпестованных при самом активном участии Израиля и связанных с МОССАД и Шин-Бет соглашениями об обмене информацией и координации действий, Тель-Авив лишился важного партнера и источника разведывательной информации¹¹⁹.

Хотя Израилю и удалось (во многом благодаря своевременной информации о развитии обстановки в стране, поступавшей от израильской миссии и резидентуры МОССАД в Тегеране, опиравшихся в своей деятельности на тесные связи с еврейской и особенно бежаитской общинами, которые занимали влиятельные позиции в экономической и политической жизни Ирана) уменьшить негативное воздействие иранской революции на свои позиции в регионе, оно было весьма существенным¹²⁰. Как отмечал тогдашний руководитель израильской военной разведки генерал А. Ярив, «наши потери в Иране были настолько велики, что мы не могли даже надеяться полностью преодолеть их в обозримом будущем, хотя и делали все, что могли, чтобы свести их к минимуму»¹²¹.

Переход ИРИ на позиции активного противодействия Израилю и поддержки ООП означал для Израиля не только потерю «стратегического союзника», но и полное фиаско проводившейся Тель-Авивом с 1948 г. политики, направленной на созда-

ние прочного тыла по «периферии арабского мира». Значение этого момента еще более возрастало в свете прогрессирующей после вооруженного конфликта 1973 г. дипломатической изоляции Израиля, особенно в Африке, и роста проарабских настроений в Западной Европе, что оказывало непосредственное влияние на ближневосточную политику ряда западноевропейских государств.

Ирано-иракский конфликт открыл перед Тель-Авивом широкие возможности нейтрализации вредных для него последствий иранской революции. Воспользовавшись трудностями, с которыми столкнулся Иран, Израиль выдвинулся на роль одного из поставщиков оружия и запчастей для американской военной техники, состоящей на вооружении иранской армии¹²². На руку Израилю оказалась и озабоченность ряда арабских стран в связи с перспективой распространения исламского фундаментализма и жесткой позицией ИРИ в отношении урегулирования конфликта, нашедшей отражение в тезисе Хомейни о том, что «путь к освобождению Иерусалима лежит через Багдад»¹²³; тем самым создались более благоприятные условия для проталкивания скоординированных с Вашингтоном сепаратных планов ближневосточного урегулирования. Антиизраильская риторика, а также дипломатическая активность ИРИ, направленная на исключение Израиля из ООН¹²⁴ в условиях, когда многие арабские государства не желали поддерживать никакие инициативы, исходящие из Тегерана, не представляли серьезной угрозы для Израиля и не могли сколько-нибудь существенно «нейтрализовать» те стратегические «плюсы», которые извлекал Тель-Авив из продолжения ирано-иракского конфликта.

Удалось Израилю в значительной мере обуздать и угрозу своей безопасности, исходящую от присутствия контингента КСИР в Ливане и попыток ИРИ активизировать джихад против Израиля как со стороны ливанских шиитов, так и палестинцев на оккупированных территориях. Учитывая притязания Тегерана на роль монопольного выразителя истинных интересов исламских народов, Тель-Авив сделал основной акцент в своей стратегии сдерживания исламского фундаментализма не только на применении силовых методов, но и на максимальной эксплуатации любых различий в позициях и подходах ИРИ, Сирии, ООП и различных религиозно-политических организаций, вовлеченных в арабо-израильский конфликт. Израильтяне умело использовали столкновения между «исламистами» и левыми палестинцами. Не случайно руководство ООП вынуждено было выступить с заявлением, что роль мусульманских экстремистов на оккупированных территориях заключается прежде всего в подрыве палестинских национально-патриотических организаций, а не в борьбе с Израилем¹²⁵. Характерно, что в весьма ограниченном списке разрешенной палестинским узникам израильских тюрем политической литературы фигурируют главным образом книги «братьев-мусульман» и сочинения иранских богословов¹²⁶.

ИРИ и Организация Освобождения Палестины. Выражая свою солидарность с борьбой арабского народа Палестины, поддерживая его законное право на самоопределение и создание независимого государства, ИРИ заявила об официальном признании ООП, разрешила ей открыть свое представительство со статусом посольства в Тегеране и консульство в Ахвазе, а также пригласила руководителя ООП Ясира Арафата посетить Иран с официальным визитом в качестве первого иностранного гостя исламской республики. Весьма символично, что представительство ООП в Тегеране было размещено в здании бывшей израильской миссии.

В ходе визита Арафата в Тегеран в феврале 1979 г. ООП получила заверение иранского руководства в том, что республиканский Иран «вплотную займется вопросом достижения победы над Израилем, как только стабилизирует внутривосточную обстановку и укрепит собственную мощь»¹²⁷. Главное внимание, как отмечал представитель ООП, комментируя итоги переговоров в Тегеране, уделялось выработке общей стратегии борьбы с Израилем¹²⁸. Иранская сторона подчеркнула также, что считает освобождение Иерусалима одним из своих важнейших морально-политических и религиозных обязательств перед народом Палестины¹²⁹.

Несмотря на то что Иран в силу ряда причин не пошел дальше предоставления ООП моральной и дипломатической помощи, сам факт поддержки со стороны мощного государства, играющего важную роль в делах региона, представлял собой важную политическую победу для ООП. Это способствовало (на первых порах) ее внутренней консолидации и, как отмечали некоторые исследователи, «изолировало или заставило пересмотреть свою позицию некоторых деятелей в ООП и других палестинских организациях, склонявшихся к более умеренной позиции по отношению к Израилю»¹³⁰. Иранская поддержка увеличила политический вес и влияние ООП и косвенным образом содействовала росту помощи ООП со стороны консервативных арабских стран, а также Ирака, стремившихся таким путем ослабить «радикализирующее» иранское влияние¹³¹.

Вместе с тем существовали и факторы, сдерживавшие развитие отношений между Ираном и ООП. Так, многие члены иранского руководства с крайней подозрительностью отнеслись к контактам Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) во главе с Ж. Хабашем и других фракций ООП с некоторыми политическими группировками арабов Хузестана, усматривая в этом поддержку их автономистских требований¹³². Недовольство Тегерана вызывали также связи ООП с оппозиционными левыми группировками ОМИН и ОПФИН, а также усиление враждебности между палестинцами и проиранскими организациями в Ливане.

Значительный ущерб ирано-палестинским отношениям нанесла вспыхнувшая в сентябре 1980 г. ирано-иракская война,

поставившая ООП в исключительно сложное, двусмысленное положение, фактически лишившая ее поддержки двух сильных союзников ¹³³ и, что не менее важно, придавшая мощный импульс борьбе между сторонниками исламистских и просирийских (Ас-Саика) группировок в ООП, с одной стороны, и проиракских (Арабский освободительный фронт) — с другой ¹³⁴.

Прямым следствием раскола явился рост влияния консервативных арабских режимов на политику руководства ООП, выразившийся, в частности, в одобрении ООП «плана Фахда» и в подписании весной 1985 г. иордано-палестинского соглашения о создании единой делегации для участия в переговорах с Израилем под эгидой США ¹³⁵. Соответственно (несмотря на скорое фиаско, постигшее этот «альянс») определенные политические выгоды в связи с таким развитием событий получил Израиль.

Обозначившаяся с начала 80-х годов регенерация центрсиловых устремлений Ирана под лозунгом «экспорта исламской революции» оказала негативное воздействие как на отношения между ООП и ИРИ, так и на единство Палестинского движения сопротивления (ПДС).

Провал попыток Тегерана поставить ООП под свой контроль имел следствием усиление напряженности в отношениях Тегерана с этой организацией. Свидетельством раздражения и недовольства Тегерана тесными связями Я. Арафата с консервативными арабскими режимами, переносом штаб-квартиры ООП в Багдад, попытками палестинского лидера выступить в роли посредника в ирано-американском конфликте из-за заложников, а позднее — в ирано-иракской войне была резкая критика в адрес политики ООП. Охарактеризовав действия Арафата как свидетельство его «проамериканизма» и «предательства исламского и палестинского дела», Тегеран принял решение о прекращении отношений с руководством ООП ¹³⁶.

Провозглашая несостоятельными и бесперспективными любые попытки решения палестинской проблемы без учета фундаментальных принципов ислама, лидеры ИРИ выступили с альтернативной программой, призванной обеспечить подлинно «исламское решение» этой проблемы. Важнейшим компонентом «исламской альтернативы» для Палестины является требование не ограничиваться борьбой за возвращение оккупированных Израилем территорий, а стремиться к «полному освобождению Палестины» путем джихада. «Даже если Израиль пойдет на уступки и будет создано палестинское государство, это не будет означать решение палестинской проблемы, — заявил Хашеми-Рафсанджани. — В этом густонаселенном районе нет места, чтобы принять всех палестинцев, которые пожелают вернуться... В таких условиях признать право Израиля на существование означало бы потерять все» ¹³⁷.

Составной частью курса на подрыв ООП и исламизацию ПДС явилась активизация поддержки антиарафатовских, «диссидентских» фракций внутри ООП, в частности группировок

Абу Хаджа и Ахмада Джибриля. Одновременно, стремясь усилить «исламскую альтернативу» ООП внутри ПДС, Тегеран увеличил финансовую помощь действующим на Западном берегу Иордана и в секторе Газа религиозно-политическим организациям «Аль-Марказ аль-ислами», «Харакат аль-джихад», «Аль-Йад аль-исламийя», «Хизбалла», а также усилил инфильтрацию в них прохомейнистских элементов ¹³⁸.

Раскрывая суть этого курса, Хашеми-Рафсанджани признавал, что «политика ИРИ направлена на дискредитацию роли ООП как единственного и законного представителя палестинского народа, на придание ПДС исламского характера, подчинение этого движения идее борьбы обездоленных мусульман против сверхдержав» ¹³⁹. Обуславливая оказание поддержки ООП серьезными изменениями в ее политике и стремясь создать фундаменталистскую альтернативу ведущей роли ООП в Палестинском движении сопротивления ¹⁴⁰, власти ИРИ, как показали дальнейшие события, объективно способствовали расколу в рядах ООП и ослаблению ее способности противостоять нажиму сил империализма и региональной реакции.

При анализе отношений Ирана с ООП и другими палестинскими организациями следует также иметь в виду, что Тегеран стремился использовать их для максимального повышения своей роли в межарабской политике и создания благоприятных условий для продвижения «исламской революции», с которой пытались таким образом снять ярлык чисто иранского или шиитского, а значит, неприемлемого для большинства арабских народов феномена ¹⁴¹. В этом же контексте усилий ИРИ по идеологическому обеспечению своих притязаний на региональное доминирование следует рассматривать и пропагандистскую риторику Тегерана, призванную создать ИРИ репутацию «лидера борьбы исламских народов против сионизма, за освобождение Иерусалима» и восстановление попранных прав «мусульманского народа Палестины» ¹⁴².

Рассмотрение концепций и подходов Тегерана к решению палестинской проблемы показывает их диаметральное отличие от любых конструктивных политических инициатив, направленных на всеобъемлющее урегулирование ближневосточного конфликта.

Гипертрофированный антисионизм тесно сочетается с религиозно-шовинистическими установками, а антиимпериализм, и без того носящий весьма условный характер, подменяется тезисом о «двух сверхдержавах». Хомейнисты откровенно отдают приоритет экспорту «исламской революции» перед интересами достижения мира на Ближнем Востоке.

ИРИ и Ливан. Истерзанный гражданской войной Ливан рассматривался лидерами ИРИ в качестве одного из наиболее подходящих объектов экспорта «исламской революции». Тяжелое социально-экономическое положение членов шиитской общины, составляющей более трети населения, ущемленность по-

литических прав ливанских шиитов в условиях господствующей в этой стране конфессиональной системы¹⁴³ делали их психологически подготовленными к восприятию идей «исламской революции» и настоятельно диктовали, по мнению Тегерана, необходимость «исправления исторической несправедливости» путем перестройки страны в исламском духе. Весьма важным было и наличие организационной инфраструктуры для развертывания исламского движения в лице созданного близким к Хомейни Мусой Садром «Движения обездоленных», позднее получившего название «Амаль».

За радикальной религиозно-политической фразеологией Тегерана и его «радением» о судьбе ливанских шиитов и их многострадальной родины скрывался далеко идущий политический расчет: усилить свое влияние в условиях ослабления государственной власти и создать условия для установления исламской республики (характерным свидетельством полного пренебрежения Ирана к государственному суверенитету Ливана явился, в частности, отказ Тегерана убрать из Ливана иранских представителей и контингент КСИР после разрыва Бейрутом дипломатических отношений с ИРИ в 1984 г.)¹⁴⁴.

Учитывая географическую близость Ливана к Израилю, руководство ИРИ ставило задачу активизировать борьбу против Израиля и под флагом этой борьбы, в которую в той или иной мере вовлечено большинство арабских государств, распространить «исламскую революцию». Именно поэтому проиранские организации «Амаль» и «Хизбалла», действуя в духе выдвинутой Тегераном концепции «тотальной войны исламских наций против сионистских оккупантов Иерусалима», отвергали любую возможность стабилизации обстановки на израильско-ливанской границе, саботировали соответствующие решения ООН и вели борьбу не только против израильтян, но и против временных сил ООН на юге страны.

Стремясь обеспечить реализацию своих планов в Ливане, Тегеран использовал весь спектр средств, имевшихся в его распоряжении. Наряду с содержанием контингента пасдаров в долине Бекаа ИРИ осуществляла широкие программы предоставления финансовой помощи проиранским шиитским организациям (до 100 млн. долл. в год)¹⁴⁵, а также проводила массированную идеологическую обработку членов шиитской общины.

Провал попыток подставить под свой контроль все движение «Амаль» вынудил Тегеран пойти в 1982 г. на такую крайнюю меру, как раскол этой организации, когда от умеренного Руководящего совета шиитского движения «Амаль» во главе с Набихом Берри отделилась крайне правая, откровенно проиранская группировка Исламское движение «Амаль» во главе с Хусейном Мусави. Другим важным шагом на пути организационного обеспечения целей хомейнистской политики в Ливане явился «тихий» переворот внутри «Хизбалла», осуществленный в конце 1987 г. Он привел к устранению ряда руководителей

(включая популярного духовного лидера Мухаммеда Хусейна Фадлаллу), которые стремились сохранить независимость от ИРИ и всячески подчеркивали ливанское начало своей организации. Вместо них у руля «Хизбалла» были поставлены более сговорчивые и преданные Тегерану деятели во главе с шейхом Субхи Туфейли¹⁴⁶.

Эта акция, которую многие эксперты не без оснований рассматривали как шаг на пути провозглашения исламской республики на части ливанской территории, была продиктована важными политическими мотивами, в первую очередь военными неудачами Ирана и связанными с этим внутривнутриполитическими издержками. За восемь лет войны Ирану так и не удалось добиться сколько-нибудь заметного успеха в вопросе об экспорте своей революции. Это породило в Иране чувства беспокойства и сомнения в осуществимости планов выхода «исламской революции» за пределы ИРИ и обострило борьбу внутри правящей верхушки в конце 1987 — начале 1988 г.¹⁴⁷ В создавшихся условиях провозглашение исламской республики в Ливане (первоначально в долине Бекаа, контролируемой КСИР и «Хизбалла»), по замыслу тегеранской верхушки, было призвано ликвидировать недовольство и сомнения внутри страны, а следовательно, дать новый стимул для внутривнутриполитической консолидации, продолжения войны и политики экспорта «исламской революции».

Однако реализация проекта создания «Исламской республики Ливан» столкнулась со значительными трудностями. На внутривнутриполитическом уровне главным тормозом для его осуществления служило отсутствие сколько-нибудь заметной поддержки широких слоев населения, в том числе большинства мусульман. На внешнеполитическом — труднопреодолимым препятствием была позиция Сирии, располагавшей огромным влиянием в Ливане. Несмотря на тесные отношения, сложившиеся между Тегераном и Дамаском, особенно с началом ирано-иракской войны, сирийское руководство давало ясно понять иранцам нежелание иметь у своих рубежей «новую исламскую республику»¹⁴⁸.

Анализ политики ИРИ по отношению к Ливану показывает, что деятельность Тегерана и направляемых им группировок вопреки широкообещательным декларациям лидеров ИРИ не только не отвечает задачам борьбы против происков сионизма и империализма, но и представляет собой серьезную угрозу единству патриотических сил этой страны, ее государственному суверенитету и территориальной целостности.

ИРИ и Египет. Установление исламского режима резко изменило характер отношений между Ираном и крупнейшей страной арабского мира — Египтом. Тесные всесторонние связи, базировавшиеся на сходной внешнеполитической ориентации обоих режимов, сменились напряженностью в двусторонних отношениях.

Это было обусловлено в первую очередь радикальным пересмотром позиции Ирана по вопросам ближневосточного урегулирования, осуждением политики саатовского режима и в немаловажной степени демонстративным приемом в Египте свергнутого шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. Обострению египетско-иранских отношений во многом способствовали развернутая Каиром пропагандистская война против исламской республики, широкая поддержка эмиграции, фактическое превращение Египта в основной центр деятельности антихомейнистских группировок в регионе ¹⁴⁹.

Руководство ИРИ прекратило оказание Египту экономической помощи по условиям заключенного в 1975 г. соглашения, которое предусматривало предоставление ему займов общим объемом в 2 млрд. долл. ¹⁵⁰. А в мае 1979 г. после ратификации сепаратного мирного договора между Израилем и Египтом Иран объявил о разрыве дипломатических отношений с Египтом. Как отмечалось в заявлении аятоллы Хомейни, этот шаг был предпринят «в знак протеста против заключения Садатом предательского договора с Израилем, беспрекословного подчинения египетского правительства Соединенным Штатам и международному сионизму, измены палестинскому, арабскому и исламскому делу» ¹⁵¹.

Новый иранский режим оказал на Египет весьма заметное идеологическое влияние, выразившееся в возникновении и активизации ряда исламских фундаменталистских течений и группировок ¹⁵².

Египетское руководство было серьезно озабочено дестабилизирующим воздействием внешней политики ИРИ. Свидетельством этого было не только ужесточение репрессий в отношении религиозной оппозиции (заккрытие в мае 1979 г. органа исламских фундаменталистов журнала «Ад-Дава», аресты ряда мусульманских активистов», в том числе лидеров организации «Братья-мусульмане» О. Тилмессани, С. Ашмави и аль-Масри), но и попытки как бы перехватить инициативу, подчеркнуть религиозную обоснованность, «законность» курса правительства внутри страны и на международной арене ¹⁵³.

В срочном порядке был принят ряд мер, чтобы убедить египтян в том, что президент и его окружение являются истинными сторонниками исламизации. Так, 22 мая 1980 г. Садат утвердил поправку к конституции АРЕ, в соответствии с которой шариат был признан главным источником правовых норм египетского общества. Был издан декрет о строительстве тысячи новых мечетей, увеличено время трансляции религиозных программ по радио и телевидению. Правительство стремилось в этот период найти общую основу для сотрудничества с влиятельными богословами и руководством Аль-Азхара. В своих публичных высказываниях Садат и другие египетские руководители стали делать упор на религию. Для оправдания кэмп-дэвидской политики широко использовались, в частности, ссылки на соответст-

вующие суры Корана, в которых говорится о необходимости стремиться к миру; ведущие теологи из университета Аль-Азхар выступили под нажимом правительства с фетвой, одобрявшей сепаратную сделку¹⁵⁴.

Активно прибегал Каир к использованию «исламской аргументации» и в пропагандистской полемике с Тегераном. Раздававшаяся из Египта критика действий воинствующих хомейнистов в ходе американо-иранского конфликта из-за заложников, отмечал американский иранист Р. Рамазани, воспринималась Тегераном особенно болезненно в силу того, что она убедительно демонстрировала исламскому миру несоответствие «захвата заложников требованиям Корана и шариата»¹⁵⁵.

Усилилась координация действий Египта и консервативных арабских режимов, усматривавших во внешнеполитическом курсе ИРИ угрозу своей стабильности. Этот фактор способствовал ослаблению и постепенной дезинтеграции фронта противодействия капитулянтской политике тогдашнего египетского президента. Существенно ослабла и степень политической изоляции Египта в арабском мире.

В 1979 г. египетское руководство подтвердило свои военно-политические обязательства в отношении поддержки суданского, сомалийского и оманского режимов¹⁵⁶. Размещение египетского воинского контингента в Омане вместо выведенного из этой страны иранского экспедиционного корпуса (с удовлетворением воспринятое в Эр-Рияде и других аравийских столицах) указывало на готовность Каира взять на себя часть функций, исполнявшихся ранее шахским Ираном.

Смена руководства в Каире после убийства Садата не привела к существенным изменениям в ирано-египетских отношениях. Иранцы не прекращали подрывной деятельности, нацеленной на «экспорт исламской революции» в Египет путем поддержки разного рода экстремистских исламских группировок. Так, уже в мае 1982 г. после казни лиц, осуществивших убийство Садата, одна из таких организаций, «Аль-Акса», приговорила к смерти нынешнего президента Хосни Мубарака. Финансирование иранскими эмиссарами деятельности этой и ряда других экстремистских группировок привело в мае 1987 г. к закрытию секции защиты интересов Ирана в АРЕ и дальнейшему охлаждению отношений между двумя странами¹⁵⁷.

Дополнительным фактором, препятствовавшим нормализации, явилась позиция Египта в ирано-иракском конфликте. Тегеран фактически оставил без внимания явно примирительный тон заявлений Мубарака, его сбалансированный подход к войне в Персидском заливе, исключавший возможность эскалации вмешательства на стороне Ирака и ограничивавший вовлеченность Египта в конфликт коммерческими поставками военных материалов и умеренной дипломатической поддержкой своему давнему сопернику в борьбе за лидерство в арабском мире¹⁵⁸. Стремление замедлить выход АРЕ из политической изоляции и

восстановление ее статуса в арабском и исламском мире, произошедшее, в частности, на сессии Организации Исламская конференция в Санае в декабре 1984 г., где иранская дипломатия пыталась объявить участие АРЕ в сессии незаконным, а также критика предложения Мубарака о посредничестве в урегулировании ирано-иракского конфликта были вызваны в значительной мере опасениями Тегерана, что реинтегрированный в арабское сообщество Египет составит важнейший элемент анти-иранской коалиции консервативных арабских режимов и мощное препятствие на пути реализации внешнеполитических расчетов ИРИ в регионе ¹⁵⁹.

В целом главным аспектом воздействия режима ИРИ на Египет остается идеологический. На политическом уровне его влияние было значительно менее заметным.

ИРИ и страны Персидского залива. «Иранский урок» явился серьезным предупреждением консервативным режимам региона и породил у них сомнения в надежности американских гарантий их стабильности. «Неспособность Вашингтона сдерживать иранскую революцию, — отмечал известный американский политолог В. Квандт, — привела к резкому падению престижа США в соседних с Ираном консервативных арабских странах» ¹⁶⁰. Следствием этого явилась активизация в них политических группировок и течений, выступающих за диверсификацию внешнеполитических связей (т. е. за отказ от односторонней ориентации на Вашингтон) и за сближение с более радикальными силами в арабском мире. В свою очередь, такие «радикальные» государства, как Сирия и Ирак, проявляли явную заинтересованность во взаимном сближении. В немалой степени это объяснялось тем, что в указанных странах под непосредственным воздействием прихода к власти в Иране шиитских богословов резко активизировали свою деятельность антиправительственные исламистские группировки («Братья-мусульмане» в Сирии, «Ад-Дава», «Муджахидин», «Муназзамат аль-амаль-исламийя» и другие шиитские организации в Ираке), представлявшие серьезную угрозу для их стабильности ¹⁶¹.

Как уже отмечалось выше, особенно заметное влияние политика ИРИ в силу очевидных геополитических и этнорелигиозных факторов (наличие значительных иранских колоний и приверженцев шиитской ветви ислама) оказала на государства зоны Персидского залива и соответственно на всю систему международных отношений в этом регионе ¹⁶². Напомним, что, несмотря на существование целого ряда проблем в отношениях шахского Ирана с его арабскими соседями, в целом эти отношения характеризовались во второй половине 70-х годов установлением достаточно высокого уровня взаимопонимания и сотрудничества ¹⁶³. Политика ИРИ нарушила установившееся в регионе статус-кво и создала комплекс факторов, угрожающих стабильности правящих режимов. Предметом особого беспокойства правителей арабских стран зоны Залива стала, в част-

ности, возможность использования новым иранским руководством религиозного (особенно шиитского) фанатизма в качестве инструмента дестабилизации их режимов¹⁶⁴.

Как прямая попытка консолидации антиправительственных арабских группировок под эгидой Тегерана была расценена в странах Залива проходившая в иранской столице в 1980 г. Международная конференция исламских освободительных движений. В ней среди прочих принимали участие представители Исламского движения Ирака, Исламской революционной организации Аравийского полуострова, Исламской революционной организации Саудовской Аравии¹⁶⁵. Созданный вскоре после этой конференции Высший координационный совет иранской исламской революции и исламских революционных организаций за рубежом во главе с аятоллой Монтазери и ходжат оль-эсламом Мехди Хашеми (до его отстранения осенью 1986 г., осуждения и казни), имеющий в своем подчинении четыре региональных командования, стал фактически главным структурным элементом организационного обеспечения политики экспорта «исламской революции»¹⁶⁶.

Несмотря на некоторое первоначальное удовлетворение в связи со свержением шаха (располагавшего самой мощной военной машиной в регионе) и отказом нового иранского руководства от роли регионального жандарма, реакция стран Персидского залива на провозглашение исламской республики в Иране, а особенно на ряд аспектов ее внешней политики в целом была негативной. Оманский султан Кабус лишился весьма важной для поддержания стабильности своего правления военно-политической протекции Тегерана. Объединенные Арабские Эмираты, «заигрывавшие» с шахским режимом в стремлении уравновесить давление со стороны более могущественных арабских соседей, «столкнулись», — по выражению кувейтской газеты „Ар-Рай аль-Амм“, — со значительным ограничением сферы своего внешнеполитического маневрирования»¹⁶⁷. Иракское правительство испытывало серьезную обеспокоенность как в связи с воздействием иранской пропаганды на многочисленное шиитское население своей страны, так и в связи с явившейся прямым результатом эрозии иранской армии активизацией курдских группировок в Иране и угрозой нового обострения курдской проблемы в самом Ираке.

Существенную эволюцию претерпел под влиянием иранских событий и внешнеполитический курс Саудовской Аравии. Для Эр-Рияда крах шахского режима означал крушение важнейшего элемента его стратегического курса в зоне Залива, сводившегося (главным образом вследствие органической недостаточности силового компонента саудовской мощи) к обеспечению «паритетной гегемонии» с Ираном¹⁶⁸. Не менее важен был и «демонстрационный эффект»: «исламская революция» была воспринята в Эр-Рияде особенно болезненно и потому, что она, как справедливо отмечает В. П. Лукин, «означала серьезный

вызов саудовскому режиму в его собственной идеологической сфере влияния»¹⁶⁹.

Как серьезную угрозу своим международным и внутривосточным позициям рассматривали саудовские власти настойчивые попытки Тегерана изобразить только что провозглашенную исламскую республику как «абсолютную исламскую модель» и центр «мирового ислама», поставить под сомнение законность права королевской династии Саудовской Аравии выступать в роли хранителя священных мест ислама¹⁷⁰. Создание Тегераном в рамках реализации своих гегемонистских планов в исламском мире альтернативных уже существующим в Саудовской Аравии таких международных организаций, как Постоянный комитет по хаджу, Международный конгресс пятничных имамов, Международное бюро исламской пропаганды¹⁷¹, добавило новое, на этот раз политико-религиозное измерение к сложному комплексу обусловленных соперничеством за лидерство в регионе проблем и противоречий в ирано-саудовских отношениях.

На внутривосточном уровне влияние внешней политики ИРИ на Саудовскую Аравию (равно как и на другие страны зоны Залива) выразилось в стремлении правящих режимов выработать новый модус вивенди в отношениях с шиитскими общинами своих стран. Наряду с демонстрацией твердости в отношении экстремистских проиранских элементов власти Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна и ОАЭ вынуждены были принять определенные меры для улучшения имущественного положения шиитов и некоторого сокращения диспропорций в уровне доходов между суннитским и шиитским населением.

Стремясь нейтрализовать воздействие иранской пропаганды, делавшей акцент на «угнетенное положение обездоленных шиитов» в Саудовской Аравии, власти осуществили ряд акций, направленных на уменьшение напряженности в населенной главным образом шиитами Восточной провинции (Эль-Хаса), где расположены крупнейшие нефтяные месторождения¹⁷². На пост губернатора провинции был назначен «наиболее либеральный» из традиционно правящего здесь рода Ибн Джиллюви деятель Амир Абд аль-Мухсин. В Эль-Катифе и Эль-Хуфufe власти разрешили регулярное проведение шиитских религиозных праздников; правительство утвердило программу ускоренного экономического развития Восточной провинции, на шиитское население было распространено действие государственных программ кредитования для приобретения жилья и предметов длительного пользования¹⁷³. Принятые меры, хотя и не привели к полной межобщинной гармонии, способствовали существенному ослаблению внутривосточной напряженности.

Утрата в лице шахского режима важного союзника, с которым саудовское руководство связывала идентичность взглядов и позиций по многим международным проблемам, а также сходство социально-политических структур, побудила его внести

существенные коррективы в свою позицию по ряду внешнеполитических вопросов. Так, значительно ужесточилось отношение Саудовской Аравии к кэмп-дэвидской политике¹⁷⁴. Если в представленном Белому дому в сентябре 1978 г. докладе госдепартамента, обобщавшем итоги конфиденциальных консультаций с Саудовской Аравией относительно ее отношения к египетско-израильской сепаратной сделке, утверждалось, что «умеренное руководство Саудовской Аравии, несомненно, будет способствовать успешному продвижению мирного процесса»¹⁷⁵, то уже в начале 1979 г. авторитетный журнал «Форин Афферс» вынужден был признать, что «антиизраильская политика Хомейни и провал американских попыток спасти шаха привели к отказу Саудовской Аравии и других прозападных режимов присоединиться к кэмп-дэвидскому процессу»¹⁷⁶.

В условиях усиления потенциала нестабильности в зоне Персидского залива и воинствующей антиссионистской и пропалестинской риторики Тегерана саудовское руководство считало рискованным провоцировать поддержкой кэмп-дэвидской политики связанную с многочисленной и весьма влиятельной палестинской общиной внутреннюю оппозицию¹⁷⁷. Обоснованность этих опасений подтвердили, в частности, события, связанные с захватом мечети в Мекке в конце 1979 г., а также принявшие систематический характер попытки иранских паломников во главе со специальным эмиссаром Хомейни ходжат оль-эсламом Мусави-Хоэниха дестабилизировать ситуацию в Саудовской Аравии в 1982, 1983 и особенно в 1987 гг.¹⁷⁸.

Кроме того, Саудовская Аравия всячески стремилась избежать всего того, что могло бы нанести удар по ее притязаниям на роль лидера и выразителя интересов арабского мира. Поэтому в саудовском руководстве укрепились позиции сил, выступавших за поиски путей повышения безопасности страны в первую очередь на «региональном», «межарабском» уровне и за отказ от опоры исключительно на американские гарантии. Сторонниками этой линии были министр обороны принц Султан, министр внутренних дел принц Наиф и командующий национальной гвардией принц Абдалла, подчеркивавшие со ссылкой на иранский «опыт», что американская поддержка не может служить «адекватным инструментом нейтрализации внутренней оппозиции»¹⁷⁹. Как отмечал в связи с этим английский еженедельник «Экономист», все фракции в саудовском руководстве едины во мнении, что сотрудничество с США в военной области должно быть как можно более незаметным, «так как ярлык американского союзника в нынешней обстановке на Среднем Востоке может сыграть лишь деструктивную роль»¹⁸⁰.

Укреплению позиций «регионалистов» в саудовском руководстве способствовала и проявившаяся уже после иранской революции неэффективность действий американской дипломатии в начале 1979 г., в период конфликта между ЙАР и НДРЙ, который рассматривался Эр-Риядом как непосредственная уг-

роза безопасности Саудовской Аравии¹⁸¹. Политика США привела лишь к дальнейшему росту напряженности на юге Аравийского полуострова. В итоге конфликт был урегулирован в результате посреднических усилий Сирии и Ирака, что было расценено в Эр-Рияде как еще один аргумент в пользу «регионалистского» подхода.

Стремление не выходить из русла доминирующих в арабском мире настроений предопределило и участие Саудовской Аравии в общеарабском совещании на высшем уровне в Багдаде в ноябре 1978 г., на котором были разработаны коллективные санкции арабских стран против Египта в связи с капитулянтским курсом Садата. Участие в багдадской встрече было использовано Эр-Риядом для повышения своего морального и политического авторитета в арабском мире, а также для сближения с рядом государств, в первую очередь с Ираком, который в условиях изменившегося военно-политического баланса в регионе все больше рассматривался Саудовской Аравией как «передовая линия стратегической обороны королевства» перед лицом угрозы распространения хомейнистского фундаментализма¹⁸².

Следует отметить, что, несмотря на существенные идеологические расхождения, саудовско-иракские отношения последовательно развивались с середины 70-х годов, когда были урегулированы долго разделявшие их территориальные споры. Ирак, в свою очередь, также проявлял заинтересованность в расширении связей с Саудовской Аравией. Ощущение общности угрозы со стороны ИРИ наряду с обозначившимся в тот период стремлением Багдада нормализовать отношения с консервативными режимами Аравийского полуострова и укрепить таким образом тылы перед возможной конфронтацией с Ираном придало новый импульс этому процессу. В середине 1979 г. между Багдадом и Эр-Риядом было достигнуто соглашение «О взаимопонимании и принципах отношений», заложившее основу сотрудничества между двумя странами¹⁸³.

Показателем консолидации арабских стран перед лицом иранской революции и ее труднопредсказуемых в 1978—1979 гг. последствий явилось и форсированное урегулирование старых взаимных претензий и споров. Так, Саудовская Аравия и Кувейт достигли соглашения о Нейтральной зоне. Кувейт получил заверения Ирака об отсутствии территориальных притязаний, которые омрачали отношения между двумя странами с начала 60-х годов¹⁸⁴. Бахрейн и Оман также заявили в начале 1979 г. о своей заинтересованности в развитии отношений с Багдадом¹⁸⁵.

Все эти акции, предпринимавшиеся в значительной мере под воздействием иранской революции, способствовали созданию основы военно-политической кооперации арабских стран зоны Персидского залива, что привело позднее к учреждению Совета сотрудничества государств Персидского залива¹⁸⁶. Создание

этой организации, где главенствующая роль принадлежит Эр-Рияду, означало значительный успех саудовской дипломатии, сумевшей при молчаливой поддержке США извлечь политическую выгоду из ирано-иракского конфликта, нейтрализовавшего двух «гигантов» Залива, и из растущей озабоченности малых стран региона перед лицом угрозы экспорта «исламской революции», и приобрести, таким образом, важный инструмент для утверждения своих притязаний на лидерство в зоне Залива¹⁸⁷.

Вместе с тем развитие ситуации на ирано-иракском фронте, не позволявшее исключить возможность военно-политических успехов Тегерана со всеми вытекающими отсюда последствиями, заставляло некоторых участников ССГПЗ с большой осторожностью подходить к любым попыткам придать деятельности Совета откровенно антииранский характер и усилить акцент на расширение военного партнерства. Показательна в этом плане позиция Кувейта, стремящегося с учетом своей повышенной геостратегической уязвимости проводить более сбалансированный курс¹⁸⁸. Так, несмотря на нажим со стороны Эр-Рияда и Вашингтона, Кувейт отказался в начале 1984 г. подписать соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности с Саудовской Аравией¹⁸⁹. В 1982 г. на сессии ССГПЗ Кувейт зарезервировал свою позицию по вопросу о создании системы коллективной безопасности и объединенных вооруженных сил стран — членов Совета¹⁹⁰.

О желании не ссориться с Тегераном свидетельствовал и длительный кувейтско-американский дипломатический конфликт, связанный с отказом Эль-Кувейта выдать агреман новому послу США Б. Гроуву, занимавшему ранее пост консула в Иерусалиме¹⁹¹. Отмеченные акции кувейтского руководства, как и готовность в позитивном духе рассмотреть иранские предложения о подписании совместной политической декларации, осуждающей иностранное присутствие в зоне Залива, свидетельствовали как о неудовлетворенности Эль-Кувейта военно-политическими возможностями ССГПЗ и стремлении заручиться непосредственно иранскими гарантиями безопасности, так и о нежелании ассоциироваться с решениями Совета, зачастую принимавшимися единолично Эр-Риядом и не в достаточной мере учитывавшими специфические интересы Кувейта¹⁹².

Вместе с тем ряд экспертов склонен рассматривать «особые мнения» Кувейта не только как отражение его собственной позиции, но и как составную часть завуалированного стремления Совета к максимальной гибкости и диверсификации своих внешнеполитических возможностей¹⁹³. В этом же контексте следует оценивать и позицию ОАЭ, поддерживавших тесные связи с ИРИ и подчеркивавших «равноудаленность» от противоборствующих сторон в ирано-иракском конфликте. Не случайно на эр-риядской сессии ССГПЗ в марте 1985 г., принявшей решение об интенсификации посреднических усилий Совета в урегулиро-

вании конфликта, делегатом для ведения переговоров с Ираном был назначен шейх Дубая Абдалла. Расчет при этом, видимо, делался на возможность использования им того политического капитала, который был накоплен в период конфликта из-за заложников, когда ОАЭ сыграли важную роль в срыве американского эмбарго на торговлю с ИРИ¹⁹⁴.

Впрочем, несмотря на непрекращающуюся «холодную войну» и даже серьезные вооруженные инциденты (например, уничтожение иранского истребителя в саудовском воздушном пространстве в мае 1984 г.), Эр-Рияд никогда не прерывал диалога с Тегераном, включая регулярный обмен визитами министров иностранных дел¹⁹⁵.

Свидетельством влияния «умеренных» в Совете, выступающих за более гибкую, сбалансированную позицию в ирано-иракском конфликте и его урегулирование на локальном уровне, явились решения маскатской сессии ССГПЗ в ноябре 1985 г. В них, в частности, впервые признавалась необходимость соблюдения «законных прав ИРИ», что служило косвенным указанием на готовность членов Совета рассмотреть вопрос о репарациях¹⁹⁶. Этот пункт являлся, как известно, одним из условий прекращения войны, выдвинутых Хомейни.

Линия Эр-Рияда на поддержание диалога с Тегераном превратилась в апреле 1988 г., когда Саудовская Аравия пошла на разрыв дипломатических отношений с Ираном, сочтя, что риск внутривосточной дестабилизации, проистекающий из дальнейшего усиления авантюризма политики ИРИ и активизации попыток «экспорта революции», существенно перевешивает выгоды от поддержания диалога¹⁹⁷.

Курс Омана в ССГПЗ представляет иную сторону политического спектра. Рассматривая членство в этой организации не только и не столько как средство защиты от угрозы прохомейнистских фундаменталистов, султан Кабус стремился также выйти из политической изоляции в арабском мире, в которой он оказался в результате поддержки капитулянтского курса Садата. Наряду с этим Оман, выступавший в роли наиболее лояльного американского союзника, пытался заручиться поддержкой стран — членов Совета в решении пограничных проблем с НДРИ.

В целом отношения Ирана со странами зоны Залива носили весьма сложный характер. Это объясняется среди прочего неоднократно декларированным иранскими лидерами, в том числе самим Хомейни, намерением режима «всемерно экспортировать исламскую революцию». Эта идея изложена во многих выступлениях Хомейни, который назвал Иран «моделью», примером которой должны следовать все «обездоленные народы». Выступая перед иранскими дипломатами в январе 1981 г., Хомейни заявил: «Вы должны помнить, что представляете исламскую страну и стоите выше любой сверхдержавы. Вы должны активно работать для того, чтобы экспортировать нашу революцию

туда, где вы находитесь... Экспорт революции означает в первую очередь приход к власти обездоленных и устранение антинародных правительств»¹⁹⁸. Добавим, что идея экспорта «исламской революции» закреплена в конституции ИРИ, хотя и задрапирована в хомейнистско-кораническую словесную ткань. ИРИ, сказано в ст. 154, «оказывает содействие справедливой борьбе обездоленных против высокомерных, в какой бы точке мира она ни происходила».

Учитывая, что успешный экспорт «исламской революции» был для Тегерана не просто приоритетной внешнеполитической задачей, но и важным условием стабилизации и «выживаемости» исламского режима, руководители ИРИ стремились использовать любую возможность для провоцирования антиправительственных выступлений разного рода исламистских группировок за рубежом¹⁹⁹. «Вы должны всегда помнить о том, что наша революция нацелена на выход за рамки национальных границ. ЗаклЮчить ее в пределы Ирана — значило бы обречь ее на поражение»²⁰⁰, — подчеркивал премьер-министр Мусави, обращаясь к послам ИРИ в странах Азии.

Вопреки официальной позиции правительства ИРИ по вопросу о методах экспорта «исламской революции», сводившейся к тому, что Иран служит «вдохновляющим примером для мусульман всего мира», но не намерен при этом вмешиваться в дела других государств²⁰¹, факты свидетельствовали об обратном. Причастность Ирана к попыткам организации переворотов в Бахрейне и ОАЭ, антиправительственных выступлений в Кувейте, присутствие иранского воинского контингента в Ливане, политизация хаджа и использование иранских паломников для провоцирования антиправительственных выступлений в Саудовской Аравии²⁰², развертывание кампании за «интернационализацию святых мест ислама» в этой стране наглядно демонстрировали ставшее характерным для курса ИРИ на международной арене различие между декларируемой и реальной политикой, широкое применение Тегераном шиитского принципа «такия» («утаивание») в своей внешнеполитической практике²⁰³.

Полигоном для практической проверки хомейнистской доктрины экспорта «исламской революции» и связанных с ней концепций джихада, шехадата, кисаса (возмездия) являлась ирано-иракская война²⁰⁴. Анализ акций Тегерана на всех этапах эскалации конфликта демонстрирует их почти полное соответствие классическим канонам ведения джихада, разработанным в работах ряда шиитских идеологов. Так, видный деятель режима ИРИ Дж. Фарси утверждает на страницах своего исследования «Исламское международное право», что «борьба с целью освобождения и осчастливливания большинства населения... проживающего по соседству с уже освобожденной исламской общиной, обязательна для ее членов»²⁰⁵.

Развертывание в 1979—1980 гг. массовой антииракской пропаганды, дальнейшая эскалация конфликта и доведение его

до уровня вооруженных стычек с последующим перерастанием в полномасштабную локальную войну также проходили в полном соответствии с положениями доктрины. Как отмечает Дж. Фарси, «освободительный джихад начинается с мощного пропагандистского наступления, направленного против идеологии и политики правящего в соседней стране деспотического режима... Целью пропаганды является внесение раскола в общество и привлечение на свою сторону части населения... Это должно спровоцировать противника перевести конфликт на вооруженный уровень, где исламский режим опять-таки обладает преимуществом, которое дает ему стремление членов мусульманской общины к шехадату»²⁰⁶. (Тактика «человеческой волны», применявшаяся Ираном в ходе боевых действий, была практической реализацией последнего пункта.)

Провозглашая установление режима исламской республики в Ираке в качестве одной из важнейших целей войны, религиозно-политическое руководство Ирана рассматривало решение этой задачи как неотъемлемый элемент реализации своих гегемонистских планов, направленных на создание в зоне Залива «нового могущественного исламского (на первом этапе, возможно, шиитского) военно-политического полюса» под эгидой Тегерана, способного «составить альтернативу влиянию сверхдержав в регионе»²⁰⁷.

«Стремление лидеров ИРИ к распространению исламского республиканизма, — отмечал американский исследователь З. Халилзад, — теснейшим образом переплетено с традиционными иранскими притязаниями на региональное доминирование и приобретение статуса великой державы»²⁰⁸.

Следует подчеркнуть в этой связи, что, несмотря на демагогическую кампанию о «равенстве и братстве всех мусульман и всех исламских общин», которую вел Тегеран, иранские лидеры недвусмысленно ориентировались на приобретение главенствующих позиций в любой комбинации исламских государств. Так, сам выбор второразрядного иракского религиозного деятеля Мухаммеда Бакр Хакима в качестве руководителя созданного в Иране «Верховного совета исламской революции Ирака» явно свидетельствовал о стремлении захватить монополию на лидерство в замышлявшемся Тегераном «паншиитском альянсе». Между тем подобные претензии ослабляли притягательность идей Хомейни для шиитских руководителей Эн-Неджефа и Кербелы, Самарры и Казимейна, недовольных его попытками принизить значение иракского «атабата» (т. е. гробниц имамов в Кербеле, Эн-Неджефе и Багдаде) по сравнению с шиитскими святынями Ирана и вряд ли готовых согласиться с ролью марионеток, которую им отводили в Тегеране²⁰⁹. Именно в контексте борьбы за монопольное лидерство над всеми шиитами следует рассматривать и отказ Тегерана признать фактического главу иракских шиитов аятоллу Абу-ль-Касема аль-Хои²¹⁰ или кого-либо еще из великих аятолл Ирака в качестве преемника

репрессированного Мухаммеда Багер Садра, что автоматически предполагает, по мнению религиозно-политического руководства ИРИ, признание Хомейни в качестве бесспорного лидера (пишва) и имама всех шиитов Ирана и Ирака.

Во многом аналогичная ситуация складывалась в Ливане, где после исчезновения в 1978 г. имама Мусы Садра Тегеран всячески саботировал выдвижение на пост имама авторитетных шиитских лидеров Махди Шамсуддина или Абд аль-Амира Кабалана, добиваясь при поддержке прохомейнистских руководителей ливанской «Хизбалла» Хусейна Мусави и шейха Мухаммеда Хусейна Фадлаллаха утверждения Хомейни в качестве верховного лидера всех шиитов, в том числе шиитской общины Ливана ²¹¹.

Гегемонистские устремления иранского религиозно-политического руководства делали «хомейнистскую модель» менее привлекательной и для шиитского населения в соседних арабских государствах. Негативное воздействие оказывали также увеличение великодержавно-националистического содержания в идеологии и политике иранского руководства и эксцессы в Иране, связанные с вытеснением духовенством всех альтернативных сил с политической арены ²¹².

Параллельно с этим возрастала степень уязвимости Хомейни перед лицом критики оппонентов. Например, сделав акцент на неприемлемом для подавляющего большинства шиитов-арабов «персидском шовинизме» Хомейни и характеризуя иранцев не иначе, как «аджам» (так именовались иранцы и другие не-арабы, противостоявшие арабам в VIII в., в период войн за распространение ислама), иракская пропаганда весьма преуспела в подрыве репутации хомейнистской идеологии (как паншиитского учения) среди шиитов Ирака ²¹³.

Существенным фактором, препятствовавшим распространению хомейнистской идеологии в Ираке, были и концептуальные различия в подходах иранских лидеров и руководителей иракской шиитской общины к конкретным политическим и экономическим проблемам. Так, руководители «Муджахидин» открыто выступали против идеи установления теократического режима иранского образца в Ираке и концепции «веляйте факих». «Муназзамат», отделившаяся в 1980 г. от экстремистской «Ад-Даава», подвергала критике многие аспекты деятельности руководства ИРИ, указывая, в частности, на утопичность иранской модели «тоухидной экономики» ²¹⁴.

Фактор арабского национализма, в существенной мере формирующего политическое сознание граждан арабских государств независимо от их религиозной принадлежности, также затруднял позитивное восприятие арабами-шиитами Ирака и других стран зоны Залива центральных экспансионистских компонентов внешнеполитического курса ИРИ, противоречащих фундаментальным национальным интересам их государств.

Подчеркнем в этой связи, что неоднократно декларировав-

шееся руководителями ИРИ, в частности самим Хомейни, стремление не допустить «какого-либо нарушения сложившегося баланса сил»²¹⁵ и сохранить (достигнутое при шахе и на первых порах осуждавшееся исламскими лидерами) военно-политическое доминирование Ирана в зоне Залива явилось важным показателем наличия существенного элемента преемственности в политике ИРИ и шахского режима. При этом панисламистское обрамление внешнеполитических лозунгов и концепций следует, видимо, расценивать не как радикальный²¹⁶ отход от великодержавно-националистического курса, а скорее как попытку создания более привлекательного образа Ирана и его внешней политики в соседних мусульманских странах и обеспечения, таким образом, благоприятных условий для достижения своих целей²¹⁷.

Действительно, сравнительный анализ концепций безопасности зоны Персидского залива, выдвигавшихся шахом и лидерами исламской республики, не позволяет обнаружить между ними сколько-нибудь заметных отличий. Так, если шах считал, что безопасность стран Залива может быть обеспечена их включением в «сферу безопасности Ирана» («хариме амнийате Иран»), то Хашеми-Рафсанджани, один из главных авторов хомейнистской стратегии, ссылаясь на «особую ответственность» и «большую заинтересованность» ИРИ в поддержании безопасности Залива, предложил соседним государствам искать решения проблем своей обороны под хомейнистским «зонтом безопасности» («чатре амнийат») ²¹⁸.

Выдвижение доктрины «экспорта исламской революции» в качестве основополагающего принципа внешней политики ИРИ, сопровождавшееся многочисленными заявлениями иранских лидеров о том, что «революция экспортируется не на острие штыка, а силой примера и духовного превосходства»²¹⁹, указывает на существенное повышение удельного веса идеологии во внешнеполитическом инструментарии Тегерана.

Фактически, как показывает анализ, имели место вынужденная перестановка акцентов и изменение приоритетов в компонентах национальной мощи, обеспечивающих проведение внешней политики. Этот момент отмечают как западные, так и советские эксперты. К примеру, В. П. Лукин справедливо подчеркивает, что «существенное уменьшение физических (военных, экономических, организационных. — *Ред.*) возможностей проведения активного центрсилового курса» после революции во многом обусловило «повышение роли идеологического компонента, компенсируя, таким образом, временное ослабление иных компонентов, в ходе реализации подобного курса»²²⁰. При этом необходимо иметь в виду, что лидеры ИРИ, как это показали, в частности, ирано-иракский конфликт и вовлеченность ИРИ в события в Ливане, никоим образом не были склонны преуменьшать значение военно-силового фактора в обеспечении своего внешнеполитического курса.

Следует отметить, что панисламистская внешняя политика Тегерана существенно ограничивала возможности развития отношений ИРИ с двумя ее наиболее важными союзниками в арабском мире — Сирией и Ливией. Так, несмотря на то что обе эти страны оказали Ирану поддержку в конфликте с Ираком, Дамаск и Триполи выступили за мирное урегулирование конфликта и осудили идею установления исламской республики в Ираке²²¹. Недовольство Дамаска вызвала также деятельность прохомейнистских группировок среди шиитов Ливана, по существу провоцировавшая раскол в рядах национально-патриотических сил этой страны и объективно ослаблявшая их способность противостоять израильской агрессии.

Развитию отношений ИРИ с Ливией препятствовали как периодически раздававшиеся из Тегерана обвинения в причастности Триполи к исчезновению в 1978 г. ливанского имама Мусы Садра, так и опасения, что идеологические и политические концепции Каддафи могут составить действенную левую альтернативу фундаментализму Хомейни в исламском мире²²². Как прямой вызов притязаниям на исключительную роль ИРИ и «иранской мусульманской общины» («оммате мосалмане-Иран»), выступающих в роли «главной цитадели исламской революции», воспринимались в Тегеране и заявления ливийского руководителя о том, что «арабская нация представляет собой главную силу ислама, ибо ислам — ничто без арабов»²²³. Существенный элемент национализма, содержащийся в официальных идеологиях обоих режимов, приводил и к трениям вокруг проблемы названия Персидского (Арабского) залива²²⁴.

В целом концептуальные установки иранских лидеров и их практические действия провоцировали обострение отношений ИРИ со странами региона. Возникавшие разногласия активно использовали Соединенные Штаты для проведения своей политики, направленной на усиление позиций империализма.

ИРИ—СССР

Политика ИРИ в отношении Советского Союза с самого начала определялась общей внешнеполитической концепцией исламского режима, вмещающей в лапидарную формулу: «Ни Восток, ни Запад». Хотя эта формула и призвана символизировать одинаковое неприятие коммунизма и империализма, действительность показала, что антикоммунизм, заключенный в ней, абсолютен, антиимпериализм же относителен.

Указанное выше обстоятельство тем более заслуживает упоминания, что еще в пору, когда с проклятиями в адрес шаха и американского империализма аятолла Хомейни дирижировал штурмом здания монархии, между ним и американским президентом уже был выработан модус вивенди хомейнистского Ирана²²⁵. Произошло это уже после того, как ответ главы Со-

ветского государства на вопрос корреспондента газеты «Правда» не оставил у США надежды на возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела Ирана ²²⁶.

Доброжелательное отношение СССР к ИРИ со всей отчетливостью проявилось еще в пору, когда у власти находилось Временное революционное правительство во главе с М. Базарганом, назначенным на пост премьера аятоллой Хомейни. 13 февраля 1979 г., т. е. на следующий день после вступления М. Базаргана в должность, в советской печати была опубликована поздравительная телеграмма Председателя Совета Министров СССР. В ней, в частности, выражалась «готовность поддерживать и развивать отношения между двумя нашими странами на основе принципов равенства, добрососедства, уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга» ²²⁷.

Имея в виду одну из важных сторон советско-иранских отношений — экономическое и техническое сотрудничество, принявшее широкий размах в предреволюционный период, и выражая стремление Советского государства продолжать это сотрудничество с послереволюционным Ираном, 13 марта 1979 г. «Правда» писала: «Советско-иранское экономическое и техническое сотрудничество, являясь составной частью межгосударственных отношений, вносит весомый вклад в укрепление экономической независимости Ирана и развитие доверия между двумя соседними странами с разным общественным строем. Советский Союз и впредь готов поддерживать и развивать эти добрые, сложившиеся в течение десятилетий отношения».

Так же отнеслись к переменам в Иране и другие страны социализма. Уже к 14 февраля 1979 г. официальные уведомления о признании были получены правительством М. Базаргана от правительств Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Польши, МНР, ЧССР, КНДР и Румынии.

Однако моральная поддержка, оказанная странами социалистического содружества Ирану, свергнувшему монархию, не встретила должного отклика со стороны формировавшегося исламского режима. В основу своих отношений с социалистическими странами исламский режим положил исповедуемый им антикоммунизм в масштабах, которые приводят к подчинению объективных интересов и задач экономического развития страны диктату этого антикоммунизма.

Как сам социализм, так и его высшая, коммунистическая стадия страшат создателей ИРИ. Непосредственное же соседство с великой социалистической державой многократно усиливает этот страх. Неприятие Советского Союза исламским режимом столь велико, что оно захлестывает понимание (в чем ему нельзя отказать) объективной необходимости для национальных интересов Ирана иметь постоянные, устойчивые и все расширяющиеся отношения с Советским Союзом в сфере экономического и технического сотрудничества. Этим прежде всего и объяс-

няется весьма неровный характер как политических, так и экономических отношений между ИРИ и СССР (примеры, подтверждающие это суждение, приведены ниже)²²⁸.

Монархия Мохаммеда Резы Пехлеви также была враждебна социализму. Тем не менее ее политику в отношении Советского Союза определяло осознание объективной необходимости широкого и устойчивого экономического и технического сотрудничества с Советским Союзом для преодоления экономической отсталости Ирана и развития его производительных сил, для использования такого содружества как фактора противодействия экономическому неокOLONиализму²²⁹. Вот почему, например, в последний день 1350 г. по солнечному иранскому календарю (20 марта 1971 г.) близкая к МИД шахского Ирана газета «Аяндеган», обзвревая итоги истекавшего года в области внешней политики государства, писала: «Отношения Ирана с социалистическими странами во главе с Советским Союзом также продолжали развиваться, особенно в области торговли, экономического и технического сотрудничества. В то же время внутри страны была создана более прочная плотина против возможности проникновения коммунизма»²³⁰.

ИРИ оказалась не в состоянии выработать даже такой концепции своей политики в отношении Советского Союза. Впрочем, политика ИРИ в отношении европейских социалистических стран в вопросах экономического и технического сотрудничества была более гибкой. Правда, надо отметить, что решающую роль в этом сыграла экономическая блокада ИРИ в связи с захватом американских заложников. После восстановления и расширения торгово-экономических связей с ведущими капиталистическими державами интерес ИРИ к развитию экономических отношений с европейскими социалистическими странами снизился.

Характеризуя экономические связи ИРИ с Советским Союзом, следует прежде всего сказать, что за все время их существования стороны не заключили ни одного межправительственного соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. Существенно сократившееся в объеме сотрудничество осуществлялось в рамках соглашений 60—70-х годов и предусматривало завершение уже строившихся объектов.

Это, как и ряд других фактов, является следствием того, что исламский режим в своих отношениях с СССР стал руководствоваться принципом первенства политики перед экономикой. Наиболее последовательно этот принцип проводился в жизнь при решении вопроса о поставках попутного газа из Ирана в СССР по трансиранскому магистральному газопроводу. Заметим, что с 1970 по начало 1980 г. Иран поставил в СССР около 72 млрд. куб. м газа в счет оплаты поставок комплектного оборудования²³¹. В конце 1979 г. иранская сторона потребовала пятикратного увеличения цен на газ, хотя цены на комплектное оборудование, поставляемое Советским Союзом, не ме-

нялись. В феврале 1980 г. ИРИ прекратила поставки газа. Между тем только с февраля 1980 по середину 1983 г. Иран бесполезно сжег в факелах более 40 млрд. куб. м газа. Даже по ценам 1979 г., которые Иран счел невысокими, это составило более 4 млрд. долл.²³².

Несмотря на недоброжелательное отношение исламского режима к экономическому сотрудничеству с СССР, Советский Союз в трудную для ИРИ пору экономической блокады откликнулся на ее просьбы. В связи с этим «Правда» писала: «В условиях объявленной Ирану западными странами экономической блокады Советский Союз открыто выступал против нее и помог смягчить ее воздействие. В этот период был увеличен железнодорожный, морской, автомобильный транзит иранских грузов через территорию СССР. Во время блокады жизненно важной для Ирана стала проблема внешней торговли. Страна пыталась найти новые рынки сбыта для своих товаров. В этих условиях Советский Союз более чем вдвое увеличил товарооборот со своим южным соседом, что было выгодно для обеих сторон»²³³.

Антисоветизм правящих кругов Ирана ярко проявился и в связи с так называемым афганским вопросом. Иран был превращен во вторую после Пакистана базу подготовки вооруженных отрядов сил контрреволюции и плацдарм для совершения диверсий против демократического Афганистана. Более того, власти ИРИ попустительствовали неоднократным нарушениям афганскими эмигрантами экстерриториальности посольства СССР в Тегеране.

Уже 1 января 1980 г. около 2 тыс. иранцев и афганцев приняли участие в «демонстрации протеста» перед зданием посольства СССР в Тегеране. Силы охраны порядка воспрепятствовали попытке захвата посольства²³⁴. 3 января группа афганцев, проживающих в Тегеране, совершила новую попытку захватить советское посольство, но была разогнана силами охраны порядка²³⁵. Если эти акции можно отнести на счет импульсивности каких-то групп, то события, происшедшие 27 декабря 1980 г., явились заблаговременно подготовленной акцией. В тот день было совершено преступное нарушение экстерриториальности посольства СССР в Тегеране, в результате чего в некоторых помещениях посольства были уничтожены многие предметы, имеющие не только материальную, но и большую культурную и историческую ценность²³⁶. В связи с этим нападением послу Ирана в Москве 28 декабря была вручена нота, в которой выражался решительный протест и, в частности, отмечалось: «Иранские власти были заблаговременно информированы о готовившемся нападении на советское посольство. Однако, несмотря на это, с их стороны не было принято немедленных и достаточно эффективных мер для предотвращения такого нападения»²³⁷.

12 января 1981 г. в МИД СССР был приглашен посол Ирана. Ему было заявлено, что Советское правительство считает

необходимым вернуться к вопросу об обеспечении безопасности советских учреждений и их персонала в Исламской Республике Иран. В заявлении, сделанном послу, в частности, было подчеркнуто, что Советский Союз, как и прежде, готов строить свои отношения с Ираном на основе добрососедства и взаимного уважения. В то же время ни у кого не должно быть сомнений насчет того, что он должен будет оградить законное право и интересы Советского государства и его граждан, если иранское правительство не пожелает или окажется не в состоянии выполнить свой долг в том, что касается обеспечения безопасности советских учреждений и их персонала в Иране ²³⁸.

27 декабря 1982 г. многочисленная группа бесчинствующих элементов, организованная и руководимая определенными кругами, при явном попустительстве иранских властей собралась для проведения антисоветской выходки у здания посольства СССР в Тегеране. Ее участники с враждебными Советскому Союзу выкриками попытались проникнуть на территорию посольства, сорвали с флагштока государственный флаг СССР. В результате этих действий была не только нарушена экстерриториальность советского посольства, но и жизнь советских граждан оказалась в опасности.

Все эти действия произошли несмотря на то что иранские власти были заблаговременно информированы советской стороной о готовящейся враждебной акции в отношении советского посольства. Министерству иностранных дел был заявлен решительный протест в связи с враждебной акцией в отношении посольства СССР в Тегеране ²³⁹.

Так называемый афганский вопрос влиятельные круги Ирана использовали в качестве одного из источников своего антисоветизма и в последующее время. Так, «Известия» 17 августа 1985 г. сообщали, что иранские власти, содействуя душманам, «помогли согнать в специальные лагеря для подготовки контрреволюционеров тысячи афганских граждан, по тем или иным причинам оказавшихся на чужбине». Далее газета писала: «В Тегеране нагнетают клеветническую антиафганскую и, антисоветскую кампанию... размеры военной и финансовой помощи контрреволюционерам возрастают, а отдельные религиозные деятели и представители власти принимают предводителей душманов».

Подчеркнуто недоброжелательное отношение к поддержанию добрососедских отношений с Советским Союзом нашло выражение и в ряде акций, ни в какой степени не связанных с вопросами международного характера.

Со времени второй мировой войны в Тегеране функционировала больница советского Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, персонал которой за более чем четыре десятилетия своей работы спас жизнь десяткам тысяч иранских тружеников и оказал бесплатную медицинскую помощь сотням тысяч неимущих; советские врачи совместно с иранскими меди-

ками занимались исследовательской деятельностью и выпускали научные труды. В начале марта 1981 г. эта больница по воле иранских властей перестала функционировать²⁴⁰.

В конце июля 1981 г. иранские власти сообщили о своем решении закрыть Иранское общество культурной связи с СССР²⁴¹, созданное более 40 лет тому назад и внесшее большой вклад в развитие сотрудничества народов двух соседних стран в сфере литературы, музыки, театра. В начале августа власти привели свое решение в исполнение²⁴². 1 сентября 1981 г. перестали функционировать курсы русского языка, многие годы действовавшие при Иранском обществе культурной связи с СССР²⁴³.

Иранские власти позволяли себе и оскорбительные выпады против Советского Союза. Так, в феврале 1982 г. делегация советских мусульман, приглашенных в Тегеран, была вынуждена покинуть праздничный митинг в честь третьей годовщины иранской революции, ибо на нем провозглашались враждебные СССР лозунги²⁴⁴.

Между тем, как уже отмечалось, Советский Союз, верный своим обязательствам, взятым еще до революции 1978—1979 гг., продолжал строительство объектов, предусмотренных заключенными ранее соглашениями. Работа на этих объектах не прекращалась даже в пору революционных событий, когда западные специалисты покидали Иран. Среди объектов, возводившихся при экономическом и техническом содействии СССР, были, в частности, металлургический комбинат в Исфахане и энергетический узел на реке Аракс.

15 декабря 1981 г. «Правда» сообщала, что Ирану сданы в аренду 10 советских тепловозов для обслуживания участка железной дороги Тебриз—Тегеран. При этом 19 советских специалистов — машинистов, машинистов-инструкторов и ремонтников — обеспечивали проводку и техническое обслуживание тепловозов.

В конце декабря 1983 г. на Исфаханском металлургическом комбинате была пущена в эксплуатацию вторая доменная печь, крупнейшая на Ближнем и Среднем Востоке. Это был еще один вклад в развитие национальной экономики ИРИ, сделанный при экономическом и техническом содействии Советского Союза²⁴⁵.

Противоречивый характер действий ИРИ в отношении СССР, то затухающий, то разгорающийся с новой силой антисоветизм делают понятным, почему, например, 6 марта 1985 г. «Правда» писала так: «В иранской печати появилось в последнее время немало официальных заявлений и статей, касающихся нашей страны, советско-иранских отношений. Публикации эти далеко не однозначны. В одних речь идет о заинтересованности в развитии сотрудничества с Советским Союзом, в других содержится явная клевета на него, проводится открыто враждебная антисоветская линия». В связи с этим газета на-

поминала о том, что «иранские власти односторонними актами прекратили культурные связи с СССР, которые остаются замороженными и по сей день, сокращена численность дипломатического состава советского посольства в Тегеране. Советским журналистам уже несколько лет не предоставляют въездных виз... Что касается целей советской политики в отношении Ирана, — писала далее газета, — то они остаются неизменными. Это — укрепление подлинного добрососедства на принципах равноправия и взаимности».

История советско-иранских отношений знает периоды и подъемов и спадов. При этом закономерность такова: подъемы в советско-иранских отношениях приходились на периоды, когда внутренняя и внешняя политика сил, находившихся у власти в Иране, формировалась с учетом национальных интересов, а спады — на периоды, когда верх брали их узкие и корыстные интересы.

В последующие годы уровень советско-иранского экономического и технического сотрудничества продолжал снижаться, поскольку взятые по старым контрактам обязательства выполнялись, а соглашения по созданию новых объектов не заключались. Это сказалось и на объеме товарооборота между СССР и Ираном. Так, если в 1978 г. он составлял 671,1 млн. руб., а в 1979 г. — 409 млн., то в 1985 г. он был равен 348,4 млн., а в 1986 г. — лишь 76 млн. руб.; в 1987 г. он вырос до 160 млн. руб.²⁴⁶.

Между тем объективная потребность в экономическом и техническом сотрудничестве давала о себе знать. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства и факты, приведенные ответственным секретарем Постоянной комиссии по экономическому сотрудничеству между СССР и ИРИ.

В декабре 1986 г., после более чем шестилетнего перерыва, в Тегеране состоялось X заседание Постоянной комиссии. На нем рассматривались накопившиеся за этот период конкретные вопросы экономических связей в таких отраслях, как черная металлургия, энергетика, транспорт. Заседание это «дало толчок развитию экономических отношений... в более широких масштабах»²⁴⁷.

В 1987 г. состоялся ряд встреч представителей советских и иранских официальных лиц, на которых широко обсуждались вопросы, связанные с перспективами сотрудничества на долгосрочной взаимовыгодной основе.

Весной того же года в Тегеране представители «Техноэкспорта» и министерства нефти Ирана обсудили вопросы сотрудничества в области разработки нефтяных и газовых месторождений в южной части Каспийского моря. В октябре состоялись переговоры о сотрудничестве в переработке на предприятиях Советского Союза некоторого количества иранской сырой нефти и о поставке соответствующей части выработанных нефтепродуктов для нужд северных районов Ирана.

Важное место в течение всего 1987 года занимал вопрос о

доведении до проектной мощности (1,9 млн. т стали в год) Исфаханского металлургического завода, построенного при техническом содействии СССР. В итоге были заключены контракты на поставки для завода и его угольно-сырьевой базы запчастей и некоторых необходимых для нормальной работы завода материалов.

В ноябре 1987 г. состоялось XIV заседание Постоянной советско-иранской подкомиссии по транспорту. Рассматривались вопросы увеличения грузооборота и строительства новых железных дорог и железнодорожных мостов. «Впервые в истории советско-иранских экономических отношений достигнута договоренность о совместном плавании грузо-пассажирских судов по Каспийскому морю»²⁴⁸. В этих целях было подписано соглашение о создании судоходной линии, которая должна связать Баку с иранскими портами Энзели и Ноушахр.

Весной 1988 г. шла подготовка к очередному, XI заседанию Постоянной комиссии по экономическому сотрудничеству между СССР и ИРИ.

Описанные выше шаги при всем их положительном значении создали, однако, лишь предпосылки для активизации советско-иранского экономического сотрудничества. Для их реализации необходима добрая воля иранской стороны. К такой постановке вопроса вынуждают антисоветские акции, осуществленные бесчинствующими элементами 27 декабря 1987 г. и 6 марта 1988 г. против советского посольства в Тегеране и генерального консульства СССР в Исфахане²⁴⁹. Экстремистские элементы в ИРИ обвиняли Советский Союз в том, что он будто бы занимал позицию, мешавшую урегулированию ирано-иракского конфликта и тем самым завершению ирано-иракской войны. Между тем общеизвестны роль Советского Союза в принятии Советом Безопасности ООН резолюции № 598 об условиях, соблюдение которых сторонами позволяло положить конец войне, и его усилия, направленные на претворение ее в жизнь (поскольку руководство ИРИ в отличие от иракского правительства считало ее неприемлемой), его стремление по возможности оттянуть обсуждение в Совете Безопасности вопроса о введении эмбарго на продажу оружия Исламской Республике Иран, с тем чтобы не поставить ее в невыгодное относительно Ирака положение.

Общая оценка внешней политики ИРИ

Внешняя политика ИРИ сформировалась как органически целостная часть политики исламского режима. В ее идеологическом обосновании решающую роль сыграли интересы шиитского духовенства, которые, своеобразно преломляясь в политике его руководства, стали использоваться им для укрепления своей власти внутри страны, а также для навязывания идей

этого режима другим мусульманским странам.

В то же время необходимо отметить, что роль «исламского фактора» во внешней политике Ирана оказалась далеко не равнозначной месту исламских лозунгов внутри страны и ее внешнеполитический курс определялся главным образом реальными интересами и потребностями правящего режима.

Из-за нестабильности внутренней обстановки, нерешенности многих экономических и политических проблем внешнеполитический курс ИРИ был неустойчив, противоречив, подвержен резким изменениям и перепадам. Вместе с тем можно проследить тенденцию, когда в чрезвычайно острых ситуациях внешнеполитический фактор выдвигался на передний план и, используя его как средство отвлечения внимания народных масс, исламский режим пытался выйти с его помощью из внутривнутриполитического кризиса (захват американских заложников, ирано-иракская война, события в Мекке и др.).

Важное место во внешнеполитическом курсе исламского руководства занимает пропаганда, когда для его утверждения и обоснования приспособляются не только произвольно толкуемые догмы ислама, но и идеи персидского национализма, характерные еще для периода шахского Ирана.

Как уже не раз отмечалось, официальной внешнеполитической концепцией ИРИ стал принцип «Ни Восток, ни Запад». Уже на следующий день после февральского восстания, поздравляя народ с победой, Хомейни провозгласил лозунг, на основе которого строилось его отношение к внешнему миру: «Ни Западу, ни Востоку, а исламу»²⁵⁰.

Отсюда вытекала и политика «изоляциизма», провозглашенная Хомейни в первые послереволюционные годы. В основе ее лежал отказ от политических и экономических связей с капиталистическими и социалистическими государствами, прежде всего с США и СССР. В понимании правящего духовенства лозунг «Ни Восток, ни Запад» был попыткой найти «третий» путь развития.

Другим важным принципом внешней политики исламского руководства стала «исламская солидарность». В теории это означало, что в «установлении отношений с другими странами Иран отдает приоритет мусульманским странам, затем государствам „третьего мира“ и уже потом остальным»²⁵¹. На практике же оказалось, что новый Иран весьма неоднозначно относился к различным мусульманским государствам. Напряженные отношения сложились у него в первые годы после февральской революции с Пакистаном и Турцией. Враждебными были отношения с Ираком. Сложными оказались связи с государствами Персидского залива. Главной причиной всего этого явилось провозглашение руководителями ИРИ экспорта «исламской революции» в другие мусульманские страны.

Экспорт «исламской революции», который активно пропагандировался Хомейни и вслед за ним всеми иранскими лиде-

рами, отражал наступательный, даже, можно сказать, воинствующий характер внешнеполитической линии исламского режима. Теория экспорта «исламской революции» под эгидой шиитского духовенства, в основе которой лежит идея джихада, была детально изложена во многих выступлениях Хомейни. Он назвал Иран «страной-моделью» и выразил уверенность, что все прочие народы «последуют его примеру в перестройке своей жизни»²⁵². В своей внешнеполитической концепции Хомейни отвергает современную систему международных отношений²⁵³. Абсолютизируя идеи ислама, он призывает к установлению исламского мирового порядка: «Ислам ниспослан всему человечеству»²⁵⁴. «Мусульмане в Иране не прекратят своей борьбы до тех пор, пока не будет установлено всемирное исламское правление»²⁵⁵.

Пропагандируя исламский универсализм, Хомейни претендует на главенствующую роль Ирана в установлении исламского мирового порядка и полагает, что иранцы должны активно бороться за установление ислама во всем мире. В уже цитированном послании к иранскому народу от 21 марта 1980 г. он заявил: «Мы должны экспортировать нашу революцию по всему миру»²⁵⁶. Последователи Хомейни считают лидерство Ирана «божественным предопределением», подчеркивают уникальность установившейся там после революции формы правления²⁵⁷. Иранские посольства, консульства и представительства за рубежом были превращены в своеобразные штабы по экспорту «исламской революции». Выступая перед иранскими дипломатами 4 января 1981 г., Хомейни заявил: «Вы должны помнить, что вы — послы исламской страны, которая превосходит любую сверхдержаву. Вы должны вести себя так, чтобы иметь возможность постепенно экспортировать нашу революцию туда, где находитесь»²⁵⁸. В 1984 г. в речи по случаю празднования пятой годовщины ИРИ Хомейни призвал мусульман всего мира к борьбе с неугодными ему режимами: «Не пора ли мусульманам подняться и заставить глав своих государств подчиниться законам ислама, а если они не захотят это сделать, то убрать их, как это сделал иранский народ?»²⁵⁹. По мнению руководителей ИРИ, предпосылки для «исламской революции» якобы уже созрели в 44 мусульманских странах, в которых живет миллиард человек²⁶⁰.

Провозглашение принципа экспорта «исламской революции» (и тем более попытки его реализации) предполагает проведение определенной внешнеполитической линии. При этом, с одной стороны, Хомейни и другие шиитские лидеры утверждают, что экспорт революции заключается лишь в пропаганде их идей²⁶¹. «Революцию нужно экспортировать, — утверждает Хомейни, — но ее экспорт не должен производиться с помощью силы»²⁶². С другой стороны, практическая деятельность Хомейни и исламского правительства стала свидетельством активных попыток вмешательства в дела мусульманских государств, на-

«вызывания им идеи «исламской революции» с помощью силы. Для экспорта «исламской революции» иранские правители использовали деятельность шиитских обществ и организаций, паломников, международный терроризм, помощь оружием и деньгами и даже вооруженные авантюры.

Примерами подрывной деятельности ИРИ могут служить: организация восстания в Мекке в 1979 г., заговор на Бахрейне в 1981 г., заговоры в Катаре, Кувейте и Ливане. Руководители ИРИ не раз заявляли, что исламские движения в Марокко, Тунисе, Египте, Судане, Ливане и других странах вдохновляются и поддерживаются исламским Ираном. Власти ИРИ пытались заслатъ свои военные подразделения в ряд арабских стран под видом борьбы с израильской агрессией. В Ливане находятся подразделения боевиков Корпуса стражей исламской революции. Режим использовал любую возможность для разжигания розни между ливанскими шиитскими группировками «Амаль» и «Хизбалла», способствуя сохранению нестабильной обстановки в этой стране. ИРИ оказывала поддержку афганским контрреволюционным организациям, отказывалась от переговоров с правительством демократического Афганистана. Используя проиранские экстремистские организации, исламские власти активно вели подрывную деятельность в районе Персидского залива с целью свергнуть неугодные ИРИ арабские правительства. Иран поддерживал многие террористические организации в регионе, снабжал их оружием, боеприпасами, техникой. «Мы не отрицаем тот факт, что являемся экстремистской группировкой мирового исламского движения»²⁶³, — заявил президент ИРИ Хаменеи.

Деятельность исламских властей весьма встревожила мусульманские страны. Особое беспокойство арабских и других государств Ближнего и Среднего Востока вызывает иранский терроризм. Тунисская газета, характеризуя политику исламского руководства ИРИ, писала: «Иранская революция, утрачивая свой антиимпериалистический характер, становится на путь абсолютизма, слепого фанатизма, косности, ликвидации демократических свобод, возвращается к временам жестокого произвола, который был характерен для шахского режима»²⁶⁴. Внешнеполитическая активность исламского руководства Ирана привела к обострению его отношений со многими мусульманскими странами, создала взрывоопасную обстановку на Ближнем и Среднем Востоке и объективно содействовала усилению позиций США в регионе.

Таким образом, в экономическом плане эволюция внешнеполитического курса ИРИ создала условия для более глубокого вовлечения Ирана в систему мирового капитализма, облегчила возможность возобновления неокOLONиалистской эксплуатации страны. В политическом плане есть все основания утверждать, что внешняя политика исламского режима отмечена печатью экспансионизма и авантюризма. Призывы, обращенные к наро-

дам мусульманских стран и направленные на свержение существующих там правительств, нацелены на то, чтобы сбить народы с толку, повести их по пути, результатом которого будет установление режимов, являющихся аналогами исламского правления в Иране со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это делает понятными враждебность исламских лидеров ИРИ к социализму и своеобразное содействие усилению позиций империализма в регионе на фоне антиимпериалистической риторики.

В 60—70-е годы жизнь иранского общества прошла почти полностью под знаком «белой революции», которая, по замыслу Мохаммеда Резы Пехлеви, должна была заложить основы для перехода Ирана в число развитых капиталистических стран и благодаря своему социальному содержанию отвести от монархии не раз маячившую перед ней в послевоенный период угрозу революционного взрыва. Фактический военно-политический союз с империализмом (прежде всего американским) и внешнеполитический курс, предусматривавший сбалансированное отношение к двум мировым системам, должны были, по мнению шаха и его окружения, гарантировать успешную реализацию «белой революции».

С точки зрения обеспечения условий, необходимых для неопределенно долгого существования дома Пехлеви, глава которого из поколения в поколение выступал бы «вождем» и «отцом» нации, революция 1978—1979 гг., несомненно, означала полный провал «белой революции». Однако, рассмотренный с широкой, исторической точки зрения, революционный взрыв 1978—1979 гг. отнюдь не означал провала «белой революции». Он явился свидетельством результативности развития капитализма в Иране в 60—70-е годы, свидетельством обострения специфически капиталистических противоречий в условиях форсированной индустриализации и порожденных ею народнохозяйственных диспропорций.

Вместе с тем к революционному взрыву привел и ряд других факторов. Важнейшим из них было преобразующее, угнетающее и разрушающее воздействие бурно развивавшегося капитализма на мелкобуржуазный и докапиталистические уклады, причем наименьшим оказалось воздействие преобразующее, трансформирующее. Это был комплексный фактор. Комплексность его заключалась в том, что он имел целый ряд аспектов — экономический, социальный, морально-этический, институциональный и психологический.

Независимо от учета влияния названного фактора революция 1978—1979 гг. отнюдь не свидетельствовала о том, что капиталистический путь развития Ирана исчерпал себя. И к концу революции иранский капитализм сохранял большие потенции развития. Равным образом революция не была и фатально неизбежной, хотя и оказалась закономерным результатом тех условий, в которых протекал процесс развития капита-

лизма в этой стране, т. е. экономической и политической диктатуры, исключавшей буржуазно-демократические свободы как в базисных, так и в надстроечных областях жизни иранского общества. При этом политическая диктатура монархии приняла крайние формы террора, осуществлявшегося гигантским (штатным и внештатным) аппаратом САВАК. За плечами тех, кто совершал революцию 1978—1979 гг., было не одно десятилетие, проведенное под злобещей тенью тайной полиции и в неизбывном страхе перед ней. Поведение миллионных масс во время неоднократных штурмов здания монархии дает основание сказать, что страх этот в глубинах сознания как отдельного индивида, так и всего народа постепенно отливается в потребность социального возмездия. Ненависть масс к этой организации усугублялась тем, что они не без основания воспринимали ее не иначе, как подручного ЦРУ и тем самым американского империализма, а также как партнера израильской разведки МОССАД — олицетворения сионизма.

Стремясь использовать достижения научно-технического прогресса, монархия привлекла иностранные компании к участию в индустриализации Ирана. Это позволило иностранному капиталу расширить и упрочить свои позиции в экономике страны, хотя и в рамках национальной стратегии развития.

Естественно, противоречия развивавшегося капитализма, равно как и противоречия между ним и трансформировавшимися под его же воздействием докапиталистическими укладами, воспринимались обществом через их конечные результаты. Наиболее общим результатом был постоянный рост неравномерности распределения доходов между различными классами и социальными группами даже в условиях абсолютного роста этих доходов, как правило обгонявшего инфляционный процесс (абсолютное обнищание касалось главным образом люмпен-пролетарских масс и пауперов, ряды которых рекрутировались преимущественно из сельских мигрантов). В итоге на одном полюсе социальной жизни происходило относительное обнищание, на другом — увеличивался абсолютный и относительный уровень доходов. В условиях многократного роста поступлений от нефти и адекватного увеличения бюджетных расходов, когда дельцам предоставлялась возможность получать крупные подряды, стали процветать грондерство, коррупция в государственном аппарате, быстро росло число нуворишей.

Наглое, демонстративное расхищение верхушкой бюрократической буржуазии и крупнейшими представителями промышленного и банковского капитала государственных средств, показные роскошь (в подчеркнута западном стиле) и расточительство были еще одним фактором, формировавшим у трудящихся масс городов стремление к социальному возмездию. В их умах возникло стойкое неприятие монархического государства и самой личности монарха. Порвалась и без того слабая связь государства с городскими низами. Оказалось, что вся государст-

венная система, включая вооруженную до зубов армию, покоилась не на фундаменте социального доверия к ним народных масс, а на накопившейся глубокой враждебности, способной вызвать мощнейший разрушительный взрыв. Вот почему ни насилием, ни полумерами, ни посулами, на которые во второй половине 1978 г. стала щедра шахская власть, не удалось помешать свержению монархии. Армия оказалась колоссом на глиняных ногах.

Кроме того, монархии противостоял, как показала революция, грозный и хорошо организованный противник — шиитское духовенство, сильнейшим оружием которого была его способность воздействовать на массы и во многом определять их социальное поведение. Могущество этого противника определялось не только тем, что ислам является мировоззренческой основой духовной жизни подавляющего большинства населения и философской базой буржуазной общественной мысли. Весьма существенным образом оно было приумножено действиями самой монархии, политикой истребления левых сил, не только способных вести против монархии политическую борьбу, но и быть носителем научной идеологии и вносить научное мировоззрение в массы.

Проведя секуляризацию земель мусульманских учреждений вопреки возражениям духовенства, монархия недоучла степень его влияния на массы, особенно на ту часть, которая располагается на низших ступенях социальной лестницы. Шахское правительство не сочло нужным найти модус вивенди с оппозиционно настроенными высокопоставленными религиозными деятелями. Когда же осенью 1978 г. власти попытались достичь компромисса, аятолла Хомейни, успевший к тому времени стать в глазах масс признанным лидером антишахской борьбы, не считал целесообразным пойти им навстречу.

Революционный дух народных масс формировался под влиянием не только материальных условий, но и пропаганды, развернутой оппозиционными шиитскими богословами, которые умело воспользовались тем, что в условиях шахской диктатуры в результате жесточайших преследований левых сил образовался своеобразный политический вакуум.

Определенную роль в создании антизападнических настроений среди интеллигенции, в первую очередь студенчества, играла публицистическая деятельность светских исламистов, таких, как Але Ахмад, Али Шариати, Мехди Базарган. Имея европейское образование, будучи знакомы с современными философскими концепциями буржуазного Запада и одновременно исповедуя ислам, они — каждый по-своему — создали эклектичную систему взглядов, замешанную на исламе и направленную против вестернизации страны, проводником которой выступала монархия. Критика, исходившая от них, встречала широкий отклик в массах, мировоззренческой основой которых является ислам. Деятельность светских исламистов существенным обра-

зом дополняла пропаганду шиитских богословов, привнося в нее струю «современности».

Успех пропаганды этих богословов объясняется не только тем, что преподносившаяся ею характеристика режима соответствовала фактам и что выдвигавшиеся лозунги отвечали чаяниям народных масс, но и отличной ее организацией. Можно смело сказать, что у мусульманских служителей культа была хорошо налаженная оперативная связь со средними слоями города и городскими низами и что шиитские богословы, используя уникальную ситуацию и направив их действия, руками масс сумели опрокинуть монархию.

Поскольку антишахская борьба освящалась именем Аллаха (в частности, громко звучала проповедь шехадата), массы проявили в дни революции удивительные стойкость и самоотверженность. Эгалитаристские лозунги раннего ислама, взятые на вооружение мусульманскими лидерами, были подобны искрам, попавшим в пороховую бочку. Средние слои города, городские низы начали воспринимать потребность социального возмездия как нечто, стоящее выше самой жизни индивида.

Одна из особенностей революции заключалась в том, что поведение рабочего класса и крестьянства в ходе революционных событий не являлось непосредственным следствием их экономического положения. Заработная плата фабрично-заводского пролетариата вплоть до самого кануна революции росла темпами, опережавшими темпы инфляции (что было следствием целенаправленной государственной политики). Доходы жителей деревни были ниже доходов пролетариата. Тем не менее деревня в целом осталась в стороне от революции, а самый чувствительный удар по силам монархии во время решающих социально-политических битв нанесла наиболее высокооплачиваемая часть рабочего класса — нефтяники, а за ними и другие отряды фабрично-заводского пролетариата.

Правда, весьма отчетливо просматривается связь между условиями бытия предпринимательской мелкой буржуазии и ее социальным поведением в революции. Она не без основания считала себя обделенной по сравнению с остальными слоями буржуазии в период резкого повышения доходов от нефти. Отсюда и ее образ действий во время борьбы за свержение монархии; он отчетливо показал, что в иранском обществе 60—70-х годов водораздел социальной борьбы проходил внутри класса буржуазии¹.

Годы, прошедшие со времени свержения монархии и создания Исламской Республики Иран, уже позволяют говорить об уроках революции 1978—1979 гг. Но прежде — несколько принципиально важных характеристик этой революции.

Иранская революция 1978—1979 гг. имеет все основания остаться в истории как антимонархическая и антиимпериалистическая: монархия была свергнута, а позициям (политическим, экономическим, идеологическим) империализма, прежде

всего американского, в военно-политическом альянсе с которым находилась монархия, был нанесен сильнейший удар. Прямым следствием этого удара стали подрыв американских позиций в Иране и ослабление их на Ближнем Востоке.

Движущие силы революции позволяют считать ее народной, ибо они были представлены мелкой буржуазией (предпринимательской и служилой), частью интеллигенции и студенчества, городскими низами и пролетариатом, прежде всего фабрично-заводским; выступления которого сыграли решающую роль в крушении монархии.

По задачам, которые объективно стояли перед революцией, она была буржуазно-демократической: надлежало добиться соблюдения гражданских прав и свобод, предусмотренных конституцией, и защитить юридические права мелких и средних предпринимателей от внеэкономического произвола крупного капитала и монополистических групп, а также создать благоприятные экономические условия для их неущемляемого роста.

Остановимся более подробно на вопросах о буржуазно-демократическом характере революции и о гегемоне революции.

Совокупность социально-экономических реформ 60—70-х годов, открывших простор для развития капиталистических отношений, принятый монархией курс на форсированную индустриализацию поставили различные отряды буржуазии (крупной, средней, мелкой) в неодинаковое положение в плане их роста и развития. Отчетливо проявилось это в период резко возросших доходов от нефти (1974-й и последующие годы). Активно содействуя развитию крупного капитала, появлению монополистических групп, используя мощный государственный сектор для формирования государственно-монополистических объединений, монархия не создавала достаточно благоприятных условий для мелких и даже средних предпринимателей. Хотя такой подход к указанным слоям отчетливо стал проявляться всего лишь за несколько лет до революции, их оказалось достаточно, чтобы возникла проблема создания условий для развития «демократического капитализма», проблема борьбы за устранение препятствий, чинимых находившимся под покровительством монархии крупным, к тому же монополизировавшимся капиталом. Изложенное означало, что в стране, точнее, в сфере экономики завязался сложный узел противоречий как между трудом и капиталом, так и между различными группами капитала, являвшийся следствием экономического антидемократизма. По-своему это свидетельствовало об отсутствии буржуазных свобод в области экономики.

Поправление на протяжении десятилетий гражданских прав и свобод, предусмотренных конституцией, стало фактором формирования важнейшей социально-политической причины революции. Как было показано в соответствующих главах монографии, требование соблюдения конституционных свобод было основным лозунгом всех оппозиционных сил. Установив диктату-

ру, прикрытую с фасада монархической двухпартийной, а затем и однопартийной системой, шах лишал развивавшийся капитализм необходимых социально-политических условий для его функционирования и роста, равно как и объявлял вне закона политические организации пролетариата. Последнее обстоятельство было ярчайшим проявлением отсутствия в стране буржуазных свобод. Еще и поэтому в восстановлении конституционных свобод кровно были заинтересованы не только те или иные отряды буржуазии, но и силы, представлявшие интересы пролетарских масс.

Острее всего на поправку конституционных свобод реагировала интеллигенция, значение которой неизбежно возрастало по мере ускорения социально-экономической перестройки иранского общества в ходе капиталистической индустриализации. Интеллигенция все более нуждалась в масштабной социально-профессиональной инфраструктуре (просвещение и подготовка кадров, здравоохранение, сфера культуры в самом широком смысле). Внутри самой интеллигенции наиболее болезненно на отсутствие гражданских свобод реагировали такие ее специфические (каждый по-своему) отряды, как студенчество и лица творческих профессий.

Хотя студенчество по социальному составу представляло собой сколок социальной структуры иранского общества (в том смысле, что в нем численно преобладали выходцы из буржуазных слоев), это несколько не уменьшало глубину его возмущения тем, что гражданские свободы попирались, а общественная мысль была задавлена карательным аппаратом государства в соответствии с монаршим пониманием свободы мнений. О том, сколь велико было значение этого обстоятельства, можно судить уже по тому, что основной сферой формирования левых сил в 60—70-е годы было именно студенчество, фактически находившееся в течение всего периода правления Мохаммеда Резы Пехлеви в состоянии необъявленной войны с монархией.

Насаждавшаяся как самим шахом, так и его штабными идеологами монархическая идея, якобы имманентно присущая иранскому народу, равно как и идея вестернизации как синтеза западной технологии и иранских духовных ценностей, отвергалась оппозиционно настроенной частью творческой интеллигенции. При этом в условиях, когда носители марксистской мысли истреблялись или изгонялись из страны, роль идеологов оппозиции стали играть светские исламисты, социально-философские концепции которых представляли собой причудливую смесь антизападничества, антиимпериализма, антикоммунизма и мусульманского утопизма. Тем не менее эти концепции оказали весьма заметное воздействие на умы и настроения масс.

Таким образом, перед страной стояла целая совокупность задач как надстроечного, так и базисного характера, которые обычно решаются в ходе буржуазно-демократической революции.

Гегемоном революции стало шиитское духовенство. Это обстоятельство и определило глубокое своеобразие революции и одновременно ее чрезвычайно противоречивый характер: буржуазно-демократическую революцию возглавило корпоративное сословие, неспособное предложить обществу историческую перспективу и руководствующееся идеалами, которые давно отжили свой век и во многом были утопичными даже тысячелетие назад. При таком гегемоне судьбу революции определял не только исход борьбы между монархией и антимонархическим лагерем. Исторически перспективный вариант победы оказался поставленным в зависимость от того, сумеет ли какая-либо из политических партий либеральной буржуазии и левых сил или их коалиция лишить духовенство роли гегемона революции.

Противоречивость характера иранской революции явилась результатом всей описанной выше политики монархии, проводившейся в течение десятков лет.

Шиитское духовенство, олицетворением и воплощением воли которого стал аятолла Хомейни, сумевший завоевать у народа, прежде всего у беднейших слоев населения, непререкаемый авторитет, оказалось, как было отмечено выше, весьма искусным пропагандистом, агитатором и политическим организатором. Приобретенная благодаря этим качествам способность навязывать свою волю массам дала духовенству возможность не только направлять их действия, но и парализовать деятельность буржуазии и вынудить ее еще осенью 1978 г. подчиниться его воле.

Обретение такой власти над сознанием масс отнюдь не свидетельствовало о политической монолитности духовенства. Это еще один штрих, характеризующий своеобразие иранской революции 1978—1979 гг. Отметим, что шиитские богословы расходились в вопросе первостепенной важности — о том, каковы их место и роль в социально-политической структуре иранского общества после свержения монархии. Одна группа исходила из того, что богословы должны взять в свои руки государственную власть во всей ее полноте, установив правление мусульманского богослова-правоведа («веляйте факих»); такого мнения придерживался прежде всего сам Хомейни, еще до революции теоретически разработавший и обосновавший указанный принцип. Другая группа (в нее входили, в частности, аятоллы Шариатмадари и Гольпаегани) считала, что в послереволюционном Иране государственными делами должны заниматься светские лица — политики и администраторы; богословы же должны ограничиться идеологическим надзором за деятельностью государственных мужей и жизнедеятельностью общества в целом. Борьба по этому вопросу явилась весьма существенной стороной начального периода развития исламского режима. Провозглашение же исламской республики стало важной предпосылкой победы сторонников принципа «веляйте факих», одержанной опять-таки в условиях отсутствия монолитно-

го единства в этом корпоративном сословии, о чем свидетельствовали дискуссии в Собрании экспертов при разработке конституции ИРИ и в Собрании по окончательному рассмотрению конституции.

Народные массы выступили против монархии, добиваясь обретения гражданских и политических свобод и изменения экономических условий своего бытия. Гегемон сумел превратить эту борьбу в борьбу за свержение монарха и на определенном этапе (начавшемся с приходом к власти последнего шахского правительства во главе с Ш. Бахтияром) сделать ее для масс самоцелью. При этом он сумел придать антишахскому движению большую инерционную силу, что, в частности, проявилось в тот момент, когда массы пренебрегли готовностью Ш. Бахтияра удовлетворить все требования, предъявленные ими шаху.

Придя к власти, Ш. Бахтияр ввел свободу печати и партийной деятельности, провел через меджлис и сенат законопроект о роспуске той части САВАК, которая занималась слежкой, освободил из тюрем политических заключенных. Его программа предусматривала ограничение деятельности армии ее основной функцией — защитой независимости Ирана и его границ, постепенную отмену военного положения, резкое сокращение закупок оружия, выход из СЕНТО, отказ от роли жандарма в Персидском заливе, прекращение продажи нефти Израилю. В своих выступлениях Ш. Бахтияр был подчеркнуто благожелателен к духовенству. Кроме того, он обещал вновь передать ему управление вакфами, принадлежавшими до шахских реформ религиозным учреждениям.

Если массы под давлением духовенства всего-навсего пренебрегли проведенными Ш. Бахтияром мерами и его программой, то лидеры либеральной буржуазии пошли куда дальше: сочтя нужным доказать свою абсолютную лояльность гегемону, они исключили Ш. Бахтияра из рядов Национального фронта за «ренегатство». Это был первый крупный успех духовенства в достижении им своей сокровенной цели — установления исламской власти путем свержения шахской (и вообще любой светской) власти.

Значение этой победы шиитских богословов состояло в том, что вся эпопея с Ш. Бахтияром представляла собой отчаянную попытку правящей верхушки в лице двора и крупной буржуазии перейти от диктатуры к буржуазной демократии ради спасения института монархии и царствующего дома. Как показало время, это была кульминационная точка антишахского движения: монархия под сильнейшим нажимом снизу вынуждена была пойти на максимум уступок (оставались лишь отречение шаха и самоликвидация монархии). Лицо же, уполномоченное сделать эти уступки, Ш. Бахтияр, фактически как бы отчленил их от монархии, действуя уже от своего имени. При этом он отнюдь не исключал установления республиканского строя в случае волеизъявления масс.

Если бы либеральная буржуазия и левые силы воспользовались этими предложениями и добились установления буржуазно-демократического строя, духовенство оказалось бы не у дел как гегемон. Осталась бы неосуществленной и его давнишняя мечта — ликвидация светской власти и установление теократии. Отсюда — решительное, категорическое неприятие аятоллой Хомейни правительства Ш. Бахтияра. Между тем, как было отмечено, либеральная буржуазия побоялась перечить Хомейни, за которым стояли находившиеся в состоянии экстаза многомиллионные массы. Левые силы, представленные фedayми и моджахедами, также пренебрегли этой возможностью².

Сказанное выше позволяет утверждать, что революция миновала кульминационную точку не 12 февраля 1979 г. (день, когда стала очевидна победа вооруженного восстания 10—11 февраля и главой правительства стал М. Базарган): как буржуазно-демократическая революция, она прошла ее раньше, когда была отвергнута выдвинутая Ш. Бахтияром идея сотрудничества всех сил, стремившихся к восстановлению конституционных свобод и демократическому развитию общества.

Вот тогда-то в недрах все еще бурлившей революции и начался процесс формирования исламского режима, режима, которому шиитские богословы дали название «исламская революция». Революция стала превращаться в свою противоположность.

Анализ, проведенный в соответствующих главах данной монографии, позволяет датировать начало процесса формирования исламского режима январем 1979 г., созданием 13 января находившимся еще во Франции Хомейни Исламского революционного совета, в который вошли близкие ему лица, объединенные склонностью к политически активному исламу, или, иначе, придерживавшиеся концепции политизированного ислама и исламизированной политики. Тем самым был приведен в действие «генетический» код исламского режима, который начал первый («утробный») период (или этап) своего развития, завершившийся провозглашением Исламской Республики Иран. Воспрепятствовать созданию исламского режима могло только лишение шиитского духовенства роли гегемона революции. Но при существовавшей расстановке политических сил это оказалось делом невозможным. Как показали последующие события, ИРС был призван стать важнейшим инструментом формирования исламского режима и фактического сосредоточения государственной власти в руках шиитских богословов во главе с Хомейни.

5 февраля Хомейни назначил М. Базаргана, представителя либеральной буржуазии, премьером еще не существовавшего правительства, которое должно было взять власть после победы революции. 12 февраля 1979 г. оно приступило к работе. Правительство это, функционировавшее под контролем ИРС, призвано было, по замыслу Хомейни, маскировать процесс создания исламского режима. Однако на деле маскировки не получилось. Между ИРС и правительством М. Базаргана завязался

лась борьба за реальный контроль над страной, свидетельствовавшая о том, что цели религиозных деятелей и либеральной буржуазии резко расходились. Во всяком случае, либеральная буржуазия не помышляла об установлении исламского режима, шиитские же богословы двинулись к этой цели, причем открыто.

Первый период развития исламского режима оказался весьма результативным для шиитских богословов. После тегеранского вооруженного восстания, поднятого левыми силами вопреки намерениям духовенства и угрожавшего ему лишением положения гегемона, оно сумело ввести энергию одержавших победу участников восстания в нужное ему русло и начать играть роль руководящей и направляющей силы уже в новом деле — формировании исламского режима. Тем самым шиитские религиозные деятели еще раз проявили способность навязывать свою волю народным массам и подчинять их революционную инициативу и самостоятельность своим интересам, в данном случае для создания собственного административного и карательного аппарата. Они сумели поставить под свой контроль отряды различных политических и религиозных групп, стихийно возникших еще до вооруженного восстания, — «стражей» исламской революции (пасдаров) и «революционных комитетов». Революционная инициатива и самостоятельность масс, порожденная неприятием ими шахского деспотизма, с полным основанием может быть названа величайшим даром, преподнесенным волею истории шиитским богословам: она блокировала действия монархических сил в такой степени и на такое время, что позволила духовенству оглядеться и начать создание централизованного государственного аппарата насилия.

Ярким штрихом процесса формирования исламского режима стало также использование духовенством стихийно возникших «исламских трибуналов», вершивших с молчаливого согласия ИРС суд и расправу над видными гражданскими и военными деятелями монархического режима, при этом демонстративно игнорируя правительство М. Базаргана.

Именно в тот период Хомейни создал институт «представителей имама», наделенных правом контроля над министерствами и ведомствами, воинскими частями и органами власти на местах и подотчетных лично Хомейни. Тогда же к этому институту добавилась сеть предстоятелей пятничной молитвы (имам-джом'э), направлявших идеологическую жизнь на местах и опять-таки подотчетных самому Хомейни. Для того чтобы установить контроль над многочисленными комитетами, возникшими еще до падения монархии, был учрежден Центральный комитет исламской революции.

На том же этапе были заложены основы Корпуса стражей исламской революции путем объединения пасдаров и «революционных комитетов». Уже в процессе формирования КСИР началась борьба между сторонниками Хомейни и Базаргана за

установление контроля над ним и превращение его в основную силу, отвечающую за обеспечение внутренней безопасности и подавление оппозиции (как левых, так и монархистов). Своеобразным следствием этой борьбы стал тот факт, что официально о создании КСИР было объявлено лишь в начале мая 1979 г. Верх взяли богословы, решив тем самым еще один жизненно важный для формирования исламского режима вопрос.

В этот же период была начата работа по созданию Партии исламской республики, которая должна была стать главной политической силой шиитского духовенства.

На том же этапе была выработана тактика узаконения теоретически разработанного Хомейни принципа «веляйте факих» в виде диктатуры шиитских богословов, а не «простого» пребывания их у власти.

Осуществление всех изложенных выше мер позволило Хомейни и его окружению прийти к организованному ими референдуму (30—31 марта 1979 г.), на котором должно было решиться, быть Ирану монархией или стать исламской республикой, имея за собой поддержку широких масс.

Предстояла работа по созданию целостной системы исламского режима. Путь шиитских богословов к ней отмечен рядом крупных вех, каждая из которых знаменовала очередную их победу в борьбе с политическими противниками. Эта борьба, отмеченная кровавыми столкновениями, актами как одиночного, так и массового террора, свидетельствовала о том, что задачи, стоявшие перед революцией 1978—1979 гг., остаются нерешенными, а формирующийся режим по сравнению с шахским является шагом назад.

Важнейшими вехами были провозглашение Исламской Республики Иран (1 апреля 1979 г.), как бы юридически легализовавшее формирование исламского режима, и принятие на основе результатов референдума 2—3 декабря 1979 г. конституции ИРИ.

Воплотившая в себе все принципы доктрины Хомейни, круто замешанной на положениях ислама шиитского толка, конституция открыла перед шиитскими богословами практически неограниченные возможности контроля над иранским обществом.

В предусмотренной конституцией политической системе руководящей и направляющей силой иранского общества, ядром ее политических, государственных и общественных организаций стал шиизм, персонифицированный в лице Хомейни, причем имя его было внесено в текст самой конституции. В результате на свет появился причудливый политический гибрид — парламентская республика со стоящим над ней наделенным неограниченной властью Руководителем (Рахбаром), свободным от какой бы то ни было ответственности за свои действия («веляйте факих»). Практически Руководитель был представлен в парламенте (меджлисе) Наблюдательным советом.

По мнению составителей конституции, она обеспечила лик-

видацию эксплуатации человека человеком, хотя на деле в ней речь идет лишь о «предупреждении», «предотвращении» эксплуатации чужого труда («джелоугири аз бахрекаши аз каре дигяри») (п. 4, ст. 43). Иначе говоря, сохранение порядков, существовавших до революции, шиитские богословы преподнесли как меру, препятствующую эксплуатации человека человеком. Тем самым оставался в силе тезис шаха о решении этой задачи.

Богословы обеспечили себе полную свободу рук, включив в конституцию пункт, в соответствии с которым все ее статьи, равно как и положения других законов и постановлений, должны основываться на нормах ислама, идет ли речь «об отдельных статьях или о них в целом» (ст. 4). Как показала практика, это позволяет налагать запрет на любой законопроект, что и было использовано для отклонения крайне важных реформ.

Социальная жизнь и культура иранского общества регламентировались тем же принципом соответствия нормам ислама, свидетельством чего стало содержание проведенной в стране «исламской культурной революции».

Пришедшие к власти как представители мелкой буржуазии и в целом всех «обездоленных», шиитские богословы должны были сделать выбор: или сохранить это свое амплуа и потерпеть крах, пытаясь вести общество по антиисторическому мелкобуржуазному пути, или, маскируясь под защитников «обездоленных», нести службу у крупного капитала. Годы, истекшие со времени образования ИРИ, показали, что они избрали второй путь. Шиитские богословы фактически отбросили ими же разрекламированную утопическую концепцию «исламского общества божественной гармонии», так как отказ от мелкобуржуазности в пользу капиталистических принципов ведения хозяйства становился условием сохранения власти в руках духовенства, искусно совмещающего этот отказ с мелкобуржуазной риторикой.

Этой метаморфозе сопутствовали отстранение либеральной буржуазии от участия во власти, разгром и физическое истребление левых сил. Она же потребовала оговорочного обращения с мелкой буржуазией и городскими низами, что должно было обеспечить лояльное отношение этих слоев общества к чинимому властями террору в отношении своих противников.

Решение первой задачи (отстранение либеральной буржуазии от участия во власти) выразилось, в частности, в следующих фактах: ноябрь 1979 г. — вынужденный уход в отставку премьер-министра М. Базаргана; весна 1980 г. — избрание меджлиса, в котором 70% депутатов были членами ПИР, 60% депутатов являлись религиозными деятелями различных рангов; июнь 1981 г. — отстранение от должности президента ИРИ А. Банисадра; июль 1981 г. — избрание председателем меджлиса члена ИРС ходжат оль-эслама Хашеми-Рафсанджани; октябрь 1981 г. — избрание на пост президента ходжат оль-эсла-

ма Али Хосейни-Хаменеи и назначение на пост премьер-министра Мир Хосейна Мусави.

Вторая задача (истребление левых сил) была решена в 1981 г. (уничтожение моджахедов и федаев) и в 1983 г. (казни и массовые аресты членов НПИ, включая все ее руководство).

Решение третьей задачи (осторожное обращение с мелкой буржуазией и городскими низами) носит перманентный характер.

Буржуазная метаморфоза шиитских богословов в итоге была обеспечена соблюдением трех основных принципов, представленных ниже по степени их значимости:

свобода предпринимательства (прежде всего для миллионов мельчайших, мелких и средних предпринимателей, занятых в промышленности, торговле и сфере услуг);

неограниченное политическое насилие;

религия (ислам) как символ духовности, противостоящей всему материальному.

Свобода предпринимательства является необходимым условием поддержания существования указанного выше громадного социального слоя. Если власти будут чинить ему препятствия, это приведет к такому возмущению масс, которое сметет существующий режим.

Политическая диктатура имеет объектом своего воздействия противников режима. Огромная предпринимательская масса индифферентна к политическим расправам, если ее интересы не задеты.

Ислам служит лишь формой общественно-политической жизни страны. При ближайшем рассмотрении религиозный фанатизм духовенства оборачивается словом и в гораздо меньшей степени делом. И это объяснимо, если учесть, что для религиозных деятелей главное — сохранить в своих руках власть, а не добиваться неукоснительного выполнения предписаний Корана и шариата.

Сохранение власти в руках шиитских богословов было связано и с борьбой против правой оппозиции. Но последняя выступала лишь с требованием ускорения списанной выше метаморфозы.

Проведение в жизнь названных трех принципов сопровождалось внешнеполитическими акциями (захват американских заложников, нежелание пойти на мирное урегулирование вооруженного конфликта с Ираком), гальванизовавших общество в целом и «оправдывавших» или «объяснявших» внутренние неурядицы.

Внешнеполитический курс ИРИ, основывающийся на концепции «Ни Восток, ни Запад — лишь ислам», выявил свою подлинную сущность: абсолютность исповедуемого шиитскими богословами антикоммунизма, относительный характер их антиимпериализма и агрессивность в реализации принципа экспорта «исламской революции».

Обобщая все изложенное выше, мы можем сказать следующее. Время, прошедшее после революции 1978—1979 гг., не оставляет сомнения в том, что широким массам она, по существу, ничего не дала — по крайней мере по сравнению с дореволюционным периодом (исключение составляют лишь религиозные деятели низшего ранга, обогатившиеся, ловя рыбку в мутной воде). Причина этого не только во временных трудностях экономического и политического характера, без которых не обходится ни одна революция. В данном случае дело обстоит несколько иначе. Во-первых, стремление удержать в своих руках власть остается главной целью духовенства. Во-вторых, во имя указанной цели шиитские богословы готовы, не выходя за рамки буржуазности, приспособливаться (и это им удастся) к интересам того класса (или социальной группы), который оказывается наиболее сильным. В Иране таким классом была и остается буржуазия, в настоящее время — прежде всего торговая. Мероприятия же режима в отношении низов (носящие, в сущности, благотворительный характер) направлены на то, чтобы сохранить влияние над ними и использовать их в качестве ударной силы при осуществлении своих замыслов.

Шиитские богословы, сплотив вокруг себя все слои духовенства и выступив в качестве гегемона революции, узурпировали в своих сословно-корпоративных целях ее достижения. Отсюда с непреложностью вытекает главный вывод: иранская революция 1978—1979 гг. — это исторический факт, исламский режим, представляющий собой теократическую диктатуру с капиталистическим содержанием, — тоже исторический факт, а вот «исламская революция» — это лишь ярлык.

Недолгая история иранской революции позволяет сделать еще один важный вывод: уровень развития капитализма, приведший к превращению капиталистического уклада в основной уклад иранской экономики, и место, которое в канун революции занимал фабрично-заводской пролетариат в социальной структуре общества, порождали потребность в перерастании антимонархической борьбы в социальную революцию. Однако в ходе революции подтвердилось то, что было очевидным и в предреволюционный период, — глубокое несоответствие субъективных факторов объективным. Решающий удар монархии нанес своими забастовками рабочий класс, власть же захватили шиитские богословы. Иранский пролетариат не был подготовлен к тому, чтобы возглавить антимонархическое движение, повести самостоятельную борьбу за государственную власть и совместить решение задач по демократизации политической жизни страны с решением своих собственных социальных задач.

Глава I

¹ Согласно данным переписи 1976 г., население страны в 1976 г. составляло 33,7 млн. человек, из которых 47% проживало в городе и 53% на селе. Численность населения в возрасте 10 лет и старше равнялась 23 млн. человек, из которых 13,2 млн. составляли экономически неактивное население (7,1 млн. в городе, 6,1 млн. на селе) и 9,8 млн.— экономически активное. Последняя категория по своему положению и местопребыванию распределялась следующим образом (млн. человек):

	Всего	В городах	В деревнях
Экономически активное население	9,8	4,3	5,5
В том числе:			
занятые	8,8	4,1	4,7
сезонно безработные	0,64	0,033	0,61
ищущие работу,			
ранее работавшие	0,054	0,03	0,024
ищущие работу,			
ранее не работавшие	0,3	0,016	0,014

Саршомарие омумие нофус ва маскан абанмахе 1355 колле кешвар, дейе 1359. [Б. м.], с. XVII, X (далее — Саршомарие омумие).

² См.: Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция). М., 1981, с. 22.

³ Здесь и далее поотраслевые данные приводятся и исчисляются по Саршомарие омумие, с. 82.

⁴ Приведя данные, относящиеся к экономике в целом, т. е. к городу и деревне, взятым вместе, заметим, что, судя по переписи 1976 г., деревня по набору отраслей ни в чем не уступала городу. Разница была лишь в численности занятых в представленных отраслях. Поэтому деление занятых в добывающей промышленности, электроэнергетике и водоснабжении, строительстве и на транспорте на занятых в городе и деревне имеет сугубо условный характер, что принято нами во внимание в последующем изложении.

⁵ См.: Арабаджян А. З. Рост экономического потенциала Ирана в 60—70-е годы.— Иран. Проблемы экономического и социального развития. М., 1980, с. 18, 55.

⁶ Арабаджян З. А. Нефабричный пролетариат Ирана (формирование и положение).— Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1985, с. 163. В этой же статье см. методику вычленения нефабричного пролетариата.

⁷ Подробно см.: Иран. Проблемы..., с. 44—51.

⁸ Сугубо условно, на основе экспертной оценки, к капиталистическому найму отнесены в сельском хозяйстве 300 тыс. человек, в обрабатывающей промышленности — 1 млн., в добывающей — 70 тыс., в строительстве — 950 тыс., в торговле — 100 тыс., на транспорте — 250 тыс., в финансах — 80 тыс., в сфере услуг — 900 тыс. человек.

⁹ Саршомарие омумие, с. 85. Далее, если не оговорено, данные приводятся из этого же источника.

¹⁰ В первую категорию входили научные работники, инженеры, летчики и офицеры гражданского морского флота, врачи, учителя, художники, юристы, писатели, артисты, служители культа, журналисты и прочие — независимо от того, были ли они наемными работниками или людьми свободных про-

фессий. В состав конторских и прочих служащих входили машинистки, стенографистки, библиотекари, телефонистки, сторожа и пр.

¹¹ Подробнее см.: Мамедова Н. М. Концентрация производства и капитала. В Иране в 60—70-е годы. М., 1962.

¹² Нетаедже баррасие каргахасе бозорге кешвар дал сале 1358. Техран, 1358, табл. 10.

¹³ Амаре каргахасе кучеке санатие шахри сале 1355. Техран, 1359, с. 10, 11.

¹⁴ Для ясности заметим, что предпролетариев от собственно пролетариата отличает (или отделяет) характер найма: докапиталистический со всеми вытекающими последствиями в первом случае и капиталистический — во втором. Отличить пролетария от предпролетария крайне трудно. Так, по данным используемой здесь переписи населения 1976 г., в городской розничной торговле на одного хозяина в среднем приходилось 3 наемных работника, а в сфере услуг — около 12. В какой из приведенных ситуаций наемные работники выступали в роли пролетариев, а в какой — в роли предпролетариев, определить практически невозможно, не располагая данными, которые, к сожалению, статистикой не приводятся.

¹⁵ Цифра выведена на основе данных Саршомарие омумие (с. 85) при следующих оценочных долях фабрично-заводского пролетариата в отраслях: сельское хозяйство — 50%, добывающая промышленность — 80, обрабатывающая — 60, строительство — 80, энергетика и водоснабжение — 100, торговля — 50, транспорт — 80, финансы — 50, сфера услуг — 70%.

¹⁶ Iran in the Struggle. Tehran, 1978, с. 14.

¹⁷ World Development. Vol. 8, № 9, September 1980, с. 640.

¹⁸ Здесь и ниже: Саршомарие омумие, с. 88.

¹⁹ Демин А. И. Проблемы капиталистического развития современной иранской деревни. — Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60—70-е годы. М., 1980, с. 210.

²⁰ Имеются в виду хозяева, систематически использующие наем рабочей силы. Рассчитано по: Саршомарие омумие нофус ва маскан абанмахе 1335, с. 82, 85, 88.

²¹ Подробнее см.: Арабаджян З. А. Нефабричный пролетариат Ирана, с. 153—166.

²² Амаре санатие сале 1347. [Б. м., б. г.], с. «Ч».

²³ Рассчитано по: Report of the Results of Annual Industrial Survey in 1967(1346), с. 26, 28; Амаре санатие сале 1347, с. 1.

²⁴ Амаре фаалиятхасе мадание Иран сале 1340. [Б. м., б. г.], с. 47, 48.

²⁵ Нетаедже амаргири аз маадене моташаккеле кешвар сале 2532. [Б. м., б. г.], с. 8.

²⁶ Bank Markazi Iran Annual Report and Balance Sheet as at March 20, 1971. Approved at the Annual General Meeting Bank Markazi Iran. July 20, 1971. [Б. м., б. г.], с. 75.

²⁷ Bank Markazi Iran Annual Report and Balance Sheet 1357 (as at March, 20, 1979). Approved at the Annual General Meeting Bank Markazi Iran. July 22, 1979. [Б. м., б. г.].

²⁸ Сальнамее амарие кешвар сале 2535 шахеншахи, с. 58.

²⁹ Бади Ш. М. Городские средние слои Ирана. М., 1977, с. 81.

³⁰ Преподавание в младших классах разрешалось и без окончания высшего учебного заведения.

³¹ Предлагая вниманию читателя данные, относящиеся к расходам семей, мы исходим из того, что в принципе отражают они их доходы, и, хотя феномен Гобсека и Плюшкина, конечно, существует, он не может существенно исказить положение вещей в городском обществе страны, взятом в целом.

³² Арабаджян З. А. Иран и Пакистан. Распределение доходов в городе. 60-е — начало 80-х годов. М., 1987, с. 119.

³³ См. там же, с. 74.

³⁴ Экономическая проблематика Ирана 60—70-х годов довольно разнообразна и глубоко проанализирована в работах советских иранистов-экономистов. Это избавляет авторский коллектив от необходимости проводить специальное комплексное исследование для выявления особенностей экономического развития Ирана в указанный период и позволяет ограничиться изло-

жением этих особенностей, учитывая ранее полученные результаты. Среди упомянутых работ назовем следующие (в алфавитном порядке): *Арабаджян А. З.* Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60—70-х годах (К проблеме ломки колониальной структуры экономики). М., 1983; *он же.* Перспективы развития государственного сектора в экономике Ирана.— Иран (сборник статей). М., 1973; *Арабаджян З. А.* Иран и Пакистан; Распределение доходов в городе. 60-е — начало 80-х годов. М., 1987; *Демин А. И.* Сельское хозяйство современного Ирана. М., 1967; *он же.* Современная иранская деревня. М., 1977; Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60—70-е годы. М., 1980; *Мамедова Н. М.* Концентрация производства и капитала в Иране в 60—70-е годы. М., 1982; *она же.* Городское предпринимательство в Иране. М., 1988; *Пазельский С. М.* Иностранный частный капитал в обрабатывающей промышленности Ирана (1953—1971 гг.). Канд. дис. М., 1973; Планы-программы экономического развития стран Азии. М., 1966; Развивающаяся Азия (изменения в отраслевой структуре народного хозяйства). М., 1973; *Рождественская Д. С.* Экономические связи Ирана с развитыми капиталистическими странами в 60—70-е годы. Канд. дис. М., 1979; *Цуканов В. П.* Неравномерность регионального развития Ирана: экономика и политика. 60—70-е годы. М., 1984.

Глава II

¹ Такое суждение, правда в не столь четкой форме, уже высказывалось в советской иранистике. Так, в предисловии к книге «Иран. Очерки новейшей истории» (М., 1976) в связи с иранской революцией 1905—1911 гг. отмечалось (с. 4): «Добившись замены деспотической власти монарха конституционной монархией, революция скорее поставила, чем решила, целую совокупность задач, которые были направлены на превращение страны в буржуазную монархию и многие из которых удивительным образом сохранили свою свежесть и по настоящее время (курсив наш.—Ред.)».

² См.: *Миланян М. Д.* Государственный строй современного Ирана. М., 1973, с. 24, 124.

³ Там же, с. 124.

⁴ Там же, с. 24

⁵ Там же, с. 24—25.

⁶ Там же, с. 25.

⁷ Там же, с. 26.

⁸ Эттелаат. 13.03.1967. Цит. по: там же, с. 26.

⁹ Там же, с. 31—32.

¹⁰ Текст письма, представляющий собой несколько машинописных страниц, которые ходили по рукам в Иране, любезно был предоставлен авторскому коллективу одним из иранцев.

¹¹ Здесь и далее статьи или части их излагаются нами по книге «Конституции государств Ближнего и Среднего Востока» (М., 1956), содержащей «Основной закон Ирана, 30 декабря 1906 г.» и «Дополнение к Основному закону Ирана, 8 октября 1907 г.».

¹² Здесь и далее выдержки из письма Сейеда Джавади приводятся в переводе с персидского Д. С. Рождественской.

¹³ Помимо конкретных фактов автор письма ставит риторические вопросы, часть которых мы воспроизводим: «Если режим признает конституцию, то почему государственными делами посредством писаных законов управляет царствующая персона? Почему депутаты меджлиса и члены сената молчат, узнав о пытках и убийствах, осуждении невиновных, о грабежах и кровопролитиях, учиняемых господствующим классом, притом что они обладают предусмотренным конституцией правом контролировать государственные дела? Если режим претендует на существование свободы мнений и взглядов, то почему молодых судей и отважных представителей правосудия, которые жалуются на вмешательство в правосудие и организацию специальных судов, подвергают сильному давлению? Почему иранскую прессу посредством судебного крючкотворства и цензуры заставляют менять свое направление? Если режим уважа-

ет права человека, то почему судья, ставленный правительства, отказывается принять представителей 47 студентов, которые по обвинению во вредительстве, окровавленные и раненные, были схвачены и арестованы уважаемыми представителями правосудия? Если режим признает свободу пера и право информирования населения о событиях и новостях в стране, то почему он препятствует публикации сообщения об ужасающем нападении полиции на студентов в университетах страны и об убийстве 16 студентов, ранении и избивании других студентов?»

¹⁴ Следует отметить, что в советской иранистике еще в 1976 г. описывалась удушающая политическая атмосфера, в которой находилось иранское общество, и в порядке прогнозирования были обрисованы черты, которые будут характерны для политической жизни этой страны в близкой перспективе. Так, в предисловии к книге «Иран. Очерки новейшей истории» имеются следующие строки: «В 70-е годы Иран вступил, наметив широкую программу дальнейшего роста и преобразований. Конечно, на этом пути встретятся трудности, как и при всяком движении вперед. Однако они выйдут за рамки обычных трудностей созидания, так как во многом будут иметь причиной определенную социально-политическую неустроенность иранского общества, снять которую оказались не в состоянии реформы. Атмосфера политической напряженности в стране, особенно в городах, находящая отражение на страницах разрешенных газет и журналов, сообщения правительственных официозов и полуофициозов о приговорах лицам, выступившим против режима, чувство подавленности и глубокой неудовлетворенности, испытываемое творческой интеллигенцией и находящее недвусмысленное выражение в произведениях прозы и поэзии, сообщения о трудовых конфликтах на предприятиях служат достаточным обоснованием высказанного выше суждения, равно как и свидетельством сохраняющейся политической заряженности иранского общества... Одновременно это подводит к мысли о том, что, несмотря на свою разносторонность, реформы 60-х годов и преобразования, продолжающиеся в 70-х годах, не воспринимаются многими слоями иранского общества, склонными довольствоваться так называемыми буржуазными свободами, как нечто равноценное этим свободам или способное подменить их.

Действие факторов, порождающих отмеченные выше явления (если эти факторы не будут сняты жизнью), и станет привносить в обычные трудности роста трудности специфические, устранить которые неспособны даже весьма благоприятные финансовые и материально-технические условия развития производственных сил, которые сложились у иранского государства к середине 70-х годов» (Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 13—14).

¹⁵ Подробно о политических партиях в послевоенном Иране см.: Алиев С. М. Политические партии.— Современный Иран (справочник). М., 1975; Демин А. И. Общественные преобразования и основные тенденции социально-экономического и внутриполитического развития Ирана.— Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.

¹⁶ Демин А. И. Общественные преобразования..., с. 291—292.

¹⁷ Там же, с. 308.

¹⁸ Kayhan International Weekly. 18.01.1975.

¹⁹ Демин А. И. Общественные преобразования..., с. 328, 329.

²⁰ См.: Алиев С. М. Политические партии.— Современный Иран (справочник). М., 1975, с. 93. Свою точку зрения С. М. Алиев обосновывает следующим образом: «Руководители партии — государственные деятели и крупные чиновники — лица, при активном участии которых реализуется программа реформ, объявленная главой государства (так называемая белая революция)» (там же).

²¹ Kayhan International Weekly. 22.05.1971.

²² См.: Алиев С. М. Политические партии, с. 94; Демин А. И. Общественные преобразования..., с. 404, 405.

²³ Демин А. И. Общественные преобразования..., с. 404.

²⁴ Kayhan International Weekly. 02.02.1974.

²⁵ Там же.

²⁶ Kayhan International Weekly. 05.01.1974.

²⁷ Kayhan International Weekly. 08.03.1975.

- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Kayhan International Weekly. 03.05.1975. Там же см. устав партии.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Как будет показано ниже, партии «Растахиз» и в самом деле довелось пережить недолгую пору таких дебатов. Однако они были вызваны ее кризисом, имевшим необратимый характер. О нежизнеспособности этой партии свидетельствовала и частая смена генеральных секретарей: с марта 1975 по ноябрь 1976 г. этот пост занимал Амир Аббас Ховейда, с ноября 1976 по август 1977 г. — Джемшид Амузегар, с августа 1977 по январь 1978 г. — Мохаммед Бахери, с января 1978 по сентябрь 1978 г. — вновь Джемшид Амузегар, с 1 октября 1978 по 2 октября этого же года — Джавад Саед. Это обстоятельство уже само по себе может восприниматься как явный симптом политического несварения желудка.
- ³³ Kayhan International Weekly. 15.05.1976.
- ³⁴ Kayhan International Weekly. 12.03.1977.
- ³⁵ Kayhan International Weekly. 02.04.1977.
- ³⁶ Kayhan International Weekly. 16.04.1977.
- ³⁷ Kayhan International Weekly. 23.04.1977.
- ³⁸ Так, в номере «Растахиз» от 13 августа 1977 г. была помещена заметка под заголовком «Члены партийных клубов хотят знать правду». Речь в ней шла о собрании, прошедшем в 12-м районе южного Тегерана, жители которого хотели узнать, когда же будет осуществлено благоустройство. Эта же газета 28 августа 1977 г. опубликовала сообщение о выступлении Дж. Амузегара, который к тому времени сохранил лишь пост премьер-министра (генеральным секретарем «Растахиз» вместо него стал Мохаммед Бахери), предпослав ему следующий заголовок: «Долг правительства — говорить с людьми откровенно и правдиво». В заголовок сообщения о докладе нового генерального секретаря были вставлены следующие положения доклада: «Растахиз должна быть ответственна за обеспечение особых политических потребностей эры революции Ирана (имеется в виду «белая революция». — *Ред.*). Упорядочение и упрощение отношений людей между собой и отношений между гражданами и правительством является насущной потребностью». Сообщая о выступлении того же Бахери на одном из партийных собраний, газета 20 сентября 1977 г. вынесла в заголовок следующее положение из его выступления: «Несмотря на все прилагаемые усилия, люди недовольны тем, как поставлено медицинское обслуживание». В ноябре 1977 г., выступая на партийном собрании в Кашане, доктор Амели заявил: «Партия создает такую атмосферу, чтобы ответственные лица не оставляли без внимания просьбы людей» (Растахиз. 05.11.1977).
- ³⁹ Растахиз. 24.09.1977.
- ⁴⁰ Kayhan International Weekly. 01.10.1977.
- ⁴¹ Растахиз. 17.09.1977.
- ⁴² Kayhan International Weekly. 04.06.1978.
- ⁴³ Kayhan International Weekly. 11.06.1978. Он стал лидером Прогрессивного крыла, поскольку его первоначальный лидер Джемшид Амузегар занял пост генерального секретаря.
- ⁴⁴ Kayhan International Weekly. 03.09.1978.
- ⁴⁵ Kayhan International Weekly. 01.10.1978.
- ⁴⁶ Правда. 03.10.1978.
- ⁴⁷ Kayhan International Weekly. 08.10.1978.
- ⁴⁸ Подробно см.: Алиев С. М. Политические партии.
- ⁴⁹ Бади Ш. М. Городские средние слои Ирана. М., 1977, с. 193.
- ⁵⁰ Маншуре Джабхее меллие Иран (Устав Национального фронта Ирана). — Касеми А. Тарихчехе джабхее меллие Иран. [Б. м.], 1979, с. 57—40.
- ⁵¹ Там же, с. 57.
- ⁵² Там же, с. 60—62.
- ⁵³ Фе дай (араб. *фидай* — жертвующий собой во имя веры, идеи) — участник вооруженной борьбы, ведущейся под лозунгами социального, социально-религиозного, национально-освободительного или националистического характера.

⁵⁴ **Моджахед** (перс.) — борец за дело веры, участник священной войны — джихада. В период конституционного движения начала XX в. в Иране этот термин приобрел и новое значение: «борец за святое дело свободы, за конституцию».

⁵⁵ **Байание** э'ламе мавазе идеологие сазмане моджахедине халке Иран. [Б. м.], 1975 г. В этом отношении немалый интерес представляет письмо сына аятоллы Махмуда Талегани — Моджтаба Талегани, являвшегося членом Организации моджахедов, своему отцу: «Прошло почти два года с тех пор, как я покинул дом, перешел на нелегальное положение и утратил контакт с Вами. Поскольку я чувствую глубокое уважение к Вам и многие годы мы провели вместе, я считаю необходимым объяснить, почему я и моя новая семья (автор имеет ввиду Организацию моджахедов.— *Ред.*) решили провести коренные изменения в нашей организации... С раннего детства находясь рядом с Вами, я научился ненавидеть этот кровавый тиранический режим. Я всегда уважал ислам как выражение чаяний угнетенных масс, борющихся против угнетения... На протяжении последних двух лет я начал заниматься изучением марксизма. Прежде я считал, что воинствующие интеллектуалы способны уничтожить режим. Сейчас я убежден, что мы должны обратиться к рабочему классу. Но чтобы организовать рабочий класс, мы должны отказаться от ислама, поскольку религия отказывается признавать главную движущую силу истории — классовую борьбу. Конечно, ислам может играть прогрессивную роль, особенно в деле мобилизации интеллигенции против империализма. Но только марксизм дает научный анализ общества и ведет к освобождению эксплуатируемых классов. Прежде я привык считать, что тот, кто верит в исторический материализм, неспособен на высшую жертву. Теперь я знаю, что величайшая жертва, которую кто-либо может принести,— это умереть за освобождение рабочего класса» (*Abrahamian E. The Guerilla Movement in Iran, 1963—1977.— MERIP Reports. № 6. Wash., 1980, с. 11; Talegani M. Letter to my Eather.— Mujahid. 1976, № 6, с. 131*).

⁵⁶ Барнамее хезбе тудее Иран. [Б. м.], 1975, с. 26.

⁵⁷ Рахе рошде сармайедари ва гейре сармайедари.— Чарик. [Б. м.], 1977/78, с. 45.

⁵⁸ Барнамее хезбе тудее Иран, с. 26—28. Правда, в той же программе НПИ говорилось, что партия «не отворачивается ни от каких форм революционной борьбы...».

⁵⁹ Чера мобарезе мосаллахане мехваре коллиее мобарезате халке ма аст? — Чарик. 1978/79, с. 2.

⁶⁰ *Иса Садык*. Доурее мохтасаре тарихе фарханге Иран. Техран, 1339, с. 228—229.

⁶¹ Iran's 5th Development Plan. 1973—1978. A Summary. Tehran, June 1973, с. 25; Kayhan International. 11.01.1975; The New York Times. 19.02.1977.

⁶² Iran Almamac and Book of Facts 1973. Tehran, [б. г.], с. 403—405.

⁶³ Там же, с. 403—406. Iran Almanac and Book of Facts. 1976. Tehran, [б. г.], с. 349.

⁶⁴ Iran Almanac and Book of Facts. 1978, с. 446.

⁶⁵ Рост сети высших учебных заведений происходил «вширь» без изменения остальных учебных программ. Не была решена также задача ориентации системы высшего образования на нужды экономики: и в середине 70-х годов более половины студентов продолжали обучаться на гуманитарных факультетах (Iran Almanac and Book of Facts. 1976, с. 344). В Иране наиболее престижными считались профессии адвоката, врача и т. д., что сказалось на планировании высшей школы страны, где преимущественное развитие получили факультеты гуманитарного профиля. Отмеченная диспропорция может быть объяснена также большей стоимостью обучения на естественно-техническом отделении. Согласно данным ЮНЕСКО, подготовка специалистов на естественно-технических факультетах обходилась в 7—10 раз дороже, чем на гуманитарных (UNESCO. Statistical Yearbook. 1968. P., 1969, с. 291).

⁶⁶ *Fischer M. M.* Iran. From Religious Dispute to Revolution. Cambridge (Mass.). L., 1980, с. 77.

⁶⁷ Подробнее о медrese Кума см.: *Fischer M. M.* Iran..., с. 82—83.

⁶⁸ Приводятся названия вузов до 1979 г.

⁶⁹ *Иванов М. С.* Иран в 60—70-х годах XX в. М., 1977, с. 142. Подробнее о Тегеранском университете см.: *Хосейн Махбуби Ордегани*. Тахавволе данашгахэ техран ва моассэсатэ алийе амүзэшийе Иран дар асрэ ходжастайе Пахлави. Тегран, 1972.

⁷⁰ *Arasteh A. R.* Education and Awakening in Iran. 1850—1968. Leiden, 1969, с. 35—36.

⁷¹ Там же, с. 36.

⁷² *Iran Almanac and Book of Facts*. 1963. Tehran, [б. г.], с. 492. 7363 человека обучались в ФРГ и Австрии, 4677 — в США, 2688 — в Англии, 679 — во Франции, 344 — в Швеции, 240 — в Италии, 46 — в Бельгии.

⁷³ *Iran Almanac and Book of Facts*. 1976, с. 342.

⁷⁴ *Iran Almanac and Book of Facts*. 1974, с. 427; *Kayhan International Weekly*. 17.12.1977. В 1977 г. общее число иранских студентов в США с действовавшими или продленными визами составляло 12 373, т. е. почти половину студентов из всех стран Ближнего и Среднего Востока (25 500). Иранских студентов было в два раза больше, чем японских (вторая по численности колония иностранных студентов в США).

⁷⁵ *Arasteh A. R.* Education..., с. 42.

⁷⁶ *Iran Almanac and Book of Facts*. 1976, с. 343.

⁷⁷ *The US News and World Report*. 07.03.1979.

⁷⁸ *Tehran Journal*. 29.05.1978.

⁷⁹ Подробнее см.: *Юртаев В. И.* Иранское студенчество и его участие в антишахском, антиимпериалистическом движении в Иране (1968—1978). — Проблемы истории стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1979, с. 153—166.

⁸⁰ Подробнее см.: *Иванов М. С.* Иран в 60—70-х годах XX в., с. 165—176.

⁸¹ Как правило, по мотивам и характеру движения периферийные вузы практически не отличались от тегеранских.

⁸² ОТМИ была одной из основательниц ВФДМ в 1945 г.

⁸³ Арман. 1977, № 1, с. 1.

⁸⁴ Аянде. 24.03.1978.

⁸⁵ Аянде. 1976, Специальный выпуск.

⁸⁶ *Иванов М. С.* Иран в 60—70-х годах XX в., с. 244.

⁸⁷ Мардом. 20.01.1975.

⁸⁸ *Morning Star*. 13.02.1977.

⁸⁹ *Abrahamian E.* The Guerrilla Movement in Iran. с. 5.

⁹⁰ *Иванов М. С.* Иран в 60—70-х годах XX в., с. 243.

⁹¹ *Abrahamian E.* Iran between two Revolutions. Princeton, 1982, с. 445. 5—8 июня 1963 г. духовенство, противившееся проведению аграрной реформы и предоставлению избирательных прав женщинам, спровоцировало выступления главным образом городских низов в Тегеране, Тебризе, Куме, Кашане, Ширазе, Мешхеде; власти их жестоко подавили, что повлекло за собой многочисленные жертвы. Активнейшую роль в организации этих выступлений сыграл аятолла Хомейни, который за это был арестован. Подробно см.: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 326—327; Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60—70-е годы. М., 1980, с. 266—267.

⁹² В рамках «академического» движения студенчество требовало усовершенствовать систему высшего образования, дать автономию вузам, гарантировать социальные и экономические права студентов, обеспечить работой выпускников вузов; оно протестовало против насильственного ограничения студенческой активности путем применения администрацией таких мер, как закрытие библиотек, спортивных комплексов, задержка выплаты стипендий, снижение оценок на экзаменах, объявление запрета на студенческую художественную самодетельность (Аянде. 24.03.1978).

⁹³ Эттелаат. 17.11.1977.

⁹⁴ *Kayhan International Weekly*. 17.12.1977.

⁹⁵ *Tehran Journal*. 29.05.1978.

⁹⁶ На съезде генеральным секретарем партии был избран премьер-министр Амузегар.

⁹⁷ Эттелаат. 08.01.1978; *L'Humanité*. 20.06.1978; *Алиев С. М.* Политическое развитие и основные политические партии. — Проблемы развития стран совре-

менного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция). М., 1981, с. 43.

⁹⁸ Kayhan International. 24.01.1978.

⁹⁹ Аянде. 24.03, 05.05 и 19.05.1978; Аяндеган. 10.05.1978.

¹⁰⁰ Аянде. 11.08.1978.

¹⁰¹ Итоговая резолюция от 3 ноября 1978 г. включала следующие требования: разрешить вернуться в Иран аятолле Хомейни, а также всем политическим эмигрантам; освободить всех политических заключенных; отменить военное положение; сменить военное правительство; распустить САВАК; снять военную охрану университетов; наказать виновников последних убийств; восстановить всех исключенных студентов и преподавателей; выслать из страны иностранных советников (т. е. военных и гражданских советников США и других империалистических государств).— Кейхан. 05.11.1978.

¹⁰² Кейхан. 05.11.1978; Эттелаат. 05.11.1978; Аянде. 08.12.1978. По официальным данным, было убито 10 и ранено 80 человек.

¹⁰³ Территория Тегеранского университета, окруженная укреплениями из мешков с песком, походила на крепость. В актовом зале университета находилась столовая для бойцов, там же изготовлялись медикаменты и перевязочные материалы. Запасы оружия и другого снаряжения, захваченные при штурме казарм 9—11 февраля 1979 г., были сложены на дворе перед университетской мечетью. Для борьбы с танками в университете изготовлялись бутылки с зажигательной смесью, в специальных группах молодежь проходила боевую подготовку, училась стрелять. Вооруженные отряды, прошедшие обучение, пополняли число восставших.

¹⁰⁴ ОМИН заявила, что берет пример с «борющихся религиозных деятелей» (начиная с имама Али), и признала аятоллу Хомейни «вождем шиитского мира».

¹⁰⁵ Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 278.

¹⁰⁶ Iran Almanac and Book of Facts. Teheran, 1975, с. 212.

¹⁰⁷ Kayhan International. 05.08.1975.

¹⁰⁸ Kayhan International. 07.07.1974.

¹⁰⁹ Кейхан. 10.05.1975.

¹¹⁰ Halliday F. Iran: Dictatorship and Development. L., 1979, с. 215.

¹¹¹ Трубецкой В. В. К вопросу о влиянии буржуазных реформ 60-х — первой половины 70-х годов на национальные процессы в Иране.— Национальные процессы современного Востока. М., 1977, с. 94.

¹¹² Цуканов В. П. Неравномерность регионального развития Ирана, с. 28.

Глава III

¹ Мохаммед Реза Пехлеви. Бесуе тамаддоне бозорг. [Б. м., б. г.]

² Там же, с. 87.

³ Там же, с. 307.

⁴ Там же, с. 92.

⁵ Там же, с. 93—94.

⁶ Там же, с. 99.

⁷ Там же, с. 110.

⁸ Там же, с. 63.

⁹ Там же, с. 308.

¹⁰ Там же, с. 337—338.

¹¹ В подтверждение сказанного приведем следующие сведения: в книге монарха говорится об отношениях Ирана с внешним миром и в этой связи упоминаются «исламский мир», «исламская конференция»; отмечается, что в основе цивилизации и культуры лежат ценности не только древнего Ирана, но и Ирана исламского; говорится о роли иранской культуры в формировании исламской культуры, о роли иранцев в распространении последней; отмечается роль иранского гения в течение всей истории ислама (вплоть до времени выхода в свет книги «К великой цивилизации»); автор упоминает о великих принципах ислама, опирающихся на монотеизм, который был свойствен и древним иранцам, что и привело к тому, что большинством иранцев ислам был

встречен и принят искренне («но при этом-то именно иранские культура и мысль в течение веков служили прочной опорой цивилизации исламского мира»); при перечислении мировых цивилизаций упоминается и «цивилизация первых веков ислама» (там же, с. 237, 256, 262, 263, 269, 279).

¹² Там же, с. 141.

¹³ В справочнике «İran Almanak 1976» отмечается: «Обычно корпус здравоохранения, корпус просвещения и корпус развития именуются „корпусами революции“. Имеются еще два корпуса: корпус религии и корпус справедливости. Однако только три первых корпуса упоминаются в пунктах „Революции шаха и народа“» (с. 330).

¹⁴ «Этот раздел книги,— пишет шах,— у меня есть желание закончить изложением самого жизненно важного вопроса, который связан с интеллектуальностью и культурой и в органическом единстве с которым находится духовная жизнь любого общества, и с его помощью обеспечить всему изложенному в данной книге благоприятное завершение. Это — вопрос о религиозной вере и необходимости ее максимального укрепления во всех слоях иранского общества и на всех его уровнях.

Религиозные убеждения составляют дух и квинтэссенцию интеллектуальной жизни каждого общества, ибо без этого прочного залога ни одно общество, как бы оно ни было продвинуто в материальном отношении, не может не быть заблудшим и сбившимся с пути. Подлинная вера является величайшим залогом здоровья духа и нравственной устойчивости, а также высочайшей охранительной силой каждого человеческого существа при столкновении его с большими и малыми проблемами и трудностями жизни и в то же время могущественным интеллектуальным охранителем каждого общества. Ни одно сообщество не может, ссылаясь на какой-либо идеологический принцип как на предлог, считать себя не нуждающимся в этом наинужнейшем факторе прочности и стойкости человеческого обществ, и все такого рода попытки, которые предпринимались до сих пор, оказывались попытками безрезультатными.

Нашему народу выпало великое счастье находиться под знаменем самых прогрессивных, самых высоких принципов веры, то есть священных принципов ислама. Это — учение, высокие нормы и предписания которого вобрали в себя наиболее совершенные материальные и духовные достижения человечества, и на каждом этапе социального роста оно способно быть самым совершенным путеводителем как отдельного человека, так и общества в целом.

Слава нашей революции, секрет ее полного успеха также заключаются в том, что абсолютно все ее принципы имели источником вдохновения дух и сущность высокого учения ислама.

Очевидно, что подлинный смысл ислама не имеет ничего общего со злоупотреблением его принципами в корыстных, демагогических или реакционных целях и все такого рода домогательства (к сожалению, наше общество как в прошлом, так и в наш век оказывалось жертвой таких злоупотреблений) в корне противоположны подлинному духу и смыслу ислама. Как раз нашей основной целью при строительстве иранского общества дня нынешнего и дня завтрашнего и является максимально возможное распространение и утверждение этого духа и подлинного смысла ислама в данном обществе, с тем чтобы на этой основе иранское общество века „великой цивилизации“ было бы действительно обществом, наделенным верой, безупречным, чистым и максимально пользующимся духовными ценностями.

Разумеется, мы относимся с уважением и ко всем взглядам, связанным с другими верованиями, бытующими в Иране и являющимися неотъемлемой частью иранского общества, ибо всякая вера заслуживает уважения. Не заслуживает уважения общество, отринувшее веру» (Мохаммед Реза Пехлеви. Бесуе тамаддоне бозорг, с. 337—338).

¹⁵ Там же, с. 337.

¹⁶ Там же, с. 338.

¹⁷ Рабочая политика постоянно находилась в поле зрения монарха. Так, в январе 1955 г. был принят закон о социальном страховании (во многом повторявший закон 1953 г.). В феврале 1960 г. был принят еще один закон о социальном страховании. В 1959 г. вошел в силу новый закон о труде, который в отличие от аналогичного закона 1949 г. фактически лишал рабочих

права на забастовки и вообще игнорировал само понятие «забастовка». В нем говорилось о возможных «коллективных разногласиях между рабочими и предпринимателями, которые должны быть улажены местным трудовым комитетом или арбитражным советом» (подробнее см.: *Арабаджян А. З.* Иран.— Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г. М., 1961).

«Шахский режим,— пишет С. М. Алиев,— большое внимание обращал на политическую и идеологическую обработку рабочих. Особое место в этом плане отводилось полному огосударствлению рабочих и профсоюзных организаций. Созданная сверху Организация иранских рабочих (ОИР) появилась в 1967 г. Она объединила существовавшие до того времени три самостоятельные проправительственные профсоюзные, рабочие организации Тегерана. Руководство ОИР под эгидой правительства созвало в марте 1968 г. I съезд рабочих Ирана. Его работой руководили лидеры партии „Иране новин“... которая представляла собой фактически политическую организацию бюрократической буржуазии. На съезде было принято решение об объединении в рамках ОИР всех примыкающих к правительству и соответственно к партии „Иране новин“ профсоюзных и рабочих организаций». После перехода в марте 1975 г. к однопартийной системе и создания партии «Растахиз» «все профсоюзные рабочие организации примкнули к новой партии» (*Алиев С. М.* Иранская революция 1978—1979 гг. и рабочий класс.— *Рабочий класс и современный мир.* 1980, № 5, с. 106).

¹⁸ К сожалению, в иранистической литературе из книги в книгу кочует утверждение, согласно которому специальным законом хозяевам предприятий было предписано выделять для распределения среди рабочих 20% прибыли предприятий. Это не так. На самом деле речь в законе идет о том, что если рабочие без дополнительных капитальных вложений, осуществленных предпринимателями, сократят потери, увеличат выпуск продукции, улучшат ее качество и таким путем обеспечат дополнительную прибыль, то 20% этой дополнительной прибыли должно быть выделено для распределения среди них. Следовательно, нет и речи о том, чтобы предприниматели выделяли 20% обычной («законной») прибыли.

¹⁹ *Демин А. И.* Общественные преобразования и основные тенденции социально-экономического и внутривластного развития Ирана.— Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 348. Там же (с. 348—352) приводятся подробные данные о размерах выплат по этому закону на различных предприятиях.

²⁰ Разбирая этот пункт программы реформ, А. И. Демин пишет: «Осуществление в Иране программы широкой продажи акций — по сути дела перенесение на иранскую почву теории и практики распространенного в США и других западных державах „народного капитализма“, приспособленного к решению задач „белой революции“ и в отличие от закона об участии в прибылях намного более отвечающего интересам иранской буржуазии, и особенно представителей ее верхушки» (там же, с. 354).

²¹ Кейхан. 12.10.1977.

²² Мнение о том, что в этот период иранское общество находилось на грани социального взрыва, уже давно утвердилось и в советской, и в зарубежной иранистике. Вот что писал об этом, например, А. И. Демин: «Прогрессировавшее с каждым днем обострение общественных и политических противоречий, которое было непосредственным следствием разразившегося в Иране финансового и экономического кризиса, заставило как иранскую, так и западную прессу заговорить о том, что положение в стране напоминает революционную ситуацию» (*Демин А. И.* Социально-экономический и политический кризис конца 50-х — начала 60-х годов.— Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 310). Он также пишет о том, что задача, стоявшая перед правительством Али Амини,— осуществление назревших реформ — «была очень сложной, и прежде всего потому, что программа социально-экономических преобразований, как и ранее, встречала мощную оппозицию в высших административных учреждениях, и особенно в парламенте — политическом оплоте крупных полупфеодалальных помещиков, ханов племен и высшего духовенства». При этом он приводит высказывание одной из западных газет о том, что Амини поручено

совершить «мирную революцию», дабы избежать «насильственной революции» (там же, с. 310—311).

²³ Подробно см.: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.

²⁴ Передача коронных земель крестьянам была осуществлена на основе указа шаха от 27 января 1951 г. В 1955/56 г. реализация этого закона была возложена на Банк по благоустройству и сельскохозяйственной кооперации (создан в 1952/53 г.). В результате к началу аграрной реформы земли 1400 деревень площадью более 200 тыс. га были распределены между 42 тыс. крестьян. «Этот предварительный этап являлся моим личным усилием, направленным на урегулирование допотопного порядка землевладения в Иране, и оно (усилие.— *Ред.*) так и не вышло за рамки эксперимента и не стало примером для других помещиков...» (Мохаммед Реза Пехлеви. Бесуе тамаддоне бозорг, с. 104).

²⁵ Чтобы охарактеризовать эти условия, приведем цитату из книги Мохаммеда Реза Пехлеви «К великой цивилизации»: «...в этих новых условиях интересы самих крестьян требуют, чтобы они работали не в одиночку, и частным образом, а участвуя в сельскохозяйственных экономических объединениях, ибо использование земли на должном и качественном уровне нуждается в достаточном капитале и механизированных сельскохозяйственных машинах, равно как и в технической и профессиональной специализации, ибо такую возможность имеют только коллективные сельскохозяйственные организации наподобие акционерных сельскохозяйственных компаний. В компании, создание и развитие которых мы поощряем, собственники этих земель вступают вместе со своими землями и вместо своей земли получают акции. При этом земля остается их собственностью, но они не имеют права купить новую землю или продать. Они имеют право лишь покупать и продавать свои акции. Эта купля и продажа, в свою очередь, может происходить исключительно между самими владельцами акций. В то же время с кончиной этих лиц их наследники не наследуют землю, а становятся наследниками акций. Таким образом, компания с ее несколькими тысячами гектаров земли остается нетронутой, и она может такое количество земли использовать в ходе осуществления краткосрочных и долгосрочных проектов, имеющих целью максимальное вовлечение средств и возможностей современного сельского хозяйства. Это — собственность, которая является и единоличной и коллективной. В этой системе, притом что отсутствует крупная собственность, крестьяне имеют возможность работать в крупном объединении и в конце года, с одной стороны, в соответствии с долей своих акций получить прибыль, с другой — получить заработную плату за выполненную ими работу.

Для содействия выполнению планов учрежден Банк сельскохозяйственного кредита, имеющий по всей стране около 200 отделений. Этот банк не только предоставляет займы кооперативам и объединениям, но и помогает отдельным крестьянам» (там же, с. 107—108). Естественно, идиллическая картина, нарисованная шахом, плохо вязалась с неизбежным разорением части тех, кто должен был участвовать в предложенной им системе организации производства и ее функционировании.

²⁶ В книге «Мое служение родине» он, в частности, пишет: «Каждый государственный деятель, особенно если он человек действия, как мой отец, оказывается обреченным совершить по меньшей мере несколько больших ошибок. Например, некоторые из тех, кто очень уважал моего отца, чувствовали, что он содействовал развитию сельского хозяйства менее успешно, чем лелеял промышленность» (Mohammad Reza Shah Pahlavi. Mission for my Country. L., 1962, с. 43—44).

²⁷ Вот эта оценка: «В ходе осуществления аграрной политики монархия Реза-шаха в этот период (1925—1929 гг.— *Ред.*) всю силу законодательной власти направляет:

а) на закрепление земельных угодий за феодально-помещичьим классом на правах частной собственности, расширение площади этих угодий и на конечную концентрацию земель в руках этого класса;

б) на консервацию феодально-крепостнической эксплуатации многомиллионных масс безземельных и малоземельных крестьян-арендаторов путем уза-

конения докапиталистических производственных отношений в деревне, а также среди кочевого населения;

в) на стимулирование роста товарности помещичьего хозяйства не путем улучшения техники производства и вообще развития производительных сил, а посредством налоговых льгот и протекционистских мероприятий.

В своей совокупности все это приводит к фактическому закреплению феодального способа производства и торможению развития капитализма в деревне» (*Арабаджян А. З. Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. Автореф. канд. дис. М., 1952, с. 20*). Заметим, что именно аграрная политика Реза-шаха послужила для автора основанием квалифицировать сущность экономической политики этого монарха как реакционную.

²⁸ См., например: *Левковский А. И. Мелкая буржуазия. Облик и судьбы класса. М., 1978.*

²⁹ Заметим здесь, что если ломка отраслевой структуры действовала угнетающе на мелкое производство в технико-экономическом плане, то ломка социально-экономической структуры, недвусмысленно задевавшая интересы земельных собственников, вызывала глубокое недовольство не только светских собственников, но и собственников — служителей культа. Представляется, что в этом лежит одна из причин того, что лишь тогда, когда развивающиеся страны Азии и Северной Африки стали делать заметные шаги по пути ломки колониальной структуры, родилось явление, горяча названное «мусульманским ренессансом». На деле оно представляло собой лишь мусульманский «бум» как совместную реакцию на охарактеризование явления, с одной стороны, мелких предпринимателей, а с другой — землевладельцев (светских и духовных), ущемленных аграрными реформами. Таким образом, исламский «бум» имел социально-экономическую подоплеку и отнюдь не свидетельствовал о неожиданном взрыве любви к Аллаху.

³⁰ Характеризуя синфы, Н. М. Мамедова отмечает: «Это в основном объединения городских слоев населения, в большинстве своем мелких и средних лавочников, владельцев мелких промышленных заведений. Тем не менее в синфах концентрируются огромные по своим размерам капиталы. В сущности, синфы превратились в форму централизации капиталов, функционирующих в мелкотоварном производстве и докапиталистических формах обращения... Мелкие производители всецело находятся под контролем крупного капитала, стоящего во главе синфа, получая от него кредиты, сбывая свою продукцию в размерах и по ценам, устанавливаемым руководством синфов, или поставляя ее крупным торговцам» (*Мамедова Н. М. Концентрация производства и капитала...*, с. 158—159).

³¹ По рекомендации Торгово-промышленной палаты был создан Фонд стабилизации цен для возмещения убытков, которые несли производители, продававшие свои товары по фиксированным ценам. Однако основная часть выплачивавшихся дотаций оседала у представителей крупного капитала, возглавлявших гильдии, что позволяло главам гильдий покрывать свои убытки за счет мелких товаропроизводителей (см. там же, с. 158).

³² Уже 9 августа 1975 г. газета «Кейхан Интернешнл Уикли» сообщала, что за искусственное взвинчивание цен к ответственности привлечен Хабиб Элханиан — ведущий промышленник и владелец множества магазинов. За то, что чинили препятствия борьбе со спекуляцией, в Исфахане были арестованы мэр и директор департамента промышленности и рудников. К началу августа число производителей, розничных торговцев, владельцев магазинов, оптовиков, импортеров, высших и низших государственных служащих, арестованных по обвинению в том, что они, исходя из своих корыстных целей, чинили препятствия борьбе с инфляцией, достигло 8 тыс.

³³ *Донья*, 1975/76, декабрь — январь, № 10, с. 27.

³⁴ Цит. по: там же, с. 28.

³⁵ Там же, с. 29—30.

³⁶ Там же, с. 30.

³⁷ Там же, с. 29.

³⁸ *Мамедова Н. М. Концентрация производства и капитала...*, с. 159—160.

³⁹ По-видимому, это обстоятельство также было принято во внимание: «Не будет преувеличением сказать, что революция 1978—1979 гг. явилась своеобразным откликом мелкой буржуазии на многогранный процесс ускоренного развития капитализма. Представляется, что эта многогранность процесса, помноженная на такой феномен, как быстрый рост доходов от нефти, с одной стороны, и политический деспотизм личной власти монарха, с другой стороны, создала ситуацию, при которой социальный взрыв и низвержение монархии оказались неизбежными» (там же, с. 3).

⁴⁰ Этот вопрос был глубоко проанализирован Е. А. Дорошенко, нарисовавшей яркую картину противостояния большей части шиитского духовенства Ирана монархии в 60-х — начале 70-х годов. Сделано было это ею еще в 1975 г. в книге «Шиитское духовенство в современном Иране». Хотя в 1985 г. указанное сочинение вышло вторым изданием (оно было дополнено анализом деятельности шиитского духовенства в период борьбы за свержение монархии и в послереволюционном Иране), здесь и далее ссылки делаются на первое издание: пластичность анализа, характеристика образа действий высших религиозных деятелей в их неукротимой борьбе с монархией и, наконец, выпукло написанная фигура тогда еще неизвестного миру аятоллы Хомейни и его действий как в самом Иране, так и в период пребывания в ссылке в Ираке — плод не ретроспективного анализа, когда задача исследователя облегчена знанием последующего хода событий, а изучения и оценки, можно сказать, текущих событий, последствия которых не были известны еще никому. Поэтому зарисовки, сделанные Е. А. Дорошенко, даются по первому изданию ее книги.

⁴¹ Здесь неточно: предусматривалась сдача в аренду крестьянам общественных вакфов на 99 лет, а частных — на 30 лет.

⁴² *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1975. с. 106.

⁴³ Там же, с. 107—108.

⁴⁴ Там же, с. 117.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Mohammad Reza Shah Pahlavi.* Mission for my Country, с. 132. Свое отношение к процессу вестернизации как весьма противоречивому по своим последствиям Мохаммед Реза Пехлеви выразил уже в самом названии главы, посвященной этому процессу («Вестернизация: наша вожденная мука»).

Глава IV

¹ Биографическую справку об Але Ахмаде см. в Прил. 6.

² *Але Ахмад Джелал.* Гарбзадеги. [Б. м.], 1962, с. 11.

³ Там же, с. 8.

⁴ Там же, с. 7.

⁵ Там же, с. 23.

⁶ Там же. Концепцию Але Ахмада блестяще учел Хомейни; его антишахские проповеди, регулярно транслировавшиеся радиостанциями Кума и Мешхеда, сыграли большую роль в подготовке массового сознания к революционному выступлению.

⁷ Там же, с. 80.

⁸ Неопубликованные отчеты САВАК о книгах Але Ахмада.— Эттеллат (специальный выпуск). 11.09.1980, с. 11.

⁹ Там же, с. 11, 13.

¹⁰ Там же, с. 53.

¹¹ Там же, с. 36.

¹² Мехди Базарган родился в 1907 г. в Тегеране в семье коммерсанта Аббаса Кули Базаргана, человека глубоко религиозного. После окончания Центра по подготовке учителей М. Базарган был направлен в 1926 г. во Францию для продолжения образования. В Париже он получил специальность инженера-механика. В 1936 г. вернулся в Иран, где служил в армии, а затем читал лекции по термодинамике и паровым установкам в Техническом колледже (факультете) Тегеранского университета. С 1945 по 1950 г. был деканом этого колледжа.

В начале 50-х годов М. Базарган состоял членом Национального фронта и занимал пост министра нефти в правительстве Мосаддыка, поддерживая его политический курс, направленный на национализацию иранской нефти и ограничение власти шахского двора. После переворота 1953 г. и падения правительства Масаддыка М. Базарган был уволен из Тегеранского университета, а через два года арестован за создание подпольной организации «Движение национального сопротивления». После освобождения он снова включился в политическую борьбу и в 1961 г. создал (совместно с рядом представителей оппозиционно настроенного по отношению к шаху духовенства, в том числе и с аятоллой Талегани) организацию «Движение за свободу в Иране» (сохранившуюся и после революции). С 1962 г. М. Базарган несколько раз подвергался аресту. В 1964 г. его приговорили за «измену» к 10 годам тюрьмы, но в 1967 г. М. Базарган был амнистирован, после чего отошел от политической деятельности и возглавлял строительную кампанию «Иад». Вновь он включился в политическую борьбу в период развития революционной ситуации в Иране.

¹³ *Базарган М.* Марз мияне дин ва сiasат. Тегран, 1962; он же. Энтезаре мардом аз мараджэ. Тегран, 1963; он же. *Work and Islam*. [Б. м., б. г.].

¹⁴ *Bazargan M.* *Work and Islam*, с. 20.

¹⁵ *Bazargan M.* *The Inevitable Victory*. [Б. м., б. г.], с. 18, 24—35.

¹⁶ *Bazargan M.* *Work and Islam*, с. 51.

¹⁷ Там же, с. 61—62.

¹⁸ Там же, с. 52—53.

¹⁹ Там же, с. 18—21.

²⁰ Там же, с. 51; *Базарган М.* Энтезаре мардом..., с. 41.

²¹ *Bazargan M.* *The Inevitable Victory*, с. 45.

²² Там же.

²³ Там же, с. 52.

²⁴ Там же, с. 53, 58.

²⁵ *Lambton A. K. S.* *Theory and Practice in Medieval Persian Government*. L., 1980, с. 129.

²⁶ *Bazargan M.* *Work and Islam*, с. 20—21.

²⁷ Там же, с. 50.

²⁸ Среди шиитских богословов весьма похожую систему взглядов защищал аятолла Казем Шариатмадари.

²⁹ После свержения монархии М. Базарган выступил с критикой требований рабочих ввести систему самоуправления снизу; требование коренного преобразования общества он назвал «чрезмерными и парализующими деятельность правительства» (*Le Monde*. 14.05.1979).

³⁰ *Fisher M. M. J.* *Iran from Religion Dispute to Revolution*. Cambridge (Mass.), London, 1980, с. 5.

³¹ *Abrahamian E.* *Ali Shariati. Ideologist of the Iranian Revolution*.— *MERIP Reports*. Wash., 1982, № 102, с. 24—28. А. Шариати перевел на персидский язык многие работы Ф. Фанона и в своих произведениях вслед за Фаном критиковал западную цивилизацию за разложение «цельной» личности, ставил вопрос о «цене прогресса» в антиколониальной плоскости, призывал к отказу от прогресса, достигаемого гибелью личности, противопоставлял «народ» элите и буржуазии; защищал национальные традиции, критикуя в то же время консервативные, и т. д.

³² Там же, с. 28.

³³ *Jansen G. H.* *Militant Islam*. N. Y., 1979, с. 159.

³⁴ Там же.

³⁵ *Шариати А.* Мазхаб алейхе мазхаб. [Б. м., б. г.].

³⁶ *Шариати А.* Рузгаре ма ва зане мосалман.— *Зане руз*. Тегран, 1979, № 707, с. 58—59.

³⁷ «Ширк» (араб. «неверие») — «признание других божеств, „сотоварищей“ Аллаха, что является нарушением строгого единобожия, одного из главных догматов ислама» (Ислам. Краткий справочник. М., 1983, с. 126). Современные шиитские идеологи трактуют «ширк» как «поклонение идолам», к которым они относят все, что вызывает их протест. Обычно осуждают такие «идолы», как власть и богатство, к фетишизации которых склонны малоимущие.

- ³⁸ *Шариати А.* Базгяшт бе ход. [Б. м., б. г.], с. 384.
- ³⁹ *Шариати А.* Эсламшенаси. [Б. м., б. г.], с. 97.
- ⁴⁰ *Shariati A.* Hajj. [Б. м., б. г.], с. 2.
- ⁴¹ *Шариати А.* До васийат. [Б. м., б. г.], с. 16.
- ⁴² *Шариати А.* Мазхаб алейхе мазхаб, с. 16.
- ⁴³ *Шариати А.* Эсламшенаси, с. 230.
- ⁴⁴ *Шариати А.* Базгяшт бе ход, с. 162.
- ⁴⁵ *Шариати А.* Эсламшенаси, с. 324.
- ⁴⁶ *Шариати А.* Базгяшт бе ход, с. 80, 183, 369.
- ⁴⁷ *Шариати А.* Эсламшенаси, с. 232.
- ⁴⁸ Там же, с. 230.
- ⁴⁹ *Наср Сеид Хосейн.* Заминейе фекрийе бархорде тамаддоне Иран ва гарб.— Ягма. 1973, № 2, 3, 4, 5. Автор — известный исламовед, историк науки, публицист и общественный деятель, бывший член шахского Высшего государственного совета по делам культуры.
- ⁵⁰ *Эслами Нодушан М. А.* Шарк ва Гарб.— Иранра аз яд набарим. Техран, 1961; он же. Фарханг ва шабахфарханг. Техран, 1975; *Зарринкуб А.* Иран ва масалае эстемрар.— Ягма. 1971, № 8.
- ⁵¹ *Эслами Нодушан М. А.* Фарханг..., с. 75.
- ⁵² Там же, с. 88.
- ⁵³ *Эслами Нодушан М. А.* Фарханг..., с. 95.
- ⁵⁴ Там же, с. 94.
- ⁵⁵ Там же, с. 138—139.
- ⁵⁶ *Зарринкуб А.* На шарки, на гарби — энсани. Техран, 1977.
- ⁵⁷ Там же, с. 29.
- ⁵⁸ Там же, с. 33.
- ⁵⁹ Там же, с. 39.
- ⁶⁰ *Бриер К.* Энгелаб бе наме хода.— Аяндеган. 1979, № 3362, с. 6.
- ⁶¹ Кейхан. 03.12.1977.
- ⁶² А. Собхи — известный собиратель и издатель иранских народных сказок.
- ⁶³ Кейхан. 20.01.1977.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ См.: Барнамее хезбе тудее Иран. [Б. м.], 1975.

Глава V

¹ Духовенство считает, что первым выступило против монархии оно, имея под этим в виду организованные им в начале июня 1963 г. выступления против реформ, против самого шаха при непосредственном участии Хомейни. На этом основании официальная историография Исламской Республики Иран датирует начало антишахской революции 1963 годом. Эта точка зрения представляется неприемлемой уже потому, что 1963 год — это еще дореформенный Иран со всеми вытекающими отсюда последствиями.

² В 1971—1977 гг. погиб 341 член подпольных вооруженных организаций, в том числе 172 члена ОПФИН и 73 члена ОМИН (MERIP Reports, № 86. Wash., 1980, с. 5).

³ См.: *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем. М., 1981, с. 194.

⁴ В соответствии с исламской традицией в Иране принято отмечать траурную дату на сороковой день после смерти.

⁵ Kayhan International Weekly. 25.02.1978.

⁶ Kayhan International. 25.06.1979.

⁷ L'Humanité. 01.08.1978.

⁸ Kayhan International. 13.08.1978.

⁹ Кейхан. 28.08.1978.

¹⁰ Кейхан. 29 и 30.08.1978; Эттелаат. 21.10.1978.

¹¹ Kayhan International. 13 и 20.08.1978.

¹² Financial Times. 02.10.1978.

¹³ The Globe and Mail. 10.10.1978.

¹⁴ Эттелаат. 25.10.1978.

¹⁵ Эттелаат. 21.10.1978.

¹⁶ The Japan Times. 01.11.1978.

- 17 Kayhan International. 29.10.1978.
- 18 Кейхан. 03.11.1978.
- 19 Лавочники лишь формально откликнулись на призыв духовенства: закрыв лавки, они вынесли торговлю прямо на тротуары, многие продолжали торговать тайком за полуспущенными жалюзи. Фруктово-овощной базар и владельцы продуктовых лавок вообще игнорировали этот призыв, поскольку торговля скоропортящимися продуктами не могла быть остановлена даже временно.

Глава VI

- 1 International Herald Tribune. 15.12.1978.
- 2 Le Matin. 26.12.1978.
- 3 International Herald Tribune. 05.01.1979.
- 4 Эттелаат. 07.01.1979.
- 5 Кейхан. 11.01.1979.
- 6 Эттелаат. 09.01.1979.
- 7 Кейхан. 08.01.1979; Эттелаат. 13.01.1979.
- 8 Кейхан. 18.01.1979.
- 9 Эттелаат. 14.01.1979.
- 10 Kayhan International. 16.01.1979.
- 11 The Washington Post. 13.02.1979.
- 12 Кейхан. 16.01.1979.
- 13 International Herald Tribune. 03.01.1979.
- 14 Kayhan International. 16.01.1979.
- 15 См.: The Globe and Mail. 09.01.1979.
- 16 Кейхан. 16.01.1979.
- 17 Кейхан. 17.01.1979.
- 18 Кейхан. 15.01.1979.
- 19 Кейхан. 17.01.1979.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Кейхан. 21.01.1979.
- 23 Кейхан. 16.01.1979.
- 24 Tehran Journal. 24.01.1979.
- 25 Текст послания см.: Tehran Journal. 28.01.1979.
- 26 Кейхан. 29.01.1979.
- 27 Подробнее см.: Шестаков А. П. Политическая роль младшего офицерства в иранской революции (на примере иранских ВВС).— Иран. История и современность. М., 1982, с. 219—225.
- 28 Резников А. Б. Иран: падение шахского режима. М., 1983, с. 65.
- 29 Там же, с. 96.
- 30 Там же, с. 97.
- 31 Там же.
- 32 Le Matin. 05.02.1979.
- 33 Эттелаат. 09.02.1979.
- 34 Подробно о ходе вооруженного восстания в Тегеране см.: Резников А. Б. Иран: падение шахского режима, с. 104—131; Крутихин М. И. Тегеранское вооруженное восстание 9—12 февраля 1979 г.— Иран. История и современность. М., 1982, с. 152—170. В настоящей монографии излагаются лишь наиболее существенные его эпизоды, позволяющие увидеть образ действий левых и духовенства в дни восстания.
- 35 Крутихин М. И. Тегеранское вооруженное восстание 9—12 февраля 1979 г., с. 155.
- 36 Эттелаат. 10.02.1979.
- 37 Крутихин М. И. Тегеранское вооруженное восстание 9—12 февраля 1979 г., с. 157.
- 38 Резников А. Б. Иран: падение шахского режима, с. 120.
- 39 Там же, с. 118.
- 40 Крутихин М. С. Тегеранское вооруженное восстание 9—12 февраля 1979 г., с. 163—164.

- ⁴¹ Резников А. Б. Иран: падение шахского режима, с. 130—131.
- ⁴² Агаев С. Л. Иран в прошлом и настоящем, с. 212.
- ⁴³ Weekly Compilation of Presidential Documents. Nov. 21, 1977, с. 1785; Земамдарие Картер: сиясате джадиде ампериализм ва базтабе ан дар Иран. Техран, 1978, с. 127.
- ⁴⁴ Vance C. Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy. N. Y., 1983, с. 318; Paalberg R. [ed.]. Diplomatic Dispute: US Conflict with Iran, Japan and Mexico. Cambridge (Mass.), 1978, с. 45.
- ⁴⁵ Nation. N. Y., 09.06.1979.
- ⁴⁶ Пастахиз. 10.04.1977; Chubin S. Iran's Security in the 80's.— International Security. Vol. 2, № 3, 1978, с. 63; Carr C. The US — Iranian Relationship 1948—1978; A Study in Reverse Influence.— The Security of the Persian Gulf. L., 1981, с. 76.
- ⁴⁷ Keddie N. Roots of Revolution: An Interpretive History of Modern Iran. L., 1981, с. 178.
- ⁴⁸ Carter J. Keeping Faith: Memoirs of the President. N. Y., 1982, с. 142.
- ⁴⁹ Bozeman A. Iran: US Policy and the Tradition of Persian Statecraft.— Orbis. Vol. 23, № 2, 1979, с. 401.
- ⁵⁰ Эттелаат. 16.01.1978.
- ⁵¹ Kayhan International. 06.10.1977.
- ⁵² Ramazani R. Iran's Foreign Policy: Perspectives and Projections.— Economic Consequences of the Revolution in Iran. Wash., 1980, с. 69.
- ⁵³ Так, за период с октября по декабрь 1977 г. в Тегеране побывали лидеры ряда государств зоны Персидского залива, Иордании, Египта, Израиля, Сомали. Сам шах нанес визиты в Каир, Эр-Рияд и Маскат. В ходе переговоров и консультаций основное внимание уделялось изучению возможностей вовлечения новых участников, в первую очередь Иордании и Саудовской Аравии, в процесс решения ближневосточной проблемы по-американски.
- Стремясь нейтрализовать сопротивление капитулянтскому курсу Садата, шахский режим активно использовал весь набор средств, находившихся в его распоряжении, в частности методы «долларовой» дипломатии. Так, наряду с предоставлением миллиарда с лишним долларов Египту шах посулил щедрую экономическую помощь Иордании и Сирии в обмен на поддержку инициативы Садата. Займы и кредиты, обещанные Сомали в ходе визита в Могадишо иранского министра иностранных дел А. А. Халатбари, сыграли, вероятно, немаловажную роль в отходе режима Сиада Барре от дружественных отношений с СССР и усилении экспансионистских тенденций в политике Сомали. Многомиллионные суммы, принадлежащие иранскому народу, направлялись, таким образом, на поддержку реакционных режимов и защиту интересов американского империализма в регионе. См.: Financial Times. 25.06.1977; Эттелаат. 16.11.1977; Земамдарие Картер: Сиясате джадиде..., с. 122—125.
- ⁵⁴ Weekly Compilation of Presidential Documents. Jan. 23, 1978, с. 47.
- ⁵⁵ The Washington Post. 26.10.1980.
- ⁵⁶ См.: Parsons A. The Pride and the Fall: Iran 1974—79. L., 1984, с. 67.
- ⁵⁷ Rubin B. Paved with Good Intentions: The American Experience and Iran. N. Y., 1980, с. 204.
- ⁵⁸ Iran: Evaluation of US Intelligence Performance Prior to November 1978. Wash., 1979, с. 1—2, 7.
- ⁵⁹ Дехалатхае Амрика дар Иран. Аснаде ланейе джасуси. Т. 8. Техран, 1981, с. 179.
- ⁶⁰ The Washington Post. 27.10.1980.
- ⁶¹ Цит. по: Rubin B. Paved with Good Intentions..., с. 208.
- ⁶² См.: Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 9. Техран, 1981, с. 25—27, 29, 38, 55.
- ⁶³ Sullivan W. Mission to Iran. N. Y., 1981, с. 62.
- ⁶⁴ Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 13, с. 73—76.
- ⁶⁵ The Washington Post. 27.10.1980.
- ⁶⁶ Дж. Шариф-Имами был рекомендован шаху тесно связанным с ЦРУ шрифом САВАК Н. Могаддамом. См.: Singh K. R. Iran: Quest for Security. New Delhi, 1980, с. 373.
- ⁶⁷ The Washington Post. 27.10.1980.

- ⁶⁸ Тагизаде Б. Энгелабе Иран ва ампериализме Амрика.— Донья. 1980, № 5, с. 116.
- ⁶⁹ Pahlavi M. R. Reponse a l'histoire. P., 1979, с. 243.
- ⁷⁰ Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 13, с. 78—79.
- ⁷¹ The Washington Post. 27.10.1980; Hoveyda F. The Fall of the Shah. L., 1980, с. 143.
- ⁷² Hoveyda F. The Fall of the Shah, с. 39.
- ⁷³ Brzezinski Z. Power and Principle. N. Y., 1983, с. 364.
- ⁷⁴ Ledeen M. and Lewis W. Carter and the Fall of the Shah..., the Inside Story...— Washington Quarterly. Vol. 3, № 2, 1980, с. 22.
- ⁷⁵ Iran: Evaluation of US Intelligence Performance..., с. 2, 5, 6.
- ⁷⁶ International Herald Tribune. 18.12.1978; Fortune. March 1979, с. 16.
- ⁷⁷ См., например: Lenczowski G. The Arc of Crisis: Its Central Sector.— Foreign Affairs. Spring 1979, с. 811; Bill J. Iran and the Crisis of '78.— Foreign Affairs. Vol. 57, № 2, 1978/79, с. 339.
- ⁷⁸ Эти документы попали в руки правительства Исламской Республики Иран после захвата 4 ноября 1979 г. американского посольства в Тегеране студентами-хомейнистами.

⁷⁹ Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 9, док. № 141958.

⁸⁰ Аснаде лане джасуси. Т. 1—6. Тегеран, 1981, с. 321.

⁸¹ Rubin B. Paved with Good Intentions..., с. 220. Действуя в соответствии с этой стратегией, Вашингтон широко использовал среди прочего пропагандистские диверсии, дезинформацию, грубую фальсификацию. Показательно в этом смысле инструктивное письмо за подписью начальника II управления (армейская контрразведка) генерала Ф. Йегане по итогам совещания, проходившего при участии руководителей разведслужб Ирана, а также главы аналитического отдела ЦРУ Р. Бови, начальника разведуправления Пентагона Э. Тая и политического советника посольства США в Иране Дж. Стемпела (Моджахед. 22.09.1979).

Этот документ, адресованный руководителям иранских средств массовой информации, предписывал им «принять эффективные и срочные меры для дискредитации врагов трона и родины». Рекомендовалось, в частности, вносить имена видных оппозиционеров в списки лиц, переведших за границу крупные суммы в валюте. «Таким образом мы вынудим их уйти в защиту,— подчеркивали авторы документа,— и создадим в лагере оппозиции климат недоверия и подозрительности друг к другу».

Особый упор предлагалось сделать на провоцирование разногласий между духовенством, с одной стороны, и коммунистами и другими прогрессивными силами — с другой, представить коммунистов инспирируемыми Москвой и в роли главных «зачинщиков навязанной иранскому народу извне революции». При этом предписывалось подчеркивать «несовместимость ислама и марксизма», а также «конъюнктурный» характер политики левых сил, эксплуатирующих религиозные чувства населения и сам лозунг исламской революции для достижения своих целей, противоречащих интересам духовенства и соответствующих целям «экспансионистской политики мирового коммунизма».

Для разжигания антикоммунистической и антисоветской истерии наряду с использованием пропагандистской машины шахского режима американские спецслужбы активно привлекали и зарубежных «специалистов». В частности, они использовали псевдонаучные изыскания доктора Р. Мосса из лондонского Института по изучению конфликта, удостоившиеся лестной оценки со стороны З. Бжезинского (см.: Cottam R. Iran and the Middle East.— The Middle East and the Western Alliance. L., 1982, с. 217). «Исследования» Р. Мосса были рекомендованы Советом национальной безопасности для самого широкого распространения. В результате они не только обильно цитировались на страницах западных газет и журналов, но и были срочно переведены на персидский язык для распространения в Иране. В своих писаниях Р. Мосс дошел до того, что объявил иранскую революцию «результатом тайной войны, развязанной Советским Союзом и его союзниками, вроде Ливии, против шаха» (Moss R. Who is Meddling in Iran.— New Republic. 02.12.1978, с. 15—18; он же. The Campaign to Destabilize Iran. L. 1978; Мосс Р. Тоутеэ дар Иран. Анстиге моталееэ мо-назеат. Ландан, 1978, с. 9—10). Апеллируя к национализму своих читателей—

персов, Р. Мосс утверждал, например, что многомиллионные демонстрации на улицах иранских городов организовали «советские агенты, нанимавшие афганцев и местных армян» (Махийят ва амалкарде ампериализме амрика дар Иран.— Тегран. 1980, с. 107).

⁸² См.: Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 8, с. 84; *Parsons A. The Pride and the Fall...*, с. 90.

⁸³ Подробнее см.: *Элахи Х. Ахамийате эстратежикие Иран*, Тегран, 1986, с. 79—81, 130; *Wohlstetter A. Meeting the Threat in the Persian Gulf.— Survey*. Vol. 25, № 2, 1980, с. 128—188; *Thompson S. The Persian Gulf Correlation of Forces.— International Security*. Vol. 7, № 1, 1982, с. 157—180; *Brzezinski Z. The Game Plan*. N. Y., 1986.

⁸⁴ Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 12, Тегран, 1981, с. 32.

⁸⁵ Цит. по: *Rubin B. Paved with Good Intentions...*, с. 221—222.

⁸⁶ *Тагизаде Б. Энгелабе Иран...*, с. 118.

⁸⁷ *Sullivan W. Mission to Iran*, с. 166.

⁸⁸ Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 1?, с. 14.

⁸⁹ Предлагаемое автором деление на две группы носит в значительной мере условный характер, так как позиции входивших в эти группы деятелей претерпевали значительные изменения на протяжении кризиса. Кроме того, нередко были ситуации, когда, примыкая к одной из групп, ряд деятелей поддерживал позицию другой по каким-либо конкретным вопросам.

⁹⁰ См.: Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 13, с. 12—13.

⁹¹ Там же.

⁹² Подробнее см.: *Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 363.

⁹³ *Abrahamian E. Iran between the Two Revolutions*, с. 438; Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 13, с. 3—5.

⁹⁴ Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 13, с. 10—11.

⁹⁵ Этерафате женерал. Хатерате артешбод А. Карабаги. Тегран, 1986, с. 64.

⁹⁶ Дехалатхае Америка дар Иран... Т. 13, с. 53; *Parsons A. The Pride and the Fall...*, с. 89.

⁹⁷ См.: *Sullivan W. Mission to Iran*, с. 181—182; *Herz M. Contacts with the Opposition*. Wash., 1980, с. 56—58.

⁹⁸ Стремясь снять с себя ответственность за соучастие в преступлениях шахского режима, сам президент Картер, З. Бжезинский, С. Вэнс и другие высокопоставленные деятели тогдашней администрации неоднократно заявляли о том, что США не поставляли Ирану «репрессивное оборудование». Аналогичные утверждения встречаются и в работах многих западных исследователей. Ш. Чубин утверждает, например, что «структура и снаряжение иранских сил безопасности, испытывавших острую нехватку слезоточивых и рвотных газов, дубинок, щитов и пластиковых пуль, не позволяли им адекватно реагировать на угрозу со стороны участников уличных демонстраций и шествий» (*Chubin S. Security in the Persian Gulf: The Role of Outside Powers*. L., 1982, с. 15; см. также: *Graham R. Iran: The Illusion of Power*. L., 1979, с. 232—233; *Keddie N. Roots of Revolution...*, с. 256; *Rubin B. Paved with Good Intentions...*, с. 225—228). Все дело, таким образом, в нехватке дубинок!

Факты между тем рисуют несколько иную картину. Так, хотя США действительно не предоставляли Ирану такого оборудования с 1977 г., Великобритания с начала 1977 г. осуществляла широкомасштабную программу поставок Ирану «первоклассного полицейского оборудования, прошедшего апробацию в Ольстере» (*Sullivan W. Mission to Iran*, с. 168; *Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 366). Когда же объем британских поставок в середине 1978 г. был сочтен недостаточным, администрация без ведома конгресса возобновила оснащение шахского репрессивного аппарата. Всего в сентябре 1978—январе 1979 г. США поставили шахскому режиму 50 тыс. баллонов слезоточивого газа, 355 тыс. противогазов, 25 тыс. дубинок, 4,3 тыс. пулеметов с комплектами пластиковых пуль (Махийят ва амалкарде..., с. 100).

⁹⁹ Рекомендации посольства в целом поддерживались и посетившими Иран в ноябре 1978 г. для независимого анализа ситуации министром финансов США М. Блюменталем, лидером сенатского большинства Р. Бэрдом и уже упоминавшимися Р. Бови, Э. Таем и другими, хотя взгляды этих деятелей на

пути выхода из кризиса не были полностью идентичными (см., например: *Sullivan W. Mission to Iran*, с. 194—196).

¹⁰⁰ Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 13, с. 75. Осенью 1978 г. важнейшим центром контактов американских представителей с окружением Хомейни стал Париж. Функции главного координатора были возложены на главу политического отдела посольства США У. Циммермана, регулярно встречавшегося с И. Язди, Дж. Амир-Энтезамом и С. Готбзаде. В Вашингтоне была также подготовлена кандидатура на случай контакта непосредственно с Хомейни. Эту миссию предполагалось возложить на главного инспектора заграничной службы госдепартамента Т. Элиота, хорошо знакомого с Ираном и владевшего фарси (см.: *Sullivan W. Mission to Iran*, с. 215, 223).

Большую активность проявляли в этот период и высокопоставленные французские эмиссары. Показательна в этом плане секретная миссия в Иране министра внутренних дел М. Понятовского, по итогам которой Париж окончательно определил в конце 1978 г. свою позицию по иранскому вопросу (см.: *Мада-ни Дж. Тарихе сиясие моасере Иран*. Т. 2. Техран, 1982, с. 308).

¹⁰¹ Дехалатхае Амрика дар Иран. Т. 13, с. 74.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, с. 8; см. также примеч. 42.

¹⁰⁴ Правда. 19.11.1978.

¹⁰⁵ *Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 368.

¹⁰⁶ *Challenges in the Middle East: Regional Dynamics and Western Security*. N. Y., 1981, с. 123.

¹⁰⁷ *Нафэи Р. Даставардхае энгеляб.—Донья*. 1979, № 7, с. 104; *Тагиза-де Б. Энгелабе Иран...*, с. 52.

¹⁰⁸ *Pahlavi M. R. Reponse a l'histoire*, с. 243.

¹⁰⁹ В середине декабря 1978 г., т. е. уже после советско-американского обмена заявлениями по иранскому вопросу, З. Бжезинский, как он сам позднее признал, «потребовал от Пентагона разработать чрезвычайные планы размещения американских войск в Южном Иране для обеспечения контроля над нефтепромыслами» (*Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 372).

¹¹⁰ *Кременюк В. А. Борьба Вашингтона против революции в Иране*. М., 1984, с. 88.

¹¹¹ *International Herald Tribune*. 18.12.1978.

¹¹² Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 13, с. 12—15.

¹¹³ Махийят ва амалкарде..., с. 94.

¹¹⁴ *The New York Times*. 11.12.1978.

¹¹⁵ *Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 371.

¹¹⁶ *Rubin B. Paved with Good Intentions*, с. 246; *Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 371; *Негарэши кутях бар энгелябе эсламие Иран*. [Б. м., б. г.], с. 52—53.

¹¹⁷ См.: *Carter J. Keeping Faith...*, с. 445; *Bashiriye H. The State and Revolution in Iran (1962—82)*. L., 1984, с. 105.

¹¹⁸ *Chubin S. Security in the Persian Gulf...*, с. 15.

¹¹⁹ *Этерафате женерал...*, с. 136; *Мохаммад Реза Пахлави*. Пасох бе та-рих. Ландан, 1983, с. 272—274.

¹²⁰ См.: *Ан Нахар аль-Араби вад-Дували*. 17—23.09.1979; *Cottam R. Iran and the Middle East*, с. 218; *Cottrell A. American Policy during the Iranian Revolution: the Huyser Mission.—International Security Review*. 1979/80. Vol. 4, № 4, с. 435.

¹²¹ *Месле барф аб хахим шод. Мозакерате шоурае фармандехане артеш (дей—бахман 1357)*. Техран, 1986; *Этерафате женерал...*; *Аснаде ланее джа-суси...*

¹²² *Brzezinski Z. Power and Principle*, с. 379.

¹²³ *Мохаммад Реза Пахлави*. Пасох бе тарих, с. 272.

¹²⁴ *Rubin B. Paved with Good Intentions*, с. 246.

¹²⁵ *Хатемии Х. Хенгами ке шах дар пае пасох бе тарих минешинад.—Донья*. 1980, № 4, с. 79.

¹²⁶ Махийят ва амалкарде..., с. 130.

¹²⁷ Согласно донесениям Р. Хайзера, в январе 1979 г. из рядов воору-женных сил Ирана ежедневно дезертировало от 500 до 1000 человек (*Brzezinski Z.*

Power and Principle, с. 384; *Hickman W.* Ravaged and Reborn: the Iranian Army. Wash., 1982, с. 1).

¹²⁸ *Мадани Дж.* Тарихе сиясие моасере Иран. Т. 2. Тегран, 1982, с. 340.
¹²⁹ Вашингтон категорически отрицал свою причастность к подготовке военного переворота, а официальные представители Белого дома и государственного департамента неоднократно обвиняли советские средства массовой информации, сообщавшие об этом, в «разжигании антиамериканских настроений». Однако новые документальные материалы убедительно опровергают эти утверждения. Характерны в этом смысле показания непосредственного участника событий, Р. Хайзера, на слушаниях в конгрессе США. Два его признания заслуживают, на наш взгляд, особого внимания. Так, на вопрос одного из конгрессменов, имел ли он инструкции выступать против планов военного переворота, Хайзер дал отрицательный ответ (*General Huyser's Mission to Iran. Hearing...*, June 9, 1981. Wash., 1982, с. 3). Один из авторов инструкций, которыми руководствовался генерал, З. Бжезинский, окончательно расставляя все точки над «i», отмечал на страницах своих мемуаров, что «подготовка военного переворота... составляла важнейший пункт в инструкциях Хайзеру» (*Brzezinski Z.* Power and Principle, с. 379).

Касаясь вопроса об освещении его миссии в международной прессе, Хайзер заявил, что «единственные точные сообщения о характере моей деятельности в Иране давали ТАСС, Московское радио и газета „Правда“» (*General Huyser's Mission to Iran*, с. 10).

¹³⁰ Подробнее см.: *Hickman W.* Ravaged and Reborn..., с. 4—5; *Smith F.* Where was the Shah's Army? (thesis). US Army Command and General Staff College, 1980, с. 72—77; *Hiro D.* Iran under the Ayatollahs. L., 1985, с. 315.

¹³¹ Эфшае амперализм. Данешджуйане мосалман пейрове хатте эмам. Тегран, 1980, с. 56—57.

¹³² *Brzezinski Z.* Power and Principle, с. 382.

¹³³ Американская военная миссия в Иране находилась в оперативном подчинении командующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе (Э'терафате женерал..., с. 136; *Ramazani R.* Who Lost America: the Case of Iran.— *Middle East Journal*. Vol. 36, № 1, 1982.

¹³⁴ Эттелаат. 06.06.1980.

¹³⁵ Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 13, с. 12—13.

¹³⁶ Э'терафате женерал..., с. 305, 312.

¹³⁷ Карабаги сообщал, в частности, что в соответствии с ранее достигнутой договоренностью руководство армии будет подчеркивать исламский характер вооруженных сил, чтобы облегчить налаживание отношений с новым руководством (Моджахед. 22.09.1979).

¹³⁸ Доминировавшая в Вашингтоне в январе—феврале 1979 г. оценка последствий этого события для перспектив американской дипломатии в Иране сводилась к тому, что «реальное политическое влияние и вес Хомейни намного ниже того, что ему приписывается... Аятолла — всего лишь символ, который используют различные политические группировки, преследующие собственные цели», — отмечалось в одной из аналитических записок посольства США в Тегране, одобренной З. Бжезинским и Картером. Наиболее вероятным вариантом, считали в Вашингтоне, является приход к власти «умеренных», прозападных элементов, представляющих средний класс (Базаргана и других). См.: Дехалатхае Амрика дар Иран..., с. 67; см. также: *Brzezinski Z.* Power and Principle, с. 368; *Ledeem M. and Lewis W.* Debacle: The American Failure in Iran. N. Y., 1981.

¹³⁹ *Sullivan W.* Mission to Iran, с. 233.

¹⁴⁰ Интересное свидетельство о секретных контактах Карабаги с Базарганом содержится в мемуарах шаха. «Генерал Хайзер, — отмечал Мохаммед Реза Пехлеви, — настоятельно рекомендовал Карабаги, который держал меня в курсе событий, срочно вступить в контакт с Базарганом для обсуждения условий перехода армии на их сторону» (Мохандес Базарган фаш сахт.— Кейхан. 11.02.1979; Махийат ва амалкарде..., с. 170; *Zabih S.* Iran since the Revolution. N. Y., 1982, с. 11).

¹⁴¹ *Haghighat C.* Iran: la revolution inachevée et l'ordre americain. P., 1980, с. 65; *Cottam R.* Iran and The Middle East, с. 218. Выбор кандидатуры Караба-

ги для переговоров с «исламистами» объяснялся среди прочего его тесными связями с рядом представителей высшего духовенства. Так, жена Карабаги была дочерью одного из влиятельных моджахедов (Sullivan W. Mission to Iran, с. 72).

¹⁴² Элахи Х. Асбе тройя: амперализм ва энгелабэ эсламие Иран. Техран, 1982, с. 96.

¹⁴³ Это изменение в позиции Белого дома нашло, в частности, отражение в послании, направленном Картером в январе 1979 г. аятолле Хомейни, находившемуся тогда в Париже. Президент США утверждал, что «США выступают за поддержание стабильных дружественных отношений с любым иранским правительством, которое пользуется поддержкой большинства иранского народа» (цит. по: Махийят ва амалкарде..., с. 159).

¹⁴⁴ Махийят ва амалкарде..., с. 74.

¹⁴⁵ Falk R. Khomeini's Promise.— Foreign Policy. 1979, № 34, с. 31.

Глава VII

¹ Крутихин М. И. Тегеранское восстание 9—12 февраля 1979 г., с. 66; Tehran Journal. 13.02.1979.

² Financial Times. 12.02.1979.

³ Хомейни Р. М. Хокумате джомхурие эслами. [Б. м., б. г.], с. 11.

⁴ За рубежом. 1979, № 29, с. 8.

⁵ Кейхан. 01.03.1979.

⁶ Кейхан. 26.02.1979.

⁷ Кейхан. 08.03.1979.

⁸ Эттелаат. 21.04.1979.

⁹ Джомхурие эслами. 07.09.1981.

¹⁰ Текст первого временного устава КСИР был впервые опубликован в иранской печати в июне 1981 г. (Техран Таймс. 07.06.1981).

¹¹ Эттелаат. 07.05.1979.

¹² Джомхурие эслами. 21.08.1979.

¹³ Эттелаат. 28.11.1979.

¹⁴ Конституция Исламской Республики Иран, ст. 150.

¹⁵ Кейхан. 10.02.1979.

¹⁶ Эттелаат. 13.02.1979.

¹⁷ Аяндеган. 14.02.1979.

¹⁸ Аяндеган. 19.02.1979.

¹⁹ Пайяме энгелаб. 1982, № 51, с. 82.

²⁰ Эттелаат. 01.03.1979.

²¹ Kayhan International Weekly. 08.03.1979.

²² Tehran Journal. 10.03.1979.

²³ Tehran Journal. 17.03.1979.

²⁴ Кейхан. 16.04.1979.

²⁵ Кейхан. 17.04.1979.

²⁶ Кейхан. 10.10.1979.

²⁷ Кейхан. 18.02.1979.

²⁸ См., например: Кейхан, 02.07.1979.

²⁹ Кейхан. 13.05.1979.

³⁰ Кейхан. 22.05.1979.

³¹ Аяндеган. 19.04.1979.

³² Кейхан. 23.05.1979.

³³ Кейхан. 29.05.1979.

³⁴ Кейхан. 24.02.1979.

³⁵ Кейхан. 28.02.1979.

³⁶ Кейхан. 12.03.1979.

³⁷ Аяндеган. 28.02.1979.

³⁸ Кейхан. 10.03.1979.

³⁹ Эттелаат. 19.06.1979.

⁴⁰ Кейхан. 01 и 16.07.1979.

⁴¹ Кейхан. 02.07.1979.

- ⁴² Аяндеган. 19.07.1979.
- ⁴³ Кейхан. 19.07.1979.
- ⁴⁴ Кейхан. 21.07.1979.
- ⁴⁵ Кейхан. 22.07.1979.
- ⁴⁶ Аяндеган. 07.08.1979.
- ⁴⁷ См.: Кейхан. 28 и 29.07.1979.
- ⁴⁸ Кейхан. 08.08.1979.
- ⁴⁹ Кейхан. 12.08.1979.
- ⁵⁰ Кейхан. 09 и 12.08.1979.
- ⁵¹ Кейхан. 13.08.1979.
- ⁵² Кейхан. 18.08.1979.
- ⁵³ Кейхан. 19 и 21.08.1979.
- ⁵⁴ Кейхан. 20.08.1979.
- ⁵⁵ Кейхан. 22.08.1979.
- ⁵⁶ Кейхан. 28.08.1979.
- ⁵⁷ Кейхан. 01.09.1979.
- ⁵⁸ Кейхан. 06.09.1979.
- ⁵⁹ Кейхан. 12.09.1979.
- ⁶⁰ Кейхан. 16.09.1979.
- ⁶¹ Кейхан. 25.09.1979.
- ⁶² Кейхан. 30.09.1979.
- ⁶³ Кейхан. 29.09 и 01.10.1979.
- ⁶⁴ Кейхан. 09.10.1979.
- ⁶⁵ См.: Кейхан. 14 и 19.04.1979.
- ⁶⁶ Кейхан. 15.10.1979.
- ⁶⁷ Кейхан. 03.11.1979.
- ⁶⁸ Кейхан. 04.11.1979.
- ⁶⁹ Кейхан. 05.11.1979.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Кейхан. 06.11.1979.
- ⁷² Кейхан. 15.04.1979.
- ⁷³ Кейхан. 09.06.1979.
- ⁷⁴ Кейхан. 28.06.1979.
- ⁷⁵ Кейхан. 03.10.1979.
- ⁷⁶ Кейхан. 05.07.1979.
- ⁷⁷ Кейхан. 14.07.1979.
- ⁷⁸ Кейхан. 19.02.1979.
- ⁷⁹ Кейхан. 19 и 27.03.1979.
- ⁸⁰ Кейхан. 04.04.1979.
- ⁸¹ Кейхан. 15.07.1979.
- ⁸² Кейхан. 19.08.1979.
- ⁸³ Кейхан. 22.10.1979.
- ⁸⁴ Кейхан. 30.10.1979.
- ⁸⁵ Ленин В. И. Смелый натиск и робкая защита.— Полное собрание сочинений. Т. 13, с. 293.
- ⁸⁶ Сальнамее амарие сале 1361. Техран, 1362, с. 782.
- ⁸⁷ Рассчитано по: там же.
- ⁸⁸ Сальнамее амарие сале 1361, с. 709.
- ⁸⁹ Там же, с. 713.
- ⁹⁰ Там же, с. 714.
- ⁹¹ Quarterly Economic Review of Iran. Annual Supplement 1982, с. 21; Bank Markazi Iran. Annual Report and Balance Sheet 1357 (as at March 20, 1979), с. 98.
- ⁹² Джомхурие эслами. 09.07.1980.
- ⁹³ Кейхан. 07.08.1979.
- ⁹⁴ Казнен в Ираке в 1980 г.
- ⁹⁵ Нотин А. И., Милославский Г. В. Шиитская оппозиция в Ираке на рубеже 80-х годов (рукопись).
- ⁹⁶ См.: Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Восток: идеи и идеологи. М., 1982; Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985; Алиев С. М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985;

Агаев С. Л. Иран: рождение республики. М., 1984; Цуканов В. П. Теория и практика «тоухидной экономики» (доклад, прочитанный в ИВ АН СССР в 1983 г.).

- ⁹⁷ Банисадр А. Эктесад тоухиди. Техран, 1979, с. 179.
⁹⁸ Резников А. Б. Иран: падение шахского режима, с. 90.
⁹⁹ Liberation. 05.02.1979.
¹⁰⁰ Иран. История и современность. М., 1983, с. 172.
¹⁰¹ Tehran Younral. 28.02.1979.
¹⁰² Iran Economic Service. 12.03.1979.
¹⁰³ Financial Times. 04.06.1979.
¹⁰⁴ Агаев С. Л. Иран: рождение республики, с. 97.
¹⁰⁵ The New York Times. 17.12.1979.
¹⁰⁶ Натаедже баррасие каргаххае бозорге санатие кешвар дар се махее севоме 1359. Техран, мордад 60.
¹⁰⁷ Агаев С. Л. Иран: рождение республики, с. 125.
¹⁰⁸ Бамдад. 03.02.1980.
¹⁰⁹ Кейхан. 09.01.1980.
¹¹⁰ Iran Economic Service. 23.04.1979.
¹¹¹ The Economist. 14.07.1979, с. 77.
¹¹² Press Bulletin Bank Russo-Iran. Tehran, August 1979, с. 1—3.
¹¹³ The New York Times. 17.12.1979.
¹¹⁴ Tehran Times. 21.01.1980.
¹¹⁵ Сальнамее амарие 1362 кешвар, с. 703.
¹¹⁶ Tehran Times. 29.12.1979.
¹¹⁷ Le Monde. 05.05.1979.
¹¹⁸ Иран дар аинее амар. 1363, с. 83—84.
¹¹⁹ Джомбеш. 12.11.1979.

Глава VIII

- ¹ Моджахед 12.11.1979.
² Собхе азадеган, № 27, январь 1980.
³ Кейхан. 17.06.1979.
⁴ Там же.
⁵ Впервые Хомейни назвали «имамом» 1 февраля 1979 г., в день, когда он вернулся в Тегеран: одна из крупнейших столичных газет, «Эттелаат», вышла с огромным заголовком «Эмам амад!», т. е. «Имам прибыл!» (Эттелаат. 01.02.1979). Симптоматично, что такое титулование Хомейни воспринял как должное. То, что близкое окружение и сторонники Хомейни стали настойчиво именовать его имамом, было не случайно. За пределами Ирана понятие «имам» отличается от того, какое оно обрело в Иране. В суннитском мире, даже в странах, где имеются значительные по численности шиитские общины, имамом называют духовное лицо, которое является настоятелем мечети и руководит богослужением как его предстоятель. Поэтому ничего удивительного не было в том, что на обложке брошюры Хомейни об исламском образе правления, изданной в 1971 г. в Эн-Неджефе на арабском языке, автор был назван «имамом». Однако для верующих иранцев, исповедующих шиизм джафаритского толка (или учение о двенадцати имамах), наряду с указанным выше смыслом понятие «имам» связано и с догматикой о двенадцати шиитских имамах (считающихся законными наследниками Мухаммеда), последний из которых находится, согласно упомянутому учению, в «большом сокрытии». Пришествие двенадцатого, «сокрытого» имама ознаменует собой победу шиизма и установление в мире справедливости.

Называя Хомейни «имамом», его окружение и соратники тем самым выдвинули его на первое место среди великих аятолл и «марджа ат-таклидов», т. е. моджахедов наиболее высокого ранга.

Желание хомейнистов изобразить своего вождя политическим лидером и духовным предводителем, который призван руководить всей деятельностью, направленной на установление в Иране справедливости, проявилось особенно отчетливо, когда они настойчиво стали именовать его «имамом». Хотя аятолла

Махмуд Талегани, отвечая на вопросы верующих, разъяснял, что Хомейни — не тот имам, пришествие которого ожидают шииты-имамиты, сам Хомейни обращать внимание простых иранцев на подобные «мелочи» не считал нужным. А признавшие новую власть представители офицерского корпуса бывшей шахской армии, прибыв к штаб-квартире аятоллы Хомейни, именовали его «наэб оль-эмам». Этот термин означает «заместитель имама». Так называли Хомейни не только офицеры. Это титулование было широко распространено в первые три месяца после свержения шаха. Встречалось оно и на портретах Хомейни, что было вызвано стремлением умерить его обожествление.

В то же время попытка фанатичных сторонников Хомейни окружить его имя ореолом святости не могла не вызвать недовольство других признанных шиитских авторитетов как в Иране, так и за его пределами. Однако в условиях, когда Хомейни благодаря все возрастающей поддержке огромной массы традиционных средних городских слоев, городских низов и беднейшего крестьянства стал фактически обладателем неограниченной власти, опровержение законности его претензий было сопряжено с огромным риском для того, кто отважился бы на это.

⁶ Такой порядок «выборов» широко освещался на страницах печати, и линия хомейнистов подверглась, особенно в изданиях федаев и моджахедов, резкой критике. Сложившееся положение с «выборами» в Собрание экспертов нашло отражение и на страницах зарубежной печати. Так, американский «Мидл Ист Джорнэл» со ссылкой на «Нью-Йорк Таймс» сообщал: 26 июня 1979 г. сторонники Хомейни разогнали митинг протеста в связи с выборами в Собрание экспертов; сами выборы состоялись 3 августа; 20 политических групп бойкотировали их. Хомейни осудил участников бойкота как «врагов революции». 7 августа стражи исламской революции захватили редакционное помещение газеты «Аяндеган» и конфисковали тираж. Было заявлено, что издатели газеты будут наказаны за «контрреволюционные политику и действия» (The Middle East Journal. 1979, № 4, с. 485, 486). Известно, что действия «стражей» были вызваны тем, что «Аяндеган» опубликовала материалы, разоблачавшие махинации ПИР, связанные с выборами в Собрание экспертов.

⁷ Намее саргошаде бе аятолла Хомейни. Техран, 1979. Многие важные положения этого письма встречаются в послании, направленном организацией «Моджахедине халк» Исламскому революционному совету. Послание состоит из двух частей: в первой руководители моджахедов предлагают меры, осуществление которых может содействовать полному искоренению американского влияния в Иране; во второй говорится о принципах и положениях, которые, по мнению руководства организации, должны найти воплощение в конституции республики (Моджахед. 12.11.1979, с. 2, 10).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ К числу тех крупных шиитских богословов, которые открыто защищали концепцию «веляте факих», принадлежал авторитетный аятолла, имам-джом'э Шираза Сейид Абд оль-Хосейн Дастгейб (см.: Хабар ва назар. 26.12.1979, с. 16).

¹¹ Впервые после возвращения в Тегеран Хомейни, который вскоре посетил в Куме, где проживал Шариатмадари, два знаменитых аятоллы встретились лишь в июне 1979 г. в доме аятоллы Мохаммеда Резы Гольпаегани. В этой встрече, которая продолжалась всего час, принимали участие четверо «марджа ат-таклид», т. е. четверо виднейших шиитских богословов. Вторая встреча Хомейни и Шариатмадари состоялась в конце декабря 1979 г., когда значительная часть населения Тебриза в знак солидарности с Шариатмадари открыто выступила против введения в конституцию принципа «веляте факих».

¹² Кейхан. 15.12.1979.

¹³ В соответствии с концепцией Хомейни в период отсутствия махди наиболее признанный шиитский авторитет из числа факихов наделяется такими качествами, которые позволяют ему исполнять функции полноправного духовного и светского руководителя общины. Более того, в книге «Веляте факих» Хомейни в принципе приравнивает права и обязанности такого факиха к правам и обязанностям «сокрытого имама». И поскольку Хомейни фактически ставит знак равенства между шиитской общиной и страной, получается, что «за-

конным» правителем Ирана может быть лишь богослов. Все эти идеи изложены в брошюре Хомейни «Велаяте факих». Из нее явствует, что развитие имамистской доктрины о сокрытом махди, мессии, Хомейни развил в концепцию о перманентной верховной власти шиитского законоведа (факиха), пользующегося авторитетом у верующих. Понятно, что здесь речь идет об основательной реформе одной из фундаментальных доктрин имамизма, производимой в угоду политическим амбициям шиитских улемов, прежде всего самого Хомейни.

¹⁴ Кануне асасие джомхурие эсламие Иран. [Б. м., б. г.], с. «до».

¹⁵ Там же, с. «до—се».

¹⁶ Там же, с. «пандж».

¹⁷ Отметим, что, по имеющимся сведениям, относящимся к 1987 г., вопреки конституции министерство исламской ориентации требовало от армянской гимназии Тегерана, чтобы преподавание даже армянской литературы и закона божьего велось на персидском языке. В связи с этим глава армянской церкви в Иране обратился со специальным письменным заявлением в указанное министерство с просьбой сохранить существовавший порядок в отношении этих предметов (Ред.).

¹⁸ Абольхасан Банисадр родился в семье крупного религиозного деятеля аятоллы Садра в Хамадане в 1933 г. Учился в Тегеранском университете. Будучи студентом, принимал участие в антиправительственных выступлениях начала 60-х годов, в которых активную роль сыграли оппозиционно настроенные представители шиитского духовенства. Был арестован, но в заключении пробыл недолго. Затем эмигрировал во Францию, учился в Сорбоннском университете, где защитил докторскую диссертацию по экономике. Живя в Париже, Банисадр принимал участие в деятельности эмигрантских буржуазных организаций, в частности сотрудничал с обосновавшимися в Западной Европе организациями Национального фронта. Банисадр сблизился с прибывшим в Париж в начале октября 1978 г. аятоллой Хомейни и вскоре стал одним из его главных советников. Первые свои дни в Париже Хомейни провел в квартире Банисадра. В начале февраля 1979 г. Банисадр вместе с Хомейни вернулся в Тегеран и сразу же активно включился в политическую жизнь. В ноябре 1979 г. занял пост министра экономики, некоторое время исполнял также обязанности министра иностранных дел.

Банисадр принадлежит к числу тех представителей иранской интеллигенции, которые еще до начала революционных событий выступали с идеей необходимости образования в Иране «исламского» государства. Он — автор брошюры «Декларация исламской республики», изданной в 1970 г. В этом произведении, а особенно в монографии «Монотеистическая экономика» («Эктесаде тоухиди») он излагает основные социально-экономические и политические принципы «исламского общества». Подробно взгляды А. Банисадра см.: Алиев С. М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке. М., 1985.

¹⁹ Мохаммед Мокри, по происхождению иранский курд, видный востоковед, включился в политическую жизнь в период нарастания антиимпериалистического движения в Иране в конце 40-х — начале 50-х годов. Он был одним из сподвижников доктора М. Мосаддыка, входил в один из его кабинетов в качестве заместителя министра. После государственного переворота 1953 г. эмигрировал во Францию, где занимался преподавательской деятельностью и научными изысканиями в области иранской и курдской филологии. В эмиграции был связан с деятельностью Национального фронта. Во время пребывания Хомейни во Франции установил личные контакты с ним и его окружением. Но эти контакты не были глубокими, и М. Мокри как политический деятель популярностью в стране не пользовался.

²⁰ Хабар ва назар. 27.11.1979, с. 27.

²¹ *Irfani S. Iran's Islamic Revolution. Popular Liberation or Religion Dictatorship?* L., 1983, с. 198.

²² Собхе азадеган. Тегеран, № 27, январь 1980.

²³ По конституции (ст. 110) верховное командование вооруженными силами является прерогативой Руководителя республики, т. е. Хомейни. Поэтому назначение Банисадра главнокомандующим вооруженными силами страны яви-

лось выражением доверия к нему со стороны имама. В начале июня 1981 г. Банисадр по приказу Хомейни был смещен с этого поста.

²⁴ Department of State Bulletin. 1980, № 2042; Middle East Journal. 1980, № 3, с. 330, 333.

²⁵ Department of State Bulletin. 1980, № 2042.

²⁶ Time. 25.06.1980. Мохаммед Али Раджаи — учитель математики, выходец из средних городских слоев. Активный участник антимонархического движения, подвергался в шахской тюрьме изощренным пыткам. Некоторое время Раджаи зарабатывал на жизнь мелкой уличной торговлей.

²⁷ Так стала именоваться часть (большая) расколовшейся в 1980 г. из-за идейных разногласий ОПФИН, примкнувшая к НПИ. Полное ее название — Организация федаев иранского народа (большинство).

²⁸ Проблемы мира и социализма. 1982, № 3, с. 100.

²⁹ Эттелаат. 05.07.1984, с. 1, 15; Джомхурие эслами. 10.02.1984; Вижее панджомин салгяре тасисе хезбе джомхурие эслами, с. 2.

Глава IX

¹ Кейхан. 19.08.1980.

² Le Monde. 03.09.1980.

³ Джомхурие эслами. 21.08.1980.

⁴ Le Monde. 08.06.1980.

⁵ Le Monde. 21.08.1980.

⁶ Tehran Times. 20.08.1980.

⁷ Tehran Times. 14.08.1980.

⁸ Кейхан. 28.05.1980.

⁹ Stampa. 17.05.1980.

¹⁰ Аль-Анба (Кувейт). 26.05.1980.

¹¹ Newsweek. 19.05.1980.

¹² Stampa. 17.05.1980.

¹³ Кейхан. 28.05.1980.

¹⁴ Кейхан. 20.05.1980.

¹⁵ Джомхурие эслами. 11.06.1980.

¹⁶ Энгелабе эслами. 19.06.1980.

¹⁷ Кейхан. 09.09.1980.

¹⁸ Джомхурие эслами. 09.09.1980.

¹⁹ Кейхан. 10.09.1980.

²⁰ Джомхурие эслами. 16.05.1980.

²¹ Tehran Times. 25.05.1980.

²² Цит. по: Агаев С. Л. Иранская революция, США и международная безопасность. М., 1984, с. 190.

²³ Джомхурие эслами. 12.09.1980.

²⁴ Цит. по: Агаев С. Л. Иранская революция, США и международная безопасность. М., 1986, с. 254.

²⁵ Le Matin. 18.09.1980.

²⁶ Агаев С. Л. Иранская революция, США и международная безопасность. М., 1984, с. 215.

²⁷ Энгелабе эслами. 30.10.1980.

²⁸ Там же.

²⁹ Кейхан. 01.10.1980.

³⁰ Энгелабе эслами. 06.11.1980.

³¹ Энгелабе эслами. 10.11.1980.

³² Энгелабе эслами. 25.10.1980.

³³ Tehran Times. 10.11.1980.

³⁴ Джомхурие эслами. 17.11.1980.

³⁵ Эттелаат. 16.12.1980.

³⁶ Джомхурие эслами. 12.02.1981.

³⁷ Zabih S. Iran since the Revolution, с. 79.

³⁸ Там же, с. 81.

³⁹ Там же, с. 83.

- 40 Цит. по: *Zabih S. Iran since the Revolution*, с. 83.
- 41 Джомхурие эслами. 15.01.1981.
- 42 Джомхурие эслами. 14.01.1981.
- 43 ОРЕС Annual Statistical Bulletin 1985. Vienna. [Б. г.], с. 9.
- 44 Tehran Economist. 06.11.1980.
- 45 Энгелабе эслами. 05.01.1981.
- 46 Этталаат. 23.02.1981.
- 47 Там же.
- 48 Этталаат. 23.02.1981.
- 49 Джомхурие эслами. 25.02.1981.
- 50 Энгелабе эслами. 01.03.1981.
- 51 Le Monde. 07.03.1981.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Джомхурие эслами. 10.03.1981.
- 55 Энгелабе эслами. 11.03.1981.
- 56 Недооценка президентом А. Банисадром важности создания собственной партии объяснялась, по-видимому, его происхождением и воспитанием в духе шиитских традиций. Несмотря на то что Банисадр учился на социологическом факультете Сорбонны и оказывал активную поддержку находившимся в эмиграции сторонникам Мосаддыка, он был убежден, что партия — типичная принадлежность и инструментарий внутренней политики западных держав. Народы Востока, по его мнению, должны противопоставить империалистическому Западу всемусульманскую общность. Подобные взгляды чуть не стоили президенту жизни.
- 57 Vendredi-Samedi-Dimanche. 25.06.1981.
- 58 Там же.
- 59 Пейаме энгелаб. 1981, № 36, с. 18.
- 60 Джомхурие эслами. 18.06.1981.
- 61 Le Monde. 03.08.1981.
- 62 Financial Times. 26.08.1981.
- 63 *Zabih S. Iran since the Revolution*, с. 139.
- 64 Джомхурие эслами. 30.06.1981.
- 65 Джомхурие эслами. 03.08.1981.
- 66 *Zabih S. Iran since the Revolution*, с. 148.
- 67 Там же, с. 148—149.
- 68 Джомхурие эслами. 11.08.1981.
- 69 Джомхурие эслами. 20.08.1981.
- 70 Le Matin. 26.08.1981.
- 71 The Hindustan Times. 26.08.1981.
- 72 The Economist. 23.02.1980.
- 73 Цит. по: *Агаев С. Л.* Иран: рождение республики, с. 69.
- 74 The Economist. 23.02.1980.
- 75 MERIP Reports. L. 1980, № 86, с. 19.
- 76 *Агаев С. Л.* Иран: рождение республики, с. 127, 129.
- 77 Там же, с. 226.
- 78 «Путь красноречия» (араб.) — название книги, содержащей высказывания имама Али.
- 79 «Монафегин» («двурушники», «двуличные», «лицемеры») — принятое в правительственной прессе название моджахедов.
- 80 Моджахедине хальк дар бонбасте джадид. Техран, 1981, с. 13—14.
- 81 Mojahed. May 1980, vol. 1, № 5, с. 43—45.
- 82 *Агаев С. Л.* Иран: рождение республики, с. 137—144, 252—255.
- 83 Наимей саргошадее «моджахедине хальк» бэ аятолла Хомейни. 03.05.1981.
- 84 Мосахебе ба барадар Масуд Раджави. Издание «Общества студентов-мусульман» (Англия), август 1981, с. 1—2.
- 85 *Агаев С. Л.* Иран между прошлым и будущим. События, люди, идеи. М., 1987, с. 122.
- 86 Там же, с. 135.
- 87 Там же, с. 160; MERIP Reports. 1982, № 104, vol. 12, с. 4.

⁸⁸ См.: Соал аз барадар Масуд Раджави. Соале шомарее 5. Дар барее элтезам бэ барнамее шоура могавамат. Издание «Общества студентов-мусульман Турции». [Б. м., 6. г.], с. 5.

⁸⁹ MERIP Reports. L. 1983, № 113, vol. 13, с. 6. В сообщении Ф. Холлидея о том, что в июне 1983 г. ОМИН начала вторую фазу борьбы, легко заметить несоответствия в деталях. Первое (и главное) состоит в том, что статья Ф. Холлидея опубликована в мартовском—апрельском номере журнала, а начало второй фазы датируется им в той же самой статье июнем 1983 г. Второе заключается в том, что о начале второго этапа М. Раджави заявил еще в августе 1981 г. Следовательно, здесь или ошибка Ф. Холлидея, или опечатка (вероятнее всего, речь шла об июле 1981 г.).

⁹⁰ MERIP Reports. L., 1982, № 104, vol. 12, с. 10, 11.

⁹¹ Заявление М. Раджави. Листовка от 20.09.1981. Изд. «Общества студентов-мусульман Швеции» (на перс. яз.).

⁹² Мосахебе ба барадар Масуд Раджави, с. 5.

⁹³ Заявление М. Раджави. Листовка от 20.09.1982. Изд. «Общества студентов-мусульман Швеции» (на перс. яз.).

⁹⁴ MERIP Reports, 1983, № 113, vol. 13, с. 6.

⁹⁵ Там же, с. 5.

⁹⁶ Там же, с. 6.

⁹⁷ Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 169.

⁹⁸ MERIP Reports, № 113, vol. 13, с. 25.

⁹⁹ Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 162.

¹⁰⁰ Мосахебе ба барадар Масуд Раджави, с. 10.

¹⁰¹ Мосахеее шомарее 4. Гесмати аз мосахеее барадар Масуд Раджави ба рузнамее суэди комантар. Изд. «Общества студентов-мусульман Америки». [Б. м.], 1981, с. 3.

¹⁰² MERIP Reports, № 113, vol. 13, с. 6.

¹⁰³ Iran Liberation. August 1984, № 135, с. 1.

¹⁰⁴ Там же, с. 2.

¹⁰⁵ Осули кист? Дар барее осуле мобарезати хакем бар мархалее кануние энгелаб. [Б. м.], 1982, с. 3.

¹⁰⁶ Джомхурие эслами. 14.06.1980.

¹⁰⁷ Кейхан. 26.06.1980.

¹⁰⁸ The New York Times. 30.06.1980.

¹⁰⁹ Энгелабе эслами. 10.06.1980.

¹¹⁰ Джомхурие эслами. 16.05.1980.

¹¹¹ Джомхурие эслами. 21.06.1980.

¹¹² Там же.

¹¹³ Le Monde. 17.05.1980.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Джомхурие эслами. 23.05.1980.

Глава X

¹ Несмотря на ряд успехов шиитского руководства, в том числе провозглашение Ирана исламской республикой, итоги прошедших летом 1979 г. конкурсных экзаменов для поступающих в вузы показали, что среди молодежи растет популярность левых организаций. Большинство принятых на первый курс студентов были сторонниками федаев и моджахедов.

² В условиях развала шахской армии и отсутствия каких-либо других значительных военизированных формирований студенты (в 1979 г. их было около 200 тыс.: почти 180 тыс. человек обучалось в вузах Ирана, и многие вернулись из-за рубежа, чтобы принять участие в революции), имевшие навыки обращения с огнестрельным оружием, представляли собой главную военную силу страны.

³ Эттелаат. 22.03.1980.

⁴ Семинары превратились в самую распространенную форму «коллективного обсуждения» наиболее острых вопросов внутриполитической жизни ИРИ. Проводились семинары по проблемам исламизации университетов, «культурной революции» и др.

5 Обсуждение этого вопроса происходило в рамках дискуссий по проблеме «культурной революции» на соответствующих семинарах. Задача исламизации вузов (выдвинутая духовенством) в этот период трансформировалась в задачу осуществления «исламской культурной революции» в вузах страны.

6 Кейхан. 19.04.1980.

7 Согласие Банисадра с декретом от 19 апреля 1980 г. было расценено левыми студентами как акт предательства (*Ramazani R. K. Iran: The Islamic Cultural Revolution.— Change and the Muslim World. Syracuse (N. Y.), с. 40*).

8 Эттелаат. 27.05.1980.

9 Эттелаат. 22.03.1980.

10 Кануне асасие джомхурие эсламие Иран, ст. 17. [Б. м.], 1358.

11 Шиитское духовенство во главе с Хомейни исходило из того, что традиционная культурная среда оказалась разрушенной вследствие шахской политики и приобрела ярко выраженные черты культуры колониального типа, для которой прежде всего характерны отчужденность «традиционных ценностей исламского мира» и утверждение в качестве ведущих «негуманистических и порочных ценностей Запада». Исходя из этого, широко пропагандировалась идея создания «независимой» культуры путем восстановления «подлинно исламской духовной среды» внутри страны и дальнейшего воспитания молодежи в духе «гуманистической — исламской культуры» (Кейхан. 01.07.1979).

12 Барнамее хезбе тудее Иран. [Б. м., б. г.], с. 14.

13 Уже летом 1979 г. духовенство ввело «исламскую цензуру» в печати, на радио и телевидении, в театре. В августе 1979 г. было закрыто 26 неудобных духовенству газет, в том числе орган Народной партии Ирана.

14 С подобными заявлениями выступили, например, ОМИН, «Пишгам», другие организации (Кейхан. 23.04.1980).

15 Эттелаат. 14.06.1980.

16 Кейхан. 18.01.1983.

17 Так, оказалось нереализованным основное требование студенческого движения — предоставить вузам полную автономию. По «Статуту университетов», вузы обрели автономию лишь в организации учебного процесса и решении вопросов финансирования.

18 Участвовало в нем 360 тыс. человек (Кейхан. 21.08.1983). По результатам экзаменов было принято 28,3 тыс. человек.

19 Мавазее ма. Мавазе ва осуле барнамее хезбе джомхурие эслами. [Б. м., б. г.], с. 41—42.

20 Значительные ограничения введены на обучение девушек. Им запрещено изучение математики, сельского хозяйства, археологии, геологии и ряда других дисциплин. В некоторых случаях под предлогом того, что в учебной группе должно быть не менее десяти студенток (в вузах введено раздельное обучение), распускаются те группы, где число их меньше десяти.

21 National Herald. 16.06.1985.

22 Youth of Iran. [Б. м.]. 1985, с. 7—12.

23 People Without a Country: the Kurds and Kurdistan. L., 1979, с. 230.

24 Эттелаат 29.12.1979.

25 Ас-Саяд. Бейрут, 1985, май—июнь, с. 30—31.

26 International Rahe Kargar (France). 1987, № 17, с. 7.

27 Там же.

28 Там же.

29 Там же.

30 В ст. 54 речь идет о том, что счетная палата подчиняется непосредственно меджлису и порядок ведения дел в Тегеране и центрах останов определяется специальным законом. Статья 12 провозглашает ислам джафаритского толка официальной религией; в ней также отмечается, что другие толки ислама пользуются полным уважением. Статья 115 определяет требования, которым должна отвечать кандидатура президента.

31 International Rahe Kargar. 1987, № 17, с. 7.

32 «Союз мусульман» выдвинул следующие требования:

- 1) образовать в Белуджистане провинциальное генерал-губернаторство;
- 2) назначить революционного прокурора из числа местных представителей;
- 3) вывести все правительственные войска из Белуджистана.

Руководство «Союза мусульман» полагало, что удовлетворение этих требований послужит основой для урегулирования кризиса в Белуджистане и явится первым шагом на пути достижения автономии. В проекте автономии, предложенном «Союзом мусульман», отмечалось, что автономия как Белуджистана, так и Курдистана будет способствовать экономическому и социальному прогрессу, поможет покончить с вековой отсталостью этих районов, с дискриминацией их населения и «обеспечит этнические права различным национальностям» (Программа «Союза мусульман». [Б. м.], 1979).

Национально-демократическое течение выступает за признание национальных интересов белуджей, против национального и классового угнетения. Это течение возглавляет «Организация народной борьбы иранских белуджей». Свою программу она ориентирует на «научную теорию эволюции». Организация добивается признания права на самоопределение для всех иранских национальных меньшинств, участия белуджей во всех высших государственных органах. Она считает, что во главе автономного Белуджистана должен находиться Национальный консультативный совет; требует признания белуджского языка в качестве официального языка автономного Белуджистана. Она выступает за реальное предоставление свободы вероисповедания, отправления религиозных обрядов и богослужения. Иными словами, это течение ратует за фактическое выполнение тех пунктов конституции, в которых говорится о правах суннитской религиозной общины (Программа автономии Белуджистана. Лондон, 1985).

³³ Аксариат. 11.06.1988.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Джомхурие эслами. 19.06.1979.

³⁸ Кейхан. 04.03.1987.

³⁹ Созданная 19 февраля 1979 г. Партия исламской республики (ПИР) играла значительную роль в политической жизни страны, когда ее возглавлял аятолла М. Бехешти. Однако и в то время она представляла собой не более чем политическую фракцию внутри духовенства. После гибели Бехешти и других членов руководства партии 28 июня 1981 г. ПИР выродилась в аморфную, безликую организацию, в рамках которой чисто формально объединены различные религиозно-политические группировки. 2 мая 1988 г. иранская пресса сообщила о том, что ПИР прекратила свою деятельность.

⁴⁰ Напомним, что в состав Наблюдательного совета входят шесть светских юристов — специалистов по мусульманскому праву.

⁴¹ Косвенным доводом в пользу всенародного признания Хомейни вождем может служить разве что упоминание его в этом качестве в тексте преамбулы конституции ИРИ.

⁴² Эттелат. 08.09.1984.

⁴³ Правительство Мусави было сформировано в результате компромисса, достигнутого между различными фракциями внутри иранского руководства. Эти фракции никак не оформлены организационно; они, как правило, представляют собой круг сторонников того или иного влиятельнейшего деятеля режима — Хашеми-Рафсанджани, Хаменеи и др.

Ставленники крупной и средней торговой буржуазии в правительстве объединились вокруг ходжат оль-эслама Натег-Нури, министра внутренних дел. Их противники не раз пытались поставить под сомнение верность этой группировки идеологии «исламской революции», указывали на сходство взглядов этой группы с идеями ныне распущенной традиционалистской организации «Анджомане ходжате», с которой в прошлом были связаны многие сторонники Натег-Нури.

Возглавляя главным образом министерства, которые ведают экономикой страны, ставленники торговой буржуазии вели линию на укрепление экономических позиций предпринимателей-капиталистов, в первую очередь крупных торговцев базара. Так, министр труда и социальных дел Тавакколи подготовил проект закона о труде, который ущемлял права трудящихся в еще большей мере, чем шахское законодательство. Министр торговли Асгяроулади способствовал своими действиями росту цен, в том числе на продовольственные товары.

Используя в своих целях недовольство, вызванное деятельностью этих министров, группа «сторонников линии имама», располагавшая большинством в меджлисе, добилась 31 июля 1983 г. отставки Асгяроулади и Тавакколи, а 30 августа 1983 г. — еще трех министров. Натег-Нури избежал отставки лишь благодаря личному вмешательству Хомейни.

Разногласия в руководстве дали о себе знать в ходе выборов в меджлис второго созыва весной 1984 г. и после начала его работы. «Сторонники линии имама» добились принятия закона, в соответствии с которым правительство в целом и каждый из министров в отдельности должны были получать вотум доверия в меджлисе нового состава. При голосовании необходимого числа голосов не собрали пять министров: М. Салими (обороны), А. А. Парвареш (просвещения), М. А. Наджафи (культуры), Х. Манафи (здравоохранения) и М. Хашеми (промышленности). 15 августа 1984 г. они вышли в отставку.

Глава XI

¹ См. примеч. 1 в гл. XIII. Подробнее см.: *Дорошенко Е. А.* Идеино-политические позиции шиитского духовенства и его размежевание. — Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х — начало 80-х годов XX в.). М., 1980, с. 164—165; *Агаев С. Л.* Иран между прошлым и будущим. М., 1987, с. 202—204.

² *Агаев С. Л.* Иран между прошлым и будущим, с. 203.

³ «Хезболла» — неформальная политическая организация, рекрутируемая в основном из мелкобуржуазных слоев города, особенно базара, не имеющая обычных атрибутов политической партии (программа, устав, выборные органы и т. д.). Является послушным орудием в руках правящей религиозной верхушки. Хомейнисты используют ее не только в качестве своей опоры наряду с КСИР, но и для подавления оппозиционных выступлений среди самих «стражей». Исламское руководство старается придать этой религиозно-политической организации характер религиозного движения, при этом не только в Иране, но и в ряде других мусульманских стран. Производное от «Хезболла» — «хезболлах», что буквально означает «принадлежащий партии Аллаха», «входящий в партию Аллаха». Здесь и далее используется как несклоняемое прилагательное, взятое в единственном числе.

⁴ *Агаев С. Л.* Иран между прошлым и будущим, с. 199.

⁵ The Guardian. 04.04.1981.

⁶ Ejercito. Balance Militar. 1984—1985. Noviembre 1984, с. 70—71; то же. 1985—1986, Noviembre 1985, с. 83.

⁷ International Herald Tribune. 05.08.1985.

⁸ См.: *Иваненко В.* Ирано-иракская война: кто в выигрыше? — Коммунист. 1985, № 12.

⁹ *Bachash S.* The Reign of the Ayatollahs. N. Y., 1984, с. 177.

¹⁰ Там же, с. 43—44.

¹¹ Там же, с. 44.

¹² Эттелаат. 15.06.1982.

¹³ Le Monde. 03.12.1985.

¹⁴ *Арабаджян А. З.* Иранская революция: причины и уроки. Статья вторая. — Азия и Африка сегодня. 1986, № 4, с. 21.

¹⁵ Le Monde. 24.03.1985.

¹⁶ Ejercito. Balance Militar. 1985—1986, с. 83.

¹⁷ Зарубежное военное обозрение. 1984, № 11, с. 10—11.

¹⁸ Пайаме энгеляб. 1982, № 73, с. 13.

¹⁹ Кейхан. 13.10.1982.

²⁰ Пайаме энгеляб. 1982, № 73, с. 15.

²¹ Эттелаат. 16.12.1982.

²² Кейхан. 13.10.1982.

²³ The New York Times. 19.11.1984.

²⁴ Le Monde. 03.12.1985.

²⁵ Эттелаат. 19.12.1982.

²⁶ Джомхурие эслами. 20.01.1983.

- 27 Там же.
- 28 Омиде энгеляб. 1982, № 40, с. 5.
- 29 Эттелаат. 11.07.1983.
- 30 Эттелаат. 19.07.1983.
- 31 Собхе азадеган. 27.03.1983.
- 32 The Times. 28.09.1983.
- 33 International Herald Tribune. 01.08.1984.
- 34 Агаев С. Л. Внутриполитическое развитие Ирана в 1981—1985 гг.— Национальные и социальные движения на Востоке. История и современность. М., 1986, с. 354.
- 35 Кейхан. 18.01.1983.
- 36 Кейхан. 11.07.1984.
- 37 Эттелаат. 27.05.1982.
- 38 Кейхан. 06.01.1983.
- 39 Подробнее см. параграфы В. Б. Кляшториной и Л. А. Авдеевой в данной монографии.
- 40 Эттелаат. 29.04.1982.
- 41 Подробнее см. параграфы Е. А. Дорошенко и В. И. Юртаева в данной монографии.
- 42 Там же.
- 43 Кейхан. 16.01.1983.
- 44 Омиде энгеляб. 1984, № 81, с. 44—46.
- 45 *Bachash S.* The Reign of the Ayatollahs, с. 229.
- 46 Кейхан. 01.06.1983.
- 47 The Times. 15.02.1985.
- 48 Алиев С. М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985, с. 258—259.
- 49 *Hiro D.* Iran under the Ayatollahs. L., 1985, с. 253.
- 50 Джихад. 1982, № 25, с. 62.
- 51 Пайаме энгеляб. 1982, № 65, с. 25—26.
- 52 Там же.
- 53 *Busby D. Edwards.* Shi'i Political Dissent in Afghanistan.— Shi'ism and Social Protest. New Haven and London, 1986, с. 226—227.
- 54 Кейхан. 25.12.1982 и 03.03.1987.
- 55 Джихад. 1982, № 45, с. 39.
- 56 Сафф. 1983, № 44, с. 14.
- 57 Эттелаат. 20.07.1983.
- 58 The Times. 20.02.1985.
- 59 Le Monde. 20.02.1984.
- 60 The Guardian. 09.08.1983.
- 61 Le Monde. 20.02.1984.
- 62 Пайаме энгеляб. 1984, № 104, с. 32.
- 63 Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 230.
- 64 Там же, с. 231—232.
- 65 Там же, с. 232.
- 66 Эттелаат. 18.12.1983.
- 67 Le Monde. 05.09.1983.
- 68 The Sunday Times. 20.12.1983.
- 69 Le Monde. 13.02.1985.
- 70 Масаэле джомхурие эслами. 1984, № 2, с. 8.
- 71 Le Monde. 14.12.1983.
- 72 Правда. 04.02.1984.
- 73 Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 234.
- 74 Financial Times. 05.06.1984.
- 75 Там же.
- 76 Агаев С. Л. Внутриполитическое развитие Ирана в 1981—1985 гг., с. 361.
- 77 Кейхан. 16.08.1984.
- 78 Базарган М. Энгелябе Иран дар до харакат. Техран, 1984, с. 11—15, 79, 225.
- 79 Le Monde. 13.02.1985.
- 80 Кейхан. 03.11.1984.

- 81 Le Monde. 13.02.1985.
- 82 Кейхан. 12.12.1984.
- 83 Моджахед. 1984, № 227, с. 11—12.
- 84 Аль-Араб. 10.11.1984.
- 85 Эттелаат. 22.11.1984.
- 86 Агаев Г. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 246—247.
- 87 Le Monde. 02.05.1985.
- 88 Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 248.
- 89 Там же, с. 249.
- 90 Le Monde. 03.12.1985.
- 91 Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 250.
- 92 The Observer. 29.12.1985.
- 93 Там же.
- 94 Конституция ИРИ, с. 111.
- 95 Le Monde. 03.12.1985.
- 96 Christian Science Monitor. 21.05.1986.
- 97 Цит. по: Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 252.
- 98 Иваненко В. Иран: ислам и война.— Коммунист Вооруженных сил. 1987, № 9, с. 84.
- 99 The Washington Post. 04.02.1986.
- 100 Эттелаат. 10.08.1986.
- 101 Washington Post. 30.11.1986.
- 102 Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим, с. 255.
- 103 The New York Times. 17.03.1987.
- 104 Там же.
- 105 Эттелаат. 25.04.1986.
- 106 The New York Times. 04.11.1986.
- 107 Le Monde. 13.02.1987.
- 108 Кейхан. 05.01.1987.
- 109 Эттелаат. 02.05.1987.
- 110 New Brief. L., 1987, October, Vol. 7, № 10, с. 1—2.
- 111 Там же.
- 112 Правда. 30.07.1987.
- 113 New Brief. 1987, October, vol. 7, № 10, с. 2.
- 114 Эттелаат. 10.08.1987.
- 115 Tehran Times. 08.11.1987; Эттелаат. 29.08.1987.
- 116 Эттелаат. 28.09.1987; Daily Mail. 08.10.1987.
- 117 Sunday Express. 20.12.1987.
- 118 Кейхан. 08.12.1987.
- 119 Кейхан. 24.12.1987.
- 120 Кейхан. 02.01.1988.
- 121 Эттелаат. 07.02.1988.
- 122 За рубежом. 1988, № 9, с. 14.
- 123 Джомхури эслами. 07.09.1988.
- 124 Эттелаат. 23.10.1988.
- 125 Morning Star. 01.12.1988.

Глава XII

¹ См. конституцию ИРИ.

² Программа ПИР.— Кейхан. 28.02.1982. Здесь и далее перевод С. Г. Иванова.

³ Там же. Упомянутый пункт конституции предусматривает «обеспечение условий и возможностей труда для всех с целью достижения полной занятости и предоставление средств труда в распоряжение всех лиц, способных трудиться, но не имеющих средств труда, путем кооперации, выделения беспроцентного кредита или другим дозволенным путем, который не будет иметь своим следствием ни концентрацию и функционирование богатства в руках отдельных лиц или групп, ни превращение государства в крупного, не ограниченного в масштабах работодателя.

⁴ Там же.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Кейхан. 03.03.1980.
- ⁷ Барзгяр. 06.03.1982.
- ⁸ Эттелаат, 29.12.1982.
- ⁹ Кейхан. 03.12.1981.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Один крупный импортер строительных материалов в Тегеране заявил: «Мы стали миллионерами и получаем значительно большую прибыль, чем при шахе. У нас нет претензий к этому правительству» (Tribune. Chandigarh. 20.09.1983).
- ¹² Кейхан. 23.10.1984.
- ¹³ Кар. 21.03.1984.
- ¹⁴ Кейхан. 09—13.11.1982.
- ¹⁵ Кейхан. 16.09.1984.
- ¹⁶ Джомхурие эслами. 05.12.1985.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Здесь и ниже — в ценах 1974/75 г., если противное не оговорено (Сальнамеэ амарие кешвар сале 1361. Техран, 1362, с. 782).
- ¹⁹ Иран дар аинее амар (1361). Техран, 1362, с. 6.
- ²⁰ Расчет по: Сальнамеэ амарие кешвар сале 1361, 1362, с. 782.
- ²¹ Иран дар аинее амар (1363), 1364, с. 235.
- ²² Кейхан. 04.03.1987.
- ²³ Сальнамеэ амарие кешвар сале 1362. Техран, 1363, с. 703.
- ²⁴ Кейхан. 15.08.1984.
- ²⁵ Иран дар аинее амар (1363). Техран, 1364, с. 218—219.
- ²⁶ Там же, с. 218.
- ²⁷ The Digest. 1987, September, № 35.
- ²⁸ The Middle East Economic Digest. 1986, № 2.
- ²⁹ Кейхан. 21.09.1986.
- ³⁰ Эттелаат. 11.08.1987.
- ³¹ Кейхан. 04.08.1986.
- ³² В 1983/84 г. доля оборудования в общей сумме импортных компонентов, потребленных промышленностью, составила всего 10,5%, а в 1984/85 г. — 4,1% (Эттелаат. 11.06.1986).
- ³³ Иран дар аинее амар (1363), с. 121; Амаре каргаххайе бозорге санати сале 1364. Техран, 1365, с. 11. Общий объем промышленного производства на этих предприятиях, измеренный в текущих ценах, постоянно возрастал. В основе этого роста лежала все возрастающая инфляция. Добавленная стоимость, созданная в крупной обрабатывающей промышленности, с 354,1 млрд. риалов в 1979/80 г. выросла до 1020,1 млрд. в 1984/85 г. Добавленная стоимость в постоянных ценах, созданная во всей обрабатывающей промышленности, также увеличивалась, хотя и значительно меньшими темпами: в 1979/80 г. она составляла 318,8 млрд. риалов, в 1983/84 г. — 463,8 млрд. (Иран дар аинее амар (1363), с. 235).
- ³⁴ Амаре каргаххайе бозорге санати сале 1364, с. 233. Большинство государственных промышленных предприятий подчиняются Организации национальной промышленности и объединены по отраслевому признаку в промышленные группы. Так, в группу химической промышленности входят 90% всех производственных предприятий отрасли, а 30 крупнейших из них дают около 90% всей ее продукции. За счет конфискации частной собственности больше других отраслей пополнился государственный сектор в электротехнической промышленности. В руки государства перешли, например, такие ведущие компании отрасли, как «Алумтек», «Парс электрик», «Техран электрик». Были национализированы крупнейшие автомобильные компании, и среди них — основной производитель легковых автомобилей «Иран насионал» (ныне «Иран خودرو»), компании по производству грузовых автомобилей «Хавар» и «Замьяд». Основное ядро группы обувной промышленности составили национализированные компании, занимавшие в 70-е годы монопольное положение на иранском рынке обуви, — «Кяфше Мелли», «Кяфше Белла», «Кяфше Вьен». Из 80 предприятий группы 36 входили раньше в состав «Кяфше Мелли».
- ³⁵ Иран дар аинее амар (1363), с. 125.

- 36 Там же, с. 117; Джомхурие эслами. 30.09.1986.
- 37 Кейхан. 20.07.1986.
- 38 Кейхан. 26.05.1986.
- 39 Эттелаат. 13.09.1987.
- 40 Сальнамее амарие кешвар сале 1362. Техран, 1363, с. 688.
- 41 Рассчитано по: Сальнамее амарие кешвар сале 1361. Техран, 1362, с. 786.
- 42 Сальнамее амарие кешвар сале 1362, с. 688.
- 43 Кейхан. 20.10.1984.
- 44 Эттелаат. 11.08.1987.
- 45 Иран "ар аинее амар (1363), с. 163.
- 46 Там же, с. 165. Рабочие потребительские кооперативы в 1984/85 г. объединяли 366 тыс. человек.
- 47 Там же, с. 164.
- 48 Кейхан. 03.12.1981.
- 49 Там же.
- 50 Кар. 21.03.1984.
- 51 Hoogland E. Land and Revolution in Iran. [Б. м.], 1982, с. 91.
- 52 Джомхурие эслами. 16.05.1985.
- 53 Кейхан. 15 и 30.07.1984; Tehran Times. 23.04.1985.
- 54 Так, за каждую тонну проданной государству пшеницы крестьяне получали бесплатно мешок удобрений. Кроме того, в размере стоимости сданной государству пшеницы они могли получить вещевой эквивалент: например, за 125 т — грузоподъемник, за 20—30 т — мотоцикл, за 6 т — холодильник или телевизор, за 4 т — ковер машинной выработки (Кейхан. 20.08.1987).
- 55 The Middle East Economic Digest. 1987, № 37, с. 44.
- 56 Эттелаат. 09.11.1986.
- 57 Гозареше эктесади на таразнаме сале 1362. Банке марказии джомхурие эсламие Иран. [Б. м.], 1363, с. 37.
- 58 Эттелаат. 21.02.1984.
- 59 Эттелаат. 10.05.1984.
- 60 Эттелаат. 15.05.1985.
- 61 Le Monde. 17.05.1985.
- 62 The Economist. 02.04.1988, с. 35.
- 63 Le Monde. 17.05.1985. Карточная система была введена с началом ирано-иракской войны.
- 64 Гозареше хордадмахе 1365. Шахесе бахае омдефорушие калаха дар Иран. Банке марказии джомхурие эсламие Иран. Эдарее амаре эктесади. [Б. м., б. г.].
- 65 Эттелаат. 19.04.1985.
- 66 Кейхан. 11.07.1984.
- 67 Санате хамль ва нагль. 1987, № 56.
- 68 International Rahe Kargar. 1987, № 28.
- 69 International Rahe Kargar. 1987, № 27.
- 70 International Rahe Kargar. 1987, № 22. Suppl.
- 71 Там же.

Глава XIII

¹ В Иране не употребляются термины западного происхождения (фундаментализм, традиционализм, политический квиетизм) для обозначения течений шиитского богословия. Соответствующие концепции связывают там с именами сформулировавших их богословов. Однако неоднородность, а иногда и непостоянная эволюция взглядов почти каждого из фундаменталистов (Хомейни, Монтазери, Бехешти, Мотаххари, Хашеми-Рафсанджани) или традиционалистов (Хои, Хонсари, Гольпаегани, Халаби) заставляет обращаться к упомянутым терминам, хотя в литературе, посвященной политико-идеологическим процессам в странах, где распространен суннизм, те же термины употребляются для обозначения течений, не во всем аналогичных иранским.

- ⁴ Идеиные вожди фундаментализма (Хомейни) и традиционализма (живущий в Ираке Хои) находятся в открытой, непримиримой вражде.
- ⁵ Фестивале синема «Фаджр». 02.02.1983.
- ⁶ Джомхурие эслами. 17.06.1979.
- ⁷ Аяндеган. 20.04.1979.
- ⁸ Фестивале синема «Фаджр». 02.02.1983.
- ⁹ Джомхурие эслами. 03.03.1981.
- ¹⁰ Post-revolution Iranian Cinema. Tehran, 1982.
- ¹¹ Истории исламизации системы образования мы здесь не касаемся, так как она изложена в главе X.
- ¹² Кейхан. 14.03.1981.
- ¹³ «Ше'ре ноу» («новая поэзия») — новаторское поэтическое течение, возникшее в Иране в конце 40-х — начале 50-х годов и утвердившееся в 60-х годах в творчестве крупнейших современных поэтов — Надера Надерпура, Сиявуша Кесраи, Форуг Фаррохзад, Ахмада Шамлу, Симин Бехбехани и многих других. Основоположником новаторских тенденций — новой поэтической образности, свободной системы рифмовки, нового эмоционального настроения — диктуемых осмыслением различных сторон реальной жизни страны, был Нима Юшидж, почитаемый сегодня как новатор и наследник классического стиха XX в. Подробно см.: *Кляшторина В. Б.* «Новая поэзия» в Иране. М., 1975.
- ¹⁴ Джадидтарин ноухеае Садеке Ахангар. Тебриз, [б. г.], (стихотворение «Кровавый тюльпан»). Здесь и далее переводы стихов выполнены В. Б. Кляшториной.
- ¹⁵ Халили Мохаммед. Та азади. Техран, 1978, с. 13.
- ¹⁶ Халили Мохаммед. Аргавани. Техран, 1978, с. 31—32.
- ¹⁷ См., например: Эттелаат, сентябрь 1980 г., специальный литературный выпуск, посвященный годовщине «кровавой пятницы» 8 сентября 1978 г., с. 3, 5.
- ¹⁸ Мохаккак Джевад. Марди чу афтаб. Кум, [б. г.], с. 35.
- ¹⁹ Там же, с. 25.
- ²⁰ Кесраи Сиявуш. Бара самандаре ман.— Намейе мардом. 1984, № 22, с. 7.
- ²¹ Там же.
- ²² Надертур Надер. Собхе доругин. Париж, 1982, с. 42.

Глава XIV

- ¹ Кременюк В. А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. М., 1984, с. 102.
- ² Агаев С. Л. Иран: рождение республики, с. 77.
- ³ Там же.
- ⁴ Middle East L., 1979, № 2, с. 9.
- ⁵ Кременюк В. А. Борьба Вашингтона против революции в Иране, с. 98.
- ⁶ Известия. 07.10.1979.
- ⁷ Кременюк В. А. Борьба Вашингтона против революции в Иране, с. 112—113.
- ⁸ Аль-Кабис. Эль-Кувейт. 16.03.1981.
- ⁹ Марг бар Амрика. Бе сиздах забан. Имам Хомейни. Техран, 1360. с. 47—48.
- ¹⁰ Подробно см.: Агаев С. Л. Иранская революция, США и международная безопасность. М., 1984.
- ¹¹ Selected Messages and Speeches of Imam Khomeini. Tehran, 1981, с. 68.
- ¹² Rubin V. Paved with Good Intentions..., с. 371.
- ¹³ Известия. 26.11.1979.
- ¹⁴ Алиев С. М. Проблемы политического развития Ирана.— Азия и Африка сегодня. 1980, № 11, с. 18; Rubin V. Paved with Good Intentions..., с. 323—324; Агаев С. Л. Иран: рождение республики, с. 306.
- ¹⁵ Rubin V. Paved with Good Intentions..., с. 311—312, 320.
- ¹⁶ Цит. по: Правда. 03.12.1979.
- ¹⁷ Комсомольская правда. 25.12.1979.
- ¹⁸ Кременюк В. А. Борьба Вашингтона против революции в Иране, с. 127—128.

- 19 Rubin B. Paved with Good Intentions..., с. 379.
- 20 Кануне асасне джомхурие эслами Иран. [Б. м., б. г.], с. четвертая.
- 21 Middle East. L., 1980, № 235.
- 22 Rubin B. Paved with Good Intentions..., с. 379.
- 23 Кейхан. 11.11.1980.
- 24 Правда. 19.02.1983.
- 25 Кейхан. 01.03.1981.
- 26 Indian Express. 09.06.1983.
- 27 Там же.
- 28 Агаев С. Л. Иранская революция..., с. 176.
- 29 Financial Times. 05.06.1981.
- 30 Ramazani R. Khomeini's Islam..., с. 12.
- 31 См.: Salinger P. The Secret Negotiations. N. Y., 1981.
- 32 Агаев С. Л. Иранская революция..., с. 264.
- 33 Кейхан. 02.11.1980.
- 34 Le Conflit Irako-Iranien. P., 1981, с. 79—80.
- 35 Там же, с. 104—105.
- 36 Там же, с. 247—274.
- 37 Там же, с. 24.
- 38 Griffith W. Two Wars in the Middle East: Iran vs Irak and the Lebanon. Cambridge, 1983, с. 3.
- 39 Le Conflit Irako-Iranien, с. 108—109.
- 40 Там же, с. 110—111.
- 41 Iran-Irak War.— World Focus. 1983, № 9, с. 9.
- 42 Кейхан. 03.02.1982.
- 43 Кейхан. 13.11.1980.
- 44 Selected Messages and Speeches of Imam Khomeini. Tehran. [б. г.], с. 78.
- 45 Цит. по: The Middle East. 1980, № 234.
- 46 Abidi A. Iranian Perspectives. Saddam Miscalculated. Iran-Iraq War into the Fourth Year.— World Focus. 1983, № 45, с. 92.
- 47 Кейхан. 29.10.1980.
- 48 Кейхан. 04.09.1984.
- 49 Интервью управляющего Центральным банком Ирана М. Нурбахша газете «Кейхан».— Кейхан. 28.10.1981.
- 50 Daily Telegraph. 26.09.1980.
- 51 Кейхан. 24.11.1980.
- 52 Кейхан. 27.01.1981.
- 53 Middle East Economic Digest. 03.05.1986.
- 54 Le Monde diplomatique. Novembre 1987.
- 55 Аль-Ватан аль-Араби. Париж. 05.11.1980.
- 56 Кейхан. 04.09.1984.
- 57 Raj Ch. S. Strategic Dimensions Superpower Meddling. Iran-Irak War.— World Focus. 1983, № 45, с. 15.
- 58 Le Monde. 04—06.06.1984; «Ас-Саура». Дамаск, 05.12.1987.
- 59 Middle East Economic Digest. 04.11.1986.
- 60 Washington Post. 21.10.1987.
- 61 Tehran Times. 17.06.1987.
- 62 Кейхан. 04.09.1984.
- 63 Джомхурие эслами. 08.09 и 11.11.1987.
- 64 Le Monde diplomatique. Septembre 1987.
- 65 Kuwait Times. 27.10.1987.
- 66 Ас-Саура. 05.12.1987.
- 67 Hindustan Times. 05.11.1987.
- 68 The Washington Post. 11.01.1982.
- 69 L'Express. 01.06.1984.
- 70 Griffith W. Two Wars in the Middle East..., с. 5.
- 71 Юсуф аль-Хасан. Социальные бури в зоне Персидского залива.— Проблемы мира и социализма. 1985, № 2, с. 72.
- 72 Hindustan Times. 05.11.1987.
- 73 Middle East Economic Digest. 14.10.1987.
- 74 Tehran Times. 23.08.1987.

- 75 The New York Times. 10.04.1982.
- 76 Кейхан. 14.08.1984.
- 77 Middle East Economic Digest. 27.09.1986.
- 78 Абрар. 10.02.1987.
- 79 Middle East Economic Digest. 09.11.1987.
- 80 Middle East Economic Digest. 30.01.1988.
- 81 Там же.
- 82 Там же.
- 83 Кейхан. 04.04.1984.
- 84 Middle East Economic Digest. 30.11.1988.
- 85 Джомхурие эслами. 16.07.1984.
- 86 Абрар. 30.01.1988.
- 87 Tehran Times. 28.10.1985.
- 88 Middle East Economic Digest. 09.11.1987.
- 89 Кейхан. 13.05.1985.
- 90 Там же.
- 91 Middle East Economic Digest. 27.09.1986.
- 92 Бурс. 21.10.1983.
- 93 Middle East Economic Digest. 27.09.1986.
- 94 Эттелаат. 11.09.1985.
- 95 Tehran Times. 10.09.1985.
- 96 Tehran Times. 08.10.1987.
- 97 Аль-Баас. Дамаск, 11.09.1984.
- 98 The Washington Post. 29.12.1983.
- 99 Аш-Шарк аль-Аусат. Эр-Рияд, 29.10.1987.
- 100 Эттелаат. 04.09.1984.
- 101 Middle East Economic Digest. 07.10.1986.
- 102 Аль-Баас. 11.09.1984.
- 103 Аш-Шарк аль-Аусат. 29.10.1987.
- 104 Chubin S. Iran's Foreign Policy: An Overview.— Twentieth Century Iran. L., 1977, с. 202; Kissinger H. The Upheaval Years. Boston, 1982, с. 669.
- 105 Подробнее см.: Reppa R. Israël and Iran. Bilateral Relationships and Effect on the Indian Ocean Basin. N. Y., 1974; Ramazani R. Iran and the Arab-Iran..., с. 96; Weinbaum M. Iran and Israel..., с. 1075.
- baum M. Iran and Israel: the Discreet Entente.— Orbis. Vol. 18, 1975, № 4, с. 1070—1082.
- 106 См.: Баргозидеи аз соханане эмам Хомейни. Моузу': сиясате хареджие джомхурие эсламие Иран. Техран, 1360.
- 107 См.: Bialer U. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy.— Middle East Journal. Vol. 39, 1985, № 2, с. 292—315; Reppa R. Israel and Iran..., с. 96; Weinbaum M. Iran and Israel..., с. 1075.
- 108 Binder L. Iran's Potential as a Regional Power.— Political Dynamics in the Middle East. N. Y., 1972, с. 388.
- 109 Дехалатхае Амрика дар Иран. Аснаде ланейе джасуси. Т. 11. Техран, 1360, с. 48, 51.
- 110 Мадани С. Дж. Тарихе сиясие моасере Иран. Т. 2. Техран, 1361, с. 145.
- 111 Эмам Хомейни: Авайе энгеляб. Баргозидеи аз намеха, э'ламиёха ва нотгхайте эмам. Техран, 1361, с. 128.
- 112 Кейхан. 08.09.1981.
- 113 Washington Post. 04.01.1979.
- 114 Цит. по: Reich B., Pollock D., Baynard S. The Iranian Revolution and its Effect on the Middle East.— Economic Consequences of the Revolution in Iran. Wash., 1980, с. 180.
- 115 Там же, с. 187.
- 116 Там же.
- 117 Ramazani R. Revolutionary Iran: Challenge and Response in the Middle East. L., 1987, с. 151.
- 118 Directory of Trade. International Monetary Fund. [Б. м.], 1978, с. 162.
- 119 Ирано-израильское сотрудничество в сфере разведки регулировалось, как отмечалось в одном документе ЦРУ, захваченном в посольстве США в Тегеране, трехсторонним секретным израильско-ирано-турецким соглашением

1958 г. Его положения предусматривали наряду с обменом разведывательной информацией проведение регулярных консультаций руководителей спецслужб трех стран при участии представителей ЦРУ для, как указывалось в документе, «повышения скоординированности действий, направленных на сдерживание радикализма (прогрессивных сил.— *Ред.*) в регионе» (Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 11, с. 24; см. также: *Ledeer M. and Levis W. Carter and the Fall of the Shah...*, с. 13; Махийят ва амалкарде..., с. 52).

¹²⁰ Подробнее см.: Дехалатхае Амрика дар Иран... Т. 11, с. 54; *Abrahamian E. Iran between two Revolutions. Princeton, 1982, с. 432; Keddie N. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. L., 1981, с. 242, 246.*

¹²¹ *The Washington Post. 1980, № 12, 24.02.1979.*

¹²² *The Foreign Policy Implications of Arms Sales to Iran and the Contra Connection. Hearings. Wash., 1986, с. 21, 126; Foreign Report. June 21, 1984, с. 6; Denton C. «Tango November»: The Israeli Sale of US Arms to Iran.— Middle East Perspective. October 1981, с. 3—8.*

¹²³ *Chubin S. The Soviet Union and Iran.— Foreign Affairs. Vol. 61, 1983, № 4, с. 928.*

¹²⁴ Кейхан. 11.10.1984.

¹²⁵ *Entessar N. Arab Factions in Post-evolutionary Iranian Politics.— Middle East Review. 1980, № 12, с. 52—53.*

¹²⁶ Новое время. № 36, 04.09.87, с. 13.

¹²⁷ Баргозидеи аз соханане эмам Хомейни..., с. 3—5; *The New York Times. 19.02.1979.*

¹²⁸ *The New York Times. 19.02.1979.*

¹²⁹ Кейхан. 26.02.1979.

¹³⁰ *Reich B., Pollock D., Baynard S. The Iranian Revolution...*, с. 188.

¹³¹ *Ismail T. The Foreign Policy of Iraq: The Centrality of the Palestinian Issue. Salt—Lake—City, 1979, с. 18; Ayubi N. Arab Relations in the Gulf: the Future and its Prologue.— Iran-Iraq War: New Weapons, Old Conflicts. N. Y., 1983, с. 154.*

¹³² *Cooley J. Iran, The Palestinians and the Gulf.— Foreign Affairs. Vol. 57. 1979, № 5, с. 1030—1035; Benard C., Khalilzad Z. The Government of God: Iran's Islamic Republic. N. Y., 1984, с. 179.*

¹³³ *Wright C. Neutral or Neutralized: Iraq, Iran and Superpowers.— The Iran-Iraq War: New Weapons, Old Conflicts. N. Y., 1983, с. 183.*

¹³⁴ *Becker J. The PLO: The Rise and Fall of the Palestinian Liberation Organization. N. Y., 1984, с. 166.*

¹³⁵ *Wright C. Neutral or Neutralized...*, с. 183; *Entessar N. Changing Patterns of Iranian—Arab relations.— Journal of Social, Political and Economic Studies. Vol. 9, № 3, 1984, с. 349.*

¹³⁶ *Benard C., Khalilzad Z. The Government...*, с. 186.

¹³⁷ Цит. по: *Ramazani R. Revolutionary Iran: Challenge and Response...*, с. 154.

¹³⁸ *Игнатенко А. А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке.— «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. М., 1987, с. 54.*

¹³⁹ Кейхан. 02.08.1982 и 11.10.1984.

¹⁴⁰ *The Times. 19.02.1982.*

¹⁴¹ *Ayubi N. Arab Relations...*, с. 152; *Chubin S. The Soviet Union and Iran...*, с. 928; *Cottam R. The Iran-Iraq War.— Current History. 1984, № 489, с. 41.*

¹⁴² См.: Пайама энгеляб. 1983, № 1—4; *Benard C., Khalilzad Z. The government of God...*, с. 186.

¹⁴³ *Norton A. R. Shi'ism and Social Protest in Lebanon.— Shi'ism and Social Protest. L., 1986, с. 158—160.*

¹⁴⁴ *Entessar N. Changing Patterns...*, с. 348.

¹⁴⁵ *Financial Times. 25.07.1987.*

¹⁴⁶ Литературная газета. 09.12.1987; *Ramazani R. Revolutionary Iran...*, с. 185—186.

- ¹⁴⁷ См.: *Akhavi S.* Elite Factionalism in the Islamic Republic of Iran.— Middle East Journal. Vol. 41. 1987, № 2, с. 181—200.
- ¹⁴⁸ *Ramazani R.* Revolutionary Iran..., с. 194.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 163—164; Financial Times. 28.06.1980.
- ¹⁵⁰ *Reich B., Pollock B., Baynard S.* The Iranian Revolution..., с. 183; *Zonis M.* Israel and Iran: from Intimacy to Alienation.— Moment. Vol. 4, March 1979, с. 16.
- ¹⁵¹ Баргозиден аз соханане эмам Хомейни..., с. 12.
- ¹⁵² См.: *Ibrahim S.* Islamic Militancy as a Social Movement: the Case of Two Groups in Egypt.— Islamic Resurgence in the Arab World. L., 1982, с. 135—136; *Matthee R.* The Egyptian Opposition on the Iranian Revolution.— Shi'ism and Social Protest. L., 1986, с. 247—250; *Ansari H.* The Islamic Militants in Egyptian Politics.— International Journal of Middle East Studies. Vol. 16. 1984, № 1, с. 124; *Милославская Т. П.* Деятельность «братьев-мусульман» в странах Востока.— Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982, с. 16.
- ¹⁵³ *Ansari H.* The Islamic Militants..., с. 124—140.
- ¹⁵⁴ *Dessouki A.* The Islamic Resurgence: Sources, Dynamic and Implications.— Islamic Resurgence in the Arab World. L., 1982, с. 17.
- ¹⁵⁵ *Ramazani R.* Revolutionary Iran: Challenge and Responce..., с. 168.
- ¹⁵⁶ Mideast Intelligence Survey. 01.15.04.1979; New Yorker. 28.05.1979.
- ¹⁵⁷ Financial Times. 15.05.1987.
- ¹⁵⁸ *Stoddard P.* Egypt and the Iran-Iraq War.— Gulf Security and the Iran-Iraq War. Wash., 1985, с. 42—43.
- ¹⁵⁹ См.: Кейхан. 02.05 и 20.12.1984; Islamic Militancy..., с. 136.
- ¹⁶⁰ *Quandt W.* The Middle East Crisis.— Foreign Affairs. Vol. 58. 1980, № 3, с. 543.
- ¹⁶¹ Подробнее см.: *Batatu H.* Iraq's Underground Shi'a Movements: Characteristics, Causes and Prospects.— Middle East Journal. Vol. 35. 1981, № 4, с. 578—90; *Bengio A.* Shi'ism and Politics in Bathi Iraq.— Middle Eastern Studies. 1985, vol. 1, № 21, с. 5; *Hinnebusch R.* The Islamic Movement in Syria: Sectarian Conflict and Urban Rebellion.— Islamic Resurgence in the Arab World. L., 1982, с. 138—169.
- ¹⁶² Подробнее см.: *Kelly J., Eilts H.* Point-Counterpoint: Security Consideration in the Persian Gulf.— International Security. 1981, vol. 5, № 4, с. 187—200; *Ayubi N.* Arab Relations..., с. 158; *Rubin B.* Iran's Revolution and Persian Gulf Instability.— The Iran-Iraq War: New Weapons, Old Conflicts. N. Y., 1983, с. 130; *Dessouki A.* The Islamic Resurgence..., с. 13.
- ¹⁶³ *Singh K. R.* Iran: Quest for Security. с. 418; *Rubin B.* Iran's Revolution..., с. 129.
- ¹⁶⁴ Financial Times. 23.12.1981 и 21.01.1982.
- ¹⁶⁵ *Rubin B.* Iran's Revolution..., с. 133; *Alpher J.* Khomeini International.— Washington Quarterly. Vol. 3. 1980, № 4, с. 60—62, 73—74.
- ¹⁶⁶ Foreign Report. September 27, 1984, с. 1.
- ¹⁶⁷ Ар-Рай аль-Амм. 25.04.1979.
- ¹⁶⁸ *Ayubi N.* Arab Relations..., с. 156—157.
- ¹⁶⁹ *Лукин В. П.* «Центры силы»: концепции и реальность. М., 1983, с. 178; см. также: *Sankari F.* Islam and Politics in Saudi Arabia.— Islamic Resurgence in the Arab World. L., 1982, с. 178—194.
- ¹⁷⁰ *Sciolino E.* Iran's Durable Revolution.— Foreign Affairs. 1983, vol. 61, № 4, с. 910. *Bakhash S.* The Reign of the Ayatollahs: Iran and the Islamic Revolution. N. Y., 1984, с. 234.
- ¹⁷¹ *Pipes D.* In the Path of God: Islam and Political Power. N. Y., 1983, с. 329; *Chubin S.* The Islamic Republic's Foreign Policy in the Gulf.— Shi'ism, Resistance and Revolution. 1987, Boulder, с. 167.
- ¹⁷² *Bill J.* Resurgent Islam in the Persian Gulf.— Foreign Affairs. Vol. 63. 1984, № 1, с. 120, 123; *Goldberg J.* The Shi'i Minority in Saud Arabia.— Shi'ism and Social Protest. L., 1986, с. 244—245.
- ¹⁷³ *Kelly J., Eilts H.* Point-Counterpoint..., с. 197—198.
- ¹⁷⁴ *Haass R.* Saudi Arabia and Iran: the Twin Pillars in Revolutionary Times.— The Security of the Persian Gulf. L., 1982, с. 167.

- ¹⁷⁵ Reich B., Pollock D., Baynard S. The Iranian Revolution..., c. 196.
- ¹⁷⁶ Turcker R. America in Decline: the Foreign Policy of Maturity — Foreign Affairs. 1980, vol. 58, № 3, c. 449.
- ¹⁷⁷ Ayubi N. Arab Relations..., c. 158.
- ¹⁷⁸ Яковлев А. И. Саудовская Аравия и Запад. М., 1982, с. 160—170; Пайаме энгеляб. 14.09.1983; Newsweek. 07.09.1987, с. 36. Назначенный в июне 1985 г. преемником Мусави-Хозини на посту председателя Иранского комитета по делам хаджа, ходжат оль-эслам Кахроби также подтвердил намерение Тегерана и впредь использовать участие иранских паломников в хадже для распространения «победоносного ислама Хомейни» (Джомхурийе эслами. 19.07.1985). Серьезность этих намерений подтвердили кровавые события, спровоцированные иранцами в Мекке летом 1987 г.
- ¹⁷⁹ Singh K. R. Iran: Quest for Security, c. 408.
- ¹⁸⁰ The Economist. 06.06.1981, с. 17.
- ¹⁸¹ Эр-Рияд взял на себя, в частности, оплату поставлявшихся Соединенными Штатами Северному Йемену вооружений и услуг на общую сумму более 500 млн. долл. (Singh K. R. Iran: Quest for Security, c. 408).
- ¹⁸² Chubin S. Security in the Persian Gulf: The Role of Outside Powers. L., 1982, с. 153—154; Sterner M. The Iraq-Iran War.—Foreign Affairs. Vol. 63. 1984, № 1, с. 135.
- ¹⁸³ The Military Balance 1983/84. L., 1984, с. 51; Rubin B. Iran's Revolution..., c. 126—127.
- ¹⁸⁴ Radwan A. Iraq-Iran War and the Gulf Regional Dynamic.—US Strategic Interests in South-West Asia. N. Y., 1982, c. 184.
- ¹⁸⁵ Ghubin S. The Repercussions of the Crisis in Iran.—Survival. 1979, vol. 21, № 3, c. 100.
- ¹⁸⁶ Nakhleh E. The Persian Gulf and American Policy. N. Y., 1982, c. 43—61; Chubin S. Security in the Persian Gulf..., c. 153—154.
- ¹⁸⁷ Lombardi P. Una nuova coalizione all'ombra di Riyadh.—Politica Internazionale. 1982, № 7—8, c. 78—79.
- ¹⁸⁸ Подробнее см.: Farah T. Politics and Religion in Kuwait: Two Myths Examined.—Islamic Resurgence in Islamic World. L., 1982, c. 170—175; Financial Times. 11.02.1985.
- ¹⁸⁹ International Herald Tribune. 16.04.1984.
- ¹⁹⁰ Lombardi P. Una nuova coalizione..., c. 81.
- ¹⁹¹ International Herald Tribune. 16.04.1984.
- ¹⁹² Lombardi P. Una nuova coalizione..., c. 78—79; International Herald Tribune. 24.04.1984.
- ¹⁹³ Radwan A. Iraq-Iran War..., c. 178.
- ¹⁹⁴ Rubin B. Iran's Revolution..., c. 135.
- ¹⁹⁵ Hunter S. After the Ayatollah.—Foreign Policy. 1987, № 66, c. 88.
- ¹⁹⁶ Ramazani R. Revolutionary Iran..., c. 139.
- ¹⁹⁷ Правда. 28.04.1988.
- ¹⁹⁸ Баргозидеи аз соханане эмам..., c. 32.
- ¹⁹⁹ Olson W. Global Revolution and the American Dilemma.—Strategic Review. 1983, vol. 11, № 2, c. 51; Kostiner J. Shi'i Unrest in the Gulf.—Shi'ism, Resistance and Revolution. Boulder, 1987, c. 177—182; Кейхан. 11.02.1984.
- ²⁰⁰ Кейхан. 06.08.1983 и 15.02.1985.
- ²⁰¹ Пайаме энгеляб. 1983, № 7, с. 61.
- ²⁰² Хадж ва энгелябе эслами. Тегеран, 1984, с. 77.
- ²⁰³ Taheri A. The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic Revolution. N. Y., 1986, c. 229; Bill J. Resurgent Islam in the Persian Gulf.—Foreign Affairs. 1984, vol. 63, № 1, c. 118—119; Heikal M. Iran: The Untold Story. L., 1982, c. 82.
- ²⁰⁴ Jensen L. The Iranian Belief System.—Explaining Foreign Policy. N. Y., 1982, c. 98.
- ²⁰⁵ Фарси Дж. Хогуге бейнольмеляле эслами. Тегеран, 1344, с. 14.
- ²⁰⁶ Там же; Набарде ампералистха ба энгеляб (на шарки, на гарби, джомхурие эслами). Тегеран, 1360, с. 6.
- ²⁰⁷ Негахи бе тахрими ектесидийе Амрика ва эгдамате незамийе Эрак. Тегеран, 1359, с. 12; Sick G. Iran's Quest for Superpower Status.—Foreign Affairs. 1987, vol. 65, № 4, с. 697—698.

- ²⁰⁸ Benard C., Khalilzad Z. The Government of God..., c. 148.
- ²⁰⁹ Amos J. The Iraq-Iran War: Calculus of Regional Conflict.— Middle East Annual. Boston, 1981, vol. 1, c. 143.
- ²¹⁰ Bengio A. Shi'is and Politics in South Iraq.— Middle Eastern Studies, 1985, vol. 21, № 1, c. 10.
- ²¹¹ South. September 1980, c. 26; Norton A. The Origins and Resurgence of Amal.— Shi'ism, Resistance and Revolution, c. 216.
- ²¹² Подробнее см.: Zonis M. Gulf Arabs Are Wary.— The New York Times. 02.08.1982; Rubin B. Iran, the Ayatollah and US Opinions.— Washington Quarterly. Summer 1983, c. 152.
- ²¹³ Martin L. The Unstable Gulf: Threats from Within. Lexington, 1984, c. 80.
- ²¹⁴ Batatu H. Iraq's Underground Shi'a Movements: Characteristics, Causes and Prospects.— Middle East Journal. 1981, vol. 35, № 4, c. 578—580; Martin L. The Unstable Gulf..., c. 79—80.
- ²¹⁵ Баргозиден аз соҳанане эмам Хомейни, с. 10; Ayubi N. Arab Relations..., c. 148.
- ²¹⁶ Schulz A. Iran.— Security Policies of Developing Countries. Lexington, 1982, c. 247—268; Ramazani R. Khomeini's Islam in Iran's Foreign Policy.— Islam in Foreign Policy. L., 1983, c. 17.
- ²¹⁷ Sciolino E. Iran's Durable Revolution, c. 893—920; South. September 1984, c. 26.
- ²¹⁸ Ramazani R. Shi'ism in the Persian Gulf.— Shi'ism and Social Protest. L., 1986, c. 32.
- ²¹⁹ Ramazani R. Khomeini's Islam..., c. 29; Chubin S. The Soviet Union and Iran..., c. 928.
- ²²⁰ Лукин В. П. «Центры силы...», с. 186; US Military Posture for F. Y. 1982... Wash., 1981, c. 7.
- ²²¹ South. September 1984, c. 27; The Economist. 06.10.1984, c. 50.
- ²²² Wright C. Neutral or Neutralized..., Arab Relations..., c. 149.
- ²²³ Цит. по: Мальшева Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран. М., 1986, с. 30.
- ²²⁴ Radwan A. Iraq-Iran War..., c. 168.
- ²²⁵ Хабар ва назар. 08.08.1979.
- ²²⁶ Правда. 19.11.1978.
- ²²⁷ Правда. 13.02.1979.
- ²²⁸ Здесь не ставится задача дать специальный анализ процесса экономического и технического сотрудничества между ИРИ и СССР.
- ²²⁹ Об этом см., в частности: Арабаджян А. З. Советско-иранское экономическое сотрудничество в 60-е годы.— Полвека мирного сотрудничества. К пятидесятилетию договоров Советского государства с Афганистаном, Ираном и Турцией. М., 1973; он же. Предисловие в кн.: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.
- ²³⁰ Аяндеган. 20.03.1971.
- ²³¹ Правда. 05.08.1983.
- ²³² Там же.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ The Middle East Journal. L., 1980, № 2, c. 170.
- ²³⁵ Там же.
- ²³⁶ Правда. 13.01.1981.
- ²³⁷ Правда. 29.12.1980.
- ²³⁸ Правда. 13.01.1981.
- ²³⁹ Правда. 28.12.1982.
- ²⁴⁰ Устное сообщение Л. Е. Авдеевой.
- ²⁴¹ То же.
- ²⁴² То же.
- ²⁴³ То же.
- ²⁴⁴ Правда. 09.03.1982.
- ²⁴⁵ Известия. 24.12.1983.
- ²⁴⁶ Внешняя торговля СССР за 1979 г. М., 1980, с. 11; Внешняя торговля СССР за 1986 г. М., 1987, с. 11; Внешняя торговля СССР за 1987 г. М., 1988, с. 11.

247 Коммунист. Ер., 16.02.1988.

248 Там же.

249 27 декабря 1987 г. в МИД СССР был вызван временный поверенный в делах Исламской Республики Иран. Ему был заявлен решительный протест по поводу бандитского нападения на генеральное консульство СССР в Исфахане, совершенного в этот день группой бесчинствующих элементов из числа обосновавшихся в Иране афганских контрреволюционных элементов. Поверенному в делах Ирана было, в частности, сказано, что нападавшие ворвались на территорию советского представительства и в результате их действий оказалась под угрозой жизнь советских людей. Генеральному консульству нанесен материальный ущерб (Правда. 28.12.1987). Решительный протест иранской стороне в связи с этой враждебной вылазкой заявлен был 28 декабря 1987 г. в Тегеране послом СССР в Иране. В МИД Ирана было высказано мнение, что нападение было совершено теми элементами находящейся в Иране афганской эмиграции, которые пытаются противодействовать линии руководства ИРИ на развитие отношений с СССР.

6 марта 1988 г. толпа бесчинствующих элементов предприняла попытку ворваться на территорию посольства СССР в Тегеране. Нападавшие забрасывали территорию посольства камнями, использовали зажигательные средства. Под угрозой оказалась жизнь сотрудников посольства и членов их семей. Враждебные действия имели место также и в отношении генерального консульства СССР в Исфахане. Этому предшествовали подстрекательские выступления некоторых иранских средств массовой информации, пытавшихся приписать Советскому Союзу ответственность за осуществлявшиеся в то время Ираком ракетные обстрелы Тегерана и других городов Ирана. В связи с этим в МИД СССР был срочно вызван временный поверенный в делах ИРИ в СССР. Ему, в частности, было сказано, что ситуация, сложившаяся вокруг посольства СССР в Тегеране, вызывает у советского руководства серьезное беспокойство. Кроме того, было отмечено, что за этими акциями стоят силы, которых не устраивает происходящая нормализация советско-иранских отношений и которые хотели бы перечеркнуть все то, что было сделано за последнее время (Правда. 07.03.1988).

250 Selected Messages and Speeches of Imam Khomeini. Tehran, [6. г.], с. 40.

251 Ramazani R. K. Khumaini's Islam, с. 22.

252 Selected Messages..., с. 91.

253 Ramazani R. K. Khumaini's Islam..., с. 16.

254 Selected Messages..., с. 48.

255 The Middle East Journal. 1981, № 10.

256 Ramazani R. K. Khumaini's Islam..., с. 18—19.

257 Там же, с. 18.

258 Кейхан. 06.01.1981.

259 Кейхан. 06.04.1984.

260 Кейхан. 07.02.1983.

261 Джомхурне эслами. 16.07.1984.

262 Кейхан. 06.01.1981.

263 Эттелаат. 15.02.1985.

264 Ат-Тарик аль-Джадид. Тунис, 07.05.1983.

Заключение

¹ Это положение было высказано в советской иранистике еще до революции 1978—1979 гг. См., в частности: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 10.

² Такому отношению к Ш. Бахтияру и его программе со стороны сил, действовавших «снизу», сопутствовало то, что он находился под постоянным давлением «сверху»: генералитет держал его все время «на мушке», оберегая институт монархии. Это обстоятельство снимает логичный в принципе вопрос — почему Ш. Бахтияр не пошел на свержение монархии.

Приложение 1
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Занятое население Ирана в 1966/67 и 1976/77 г. *

Год	Все занятые	Работодатели	Наемные работники		Семейные работники	Самостоятельные работники	Статус неизвестен
			в частном секторе	в гос-секторе			

Социальный состав, тыс. человек

Страна в целом

1966/67	6858	153	2636	662	677	2659	71
1976/77	8799	182	3072	1673	1021	2810	41
среднегодовой темп прироста, %	2,5	1,8	1,6	9,7	4,2	0,6	-5,5

Город

1966/67	2610	97	1236	573	49	624	31
1976/77	4113	142	1545	1405	86	915	20
среднегодовой темп прироста	4,6	3,9	2,3	9,4	5,8	3,9	-4,5

Деревня

1966/67	4248	55	1400	89	628	2035	41
1976/77	4687	40	1527	268	936	1895	21
среднегодовой темп прироста	1,0	-3,2	0,9	11,7	4	-0,7	-6,5

Социальная структура, %

Страна в целом

1966/67	100,0	2,2	38,4	9,7	9,9	38,8	1,0
1976/77	100,0	2,1	34,9	19,0	11,6	31,9	0,5

Город

1966/67	100,0	3,7	47,3	22,0	1,9	23,9	1,2
1976/77	100,0	3,5	37,6	34,2	2,0	22,2	0,5

Деревня

1966/67	100,0	1,3	33,0	2,0	14,7	48,0	1,0
1976/77	100,0	0,9	32,6	5,7	20,0	40,4	0,4

* Наш расчет на основе данных: Бади Ш. М. Городские средние слои Ирана. М., 1977, с. 39—40; Саршомарие омумие нофус ва маскан абанмахе 1355. Колле кешвар. [Б. м.], 1359, с. 67—69.

Структура экономически активного населения некоторых стран мира *,
%

Страна	Год	Всего	Работодатели, отдельные самостоятель ные работники	Наемные работники	Семейные работники	Статус неизвестен
Индонезия	1978	100,0	39,4	37,3	20,8	2,5
Иран	1976**	100,0	30,5	48,5	10,4	10,6
	1976***	100,0	34,0	53,9	11,6	0,5
Пакистан	1976	100,0	48,9	22,1	27,3	1,7
Филиппины	1976	100,0	33,9	39,5	21,5	5,1
Таиланд	1976	100,0	45,2	24,3	29,6	0,9
Греция	1971	100,0	38,6	42,3	18,3	0,8
Испания	1978	100,0	19,2	64,7	7,6	8,5
Португалия	1981	100,0	15,8	66,8	12,9	4,5
США	1976	100,0	7,3	81,6	0,8	10,3
Финляндия	1976	100,0	11,8	81,4	5,5	1,3
ФРГ	1982	100,0	8,2	83,4	2,9	5,5

* Рассчитано по: Yearbook of Labour Statistics 1977. ILO. Geneva, [6. г.], с. 160—163, 166—167; Yearbook... 1979. ILO. Geneva, [6. г.], с. 114—115; Yearbook... 1983, ILO. Geneva, [6. г.], с. 82—83, 100—101, 116—117; Саршомарие омумие нофус ва маскан абанмахе 1355. Колле кешвар. [Б. м.], 1359, с. 67.

** Данные по Yearbook of Labour Statistics, 1979, со ссылкой на национальную перепись.

*** Данные самой национальной переписи. Лишний миллион экономически активного населения полностью помещен в графу «Статус неизвестен».

Таблица 3

**Общий индекс розничных цен
на потребительские товары и услуги ***
(1959/60 г.=100)

Год	Пункты	Год	Пункты	Год	Пункты
1960/61	107,9	1967/68	118,9	1974/75	170,1
1961/62	109,6	1968/69	120,7	1975/76	186,9
1962/63	110,6	1969/70	125,0	1976/77	234,9
1963/64	111,7	1970/71	126,9	1977/78	272,5
1964/65	116,7	1971/72	133,9	1978/79	293,3
1965/66	117,0	1972/73	142,3	1979/80	333,9
1966/67	117,9	1973/74	158,1	1980/81	412,5

* С 1959/60 по 1969/70 г.— Bank Markazi Iran Bulletin. 1970, July—August, vol. 9, с. 254—255; 1970/71—1980/81 гг.— наш расчет по: Банке марказие Иран. Гозареше салане ва теразнамее 1353, с. 179; Bank Markazi Iran Annual Report and Balance Sheet 1357 (as at March 20, 1979), July 22, 1979, с. 98; Даере шахесе бахае калаха ва хедамате масрафи. Гозареше тир махе 1360; Банке марказие Иран. Эдарее амаре эктесади. Техран, мордаде 1360, табл. 1, 2.

Таблица 4

**Динамика годовых доходов лиц,
работавших на мелких предприятиях
(до 10 занятых) обрабатывающей промышленности *,
тыс. риалов**

	1964/65 г.	1965/66 г.	1966/67 г.	1967/68 г.	1968/69 г.	1976/77 г.
Хозяева **	91,3	64,3	70,0	81,4	108	233,1
Наемные работники, непосредственно занятые в производстве	23,0	23,0	23,6	24,7	26,6	158,4

* Рассчитано по: Амаре санатие сале 1343, с. 1, 3; Амаре санатие сале 1344, с. 1, 3; Амаре санатие сале 1347, с. 1, 3; Амаре каргахасе кучеке санатие шахри сале 1355 [Б. м.], 1980, с. 10, 11; Report of the Annual Industrial Survey 1966 (1345), с. 1, 3; Report of the Annual Industrial Survey 1967 (1346), с. 26, 28.

** Включая неоплачиваемых семейных работников.

Таблица 5

**Динамика заработной платы и жалованья рабочих
и служащих на крупных предприятиях (более 50 занятых)
обрабатывающей промышленности *,
тыс. риалов в год**

	1967/68 г.	1974/75 г.	1975/76 г.	1976/77 г.	1977/78 г.	1978/79 г.
Заработная плата	56,3	121,0	159,0	204,0	255,0	322,0
Жалованье	133,5	348,0	448,0	567,0	678,0	801,0

* Рассчитано по: Report of the Result of Annual Industrial Survey in 1967 (1346). [Б. м., 6. г.], с. 26, 28; Нетаедже баррасие каргахасе бозорге санатие кешвар дар сале 1358. [Б. м. 6. г.], табл. 13, 14, 20, 21, 23.

Таблица 6

**Динамика дневной заработной платы тегеранских рабочих
в зависимости от квалификации *,
в долларовом эквиваленте**

	1970/71 г.	1975/76 г.	1977/78 г.
Рабочие:			
неквалифицированные	1,0—1,4	2,0—3,0	5,0—10,0
полуквалифицированные	1,4—2,6	3,0—4,0	7,0—15,0
квалифицированные	2,7—4,6	4,0—7,0	20,0—25,0
Техники	3,5—6,7	10,4—12,5	14,6—20,8

* Составлено по: Iran Almanac and Book of Facts 1975. Tehran, [6. г.], с. 340; Iran Almanac and Book of Facts 1977. Tehran, [6. г.], с. 330.

Примечание. В 1970/71 г. 1 долл. был равен 75 риалам, в 1975/76 г.— 67, в 1977/78 г.— 71 риалу.

Таблица 7

**Доходы хозяев в розничной торговле
в 1968/69—1972/73 гг. ***

Год	Доходы на одного хозяина, тыс. риалов
1968/69	131,6
1969/70	113,4
1970/71	116,9
1971/72	122,8
1972/73	133,0

* Рассчитано по: Сальнамее амарие кешвар сале 2536 шахиншахи. [Б. м., б. г.], с. 555—556.

Таблица 8

**Среднемесячный доход
некоторых групп служащих в Тегеране *,
в долларовом эквиваленте в текущих ценах**

	1970/71 г.	1975/76 г.	1976/77 г.	1977/78 г.
Работники лабораторий	109,1—125,4	250—300	—	400—500
Средний руководящий персонал	264,0—396	350—500	350—500	500—800
Начальники отделов	528—660	600—800	650—850	1000—2000

* Iran Almanac. 1975, Tehran, [б. г.], с. 243, 330, 348; Iran Almanac. 1976, Tehran, [б. г.], с. 243, 330, 348; Iran Almanac 1977, Tehran, [б. г.], с. 243, 330, 348.

Примечание. В 1970/71 г. и в 1975/76 г. 1 долл. был равен 75 риалам, в 1976/77 г.— 67, в 1977/78 г.— 71 риалу.

Таблица 9

**Десятичное распределение расходов домашних хозяйств
в городах Ирана *,
%**

Десятки от (нижших к высшим)	1959/60 г.	1969/70 г.	1970/71 г.	1971/72 г.	1972/73 г.	1973/74 г.
1	1,77	1,59	1,48	1,34	1,37	1,37
2	2,96	2,86	2,62	2,39	2,51	2,40
3	4,09	3,96	4,07	3,60	3,36	3,42
4	5,08	4,58	4,54	4,32	4,64	4,77
5	6,17	5,94	5,60	5,66	5,16	5,08
6	7,37	7,96	7,68	6,94	6,98	6,85
7	8,92	8,48	8,23	8,57	9,51	9,36
8	11,85	11,72	11,48	11,70	11,17	11,19
9	16,42	16,05	16,18	16,00	18,38	17,57
10	35,37	36,86	38,12	39,48	36,95	37,99

* Looney R. E. A Development Strategy for Iran through the 1970. N. Y., 1977, с. 47.

Приложение 2

О ВПИСАННОСТИ ВНЕШНЕГО БЛОКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ЭКОНОМИКУ ИРАНА

Явление, вынесенное в заглавие данного приложения, присуще не только Ирану. В настоящее время, в пору все большей интернационализации мирового капиталистического хозяйства, вряд ли найдется развивающаяся страна, даже проводящая последовательную антиимпериалистическую политику, которая не была бы связана многими нитями с мировым капиталистическим хозяйством и как поставщик товаров, и как покупатель.

Широкие экономические связи с США Иран имел и как поставщик нефти, и как страна, осуществлявшая форсированную индустриализацию. Поэтому в данном случае специфика ситуации заключается в том, что монархия Мохаммеда Резы Пехлеви поддерживала экономические связи с развитыми капиталистическими странами, находясь в военно-политическом союзе с империализмом, воплощением которого был империализм американский, ставший в глазах народных масс Ирана олицетворением всего того зла, которое приносит империализм в жизнь развивающихся стран. Поэтому в данном приложении мы предлагаем некоторые примеры вписанности внешнего блока на примере именно американского материала. Достаточно подробно экономическая вписанность внешнего блока, в частности связей с США, в экономику Ирана, его место в воспроизводстве общественного продукта, а также роль в экспорте и импорте дана в работе А. З. Арабаджяна «Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60—70-е годы». Специально экономические связи Ирана с развитыми капиталистическими странами, прежде всего с США, рассмотрены Д. С. Рождественской¹.

Здесь отметим лишь, что достаточно убедительной иллюстрацией вписанности внешнего блока в экономику Ирана могут служить приводимые ниже данные об участии фирм США в строительстве предприятий и частично в совместном владении ими и их эксплуатации. Аналогичные данные можно было бы привести и по другим империалистическим державам: Англии, Франции, Японии, Италии, при этом об их связях не только с государственным сектором, но и с сектором частным и не только в промышленности, но и в инфраструктурных отраслях и кредитно-банковской сфере. Но общеизвестный характер этого явления освобождает от необходимости предоставлять дополнительную информацию.

Предприятия, построенные с долевым участием американского капитала

Алюминиевый завод в Араке (мощность — 45 тыс. т в год) — «Рейнольдс», 25% акций.

Авиационный завод в Тегеране (ремонт самолетов) — «Нортроп Констракшн К^о», 49% акций.

Тракторный завод в Араке (мощность — 10 тыс. тракторов в год) — «Джон Дир К^о», 49% акций.

Нефтехимический комплекс в Абадане (мощность — 54 тыс. т в год) — «Б. Ф. Гудрич», 26% акций.

¹ См.: Рождественская Д. С. Экономические связи Ирана с развитыми капиталистическими странами в 60—70-е годы. Канд. дис. М., 1979; см. также ряд публикаций того же автора на базе указанной диссертации.

Нефтехимический комплекс на острове Харк — «Стандард Ойл оф Индия-на» и «Амоко Интернэшнл», 50% акций.
Нефтехимический комплекс в Бендер-Шахпуре (мощность — 300 тыс. т в год) — «Эллайд Кемикл Корпорейшн», 35,5% акций.
Завод газовой сажи в Ахване (мощность — 30 тыс. т в год) — «Кэбот Корпорейшн» и Международная финансовая корпорация (МФК), 50% акций.
Завод электродвигателей в Тебризе (мощность — 285 тыс. т в год) — «Кэбот Корпорейшн» и Международная финансовая корпорация (МФК), 50% акций.
Шинный завод в Казвине — «Данлоп К⁰», 26% акций.

*Предприятия, построенные по подрядным договорам,
без долевого участия американского капитала*

Трубопрокатный завод в Ахване — «Торрэнс Машинери энд Инджиниринг Инк.».
Нефтеперерабатывающий завод в Исфахане — «Флюор Корпорейшн».
Нефтеочистительный завод в Керманшахе (модернизация) — «Юниверсал Ойл К⁰».
Нефтеперерабатывающий завод в Тегеране — «Флюор Корпорейшн», «Джон Браун», «Уильям Бразерс».
Нефтеперерабатывающий завод в Ширазе (мощность — 2 млн. т в год) — «Юниверсал Ойл К⁰».
Завод газовой сажи в Ахване (мощность — 30 тыс. т в год) — «Кэ-Газоочистительный завод в Бид-Боланде — «Причард».
Завод по переработке мусора в Тегеране — «Нэшнл Органит».
Электростанция в Фарахабаде под Тегераном и в Шахрияре — «Дженерал Электрик»².

Не нужно быть ни экономистом, ни техническим специалистом, чтобы представить себе, сколь значительное и воспроизводящееся присутствие в Иране обеспечили себе США уже участием в создании и эксплуатации этих крупных и оснащенных современной сложной техникой предприятий.

Военно-технический и социально-экономические аспекты вписанности внешнего блока, представленного США, в экономику Ирана изложены в Приложении IV упомянутой книги А. З. Арабаджяна. Поэтому здесь отметим лишь, что создание шахом огромного военного потенциала привело к появлению в экономике страны целого производственного сектора для технического обслуживания типов вооружения, к притоку в страну десятков тысяч американских военных специалистов, и к заключению подрядов с десятками компаний на выполнение работ, опять-таки связанных с техническим обслуживанием военного оборудования и вооружения.

Важно отметить, что США очень хорошо представляли, каким бременем ложится на плечи иранского народа военно-политический союз шаха с ними и, что еще более важно и интересно, чем это может обернуться для самого шаха. Об этом свидетельствует содержание доклада «Военные запородажи США Ирану», подготовленного для подкомитета по внешней экономической помощи Комитета по внешним сношениям сената США в июле 1976 г. Авторы доклада подсчитали, что политика наращивания военного потенциала Ирана привела к резкому росту военного бюджета (с 880 млн. долл. в 1969/70 г. до 9,4 млрд. долл. в 1976/77 г.). Это увеличение было бы эквивалентно увеличению военного бюджета США за указанное семилетие со 100 млрд. до 1,1 трлн. долл.³. Приведа данные о вооруженных силах Ирана по состоянию на середину 70-х годов, авторы доклада отмечают: «Если планируемое увеличение численности иранской армии будет происходить по намеченному плану, то к 1981 г. Иран будет располагать армией как минимум вдвое большей,

² Рождественская Д. С. Экономические связи Ирана...

³ U. S. Military Sales for Iran. A Staff Report to the Subcommittee on Foreign Assistance of the Committee of Foreign Relations United States Senate. July 1976. Wash., 1976, с. 13.

чем английская, по численности личного состава, вооружению и авиации»⁴. Для поддержания военной техники в состоянии боевой готовности в Иране подвизалось на правах подрядчиков около 40 американских компаний, персонал которых состоял в основном из отставных офицеров.

Составители доклада прекрасно понимали, что продажа вооружения Ирану порождала все возрастающую зависимость его от США. Почти пророчествуя, они писали: «Зависимость может только возрастать по мере того, как страны-получатели, такие, как Иран, будут покупать все более усложняющиеся системы американского вооружения. Иран так же не может быть „самообеспечивающимся“ в операциях, в которых используются F-4E или F-14 «Феникс», как продавец автомобилей может быть независим от Детройта. Понимание того, что поставщик и покупатель усовершенствованного вооружения оказываются связанными пуповиной, особенно важно в связи с тем, что часто приходится слышать довод, будто покупатель, такой, как Иран или Египет, может легко „отключиться“ от поставщика, если его не удовлетворяет образ действия последнего. Теоретически это верно, и, несомненно, подчеркивание этого обстоятельства может принести кое-какие политические выгоды; однако в действительности, если какой-либо получатель связал себя с каким-либо конкретным поставщиком для того, чтобы держать в готовности свои вооруженные силы, он может „отключиться“ только с риском потерять свою боеспособность на очень долгое время. Говоря более конкретно, если бы в Иране произошла революция и шах был бы заменен антиамериканским режимом, то этот режим нашел бы, что фактически невозможно обеспечивать необходимый арсенал американского вооружения без устойчивого сотрудничества с США. Это могло бы смягчить политику нового режима. Однако, если бы режим намеревался свести к нулю роль США и его присутствие в Иране, Соединенные Штаты могли бы отплатить тем, что фактически остановили бы военную машину Ирана»⁵.

Все, что в этом отрывке дано в сослагательном наклонении, жизнь перевела уже в наклонение изъявительное, и это помогает не только понять эволюцию антиамериканизма Исламской Республики Иран, изложенную в соответствующих главах монографии, но и сделать предположение относительно характера такой эволюции в перспективе.

---

⁴ Там же, с. 14.

⁵ Там же, с. 52.

Приложение 3

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА ИРАНСКОГО ПУБЛИЦИСТА АЛИ АСГАРА ХАДЖ СЕЙЕДА ДЖАВАДИ

Случилось так, что обстоятельства позволили мне увидеть грязную и бесстыжую физиономию лживого, прогнившего и грабительского режима.

Мой небольшой дом расположен на улице Эйзенхауэра, рядом с местом, где 25 абана 1356 г.¹ была учинена бойня. В тот день около 10 часов вечера, услышав доносившиеся с соседней улицы шум и крики, я выбежал из дома и увидел толпу студентов — юношей и девушек, которые убегали от вооруженных дубинками полицейских, обложивших их на улице Эйзенхауэра и прилегающих к ней улицах и переулках.

В этой бегущей толпе девушек и юношей я увидел раненых, обливающихся кровью, с разбитым лицом и головой; некоторые укрылись в нашем дворе... Я открыл перед ними дверь своего дома, и они, как птицы, не желающие попасть в силки охотника, поспешно укрылись в моей комнате, почувствовав приближение смерти или угрозу оказаться в лапах опытных палачей из организации безопасности; мой дом превратился в полевой госпиталь... Из сотен и сотен раненых и избитых студентов 15 человек нашли на маленьком пространстве уход и лечение, жалость и любовь друзей.

Какова же история этого трагического события? Каким образом пропагандистская система режима и лживые комментарии подцензурной прессы превратили выступления студентов, участвовавших в вечере поэзии в Индустриальном университете², в заговор и бесчинства отщепенцев? Почему деспотический и тоталитарный режим Ирана боится собраний студентов и культурных мероприятий, устраиваемых ими для себя?

Почему ограничивают возможности, во-первых, проведения подобных культурных мероприятий, а во-вторых, участия молодежи в такого рода культурных собраниях и, после того как студенты собираются в лекционном зале Индустриального университета, не разрешают провести мероприятие? Почему, преследуя несколько сот из них, вынуждают студентов для освобождения своих товарищей сесть в бест в Индустриальном университете, а после этого обещаниями и заверениями вынуждают их покинуть университет и вернуться домой? Почему, когда более 4 тыс. студентов строем организованно движутся по улице Эйзенхауэра к своим домам, их отдают под дубинки полиции? Полицейским, вооруженным дубинками, развязали руки для расправы над беззащитными студентами, и на улице Эйзенхауэра остались сотни раненых и искалеченных, и полиция сожгла в укромных уголках улицы Эйзенхауэра обувь, книги, пакеты с едой, брошенные студентами; более того, согласно сообщениям, жертвами событий 25 абана 1356 г. стали 16 студентов. На завтра и в последующие дни подобная трагедия с многочисленными жертвами повторилась в Тегеранском университете и в других высших учебных заведениях.

Почему же деспотический режим не сообщает народу Ирана об этих трагедиях? Почему он не публикует в прессе сведения о количестве раненых, арестованных и убитых, не сообщает о них по радио и телевидению, ставших его рупорами. Почему режим, приобретающий семь радарных установок стоимостью 1 млрд. 200 млн. долл., вооружающийся сотнями самолетов новейших образцов (F-16 и F-18), считающий себя обладателем сильнейшей армии в

¹ 16 ноября 1977 г. Здесь и далее примечания ответственного редактора.

² Здесь и далее имеется в виду университет Ариамехр в Тегеране.

регионе, поднимает знамя революции шаха и народа и, по мнению водителей тегеранских такси, круглосуточно лжет по радио и телевидению о том, что Иран превращен в рай небесный, а жизнь иранского народа стала райской? Почему он боится организации нескольких поэтических вечеров и докладов в университетах и студентов? Почему режим, который 24 года убеждал эту молодежь в своей революционности и постоянно твердил об успехах в развитии, противится объединению молодежи и ее культурным мероприятиям? Почему режим, судя по речам его официальных агитаторов в Организации Объединенных Наций, защищающий права человека, выступающий против пыток и обеспокоенный социальной несправедливостью в мире, лишает народ Ирана и его молодежь законных прав, изложенных в конституции Ирана, провозглашающей право на свободу слова и взглядов, собраний, печати и право на деятельность и участие в общих делах страны? Если народ Ирана в условиях революции шаха и народа идет вперед по пути успехов и справедливости, то почему режим не доводит до его сведения фактические данные о доходах и расходах господствующего класса и размере доходов на душу населения большинства иранцев, данные о доходах частных компаний, а также о капиталах, доходах и расходах, богатстве и банковских вкладах царствующей фамилии? Почему в целях сохранения своей власти и продолжения грабежа режим объявляет иранский народ невежественным, незрелым, а тех, кто требует свободы, и противников деспотизма и бунтующих объявляет вредителями и исламскими марксистами?

Приложение 4

ПИСЬМО ГРУППЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

Господин премьер-министр!

Излагая в меджлисе свою программу, правительство обязалось соблюдать законные свободы и уважать права человека, однако вскоре оно же издало директиву из 25 статей и полностью отменило свободу печати (пресса ее никогда не имела и при прежних правительствах).

Ваше правительство встретило молчанием все законные требования писателей, юристов, преподавателей и студентов университетов относительно необходимости введения гражданских свобод и строгого соблюдения конституции. В то же время переодетые и вооруженные дубинками и палками полицейские и представители службы безопасности с фашистским рвением обрушились на мирных и беззащитных людей, противодействуя мирному использованию народом своего законного права на создание религиозных, культурных, литературных и общественных организаций.

В конце месяца абан² они ворвались с палками в учебные аудитории литературного факультета и сильно избили всех находившихся там преподавателей и студентов. В Тегеранском университете группа громил напала на студентов, мирно собравшихся по случаю годовщины роспуска религиозного общества «Хосейнийе эршад», и стала безжалостно избивать юношей и девушек, причем некоторым из них нанесла увечья.

Несколькими днями раньше в университете Ариамехр сотрудники службы безопасности, которые обычно проводят операции переодетые в штатское, жестоко избили студентов и преподавателей и отправили их в полицейский участок. Несколько человек из них, мужчин и женщин, были вывезены с помощью полиции за город... и в ночной тьме вновь были избиты до полусмерти, а некоторые и арестованы. Утром, в день Эйде Горбан, вооруженные чины службы безопасности окружили мечеть и помешали проповеди. Вечером того же дня более 700 переодетых сотрудников службы безопасности и охраны порядка напали на религиозное собрание в саду Гользар, когда в караван-сарае на Кереджской дороге люди слушали проповедь. Сотни людей были избиты и получили увечья, а их автомобили разбиты. После этого в правительственной прессе с невиданным цинизмом сообщалось, что «нападавшими были рабочие, возвращавшиеся домой с работы. Поскольку по дороге они встретили группу людей, пивших спиртные напитки и выкрикивавших антипатриотические лозунги, они напали на них».

Господин премьер-министр! Отнеситесь со вниманием к тому, что избияния людей на улицах, производимые открыто или тайно силами безопасности для создания в стране атмосферы страха и террора, стали повседневным явлением. Фактически избияниям и пыткам подвергаются не только в «комитете»³ и тюрьмах, но и на улицах и в городских парках. И всё это делают, прибегая к бессовестным провокациям и лжи.

Иранский народ и люди всего мира должны знать, что борцы за свободу и выступающие против деспотизма интеллигенты, в том числе и студенты, ни в коем случае не ставят своей целью уничтожение закона и общественного по-

¹ Копия этого письма была передана в Комиссию по правам человека ООН, а также в газеты «Эттелеат» и «Кейхан».

² Ноябрь — декабрь 1977 г.

³ Имеется в виду специальная организация, сходная по своим функциям с САВАК, но действовавшая под началом жандармерии.

рядка и осуждают создание атмосферы страха, тревоги и беспорядка. Народ Ирана и люди всего мира должны знать, что в современных условиях протестующие находятся под постоянной угрозой потери работы.

Министерство юстиции освободило от занимаемых должностей государственных судей, которые протестовали против уничтожения последних остатков независимости судебной власти, и подвергло их полицейскому преследованию.

Министерство финансов издало секретное предписание о взимании необоснованно высоких налогов с некоторых служителей правосудия, торговцев, ремесленников и всех тех, кто требует свободы и защиты положений конституции.

Правительство через полицейские органы дало государственным организациям директиву отстранить протестующих представителей юстиции от руководящей работы и юридической практики.

Министерство культуры и науки, спекулируя на боязни заговоров, угрожает ученым, принимающим участие в собраниях, посвященных вопросам культуры.

Народ Ирана и люди всего мира должны знать, что борцы за свободу и интеллигенция не имеют другой цели, кроме узаконения следующих требований:

- 1) точного и полного соблюдения принципов конституции;
- 2) освобождения всех политзаключенных, запрещения незаконных арестов, пыток, вмешательства военных судов в политическое судебное разбирательство;
- 3) ликвидации однопартийной системы и установления свободы деятельности партий, профсоюзов и религиозных обществ;
- 4) свободы печати и изданий;
- 5) свободы взглядов и мнений;
- 6) роспуска меджлиса и сената, проведения справедливых национальных выборов для установления демократической и народной власти, защиты от угроз и запугивания;
- 7) возрождения независимости судебной власти, восстановления компетентности судов и ликвидации специальных судебных органов;
- 8) роспуска всех организаций и учреждений, ставящих под угрозу свободу личности и общества, и, таким образом, пресечения явных и серьезных преступлений;

9) преследования и наказания по закону всех тех, кто посягает на основные права и интересы общества;

10) неукоснительного выполнения положений Всемирной декларации прав человека посредством присоединения Ирана к Факультативному протоколу Приложения к Международному пакту о гражданских и политических правах.

Господин премьер-министр! В создании обстановки беспокойства и в нарушении общественного порядка виновны не студенты и не те, кто поставил своей целью лишь возрождение и уважение законных прав народа. Общественный порядок нарушают органы правопорядка и безопасности. Их цель — внести смуту в общественный порядок путем различных прямых и косвенных провокаций. Под предлогом установления порядка, позволяющего использовать все способы подавления и пропаганды, которые имеются в настоящее время в распоряжении этих органов, и путем создания атмосферы страха посредством нападений, избиений и нанесения телесных повреждений переодетыми в штатское полицейскими они хотят заставить народ молчать, несмотря на продолжающиеся деспотические действия полиции, а общественному мнению внушить, что иранский народ недостоин пользоваться свободой, демократией и правами человека.

Мы считаем, что правительство несет полную ответственность за все эти переходящие всякие границы действия полиции, а также за ее действия в последующем, и заявляем всему миру, что правительство Ирана, испытывающее давление общественного мнения, опозоренное своими деспотическими действиями и неспособное предотвратить беспорядки, вместо того чтобы вернуться к соблюдению конституции Ирана и уважать положения, касающиеся прав человека, предусмотренных международными постановлениями, прибегало к недостойным и низким действиям — избиениям и притеснениям людей. При этом

жизнь и безопасность личности и самосознание членов общества подвергались прямому насилию со стороны режима. Поэтому правительство Ирана обязано перед иранским народом и историей нашей родины и перед недремлющей совестью свободных народов мира взять на себя всю ответственность за эти действия и за все их последствия. Если оно будет продолжать настаивать на том, что оно уважает свободу и человеческое достоинство, оно должно разрешить проведение расследования описанных выше ужасных действий полиции, обратившись к юридическим органам, обладающим соответствующими полномочиями. При этом через печать, радио и телевидение оно должно широко оповестить об этом общественное мнение.

Донья. 1356, № 10.

Приложение 5

ПИСЬМО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ИРАНА

Господин премьер-министр!

Как Вам известно, Союз писателей Ирана с момента возобновления своей деятельности старался в многочисленных письмах премьер-министру как главе исполнительной власти страны изложить ему свои законные требования. Но, к сожалению, до сих пор единственной реакцией на все требования было молчание властей. А в последние дни стала поступать информация о том, что власти пытаются прибегать к насилию в то самое время, когда представители правительства Ирана на международных форумах больше, чем когда-либо раньше, хвастаются демократией и свободой, существующими в стране, и вслед за правительствами некоторых других стран требуют прекращения всяческих пыток и насилия в этих странах. Однако происходящее в Иране само по себе является лучшим критерием оценки этих претензий на демократизм и свободу и свидетельством того, что разговоры властей о свободе и демократии в Иране — не что иное, как болтовня.

Союз писателей Ирана, как уже многократно заявлялось, не связан ни с какой политической партией или группировкой и не преследует никаких особых целей. Единственная цель Союза, как о том свидетельствует его постоянная деятельность, — это борьба за свободу слова и идей, свободу создания общественных организаций, свободу печати, свободу для тех, кто пишет, и для тех, кто читает, а также защита неотъемлемых прав писателей в рамках этих свобод.

Состоявшиеся в месяце мехр¹ вечера писателей и поэтов, в которых участвовали тысячи людей, показывают, что члены Союза писателей, несмотря на различия во взглядах и вкусах, были и остаются единодушны в защите свободы и в протесте против всяческой цензуры.

Эта принципиальная позиция Союза писателей Ирана показывает, почему во время незаконной и необоснованной ликвидации студенческих библиотек в университетах и других учебных заведениях Союз писателей, так же как и члены научных подразделений университетов, выразил сочувствие студентам и поднялся на защиту этого элементарного права культурной жизни.

Некоторые представители правящих кругов использовали это в качестве повода для обвинения Союза писателей во вмешательстве в дела студентов. В течение прошедших месяцев Союз писателей Ирана и его члены систематически и целенаправленно подвергались нападкам подобного рода. Однако деятельность Союза до сих пор является лучшим свидетельством лживости этих обвинений.

Приглашение студентами Индустриального университета Ариамехр нескольких членов Союза писателей для чтения лекций на ряд тем — о театре, технологии, свободе и либерализме, литературе и проблемах современной поэзии (первые из этих собраний прошли в обстановке порядка и спокойствия) — дало повод профессиональным провокаторам превратить хорошее мероприятие в арену ужасающих событий и возложить ответственность за это на Союз писателей. К счастью, проницательность и рост самосознания студентов и организаторов собраний, доклад, доброжелательность и смелость присутствовавших членов Союза писателей привели к тому, что этот заговор был нейтрализован, хотя недопустимо грубое обращение представителей властей со студентами во время разгона уличной демонстрации несомненно изгладится из памяти.

¹ Сентябрь—октябрь 1977 г.

Такие хулиганские и провокационные методы были вновь применены полицией в понедельник 30 абана² после полудня. В этот день студенты Индустриального университета Ариамехр пригласили Махмуда Этемад-заде (Махмуда Бехазина) для того, чтобы он сделал доклад. Утром было объявлено, что доклад не состоится. Однако существовали опасения, что желающие (его послушать.— *Ред.*) не будут оповещены об этом вовремя. В результате, когда напротив здания Индустриального университета собралась большая толпа студентов, это стало основанием для возобновления действий полиции против этих, по словам правительственной пропаганды, «хулиганов» и «подонков общества». По требованию организаторов собрания несколько членов Союза писателей, в том числе Хаманатег и Немат Мирза-заде, направились к входу в Индустриальный университет Ариамехр, чтобы разъяснить положение и, извинившись, побудить присутствовавших спокойно разойтись. Таким образом они надеялись избежать возникновения повода для использования политики запугивания и угроз. Когда Хаманатег и Немат Мирза-заде возвращались на машине домой, члены службы безопасности, вооруженные палками и цепями, нагло преградили путь автомашине на середине улицы Эйзенхауэра. Они грубо вытащили их на улицу и без предисловий начали избивать. Затем они привезли их в полицейский участок № 18. Официальные служащие и полицейские в форме, продержав их несколько часов, под предлогом доставки домой огривали их в помятом такси без двери, находившемся в их распоряжении, в район уединенных развалин, чтобы наконец-то вдали от людских глаз довести до конца руками своих подручных хулиганов избиение писателя и поэта. Если бы не вмешательство местного населения, этот страшный план хулиганов привел бы к преступлению.

Утром 3 азера текущего года³ 22 полицейских совершили нападение на квартиру Махмуда Этемад-заде, члена секретариата Союза писателей Ирана, и перевернули ее вверх дном. Не остановились даже перед перепахиванием его небольшого дворика. Усилия полицейских имели целью, как они заявили, сбор «документов», которые дали бы основание сфабриковать материалы, направленные против члена секретариата Союза писателей, чтобы газеты на следующий день объявили, что «Махмуд Этемад-заде и его сын арестованы по решению тегеранского суда по обвинению в подстрекательстве группы хулиганов и подонков общества к битью стекол банков и магазинов» (Кейхан. 5 азера⁴, с. 2).

Господин премьер-министр! Такие циничные действия вписывают новую главу в объемистую книгу произвола и злоупотреблений исполнительной власти в Иране, главу, основное содержание которой в том, чтобы путем запугивания с помощью дубинок в хорошо натренированных руках как можно шире посеять в душах людей чувство безысходности, главу, содержание которой в том, чтобы под прикрытием закона и охраны порядка установить «порядок» хулиганов с цепями вместо порядка писателей и свободной интеллигенции Ирана. Все, что нашли ваши агенты за несколько часов обыска в доме известного писателя и поэта,— не что иное, как стопка рукописей, записок и книг. Что же еще может находиться в доме писателя? Книги пишутся при помощи книг. Там, где собиране рукописей и книг является преступлением, там и быть писателем — преступление.

Если правительство Ирана, подписавшее Всемирную декларацию прав человека и Конвенцию об авторских правах, позволяет себе такое и пребывает в бездействии, то лучше, если этот факт станет достоянием мировой общественности.

В сегодняшнем Иране кроме этих записок и книг доказательством преступных действий считаются одежда и альпинистский инвентарь молодежи, фотографии генерала Джаханбани в советском посольстве, палки и сухие ветки деревьев в садах и т. д. И подумать только! Руководители такой страны претендуют на то, чтобы весь мир считал ее свободной, между тем как их противникам известно, что в этой стране процветают насилие и притеснения.

² 21 ноября 1977 г.

³ 24 ноября 1977 г.

⁴ 26 ноября 1977 г.

Союз писателей Ирана считает, что единственной причиной этих бесчеловечных акций являются искренние действия членов Союза, в том числе Махмуда Этэмад-заде, целью которых было прекращение провокаций со стороны так называемых сил порядка, употребляющих (все.— *Ред.*) средства установления [режима] гнета и населения. Те, кто несет ответственность за происходящее, хорошо знают, как самоотверженно старались члены Союза писателей, в особенности Махмуд Этэмад-заде, во время событий в университете Ариамехр не допустить, чтобы толпа желающих послушать доклад «Современный иранский театр» не была использована полицией в качестве повода для провокаций. Только эти старания и могут быть причиной гнева властей и поводом для обвинения Махмуда Этэмад-заде. Этэмад-заде — крупнейший иранский писатель и переводчик, пожилой человек, страдающий серьезной болезнью сердца. Ужасное обращение с ним и тяжелые тюремные условия, невозможность получить врачебную помощь и лекарства, несомненно, опасны для его здоровья. Союз писателей Ирана официально заявляет, что ответственность за печальные последствия этих действий ложится только на исполнительную власть во главе с Вами.

Господин премьер-министр! Союз писателей Ирана требует выявить и наказать лиц, ответственных за эти позорные события... приведшие к нарушению права граждан на личную безопасность, организацию заговора, цель которого состоит в том, чтобы воспрепятствовать деятельности Союза писателей путем преследования и ареста его членов, за явное соучастие официальных государственных служащих в этих событиях. Он выражает свое отвращение ужасающим и бесчеловечным обращением дубинщиков⁵ и официальных представителей сил охраны порядка с двумя членами Союза.

Союз писателей, выражая полную солидарность с Махмудом Этэмад-заде, решительно протестует против незаконного ареста его и его сына и требует их безусловного и немедленного освобождения. Союз писателей Ирана официально заявляет, что власти Ирана такими действиями посягают на права человека и что премьер-министр как глава исполнительной власти лично несет ответственность за безопасность каждого члена Союза. Союз писателей считает, что премьер-министр ответствен за любые насильственные действия и заговоры, которые организуются против членов Союза.

Союз писателей Ирана доводит до сведения общественности Ирана и всего мира, что его членов ни в коем случае не удастся запугать при помощи заговоров и провокаций властей и что они будут продолжать свою борьбу за действительное обеспечение свободы писать и читать, свободы печати и изданий, свободы собраний, борьбу за соблюдение положений конституции Ирана и Всемирной декларации прав человека.

5 азера 1356 г. (26 ноября 1977 г.)
Донья. 1356, № 10.

Союз писателей Ирана

---

⁵ Имеются в виду вооруженные дубинками хулиганствующие элементы, используемые полицией.

Приложение 6

ДЖЕЛАЛ АЛЕ АХМАД (биографическая справка)

Джелал Але Ахмад родился в 1923 г. в глубоко религиозной семье. Как писал он позднее в автобиографии, «религий посвятили свою жизнь мой отец, старший брат и ближайшие родственники»¹. Отец, владелец лавки, вскоре разорился и отошел от дел, еще более углубившись в религию. Он не хотел, чтобы его младший сын продолжал образование, и после начальной школы отправил его подмастерьем на базар. Днем Джелал работал у часовщика, помогал электрику и торговцу маслом, а вечером тайком от отца, учился в вечерней школе.

Между тем наступили 40-е годы, и Иран оказался втянут в события второй мировой войны. «В 1943 г.,— пишет Але Ахмад,— юношей я оказался вырванным из семейной, религиозной среды, меня обрили наголо и бросили в поток войны... Война не несла нам ни убийств, ни разрушений, ни бомбежек, только голодное существование, болезни — чуму и тиф, только угнетающее присутствие армий союзников на нашей земле»².

После войны Але Ахмад завершает свое образование на филологическом факультете Тегеранского университета и становится преподавателем арабского языка и риторики в средней школе. Он знакомится с марксизмом и становится активистом Народной партии Ирана (НПИ). Одновременно он входит в кружок религиозного обновления «Анджомане эслах». Круг его чтения в этот период составляют статьи популярного тогда писателя Ахмада Кесрави, печатавшиеся в журнале «Пейман», а также в изданиях Народной партии. Вскоре он покидает кружок и начинает работать в качестве журналиста. Але Ахмад пишет для учебных изданий, печатается в журнале «Мардом», газете «Рахбар», редактирует теоретический журнал НПИ «Махнаме-е мардом». В 1945 г. в известном литературно-критическом журнале «Сохан» (№ 19) появился первый рассказ Але Ахмада. В том же году выходит его первый сборник статей и рассказов — «Встречи» («Дид о базид»), а в 1946 г. — второй. «Отчего мы страдаем» («Аз ранджи ке мибарим»).

Разгром национально-демократического движения во второй половине 40-х годов и идейный разброд среди политического руководства левых сил повлияли на мировоззрение Але Ахмада. Он отходит от НПИ, целиком посвящая себя литературной и переводческой работе. В его переводе выходят произведения А. Камю, А. Жида, Ф. Достоевского, Ж. П. Сартра. В эти же годы Але Ахмад женится. Его жена, Симин Данешвар, — человек незаурядный, автор оригинальных художественных произведений, критических статей и переводов³.

С начала 50-х годов Але Ахмад вновь на политической арене — он участник Национального фронта, созданного доктором Мосаддыком в 1949 г.

¹ Фатхи-Хошгинаби Г. А. Некоторые вопросы традиции иранского литературного наследия и новаторства в современной персидской художественной прозе. Автореф. канд. дис. Баку, 1970.

² Але Ахмад о себе. — Этгелат. 11.09.1980 (специальный выпуск-приложение в память об Але Ахмаде), с. 2.

³ В Иране хорошо известен роман Симин Данешвар «Савушун» (Тегеран, 1969), вышедший на русском языке под названием «Смерть ради жизни» (пер. с персидского Ш. Бади и Н. Кондыревой. М., 1975).

Контрреволюционный переворот и поражение Мосаддыка нанесли тяжелый удар по иранскому национально-демократическому движению. Развитие прогрессивной литературной, политической и философской мысли, столь бурное в середине 40-х — начале 50-х годов, приостановилось. Вот как описывает тот период писатель: «Борьба, которая велась в эти годы между Национальным фронтом и Народной партией, на мой взгляд, была плодотворным периодом для роста идей, мыслей и критики, пока поражение в этой борьбе не легло на наши плечи тяжелым бременем и не наложило отпечаток на всю нашу жизнь... Внезапно воцарившееся молчание заставило углубиться в себя, предаться скорби и затем искать в окружающем причины этих поражений...»⁴.

Результатом раздумий писателя, его поездок по стране явилась изданная в 1954 г. книга «История ульев» («Саргозаште кандуха»), в которой автор переосмыслил недавнюю борьбу иранцев за свои нефтяные богатства (образ пчел, отлученных от создаваемого ими меда).

Писателя занимают судьбы Ирана в широком историческом плане, возможности и пути независимого и равноправного существования страны. Он совершает поездки в далекие провинции, пишет этнографические очерки «Остров Харк» («Джазирейе харк») и «Описание народности тат в Захре» («Тат-нешинхайе болуке Захра»); они были опубликованы в 1958 г. отделением социологических исследований филологического факультета Тегеранского университета. Эти очерки были главами предполагавшейся монографии. Но когда писатель узнал, что университет готовит эти издания для публикации за рубежом, он отказался от продолжения работы. Мотивировка отказа ярко свидетельствует о росте у него националистических настроений: «Я убедился, что университет готовит эти издания для публикации за рубежом и соответственно приспособливает наши материалы к западным критериям и терминологии. В мои намерения это отнюдь не входило. Я хотел только одного — снова познать самого себя и максимально честно и серьезно исследовать отечественную среду, откровенно высказывая свои собственные нелюбимые суждения»⁵.

Наряду с научными исследованиями Але Ахмад в 1958 г. публикует сборник литературно-критических статей «Три новые статьи» («Се магалейе дигер») и повесть «Директор школы» («Модире мадрасе»), содержащие сокрушительную критику системы школьного образования. Как пишет Але Ахмад, он стремился «познать глубинные противоречия социального устройства иранцев, того, что на официальном языке именуется „прогресс и обновление“ («тахаввол о таракки») и что на самом деле ведет к превращению страны в безвольного и зависимого потребителя иностранного рынка»⁶. Так исподволь созрела в уме писателя мысль — раскрыть перед своими соотечественниками опасность для национальной жизни страны роли подчиненного партнера в системе мирового капиталистического рынка.

Уже частичная публикация «Западничества» в ежемесячнике «Кейхане мах», поместившем первую главу книги с многочисленными цензурными лакунами и правкой, повлекла за собой полугодовой запрет журнала. Книга была запрещена и увидела свет в нелегальном издании. Але Ахмад вынужден был замолчать. В 1962 г. он уезжает в Европу для изучения издательского опыта. Два года спустя Але Ахмад участвует в работе проходившего в Москве VII Международного конгресса этнографов, а затем по приглашению Гарвардского университета едет в США, где принимает участие в работе руководимого Г. Киссинджером литературного и политического семинара, созданного для представителей творческой интеллигенции стран Азии и Африки (1965 г.). В 1963 г. Але Ахмад совершает паломничество в Мекку. Раздумья и впечатления обо всех этих путешествиях выливаются в путевые заметки, которые, как и все остальное, написанное им, подверглись цензурному запрету. В сентябре 1963 г. Але Ахмад скончался от сердечного приступа.

⁴ Але Ахмад о себе, с. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Приложение 7

АЛИ ШАРИАТИ (биографическая справка)

Али Шариати родился в 1933 г. в Мазинане, пригороде Мешхеда. Его отец был преподавателем в медресе. Согласно некоторым сведениям, в начале 50-х годов он был активным сторонником Национального фронта и после поражения Мосаддыка в ходе борьбы за национализацию иранской нефти (1953 г.) был арестован и брошен в тюрьму.

В 1951 г. Али Шариати закончил педагогическое училище в Мешхеде и стал работать учителем в Ахмадабаде. В 1953 г. он поступил в Мешхедский университет. Однако, поскольку Али Шариати был членом нелегальной оппозиционной группировки Движение за свободу Ирана, руководимой Мехди Базарганом, он был арестован и в 1957 г. приговорен к кратковременному тюремному заключению. Выйдя из тюрьмы, он в 1958 г. закончил Мешхедский университет, после чего эмигрировал во Францию. В Париже Али Шариати закончил Сорбоннский университет, где получил степень доктора истории.

В 1964 г. Шариати возвратился в Иран. Вскоре он был обвинен в антиправительственной деятельности как член нелегальной мусульманской организации «Аль Джазайер», в которую вступил в Париже, и снова был посажен в тюрьму. После освобождения Шариати был приглашен на преподавательскую работу в университет им. Фирдоуси в Мешхеде. С 1967 г. он стал читать лекции (в форме наставлений) и проводить диспуты в «Хосейнийейе эршад»¹ в Тегеране. В 1973 г. власти закрыли «Хосейнийейе эршад» и снова арестовали Шариати. На этот раз он был обвинен в антиправительственной пропаганде. Он бежал из тюрьмы, но, узнав, что его отец и вся семья подвергаются преследованиям, сдался властям и был выслан в Хорасан².

В начале 1977 г. Али Шариати был вынужден эмигрировать. Сначала он поселился в Париже, но затем, боясь преследований САВАК, переехал в Лондон. 19 июня 1977 г. Шариати был найден мертвым у себя в квартире в Лондоне³. Предполагается, что его смерть была делом рук шахской охраны, которая считала его опасным для существования монархии, боясь его популярности и авторитета среди прогрессивно настроенной интеллигенции и студенчества.

Али Шариати принадлежат цикл лекций, несколько книг и брошюр. Его работы «С чего начать?», «Что делать?», «Религия против религии», «Человечество и ислам», «Исламоведение», а также статьи «На подступах к пониманию ислама», «Искусство ждет своего спасителя», «Размышления обеспокоенного мусульманина» вызвали значительный интерес не только в кругах шиитских теологов, но и в других слоях иранского общества.

Наиболее активный период деятельности Али Шариати — 1965—1973 гг. Именно тогда в Тегеране был создан новый теологический центр — «Хосейнийейе эршад». Несмотря на то что земля и средства для его строительства были предоставлены меценатом Мохаммедом Хомейном, а членами Совета учредителей вместе с Шариати были аятолла Мотаххари, моджахед Сахаби,

¹ «Хосейнийейе эршад» — специальное помещение, в котором во время молитвы происходит обряд оплакивания имама Хусейна. В обычные дни там ведутся религиозные беседы, читаются лекции по исламу и проходят дискуссии.

² *Akhavi Sh. Religion and Politics in Contemporary Iran.— Clergy-State Revolution in the Pehlevi Period.* 1980, № 4.

³ Аяндеган. 20.11.1979.

шиитский теоретик сейид Хосейн Наср и Мехди Базарган, подлинным вдохновителем и руководителем создания этого религиозного центра был именно Али Шариати. Его лекции-диспуты, на которых ставились не только чисто религиозные, но и социально-политические проблемы, связанные с обстановкой в Иране, давали мощный импульс для размышлений и активизации действий не только студентов-теологов, но и светской молодежи ⁴.

Лекции Али Шариати привлекали многочисленных слушателей, принадлежавших к духовенству, интеллигенции и студенчеству, — от правых и консервативных элементов до реформистски настроенных и радикалов. На его лекциях часто присутствовали и представители буржуазии. Но реакция на деятельность Али Шариати в «Хосейнийе эршад» не была однозначной. Шиитские богословы выражали недовольство тем, что Али Шариати читал слушателям высший курс мусульманской теологии, не имея звания моджтахеда и законного права на иджтихад. Они резко выступили против той характеристики, которую Шариати дал позиции шиитского духовенства в 60-е годы, обвинив его в пассивности. Протест вызывали и попытки Шариати создать новые формы богословского образования, и его доводы в пользу необходимости внесения некоторых изменений в структуру религиозных институтов ⁵.

---

⁴ *Akhavi Sh. Religion...*, с. 143—144; Кейхан. 16.10.1975.

⁵ *Akhavi Sh. Religion...*, с. 144.

Приложение 8

ОБЗОР СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМАМ «ИРАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1978—1979 гг.» И «ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН»

В марте 1979 г. в журнале «Коммунист» (№ 5) появилась статья П. Демченко «Крушение абсолютизма», в июне в том же органе (№ 9) — еще одна его статья: «Иран: становление республики».

В первой статье автор вводит в оборот выражение «восстание против монархии», говорит о «натиске народных масс» (с. 78). Затем, как бы суммируя факторы, которые привели к «крушению абсолютизма», он пишет: «Так сложное переплетение классовых, общенациональных, религиозных факторов создало условия для массового недовольства в стране, которое вылилось в *мощные выступления против самой шахской власти* (курсив наш.— *Ред.*)». Автор сообщает о том, что находившийся во Франции аятолла Хомейни 17 августа 1978 г. издал свою знаменитую фетву, «призывавшую к *свержению шахского режима* (оба раза курсив наш.— *Ред.*) и вызвавшую живой отклик на родине» (с. 81). И лишь в заключительном абзаце статьи в первый и единственный раз он вводит понятие «революция» в сочетании с определением «антишахская».

Статья П. Демченко интересна тем, что позволяет увидеть, как выглядела в зародышевом состоянии советская историческая мысль в вопросе об иранской революции 1978—1979 гг. Ведь в приведенных выше понятиях и положениях, взятых из этой статьи, по существу, намечены все параметры этой революции, вокруг которых в последующем завязалась дискуссия в работах советских авторов.

Интересна и вторая статья П. Демченко. Автор, в частности, пишет о зримых приметах «недавних бурных событий, в водоворот которых были вовлечены широкие массы — практически все слои иранского общества. Без преувеличения можно утверждать, что произошло поистине *общенародное восстание* (курсив наш.— *Ред.*), которое смело ненавистную монархию, ударив одновременно по ее американским и иным западным покровителям. В антишахское, антиимпериалистическое движение включились самые различные политические силы, что в значительной степени предопределило неожиданно быстрый и резкий исход февральских событий, покончивших с монархическим режимом» (с. 111). Есть в статье и понятие «революция» (с. 111).

Автор вводит в повествование понятие «режим»: «Началось становление нового режима. 1 апреля после проведенного референдума Хомейни официально провозгласил Иран Исламской республикой» (с. 113).

Вводит П. Демченко и понятие «этап»: «На первом этапе революции все политические группировки и классы, поднявшиеся на борьбу, объединились общими целями и лозунгами: „Долой шаха!“, „Долой американское засилье!“, „Долой САВАК!“, „Требуем демократии!“ и т. д. Проблемы социальные, региональные, даже религиозные оставались на втором плане, как бы отступив перед задачами общенационального масштаба. Сейчас, на новом этапе революции, эти проблемы все острее дают о себе знать» (с. 113—114).

Приведенный отрывок свидетельствует о том, что, по мнению автора, после свержения монархии революция продолжалась, но вступила в новый этап своего развития. Это одно из положений, которое, как будет показано ниже, получило в советской историографии (впрочем, не только в советской) широкое хождение, что, как мы считаем, принципиально важно. В связи с этим интересно привести такое сообщение автора статьи: «Трудящиеся не скры-

вают тревоги в связи с тем, что иранская буржуазия, представители которой заняли многие ключевые государственные посты, считает, будто революция уже достигла своих целей и *завершена* (курсив наш.— *Ред.*)».

Осенью 1979 г. в журнале «Народы Азии и Африки» (№ 3) появилась статья С. М. Алиева «Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране». Принципиальную оценку революции 1978—1979 гг. автор дал уже самым заглавием. В тексте статьи эта оценка дополнена тезисом о том, что «это подлинно народная революция» (с. 45).

В мае 1980 г. в журнале «Рабочий класс и современный мир» (№ 5) увидела свет еще одна статья С. М. Алиева — «Иранская революция 1978—1979 гг. и рабочий класс». Подтверждая ранее сделанные оценки, автор показывает в ней исключительно важную роль рабочего класса как одной из движущих сил революции, отмечая одновременно, что «в силу ряда обстоятельств иранский пролетариат не сумел стать гегемоном этой подлинно народной революции» (с. 104). Далее он пишет: «Наибольшую активность по организации массовых антишахских выступлений развило иранское оппозиционное духовенство, которому удалось к осени 1978 г. стать признанным гегемоном народного движения» (с. 107).

С. М. Алиев дает принципиально важное описание отношения новой власти к рабочему классу, отношения, которое, на наш взгляд, содержит ряд настораживающих (с точки зрения выявления сущности новой власти) моментов. Он пишет: «Рост классового сознания иранских рабочих и усиление их приверженности к левым (социалистическим) идейно-политическим течениям вызывает беспокойство не только у либеральной буржуазии, но и у религиозно-политических и близких к ним деятелей из среды новых руководителей Ирана. Они прилагают большие усилия, с тем чтобы „уберечь“ рабочих от влияния левых организаций. Делаются попытки путем введения новых законов и инструкций урезать право рабочих на забастовки. Правительство М. Базаргана в июле 1979 г. утвердило проект министерства труда и социальных дел о создании „специальных сил“, которые могли быть использованы для „упорядочения трудовых отношений“. Левая печать охарактеризовала этот „закон“ как открыто враждебный акт по отношению к рабочим. Правительственные учреждения и комитеты, в деятельности которых нередко ведущая роль принадлежит религиозным деятелям, всячески стремятся препятствовать контактам рабочих организаций с левыми партиями. По их настоянию в созданные на многих предприятиях советы и профсоюзные организации кооптируются религиозные и политические деятели, не связанные с производством» (с. 111).

Рассматриваемая статья содержит и ответ на интересующий нас вопрос: продолжалась ли революция в период, начавшийся после свержения монархии? Автор, имея в виду этот период, пишет: «...с уверенностью можно утверждать, что *продолжающийся революционный процесс* (курсив наш.— *Ред.*) стимулирует дальнейший рост политической сознательности рабочих» (с. 111).

В ноябре 1980 г. в журнале «Азия и Африка сегодня» (№ 11) была опубликована третья статья С. М. Алиева — «Проблемы политического развития Ирана». В ней анализируется происходившая в послереволюционном Иране борьба различных идейно-политических течений в обстановке, по мнению автора, *продолжающегося революционного процесса*. Отметив, что, несмотря на благоприятные обстоятельства, после победы революции религиозно-политическим и мелкобуржуазным деятелям, твердым сторонникам исламского государства, сразу не удалось полностью сосредоточить власть в своих руках, автор пишет: «...уже в первые месяцы из рядов нового политического руководства начали постепенно выделяться две группировки, что соответствует формированию двух основных идейно-политических течений первого послереволюционного периода — революционно-мелкобуржуазного, имеющего сильную исламскую окраску, и либерально-буржуазного» (с. 16).

Как отмечает автор, представители правящей буржуазии, выразителями интересов которой были М. Базарган и его сподвижники, «опасались последствий *продолжающегося революционного процесса* (курсив наш.— *Ред.*), в котором все рельефнее давала о себе знать антикапиталистическая тенден-

ция. Они намеревались сохранить буржуазный характер верховной власти в Иране» (с. 16).

Естественно, возникает вопрос: в ком были персонифицированы антикапиталистические тенденции и во что могла обернуться ликвидация этих тенденций? Представляется, что статья заключает в себе ответы на поставленные вопросы: «Большую надежду либеральная буржуазия и правые силы в целом возлагают на империалистические державы, намереваясь при их поддержке и при содействии недовольной новой властью части армейской верхушки отстранить Хомейни и его последователей от руководства и приостановить революционный процесс в Иране (курсив наш.—Ред.)» (с. 18).

Автор статьи затрагивает и вопрос о том, можно ли иранскую революцию 1978—1979 гг. считать исламской. Следует отметить, что вопрос этот весьма важен. С. М. Алиев пишет, что захват оппозиционными монархии религиозными лидерами руководства народной деятельностью (особенность революции) «не может стать доводом для выдвижения ошибочного в своей основе тезиса об исламском характере иранской революции 1978—1979 гг. Несмотря на значительную роль религиозных деятелей, иранская революция, естественно, не была движением религиозным». Он обосновывает это суждение следующими доводами: «Уже на первом этапе своего развития массовые выступления „традиционных“ средних городских слоев и близких к ним социальных сил объективно вели к крушению устоев проимпериалистического и антинародного режима, расчищая дорогу для демократии и движения против развития „по западному образцу“» (с. 108).

В 1981 г. вышла в свет книга С. Л. Агаева «Иран в прошлом и настоящем». Как отмечено в краткой аннотации к ней, в книге «в научно-популярной форме предпринята попытка историко-социологического обобщения основных проблем общественного развития Ирана со времени возникновения в нем элементов капиталистических отношений в конце XIX в. и вплоть до наших дней. Главное внимание уделяется тем особенностям социальной и политической эволюции страны, которые определили своеобразное соотношение традиционных и современных элементов в антимонархической и антиимпериалистической революции конца 70-х годов XX в.»

Во Введении к книге кроме уже приведенных характеристик революции автор добавляет «подлинно народная» (с. 3). Собственно революции посвящена последняя, шестая глава — «Век нынешний и век минувший». Начав изложение вопроса с характеристики внутривнутриполитического кризиса монархии в середине 70-х годов, автор проводит читателя через всю революцию 1978—1979 гг. и послереволюционный период вплоть до осени 1981 г.

Как явствует из изложения, для автора как дофевральский период, так и послефевральский — это начавшаяся и продолжающаяся революция. Иначе говоря, и после свержения монархии революция продолжается. Характеристику параметров революции (в принятых им временных рамках) он дает в Заключении. Она такова: «Народная по многоклассовому характеру, движущим силам и методам борьбы, антимонархическая и антиимпериалистическая по основной направленности, буржуазно-демократическая по назревшим задачам (при определенных антикапиталистических тенденциях), исламская по руководящей роли духовенства и организационно-идеологической основе, эта революция в своем развитии прошла две крупные, многоэтапные фазы» (с. 261—262). Таким образом, по мнению автора, с падением монархии завершилась антимонархическая фаза революции, но отнюдь не сама революция.

В соответствии с таким подходом автор продолжает: «После победы февральского вооруженного восстания, решившего основные проблемы антимонархической фазы революционной борьбы (а тем самым антимонополистические и некоторые антиимпериалистические задачи), пришедшее к власти духовенство направило революцию в такое русло, в котором усилия по институционализации ее исламских организационных и идеологических форм могли бы определять главное содержание антиимпериалистического народного движения» (с. 262).

Автор признает, что описанная им вторая многоэтапная фаза революции — это поворот, но, по его мнению, не сводящий общество с рельсов революции. «Подобный поворот,— пишет он,— был вполне закономерным для этой со-

циальной прослойки (духовенства.— *Ред.*), оказавшейся в силу объективных исторических условий во главе революционной борьбы и преломлявшей общенациональные цели сквозь призму собственных корпоративных интересов» (с. 262).

В связи с таким подходом естественно возникает вопрос: насколько крутым может быть этот поворот при условии, что революция продолжается? Ответ на него есть у автора, хотя высказан он в несколько иной связи: «При таком положении название „исламская революция“ применительно к послефевральскому периоду имеет вполне определенный, конкретный смысл: углублялась не столько социальная суть революции, сколько ее организационно-идеологическая основа — от происламско-либеральной к исламско-радикальной и, наконец, фундаменталистской» (с. 262). Поворот поистине предельно крутой, но тем не менее, оказывается, не приводящей к утрате революционности, судя по тому, как оценивает ситуацию автор.

«В соответствии с этим,— продолжает он,— руководящие деятели Исламской Республики не без оснований подразделяли указанный период на три этапа: первый отсчитывался с момента утверждения у руля государственного правления в феврале 1979 г., второй — со дня отстранения от власти правительства Базаргана в ноябре того же года, третий — со времени смещения президента Банисадра в июне 1981 г. Но этапы „исламской революции“ — это, в сущности, этапы кризиса народной, антиимпериалистической революции, который, собственно, и составляет основную характерную черту ее послефевральской фазы» (с. 262). Таким образом, продолжающаяся революция, кризис революции, кризисное состояние революции, не остановка, но революция, подмятая контрреволюцией и тем самым сошедшая на нет.

Отметим, что в книге используется понятие «новый режим». Категория «гегемон революции» не введена в оборот, хотя уже из приведенных отрывков явствует, что гегемоном автор считает духовенство.

Книга С. Л. Агаева явилась первым крупным трудом в советской историографии иранской революции 1978—1979 гг. В ней, так же как в статьях П. Демченко и С. М. Алиева, проводится мысль, что революция продолжалась и после свержения монархии.

В мае 1982 г. в журнале «Коммунист» (№ 10) опубликована статья Р. А. Ульяновского «Иранская революция и ее особенности». В ней широко даны параметры революции. Автор пишет: «...подытоживая все сказанное о характере иранской революции, ее можно определить следующим образом: по движущим силам, методам борьбы и всеобщим требованиям социальной справедливости — как народную и потому демократическую; по основной направленности — как антимонархическую, антиимпериалистическую и остро антиамериканскую; по социальной сути — как буржуазную (поскольку проявившиеся в ней определенные антикапиталистические тенденции пока что остались нереализованными); по идеологической форме и руководящей роли шиитских богословов — как исламскую» (с. 110—111). Нетрудно увидеть, что эти определения практически полностью совпадают с оценками С. Л. Агаева.

Существенно важно привести здесь небольшую цитату, связанную с категорией «исламская революция». Р. А. Ульяновский пишет: «...после победы вооруженного восстания в феврале 1979 г. духовенство, руководившее революцией, исходя из собственных интересов, сделало все от него зависящее, чтобы закрепить, институционализировать ее исламские организационные основы и идеологические формы. При таком положении термин „исламская революция“ приобретает и государственно-правовое значение» (с. 111). Представляется, что в этом суждении допущено смещение категорий. Аргументация автора работала бы на полную мощность, если бы была использована для объяснения начавшегося сразу же после прихода духовенства к власти формирования «исламского режима». Последний действительно вряд ли можно было бы создать без институционализации «исламских организационных основ и идеологических форм».

В статье нарисована яркая картина деятельности шиитского духовенства после захвата им власти. Автор пишет: «Шиитское духовенство закрепляет, конституирует, монополизировать свою власть, отрицая все силы оппозиции, давая им не только идейный, но и вооруженный отпор, прибегая к террору».

(с. 111). Какой же отсюда он делает вывод? Вот что он говорит по этому поводу: «Тем более классовый подход к послефевральским событиям в Иране не может опираться на их оценку как явления исключительно клерикального характера. Ведь духовенство в конечном счете объективно продолжало осуществлять и вполне определенные классовые цели. Весь комплекс проведенных до сих пор социально-экономических мероприятий нового режима отвечает в основном интересам мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала, оттеснившего от экономической власти узкую группу крупных финансово-промышленных магнатов» (с. 111). Здесь вне поля зрения автора осталось то обстоятельство, что завоевание власти духовенством должно было и осталось его самоцелью и подрядилось оно в защитники «мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала» потому, что в рассматриваемую пору оно могло сохранить власть в своих руках лишь при том условии, что будет служить (или делать вид, что служит) именно этим слоям. Поэтому, «отрицая все силы оппозиции, давая им не только идейный, но и вооруженный отпор, прибегая к террору», оно руководствовалось стремлением сохранить власть в своих руках и, как отмечает сам автор, монополизировать ее.

Как бы предвосхищая наше намерение, автор там же пишет: «В этой связи возникает вопрос: завершилась ли иранская революция с победой вооруженного восстания в феврале 1979 года» — и сам отвечает на него: «На наш взгляд, следует считать, что это восстание завершило лишь антишахскую фазу революционной борьбы, за ней последовала фаза борьбы внутри самого революционного (оба раза курсив наш.— *Ред.*) лагеря за выбор пути дальнейшего развития; поскольку же эта борьба происходила при исключительных преимуществах духовенства, имевшего массовую политическую и военную опору и возможность пользоваться рычагами государственного правления, постольку оно смогло постепенно направить революцию в такое русло, где усилия по закреплению исламских организационных основ и идеологических форм определяли бы главное содержание антиимпериалистического народного движения. Ввиду этого новую, послефевральскую фазу политической борьбы можно определить как критический пункт революции, как ее временный кризис. Но кризис революции — это тоже революция. Или она отступает, или продвигается вперед» (с. 111).

Представляется, что даже патетика последних двух фраз не может изменить того обстоятельства, что Р. А. Ульяновский, описывая деятельность энергично формирующего «исламский режим» духовенства, для которого революция, ликвидировавшая монархию, оказалась подобной «мавру, сделавшему свое дело», видит в его деятельности, увы, проявление революции и революционности, а в лице «бесспорного руководителя революции» (с. 111) аятоллы Хомейни — одного из членов «революционного лагеря».

Как и С. Л. Агаев, автор рассматриваемой статьи в «новой фазе революции», т. е. в периоде, последовавшем за свержением монархии, находит три этапа: первый, завершившийся «отстранением от власти правительства Базаргана в ноябре 1979 г.», второй, закончившийся отстранением Банисадра в июне 1981 г., и третий, «начавшийся острыми столкновениями между закрепившими свое политическое господство богословскими шиитскими силами и рядом леворадикальных и революционно-демократических организаций» (с. 112). При этом результатом третьего этапа стало установление «единовластия духовенства и его наиболее активных сторонников» (с. 112).

Поскольку рассматриваемая статья вышла в свет в мае 1982 г., для ее автора могло остаться неизвестным, когда закончился «третий этап новой фазы революции». Но эта дата делает очевидным, что автор не мог не знать о беспощадной расправе «исламского режима» с наиболее влиятельной в идеологическом отношении и лучше всех вооруженной политической организацией — Организацией моджахедов иранского народа (ОМИН); разгром режим осуществил силами Корпуса стражей исламской революции¹.

¹ Здесь уместно привести весьма примечательное свидетельство бывшего посла СССР в ИРИ. В. М. Виноградова. «Вскоре после революции, в конце февраля — начале марта, — пишет он, — стало постепенно создаваться особое вооруженное формирование — „исламская гвардия“ — впоследствии она пре-

Правда, отголосок этого события присутствует в статье, но материал изложен до такой степени расплывчато, что без специальных знаний можно не понять, что, собственно, произошло. Автор пишет: «На этом этапе прямое вовлечение масс в политическую борьбу было дополнено использованием созданных ранее новых вооруженных формирований, безраздельно преданных духовенству» (с. 112). Не касаясь всевозвешенного «прямого вовлечения масс в политическую борьбу» на этом этапе, посмотрим, к чему, по автору, привело использование «безраздельно преданных духовенству» вооруженных формирований. «Подлинно народный характер революции,— пишет Р. А. Ульяновский,— стал меняться, ее широчайшая основа — сужаться, от нее стали отходить те, кто разочаровался в руководстве и его лозунге „общества исламской справедливости“. Окончательно выявилась постепенно обнаруживавшаяся тенденция: чем больше укреплялась новая организация власти с ее специфическими чертами (чему правящее духовенство уделяло первостепенное внимание), тем быстрее происходил размыв устоев революции как революции истинно народной, антиимпериалистической и демократической, тем меньше оставалось надежд на осуществление ее социальных целей, на удовлетворение коренных интересов миллионов масс иранского народа» (с. 112).

Тем не менее, по автору, и в это время иранское общество переживало «третий этап новой фазы революции». Думается, что в лапидарной форме позицию автора можно охарактеризовать следующим образом: «Революции нет, но она есть».

В январе 1983 г. в журнале «Новое время» (№ 2) была помещена статья Д. Вольского с примечательным заголовком: «Революция на перепутье». В ней отмечается, что миллионы советских людей увидели в иранской революции «торжество справедливости, проявление закономерного поступательного хода истории» (с. 13). Анализируя внутривнутриполитическую обстановку, автор вынужден писать о «значительной части самого шийтского духовенства, напуганной перспективой радикализации революции и чем дальше, тем больше проявляющейся стремление ее обуздать — если не повернуть вспять» (с. 14). В процессе дальнейшего анализа он, как бы подводя итог, пишет: «...Итак, спустя четыре года после свержения шахского режима иранская революция оказалась на сложном и опасном перепутье. Это по-своему закономерно, если учесть аморфность исламских лозунгов, под которыми развернулась революция, классовую разнородность участвовавших в ней на первых этапах сил» (с. 15). Таким образом, и Д. Вольский считает, что иранская революция продолжалась и после свержения монархии и что спустя четыре года она лишь оказалась на перепутье. О том, что это лишь драматическая ситуация, в которой оказалась продолжающаяся революция, свидетельствует следующее суждение автора: «Ее дальнейшее развитие во многом зависит от того, сумеют ли подлинно народные силы Ирана, включая и леводемократические организации, и миллионы правоверных мусульман, и многих их пастырей,— найти почву для единства действий» (с. 15).

В советской историографии первой книгой, посвященной иранской революции 1978—1979 гг., оказалась работа А. Б. Резникова «Иран: падение шахского режима» (предисловие и общая редакция профессора Р. А. Ульяновского), вышедшая в свет в 1983 г., когда автора уже не было в живых. Точнее,

вратилась в „корпус стражей исламской революции“ ...Поначалу „корпус стражей исламской революции“ был организацией полутайной, однако слухи о нем распространились быстро. Посол одной из западных стран как-то спросил Бехешти, что это за организация. Тот усмехнулся в усы и, видимо желая, чтобы его лучше поняли, совершенно серьезно сказал: „А это наши эсэсовцы“. Посол, социал-демократ по убеждениям, был невероятно шокирован этим „пояснением“. Впрочем, по существу, Бехешти был недалек от истины. „Корпус стражей исламской революции“, настроенный резко антикоммунистически и анти-советски, стал одной из примечательных особенностей и основ исламского правления. Сначала его использовали в борьбе с контрреволюцией (видимо, имеются в виду монархисты.— *Ред.*), а затем и с теми, кто революцию делал...» (Виноградов В. От шаха до Хомейни. Записки посла.— Знамя. 1987, № 2, с. 193—194).

эта книга охватывает последние 40 дней существования монархии (январь—февраль 1979 г.). Тем не менее она содержит достаточно полную характеристику параметров революции 1978—1979 гг. Кроме того, книга А. Б. Резникова стала отправным пунктом своеобразной научной дискуссии по вопросам революции. Научный обмен мнениями начат был уже в рамках самого этого издания, поскольку автор предисловия высказал ряд положений, отличающихся от суждений самого А. Б. Резникова. В последующем ряд точек зрения, разнящихся от мнения А. Б. Резникова, изложил на страницах научной печати и С. Л. Агаев.

Если задаться вопросом, какими чертами наделил иранскую революцию А. Б. Резников, то в рассматриваемой работе имеются такие определения, как «народная» (с. 14), «антишахская», «антиимпериалистическая» (с. 156). Однако в ней же мы найдем и такую фразу: «Если... мы назовем иранскую революцию антимонархической и антиимпериалистической, то мы не скажем ничего, кроме того, что бросается в глаза — то, что революция была направлена против шаха, империализма; это знали все, и ее участники в том числе» (с. 156). Уже это заявление позволяло надеяться, что автор предложит читателям целую совокупность параметров рассматриваемой революции, и они действительно содержатся в книге.

От рассмотренных выше работ советских авторов книга А. Б. Резникова отличается пристальным вниманием к социальному содержанию революции 1978—1979 гг., к той социальной потенции, которую содержали те или иные «компоненты» ее движущих сил. Представляется, что именно этим обстоятельством можно объяснить то несколько эксцентричное заявление («это знали все»), которое мы привели выше.

После ряда суждений, которые мы предложим читателям ниже, автор писал: «Итак, если иметь в виду ее противников, то это была антишахская и антиимпериалистическая революция. Если же обратить внимание на могучий социальный заряд, содержащийся в ней, и особенно в требованиях и деятельности организаций рабочего класса, и нашедший выражение в требовании „справедливого общественного строя“, то это было одно из тех революционных движений, направленных на социальное преобразование, которые и в прошлом часто возникали как реакция на бурный и убийственный капиталистический прогресс, но не одерживали даже политической победы (например, народное движение в Англии периода чартизма, носившее антикапиталистический характер)» (с. 156—157).

Интересно посмотреть, что же предшествовало этому заявлению автора, и не менее интересно — что последовало за этим.

«Иранская революция была не чем иным, как наивысшим обострением классовой борьбы», — писал А. Б. Резников в связи с тем, что в литературе (как отметил он на с. 155) встречаются утверждения, что иранская революция не была исламской, — но вместе с тем, как нам представляется, термин „исламская революция“ вполне применим к тому, что произошло в Иране». После этого А. Б. Резников разъяснял, в каком смысле этот термин применим к иранской революции, а в каком неприменим. Почему же, по его мнению, иранскую революцию 1978—1979 гг. можно именовать „исламской“? А вот почему: «Интегрирующей идеологией революции был ислам; политическое руководство ею осуществляло шиитское духовенство; лозунгом революции был „справедливый исламский строй“; главной организационной ячейкой, где массы проходили идеологическую и политическую подготовку в антирежимном духе, была мечеть; политические организации буржуазии открыто признавали гегемонию духовенства — все это дает основания к тому, чтобы считать: в Иране произошла „исламская революция“».

Каждый из приведенных А. Б. Резниковым признаков сам по себе верен. Но вывод, который делает он из их совокупности, представляется неприемлемым. Перечисленные им признаки вовсе не свидетельствуют об „исламской революции“, они лишь позволяют понять, какими средствами духовенство сумело завоевать положение гегемона революции.

А почему иранскую революцию нельзя именовать или считать «исламской»? «Но толковать этот термин так, — писал автор, — будто революция привела к установлению в Иране того строя, который предначертан в исламе,

абсолютно неправильно» (с. 156). Да, действительно нельзя, ибо установившийся в Иране после падения монархии «исламский режим» был не плодом революции (она такой цели не ставила), а результатом захвата и удержания власти шиитскими богословами.

Резюмируя все сказанное выше, отметим, что применительно к иранским событиям введение в оборот термина «исламская революция» неправомерно уже потому, что иранская революция была движением не религиозным, а социально-политическим и специфика революции заключалась, в частности, в том, что ее гегемоном по ряду причин стало шиитское духовенство. Заметим также, что ведущими лозунгами, под которыми выступали многомиллионные массы, были «Марг бар шах!» («Смерть шаху!») и «Аллаху акбар!» («Аллах велик!»). Заметим также, что лозунг «Смерть шаху!» был выдвинут самим Хомейни (при этом история позволяет назвать точную дату рождения этого лозунга — 17 августа 1978 г.). Читателю же зададим вопрос: в нарушении каких догм ислама, которые не нарушались бы самим шиитским духовенством за десятилетнюю историю ИРИ, можно обвинить Мохаммеда Резу Пехлеви?

Что касается оценки требования «справедливого общественного строя», то и здесь необходима большая научная осторожность, если у исследователя возникает желание увидеть в нем антикапитализм: хорошо бы помнить о том, что в развитых капиталистических странах по сию пору выдвижение пролетариатом и средними слоями требования «справедливого общественного строя» вполне совмещается с тем, что во время выборов в законодательные органы эти социальные слои отдают свои голоса отнюдь не тем, кто посвятил свою жизнь борьбе за создание действительно справедливого общественного строя.

А теперь зададимся вопросом, считал ли А. Б. Резников иранскую революцию 1978—1979 гг. хотя бы буржуазной («хотя бы» потому, что мы не говорим «буржуазно-демократическая»). На это в книге есть прямой ответ: «Было бы неправильно и необоснованно называть иранскую революцию буржуазной. Развитие Ирана по буржуазному пути отнюдь не ускорено в результате этой революции, буржуазия отнюдь не пришла к политической власти, да она и не осуществляла политического руководства революцией. Кроме того, идеология революции содержала на массовом уровне гораздо более мощный социальный заряд, гораздо более явный порыв к социальным изменениям, к переустройству общества, чем это бывало в буржуазных революциях прошлого» (с. 156).

Известно, что характер революции определяется целями, ради достижения которых она совершается. В нашей монографии сделана попытка доказать, что революция была совершена ради получения буржуазных свобод (и политических, и социальных, и экономических; и монополистической буржуазией, и мелкой буржуазией, и рабочим классом, и городскими низами). Поэтому она была буржуазно-демократической. То обстоятельство, что она не ускорила буржуазного развития страны, объясняется тем, что революция эта после свержения монархии была задушена шиитскими богословами. Отсутствие руководства революцией со стороны буржуазии отнюдь не мешает тому, чтобы определять характер революции по ее целям (тем более если известно, почему буржуазия не осуществляла политическое руководство революцией).

Из приведенной выше цитаты явствует, что А. Б. Резников, не находя возможным квалифицировать революцию 1978—1979 гг. как буржуазную, вместе с тем считал ее чем-то большим, чем буржуазная. Почему? Потому, что «слишком могучей силой был рабочий класс Ирана, чтобы революция в этой стране не явилась результатом социальных чаяний народа» (с. 156). Таким образом, революция не была буржуазной, потому что она была чем то большим, чем просто буржуазная. В то же время в ней не хватало чего-то, что позволило бы поднять ее оценку на принципиально более высокую ступень. И автор, поступая верно, этого не сделал.

Так все же какой, по мнению А. Б. Резникова, была иранская революция 1978—1979 гг.? Прямой и недвусмысленный ответ на этот вопрос в рассматриваемой книге содержится. Автор не уклонился от ответа. «...Лучше всего, — отметил он, — будет назвать ее народной революцией, социальные устремления которой остались нереализованными, хотя тяга к „справедливому общественному строю“ была, конечно, выражением антикапиталистического порыва

трудящихся» (с. 157). Оценка этой революции как народной сама по себе представляется вполне справедливой. Однако обоснование такой оценки бьет мимо цели, поскольку скорее относится к характеристике ее движущих сил.

И последний вопрос. По мнению А. Б. Резникова, революция завершилась со свержением монархии. Все, что произошло после, не было революцией. Приведем соответствующее высказывание его: «...если говорить о фундаментальных свойствах иранской революции, то они были теми же, что и в любой другой демократической, антииранической революции: то же соединение усилий (кажущаяся слитность) различных классов на начальной стадии борьбы (иранская революция прервалась, как только был завершен этот этап); та же выдающаяся роль трудящихся классов, и прежде всего рабочего класса; тот же антиугнетательский порыв; то же стремление выйти за пределы, указанные политическим гегемоном из нетрудовой прослойки (в Иране революция сумела преодолеть пределы, указанные ей духовенством, несмотря на то, что это последнее удерживало в своих руках руководство ею более прочно, чем любая буржуазная партия в любой буржуазной революции)» (с. 148). И еще одна выдержка, на сей раз касающаяся непосредственно духовенства как гегемона революции: «...прися в результате революции к власти, мусульманское духовенство не допустило дальнейшего сдвига движения влево и успешно блокировало революционный порыв более радикальных сил. Иными словами, в истории трудно найти пример сочетания, соединения столь последовательного и яростного руководства революцией с таким эффективным ее блокированием после достижения возглавляющей группировкой своих целей» (с. 139).

Прямее, пожалуй, не скажешь. Мы полностью солидаризируемся с этим мнением. Остается лишь сказать, что приведенные суждения были высказаны не позднее чем в конце 1980 г. (поскольку А. Б. Резников ушел из жизни в декабре 1980 г.), т. е. в пору, когда исламский режим лишь начинал показывать свое обличье, и потому нет никаких оснований говорить, будто автор был умен задним числом.

Если для А. Б. Резникова иранская революция, задушенная духовенством, завершилась с падением монархии, то для автора предисловия, Р. А. Ульяновского, она даже ко времени выхода книги в свет (сдана в набор 10 марта 1983 г., подписана к печати 31 мая 1983 г.) все еще продолжалась. Так, в первом абзаце предисловия он пишет: «Принципиальной особенностью данной революции было то, что ее идеологической и организационной основой явилась шиитская ветвь ислама, имеющая традиционно антимонархическую направленность; это отнюдь не исключает ее репрессивного характера в отношении левых и демократических сил» (с. 3). Как выясняется из заключительных абзацев предисловия, выражение «отнюдь не исключает» отнюдь не является прогнозом его автора. Р. А. Ульяновский пишет: «Нельзя не сказать о начавшихся вскоре после свержения шахского режима процессах, наносящих ущерб иранской революции». Далее, живописуя мрачную картину внутренней и внешней политики «богословского руководства», он сообщает читателю: «На этой почве растет недовольство широких народных масс, на что власти отвечают жесточайшими репрессиями: десятки тысяч моджахединов и федаинов² — главных участников революции, свергнувших шахский режим, изгнавших американских империалистов, разоруживших шахскую армию и разогнавших САВАК, подвергли кровавым расправам. Богословский деспотизм готовится уничтожить Народную партию Ирана, стоящую на позициях научного социализма». И все же революция, по мнению автора предисловия, продолжается. «Иранский народ,— пишет он,— своего последнего слова не сказал. Пусть оно будет сказано позже или раньше, это зависит от многих исторических обстоятельств, но оно *будет* сказано, и именно тогда окончательно определится путь развития иранской революции» (с. 12).

В данном обзоре, подчеркивая приверженность некоторых авторов точке зрения, согласно которой иранская революция 1978—1979 гг. продолжалась

² Следует писать «моджахедов» и «федаев», так как «моджахедин» и «федаин» уже представляют собой множественное число от этих слов. К сожалению, такое «удвоенное» множественное число довольно прочно вошло в нашу прессу и, как видим, даже в научную литературу.

и после свержения монархии, мы поступаем так не оттого, будто нам неизвестно, что революциям (во всяком случае, некоторым) свойственны и забегание вперед, и откат. Дело в ином: то, что произошло в Иране, не было ни забеганием вперед (свержение монархии), ни откатом (деятельность сформировавшегося в результате захвата власти шиитскими богословами «исламского режима»). Революция победила (свержение монархии), и тут же ее стали души и задушили. В данном случае этот трагический феномен нельзя квалифицировать как откат потому, что власть захватил тот социальный слой, который, даже взятый в мировом масштабе, не играл в естественноисторическом процессе роль демиурга. В буржуазных революциях политическим откатам вряд ли сопутствовал откат экономический. А между тем в Иране произошло именно это. Шиитский эгалитаризм звал массы (в основном мелкобуржуазные и пауперизированные) не к равенству будущего, а к равенству прошлого (если только оно когда-либо существовало). Между прочим, иллюстрацию к высказанным словам мы можем взять, как ни странно, из предисловия к книге А. Б. Резникова. Так, толкуя суждения А. Б. Резникова, его автор пишет: «Социальный консерватизм религиозных деятелей не противоречил, а даже в известном смысле совпадал с устремлением масс, поскольку сохранение традиционных условий, выгодных главным образом духовенству, огромному большинству населения Ирана, на первый взгляд казалось гораздо более приемлемым, чем шахские нововведения...» (с. 8). Вряд ли есть необходимость доказывать, что «социальный консерватизм религиозных деятелей» был и социально-экономическим консерватизмом и уже поэтому данный социальный слой не мог быть заинтересован в естественноисторическом процессе развития иранского общества.

И последнее. Автор предисловия пишет: «...в отличие от своих предшественниц в других азиатских странах она (иранская революция.— *Ред.*) свершилась на относительно более высокой стадии общественного развития, т. е. при значительной роли трудящихся. Та разнвариантность общественного развития, которую влечет за собой этот тип общедемократической революции, по всей вероятности, не исключение и для Ирана. Во всяком случае, еще нет оснований считать путь капиталистического развития этой страны окончательно определившимся» (с. 12). По нашему же мнению, путь этот для Ирана вполне определился. Другое дело, что социалистическая революция ему не заказана, и говорить об этом нет основания стесняться.

В мае 1984 г. в журнале «Азия и Африка сегодня» (№ 5) опубликована статья С. Л. Агаева «О понятии и сущности „исламской революции“». Уже из названия статьи явствует, что в ней рассматривается вопрос, имеющий в рамках социально-политической проблематики стран мусульманского Востока общеметодологическое значение. Мы подойдем к рассмотрению статьи С. Л. Агаева с двух точек зрения: считает ли автор возможным применять понятие «исламская революция» к иранской революции 1978—1979 гг. и полагает ли он, что революция не завершилась со свержением монархии.

Автор статьи пишет: «...более или менее полное и точное определение понятия и сущности „исламской революции“ требует глубокого, методологически выдержанного подхода не только к событиям 1978—1979 гг., но и к последующим этапам развития революционного процесса в Иране, единственной мусульманской стране, где то, что выражается термином „исламская революция“, приобрело в какой-то мере черты объективной реальности». Заметим, что приведенная цитата уже дает косвенный ответ на один из поставленных нами вопросов: С. Л. Агаев по-прежнему считает, что революционный процесс в Иране продолжался и после свержения монархии.

Автор вводит в инструментарий анализа новое понятие — «исламский аспект» (иранской революции). Оно представляется нам удачным, потому что помогает исследователю найти именно ту «полочку», на которую можно и нужно положить все то, что в этой революции было связано с исламом и его служителями. Это прежде всего то обстоятельство, что духовенство стало гегемоном революции, причем, говоря словами А. Б. Резникова, мечеть оказалась «главной организационной ячейкой», где массы проходили идеологическую и политическую подготовку в нужном для духовенства духе.

Для нас очень важно, что, вводя понятие «исламский аспект», С. Л. Агаев

подчеркивает ограниченную значимость его в период до февраля 1979 г. Он пишет, что до этого времени «исламские аспекты иранской революции еще не отражались каким-либо действенным образом на ее народном, демократическом характере» (с. 28). Таким образом, он даже эту категорию как бы приберегает для постмонархического периода, как он считает, развития революционного процесса.

Ограниченную значимость «исламского аспекта» в революции 1978—1979 гг. он обосновывает трояко: «Во-первых, нет оснований абсолютизировать лидирующую роль духовенства в иранской революции: в самые решающие и критические моменты революционной борьбы не Хомейни руководил массами, а они увлекали его. Во-вторых, было бы необоснованно полагать, что мобилизация масс на революционную борьбу осуществлялась путем апелляции к официальной шиитской доктрине». Развивая свою мысль, автор вводит здесь новое, важное по своей функциональной нагрузке понятие. «Основную роль в этом,— пишет он,— сыграли *народные аспекты религии* (курсив наш.— *Ред.*), в частности ритуалы и мистерии, представлявшие „страсти“ мучеников-шиитов. Хотя указанные аспекты религии имели мало общего с официальной шиитской доктриной, это не помешало Хомейни их использовать. В-третьих, организационной ячейкой революции была не только мечеть, но — хотя и в меньшей степени — также такие институты, как университет, базар и т. д.»

Читатель, должно быть, заметил, что С. Л. Агаев в приведенных выше строках разделяет официальную шиитскую доктрину и народные аспекты религии. Не касаясь того, что народные аспекты шиизма покоятся на официальной шиитской доктрине (более того, они имеют своим содержанием эту официальную доктрину), отметим, что автор испытывает потребность, развивая свою мысль, сделать ударение именно на народных аспектах ислама.

В связи с этим (а также в связи с вопросом о том, состоятельно ли понятие «исламская революция») заметим следующее. Ранее мы уже говорили, что массы штурмовали монархию под лозунгами «Смерть шаху!» и «Аллах велик!». Здесь скажем, что второй лозунг в сочетании с первым означал (если брать суть, а не дословное значение): «правое дело победит» или «справедливость восторжествует». Есть смысл обратить внимание на то, что ни шаху, ни двору в целом не было инкриминировано нарушение ни одного из пяти основополагающих принципов («пяти столпов») ислама. Уже поэтому революция не имела религиозного содержания, и соответственно неправомерно само понятие «исламская революция».

Есть и другой, не более сложный прием, применив который мы придем к такому же выводу. Поставим вопрос: что совершил Ш. Бахтияр, будучи назначен шахом на пост премьер-министра, и о каких своих намерениях заявил (в январе 1979 г.), чтобы сбить натиск масс и оторвать их от духовенства и духовенство от них? Он провозгласил свободу печати, свободу партийной деятельности, провел через меджлис и сенат законопроект о частичном роспуске САВАК, освободил из тюрем политических заключенных. Его программа предусматривала ограничение деятельности армии ее основной функцией — защитой независимости Ирана и нерушимости его границ, — постепенную отмену военного положения, резкое сокращение закупок оружия, выход из СЕНТО, отказ от роли жандарма в Персидском заливе, отказ от продажи нефти Израилу. Кроме того, он обещал управление землями, принадлежавшими мечетям и другим религиозным учреждениям, передать духовенству. Что было в этих действиях и обещаниях, удовлетворявших требования масс от религии? Да ничего, и это понятно, потому что революция не была религиозной.

После этого небольшого отступления сообщим читателю, что, заключая одну из частей своей статьи (ту, из которой были приведены цитаты), С. Л. Агаев пишет: «Таким образом, *применительно к событиям 1978 — февраля 1979 года* (курсив наш.— *Ред.*) термин „исламская революция“ отражает главным образом те стороны иранской революции, которые с известной долей условности можно отнести к ее формам (или характеризовать как ее формальные признаки). Если попытаться выразить эту мысль короче, то можно (с неизбежным в таком случае риском упасть в некоторое упрощение) сказать: революция в Иране в 1978 — феврале 1979 года была народной, демократической по характеру, исламской по форме» (с. 28). Итак, «исламская по фор-

ме» — это максимум, что считает возможным С. Л. Агаев отпустить революции в Иране.

Если учесть все оговорки, которые сделаны в этой статье, и если воспринимать понятие «исламская революция» как поясняющее одну из специфических сторон иранской революции 1978—1979 гг., но не как ее сущностную характеристику, то с мнением автора можно и согласиться.

Продолжая свой анализ, С. Л. Агаев пишет: «Рассмотрим теперь вопрос о том, в каком смысле термин „исламская революция“ применим к политическим событиям в Иране в последующий период — после февраля 1979 г. По этому вопросу в литературе не высказывалось прямых суждений, поскольку указанный период практически все авторы полностью выводят за рамки революционного процесса в Иране» (с. 28).

Здесь мы нарушим хронологическую последовательность изложения и сообщим читателю следующее. В 1986 г. в двух номерах (№ 3 и 4) журнала «Азия и Африка сегодня» была опубликована статья А. З. Арабаджяна «Иранская революция: причины и уроки». В ней дан прямой ответ на поставленный С. Л. Агаевым вопрос. Ее автор вообще не использует понятие «исламская революция». Он считает, что иранская революция завершилась падением монархии (12 февраля 1979 г.). Все, что последовало за этим, он называет процессом формирования «исламского режима»: «С этого времени в недрах все еще бурлившей революции начался процесс формирования „исламского режима“, которому шиитские богословы дали название „исламская революция“» («Азия и Африка сегодня. 1986, № 3, с. 59»).

Однако вернемся к статье С. Л. Агаева. Прежде всего мы должны отметить, что сам он, как и в книге «Иран в прошлом и настоящем», считает возможным применять термин «исламская революция» к политическим событиям послефевральского (1979 г.) периода. Вслед за руководящими деятелями Исламской Республики Иран он делит этот период на три этапа. Об этом, в частности, свидетельствует заключительный абзац аналитической части статьи. «...На третьем этапе кризиса народной, демократической революции (заметим, что снова к постмонархическому периоду применяется термин «революция». — *Ред.*), — пишет С. Л. Агаев, — „исламская революция“ духовенства, уже добившаяся всех стоящих перед ней целей, в полной мере обнаружила свою буржуазную сущность. Популистская окраска выдвигаемых „сверху“ лозунгов сохранилась лишь в той мере, в какой это было необходимо для ведения войны с Ираком и предотвращения массовой оппозиции теократическому режиму. Буржуазная контрреволюция — опять же в исламском обличье — начала свое победное шествие» (с. 31).

Теперь сообщим читателю, какую дефиницию анализируемого понятия в итоге дает автор. Он пишет: «„Исламская революция“ — основной лозунг различных по характеру исламских политических движений во многих странах мусульманского Востока, причем каждая организация и группа вкладывает в это понятие собственное содержание. Общим для них является установка на исламизацию всех сторон общественной, экономической и семейной жизни граждан своих стран и прокламация „третьего пути“ развития, отличного от капитализма и социализма» (с. 31). Предложенная автором дефиниция представляется нам приемлемой, поскольку в ней речь идет лишь о лозунге, который можно начинать любым содержанием.

В 1984 г. вышла в свет книга С. Л. Агаева «Иранская революция, США и международная безопасность. 444 дня в заложниках» (подписана к печати 14 марта 1984 г.). Ее открывает предисловие «Моральные принципы в политике и политика в области морали», написанное Р. А. Ульяновским. Оно содержит ряд оценок и суждений, относящихся как к революции 1978—1979 гг., так и к послереволюционному периоду и уже поэтому представляет интерес для данного обзора.

Иранская революция характеризуется в предисловии как народная, антиимпериалистическая и антимонархическая (с. 5), общенациональная (с. 8). Автор, как и в ранее рассмотренной нами статье, воспринимает период, начавшийся после падения монархии, как продолжение революции, хотя и испытывающей «кризис». Приведем несколько выдержек, иллюстрирующих этот тезис и свидетельствующих, по мысли автора, о нарастающем характере кризиса.

В связи с ролью духовенства как гегемона Р. А. Ульяновский отмечает: «Борясь в первую очередь за увековечение условий своего существования и закрепление своей политической гегемонии, духовенство, захватившее после победы февральского вооруженного восстания основные рычаги государственного правления, сделало все от него зависящее для утверждения в социальной и духовной жизни иранского общества устаревших морально-этических норм Корана и шариаата» (с. 8—9).

Исходя из того, что после свержения монархии наступила более глубокая, созидательная фаза освободительного движения (с. 9), автор дает оценку поведению духовенства на этой фазе. Он пишет: «...как показывает общественная практика Ирана последних лет, попытки возрождения разрушенных в ходе предшествующего буржуазного развития морально-этических норм ислама в социальном плане обернулись в конечном счете обслуживанием спекулятивных устремлений мелких и средних торгово-предпринимательских слоев и камуфляжем того же капиталистического пути патерналистско-благотворительными мерами в духе эгалитарных принципов ислама» (с. 10). И далее: «В книге показано, что основной задачей, которой руководствовалось шиитское духовенство Ирана в кризисе с заложниками, было укрепление, конституирование, монополизация им своей власти, превращение ее в религиозную деспотию, а также разрядка революционной энергии и антиимпериалистических настроений народных масс» (с. 11).

Автор упоминает о сдвиге в июне 1981 г. президента Банисадра, об острых столкновениях «между закрепившими свое политическое господство богословскими шиитскими силами и рядом леворадикальных и революционно-демократических организаций», о кровавом преследовании «тех самых сил, которые возглавили всеобщее восстание в Тегеране, свергшее шахский режим» (с. 11), и на этом основании заключает: «Широчайшая база революции резко сузилась, от нее отошла та часть, которая разочаровалась в ее (оба раза курсив наш.—Ред.) консервативном, ограниченном руководстве» (с. 11—12).

У автора предисловия есть и такое утверждение: «Революция, которая должна была решить самые насущные проблемы и улучшить положение народа, мало что изменила в его жизни: обездоленные остались обездоленными, богатые — богатыми» (с. 12). Между тем констатируемое автором было плодом не революции, а исламского режима, который вытеснил революцию (сделав это без особых проволочек) и занял ее место.

В том же году С. Л. Агаев выпустил книгу «Иран: рождение республики» (подписана в печать 31 мая 1984 г.), снова с предисловием Р. А. Ульяновского. Характер революции автор предисловия излагает теми же словами-формулами, что и в своей статье, опубликованной в 1982 г. в журнале «Коммунист». Примечательно: новым в предисловии является следующее. В статье 1982 г. Р. А. Ульяновский, анализируя период после падения монархии, говорит о грех этапах *революции*. В рассматриваемом же предисловии, имея в виду те же этапы, он говорит уже об этапах *создания исламской республики* (см. с. 10). Правда, и здесь, т. е. на этих трех этапах, революция остается революцией, хотя и «застопоренной» (с. 12).

Что касается самих книг С. Л. Агаева, предисловия к которым написал Р. А. Ульяновский, то их концептуальная основа охарактеризована в предисловиях, причем их автор, оценивая эти книги, никаких оговорок не делает.

Двум названным книгам С. Л. Агаева была посвящена рецензия А. Арабаджяна «Иран: первые шаги исламского руководства» (Азия и Африка сегодня. 1985, № 5). Касаясь книги «Иран: рождение республики», в которой рассматриваются события февраля — ноября 1979 г., т. е. тех девяти месяцев, в течение которых рождалась исламская республика, автор рецензии пишет, что в ней, в частности, объяснено, «какими путями и средствами шиитские богословы стремились изолировать от реальной политической власти левые и демократические силы, сыгравшие важную, а подчас и решающую роль в революции» (с. 63). В связи с книгой о заложниках рецензент отмечает, что, как в ней показано, для иранского руководства захват заложников был весьма эффективным средством, позволившим «отвлечь внимание многомиллионных масс от внутренних проблем в пору, когда в стране еще сильно ощущалось влияние левых сил, когда формирование политической и административной

структуры исламского государства не было завершено, а потому не было завершено и создание механизма, позволяющего обеспечить фактическое единовластие Хомейни» (с. 63).

Осенью 1984 г. вышел в свет сборник статей «Революционная демократия и коммунисты Востока», в котором помещена статья С. Л. Агаева «Левые силы и исламский режим в современном Иране». Как явствует из названия статьи, она посвящена не собственно иранской революции 1978—1979 гг., а левым силам. Поэтому мы попытаемся выяснить лишь один вопрос: как расценивается автором постмонархический период истории Ирана — как продолжение революции или как период формирования и функционирования «исламского режима», подмявшего под себя революцию.

С. Л. Агаев сообщает, что захват сотрудников американского посольства в Тегеране студентами 4 ноября 1979 г. получил «официальное одобрение имамом, назвавшего происходящие события „второй революцией, еще более крупной, чем первая“». Базаргану пришлось подать в отставку...» (с. 351). Проследившая дальнейший ход событий и имея в виду смещение Банисадра с поста президента, он пишет: «События середины 1981 г., положившие начало новому этапу в перманентном кризисном развитии Исламской Республики Иран, трактовались в некоторых кругах духовенства как „третья исламская революция“» (с. 359). Здесь автор вводит тезис о перманентном кризисном развитии ИРИ, т. е. обходит понятие «революция». Может быть, для автора это и нюанс, но он переключается с прежними его суждениями об этапах иранской революции.

Полностью точка зрения автора становится яснее после чтения следующих мест его повествования: «Решающие события в стране, прямо сказавшиеся не только на деятельности НПИ, но и на судьбах всей революции, развернулись 6 февраля 1983 г., когда власти арестовали несколько десятков руководителей и активистов партии Туде по заведомо ложным обвинениям в „шпионаже“ и „подрыве государственной безопасности“» (с. 365). Несколько ниже, имея в виду декабрь 1983 г. (время проведения пленума ЦК НПИ), С. Л. Агаев пишет: «К тому времени так называемая „третья исламская революция“, устранившаяся с открытой политической арены страны уже не только реальных, но и предполагаемых противников власти шиитского духовенства, практически полностью добила решения всех поставленных перед нею задач. Таким образом, „исламская революция“, бывшая выражением кризиса подлинно народной, антимонархической и антиимпериалистической революции, начавшегося в феврале 1979 г. и завершившегося в мае 1983 г., открыла путь буржуазной контрреволюции» (с. 367).

Итак, то, что нам могло показаться нюансом, на деле оказалось прежней моделью «исламской революции».

В 1985 г. была опубликована монография «Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в.», принадлежащая перу С. М. Алиева. В ней в пределах, требуемых темой исследования, освещены и история революции 1978—1979 гг., и, как представляется, прогноз ее судьбы.

Автор отмечает изменения в социальной структуре власти, происшедшие вследствие крушения монархии. «В результате вооруженного восстания 10—11 февраля 1979 г.,— пишет он,— бюрократическая буржуазия, промышленно-банковская олигархия и верхушка вооруженных сил, составлявшие главную опору шахского двора, лишились власти» (с. 250). Он определяет и «социальное содержание» революции. «По социальному содержанию,— отмечается в книге,— иранскую революцию следует считать мелкобуржуазной». И тут же добавляет: «Однако это определение недостаточно полно и точно. В соответствии с устремлениями принимавших в ней участие трудящихся классов, немущих еще в ходе революционных событий, проявились антикапиталистические элементы. Антимонополистические, антикапиталистические элементы содержались также в выдвинутых религиозными и мелкобуржуазными идеологами лозунгах. Таким образом, одной из основных особенностей революции стало отрицание общественного развития по западному образцу» (с. 250—251).

Поскольку С. М. Алиев говорит об отрицании *общественного* развития по западному образцу, становится очевидным, что он видит в этой революции революцию антикапиталистическую. Интересно заметить, что Р. А. Ульяновский в предисловии к книге С. Л. Агаева «Иран: рождение республики» определяет

революцию 1978—1979 гг. «по социальной сущности как буржуазную (по-скольку проявившиеся в ней определенные антикапиталистические тенденции пока что остались нереализованными» (с. 7). Таким образом, по мнению С. М. Алиева, наличие антимонополистических, антикапиталистических элементов делало революцию мелкобуржуазной, а с точки зрения Р. А. Ульянова, нереализованность антикапиталистических тенденций делала эту же революцию буржуазной.

Еще одной важной особенностью иранской революции С. М. Алиев считает ее антиимпериализм, антиамериканизм, выводимый им из ее антимонополистических, антикапиталистических черт (с. 251). Кроме того, он пишет: «Особенностью иранской революции 1978—1979 гг., отрицательной с точки зрения перспектив развития прогрессивных тенденций, стало то, что в результате крушения шахского режима и ликвидации монархии верховная власть оказалась в руках возглавляемых аятоллой Хомейни шиитских религиозно-политических деятелей и их сторонников». Далее автор раскрывает концептуальное содержание социально-экономической программы пришедших к власти сил. Он пишет: «Господствующие установки в идеологии и политике стали формироваться на базе идеалистической и утопической концепции исламского государства, выдвинутой Хомейни и его последователями. Признавая и даже подчеркивая социальный аспект революции, который они рассматривали как антагонизм между „обездоленными“ и „высокомерными“ (или богатыми, к числу которых они относили не только двор и господствующие классы шахских времен, но и великие державы, прежде всего „великого сатану“ — США), хомейнисты после прихода к власти стали умышленно истолковывать иранские события как религиозное, исламско-шиитское движение за установление в стране „божественной власти“. Подобное толкование стало базой для выдвижения не только утопической концепции исламского общества социальной справедливости, но и для осуществления исламизации и проведения курса на увековечивание доминирующих позиций шиитских улемов в управлении страной» (с. 251—252).

Эти суждения высказаны автором в заключительной (VII) главе «Иранская нефть и революция 1978—1979 гг.», в первом ее параграфе, который назван автором «Антимонархическая и антиимпериалистическая революция: ее особенности и характер». Таким образом, к приведенным выше особенностям этой революции есть основание присовокупить отмеченные в названии параграфа характеристики.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что второй, заключающий параграф главы VII назван автором следующим образом: «Становление Исламской Республики Иран. Нефтяная политика нового режима». В указанном параграфе, как и в книге в целом, автор не расценивает годы, прошедшие после свержения монархии, ни как продолжение революции или время забегания революции вперед, а затем время отката ее, ни как пору ее кризиса. Эти вопросы С. М. Алиев не ставит, а потому в книге нет и прямого ответа на них. Послереволюционный период он воспринимает именно как время становления Исламской Республики Иран, и если он говорит о «новом этапе», то имеет в виду «новый этап в становлении Исламской Республики Иран».

Понятия «исламский режим» как такового в работе нет. Но, как, возможно, заметил читатель из приведенного выше названия параграфа, оно присутствует, так сказать, опосредствованно.

Начиная параграф, автор пишет: «В результате победы революции верховная власть в Иране перешла в руки шиитских религиозно-политических деятелей и связанных с ними буржуазных политиков. В отношении политического и социального устройства иранского государства у новых руководителей отсутствовало единое и четкое мнение. Тем не менее было очевидно, что выдвинутая религиозными деятелями концепция исламского образа правления предполагает значительное усиление позиций шиитского духовенства в политической структуре страны. Кроме того, еще до победы революции стало ясно, что аятолла Хомейни в новом государстве займет чрезвычайно высокое положение» (с. 252).

В ходе дальнейшего изложения автор прослеживает, что выросло из этой

«завязи» (шиитские религиозно-политические деятели и связанные с ними буржуазные деятели).

В параграфе указывается, что уже в первые месяцы после февральского восстания в рядах нового политического руководства выделились «две группировки, соответствовавшие двум формировавшимся в стране основным идейно-политическим течениям — радикально-мелкобуржуазному, имеющему сильную исламскую окраску, и либерально-буржуазному» (с. 252). Представители либерально-буржуазного течения — это, в частности, вошедшие в состав Временного революционного правительства М. Базарган, К. Сенджаби, А. Амир-Энтезам, Э. Иазди. Характеризуя их устремления, автор пишет: «Главные усилия этих деятелей были направлены на то, чтобы *притормозить революционный процесс* (курсив наш.— *Ред.*), воспрепятствовать осуществлению радикальных преобразований и содействовать упрочению капиталистических тенденций в социально-экономическом развитии» (с. 253). Выделяя слова «притормозить революционный процесс», мы хотим, во-первых, показать читателю, что помним о том, что революция как политической форме движения материи, как и всякой другой ее форме, присуща инерционность, которая не иссякает мгновенно; и, во-вторых, сосредоточить его внимание на вопросе о том, что могло или кто мог воспрепятствовать либеральной буржуазии реализовать ее намерения, поскольку в революционном Иране кроме радикально-мелкобуржуазных имелись и левые силы.

Параграф содержит прямой ответ на поставленный нами вопрос. Автор пишет: «Разумеется, эти цели могли быть достигнуты лишь в результате отстранения радикальных религиозных деятелей от власти или хотя бы значительного ослабления их позиций» (с. 253). Но линия либералов была разгадана Хомейни и его последователями. «Началась острая борьба за власть между этими двумя группировками» (с. 253). Падение правительства Базаргана означало поражение либеральной буржуазии. «Отныне,— пишет автор,— начался новый этап в становлении Исламской Республики Иран» (с. 253).

Этот «новый этап» делает очевидным, что поражение либеральной буржуазии в борьбе с духовенством не было окончательным и оказалось чреватым новым туром борьбы между ними. Символом этого этапа борьбы оказался первый президент ИРИ и лицо из ближайшего окружения Хомейни — Абольхасан Банисадр, а его отстранение от должности (июнь 1981 г.) означало завершение очередного «нового этапа в борьбе хомейнистов с либеральной буржуазией, выступающей за капиталистическое развитие Ирана» (с. 254).

Рассматриваемый параграф дает основание полагать, что обнаружившееся у либеральной буржуазии «второе дыхание», позволившее ей продолжить борьбу после поражения, было связано с личностью Банисадра. «Будучи по своему мировоззрению мелкобуржуазным демократом, на практике Банисадр предпринял шаги для союза с пробуржуазными деятелями» (с. 254). И, как известно, потерпел поражение.

На этом основании С. М. Алиев и пишет: «Смещение Банисадра (июнь 1981 г.) ознаменовало начало нового этапа в борьбе хомейнистов с либеральной буржуазией, выступающей за капиталистическое развитие Ирана. Вместе с тем был сделан серьезный шаг по пути *дальнейшего упрочения диктатуры религиозных деятелей* (курсив наш.— *Ред.*), выражающих интересы главным образом мелкой буржуазии и значительной части шиитского духовенства» (с. 254—255). Это суждение, на наш взгляд, свидетельствует о последовательном выявлении автором процесса становления нового режима.

Продолжая свой анализ, С. М. Алиев пишет: «С уходом деятелей, в принципе выражавших интересы либеральной буржуазии, борьба в верхах не завершилась. Не исчезла, разумеется, в иранской действительности и прокапиталистическая тенденция» (с. 255). Естественно возникает вопрос: кто мог после двукратного поражения либеральной буржуазии вести в верхах борьбу и при этом представлять капиталистическую тенденцию? В параграфе на это дан четкий и ясный ответ: «В новых условиях она (борьба.— *Ред.*) нашла выражение в деятельности более консервативных и реакционных сил в руководстве республики. Это прежде всего улемы — члены Наблюдательного совета и входящие в полулегальную организацию „Ходжатие“ политические деятели, которых после гибели летом 1981 г. Бехешти, Раджаи и многих их сторонников

удалось захватить важные посты в правительстве и других органах власти» (с. 255).

Приведенное выше свидетельство автора имеет принципиально важное значение, так как позволяет узнать (или понять) истинную цену хомейнистов как представителей «радикально-мелкобуржуазного течения» (с. 252), «радикальных религиозных деятелей», «последователей Хомейни», «религиозно-мелкобуржуазного течения» (с. 253). Для этого достаточно принять во внимание зафиксированный в конституции ИРИ порядок формирования Наблюдательно-го совета и его полномочия³.

Таким образом, даже самые радикальные акции с «сильной исламской окраской», имеющие своим истоком учение Хомейни об исламском образе правления и способные заораживающе воздействовать на массы, могли восприниматься Хомейни с эпическим спокойствием: их участь всякий раз могла быть предопределена его собственными эmissарями.

Следует отметить, что С. М. Алиев дает весьма взвешенную оценку деятельности Наблюдательного совета. Так, он пишет: «В начале 80-х годов Наблюдательный совет под предлогом несоответствия „принципам ислама“ отклонил уже принятые меджлисом законопроекты об аграрной реформе, о национализации (огосударствлении) внешней торговли (что, кстати, предусмотрено конституцией) и ряд других актов, так или иначе ущемляющих интересы крупных земельных собственников и торговой буржуазии» (с. 255).

Представляется, что автор очень трезво воспринимает значимость того, что выше мы назвали «самыми радикальными акциями». Он отмечает: «Борьба за продолжение общественных преобразований в рамках мелкобуржуазных представлений о социальном равенстве, *несмотря на свою бесперспективность в широком историческом плане* (курсив наш.—Ред.), способна оживить массовое движение за демократические радикальные перемены в интересах трудящихся классов» (с. 255—256). Поэтому логичен вывод, заключающий параграф: «В силу своей привязанности к шиитским догмам и мелкобуржуазной социальной ориентации новое иранское руководство не сумело выработать отвечающую интересам развития производительных сил страны программу социально-экономического развития» (с. 268).

Тесно увязывая перспективы развития иранского общества с событиями 80-х годов, автор завершает свою монографию следующим выводом: «В целом со всей определенностью следует подчеркнуть, что мелкобуржуазно-теократический (в шиитско-хомейнистском смысле) подход к общественно-политическим проблемам страны, составляющий одну из наиболее характерных черт

³ Исключительная важность рассматриваемого обстоятельства заставляет нас дать следующие пояснения чисто юридического характера, формально не имеющие отношения к историографическому обзору. Наблюдательный совет должен устанавливать, не содержат ли принимаемые меджлисом решения расхождений с положениями ислама и конституции. Он формируется из шести мусульманских богословов-правоведов (факихов), назначаемых Руководителем ИРИ (каковым в конституции назван Хомейни), и шести специалистов в различных областях права, избираемых меджлисом по рекомендации Высшего судебного совета (ст. 91). Без Наблюдательного совета деятельность меджлиса неправомочна (ст. 93). Все решения меджлиса должны направляться в Наблюдательный совет (ст. 94). Соответствие или несоответствие принятых меджлисом решений положениям *ислама* устанавливается большинством *факихов*, входящих в состав Наблюдательного совета, а положениям *конституции* — большинством всех *членов* совета (ст. 96). Толкование конституции также возлагается на Наблюдательный совет. При этом решения выносятся большинством в три четверти голосов (ст. 98). Наблюдательный совет осуществляет контроль над выборами президента республики, выборами в меджлис и проведением референдумов (ст. 99). Высший судебный совет состоит из пяти членов: трое судей избираются судьями страны, а председатель Высшего судебного совета и генеральный прокурор, также входящий в состав совета, назначаются Руководителем после предварительных консультаций с членами Верховного суда. Как не сказать, что Наблюдательный совет — это *alter ego* Руководителя (в рассматриваемое время — Хомейни).

в политике руководителей ИРИ, создает непреодолимые препятствия на пути претворения в действительность социальных идеалов революции 1978—1979 гг. Именно поэтому многие из тех проблем, которые в свое время вызвали углубление противоречий между шахским режимом и массами, вновь обостряются» (с. 276).

Думается, что проведенный выше разбор дает достаточно оснований считать, что С. М. Алиев воспринимает период, начавшийся после свержения монархии, не как время нарастающего кризиса революции, а как пору формирования «исламского режима» в условиях поверженной революции.

В январском выпуске журнала «Вопросы истории» за 1985 г. (№ 5, подписан к печати 29 декабря 1984 г.) была опубликована статья С. Л. Агаева «Зигзаги иранской революции». Автор ее поставил перед собой цель «обобщить основные события внутривосточной борьбы в Иране в 1979—1983 гг., выявить ее главные этапы и закономерности и раскрыть место этих событий *в общем процессе развития иранской революции* (курсив наш.—Ред.)» (с. 44). Уже отсюда следует, что его видение революции осталось прежним. В то же время в статье появляются формулировки, которые свидетельствуют о происходящей в сознании автора переоценке процессов, протекавших в Иране в рассматриваемые им годы. Так, говоря об особенностях программы действий духовенства («антизападно-изоляционистской, исламско-интегральной»), С. Л. Агаев отмечает, что они проявлялись подчас в такой форме, что *«в массовом общественном сознании легко отождествлялись»* (курсив наш.—Ред.) с курсом на последовательный антиимпериализм, укрепление союза всех народных сил и всеобщее благодеяние» (с. 45). Иначе говоря, была лишь видимость, которую массы принимали за действительность.

Несколько ниже С. Л. Агаев пишет: «Сложившаяся в стране после февральской победы чрезвычайно сложная ситуация, усугублявшаяся запутанностью положения в „низах“ и *тщательно замаскированными искусными* (курсив наш.—Ред.) *политическими маневрами* в „верхах“, оказала немалое влияние на положение в рядах левого лагеря» (с. 50). Имея в виду время после февраля 1983 г., он также отмечает: «В стране *открыто* (курсив наш.—Ред.) утвердился курс на капиталистический путь развития, который ранее *тщательно маскировался* исламско-популистскими лозунгами» (с. 57). По-видимому, автор убежден, что если явление достаточно искусно маскирует сущность, то это служит достаточным основанием для того, чтобы писать историю, руководствуясь явлением, а не сущностью, хотя сущность то и дело дает о себе знать.

С. Л. Агаев дает уже знакомые читателю характеристики иранской революции 1978—1979 гг.: «Народная по движущим силам и методам борьбы, антимонархическая, антимонополистическая и антиимпериалистическая по своей основной направленности, буржуазно-демократическая по ближайшим назревшим задачам и конечным результатам (при определенных антикапиталистических тенденциях), она в то же время может быть названа исламской по руководящей роли духовенства, идеологии, набору лозунгов и организационной основе» (с. 58). Затем он говорит, что победоносное февральское вооруженное восстание решило основные проблемы антимонархической революционной борьбы, а тем самым и антимонополистические и некоторые антиимпериалистические задачи.

Придя после победы к власти, духовенство «направило революцию в такое русло, в котором усилия по институционализации ее организационных и идеологических форм могли бы определять главное содержание антиимпериалистического народного движения» (с. 47). Что это означало в истории Ирана — автор показывает несколько ниже. Но прежде он замечает следующее: «Подобный поворот был закономерным для этой социальной прослойки, оказавшейся в силу объективных исторических условий во главе революционной борьбы и преломлявшей общенациональные цели сквозь призму собственных корпоративных интересов. При таком положении название „исламская революция“ применительно к послефевральскому периоду приобретает вполне определенное значение» (с. 57—58).

По существу, солидаризировавшись с руководящими деятелями ИРИ в вопросе о делении постмонархического периода истории Ирана на этапы (с. 58),

С. Л. Агаев возвращается к тематике своей статьи «О понятии и сущности „исламской революции“», опубликованной в мае 1984 г.

Ввиду важности вопроса позволим себе привести пространную выдержку из статьи С. Л. Агаева, с достаточной полнотой демонстрирующую его взгляды. С. Л. Агаев пишет: «Какое же место занимает „исламская революция“ в общем ходе развития революционного процесса в Иране? Однозначно определять весь период от февраля 1979 по февраль—май 1983 г. как контрреволюционный было бы неточно и несколько преждевременно применительно к данному периоду. Этапы „исламской революции“ — это, в сущности, ступени постепенно углублявшегося кризиса народной, антиимпериалистической революции января 1978 — февраля 1979 г., кризиса, составляющего нисходящую линию развития революционного процесса в Иране, в которую он вступил *сразу после февральской победы 1979 г.*, и достигшую крайней точки в феврале—мае 1983 г., когда в стране в результате расправы с левыми силами полностью установился авторитарный режим в форме *исламской деспотии*. Это, конечно, не значит, что хронологические рамки иранской революции следует обязательно выносить за пределы февральского вооруженного восстания 1979 года» (с. 58—59).

Прежде всего бросается в глаза своей неожиданностью (принимая во внимание саму концепцию С. Л. Агаева) тень сомнения, содержащаяся во второй фразе приведенной выше цитаты. Далее, относить «крайнюю точку» «нисходящей линии развития революционного процесса в Иране» даже в рамках концепции С. Л. Агаева к февралю—маю 1983 г. и к этому же периоду время, когда в стране «полностью установился авторитарный режим в форме исламской деспотии», нет оснований: названный период — это, как хорошо известно, пора расправы «исламского режима» с Народной партией, не оказавшей ему ни малейшего сопротивления. Поэтому было бы понятнее, если бы С. Л. Агаев отнес «крайнюю точку» к 1982 г., т. е. ко времени разгрома моджахедов, стоившего многих жизней не только самим моджахедам, но и карателям.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что автор считает позволительным для других исследователей (если они сочтут нужным) не выносить хронологические рамки иранской революции «за пределы февральского вооруженного восстания 1979 года».

И последнее. С. Л. Агаев считает, что «переход к расправе над левыми силами, составивший кульминацию третьего этапа кризиса революционного процесса в Иране, в политическом плане открыл путь буржуазной контрреволюции» (с. 59). Понятно, что такой подход может быть приемлемым при принятой С. Л. Агаевым концепции, которая строится на анализе явлений. При сущностном же подходе есть все основания считать, что путь так называемой буржуазной контрреволюции был открыт уже самим захватом власти шиитскими богословами при подбострастном прислужничестве в первую очередь представителей либеральной буржуазии.

В журнале «Коммунист» в мае 1985 г. (№ 8) была опубликована статья Р. А. Ульяновского «Судьбы иранской революции». Она резко отличается от его же статьи «Иранская революция и ее особенности» (Коммунист. 1982, № 10), рассмотренной выше. В ней уже нет ни «фаз» революции, ни «этапов». Однако вопрос о том, считает ли автор по-прежнему, что революция 1978—1979 гг. продолжалась и после свержения монархии, остается без ответа. Правда, в статье есть ряд суждений, позволяющих все же увидеть, к чему склоняется автор. Так, он пишет: «После отставки правительства Базаргана (ноябрь 1979 г.—*Ред.*) у руля государственного правления Исламской Республики Иран единовластно утвердился политический деспотизм. В декабре 1979 г. была принята исламская конституция, законодательно закрепившая превращение страны в теократическое государство, а в течение последующих месяцев была *полностью создана новая, исламизированная структура государственной власти* (курсив наш.—*Ред.*)» (с. 109).

На наш взгляд, приведенные выше строки дают достаточно оснований полагать, что Р. А. Ульяновский перестал считать постмонархический период истории Ирана временем дальнейшего развития революционного процесса. Тем не менее приведем еще одно его суждение: «Консервативному духовенству удалось застопорить социальную революцию, оторвать ее от свержения монар-

хической власти и устранения американского засилья, то есть от политической революции. В этом был глубокий и коварный замысел богословского духовенства, тесно связанного с буржуазным бизнесом и крупным землевладением» (с. 109).

Обратим внимание читателя на три момента. В отличие от статьи 1982 г. иранское духовенство здесь преподносится как своеобразный социально-политический монолит и по своим устремлениям, и во времени (1979—1985) («консервативное духовенство»). Чтобы выразить решительность и напористость деяния, автор избирает слово «застопорить». А чтобы в сознание читателя не закралась мысль, что духовенство «оторвало социальную революцию от свержения монархической власти и устранения американского засилья» в силу какого-нибудь нелепого стечения обстоятельств, он поясняет, что это было результатом «глубокого и коварного замысла богословского духовенства».

Остается ли при таком видении иранской революции 1978—1979 гг. и послереволюционных событий, которое появилось у автора в 1985 г., место для «фаз» и «этапов» постмонархической поры жизни иранского общества? Взгляды его столь радикально изменились по сравнению с 1982 г., что он не почувствовал потребности использовать такие характеристики революции 1978—1979 гг., как «народная», «антишахская», «антиимпериалистическая». И недаром статья его начинается такой фразой: «Революция 1978—1979 годов в Иране была подлинно всенародным праздником» (с. 104) ⁴.

В конце 1986 г. вышел в свет сборник статей «Национальные и социальные движения на Востоке. История и современность», в котором помещена статья С. Л. Агаева «Внутриполитическое развитие Ирана в 1981—1985 гг.». Эта статья резко отличается от публикаций того же автора и предисловий к ним, а также некоторых других работ, рассмотренных в данном обзоре ⁵: она свободна от былых теоретизирований относительно фаз, этапов, развития революционного процесса в Иране после свержения монархии, критического пункта революции, ее временного кризиса, о том, что кризис революции — это тоже революция...

Рассматриваемая статья начинается так: «1981 год — важная веха в *послереволюционном* (курсив наш. — Ред.) развитии Ирана. Если отставка в ноябре 1979 г. светского кабинета Мехди Базаргана стала крупным этапом на пути установления в стране *непосредственного правления шиитского духовенства*, то смещение в июне 1981 г. президента Банисадра привело к завершению *этого процесса*» (с. 331). Так выглядит реальная политическая жизнь Ирана. Новым для автора выглядит и словосочетание «послереволюционное развитие Ирана». Следующая фраза доказывает, что это не случайно. Вот как она звучит: «Допустив в свое время к исполнительной власти светских деятелей, бывших противниками прямого политического господства религиозных кругов и

⁴ Мы в данном обзоре не анализируем изменений в восприятии Р. А. Ульяновским социально-политического и экономического облика шиитского духовенства Ирана за период с 1982 по 1985 г. Этот анализ уже проделан В. И. Максименко в обзоре «Анализ иранской революции в советской востоковедной литературе» (Народы Азии и Африки. 1987, № 3, с. 162—163). Мы считаем справедливым высказанное им суждение: «...у нас не сложилась историографическая традиция анализа иранской революции: едва ли не каждая новая точка зрения выражает себя так, словно до нее иных, в том числе противоположных, точек зрения не существовало, а очередной поворот в политике Исламской Республики Иран погружает в небытие оценки двух-трехлетней давности. И беда не в том, что изменение хода событий заставляет менять оценки (это как раз нормально), — беда в том, что вчерашние оценки рассматриваются зачастую как подлежащие не преодолению научной критикой, а забвению, игнорируются, как если бы их не было вовсе» (с. 162).

⁵ Имеются в виду книги С. Л. Агаева «Иранская революция, США и международная безопасность, 444 дня в заложниках», «Иран: рождение республики» — обе с предисловиями Р. А. Ульяновского, статья Р. А. Ульяновского «Иранская революция и ее особенности», книга С. Л. Агаева «Иран в прошлом и настоящем», его же статья «О понятии и сущности „исламской революции“».

в то же время сторонниками дальнейшего капиталистического развития страны, духовенство получило возможность *представлять* народу свою борьбу с ними как защиту интересов трудящихся, завоеваний антимонархической и антиимпериалистической революции *января 1978—февраля 1979 г.* (оба раза курсив наш.— *Ред.*) и в конце концов целиком взять бразды правления в свои руки» (с. 331).

Фраза эта интересна в двух отношениях: во-первых, в ней содержится признание фальшивости намерений духовенства защищать интересы народных масс; во-вторых, при датировке революции (ее начала и конца) автор не выходит за рамки февраля 1979 г. Это для него — нечто принципиально новое. По-видимому, автор пришел к убеждению, что революция завершилась свержением монархии.

Содержащийся в статье подробный рассказ о политической жизни Ирана в 1981—1985 гг. свидетельствует о том, что в стране наконец сформировался и стал функционировать «исламский режим» и продолжалась острая борьба внутри правящего шиитского духовенства, все более убеждавшегося в том, что оно может сохранить в своих руках власть, лишь все более «прислоняясь» к капитализму, персонифицированному в лице буржуазии, в первую очередь торговой.

Чтобы не быть голословными, позволим себе привести пространную цитату, представляющую собой два заключительных абзаца статьи:

«Таким образом, внутривнутриполитическое развитие *последне-революционного* (здесь и ниже курсив наш.— *Ред.*) Ирана, в котором в конечном итоге полностью утвердилось политическое господство духовенства, *ясно выявило коренную социальную природу последнего*. Корпоративно-групповые интересы служителей культа, побуждающие их к единству во имя упращения своего существования, оказались сильнее раздирающих противоречий. Обусловленные многоклассовым происхождением и характером социальных связей духовенства, эти противоречия были приглушены на основе выбора откровенно прокапиталистической политики, которая раньше *маскировалась* исламско-популистскими лозунгами, сохранившимися лишь в той мере, в какой это необходимо для продолжения войны с Ираком и предотвращения массовой оппозиции режиму. Понятию же к „либерализации“ отвечали главным образом интересам коммерсантов и промышленников.

Круг замкнулся. мелкобуржуазный радикализм обернулся заурядным буржуазным реформизмом, а набравшая силу теократия открыто обнаружила свое социальное родство с повергнутой светской властью, которую некогда использовала для прикрытия политической гегемонии духовенства» (с. 374).

Возможность эволюции взглядов и оценок, связанных с проблематикой иранской революции 1978—1979 гг., была предсказана еще в 1984 г. Р. А. Ульяновским в предисловии к книге С. Л. Агаева «Иран: рождение республики». Он писал: «Следует, естественно, учитывать и существующий ныне огромный интерес широких читательских кругов ко всем вопросам иранской революции, интерес, который вправе не считаться с фактором времени, довлеющим над „большой наукой“, которая сможет представить результаты своих изысканий через 5—10—15 лет» (с. 15). Это тем более понятно, что, как отметил С. Л. Агаев, откровенно прокапиталистическая политика иранского духовенства до поры до времени *маскировалась* исламско-популистскими лозунгами.

В 1987 г. С. Л. Агаев опубликовал книгу «Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи» (подписана к печати 26 января 1987 г.). Слово «будущее» в названии книги обязывает, так как читатель ждет от автора прогноза. Таковой в книге имеется. Однако он дан в предельно общей форме. Завершая книгу, С. Л. Агаев пишет: «Нет сомнения, что иранский народ, имеющий славные традиции демократической и антиимпериалистической борьбы, выстоявший и победивший в неравной схватке с монархическим режимом, проявивший способность преодолевать тяготы и лишения *последне-революционного периода* (курсив наш.— *Ред.*), сможет выйти из огня „очищения“ и найти наконец путь, ведущий к свободе и лучшей доле» (с. 318).

Представляется, что требовать от автора большей конкретности в данном случае было бы слишком сурово по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, он сам в начале книги пишет, что ее основное содержание имеет не фило-

софский, а историко-политический характер и что акцент в ней сделан на событиях и людях, а не на идеях (с. 3). Во-вторых, приведенная выше цитата содержит важный подтекст. Нами он прочитывается следующим образом: послереволюционный период стал для иранского народа периодом тягот и лишений (преодолевать которые ему помогают «славные традиции»); свержение монархии не принесло народу свободы, а также доли, которая была бы лучше той, что была его уделом до революции.

Что касается характеристик самой революции, то они у автора по сравнению с его предшествовавшими работами не изменились. Это — «подлинно всенародная антимонархическая революция» (с. 6), «подлинно народная революция» (с. 15), «всенародное революционное движение», направленное «не только против монархического режима, но и против политики американского империализма» (с. 16). Позиция автора в вопросе о гегемоне революции тоже не претерпела изменений. Так, имея в виду 1978 г., он пишет: «...всенародное антимонархическое и антиимпериалистическое движение в Иране продолжало расширяться. К концу 1978 г. аятолла Хомейни уже превратился из символа революции в ее реального вождя» (с. 33).

Поскольку во всех работах С. Л. Агаева (за исключением рассмотренной выше статьи «Внутриполитическое развитие Ирана в 1981—1985 гг.») содержится тезис о том, что со свержением монархии иранская революция не закончилась, а продолжала развиваться, проходя через определенные этапы, важно отметить следующее. В книге «Иран между прошлым и будущим» С. Л. Агаев, хотя и не порывает полностью с этим тезисом, на основании анализа событий и фактов высказывает ряд суждений, которые показывают, что уже в канун свержения монархии и сразу после этого события шиитское духовенство отчетливо представляло себе, что его целью являются захват власти и формирование «исламского режима», предусматривавшего сосредоточение всей полноты власти именно в его руках.

Автор дает читателю более чем достаточное основание прийти к выводу, что духовенство уже на обрисованном выше отрезке времени сумело обеспечить зарождение «исламского режима» как видового явления, а в последующем при всех перипетиях борьбы и смене декораций, симпатий и антипатий, обеспечило его развитие.

О шиитском духовенстве в канун свержения монархии он пишет, что оно «рвалось к власти» (с. 37). Насколько осознанно, по мнению С. Л. Агаева, действовало при этом духовенство, можно выяснить из следующих строк книги. «Известно,— пишет С. Л. Агаев,— что февральское вооруженное восстание 1979 г. было начато левыми силами без ведома и участия религиозных кругов, почти утративших в те дни контроль за массовым движением. Но уже с утра 11 февраля, когда левые, фактически оказавшиеся во главе всенародной борьбы, вели решающие бои с шахскими войсками, *исламские силы* (здесь и ниже курсив наш.— *Ред.*) приступили к активному и планомерному захвату основных рычагов государственной власти и установлению над ними своего контроля». Он продолжает: «Утром 12 февраля народные массы во главе с левыми группами и организациями еще были заняты подавлением очагов сопротивления прошахских элементов, а *религиозные круги* уже держали в своих руках все рычаги правления и произвели первые назначения в новое правительство» (с. 63). Возникает вопрос: считали ли возможным или видели ли шиитские богословы необходимость разделить власть с силами, приведшими народ к победе? В новое правительство, отмечает С. Л. Агаев, «не вошли представители левых сил, более того, правительство это с *самого начала* получило ярко выраженную антилевую направленность» (с. 63).

Приведенные выше строки свидетельствуют о том, что шиитские богословы четко осознавали преследовавшиеся ими цели. Дополнительным аргументом может служить уяснение того, как соотносилось с этой целью само понятие «исламская революция».

В свое время, как мы уже говорили, С. Л. Агаев специально проанализировал понятие «исламская революция» и ее сущность. Тем интереснее обстоятельство, о котором сообщает С. Л. Агаев. Вот что он пишет, продолжая свою мысль: «Верховный руководитель нового режима аятолла Хомейни с *первых же дней* (здесь и ниже курсив наш.— *Ред.*) победы февральского восстания

стал выступать с настойчивыми требованиями называть это *восстание* не иначе как „исламской революцией“ и не пользоваться такими определениями, как „народная“, „демократическая“ и т. п. При этом указывалось, что свержение шахского режима — не конец, а только начало „исламской революции“». Таким образом, выясняется, что, по мнению Хомейни, с антишахской революцией было покончено вместе со свержением монархии и что все последующее (тогда — предстоявшее) — это формирование «исламского режима», который он именовал «исламской революцией». Для уразумения этого много времени ему не понадобилось.

Еще более интересно читать у С. Л. Агаева следующее (в продолжение приведенных выше строк): «Последняя (т. е. „исламская революция“.— *Ред.*), как показали дальнейшие события, подразумевала установление теократической власти шиитского духовенства и исламизацию всей политической, общественной и семейной жизни граждан. Реализация соответствующих мероприятий сопровождалась постоянными целенаправленными антилевыми компаниями, призванными убрать с политической арены и затем уничтожить все группы и организации, являвшиеся сторонниками углубления социального содержания народной революции» (с. 63).

Среди множества явлений и событий, анализ которых С. Л. Агаев предлагает вниманию читателя, есть и сюжет, касающийся миссии американского генерала Хайзера, прибывшего в Тегеран в начале января 1979 г. Среди материалов, использованных автором при рассмотрении этого вопроса, фигурирует книга «Иран после революции», написанная живущим на Западе иранцем С. Забихом. Среди выводов, сделанных С. Забихом в связи с миссией Хайзера, есть и такой, приводимый С. Л. Агаевым: «Нейтрализация и дезинтеграция вооруженных сил сыграла чрезвычайно существенную роль в ускорении триумфа революции» (с. 62). С. Л. Агаев принял этот тезис, но внес в него важное уточнение. Рассказав о февральском восстании и об образе действий духовенства 11 и 12 февраля 1979 г. и в последующие дни (выше этот рассказ приведен полностью), он указал на следующее, имея в виду «ускорение триумфа революции»: «Речь может идти лишь об установлении и упрочении власти клерикальных антикоммунистических сил и ликвидации всех левых групп и организаций. Нет сомнений, что классовый инстинкт деятелей администрации США помог им разглядеть в русле внешне единого потока всенародной революционной борьбы весьма „перспективную“ „исламскую струю“, которая в конечном счете стала противовесом народной революции» (с. 63—64).

Нет сомнений, что шиитские богословы использовали представившуюся им возможность, для того чтобы параллельно со свержением монархии начать формирование «исламского режима», который Хомейни велел именовать «исламской революцией».

Разбор книги С. Л. Агаева с интересующей нас точки зрения можно было бы продолжить. Однако ограничимся лишь еще одним примером. Сообщив о том, что Хомейни назначил Мехди Базаргана (январь 1979 г.) премьер-министром, С. Л. Агаев отметил: «Для духовенства началась полоса непрерывных побед, для подавляющего большинства народа и его подлинных представителей — полоса отступлений и поражений» (с. 67—68). Думается, что этот простой на первый взгляд вывод — еще одно свидетельство того, насколько важно подходить к исследованию истории послереволюционного периода Ирана непредвзято, не связывая себя заранее сконструированными концепциями.

* * *

В заключительной части обзора остановимся на ряде работ советских авторов, посвященных отдельным сторонам иранской революции 1978—1979 гг. Эти работы не претендуют на масштабность и широкие обобщения. Ограничив исследование узкими хронологическими рамками, их авторы как бы крупным планом показывают то или иное событие, то или иное явление. Знакомство с ними позволит увидеть позицию их авторов (пусть даже неявную) в важнейшем для нас вопросе: есть ли основания считать постмонархический период истории Ирана временем продолжающейся революции.

В 1983 г. вышел в свет сборник статей «Иран. История и современность»

(подписан к печати 4 июня 1983 г.), в который вошли статьи М. И. Крутихина, Л. Е. Склярова и А. П. Шестакова, написанные на интересные нас темы.

Статья М. И. Крутихина «Тегеранское восстание 9—12 февраля 1979 г.» позволяет увидеть, кем и как был решен вопрос о захвате власти в ходе этого восстания и какое значение имело это для судеб Ирана в послемонархический период.

М. И. Крутихин пишет: «...уже на второй день восстания власть фактически перешла к сторонникам религиозных сил как более организованным и единым, располагавшим четкой и широко разветвленной структурой иерархии духовенства, пользовавшегося безоговорочной поддержкой верующих масс страны» (с. 155). Здесь же он показывает, насколько отличалось от положения духовенства положение левых сил, которые, как известно, в ходе восстания могли взять власть в свои руки, но фактически уступили ее духовенству.

Автор подметил важное обстоятельство: вопрос о том, кому достанется власть после свержения монархии, занимал задолго до восстания и духовенство, и левые силы. При этом духовенство заранее вело обработку общественного мнения, чего не делали левые силы. «Левые силы», — пишет М. И. Крутихин, — во время восстания столкнулись со многими трудностями. Уже с января 1979 г. им открыто противодействовали духовенство, многие клерикалы с их злобным антикоммунизмом, настойчивыми попытками сторонников антишахского движения «оградить» его от поборников социалистических преобразований. Большинство сознательных элементов в левых силах было вынуждено обходить молчанием эту травлю, упираться в своей пропаганде на необходимость консолидации движения на антиимпериалистической платформе. *При этом они не встречали никакого позитивного отклика на свои призывы к единству в борьбе за демократию и прогресс* (курсив наш. — Ред.)» (с. 155).

Имея в виду сочетание двух обстоятельств — с одной стороны, требования духовенства, адресованного моджахедам и федаям, — сдать оружие и боеприпасы, захваченные ими на шахских складах, а с другой — проводившегося тем же духовенством распределения оружия среди своих сторонников, автор отмечает: «Таким образом в жизнь проводились планы религиозных сил по монополизации революционного движения и лишения его связей с силами социалистической ориентации. В этом же свете следует рассматривать и настоячивые требования религиозных лидеров Ирана называть антишахское восстание „исламской революцией“» (с. 167).

В заключение своей статьи М. И. Крутихин, перечислив социальные слои и группы, участвовавшие в революции, пишет: «Именно эта неоднородность антишахской оппозиции, политическая слабость и неопытность составлявших ее слоев привели в конце концов к грандиозным сложностям послереволюционного периода, к установлению теократического режима, преследующего своих недавних союзников по революции» (с. 168). Таким образом, автор, имея в виду постмонархический Иран, ограничивается понятием «грандиозные сложности» (а не этапы и периоды революции) и говорит об установлении теократического режима (формирование которого требовало времени и в отличие от захвата власти не могло произойти, так сказать, в одночасье).

Не менее интересна статья Л. Е. Склярова «Становление новых органов власти в Иране (1978—1981)». Указанный в названии статьи процесс прослежен автором с самых истоков. Начало его по времени предшествует свержению монархии, так как духовенство в лице Хомейни провозгласило создание верховного органа власти — Исламского революционного совета — еще до этого события. Революционная самостоятельность масс в области создания органов правопорядка на местах также началась еще до свержения монархии.

Автор отмечает, что, «поскольку в ходе революции иранское духовенство во главе с Хомейни стало общепризнанным лидером и руководящей силой антишахского движения, его воздействие на процесс формирования новых органов власти оказалось решающим» (с. 197). Этому тезису предшествует констатация сложности и противоречивости процесса создания системы органов государственной власти, объяснявшихся тем, что в антишахском движении принимали участие разнородные социально-классовые силы, каждая из которых преследовала в революции собственные цели (с. 197).

В статье показано, что, несмотря на столь нелегкую для шиитских бого-

словов обстановку, процесс формирования новых органов государственной власти осуществлялся именно ими и в соответствии с их представлениями об этих учреждениях (что не исключало разногласий внутри шиитского духовенства по ряду вопросов, в том числе по таким важным, как принятие принципа «веляйте факих» и создание Временного революционного правительства).

Политический практицизм духовенства проявился, в частности, в следующих действиях. Когда стихийно сформировавшиеся «революционные комитеты» и отряды стражей исламской революции (поголовно вооруженные) буквально за неделю — между признанием Базаргана премьер-министром еще не существовавшего Временного революционного правительства (5 февраля 1979 г.) и победой восстания (12 февраля) — превратились в «органы действительного народовластия», в «действительных носителей революционной власти, в инструмент политической диктатуры революционных масс», духовенство, «молчаливо признав новый статус ревкомов и „пасдаров“... предприняло целую серию действий с целью укрепить в них свое влияние и использовать их в собственных интересах» (с. 202, 203). Духовенство взяло на себя финансирование деятельности «революционных комитетов» и отрядов пасдаров, установило жалование их членам. По инициативе Исламского революционного совета были созданы Центральный революционный комитет и Корпус стражей исламской революции (с. 203).

Сразу же после падения монархии стали возникать исламские «революционные трибуналы». «Уже после того как возникла широкая сеть ревтрибуналов, аятолла Хальхали самочинно провозгласил себя генеральным прокурором и сформировал Верховный революционный трибунал» (с. 203).

В ходе последующего изложения автор показывает, что, захватив в свои руки контроль над страной, который обеспечивался мощным аппаратом насилия и поддержкой широких масс, веривших в народный характер установившейся власти, духовенство продолжало формирование органов государственного управления, добилось принятия новой конституции, избрания президента и создания парламента. Примечательно, что оно проделало все это, не поделившись ни с кем политической властью и изгнав Временное революционное правительство Базаргана, когда оно выполнило задачу, поставленную перед ним самим же духовенством.

В статье прослеживается политическая и социально-экономическая деятельность формировавшегося «исламского режима», шиитских богословов. Духовенство становится хозяином положения и постепенно освобождается от маскировки под мелкобуржуазность, которая сыграла свою роль, когда надо было захватить власть и обеспечить условия для превращения исламской республики в целостную политическую систему.

Статья А. П. Шестакова «Политическая роль младшего офицерства в иранской революции (на примере иранских ВВС)» позволяет оценить важность ответа на вопрос, продолжалась ли революция после свержения монархии или нет. Среди рабочих категорий, которыми пользуется автор, бросаются в глаза три понятия: «современный этап истории Ирана», «современный этап иранской революции» (с. 219) и «послереволюционный период в Иране» (с. 228). Используемые автором как равнозначные понятия, они лишают статью историко-политических координат. Видимо, поэтому, в частности, не очень понятна логика политического поведения младшего офицерства Ирана в период революции и в послереволюционный период.

В 1985 г. вышло в свет второе издание монографии Е. А. Дорошенко «Шиитское духовенство в современном Иране». Естественно, в нем оказались затронутыми вопросы, связанные с иранской революцией 1978—1979 гг. Уже в предисловии автор пишет, что «одним из крупных мировых событий явилась антимонархическая, антиимпериалистическая революция 1978—1979 гг. в Иране, проходившая под лозунгами ислама» (с. 3). Комментировать содержание причастного оборота в этой фразе нет необходимости. Как, должно быть, помнит читатель, наше отношение к тому, в какой степени революция проходила под исламскими лозунгами, было изложено ранее. Отметим, что дальше автор приводит весьма взвешенную характеристику революции, дополняющую приведенную выше: «Это было массовое народное движение против авторитарного шахского режима, засилья американского империализма и на-

взывания западной культуры и нравственности» (с. 3). Е. А. Дорошенко здесь же приводит практически исчерпывающий перечень социальных слоев и групп, принимавших участие в революции.

Прямого ответа на вопрос, можно ли считать, что в постмонархический период революция продолжалась, в книге нет. Но есть ряд суждений, которые позволяют получить представление о том, каким виделся автору этот период. Приведем одно из них: «Борьба Хомейни против шахского режима и американского империализма за необходимые социально-экономические изменения условий жизни „обездоленных“ встретила в иранском народе одобрение. Однако практика теократической власти и предоставление Хомейни по новой конституции всех функций „веляйте факих“ исключали всякую независимость политических институтов в государстве и вызвали недовольство не только в кругах светской оппозиции, но и среди духовенства» (с. 195). Нетрудно увидеть, что за содержанием второго предложения в процитированном отрыве маячит режим диктатуры правящих богословов.

В книге имеется параграф «Расстановка сил внутри духовенства в 1978—1979 гг.». Хотя в его названии даны четкие хронологические рамки, описание событий доведено автором так или иначе до 1983 г. Характеризуя позиции отдельных богословов и представителей шиитских группировок, Е. А. Дорошенко пишет, что наибольшую возможность оказывать влияние на массы (уже после свержения монархии) получила Партия исламской республики, которую с 1 апреля 1979 г. возглавили аятоллы Бехешти и Бахонар. Перечислив ряд акций, осуществленных по инициативе ПИР, она отмечает, что все это «происходило на первом этапе иранской революции» (с. 200). Когда этот этап завершился и были ли другие — автор не говорит, даже когда пишет о захвате заложников и иных событиях. Параграф завершается абзацем, в котором, в частности, сообщается о том, что «революционно-демократические силы, в том числе Народная партия Ирана (НПИ), неоднократно выступали с резкой критикой американского империализма, его вмешательства во внутренние дела Ирана, за продолжение иранской революции по демократическому пути». Последняя фраза абзаца гласит: «В феврале 1982 г. (опечатка: нужно 1983 г.—Ред.) были арестованы руководители и активисты НПИ, а 4 мая 1983 г. власти объявили о запрещении Народной партии и предприняли массовые аресты ее членов» (с. 201).

Представляется, что автор не испытывал потребности делить постмонархический период на этапы, несмотря на брошенную (видимо, вскользь) фразу о «первом этапе революции».

В сборнике статей «Актуальные проблемы стран Ближнего и Среднего Востока», изданном в 1986 г., увидела свет статья М. И. Крутихина «Выдвижение программ социально-экономических и политических преобразований после свержения шаха в Иране (февраль—март 1979 г.)». Ее хронологические рамки делают необоснованными поиски в ней ответа на тот вопрос, с которым мы обращались к другим статьям. Поэтому мы подходим к ней с несколько иной позиции: увидел ли ее автор, с одной стороны, социальные силы, которые стремились к монопольной власти в случае свержения монархии, а с другой — обнаружил ли он социальные силы, которые подметили такое стремление у кого-либо из участников антишахской борьбы? Несколько забегаая вперед, ответим на этот вопрос утвердительно.

«Начавшаяся еще до тегеранского восстания 9—12 февраля 1979 г. борьба за власть накладывала неизбежный отпечаток на тон, форму и в целом на сущность предлагавшихся социально-экономических и политических изменений» (с. 103), — констатирует М. И. Крутин и обращает свой взгляд на религиозную оппозицию, видимо, считая ее главной, если не единственным претендентом на власть. «Руководители религиозной оппозиции сначала воздерживались от формулирования конструктивных программ налаживания жизни в послешахском Иране, ограничиваясь крайне абстрактными рассуждениями в духе исламского эгалитаризма. Это было обусловлено несколькими причинами» (с. 103). Дав развернутое изложение этих причин (с. 103—105), автор приходит к выводу, что в «атмосфере революционного энтузиазма и самых радужных видов на будущее, вызванных быстрым падением шахской власти... попытки возрождения мракобесия казались совершенно немыслимыми; страна стояла

на пороге нового культурного взлета, а проявлений прогрессивных общественных тенденций было более чем достаточно» (с. 105).

Как же духовенство намеревалось достичь своей цели, которую автор, на наш взгляд, вполне обоснованно определяет как монополизацию власти? По-«Естественно, что для перестройки общественных настроений в нужном ключе сторонникам теократической „исламской республики“ требовался длительный период тщательной подготовки. Им необходима была последовательная дискредитация политических соперников: от буржуазно-либеральных до левых демократических (а также обеспечение реальных „тылов“ — создание теократического государственного аппарата), от соответствующей конституции до парламента с абсолютным преобладанием духовенства (своеобразной коалиции двух группировок священнослужителей: представляющих крупный торговый капитал и „мелкобуржуазных“). Надо было спешить и с учреждением собственного карательного механизма в виде Корпуса стражей исламской революции. Названным силам приходилось молчать относительно своих долгосрочных планов, работать в союзе с либеральными политиками и исподволь готовиться к монополизации власти» (с. 105).

Как уже упоминалось, автор увидел и политическую силу, которая обнаружила стремление шиитских богословов к монопольной власти. То были федаи.

Вначале безотносительно к статье М. И. Крутихина заметим, что из всех политических сил, участвовавших в штурме монархии, в условиях всеобщего раболепствования перед Хомейни лишь федаи осмелились во всеуслышание в открытом письме сказать находившемуся еще в Париже аятолле, что они поняли его сокровенный замысел. Этот факт — и печальный (потому что проявился в условиях всеобщего малодушия), и отрадный (потому что нашлась все-таки сила, которая сказала Хомейни всю правду) — в советской литературе был отмечен А. Б. Резниковым в книге «Иран: падение шахского режима» и автором рассматриваемой статьи.

Итак, М. И. Крутин пишет: «Организация федаев, пожалуй, раньше других сделала заключение об опасном стремлении сторонников „исламской республики“ единолично воспользоваться всеми плодами антишахского движения. Еще 20 января 1979 г., в разгар уличных выступлений, федаи направили аятолле Хомейни открытое письмо, за которым последовали другие послания в том же духе, предупреждая: „Если в Вашем понимании ислам и исламское движение — это продолжение антиимпериалистической и антидеспотической борьбы, то мы искренне приветствуем такую точку зрения. Если же, напротив, целью обращения к исламу и его учению является подавление иных идей и мнений, препятствование свободе мышления народа и восстановление цензуры мнений под лозунгами „Единственная партия — партия Аллаха, единственный вождь — Рухолла“, то мы уверены, что все иранцы-патриоты осудят такую цель (с. 112)»⁶.

⁶ В статье М. И. Крутихина цитирование открытого письма федаев на этом обрывается. Но в связи с важностью рассматриваемого вопроса приведем из книги А. Б. Резникова частичное продолжение этого письма, которое автор дает как в пересказе, так и путем цитирования: «Федаины писали, что обращаются к Хомейни, поскольку понимают: на данном этапе революции победа над империализмом и его пособниками зависит от его решений, хотя в революциях дело решают не герои-одиночки, а массы. Они подчеркивали, что дело даже не в том, что такого рода действия со стороны духовенства, т. е. попытки монополизировать революцию и подавить всякие оппозиционные мнения, лют воду на мельницу империалистических кругов, и даже не в том, что реакционная позиция части духовенства дает повод империалистической пропаганде обвинять иранскую революцию в „мракобесии“. Дело прежде всего в том, говорилось в послании, что священнослужители пытаются дискредитировать подлинных борцов за свободу. Они наносят оскорбления „патриотам, которые все черные годы диктатуры сражались в огне и крови и всей своей жизнью доказали преданность делу народа... Распад шахского режима показал: подавление мыслей и идей не может дать желаемого эффекта, напротив, оно ведет к тайному росту недовольства и оппозиции...» Аятолла Хомейни

Для вопроса, под углом зрения которого написан данный обзор, представляется весьма важной оценка, которую дает М. И. Крутихин действиям феодалов и «подобным им леворадикальным организациям» в пору, близкую к дням тегеранского восстания. Они «практически сразу же противопоставили себя клерикальной группировке, но, ограничиваясь тогда в основном декларациями и митингами на территориях вузов, сделали очень мало реально значимого для налаживания контактов с массами. Их программы остались на бумаге, а усиленно формировавшаяся в соответствии с этими программами „народная армия“ превратилась в итоге в подпольные вооруженные отряды сопротивления исламско-республиканскому режиму» (с. 112—113).

На наш взгляд, приведенный выше подход автора, пусть и на «зародышевом» уровне, позволяет сказать, что события последующих лет представляли собой не откат и не кризис революции, а борьбу, безуспешную, трагическую, леворадикальных сил с «исламским режимом», сформированным захватившими в стране власть шиитскими богословами.

Мы надеемся, что судить о том, насколько состоятельна позиция, с которой дан анализ советской исторической литературы по темам «Иранская революция 1978—1979 гг.» и «История Исламской Республики Иран», читателю поможет предложенная его вниманию монография.

не ответил на это письмо. Не ответил на него в печати и ни один сколько-нибудь видный религиозный деятель» (с. 66, 67).

Предисловие (А. З. Арабаджян)	3
Глава I. Социально-экономические предпосылки и причины революции	6
Сдвиги в социально-классовой структуре иранского общества в канун революции (З. А. Арабаджян)	6
Усиление неравномерности в распределении доходов в городе (З. А. Арабаджян)	16
Особенности экономического развития Ирана в 60—70-е годы (А. З. Арабаджян)	22
Глава II. Социально-политические и идеологические предпосылки и причины революции	26
Монархия, конституция и конституционные свободы (А. З. Арабаджян)	26
Монархия и ее политические партии (А. З. Арабаджян)	31
Политические организации антишахских сил (Л. Е. Скляров)	42
Участие студенчества в общественном движении в 60—70-е годы (В. И. Юртаев)	46
Обострение национальных противоречий (О. И. Жигалина)	56
Глава III. Монархия Мохаммеда Резы Пехлеви в его собственном изображении. Ее взаимоотношения с различными классами и социальными группами иранского общества в канун революции (А. З. Арабаджян)	62
Глава IV. Общественная мысль Ирана 60—70-х годов как фактор формирования предпосылок и причин революции	77
Условия формирования общественной мысли в 60—70-е годы (А. З. Арабаджян)	77
Джелал Але Ахмад (В. Б. Кляшторина)	78
Мехди Базарган (А. К. Лукоянов)	82
Али Шариати (А. К. Лукоянов)	85
Некоторые черты эволюции общественной мысли в 70-е годы (культурологический аспект) (В. Б. Кляшторина)	89
Глава V. Вызревание революционной ситуации и перерастание ее в революцию	98
Возникновение антишахского движения и его эволюция (Л. Е. Скляров)	98
Вступление в борьбу рабочего класса и перерастание революционной ситуации в революцию (Л. Е. Скляров)	105
Глава VI. Крах монархического режима	112
Создание правительства Ш. Бахтияра (Л. Е. Скляров)	112
Курс альянса светских и религиозных деятелей оппозиции на сговор с армией (Л. Е. Скляров)	122
Февральское вооруженное восстание (Л. Е. Скляров)	133
Влияние внешнего фактора на развитие ситуации в Иране (А. М. Бининашвили)	136
Глава VII. Временное правительство М. Базаргана	160
Возникновение различных центров власти (Л. Е. Скляров)	160

Создание духовенством Корпуса стражей исламской революции как инструмента борьбы за безраздельное политическое господство (А. П. Шестаков)	163
Внутриполитические мероприятия правительства М. Базаргана в условиях сосуществования с другими центрами власти (М. И. Крутихин)	171
Экономическая деятельность правительства М. Базаргана (Н. М. Мамедова)	187
Глава VIII. Формирование конституционных органов власти	201
Разработка и принятие конституции Исламской Республики Иран. Ее содержание (С. М. Алиев)	201
Отражение национального вопроса в конституции (О. И. Жигалина)	210
Президентские выборы, выборы в меджлис, формирование конституционного правительства (С. М. Алиев)	212
Глава IX. Усиление борьбы верхушки духовенства за монопольное обладание властью	219
Внутренняя политика правительства Раджан. Начало ирано-иракской войны (Е. А. Дорошенко)	219
Обострение противоборства в верхах и устранение А. Банисадра с поста президента (Е. А. Дорошенко)	232
Наступление исламского режима на левые силы. Разгром Организации моджахедов иранского народа (В. Н. Пластун)	241
«Исламская культурная революция» (Е. А. Дорошенко)	253
Глава X. Стабилизация исламского режима	259
Студенчество и высшие учебные заведения как объекты «исламской культурной революции» (В. И. Юртаев)	259
Подрыв национальных движений как фактор стабилизации исламского режима (О. И. Жигалина)	267
Преобразование органов государственной власти в целостную систему (В. К. Зотов)	274
Глава XI. Внутриполитический курс ИРИ в 1981—1988 гг.	283
Образование основных религиозно-политических группировок правящего духовенства (А. П. Шестаков)	283
Особенности формирования режима теократической диктатуры (А. П. Шестаков)	296
Борьба за власть в правящих кругах ИРИ и усиление экстремистских тенденций (А. П. Шестаков)	313
Глава XII. Социально-экономический курс исламского режима (1980—1988)	346
Концептуальные и законодательные основы «исламской экономики» (Н. М. Мамедова)	356
Некоторые аспекты экономической политики исламского режима (Н. М. Мамедова)	356
Глава XIII. Идеология и культура ИРИ	367
Идеология исламского режима (В. К. Зотов)	367
Культура (Л. Е. Авдеева)	372
Литература (В. Б. Кляшторина)	378
Глава XIV. Внешняя политика ИРИ	384
Первые внешнеполитические акции ИРИ. Внешняя политика Временного революционного правительства (Л. М. Кулагина)	384
Внешняя политика ИРИ в период политического кризиса, вызванного захватом сотрудников посольства США (Л. М. Кулагина)	387
Внешнеполитический курс ИРИ в условиях ирано-иракской войны (Л. М. Кулагина)	394
Внешнеэкономические связи ИРИ (Л. М. Кулагина)	405

ИРИ и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке (А. М. Бининашвили)	416
ИРИ — СССР (А. З. Арабаджян)	438
Общая оценка внешней политики ИРИ (Л. М. Кулагина)	445
Заключение (А. З. Арабаджян)	450
Примечания	464
Приложения	508
Приложение 1. Статистические таблицы (З. А. Арабаджян)	508
Приложение 2. О вписанности внешнего блока экономических факторов в экономику Ирана (А. З. Арабаджян)	512
Приложение 3. Отрывки из письма иранского публициста Али Асгара Хадж Сейеда Джавади (пер. Д. С. Рождественской)	515
Приложение 4. Письмо группы представителей интеллигенции (пер. Д. С. Рождественской)	517
Приложение 5. Письмо Союза писателей Ирана (пер. Д. С. Рождественской)	520
Приложение 6. Джелал Але Ахмад (биографическая справка) (В. Б. Кляшторина)	523
Приложение 7. Али Шарнати (биографическая справка) (А. К. Лукоянов)	525
Приложение 8. Обзор советской исторической литературы по темам «Иранская революция 1978—1979 гг.» и «История Исламской Республики Иран» (А. З. Арабаджян)	527

Научное издание

**ИРАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1978—1979
Причины и уроки**

Редактор *И. М. Дижур*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректоры *Г. П. Каткова,*
М. В. Малькова, П. С. Шин

ИБ № 16054

Сдано в набор 29.06.88. Подписано к печати 24.01.89. А-10504. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 35,0. Усл. кр.-отт. 35,0. Уч.-изд. л. 41,64. Тираж 2150 экз. Изд. № 6568. Зак. № 562.
Цена 5 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**Иранская революция 1978—1979 гг. Причины и
И77 уроки.— М.: Наука, Главная редакция восточной
литературы, 1989.— 557 с.**

ISBN 5-02-016676-6

Монография является комплексным исследованием предпосылок и результатов иранской революции 1978—1979 гг. В ней дан анализ экономических, социальных, идеологических, культурологических и политических причин революции, описан ход самой революции, а также события послереволюционного периода. Показан глубоко противоречивый характер этих процессов на различных этапах, даны оценки сущности и политики исламского режима и наиболее важных событий исследуемого периода.

И 0803000000-042 149-88
013(02)-89

ББК. 63.3(0)6 (5Ирн)